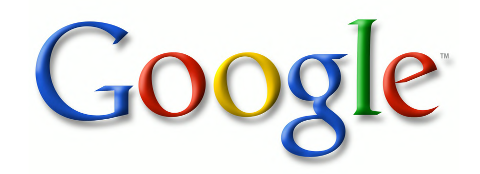

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

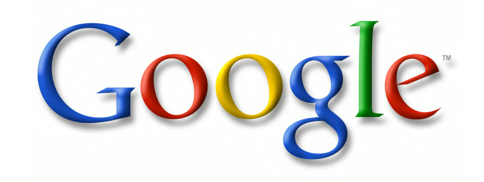
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

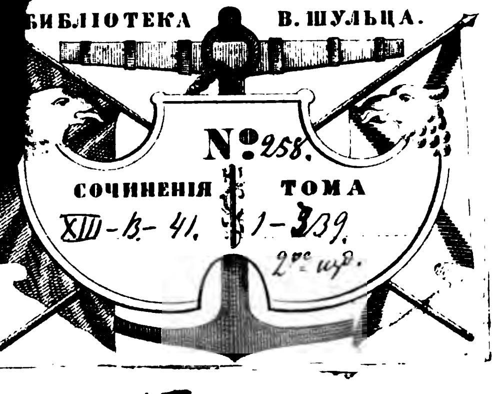
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

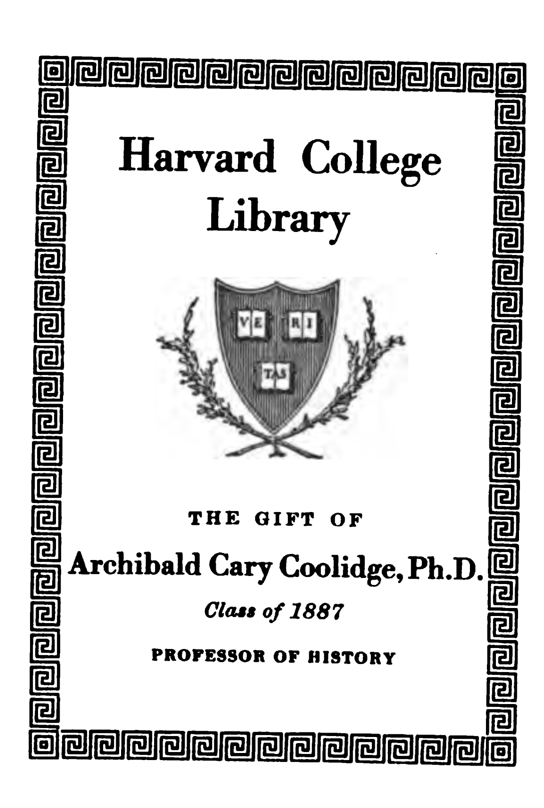
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

VJap 1308.11

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

ВАСИЛІЯ МИХАЙЛОВИЧА ГОЛОВНИНА

ВЪ ПЛѢНУ

У ЯПОНЦЕВЪ

ВЪ 1811, 1812 И 1813 ГОДАХЪ,

И

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ АВТОРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1851.

Digitized by Google

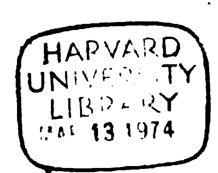
V Jap 1308.17

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
25 OCT 1924

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 23-го Ноября 1850 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Digitized by Google

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

Василія Михайловича Головнина.

Василій Михайловичъ Головнинъ родился Рязанской Губерніи, Пронскаго Уѣзда, въ родовомъ имѣніи своемъ, селѣ Гулынкахъ, 8-го Апрѣля 1776 года. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи Рязанской Губерніи. Девять поколѣній его предковъ постоянно служили дворянами въ дружинахъ Великихъ Князей и въ войскахъ Царей Московскихъ, и за походы противъ Литовцевъ, Поляковъ, Крымскихъ Татаръ, Турокъ и Ливонскихъ Рыцарей, жалованы были помѣстьями и вотчинами. Два брата Головнины, Василій и Осипъ, были убиты подъ Смоленскомъ во время мужественной защиты онаго Бояриномъ Шеинымъ. Отецъ Василія Михайловича Головнина и дѣдъ служили въ Преображенскомъ Полку. На шестомъ году отъ роду былъ онъ, по тогдашнему обычаю, записанъ въ гвардію, сержантомъ, въ ~~тотъ же~~ полкъ. Девяти лѣтъ лишился своихъ родителей. Родственники опредѣлили его въ 1788 году, на тринадцатомъ году отъ рожденія, въ Морской Кадетскій Корпусъ. Бѣдный сирота очутился на чужбинѣ, одинъ, безъ

Digitized by Google

родныхъ, безъ покровителей, безъ наставниковъ, не зная никого во флотѣ, не имѣя даже, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ, мичмана своимъ покровителемъ. Что̀ можетъ быть, привело бы въ уныніе другаго и лишило бодрости на неизвѣстномъ пути, то ободрило отрока тихаго, прилежнаго, умнаго, разсудительнаго. Съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ началъ онъ размышлять о жизни, о цѣнѣ ея, о назначеніи человѣка, о величіи и прелести науки, о святости долга и службы, о славѣ, пріобрѣтаемой подвигами чести, особенно на томъ бурномъ поприщѣ, которое ему представлялось въ будущемъ. Товарищи его, въ праздничные и вакантные дни, разъѣзжались по домамъ, бросались въ веселый и беззаботный кругъ друзей и родственниковъ, и, по истеченіи праздниковъ, возвращаясь въ корпусъ, неохотно принимались за работу. Головнинъ не зналъ этихъ развлеченій: трудъ, ученіе, размышленіе были его забавою и отрадою. Это одиночество дѣтскихъ лѣтъ, устранивъ его отъ шумныхъ удовольствій и суетъ, придало характеру его твердость, самостоятельность и какое-то отчужденіе отъ обществъ свѣтскихъ, которыя онъ во всю свою жизнь посѣщалъ только по долгу и необходимости. Въ 1790-мъ году, чрезъ два года по вступленіи въ корпусъ, произведенъ онъ былъ, за успѣхи въ наукахъ и благонравное поведеніе, въ гардемарины, и отправленъ въ море на кораблѣ «Не тронь-Меня», подъ начальствомъ Капитана Тревенина. 23-го и 24-го Мая онъ находился на этомъ кораблѣ, въ эскадрѣ Вице-Адмирала Круза (*), въ сраженіи Русскаго Флота съ Герцогомъ Зюдерманландскимъ, при островѣ Сескарѣ. Пораженные здѣсь Шведы удалились въ Выборгскій Заливъ, гдѣ были заперты Чичаговымъ (**). Густавъ рѣшился

(*) Списокъ судамъ, составлявшимъ эту эскадру прилагается (приложеніе № I).

(**) Списокъ судамъ эскадры Чичагова прилагается (прил. № II).

Digitized by Google

пробиться, и 22-го Іюня самъ повелъ свои корабли изъ залива подъ непрерывнымъ огнемъ Русскаго Флота. Головнинъ находился, во время этого сраженія, на томъ же корабле «Нетронь-Меня,» который стоялъ тогда между мысомъ Крюсерортомъ и банкою Сальворомъ. Четырнадцатилѣтній гардемаринъ, за оказанную имъ въ трехъ сраженіяхъ храбрость, былъ награжденъ медалью. Въ 1791 году онъ былъ произведенъ въ капралы, а въ 1792-мъ въ сержанты (*). Въ этихъ годахъ онъ ходилъ въ море на корабляхъ: «Три-Святителя» (Капитанъ Мосоловъ), «Изяславъ» (Капитанъ Сиверсъ), и «Прохоръ» (Капитанъ Скорбѣевъ). Въ 1792-мъ году слѣдовало ему быть выпущеннымъ изъ корпуса въ офицеры, по этому встрѣтилось препятствіе: онъ кончилъ на семнадцатомъ году курсъ наукъ, который положено оканчивать на осьмнадцатомъ, и оставленъ былъ въ корпусѣ по малолѣтству. Сверстники, не имѣвшіе равнаго съ нимъ числа балловъ (онъ на экзаменѣ занялъ второе мѣсто изъ всѣхъ), надѣли офицерскіе мундиры, а онъ оставался въ кадетскомъ. Горькая участь для молодаго, честолюбиваго человѣка! Но это непріятное происшествіе послужило ему въ существенную пользу. До того времени, онъ занимался исключительно изученіемъ главныхъ предметовъ знанія, необходимыхъ для морской службы—науками математическими. Теперь обратилъ онъ вниманіе свое на предметы словесности и исторію, изучалъ собственнымъ трудомъ физику и естественную исторію; съ жаднымъ любопытствомъ читалъ книги о морскихъ походахъ и битвахъ, о путешествіяхъ въ дальнія, неизвѣстныя страны, о великихъ географическихъ открытіяхъ. Цѣлый міръ славы и чести представлялся пламенному юношѣ. Чтеніе англійскихъ моралистовъ укрѣпило его нравственныя силы, познакомило

(*) Сержанты исполняли въ то время разныя служебныя обязанности въ корпусѣ, и получали жалованье.

Digitized by Google

съ достоинствомъ человѣка, научило познавать себя, владѣть собою, отличать истинную честь и славу отъ тщеславія и наружнаго блеска, а описанія морскихъ путешествій поселили въ немъ непреодолимую страсть къ путешествіямъ. Наступило вожделѣнное время выпуска. Это было въ Январѣ 1793 года. Головнинъ, сдѣлавшись господиномъ своего времени, не тратилъ его на забавы и развлеченія: онъ воспользовался имъ для довершенія своего образованія; продолжалъ учиться Англійскому и Французскому Языкамъ, читалъ книги, самъ задавалъ себѣ вопросы. Но вскорѣ обязанности службы отвлекли его отъ мирныхъ занятій кабинетныхъ. Родственники совѣтовали ему заняться устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ, и для того посѣтить родовое свое имѣніе, которое было въ чужихъ рукахъ, и приходило съ году на годъ въ бо́льшее разстройство. Онъ не рѣшился на это, и хотѣлъ лучше потерять свое имущество, нежели упустить случай къ трудамъ, подвигамъ и отличію. Продолжая службу, онъ надѣялся имѣть возможность путешествовать.

Дѣйствительно, съ самаго начатія службы, онъ почти безпрерывно находился въ походахъ и за границею. Въ 1793 и 1794-мъ годахъ на военномъ транспортѣ «Анна-Маргарита» (Капитанъ Креницынъ) ходилъ онъ въ Стокгольмъ съ посломъ нашимъ Графомъ С. П. Румянцовымъ. Въ Маѣ 1795 года Головнинъ отправился въ море на кораблѣ «Рафаилъ» (сначала Капитанъ Игнатьевъ, а послѣ Капитанъ Урлихъ), во вспомогательной эскадрѣ Вице-Адмирала Ханыкова, посланной въ Англію (*) въ то время, когда Императрица Екатерина, прекративъ сношенія съ Франціею, и желая сблизиться съ Великобританніею, одобрила предложеніе Англійскаго Кабинета о заключеніи тройнаго союза противъ Франціи, изъ Россіи, Англіи и Австріи. На

(*) Списокъ судамъ этой эскадры прилагается (прил. № III).

Digitized by Google

«Рафаилъ» и на фрегатѣ «Нарва» (Капитанъ Трескинъ) В. М. Головнинъ ходилъ нѣсколько разъ въ Англію и Норвегію, и въ Октябрѣ 1796 года возвратился въ Кронштадтъ. Въ 1797 году онъ былъ назначенъ на корабль «Константинъ» (Капитанъ Гревенсъ), и затѣмъ флагъ-офицеромъ къ Адмиралу Крузу, на корабль «Св. Николай» (Капитанъ Графъ Капеласъ), и находился въ эскадрѣ, состоявшей подъ личнымъ начальствомъ Императора Павла.. Въ 1797 и 1798 годахъ ходилъ онъ въ Сѣверное Море и въ Англію на корабляхъ: «Ретвизанъ» (Капитанъ Грейгъ), «Елисавета» (Капитанъ Шешуковъ) и «Сѣверный Орелъ» (Капитанъ Свитинъ). Въ 1798-мъ году онъ опять отправился въ Англію на кораблѣ «Елисавета», въ должности флагъ-офицера и переводчика при главнокомандующемъ русскою вспомогательною эскадрою, Вице-Адмиралѣ Макаровѣ (*), и въ Августѣ 1799 года участвовалъ въ высадкѣ десанта на берега Голландіи и въ нѣсколькихъ бывшихъ при томъ сраженіяхъ, которыя, не взирая на упорное сопротивленіе Голландцевъ, кончились въ пользу Русскихъ и Англичанъ. — Макаровъ, замѣтивъ необыкновенныя дарованія и отличную службу Головнина, возлагалъ на него важнѣйшія порученія. Въ 1799 году произведенъ онъ былъ, по представленію Макарова, за отличіе въ лейтенанты, а въ 1800 г. воротился въ Россію. Въ этомъ году и въ слѣдующемъ Головнинъ ходилъ въ море на корабляхъ: «Ростиславъ» (Капитанъ Талакшеевъ) и «Всеволодъ» (Капитанъ Гревенсъ). — Одно исчисленіе судовъ, на которыхъ онъ находился въ морѣ, доказываетъ, что онъ постоянно искалъ дѣйствительной морской службы, и старался проводить большую часть года подъ парусами, а не на берегу.

По вступленіи на престолъ Императора Александра, водворился общій миръ въ Европѣ, и нашей морской силѣ не предвидѣлось ни какихъ новыхъ подвиговъ. Головнинъ

(*) Списокъ судовъ эскадры Макарова прилагается (прил. № IV).

Digitized by Google

много пріобрѣлъ знанія и опытности въ предшествовавшихъ походахъ, но чувствовалъ, что этого еще мало, особенно когда сравнивалъ себя въ образованіи съ англійскими морскими офицерами, которыхъ ему случалось видѣть. Вскорѣ представилась ему возможность дополнить свое морское образованіе. Въ 1801 году былъ онъ отправленъ на три года въ Англію, въ числѣ нѣсколькихъ волонтеровъ (*), избранныхъ изъ лучшихъ морскихъ офицеровъ, для служенія на Англійскомъ Флотѣ. Бывшій тогда Морской Министръ, Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, отправляя ихъ въ Англію, сказалъ имъ: „Вы должны знать, что васъ Государь посылаетъ служить въ Англійскомъ Флотѣ не на одинъ только тотъ конецъ, чтобъ вы тамъ учились корабельнымъ маневрамъ, но вы обязаны входить и узнавать внутреннее устройство и хозяйство всего морскаго департамента, и сверхъ того, при случаѣ, замѣчать и узнавать состояніе земледѣлія, мануфактуръ, торговли и пр., дабы быть въ состояніи употребить ваши свѣдѣнія на пользу отечества, въ служеніи коему вы можете занять со временемъ значительныя мѣста." Головнинъ всегда помнилъ это наставленіе, и въ полной мѣрѣ воспользовался случаемъ для обогащенія себя полезными свѣдѣніями. По прибытіи въ Англію, занимался онъ неутомимо высшими науками по своей части, жилъ тихо, отказывалъ себѣ во всемъ, чтобъ только пользоваться уроками первостепенныхъ профессоровъ. Обогатившись теоретическими свѣдѣніями, поступилъ онъ на дѣйствительную службу на Британскомъ Флотѣ. Головнинъ служилъ на разныхъ корабляхъ и въ разныхъ частяхъ Свѣта, подъ начальствомъ знаменитыхъ англійскихъ адми-

(*) Офицеры эти были слѣдующіе: Лейтенанты: М. Миницкій, Ф. Мендель, П. Рикордъ, Г. Коростовцевъ, Ф. Станицкій, А. Бутаковъ; Мичманы: Ф. Давыдовъ, Н. Шигоринъ, Л. Гагемейстеръ, А. Вистингаузенъ, А. Харламовъ, А. Поздѣевъ.

Digitized by Google

раловъ Корнваллиса, Нельсона, Коллингвуда, обратилъ на себя ихъ вниманіе, и пріобрѣлъ уваженіе всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Онъ находился при блокадѣ Тулона (въ Августѣ 1804 г.), а ночью съ 19-го на 20-е Января 1805 г. участвовалъ въ весьма опасномъ сраженіи, въ заливѣ Сервера, у береговъ Испаніи. При абордажѣ греческаго пирата гребными судами, посланными съ англійскаго фрегата «Фисгардъ,» Головнинъ вызвался добровольно участвовать въ абордажѣ. Англичане потеряли въ этомъ дѣлѣ четвертую часть своихъ людей. Командиръ «Фисгарда», Лордъ Маркерръ, съ величайшею похвалою отзывался о неустрашимости, оказанной въ этомъ дѣлѣ Лейтенантомъ Головнинымъ. (*).

Въ 1805 году кончился срокъ службы его въ Англіи, но желая побывать въ Вестъ-Индіи, испросилъ онъ позволеніе на то посла нашего, Графа Семена Романовича Воронцова, и прослужилъ еще годъ въ Англійскомъ Флотѣ, на своемъ иждивеніи. Передъ отправленіемъ въ Вестъ-Индію онъ послалъ Морскому Министру Чичагову сравнительныя замѣчанія свои о состояніи Русскаго и Англійскаго Флотовъ — плодъ основательнаго изученія службы и устройства того и другаго. Возвратись изъ Вестъ-Индіи, онъ находился при блокадѣ Кадикса Коллингвудомъ, въ Мартѣ 1806-го

(*) Головнинъ служилъ въ Англійскомъ Флотѣ на слѣдующихъ судахъ: городъ Парижъ (ville de Paris), Капитанъ Рикетсъ (Ricketts); Дреднотъ (Dreadnought), Капитанъ Бресъ (Brace); Плантагенетъ (Plantagenet), Капитанъ де-Курси (de Courcy); Фисгардъ (Fisgard), Капитанъ Лордъ Маркерръ (Lord Marckerr); Минотавръ (Minotaur), Капитанъ Мансфильдъ (Mansfield); Сигорсъ (Seahorse), Капитанъ Корбетъ (Corbett); Ильдефонса (Ildefonsa), Капитанъ Вилліамъ (William). Послѣдній корабль замѣчателенъ тѣмъ, что онъ былъ вооруженъ только 24 фунт. пушками на обоихъ декахъ. Онъ былъ взятъ Англичанами въ Трафальгарскомъ Сраженіи.

Digitized by Google

года, а въ Августѣ того же года прибылъ въ Петербургъ, чрезъ Стокгольмъ и Финляндію съ депешами отъ Посланника нашего въ Лондонѣ, Графа Строганова. Въ томъ же году, вскорѣ по прибытіи въ Россію, назначенъ онъ былъ командиромъ шлюпа «Діана», назначавшагося въ кругосвѣтное путешествіе (*). Шлюпъ долженъ былъ отправиться въ путь лѣтомъ 1807 года. Время, остававшееся отъ заботъ о вооруженіи шлюпа, Головнинъ употребилъ на составленіе книги: „Военные морскіе сигналы для дневнаго и ночнаго времени, по новой системѣ, введенной тогда въ Англіи." Эти сигналы были потомъ въ употребленіи на Русскомъ Флотѣ въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ. Главнымъ предметомъ экспедиціи шлюпа «Діана» были географическія открытія и описи въ сѣверной части Великаго Океана, преимущественно въ предѣлахъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвезеніе въ Охотскій Портъ разныхъ морскихъ снарядовъ. — 25-го Іюля «Діана» снялась съ якоря. Головнинъ пустился въ путешествіе, которое долженствовало быть для него такъ славно и такъ ужасно.

Экипажъ «Діаны» составленъ былъ изъ отборныхъ людей, и снабженъ всѣмъ нужнымъ для долговременнаго путешествія и для произведенія ученыхъ наблюденій. Первымъ помощникомъ испросилъ онъ себѣ перваго своего друга П. И. Рикорда. В. М. Головнинъ умѣлъ сочетать искренность дружества со всею строгостью, какой требуетъ служба, и служба флотская. Онъ былъ готовъ, при помощи усердныхъ и неустрашимыхъ товарищей своихъ, бороться со всѣми препятствіями, какія только природа противопоставитъ его плаванію, готовъ былъ, въ случаѣ нужды, вы-

(*) Два судна Россійско-Американской Компаніи, Надежда и Нева, совершили еще прежде того кругосвѣтное плаваніе подъ русскимъ флагомъ, но суда эти были куплены въ Англіи, а Діана была судномъ русскимъ, въ полномъ значеніи сего слова: въ постройкѣ, вооруженіи, приготовленіи и управленіи Діаны не участвовала ни одна иностранная рука.

Digitized by Google

держать и неравный бой, но съ нимъ встрѣтились обстоятельства, которыхъ ни онъ и ни кто другой не могъ предвидѣть. За мѣсяцъ до отбытія его изъ Кронштадта, заключенъ былъ миръ Россіи съ Франціею, въ Тильзитѣ, разумѣется безъ согласія и противъ желанія Англіи, но отъ этого было еще далеко до дѣйствительнаго разрыва долговременной дружбы и союза ея съ Россіею. Между тѣмъ, по прибытіи къ берегамъ Даніи, Головнинъ узналъ о нападеніи Англичанъ на нейтральную Данію: Копенгагенъ былъ въ осадѣ съ моря и съ суши. Онъ хотѣлъ освѣдомиться о положеніи дѣлъ у нашей миссіи, а посланникъ, со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, былъ въ Роскильдѣ. Нашъ мореплаватель, бывъ свидѣтелемъ бомбардированія Копенгагена англійскимъ флотомъ, рѣшился продолжать предписанный ему путь (*); пришелъ въ Портсмутъ 6-го Сентября, и принужденъ былъ пробыть тамъ два мѣсяца, чтобъ запастись многими необходимыми инструментами и другими

(*) Въ описаніи путешествія шлюпа Діана содержатся нѣкоторыя подробности бомбардированія Копенгагена. Головнинъ насчиталъ до 22-хъ линѣйныхъ англійскихъ кораблей, которые осаждали городъ, много фрегатовъ, шлюповъ и другихъ мелкихъ судовъ и до 200 транспортовъ. Бомбардирскія суда начали дѣйствовать 8-го числа. Головнинъ, будучи отъ нихъ недалеко, видѣлъ, какъ нѣкоторыя бомбы разрывало на воздухѣ, но какое дѣйствіе произвели тѣ изъ нихъ, которыя упали въ городъ, примѣтить не могъ. Датчане отвѣчали сильнымъ огнемъ съ баттарей Трехъ-Коронной и Провистейнъ. Нѣсколько сотъ орудій рикошетными выстрѣлами подымали воду до невѣроятной высоты. Тысячи фонтановъ вдругъ представились зрителямъ. Громъ артиллеріи придавалъ этому зрѣлищу еще болѣе величія. Впрочемъ, ядра не могли доставать до англійскихъ кораблей. «Картина эта, говоритъ Головнинъ, была весьма интересна для того, кто посвятилъ себя военной службѣ, особенно военной морской. Видѣть обширную приморскую столицу, аттакуемую съ моря сильными флотами, а съ берега сухопутными силами, и которую гарнизонъ и жители рѣшились защищать до послѣдней крайности, можетъ быть не удастся во всю жизнь; такіе примѣры не часто встрѣчаются въ исторіи народныхъ браней.»

Digitized by Google

вещами. Между тѣмъ слухи о войнѣ Англіи съ Россіею становились громче и повсемѣстнѣе. Въ этихъ обстоятельствахъ Головнинъ обратился къ нашему посольству съ просьбою исходатайствовать ему у Англійскаго Правительства паспортъ, какіе даются судамъ, плавающимъ для открытій и съ ученою цѣлью. Правительство согласилось и выдало паспортъ на свободное и безопасное плаваніе шлюпа. Діана отправилась въ путь 1-го Ноября, и останавливалась только у Острова Св. Екатерины, при берегахъ Бразиліи, чтобъ запастись нужною провизіею. Головнинъ намѣренъ былъ достигнуть Камчатки Тихимъ Океаномъ, обогнувъ Мысъ Горнъ. Встрѣченныя тутъ жестокія бури, заставили его спуститься къ Мысу Доброй-Надежды, съ тѣмъ, чтобъ исправясь и освѣжась тамъ, плыть въ Камчатку уже вокругъ Новой Голландіи. На мысѣ, вмѣсто отдыха, ожидалъ его плѣнъ. Выше было сказано, что ожиданіе разрыва между Россіею и Англіею, еще до отправленія «Діаны» изъ Европы, побудило Головнина взять на этотъ случай паспортъ отъ Англійскаго Правительства. Но этотъ документъ, подписанный въ тотъ самый день, когда объявлена была между обѣими державами война, послужилъ къ тому только, что шлюпъ не былъ въ то же время осужденъ, какъ законный призъ, и что его задержали подъ сомнѣніемъ, до полученія разрѣшенія изъ Англіи. Въ ожиданіи сего, Головнинъ приготовлялъ свое судно къ походу. Но чрезъ восемь мѣсяцевъ, по прибытіи изъ Англіи нѣкоторыхъ депешъ, въ которыхъ будто бы о Діанѣ не упоминалось, начальствовавшій Капскою Станціею адмиралъ вынудилъ у Головнина письменное обязательство не уходить изъ залива безъ разрѣшенія, грозя, въ случаѣ несогласія его на это предложеніе, свезти экипажъ на берегъ какъ плѣнный, и держать шлюпъ подъ англійскимъ карауломъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, безъ всякихъ будто бы извѣстій изъ Англіи. Молчаніе это могло быть изъяснено

Digitized by Google

только расчетомъ, что Головнинъ, не находя наконецъ средствъ содержать и продовольствовать свою команду, долженъ будетъ согласиться на все. Съ этою же цѣлію, конечно, англійскій адмиралъ не только не оказывалъ ему ни въ чемъ ни малѣйшаго пособія, но еще дѣлалъ разныя притѣсненія, напримѣръ требуя, чтобы русскіе матросы были посылаемы работать на англійскія суда, въ чемъ однако Головнинъ прямо отказалъ ему. «Увѣрившись, говоритъ Головнинъ, что въ этомъ дѣлѣ, между Англичанами и мною, справедливость на моей сторонѣ, я рѣшился, не теряя перваго удобнаго случая извлечь порученную мнѣ команду изъ угрожавшей намъ крайности—уйти изъ залива и плыть прямо въ Камчатку.»

«Чтобъ оцѣнить всю смѣлость этой мысли,» говоритъ Вице-Адмиралъ Врангель, въ своей біографіи В. М. Головнина ~~(смотр. Энц.~~ Лекс.), «нужно замѣтить, что Діана была поставлена въ дальнѣйшемъ углу залива, возлѣ адмиральскаго корабля, и окружена многими другими кораблями и фрегатами, мимо которыхъ непремѣнно должно было проходить, что всѣ паруса были на ней отвязаны, что сверхъ того ни офицеры, ни команда не имѣли ни куска свѣжей провизіи, а сухарей было очень мало. Для успѣшнаго преодолѣнія всѣхъ этихъ препятствій требовалось большой рѣшительности, и столько же благоразумія и предусмотрительности.» . . . .

Долго не было случая, благопріятствовавшаго исполненію намѣренія Головнина; когда вѣтеръ способствовалъ, тогда на рейдѣ стояли фрегаты совсѣмъ готовые итти въ море, а когда съ этой стороны было безопасно, удерживалъ его вѣтеръ. Нѣсколько разъ днемъ, свѣжій вѣтеръ, попутный ему ~~отъ NW или отъ~~ W, начиналъ дуть, и Головнинъ всегда приготовлялся въ такихъ случаяхъ къ походу, но къ ночи вѣтеръ или стихалъ или совсѣмъ перемѣнялся и дѣлался противнымъ. . . . .

Digitized by Google

«Я зналъ, говоритъ онъ, что во всѣхъ гаваняхъ и рейдахъ, лежащихъ при высокихъ гористыхъ берегахъ, вѣтры очень часто дуютъ не тѣ, какіе въ то же время бываютъ въ открытомъ морѣ, а потому хотѣлъ точно узнать, какое здѣсь имѣютъ отношеніе прибрежные вѣтры къ морскимъ; на сей конецъ я часто ѣзжалъ на шлюпкѣ въ Фалсъ-бай, бралъ съ собою компасъ, и замѣчалъ силу и направленіе вѣтра; на шлюпѣ дѣлалось въ тѣ же часы то же. Послѣ многихъ опытовъ, я удостовѣрился, что когда въ Симанскомъ Заливѣ вѣтеръ дуетъ NW или W, при ясной или при облачной, но сухой погодѣ, то въ морѣ будетъ онъ отъ SW или отъ S, а иногда и отъ SO; всегда, когда въ такія погоды я ѣзжалъ въ Фалсъ-бай, свѣжій, порывистый вѣтеръ, отъ NW или W, мигомъ проносилъ шлюпку заливомъ, а на предѣлахъ Симанскаго Залива и Фалсъ-бая она входила въ штилевую полосу саженъ на пятьдесятъ или на сто, которую надобно было пройти на веслахъ; потомъ, лишь откроется море, тишина минуетъ и подхватитъ южный вѣтеръ болѣе или менѣе уклонившійся къ O или къ W, между тѣмъ, какъ на шлюпѣ въ Симанскомъ Заливѣ, по-прежнему, продолжаетъ дуть свѣжо и безпрестанно, до самой ночи, тотъ же NW или W вѣтеръ; но когда сіи вѣтры начнутъ дуть крѣпкими шквалами, принесутъ облачную мокрую погоду и дождливыя тучи, быстро по воздуху несущіяся къ SO, тогда можно смѣло быть увѣреннымъ, что и въ открытомъ морѣ дуетъ тотъ же вѣтеръ. NW вѣтры господствуютъ здѣсь въ зимніе мѣсяцы, а лѣтомъ они бываютъ чрезвычайно рѣдки; а потому-то мы ихъ ожидали очень долго; напослѣдокъ, 16-го Мая, сдѣлался крѣпкій вѣтеръ отъ NW; на вице-адміральскомъ кораблѣ паруса не были привязаны, а другія военныя суда, превосходившія силою Діану, не были готовы итти въ море; и хотя, по сигналамъ съ горъ, мы знали, что къ SO видны были два судна, лавирующія въ заливъ, которыя могли быть военныя, и можетъ быть фрегаты, но такъ какъ имъ невоз-

можно было приблизиться къ выходу прежде ночи, а положеніе наше оправдывало всякій рискъ, то, приготовясь къ походу, и въ сумеркахъ привязавъ штормовые стаксели, въ половинѣ седьмаго часа вечера, при нашедшемъ тогда сильномъ шквалѣ съ дождемъ и пасмурностью, я велѣлъ отрубить канаты, и, поворотясь на шпрингѣ, пошелъ подъ штормовыми стакселями въ путь. Едва успѣли мы перемѣнить мѣсто, какъ со стоявшаго недалеко отъ насъ судна тотчасъ въ рупоръ дали знать на вице-адмиральскій корабль о нашемъ вступленіи подъ паруса. Какія мѣры были приняты, чтобъ остановить насъ, мнѣ неизвѣстно. На шлюпѣ во все время была сохраняема глубокая тишина. Миновавъ всѣ суда, мы, спустясь въ проходъ, въ ту же минуту начали поднимать брамстеньги и привязывать паруса. Офицеры, гардемарины, унтеръ-офицеры и рядовые всѣ работали до одного на марсахъ и реяхъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю, что въ два часа они успѣли, не взирая на крѣпкій вѣтеръ, дождь и на темноту ночи, привязать фокъ, гротъ-марсели и поставить ихъ; выстрѣлить брамъстеньги на мѣста, поднять брамъ-реи, и брамсели поставить; поднять на свои мѣста лисель-спирты, продѣть всѣ лисельныя снасти и изготовить лисели такъ, что если бъ вѣтеръ позволилъ, то мы могли бы вдругъ поставить всѣ паруса. Въ десять часовъ вечера мы были въ открытомъ океанѣ: такимъ образомъ кончилось наше задержаніе, или, лучше сказать, нашъ арестъ на мысѣ Доброй-Надежды, продолжавшійся одинъ годъ и 25 дней.»

Намѣреніе Головнина было скорѣе удалиться къ югу, плыть въ большихъ широтахъ прямо къ востоку, и обогнувъ Новую Голландію, не приходя на видъ береговъ оной, пройти между ею и Новою Зеландіею; итти по восточную сторону Ново-Гебридскаго Архипелага и, пройдя между Ново-Филиппинскими, или Каролинскими Островами, править прямо къ Камчаткѣ. Разстояніе было велико; время коротко,

Digitized by Google

и главнаго провіанта, сухарей, не много, такъ что онъ принужденъ былъ производить командѣ менѣе двухъ третей регламентной порціи. Но планъ его удался во всемъ, по его желанію. День и ночь Діана несла всевозможные паруса. Офицеры и нижніе чины были неутомимы. Головнинъ заходилъ только на островъ Тану, одинъ изъ Ново-Гебридскихъ, на которомъ со временъ Кука не бывалъ никто изъ мореплавателей, и 23-го Сентября благополучно прибылъ въ Камчатку.

«Камчатка,» говоритъ онъ въ описаніи своего путешествія, «предоставляла намъ картину, какой мы еще никогда не видали: множество сопокъ и превысокихъ горъ, съ соединяющими ихъ хребтами, были покрыты снѣгомъ, а подъ ними чернѣлись вдали лѣса и равнины. Нѣкоторыя изъ вершинъ горъ походили на башни, а другія имѣли видъ ужасной величины шатровъ, что подало поводъ острякамъ изъ нашихъ матросовъ сказать, что тутъ чортъ лагеремъ расположился. Мысль эта была удачна, и въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что Мильтонъ въ своей поэмѣ: «Потерянный Рай» не могъ бы лучше уподобить военный станъ сатаны, когда онъ велъ войну противъ ангеловъ, какъ если бъ сравнилъ его съ Камчатскими Горами въ осеннее время.»

За благополучное совершеніе многотруднаго путешествія Головнинъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й ст., получивъ уже прежде того, 26-го Ноября 1807 года (на тридцать первомъ году отъ рожденія), орденъ Св. Георгія за осьмнадцать морскихъ кампаній.

Путешествіе на Діанѣ описано В. М. Головнинымъ и напечатано въ 1819 г. (Оно содержитъ въ себѣ разныя полезныя наставленія для мореходцевъ, и сверхъ того, въ немъ заключается весьма любопытное описаніе Мыса Доброй Надежды въ 1808 и 1809 г., описаніе Острова Таны, замѣчанія объ Островѣ Св. Екатерины и пр.)

Двѣ зимы 1809-10 и 1810-11 годовъ В. М. Головнинъ провелъ въ Камчаткѣ. Въ это время онъ объѣхалъ весь

Digitized by Google

полуостровъ, и собралъ множество любопытныхъ замѣчаній объ этомъ отдаленномъ краѣ. Замѣчанія сіи заключаются въ ненапечатанномъ сочиненіи его: «Двукратное зимованіе въ Камчаткѣ и плаваніе къ С. З. берегамъ Америки.» Въ Маѣ 1810 года онъ вышелъ изъ Авачинской Губы и отправился къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки для описи, и чтобъ отвезти значительное количество хлѣба въ колоніи Россійс[illegible]Американской Компаніи, которыя, по имѣвшимся свѣд[illegible] должны были терпѣть большой недостатокъ въ х[illegible]олодъ, свирѣпствовавшій за нѣсколько времени предъ [illegible]ѣмъ, имѣлъ даже слѣдствіемъ заговоръ нѣсколькихъ промышленниковъ, которые условились убить главнаго правителя Г. Баранова, и овладѣвъ однимъ изъ судовъ Компаніи, отправиться на Сандвичевы Острова. Къ счастію, Барановъ открылъ заговоръ, и схватилъ виновныхъ. Головнинъ прибылъ въ Ново-Архангельскъ, когда еще этотъ замѣчательный человѣкъ управлялъ колоніями Россійско-Американской Компаніи. Описывая бѣдственное положеніе колоній въ то время, В. М. отдаетъ полную справедливость необыкновенному уму, твердости и дѣятельности Г. Баранова. Барановъ, получивъ отъ Русскаго Генеральнаго Консула въ Соединенныхъ Штатахъ Дашкова извѣстіе, что колоніямъ угрожаетъ нападеніе корсаровъ, просилъ В. М. Головнина остаться со шлюпомъ въ Ново-Архангельскѣ до Сентября, и потому Діана возвратилась въ Камчатку только осенью 1810 года. Въ этомъ году В. М. произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты.

Въ 1811 году возложено было на Головнина описать южные Курильскіе Острова, Шантарскіе Острова и Татарскій Берегъ. Въ теченіе лѣта 1811 г., онъ занимался этимъ дѣломъ, пока не постигло его ужасное несчастіе — плѣнъ въ Японіи, который продолжался слишкомъ два года. Результаты помянутыхъ трудовъ онъ напечаталъ въ 1819 г., подъ заглавіемъ: «Сокращенныя записки Флота Капитанъ-

Digitized by Google

Лейтенанта Головнина о плаваніи его на шлюпѣ Діана для описи Курильскихъ Острововъ въ 1811 году.»

Во время этой описи остановился онъ у Острова Кунашира, въ заливѣ, населенномъ Японцами, и намѣревался налиться свѣжею водой и запастить дровами. Японцы были тогда озлоблены противъ Русскихъ за нападеніе на ихъ берега, сдѣланныя за нѣсколько лѣтъ до того командирами двухъ судовъ Россійско-Американской Компаніи, Хвостовымъ и Давыдовымъ, безъ вѣдома нашего Правительства. Они сначала опасались подобныхъ поступковъ [illegible] Головнина; но въ послѣдствіи, по-видимому, успокоились и обходились съ нимъ привѣтливо, пока не удалось имъ заманить Головнина въ самую крѣпость, гдѣ захватили его и бывшихъ съ нимъ на берегу Мичмана Мура, Штурмана Хлѣбникова и четырехъ матросовъ, связали ихъ по рукамъ и по ногамъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, и, подъ сильнымъ карауломъ, влекли несчастныхъ плѣнниковъ четыре недѣли черезъ города и селенія до города Хакодаде; тамъ посадили ихъ въ небольшія клѣтки, поставленныя въ темномъ сараѣ, каждаго особо, и черезъ семь недѣль мучительнаго заключенія привели въ городъ Матсмай. Здѣсь положеніе ихъ нѣсколько улучшилось. Имъ оказывали сострадавіе и заботились о ихъ здоровьѣ. Близость моря внушила плѣнникамъ мысль спастись бѣгствомъ. Зная трусость Японцевъ, они надѣялись овладѣть однимъ изъ стоявшихъ близъ берега или лежавшихъ на берегу судовъ, и на немъ достигнуть Камчатки. Всѣ, кромѣ Мура, согласились на это отчаянное предпріятіе, которое однако не увѣнчалось успѣхомъ: на девятый день скитанія по верхамъ горъ и въ глубинахъ овраговъ, Японцы ихъ окружили и привели обратно въ тюрьму. Послѣ этого неудачнаго покушенія, Японцы не отягчили однако же участи плѣнниковъ, и не переставали оказывать имъ сострадавіе и заботливость, при усиленныхъ впрочемъ мѣрахъ осторожности. Между тѣмъ

Digitized by Google

Лейтенантъ Рикордъ, вступивъ въ командованіе шлюпомъ, принялъ самыя благоразумныя мѣры для освобожденія Русскихъ, вѣроломно захваченныхъ Японцами. Онъ поспѣшилъ опять въ Охотскъ, ѣздилъ въ Иркутскъ, и возвратился съ новыми полномочіями; въ слѣдующемъ 1812 году пришелъ къ японскимъ берегамъ на двухъ судахъ, но не могъ вступить ни въ какіе переговоры; наконецъ, захвативъ въ плѣнъ именитаго купца Такатая-Кахи, возобновилъ въ 1813 году, при содѣйствіи этого умнаго и благороднаго Японца, дѣло освобожденія, и на этотъ разъ съ желаннымъ успѣхомъ: чрезъ двадцать шесть мѣсяцевъ и двадцать шесть дней заточенія, возвращенъ былъ Головнинъ съ товарищами на Діану, въ заливѣ Хакодаде, 1-го Октября 1813 г.

Во время заключенія своего въ японской тюрьмѣ, В. М. Головнинъ выказалъ всю твердость духа своего и благородство образа мыслей. Изъ тюрьмы писалъ онъ 12-го Апрѣля 1813 г. П. И. Рикорду: «Знайте, гдѣ честь Государя и польза отечества требуютъ, я тамъ жизнь мою въ копѣйку не ставлю, а потому и вы меня не должны щадить въ такихъ случаяхъ.» Далѣе, ужасаясь представившейся ему мысли, что сослуживцы его, которые столько стараются о его освобожденіи, могутъ быть сами взяты Японцами, онъ пишетъ: «Желалъ бы васъ увидѣть и обнять на Діанѣ, или въ Европѣ, но здѣсь — Боже оборони! Хочу лучше умереть самою мучительною смертью, нежели видѣть кого нибудь изъ моихъ соотечественниковъ въ подобномъ несчастіи, а не только друзей своихъ.»

Описаніе японскаго плѣна, составленное Головнинымъ, было напечатано въ 1816 году. Оно переведено на многіе европейскіе языки, и обратило на себя особенное вниманіе въ Англіи, гдѣ, равно какъ и во Франціи и въ Германіи, имѣло нѣсколько изданій, и, въ сокращеніи вошло въ библіотеки для юношества на ряду съ нѣкоторыми классическими сочиненіями.

Digitized by Google

22-го Іюля 1814 года, ровно чрезъ семь лѣтъ по отбытіи своемъ, Головнинъ возвратился въ С. Петербургъ. Въ воздаяніе за труды свои и страданія онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга (27-го Іюля 1814 г.), и получилъ пожизненный пенсіонъ по 1500 руб. ассигн. въ годъ.

Въ 1816 году В. М. Головнинъ избранъ былъ въ почетные члены Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, а въ 1817 г., назначенъ начальникомъ новой кругосвѣтной экспедиціи. Цѣлію сего путешествія было: 1) доставить въ Камчатку разные морскіе и военные снаряды и другія нужныя вещи, которыя, по отдаленности, невозможно или крайне затруднительно перевезти сухимъ путемъ; 2) обозрѣть колоніи Россійско-Американской Компаніи, и изслѣдовать поступки ея служителей въ отношеніи къ природнымъ жителямъ, и 3) опредѣлить географическое положеніе тѣхъ острововъ и мѣстъ Россійскихъ Владѣній, кои не были доселѣ опредѣлены астрономически, и описать сѣверо-западный берегъ Америки отъ широты 60° до широты 63°, къ коему, по причинѣ мелководія, Кукъ не могъ приблизиться.— В. М. Головнинъ былъ тогда обрученъ съ дочерью Тверскаго помѣщика, служившаго въ царствованіе Императрицы Екатерины поручикомъ въ Преображенскомъ Полку, С. В. Лутковскаго, дѣвицею Евдокіею Степановною. Предпочитая исполненіе долга службы собственному счастію, онъ рѣшился отложить совершеніе брака до возвращенія, и только черезъ два года, и именно 15-го Октября 1819 года, вступилъ въ союзъ, въ которомъ нашелъ отраду и утѣшеніе. «Положеніе, въ какомъ я находился во время разлуки съ невѣстой,» говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, «можно легче себѣ представить, нежели описать.»

26-го Августа 1817 года, онъ отправился въ путь, на шлюпѣ Камчатка: (*) заходилъ въ Портсмутъ, Ріо-Жанейро,

(*) Камчатка равнялась величиною посредственному фрегату, вмѣщая до 900 тоннъ груза, и имѣла баттареи для 32 орудій.

Digitized by Google

и обошелъ, въ Январѣ 1818 года, мысъ Горнъ, гдѣ терпѣлъ сильныя бури, заходилъ въ Лиму, и въ Маѣ прибылъ въ Камчатку.

Здѣсь онъ нашелъ начальникомъ области—друга своего и сослуживца П. И. Рикорда. Онъ говоритъ объ этомъ въ описаніи своего путешествія: «Не могу умолчать о счастливой перемѣнѣ, послѣдовавшей въ Камчаткѣ отъ новаго преобразованія правленія оной и отъ опредѣленія въ начальники оной одного изъ самыхъ справедливѣйшихъ людей, который, живши здѣсь нѣсколько лѣтъ, имѣлъ случай и способность вникнуть въ дѣла сей страны.»

Изъ Камчатки Головнинъ отправился къ Берингговымъ и Алеутскимъ Островамъ, приставалъ къ Кадьяку, заходилъ въ портъ Ново-Архангельскъ, къ крѣпости Россъ, въ порты Монтерей и Румянцова, къ Сандвичевымъ Островамъ, Маріанскимъ и въ Маниллу.

Въ 1819 году онъ заходилъ на Островъ Св. Елены, который служилъ въ то время мѣстомъ заточенія знаменитому узнику, на Острова Асорскіе, въ Англію, и 5-го Сентября прибылъ въ Кронштадтъ, совершивъ путешествіе вокругъ Свѣта въ два года и десять дней, (притомъ столь благополучно, что въ продолженіе этого времени «Камчатка» не потеряла ни одного каната, ни якоря, ни верпа, ни мачты, ни стеньги, и даже не изорвало на ней ни одного значительнаго паруса.)

Описаніе путешествія на Камчаткѣ издано В. М. въ 1822 году, въ двухъ частяхъ, изъ коихъ вторая посвящена преимущественно мореходцамъ, и содержитъ въ себѣ замѣчанія, до морскаго дѣла относящіяся. Въ первой части особенно любопытны замѣчанія его о Ріо-Жанейрѣ, Лимѣ, Кадьякѣ и Калифорніи, также описаніе Сандвичевыхъ Островъ, о Маниллѣ и очеркъ Острова Св. Елены, съ подробнымъ описаніемъ предосторожностей, которыя принимались тогда Англичанами, чтобъ содѣлать невозможнымъ освобо-

жденіе ихъ подлинника. Въ примѣчаніяхъ къ путешествію наблюдательно опровержение донесенія комитета, составленнаго Американскимъ Конгресомъ относительно Русскихъ Сѣверо-американскихъ Колоній.

Въ 1819 году былъ онъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1821 году, съ производствомъ въ капитанъ-командоры, былъ назначенъ помощникомъ директора Морскаго Кадетскаго Корпуса. Вникая въ средства къ образованію морскихъ офицеровъ, онъ перевелъ съ Англійскаго и напечаталъ «Исторію Кораблекрушеній Дункена,» въ трехъ томахъ, съ разными поясненіями и замѣчаніями, и съ прибавленіемъ четвертаго тома о замѣчательныхъ кораблекрушеніяхъ, случившихся въ Россійскомъ Флотѣ. Въ то же время, на основаніи разныхъ иностранныхъ сочиненій и собственной долговременной опытности, онъ написалъ два сочиненія: «Тактика военныхъ флотовъ, составленная по новой системѣ и примѣрамъ лучшихъ Европейскихъ флотовъ,» и «Искусство описывать приморскіе берега и моря, съ изъясненіемъ употребленія всѣхъ новѣйшихъ способовъ и инструментовъ.» Сверхъ того привелъ онъ тогда же въ порядокъ замѣчанія, составленныя имъ въ продолженіе всей своей службы, которыя намѣренъ былъ издать подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о моихъ путешествіяхъ.» Рукопись эта утратилась: по смерти автора нигдѣ не могли отыскать ея. Онъ готовился приступить къ печатанію этихъ твореній, но вдругъ перенесенъ былъ на другое поприще дѣятельности, занявшее все его время и силы.

25-го Апрѣля 1823 года, назначенъ онъ былъ Флота генералъ-интендантомъ (*). Чтобъ понять важность и затруднительность этой должности, надлежитъ знать, что въ вѣдѣніи генералъ-интенданта находятся всѣ корабельныя

(*) Въ томъ же году, 25-го Января, назначенъ онъ былъ непремѣннымъ членомъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента.

Digitized by Google

постройки и береговыя зданія Адмиралтейскаго Ведомства, от Риги до Камчатки, за исключеніемъ только Черноморскихъ портовъ. Чрезъ полтора года по вступленіи его въ эту должность, случилось ужасное наводненіе (7-го Ноября 1824 г.), причинившее страшный вредъ въ Петербургѣ, и вообще по берегамъ Финскаго Залива. Генералъ-интенданту предстояло много трудовъ и заботъ, чтобъ исправить поврежденія, причиненныя наводненіемъ въ мѣстахъ подлежащихъ его вѣдѣнію. За успѣшныя дѣйствія свои пожалованъ онъ былъ, въ Сентябрѣ 1825 года, орденомъ Св. Владиміра 2-й степени.

Со вступленіемъ на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, началась для Русскаго Флота новая эра. Во всѣхъ адмиралтействахъ Россіи появилась невиданная дотолѣ дѣятельность, такъ напримѣръ, линейные корабли строились въ Петербургѣ по три въ годъ, въ Архангельскѣ по два. Не говоримъ уже о фрегатахъ и другихъ судахъ. Кромѣ постройки, надлежало заботиться о вооруженіи ихъ и снабженіи припасами. Головнинъ неусыпно и усердно отправлялъ многотрудную свою должность, сопряженную со строгою отвѣтственностью. Зная морскую службу во всѣхъ ея подробностяхъ, генералъ-интендантъ могъ слѣдить за всѣми исполнителями его предписаній: замѣчалъ, исправлялъ всякую ошибку, взыскивалъ за неисправность, неумолимо преслѣдовалъ злоупотребленія. Строгій къ самому себѣ, недоступный корыстолюбію, гнушавшійся пользоваться случаемъ, онъ шелъ прямою дорогою, не оглядываясь въ стороны: долгъ службы, честь и правда были его закономъ и щитомъ. На печати его вырѣзанъ былъ стихъ Жуковскаго: «за правыхъ Провидѣнье.»

Въ 1826 году былъ онъ переименованъ изъ капитанъ-командоровъ въ генералъ-маіоры, а въ 1827 году, при новомъ образованіи Морскаго Министерства, поступили подъ его начальство, по званію генералъ-интенданта, Департа-

Digitized by Google

менты Кораблестроительный, Коммиссаріатскій и Артиллерійскій. Съ сею новою должностью увеличились до чрезвычайности труды и отвѣтственность. Съ упованіемъ на Бога и Государя, онъ не робѣлъ и не унывалъ, но продолжалъ службу по-прежнему, по присягѣ, по совѣсти и по крайнему разумѣнію. Въ 1827 году былъ онъ назначенъ членомъ комитетовъ образованія флота и устройства управленія корабельныхъ лѣсовъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, и получилъ орденъ Св. Анны 1-й ст.; въ 1830 году тотъ же орденъ съ Императорскою короною, и въ томъ же году произведенъ въ вице-адмиралы. Въ управленіе Головнина интендантскою частью, съ 25-го Апрѣля 1823 г. по 30-е Іюня 1831 года, построены были на Балтійскихъ верфяхъ и въ Архангельскѣ: линѣйныхъ кораблей 26, фрегатовъ 21, шлюповъ 2, бриговъ 21, люгеровъ 3, шкунъ 8, яхтъ 3, пароходовъ 10, транспортовъ 12, канонирскихъ лодокъ 53, іоловъ 10, ботовъ 35, кромѣ разныхъ другихъ судовъ, и для вооруженія ихъ заготовлено соразмѣрное количество снарядовъ и припасовъ (*). Флотъ, вышедшій въ море въ 1830 году, состоялъ уже изъ 25-ти линѣйныхъ кораблей, 17-ти фрегатовъ, 32 бриговъ и шлюповъ, 34 мелкихъ судовъ и 5-ти пароходовъ, и имѣлъ 3343 пушки.

Головнинъ былъ тогда въ полной силѣ мужества, въ той порѣ, въ которой человѣкъ, искушенный и укрѣпленный опытомъ и разсудкомъ, но еще не обезсиленный недугами и дряхлостью, можетъ быть истинно полезенъ Государю и отечеству своею службою, семейству своему примѣромъ и подпорою. Еще долгіе годы благородныхъ подвиговъ обѣщала намъ эта жизнь, и вдругъ она прекратилась отъ дуновенія тлетворной язвы. Въ Іюнѣ 1831 г. разразилась въ С. Петербургѣ губительная холера. Почувствовавъ первые приступы, Головнинъ счелъ ихъ обыкновеннымъ припадкомъ

(*) Именную таблицу этимъ судамъ, см. въ приложеніи.

Digitized by Google

разстройства въ желудкѣ, и принялъ домашнія средства; но болѣзнь вдругъ усилилась. Послали за врачемъ. Медицинскія пособія оказались тщетными. Болѣзнь дѣйствовала съ ужасающею силою, и чрезъ нѣсколько часовъ его не стало (30-го Іюня). Тѣло его предано было землѣ на холерномъ кладбищѣ (нынѣшнемъ Митрофаніевскомъ). Двадцать лѣтъ прошло съ того времени, и я не могу написать этихъ словъ безъ чувства глубочайшаго унынія.

Выше сего было сказано о разныхъ сочиненіяхъ Василія Михайловича. Онъ учился Русскому Языку въ то время, когда примѣръ, поданный Карамзинымъ, еще не дѣйствовалъ на книжный языкъ. Слогъ его не во всемъ подходитъ къ нынѣшнему, но онъ правиленъ, простъ, ясенъ и выразителенъ. Нѣтъ ни фразъ, ни восклицаній. Вездѣ мысль, дѣло, правда и откровенность.

Кромѣ званій по флоту, В. М. былъ членомъ Совѣта Россійско-Американской Компаніи, учрежденнаго при Правленіи этой компаніи, корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, и почетнымъ членомъ Харьковскаго Университета. Именемъ его названы слѣдующія мѣста: *Заливъ Головнина,* въ Беринговомъ Проливѣ, на Американскомъ берегу, по юго-западную сторону Мыса Дерби, открытый Капитаномъ Хромченко въ 1821 г.; *Проливъ Головнина,* между Курильскими Островами Райкоке и Матуа; Капитанъ Рикордъ проходилъ здѣсь въ 1812 году; *Мысъ Головнина,* близъ Мыса Лисбурна, оконечность Русской Америки, и *Гора Головнина,* на Новой Землѣ, къ востоку отъ Маточкина Шара подъ 71° шир.

В. М. Головнинъ былъ роста средняго; глаза его блистали умомъ и добродушіемъ; на устахъ играла улыбка, насмѣшливая когда онъ говорилъ о дурачествахъ, слабостяхъ и порокахъ людей, но вообще выраженіе лица его было серіозное и строгое. Въ обращеніи былъ онъ до крайности

Digitized by Google

скроменъ, убѣгалъ споровъ, никогда не возвышалъ своего мнѣнія исключительно; никогда не говорилъ о своей службѣ и подвигахъ. За то и уваженіе къ нему было искреннее и глубокое. Добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязанностей, неутомимая дѣятельность, дивная неустрашимость среди опасностей, присутствіе духа при самыхъ ужасныхъ и непредвидѣнныхъ бѣдствіяхъ, твердость и терпѣніе въ перенесеніи страданій, быстрота въ соображеніи средствъ и рѣшительность въ исполненіи ихъ, и сверхъ всего этого строжайшая справедливость къ подчиненнымъ, честность и благородство души, самоотверженіе въ пользу ближняго; все это внушало искреннее къ нему почтеніе и безпредѣльную довѣренность. На военномъ судиѣ, одно слово его, одинъ взглядъ приводили всѣхъ въ движеніе. Ему повиновались безропотно и безпрекословно. Въ бытность его флагъ-офицеромъ Вице-Адмирала Макарова, на 22 году отъ рожденія, онъ уже пользовался особеннымъ уваженіемъ старыхъ заслуженныхъ капитановъ. Упомянемъ о двухъ случаяхъ твердости его характера Въ плаваніи вдоль льдовъ Южнаго Океана, одинъ унтеръ-офицеръ, посланный на шлюпкѣ за какимъ-то порученіемъ, видя, что шлюпъ идетъ слишкомъ быстро, вообразилъ, что онъ погибнетъ, и началъ кричать жалобнымъ голосомъ, прося о помощи. Когда его вытащили на палубу, Капитанъ Головнинъ приказалъ тутъ же наказать его, сказавъ: «Какъ ты осмѣлился думать, что я дамъ тебѣ утонуть!» Когда онъ съ товарищами плѣна своего, ушедши изъ японской тюрьмы, нѣсколько времени блуждалъ по лѣсамъ и дебрямъ, питаясь травою, когда они видѣли предъ собою мучительную, голодную смерть, или гибель отъ руки непріятельской, возникъ между ними ропотъ, и одинъ изъ нихъ предложилъ убить Головнина, какъ единственнаго виновника ихъ несчастія, а потомъ сдаться Японцамъ. Головнинъ догадался о ихъ замыслѣ, и когда они готовились привести его въ исполненіе, твердо

Digitized by Google

сталъ предъ ними съ единственною своею защитою, ржавымъ гвоздемъ, и раскрывъ грудь свою, сказалъ спокойно: «Я вашъ капитанъ, а вы покушаетесь на мою жизнь. Мнѣ не совладать съ вами: убейте меня, если хотите согрѣшить предъ Богомъ и Государемъ.» Несчастные вмигъ опомнились и бросились къ его ногамъ, заливаясь слезами, съ восклицаніемъ: «Ваше Высокоблагородіе! батюшка Василій Михайловичъ, виноваты! Прости насъ, умремъ съ тобою!» (*) . . . .

И этотъ человѣкъ, твердый и строгій въ исполненіи своего долга, неустрашимый среди величайшихъ опасностей — былъ въ обыкновенной жизни кротокъ и скроменъ, вѣрный другъ, добрый мужъ, нѣжный отецъ; заслуженная имъ слава не изгладится въ лѣтописяхъ Русскаго Флота, а умилительное воспоминаніе о благихъ качествахъ его души и сердца будетъ жить въ признательной памяти его родныхъ и друзей.

Н. Гречъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Нижеслѣдующія свѣдѣнія о эскадрахъ, въ которыхъ служилъ В. М. Головнинъ, найдены въ его бумагахъ и помѣщаются здѣсь какъ могущія служить любопытнымъ матеріяломъ для Исторіи Русскаго Флота.

I.

Эскадра Вице-Адмирала Круза, бывшая въ сраженіи 23-го и 24-го Мая 1790 г.

Корабли:		*Командиры:*	*Флагманы:*
Іоаннъ Креститель	трехдечные.	Престонъ . . .	В. Адм. Крузъ.
12-ти Апостоловъ	трехдечные.	Өедоровъ . . .	В. Адм. Сухотинъ.
Трехъ Іерарховъ	трехдечные.	Обольяниновъ.	К. Адм. Повалишинъ.
Вел. Кн. Владиміръ	трехдечные.	Кирѣевскій.	
Св. Николай	трехдечные.	Пекинъ.	
Іезекіиль	80 пуш.	Курманалѣевъ.	
Іоаннъ Богословъ	74 —	Одинцовъ.	
Побѣдославъ . .	74 —	Сенявинъ.	

(*) По возвращеніи изъ японскаго плѣна В. М. Головнинъ назначилъ изъ собственнаго незначительнаго состоянія единовременныя пособія всѣмъ бывшимъ съ нимъ въ плѣну матросамъ, а одному изъ нихъ производилъ пенсію до конца жизни.

Digitized by Google

Константинъ . . 74 пуш. Скуратовъ.
Св. Петръ . . . 74 — Хомутовъ.
Всеславъ . . . . 74 — Борисовъ.
Принцъ Густавъ 74 — Тизигеръ.
Сысой Великій . 74 — Ал. Жоховъ.
Максимъ Испо-
вѣдникъ . . . . 74 — Яковъ Жоховъ.
Нетронь меня. . 64 — Тревенинъ(гардемаринъ В.Головнинъ.)
Пантелеймонъ . 64 — Лотыревъ.
Януарій . . . . 64 — Глѣбовъ.

Фрегаты:

Брячиславъ . . . . Ломенъ.
Гавріилъ . . . . Пустошкинъ.
Св. Елена . . . . Штейнгель.
Патрикъ . . . . Крузъ.

Бригъ. Бакланъ.

II.

Ранжированіе вымпеловъ въ Выборгской бухтѣ 1790 г.

Корабли:

Ростиславъ. . . . Адмир. Чичаговъ, главнокомандующій, имѣлъ флагъ по чину.
Креститель. . . . В. Адм. Крузъ, авангардія, тоже по чину.
Саратовъ. . . . . В. Адм. Пушкинъ, авангардія, тоже — —
Св. Елена . . . . К. Адм. Ханыковъ. —— тоже {Самъ былъ на фрегатѣ.
Трехъ Іерарховъ. К. Адм. Повалишинъ —— тоже {Самъ былъ на Петрѣ.
Св. Петръ . . . . К. Адм. Повалишинъ —— брейдъ-вымпелъ.
Ярославъ . . . . К. Адм. Лежневъ —— тоже.

Фрегатъ:

Брячиславъ . . . К. Адм. Ханыковъ —— тоже.

Корветъ:

Константинъ . . К. Адм. Скуратовъ —— на крюйсъ-брамъ-стеньгѣ.

Эскадра, стоявшая между мысомъ Крюсерортомъ и банкою Сальворомъ, сквозь которую Шведскій Флотъ прорывался.

Корабли: Св. Петръ, Команд. Хомутовъ. К. Адм. Повалишинъ.
Всеславъ — Борисовъ.
Принцъ Густавъ— Тизигеръ.

Digitized by Google

Нетронь меня Ком. Тревенинъ (гардемаринъ В. Головнинъ).
Пантелеймонъ — Латыревъ.
Побѣдитель (бомб. судно) — Тутолминъ.

Эскадра, стоявшая между Островомъ Рондомъ и Березовыми Островами.

Корабли: Ярославъ, Командиръ Телепневъ. К. Адм. Лежневъ.
Побѣдославъ —— Сенявинъ.
Святославъ —— Келейникъ.

Эскадра фрегатовъ:

Брячиславъ, Командиръ Ломенъ. К. Адм. Ханыковъ.
Гавріилъ —— Пустошкинъ.
Св. Елена —— Штейнгель.

Эскадра, стоявшая въ Березовомъ Зундѣ.

Корабли:
Максимъ Исповѣдникъ, Команд. П. Жоховъ. В. Адм. Одинцовъ.
Сысой Великій . . . . —— Ал. Жоховъ.
Америка . . . . —— Сукинъ.

Примѣчаніе 1-е. Кромѣ помянутыхъ судовъ, въ кампаніи 1790 г. находились *корабли:* 74-пуш. Киръ и Іоаннъ, Ярославъ, Мстиславъ, Александръ Невскій; 64-пуш. Болеславъ, Изяславъ, Побѣдоносецъ, Принцъ Карлъ, Храбрый; *фрегаты:* Венусъ, Надежда Благополучія, Слава, Гремиславъ, Гавріилъ, Подрожиславъ, Мстиславецъ; *гребные фрегаты:* 44-пушечные, Екатерина, Павелъ, Елена, Николай, Маркъ; *бриги:* Меркурій, Бакланъ, Гагара, Нептунъ; всего было кораблей: трехдечныхъ 7, 74-хъ-пушечныхъ 14, 64-хъ-пушечныхъ 11, фрегатовъ 19.

Примѣчаніе 2-е. Шведы потеряли въ 1790 г.

а) въ Ревелѣ	Принцъ Карлъ	74	пуш.	Взятъ.
	Адольфъ	74	—	Сожженъ.
б) въ Выборгской Губѣ	Софія Магдалина	74	—	Взяты.
	Ретвизанъ . . .	66		
	Эмгейтенъ . . .	66	—	Стали на мель и взяты.
	Финландъ . . .	64		
	Фр. Ярославецъ			
	Луиза Ульрика	74	—	Стали на мель и на мели сожжены.
	Елисав. Шарл.	74	—	
	Упландъ.			
	Ютландъ.			Сгорѣли отъ своего брандера.
	Земиръ.			

III.

Вспомогательная эскадра, посланная въ Англію въ 1795 году, состояла изъ слѣдующихъ судовъ.

Корабли:

Память Св. Софіи, 74-пуш., Команд. Сенявинъ; главнок. В. А. Ханыковъ.

Св. Елена	74	—	——	Брееръ; К. Адм. Макаровъ.
Св. Петръ	74	—	——	Бордуковъ; К. Адм. Тетъ.
Глѣбъ	74	—	——	Тизигеръ.
Никаноръ	76	—	——	Кн. Трубецкой.
Филиппъ	64	—	——	Смирновъ.
Пименъ	64	—	——	Колокольцовъ.
Парменъ	64	—	——	Крузъ.
Ретвизанъ	64	—	——	Чичаговъ.
Іонъ	64	—	——	А. Сарычевъ.
Европа	64	—	——	Борисовъ.
Графъ Орловъ. .	64	—	——	Бочмановъ.
Фрегаты:				
Венусъ	52	—	——	Бодиско.
Рафаилъ	44	—	——	Урлихъ (мичманъ В. Головнинъ).
Михаилъ	44	—	——	Броунъ.
Архипелагъ . . .	44	—	——	Моллеръ.
Нарва	44	—	——	Трескинъ.
Ревель	44	—	——	Клокачевъ.
Рига	44	—	——	Бакеевъ.
Кронштадтъ . . .	44	—	——	Черныгинъ.
Бригъ: Диспачъ	—	—	——	Игнатьевъ.

IV.

Эскадра, отправленная въ 1798 году въ Англію, для союзнаго дѣйствія съ Англійскимъ Флотомъ.

Корабли:

Елисавета 75-пуш., Команд. Шешуковъ. Главн. В. А. Макаровъ; при немъ флагъ-офицеръ, мичманъ В. Головнинъ.

Мстиславъ 74-пуш., Команд. Кроунъ.

Ретвизанъ	66	—	——	Грейгъ.
Европа . .	64	—	——	Качаловъ.
Болеславъ	64	—	——	Ал. Сарычевъ.

Фрегатъ Нарва 44-пуш., Командиръ Моллеръ.

Бригъ Диспачъ, Командиръ Спафарьевъ.

Digitized by Google

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Не нужно распространяться о томъ, сколь мало Японія извѣстна въ Европѣ. Хотя было время, когда Японцы, не имѣя понятія о корыстолюбіи Европейцевъ, допускали ихъ въ свое государство и позволяли имъ дѣлать всякаго рода наблюденія; но разногласія и противорѣчія, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ многихъ писателей о Японіи, не дозволяютъ вѣрить ихъ повѣствованіямъ. Притомъ съ той поры, какъ Японцы лишили Европейцевъ свободнаго къ себѣ доступа, прошло столько времени, что по естественному порядку вещей должна была послѣдовать перемѣна во многихъ частяхъ, и Японія, конечно, нынѣ не то, что была въ тѣ времена. Голландцы, торгующіе въ Нангасаки, при всемъ стѣсненіи въ обращеніи съ жителями, по знанію Японскаго Языка, безъ сомнѣнія могли бы собрать весьма многія любопытныя свѣдѣнія о семъ государствѣ; но если, какъ всѣмъ извѣстно, они держатъ въ тайнѣ описи и карты даже такихъ мѣстъ, куда имѣли доступъ другіе европейскіе народы съ большими познаніями, и наблюденія о которыхъ сообщены Свѣту во всей подробности, то чего ожидать отъ нихъ относительно Японіи, куда изъ всѣхъ Европейцевъ они одни допускаются? Слѣдственно свѣдѣніе о семъ древнемъ народѣ должно быть занимательно для людей просвѣщенныхъ. Сіе самое

Digitized by Google

побудило меня сообщить Свѣту Записки о пребываніи моемъ въ плѣну у Японцевъ, которыя, въ другомъ случаѣ, не заслуживали бы вниманія публики. По прочтеніи ихъ увидятъ, какія ограниченныя средства имѣлъ я для наблюденія всего, что потребно къ описанію великаго и малоизвѣстнаго государства, и не станутъ винить меня въ краткости моихъ замѣчаній о такомъ предметѣ, подробное описаніе котораго могло бы доставить матеріяловъ на нѣсколько томовъ.

Если бъ, по примѣру нѣкоторыхъ издателей путешествій, я имѣлъ желаніе увеличить сію книгу для моихъ выгодъ, то конечно могъ бы, подъ названіемъ предисловія, введенія, вступленія и проч. и проч. наполнить добрый томъ выписками изъ другихъ книгъ, въ коихъ писано о Японіи, и которыя извѣстны всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ; но я хочу описывать только то, что со мною случилось, что я самъ испыталъ и видѣлъ собственными глазами.

В. Г.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Замѣчанія о Японскомъ государствѣ и народѣ).

Digitized by Google

Digitized by Google

СПИСОКЪ

СЛУЖИВШИМЪ НА ШЛЮПѢ ДІАНѢ

въ 1811, 1812 и 1813 годахъ.

Капитанъ-Лейтенанты: Василій Головнинъ, Петръ Рикордъ.

Лейтенанты: Илья Рудаковъ, Всеволодъ Якушкинъ, Никандръ Филатовъ.

Мичманъ, Ѳедоръ Муръ, (онъ былъ старшій офицеръ послѣ Г. Рикорда, но не произведенъ въ лейтенанты по бытности его въ плѣну).

Штурманъ 9-го класса, Андрей Хлѣбниковъ.

Штурманы 12-го класса: Василій Новицкій, Василій Средній.

Лекарь, Титулярный Совѣтникъ Рейнгольдъ Брандтъ.

Лекаря Помощникъ, 14-го класса Владиміръ Скородумовъ.

Шхиперскій Помощникъ, Данило Лабутинъ.

Въ должности Коммиссара, Елизаръ Начапинскій.

Письмоводитель 14-го класса, Степанъ Савельевъ.

Артиллеріи Констапель, Ѳедотъ Папыринъ.

Квартирмейстеры: Егоръ Савельевъ, Иванъ Большаковъ, Петръ Андреевъ, Семенъ Короткій.

Матросы: Дмитрій Симоновъ, Иванъ Симіоновъ, Тарасъ Васильевъ, Андрей Сѣдуновъ, Герасимъ Ѳоминъ, Ѳедоръ Рожинъ, Матвѣй Черемухинъ, Севастьянъ Зенинъ, Спиридонъ Макаровъ, Илья Ступинъ, Ѳедоръ Хахардинъ, Ларіонъ Тимоѳеевъ, Михайло Шкаевъ, Никита Ѳедоровъ, Филиппъ Тимоѳеевъ, Сергѣй Савельевъ, Игнатій Александровъ, Григорій Васильевъ, Степанъ Мартемьяновъ, Семенъ Кутыревъ, Ведениктъ Филатовъ, Елисей Бурцовъ, Алексѣй Ульяновъ.

Digitized by Google

Плотникъ, Филиппъ Романовъ.

Парусникъ, Степанъ Мартемьяновъ.

Конопатчикъ, Иванъ Сучковъ.

Кузнецъ, Өедоръ Өедоровъ.

Артиллеріи унтеръ-офицеръ, Иванъ Өедоровъ.

Бомбардиры: Кондратій Ботовъ, Никифоръ Глѣбовъ.

Канониръ, Тихонъ Терентьевъ.

Слесарь, Дмитрій Раздобурдинъ.

Слуги: Капитана Головнина, Иванъ Григорьевъ.

Лейтенанта Рудакова, Сергѣй Крылацкой.

Прикомандированные на время изъ Охотска въ разныя времена: Лекарь, Алексѣй Филоновъ въ 1812 году. Штабъ-Лекарь, Николай Имхартъ въ 1813 году.

Вмѣсто штурманскихъ учениковъ юнги: Петръ Ильинъ, Степанъ Хлѣбалкинъ.

Морской роты, при одномъ унтеръ-офицерѣ, солдатъ десять человѣкъ въ 1812 году.

Матросовъ и юнговъ двѣнадцать человѣкъ въ 1812 и 1813 году.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА.

Въ Апрѣлѣ 1811 года, командуя Императорскимъ военнымъ шлюпомъ «Діана», находившимся тогда въ Камчаткѣ (*), получилъ я отъ Морскаго Министра предписаніе, коимъ, по Высочайшей волѣ, повелѣвалось мнѣ описать точнѣйшимъ образомъ Южные Курильскіе Острова, Шантарскіе Острова и Татарскій Берегъ, отъ широты 53° 38′ N до Охотска. Въ повелѣніи Г. Министра было упомянуто о двухъ бумагахъ, содержавшихъ въ себѣ подробное описаніе возложеннаго на меня порученія, и посланныхъ съ онымъ повелѣніемъ въ одно время изъ Адмиралтействъ-Коллегіи и изъ Адмиралтейскаго Департамента, но сихъ бумагъ я не получилъ, да и получить ихъ въ Камчаткѣ прежде будущей осени, зная здѣшнія почтовыя учрежденія, никакой возможности не предвидѣлъ по слѣдующимъ причинамъ: Въ продолженіе зимы, изъ Охотска въ Камчатку приходитъ три почты; на послѣдней изъ нихъ, пришедшей въ Петропавловскую Гавань 20-го Апрѣля, помянутыхъ бумагъ не привезено, слѣдственно при отправленіи

(*) Шлюпъ «Діана» подъ моею командою отправленъ, по Высочайшему повелѣнію, изъ Кронштадта, въ 1807 году, съ особенными порученіями, изъ коихъ главнѣйшими были открытіе и опись малоизвѣстныхъ земель восточнаго края Россійской Имперіи. Въ 1809 году онъ прибылъ въ Камчатку, а въ 1810 плавалъ къ западнымъ берегамъ Сѣверной Америки.

Digitized by Google

ссй почты изъ Охотска ихъ тамъ не было, а какъ въ Охотскъ изъ Петербурга приходитъ почта однажды въ мѣсяцъ, то бумаги, на слѣдующей почтѣ привезенныя, должны быть отправлены оттуда мѣсяцемъ позже третьей почты, а это случилось бы въ такое время, когда таютъ снѣга, разливаются рѣки, и наступаетъ настоящая распутица, прерывающая всякое сообщеніе по всему здѣшнему краю: отправить же бумаги изъ Охотска въ Камчатку, по вскрытіи водъ, моремъ, за неимѣніемъ тогда судовъ при портѣ, было невозможно, ибо всѣ транспорты зимовали въ Камчаткѣ; слѣдовательно, для полученія нынѣшнимъ лѣтомъ упоминаемыхъ бумагъ, оставалось мнѣ одно средство: итти со шлюпомъ въ Охотскъ; да и начальникъ Охотскаго Порта, Флота Капитанъ Миницкій, совѣтовалъ мнѣ, прежде начатія описи, прійти въ Охотскъ, полагая, какъ то видно изъ его отношенія, что шлюпъ имѣетъ нужду въ съѣстныхъ припасахъ и въ зависящихъ отъ порта починкахъ. Что касается до послѣднихъ, то я не нашелъ ни одного поврежденія въ шлюпѣ, котораго бы не могъ исправить своими людьми; въ разсужденіи же съѣстныхъ припасовъ надобно сказать, что въ нѣкоторыхъ родахъ провіанта мы имѣли недостатокъ противъ указнаго положенія; но взявъ лишнее количество съ транспорта «Діонисій», зимовавшаго въ Петропавловской Гавани, я расчислилъ, что мнѣ можно будетъ пробыть въ морѣ безъ всякой нужды три мѣсяца слишкомъ. И такъ, по моимъ расчетамъ, шлюпъ не имѣлъ ни какой другой надобности до начатія описи итти въ Охотскъ, кромѣ полученія бумагъ Адмиралтействъ-Коллегіи и Адмиралтейскаго Департамента, относящихся къ сдѣланному мнѣ порученію. Предметъ сей, безъ всякаго сомнѣнія, былъ весьма важенъ, хотя, по предписанію Морскаго Министра, мнѣ вполнѣ извѣстна была воля Его Императорскаго Величества: я зналъ, какія мѣста долженъ былъ описывать, и что Государю Императору угодно, чтобы онымъ сдѣлано было точнѣйшее описаніе; но какимъ образомъ надобно было произвести въ дѣйство Высочайшую волю, къ томъ я долженъ былъ руководствоваться наставленіями Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи; равнымъ обра-

Digitized by Google

зомъ и инструкція Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента хотя служила только дополненіемъ къ той, которую я уже имѣлъ, однако жъ могла содержать въ себѣ предписанія и наставленія, безъ коихъ при описи я могъ сдѣлать, по неопытности и по недостатку столь обширныхъ свѣдѣній о здѣшнемъ краѣ, какія имѣетъ департаментъ, немаловажныя упущенія. Я очень жалѣлъ, что не получилъ упомянутыхъ бумагъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ министерскимъ, и чувствовалъ всѣ неудобства, могущія произойти отъ неприсылки оныхъ; но съ другой стороны ясно предвидѣлъ потерю времени, убытокъ для казны и невозможность сдѣлать что либо порядочное, стоящее издержекъ и трудовъ, словомъ сказать, совершенное упущеніе цѣлаго лѣта, безъ всякой значительной пользы по предмету предпринятой экспедиціи, если бъ я пошелъ сначала въ Охотскъ. Мнѣніе мое основывалось на слѣдующихъ причинахъ:

1. Судя по времени года, въ которое открывается съ моря доступъ къ Охотскому Порту, и прибавивъ къ тому время, нужное на перевозъ провизіи, на запасъ прѣсной воды, дровъ и прочаго, и на переходъ отъ Охотска къ Южнымъ Курильскимъ Островамъ, я не могъ, со всякою поспѣшностью и благопріятствомъ вѣтровъ, быть на томъ мѣстѣ, съ котораго надлежало начинать опись, прежде первыхъ чиселъ Іюля; слѣдственно Май и Іюнь потеряны.

2. Состояніе шлюпа и нѣкоторымъ образомъ команды требовало, чтобы онъ зимовалъ въ портѣ, гдѣ можно было бы его осмотрѣть, очистить и исправить, потому что съ самаго отправленія нашего изъ Кронштадта, въ 1807 году, я не имѣлъ случая его разгрузить, и осмотрѣть внутреннія и наружныя подводныя повреждения; ибо въ Петропавловской Гавани едва достаетъ кое-какихъ дурно выстроенныхъ анбаровъ для помѣщенія провіанта, принадлежащаго гарнизону, а для постороннихъ вещей нѣтъ ни какого строенія, и потому всѣ провизіи и матеріялы хранились на шлюпѣ въ теченіе обѣихъ зимъ. Отъ этого завелось невѣроятное множество крысъ, поѣдавшихъ провіантъ, и портившихъ запасные паруса, армякъ, бочки и все, что только имъ по-

Digitized by Google

падалось. Чтобы истребить ихъ, непремѣнно нужно было шлюпъ очистить совсѣмъ; да и гнилыхъ членовъ мы нашли много въ тѣхъ мѣстахъ, кои могли осмотрѣть; сверхъ того люди износили почти все свое платье и обувь, и нужно было ихъ обмундировать, чего без помощи Охотскаго Порта невозможно было сдѣлать. Всѣ сіи причины понуждали меня необходимо зимовать въ Охотскѣ, куда надобно было прійти въ исходѣ Сентября или, по крайней мѣрѣ, въ началѣ Октября. Слѣдственно всего времени для описи оставалось около трехъ мѣсяцевъ, самыхъ неблагопріятныхъ (кромѣ Іюля) для сего дѣла.

Всѣ мореплаватели, бывавшіе въ здѣшнихъ моряхъ, жалуются на необыкновенные туманы и мрачныя погоды, препятствовавшія имъ видѣть и близко подходить къ берегамъ для осмотра и описи оныхъ. Идучи въ прошломъ году въ Америку, и возвращаясь оттуда въ Камчатку вдоль гряды Алеутскихъ Островов по южную сторону ихъ, я самъ испыталъ то же. Кромѣ сихъ препятствій, останавливающихъ мореплавателей въ описи береговъ и острововъ сего края, они бываютъ здѣсь подвержены еще другимъ, гораздо большимъ и опаснѣйшимъ затрудненіямъ: находясь между Алеутскими или Курильскими Островами, отъ чрезвычайно быстрыхъ теченій и неудобоизмѣримой глубины подлѣ самыхъ береговъ сихъ острововъ, (изъ коихъ у многихъ въ разстояніи отъ берега трехъ миль полутораста или двухъ-сотъ-саженнымъ лотъ-линемъ дна нельзя достать), лотъ, въ большей части морей служащій вѣрнымъ и надежнымъ показателемъ приближенія къ землѣ, недѣйствителенъ, а это, въ соединеніи съ безпрестанными почти туманами, дѣлаетъ плаваніе по здѣшнимъ водамъ весьма опаснымъ. Сіи обстоятельства были мнѣ извѣстны, и заставили меня стараться о выборѣ лучшаго и удобнѣйшаго времени для исполненія данныхъ мнѣ порученій. На сей конецъ я разсматривалъ описанія путешествій извѣстныхъ мореплавателей, посѣщавшихъ этотъ край. Вотъ, какъ они объ немъ отзываются.

Въ 1779 году англійскія королевскія суда «Резолюшіонъ» и «Дисковери», по смерти Капитановъ Кука и Кларка

доставшіяся въ команду Капитана Гора, отправились, изъ Авачинской Губы, 9-го Октября по новому стилю, съ намѣреніемъ, между прочими открытіями, относившимися къ цѣли ихъ вояжа, осмотрѣть Курильскіе Острова; но имъ удалось видѣть только первый и второй изъ сихъ островов, Сумшу и Парамуширъ; прочихъ же, несмотря на всѣ ихъ старанія приблизиться къ нимъ, они не видали, по причинѣ частыхъ сильныхъ вѣтровъ съ западной стороны. Первую землю, послѣ помянутыхъ двухъ острововъ, они увидѣли, на восточномъ берегу Японіи, въ широтѣ 40° 05′, 26-го Октября. — Капитанъ Горъ нетерпѣливо желалъ осмотрѣть Южные Курильскіе Острова, но почти безпрестанныя бури въ томъ ему препятствовали.—Авачинскую Губу оставилъ онъ, по старому стилю, въ исходѣ Сентября, и такъ можно заключить, что Сентябрь и Октябрь суть неудобные мѣсяцы для описыванія Курильскихъ Острововъ.

Лаперузъ, пройдя проливъ между полуостровомъ Сахалинымъ и островомъ Матсмаемъ (послѣ названный его именемъ), въ половинѣ Августа 1787 года, отъ мыса Анивы до мыса Тру, острова Штатенландіи (Земли Штатовъ) (*) ни какой земли не видалъ, и усмотрѣвъ сей мысъ 19-го Августа по новому стилю, видѣлъ послѣ того Компанейскую Землю (**) и Мариканъ (***), между коими прошелъ, назвавъ сей проливъ, именемъ своего фрегата, La Boussole (компасъ); но почти безпрестанные густые туманы препятствовали ему производить дальнѣйшую опись Курильскихъ Острововъ, и онъ нашелся принужденнымъ, оставивъ свое намѣреніе, итти въ Камчатку. На семъ пути не видалъ онъ, по причинѣ тумановъ, ни одного Курильскаго острова, кромѣ трехъ вышепомянутыхъ. Это было, по старому стилю, въ первыхъ числахъ Сентября.

Капитанъ Сарычевъ (****), (въ изданномъ имъ Путешествіи по сѣверовосточной части Сибири, Ледовитому Морю,

---

(*) Итурупъ, Итурпу, или 19-й Курильскій Островъ.
(**) Урупъ, или 18-й островъ.
(***) Симусиръ, или 16-й островъ.
(****) Въ послѣдствіи Адмиралъ.

Digitized by Google

Восточному Океану и проч.) пишетъ, что изъ Авачинской Губы отправились они 6-го Августа (по старому стилю) 1792 года, съ намѣреніемъ описывать Корейское Море, и шли къ ZW вдоль курильской гряды; но сырые туманы препятствовали имъ видѣть землю до 20-го числа, а тогда, будучи въ широтѣ 47° 28′, увидѣли они, какъ Г. Сарычевъ полагаетъ, островъ Марикавъ и нѣкоторые другіе. Они хотѣли осмотрѣть ихъ, но туманы помѣшали. Позднее время принудило ихъ оставить намѣреніе описывать Корейское Море, и возвратиться въ Охотскъ. На обратномъ пути видѣли они седьмой островъ и пикъ на двѣнадцатомъ острову; потомъ видѣли южный край втораго острова и верхи трехъ сопокъ пятаго; но все это являлось въ туманѣ, такъ что они не могли опредѣлить географическаго положенія сихъ мѣстъ.

Англійскій Капитанъ Бротонъ, въ 1796-мъ году, оставивъ Волканическій Заливъ, находящійся на южномъ краѣ Матсмая, плылъ по восточную сторону сего острова, прошелъ между островами Кунаширомъ и Итурупомъ, принявъ первый изъ нихъ за часть Матсмая; потомъ, идучи вдоль сѣверо-западнаго берега острова Итурупа (Штатенландіи), видѣлъ лишь первую половину его протяженія и сѣверовосточную оконечность, не зная, что они составляютъ одинъ и тотъ же островъ. Потомъ, пройдя вдоль западной стороны Урупа (Компанейской Земли) и Симусира (Марикана), доходилъ до острова Кетоя; оттуда воротясь проходилъ по южную сторону Урупа, Итурупа и Кунашира, не сдѣлавъ ни какихъ примѣчаній о берегахъ сихъ острововъ. Сколько впрочемъ велико ни было желаніе Капитана Бротона точнѣйшимъ образомъ осмотрѣть сіи столь малоизвѣстныя земли, но онъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи по причинѣ тумановъ, крѣпкихъ вѣтровъ и вообще неблагопріятной погоды. Плаваніе Капитана Бротона по водамъ Южныхъ Курильскихъ Острововъ происходило въ Октябрѣ.

Капитанъ Крузенштернъ, въ 1805 году, возвращаясь изъ Японіи въ Камчатку, находился у Курильскихъ Острововъ въ послѣднихъ числахъ Мая и въ первыхъ Іюня. Потомъ, идучи къ полуострову Сахалину, проходилъ онъ

Digitized by Google

мимо ихъ въ первой половинѣ Іюля, а на обратномъ пути въ исходѣ Августа (*). Мнѣ это извѣстно было по картѣ, приложенной къ вояжу Капитана Крузенштерна, которую я получилъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, отъ Подштурмана Курицына, командира одного изъ судовъ Американской нашей Компаніи; но, не читавши второй части его вояжа, я не зналъ, какія погоды онъ встрѣтилъ у Курильскихъ Острововъ.

Впрочемъ, кромѣ сихъ знаменитыхъ мореплавателей, у которыхъ я, такъ сказать, заимствовалъ совѣты въ моемъ дѣлѣ, старался я также и здѣсь, въ Камчаткѣ, отыскать людей, бывавшихъ въ мѣстахъ, предназначенныхъ мнѣ для описи, и распрашивалъ ихъ объ всѣхъ обстоятельствахъ съ большою подробностью; но отъ людей, не знающихъ мореплаванія и вообще съ весьма ограниченными понятіями, каковы камчатскіе промышленики, которые одни только, вмѣстѣ съ гражданскими чиновниками, ѣздятъ на ближніе обитаемые Курильскіе Острова для сбора ясака и прочаго, мало можно получить нужныхъ мореплавателю свѣдѣній. Они знаютъ только, что лѣтомъ бываютъ ясные дни и хорошія погоды; но какъ часто и въ какихъ мѣсяцахъ болѣе, обстоятельно сказать не могутъ, ибо, при переѣздахъ чрезъ проливы, одна необходимость заставляетъ ихъ примѣчать состояніе и перемѣны погодъ и вѣтровъ, а тамъ, добравшись до курильскихъ жилищъ, имъ мало нужды до атмосферы, и они не заботятся о метеорологическихъ замѣчаніяхъ: добыча и сборъ ясака составляютъ все ихъ упражненіе. Но нѣкто Подштурманъ Андреевъ, человѣкъ съ порядочными по своему званію свѣдѣніями, бывшій съ Лейтенантомъ Хвостовымъ, на компанейскомъ суднѣ у Южныхъ Курильскихъ Острововъ въ первыхъ числахъ Іюня, увѣрялъ меня, что тогда погоды стояли хорошія. Въ прошломъ году я шелъ изъ Камчатки въ Америку въ Іюнѣ, а возвращался въ Августѣ и Сентябрѣ: въ оба раза имѣлъ я очень часто пасмурныя погоды и туманы,

(*) Г. Крузенштернъ, въ веденномъ имъ журналѣ, употреблялъ новый стиль.

Digitized by Google

а горизонтъ почти всякій день бывалъ покрытъ мрачностью. И такъ все вышесказанное мною о погодахъ на Восточномъ Океанѣ увѣряло меня, что этому морю свойственны туманы, что они бываютъ здѣсь часто и продолжительны во всѣхъ мѣсяцахъ безъ исключенія, только въ однихъ чаще нежели въ другихъ, и что здѣсь нѣтъ такого времени года, въ которое хорошіе и ясные дни стояли бы по недѣлѣ сряду. Это самое заставило меня думать, что для описи такого пространнаго берега, непремѣнно нужно употребить цѣлое лѣто, съ начала Мая по Октябрь. Для сего надобно стараться, сколько возможно, держаться ближе береговъ, если вѣтеръ позволяетъ, во всякую погоду, и когда выяснитъ или туманъ прочистится, тотчасъ подходить къ нимъ вплоть. Иначе въ три года едва ли можно кончить сію опись, если только употреблять на то средніе лѣтніе мѣсяцы, то есть Іюнь и Іюль. Сіи заключенія понудили меня приступить къ дѣлу какъ возможно ранѣе.

Здѣсь упомяну кратко о моемъ планѣ, какъ производить опись. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Изъ мореплавателей, имѣвшихъ средства опредѣлять долготу мѣста на морѣ астрономическими наблюденіями, видѣли Курильскіе Острова Горъ, Лаперузъ, Сарычевъ, Бротонъ и Крузенштернъ. Капитанъ Горъ видѣлъ только два первые отъ Камчатки острова: Сумшу и Парамуширъ. Лаперузъ видѣлъ Итурупъ, (Штатенландію), Урупъ, (Компанейскую) и Симусиръ (Марриканъ). Г. Сарычевъ не упоминаетъ въ своемъ путешествіи объ опредѣленномъ имъ географическомъ положеніи видѣнныхъ имъ острововъ, Бротонъ видѣлъ часть Матсмая, Кунаширъ, Итурупъ, Урупъ, Симусиръ и Кетой издали. Крузенштернъ проходилъ Курильскими Островами три раза, и судя по трактамъ его, положеннымъ на картѣ, надобно думать, что онъ видѣлъ съ разныхъ сторонъ всѣ острова отъ мыса Лопатки до острова Расшуа, который, по его картѣ, тринадцатый изъ Острововъ Курильскихъ. Слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, чтобы всѣ сіи острова, видѣнные Капитаномъ Крузенштерномъ, по широтѣ и долготѣ не были положены во всѣхъ отношеніяхъ съ величайшею точностью; что же касается до южныхъ острововъ, видѣн-

Digitized by Google

ныхъ Лаперузомъ и Бротономъ, то они осмотрѣны ими не со всѣхъ сторонъ; слѣдовательно сіи мореходцы не могли опредѣлить настоящаго ихъ мѣстоположенія; а притомъ не занимались описью оныхъ, и кромѣ Марикана, на который Капитанъ Бротонъ одинъ разъ посылалъ шлюпку, не посѣщали ни одного изъ нихъ; что жъ касается до старыхъ нашихъ мореплавателей и промышленныхъ, посѣщавшихъ Курильскіе Острова, то стоитъ только сравнить карту Капитана Крузенштерна Сѣверныхъ Курильскихъ Острововъ съ прежними картами, изданными съ повѣствованія сихъ господъ, чтобъ увѣриться въ недостаткѣ ихъ описей. Нѣкоторые острова въ двухъ мѣстахъ положены подъ разными именами; другіе, маленькіе, ничего незначащіе, увеличены въ пять или въ десять разъ противъ настоящей своей величины; одни между собою сближены, другіе, напротивъ, отдалены; словомъ, множество разныхъ грубыхъ ошибокъ наполняютъ всѣ старыя карты Курильскихъ Острововъ. По симъ причинамъ я положилъ, оставивъ Камчатку, итти прямо къ Проливу Надежды между островами Матуа и Расшуа, гдѣ повѣривъ свои хронометры по положенію оныхъ (*), если лунныя обсерваціи сдѣлать сего не позволятъ, пуститься вдоль южной гряды Курильскихъ Острововъ, начавъ опись съ острова Кетоя, котораго «Надежда» (**) не видала, и продолжать описаніе каждаго острова одного за другимъ по порядку до самаго Матсмая. Потомъ пройти между островами Кунаширомъ и Матсмаемъ, и описать всю сѣверную сторону сего послѣдняго до самаго Лаперузова Пролива, а оттуда пойти, въ виду восточнаго берега полуострова Сахалина, до самаго мѣста (въ широтѣ 53° 38′), откуда должна начаться опись Татарскаго Берега;

(*) Капитанъ Крузенштернъ видѣлъ сіи острова вблизи и сопку, находящуюся на Матуа, назвалъ пикъ Сарычева. Изъ того я заключилъ, что онъ опредѣлилъ географическое положеніе оныхъ съ великою точностью. Слѣдовательно, узнавши долготу ихъ по нашимъ хронометрамъ, мы могли послѣ, получивъ вояжъ его, опредѣлить дѣлаемую ими разность, если бы не имѣли лунныхъ обсервацій.

(**) Корабль Капитана Крузенштерна.

Digitized by Google

и кончить лѣто описаніемъ сего берега и Шантарскихъ Острововъ.

Составивъ такимъ образомъ планъ свой, я немедленно сталъ приготовляться къ походу. Мы прорубили въ Петропавловской Гавани ледъ, и 25-го Апрѣля вывели шлюпъ изъ сей гавани въ Авачинскую Губу, а 4-го Мая отправились въ путь. Мая 14-го достигли мы Пролива Надежды, то есть предѣла, откуда, по моему предположенію, должна была начаться опись. Не стану описывать ни плаванія нашего между Курильскими Островами, ни того, какимъ образомъ мы производили опись: для сего предмета назначена особая книга(*); скажу только, что до 17-го Іюня, то есть до дня, когда мы случайно имѣли первое наше свиданіе съ Японцами, не взирая на то, что почти безпрестанные густые туманы и сильныя неправильныя теченія много препятствовали въ нашемъ дѣлѣ, мы успѣли описать изъ числа Курильскихъ Острововъ: тринадцатый Расшуа (**), четырнадцатый Ушисиръ, пятнадцатый Кетой, шестнадцатый Симусиръ, или Марикаръ, семнадцатый два Чирпоя и Макаиторъ, и западную сторону осьмнадцатаго, или Урупа.

Теперь, прежде нежели я приступлю къ описанію сношеній нашихъ съ Японцами, и послѣдовавшаго потомъ со мною несчастія, за нужное почитаю сказать нѣчто о существовавшемъ тогда политическомъ отношеніи между Россіею и Японіею, какъ оно мнѣ было извѣстно.

Слишкомъ за тридцать лѣтъ предъ симъ, на алеутскомъ островѣ Амчиткѣ, японское торговое судно претерпѣло кораблекрушеніе. Спасшійся съ него экипажъ, въ числѣ коего находился начальникъ того суда, Кодай, былъ привезенъ въ Иркутскъ, гдѣ несчастные Японцы жили около или болѣе десяти лѣтъ. Наконецъ, блаженной памяти Императрицѣ Екатеринѣ Великой благоугодно было

(*) О которой упомянуто въ примѣчаніи на стр. 1-й.

(**) На картахъ Капитана Крузенштерна острова Расшуа, Ушисиръ и Кетой названы, по ошибкѣ, не своими именами, а именно: Матауа, Рашауа, Ушисиръ.

Digitized by Google

приказать отправить ихъ въ отечество изъ Охотска, и съ тѣмъ вмѣстѣ попытаться о возстановленіи съ Японскимъ Государствомъ торговли ко взаимной выгодѣ обѣихъ державъ. Высочайшее именное повелѣніе по сему предмету, данное Сибирскому Генералъ-Губернатору Пилю, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ немъ, между прочими наставленіями, именно предписано было генералъ-губернатору отправить въ Японію съ посольствомъ малозначащаго чиновника и подарки отъ своего имени, такъ какъ отъ пограничнаго генералъ-губернатора, а не отъ императорскаго лица, и притомъ замѣчено, чтобы начальникъ судна былъ не Англичанинъ и не Голландецъ. Въ исполненіе сей Высочайшей воли, Генералъ-Губернаторъ Пиль отправилъ, осенью 1792 года, въ Японію изъ Охотска Поручика Лаксмана, на транспортѣ «Екатерина», подъ командою штурмана Ловцова. Лаксманъ присталъ къ сѣверной части острова Матсмая, и зимовалъ въ небольшой гавани Немуро, а въ слѣдующее лѣто, по желанію Японцевъ, перешелъ въ портъ Хакодадѐ, находящійся на южной сторонѣ помянутаго острова, при Сангарскомъ (*) Проливѣ, откуда сухимъ путемъ ѣздилъ въ городъ Матсмай, отстоящій отъ Хакодадѐ къ западу на три дня ходу, гдѣ и имѣлъ переговоры съ чиновниками, присланными изъ японской столицы. Слѣдствіемъ ихъ было слѣдующее объявленіе Японскаго Правительства:

1. Хотя по японскимъ законамъ и надлежитъ всѣхъ иностранцевъ, приходящихъ къ японскимъ берегамъ кромѣ порта Нангасаки, брать въ плѣнъ и держать вѣчно въ неволѣ; но какъ Русскимъ сей законъ былъ неизвѣстенъ, а притомъ они привезли спасшихся на ихъ берегахъ японскихъ подданныхъ, то сей законъ надъ ними теперь не исполненъ, и позволяется имъ возвратиться въ свое отечество безъ всякаго вреда, съ тѣмъ, чтобъ впредь къ японскимъ берегамъ, кромѣ Нангасаки, не приходили, и даже, если опять Японцы попадутъ въ Россію, то и ихъ не привозили; въ противномъ случаѣ, помянутый законъ будетъ имѣть свое дѣйствіе.

(*) По точному японскому произношенію, Тцынгарскомъ.

Digitized by Google

2. Японское Правительство благодаритъ за возвращеніе его подданныхъ въ отечество, но объявляетъ, что Русскіе могутъ ихъ оставить или взять съ собою, какъ имъ угодно, ибо Японцы, по своимъ законамъ, не могутъ ихъ взять силою, предполагая, что люди сіи принадлежатъ тому государству, къ которому они занесены судьбою, и гдѣ спасена жизнь ихъ при кораблекрушеніи.

3. Въ переговоры о торговлѣ Японцы вступать нигдѣ не могутъ, кромѣ одного, назначеннаго для сего порта Нангасаки, и потому теперь даютъ только Лаксману письменный видъ, съ которымъ одинъ русскій корабль можетъ прійти въ помянутый портъ, гдѣ будутъ находиться японскіе чиновники, долженствующіе съ Русскими договариваться о семъ предметѣ.

Съ такимъ объявленіемъ Лаксманъ возвратился въ Охотскъ осенью 1793 года. По отзыву его видно, что Японцы обходились съ нимъ дружелюбно и съ большою вѣжливостью, оказывали ему разныя по своимъ обычаямъ почести; офицеровъ и экипажъ содержали на свой счетъ во все время пребыванія ихъ при берегахъ японскихъ, и при отправленіи снабдили съѣстными припасами безъ всякой платы, сдѣлавъ имъ разные подарки. Онъ жалуется на то только, что Японцы, исполняя строго свои законы, не позволяли Русскимъ свободно ходить по городу, и держали ихъ всегда подъ присмотромъ.

Не извѣстно, почему покойная Государыня не приказала тотчасъ по возвращеніи Лаксмана отправить корабль въ Нангасаки. Вѣроятно, что безпокойства, причиненныя въ Европѣ Французскою Революціею, были тому причиною; но въ 1803 году, при нынѣ царствующемъ Императорѣ, посланъ былъ въ Японію Двора Его Величества Каммергеръ Николай Петровичъ Резановъ. Путешествіе Капитана Крузенштерна познакомило съ симъ посольствомъ всю Россію. Написанное въ его книгѣ касательно сего предмета, и мнѣ было извѣстно, ибо первый томъ сего путешествія, какъ я упомянулъ выше, удалось мнѣ прочитать до отправленія моего изъ Камчатки. Я зналъ, что объявленіе Японскаго Правительства, сдѣланное Резанову,

состояло въ строгомъ запрещеніи русскимъ судамъ приближаться къ японскимъ берегамъ, и даже людей ихъ, буде принесены будутъ къ нашимъ предѣламъ, запретили они привозить на нашихъ корабляхъ, а предложили присылать ихъ, если хотимъ, посредствомъ Голландцевъ.

Г. Резановъ, возвратясь изъ Охотска въ Камчатку, отправился оттуда въ Америку на компанейскомъ суднѣ, которымъ командовалъ Лейтенантъ Хвостовъ; оттуда онъ, на слѣдующій годъ, съ тѣмъ же офицеромъ возвратился въ Охотскъ, и поѣхалъ сухимъ путемъ въ Петербургъ, но на дорогѣ занемогъ и умеръ, а Хвостовъ пошелъ въ море, и сдѣлалъ нападеніе на японскія селенія. Обо всѣхъ сихъ происшествіяхъ упоминается въ предисловіи къ книгѣ подъ заглавіемъ: «Двукратное путешествіе Хвостова и Давыдова» и проч., изданной Г. Вице-Адмираломъ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ. Любопытные могутъ тамъ видѣть, какъ дѣло это случилось; но мнѣ достовѣрно было извѣстно, что правительство не одобрило поступковъ Хвостова; впрочемъ, если бъ Резановъ и Хвостовъ находились въ живыхъ, то, можетъ быть, поступки послѣдняго были бы лучше объяснены, но теперь станемъ держаться старой пословицы: объ умершихъ, кромѣ хорошаго, ничего говорить не должно.

Получивъ повелѣніе описывать Южные Курильскіе Острова, зналъ я, что нѣкоторые изъ нихъ заняты Японцами, и потому всѣми мѣрами старался, сколько возможно подробнѣе, навѣдаться обо всемъ томъ, что дѣлалъ у нихъ Хвостовъ, и на сей конецъ распрашивалъ бывшаго съ нимъ штурмана. Отвѣты его увѣрили меня, что оба ихъ нападенія на Японцевъ походили не столько на войну просвѣщеннаго народа, сколько на самовольные поступки, и что Японцы не имѣютъ ни малѣйшей причины быть увѣрены, чтобы такое на нихъ нападеніе двухъ малозначащихъ судовъ, могло быть сдѣлано по волѣ Монарха великой и сильной державы, о пространствѣ и могуществѣ коей они должны были имѣть ясное понятіе по описанію своихъ единоземцевъ, жившихъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи. Объявленія помянутаго штурмана совершенно сходствовали и съ тѣмъ, что я

Digitized by Google

о семъ дѣлѣ слышалъ въ первый годъ прибытія нашего въ Камчатку отъ компанейскаго прикащика Мясникова, бывшаго также съ Хвостовымъ въ его экспедиціяхъ. Но, не смотря на все это, я не хотѣлъ безъ повелѣнія высшаго начальства имѣть съ Японцами ни какого сношенія, ни свиданія. Намѣреніе мое было плавать подлѣ береговъ тѣхъ острововъ, которые они занимаютъ, не поднимая ни какого флага, чтобы не произвести страха и сомнѣнія въ подозрительныхъ Японцахъ. Но судьбѣ угодно было все расположить иначе и, вѣроятно, къ лучшему.

Вотъ въ какомъ отношеніи, сколько мнѣ извѣстно, находилась Россія въ разсужденіи Японіи, когда я долженъ былъ отправиться къ берегамъ острововъ, въ японской зависимости находящихся. Теперь обращусь къ главному предмету моей книги.

Послѣ полудня 17-го Іюня, мы находились весьма близко западной стороны сѣверной оконечности острова Итурупа, не знавъ тогда, что она составляетъ часть сего острова. Оконечность сія, напротивъ того, казалась намъ отдѣльнымъ островомъ, ибо заливъ Сана, вдавшись далеко внутрь земли, походилъ на проливъ, да и на картѣ Капитана Бротона сія часть берега оставлена подъ сомнѣніемъ, по неизвѣстности, проливъ ли тутъ или заливъ. Желая узнать это достовѣрно, приблизились мы къ берегу мили на три италіянскія. Тогда увидѣли на берегу нѣсколько шалашей (по-сибирски бараборъ), двѣ большія лодки (байдары) и людей, бѣгающихъ взадъ и впередъ. Полагая, что тутъ живутъ Курильцы, отправилъ я, для отобранія отъ нихъ свѣдѣній объ островѣ и о другихъ предметахъ, къ нашему дѣлу принадлежащихъ, Мичмана Мура и штурманскаго помощника Новицкаго на вооруженной шлюпкѣ съ четырьмя гребцами, а усмотрѣвъ, что съ берегу ѣдетъ большая лодка къ нимъ навстрѣчу, и не зная, какъ жители хотятъ ихъ встрѣтить, тотчасъ подошелъ со шлюпомъ ближе къ берегу, и потомъ, на вооруженной шлюпкѣ, съ Мичманомъ Якушкинымъ и съ четырьмя гребцами поѣхалъ самъ къ нимъ на помощь. Между тѣмъ лодка, встрѣтивъ первую нашу шлюпку, воротилась и вмѣстѣ съ нею погребла къ

Digitized by Google

берегу, куда и я пріѣхалъ. На берегу нашелъ я, къ великому моему удивленію, Мичмана Мура въ разговорѣ съ Японцами. Онъ сказалъ мнѣ, что тутъ есть нѣсколько нашихъ Курильцевъ съ тринадцатаго острова, или Расшуа, занесенныхъ сюда въ прошломъ лѣтѣ погодою, которыхъ Японцы, продержавъ около года въ заключеніи, рѣшились наконецъ освободить. Теперь они приведены были на это мѣсто подъ конвоемъ японскихъ солдатъ, съ тѣмъ, чтобъ при первомъ благополучномъ вѣтрѣ отправиться имъ отсюда на лодкахъ къ своимъ островамъ. Г. Муръ показалъ мнѣ японскаго начальника, стоявшаго на берегу, саженяхъ въ сорока отъ своихъ палатокъ къ морю; его окружали осьмнадцать или двадцать человѣкъ въ латахъ, вооруженные саблями и ружьями; каждый изъ нихъ въ лѣвой рукѣ держалъ ружье у ноги безъ всякаго порядка, какъ кто хотѣлъ, а въ правой два тонкіе зажженные фитиля. Я ему сдѣлалъ привѣтствіе, по нашему обыкновенію, поклономъ, а онъ мнѣ поднятіемъ правой руки ко лбу и небольшихъ наклоненіемъ впередъ всего тѣла. Мы говорили посредствомъ двухъ переводчиковъ: первый былъ одинъ изъ его воиновъ, знавшій Курильскій Языкъ, а другіе наши Курильцы, умѣвшіе немного говорить по-русски. Японскій начальникъ сдѣлалъ мнѣ сперва вопросъ, зачѣмъ мы пришли къ нимъ: если торговать, а не съ худымъ противъ нихъ намѣреніемъ (*), то чтобы шли далѣе вдоль берега за сопку, гдѣ находится главное селеніе сего острова, Урбитчъ. На это велѣлъ я ему сказать, что мы ищемъ безопасной для нашего судна гавани, гдѣ могли бы запастись прѣсною водою и дровами, въ коихъ имѣемъ крайнюю нужду, а получивъ нужное намъ количество воды и дровъ, тотчасъ оставимъ ихъ берега (**); впрочемъ опасаться насъ они не должны,

(*) Нашъ переводчикъ выражалъ этотъ вопросъ: «съ добрымъ умомъ или съ худымъ умомъ вы пришли сюда?»

(**) Такое объявленіе я сдѣлалъ для того, чтобъ подъ видомъ отыскиванія удобной гавани, могъ обойти кругомъ всѣ ихъ острова и сдѣлать имъ точнѣйшую опись; настоящей же причины нашего къ нимъ прихода, никакъ невозможно было открыть Японцамъ. Такой народъ не можетъ вообразить, какое

Digitized by Google

ибо судно наше есть императорское, а не купеческое, и мы не намѣрены причинять имъ ни какого вреда. Выслушавъ мой отвѣтъ со вниманіемъ, онъ сказалъ, что Японцы имѣютъ причину бояться Русскихъ, ибо за нѣсколько лѣтъ предъ симъ русскія суда два раза нападали на японскія селенія, и все, что въ нихъ ни нашли, то или увезли съ собою или сожгли, не пощадивъ даже ни храмовъ, ни домовъ, ни съѣстныхъ припасовъ, а какъ пшено, главная и единственная ихъ пища, привозится на островъ изъ Японіи, нападеніе же на нихъ сдѣлано было одно поздно осенью, когда суда ихъ въ море не ходятъ и новаго запаса на зиму привезти не могли, а другое рано весною, прежде нежели пришли суда, притомъ и жилища ихъ были выжжены, то Японцы принуждены были много претерпѣть отъ голода и стужи, до того даже, что многіе лишились жизни; слѣдовательно невозможно, чтобы Японцы, видя русское судно столь близко у своихъ береговъ, были покойны, и не боялись. На этотъ вопросъ отвѣчать было трудно посредствомъ такихъ плохихъ переводчиковъ, каковы были Курильцы, однако жъ я старался вразумить имъ мои мысли, и желалъ, чтобы они постарались пересказать мои слова сколько возможно точнѣе. Я спросилъ японскаго начальника: если бы ихъ государь хотѣлъ на какой нибудь народъ итти войною, то много ли бы судовъ и людей онъ послалъ? Отвѣтъ его былъ: не знаю. Но судовъ пять или десять послалъ бы? спросилъ я. Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, засмѣявшись, много послалъ бы, очень много. — Какъ же Японцы могутъ думать, продолжалъ я, чтобы Государь Русскій, обладатель такой обширной земли и великаго множества народа, могъ послать два судишка вести войну съ Японіею, и потому они должны знать, что суда, сдѣлавшія на нихъ нападеніе, были купеческія, и всѣ тѣ люди, которые ими начальствовали и управляли, не принадлежали къ службѣ императорской,

---

дѣло постороннему государству посылать суда для описанія чужихъ земель изъ одного любопытства, безъ всякаго другаго намѣренія. Они тотчасъ возъимѣли бы подозрѣніе.

Digitized by Google

а занимались звѣриными промыслами и торгами, напали на Японцевъ, и ограбили ихъ самовольно, даже безъ вѣдома послѣднихъ нашихъ начальниковъ; но коль скоро поступки ихъ дошли до свѣдѣнія начальства, дѣло было изслѣдовано, и виновные наказаны по нашимъ законамъ; доказательствомъ сему можетъ послужить и то, что суда сіи, сдѣлавъ два набѣга, которые оба имѣли совершенный успѣхъ, болѣе уже не являлись въ теченіе трехъ лѣтъ; но если бъ нашъ Государь имѣлъ причину и желалъ объявить Японцамъ войну, то множество судовъ приходило бы къ нимъ всякій годъ, покуда не получили бы того, чего требовали. Японецъ, принявъ веселый видъ, сказалъ, что онъ радъ это слышать, всему, что я ему говорилъ, вѣритъ и остается покоенъ; но спросилъ, гдѣ теперь тѣ два человѣка, которыхъ увезъ у нихъ Хвостовъ, и не привезли ли мы ихъ съ собою. Они бѣжали изъ Охотска на лодкѣ, отвѣчалъ я, и гдѣ скрылись, неизвѣстно. Наконецъ онъ объявилъ намъ, что въ этомъ мѣстѣ нѣтъ для насъ ни дровъ, ни хорошей воды (что мы и сами видѣли), а если я пойду въ Урбитчъ, то тамъ могу получить не только воду и дрова, но сарачинское пшено и другіе съѣстные припасы, а онъ для сего дастъ намъ письмо къ начальнику того мѣста. Мы его поблагодарили, и сдѣлали ему и приближеннымъ къ нему чиновникамъ подарки, состоявшіе въ разныхъ европейскихъ вещахъ, а онъ насъ отдарилъ свѣжею рыбою, кореньями сарана, дикимъ чеснокомъ и фляжкою японскаго напитка саги (*), которымъ подчивалъ насъ, отвѣдывая напередъ самъ, а я поилъ начальника и всѣхъ его товарищей французскою водкою, выпивъ сперва самъ, по японскому обыкновенію, дабы показать, что въ ней нѣтъ ничего опаснаго для здоровья. Они пили съ большимъ удовольствіемъ, прихлебывая понемногу и прищелкивая языкомъ. Принимая отъ меня чашечку, изъ которой пили, они благодарили небольшимъ

(*) Напитокъ саги дѣлается изъ сарачинскаго пшена; вкусомъ не противенъ и не крѣпокъ, однакожъ отъ большаго количества можетъ опьянѣть и пріобыкшій къ крѣпкимъ напиткамъ человѣкъ.

Digitized by Google

наклоненіемъ головы впередъ и поднятіемъ лѣвой руки ко лбу. Я взялъ у одного изъ нихъ фитиль, чтобъ посмотрѣть его, и когда сталъ ему отдавать, изъявляя знаками вопросъ, можно ли мнѣ отъ него немного отрѣзать, они мнѣ всё тотчасъ предложили весь мотокъ. Начальникъ ихъ, видя, что мнѣ хотѣлось посмотрѣть ихъ ставку, тотчасъ повелъ меня туда. Она состояла изъ весьма длинной, невысокой, крытой соломяными или травяными матами палатки, разгороженной поперегъ на многія отдѣленія; въ каждое изъ нихъ входъ былъ особенный съ южной стороны; оконъ не было, а свѣтъ проходилъ дверьми. Его отдѣленіе находилось на восточномъ краю; полъ въ немъ устланъ чистыми матами, на которыя мы сѣли, поджавъ ноги, какъ портные; въ срединѣ поставили большую жаровню, и принесли ящикъ въ чахлѣ изъ медвѣжьей кожи, шерстью наружу. Начальникъ положилъ двѣ свои сабли въ сторону, и сталъ снимать кушакъ; примѣтивъ, что онъ сбирается угощать насъ не на шутку, а на дворѣ становилось поздно, и шлюпъ былъ слишкомъ близко къ берегу для ночнаго времени, я поблагодарилъ его за ласковый пріемъ, велѣлъ сказать, что пріѣду къ нему въ другой разъ, а теперь остаться не могу, и пошелъ къ шлюпкѣ. Когда я былъ съ начальникомъ на берегу, ко мнѣ подошелъ съ большимъ подобострастіемъ и униженіемъ престарѣлый таіонъ, или старшина Мохнатыхъ Курильцевъ въ сей части острова; ихъ тутъ было обоего пола человѣкъ до пятидесяти: они показались намъ такъ угнетены Японцами, что тронуться съ мѣста не смѣли; сидѣли въ кучѣ и смотрѣли съ робостью на своихъ повелителей, съ которыми не смѣли говорить иначе, какъ стоя на колѣняхъ, положивъ обѣ руки ладонями на ноги немного выше колѣнъ, и наклонивъ голову низко, а всѣмъ тѣломъ нагнувшись впередъ. Наши Курильцы оказывали намъ такіе же знаки почтенія, какъ и имъ. Я желалъ поговорить, съ ними на свободѣ, и сказалъ, чтобъ они пріѣхали къ намъ, если это не будетъ противно Японцамъ, и не причинитъ имъ самимъ вреда; впрочемъ велѣлъ я, чтобъ они увѣрили Японцевъ въ нашемъ дружескомъ къ нимъ расположеніи, и что мы не

Digitized by Google

намѣрены дѣлать имъ отнюдь ни какого вреда. Курильцы пересказали имъ мои слова, но за точность перевода я ручаться не могу. Въ отвѣтъ же они мнѣ объяснили, что Японцы насъ боятся и не вѣрятъ, чтобъ мы къ нимъ пришли съ добрымъ намѣреніемъ (или съ добрымъ умомъ, какъ они говорили), но подозрѣваютъ, что мы съ такимъ же худымъ умомъ пришли, съ какимъ приходили къ нимъ суда Хвостова. Я желалъ развѣдать о семъ дѣлѣ болѣе, и сказалъ Курильцамъ, чтобъ они поговорили съ Японцами, и узнали что они объ насъ думаютъ, а потомъ пріѣхали къ намъ. Мы возвратились на шлюпъ въ семь часовъ вечера, а Курильцы пріѣхали черезъ часъ послѣ того; ихъ было двое мужчинъ, одна женщина и дѣвочка лѣтъ четырехъ. Мужчины оба говорили по-русски столько, что насъ понимали, и мы ихъ могли разумѣть безъ затрудненія. Они привезли намъ обѣщанное письмо японскаго начальника къ главному командиру въ Урбитчѣ, увѣряя, что оно содержитъ въ себѣ извѣщеніе о приходѣ нашемъ сюда не съ злымъ, а съ добрымъ намѣреніемъ, и сказали, что тотчасъ по отъѣздѣ нашемъ изъ селенія, Японцы отправили въ Урбитчь съ подобнымъ извѣстіемъ байдару (большую лодку), которую мы и сами видѣли, когда она отправилась. Письмо было написано на толстой бѣлой бумагѣ, и сложено кувертомъ длиною въ $6^1/_4$, а шириною въ $2^1/_4$ дюйма; кувертъ былъ сдѣланъ такимъ образомъ, что съ одной стороны бумаги оставался треугольникъ, который краями былъ приклеенъ къ той сторонѣ, а верхнимъ, оставшимся угломъ, длиною въ полдюйма, загнутъ на другую сторону, гдѣ края также были приклеены, а на самомъ верху положенъ, черными чернилами, штемпель; надпись была сдѣлана съ обѣихъ сторонъ. Сверхъ того, вотъ какія вѣсти сообщили намъ Курильцы: Японцы не хотятъ вѣрить, чтобъ мы пришли къ нимъ за какимъ нибудь другимъ дѣломъ, кромѣ грабежа, утверждаясь въ своемъ подозрѣніи на прежнемъ примѣрѣ. Разсказывая объ этомъ поступкѣ Русскихъ, они обыкновенно говорятъ: Русскіе на насъ напали безъ вины, перебили много людей, нѣкоторыхъ захватили, разграбили и сожгли все, что у насъ было; они не только что отняли у насъ

обыкновенныя вещи, но даже лишили всего нашего пшена и саги (*), и оставили насъ несчастныхъ умирать съ голоду, а потому, по увѣренію Курильцевъ, Японцы, пребывая въ полномъ убѣжденіи, что Россіяне рѣшились дѣлать имъ всякое возможное зло, подозрѣваютъ, что и мы пришли къ нимъ съ такимъ же намѣреніемъ, почему они давно уже все свое имущество отправили внутрь острова.— Вѣсть сія крайне огорчила всѣхъ насъ; однако жъ Курильцы утѣшали насъ увѣреніемъ, что не всѣ Японцы такъ мыслятъ о Русскихъ, но одинъ только здѣсь находящійся при нихъ начальникъ и товарищи его считаютъ Русскихъ грабителями и боятся ихъ, чему, конечно, причиною чрезвычайная трусость сихъ людей. Въ доказательство они разсказали намъ свои приключенія. Въ прошломъ лѣтѣ принесло ихъ сюда бурею. Японцы ихъ взяли, посадили въ тюрьму, и предлагали имъ множество вопросовъ касательно сдѣланнаго на нихъ Русскими нападенія. Они отвѣчали, что Курильцы въ поступкахъ Русскихъ ни какого участія не имѣли; притомъ слышали они въ Камчаткѣ, что начальники тѣхъ судовъ, которыя ихъ грабили, были промышленные, а не Государевы офицеры, и нападеніе сдѣлали безъ приказу, за что исправникъ (**) отобралъ у нихъ японскія вещи, и положилъ въ Государевы балаганы (магазины), а ихъ самихъ посадилъ въ тюрьму. Послѣ этого объявленія (продолжали Курильцы) Японцы сдѣлались къ нимъ добрѣе, стали ихъ содержать лучше, и наконецъ велѣли немедленно отпустить, одаривъ пшеномъ, сагою, табакомъ, платьемъ и другими вещами, а теперь они сюда привезены съ тѣмъ, чтобы имъ съ первымъ благопріятнымъ вѣтромъ отправиться на свои острова. Между прочими разговорами, когда они сдѣлались посмѣлѣе отъ двухъ рюмокъ водки, часто упоминали они, что имѣютъ крайнюю нужду въ порохѣ, что имъ зимою не чѣмъ будетъ промышлять звѣрей, и что Япони (такъ они называютъ Японцевъ) все имъ даютъ кромѣ пороху. Частое

(*) Единственная ихъ пища и питье въ здѣшнихъ мѣстахъ.

(**) По мнѣнію сихъ людей, исправникъ долженъ быть одинъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ въ Россіи.

Digitized by Google

повтореніе о порохѣ не трудно было понять: они хотѣли просить его у меня, но не смѣли, а я, будучи увѣренъ, что они имѣютъ въ немъ надобность дѣйствительно только для промысловъ, далъ имъ полтора фунта мелкаго англійскаго пороху, прибавивъ къ тому еще табаку, бисеру и сережекъ. Позднее время не позволяло мнѣ продолжать съ ними разговоръ, и я отпустилъ ихъ въ десятомъ часу на берегъ, сказавъ, чтобъ они сколько возможно старались изъясниться съ Японцами, и увѣрить ихъ въ нашемъ миролюбивомъ и дружескомъ къ нимъ расположеніи. Между тѣмъ, какъ Курильцы у насъ гостили, я посылалъ на берегъ Мичмана Филатова, давъ ему табаку, чтобъ достать черемши и сараны отъ Мохнатыхъ Курильцевъ. Онъ скоро возвратился и привезъ нѣсколько пучковъ, которые я велѣлъ оставить для больныхъ. Безвѣтріе, продолжавшееся во всю ночь на 18-е число, не позволило намъ удалиться отъ берега, а рано поутру увидѣли мы ѣдущую къ намъ байдару подъ флагомъ. Думая, что Японцы хотятъ насъ посѣтить, мы приготовились принять ихъ, и, желая показать, что мы ихъ дожидаемся, я велѣлъ опустить паруса, хотя, по причинѣ безвѣтрія, настоящей нужды въ томъ и не было. Около осьми часовъ байдара подъѣхала къ намъ такъ близко, что вмѣсто флага видѣнъ былъ бѣлый кусокъ мата или рогожки, а вскорѣ послѣ того узнали мы старыхъ своихъ друзей, Курильцевъ, тѣхъ же самыхъ, которые и вчера насъ навѣстили; съ ними былъ еще одинъ молодой мужчина, который называлъ себя Алексѣемъ Максимовичемъ. Мужчины были въ японскихъ длинныхъ и очень широкихъ халатахъ, съ короткими, широкими же рукавами; халаты сіи сшиты изъ толстой бумажной матеріи синяго цвѣта съ частыми сѣроватыми полосками. Женщина была въ паркѣ (*), сшитой изъ птичьихъ шкуръ; на спинѣ у ней, для украшенія, висѣли въ нѣсколько рядовъ носы топорковъ (**); на головѣ былъ бумажный платокъ. Мужчины были съ открытыми головами; на ногахъ торбасы, или

(*) Родъ камчадальской одежды.

(**) Топорокъ морской попугай.

русскія бахилы, сдѣланныя изъ горлъ сивучей. Есаулъ взошелъ на шлюпъ босой, но прежде нежели поклонился или сталъ съ нами говорить, сѣлъ на шкафутѣ, надѣлъ свои торбасы, а потомъ подошелъ ко мнѣ и присѣлъ съ такимъ же подобострастіемъ, съ какимъ они кланяются Японцамъ. Изъ этого я заключилъ, что у нихъ неучтиво босому показаться людямъ, которыхъ они уважаютъ. Человѣкъ онъ лѣтъ пятидесяти и, по-видимому, очень дряхлый; маленькую дочь свою во все время таскалъ онъ у себя за спиною въ своемъ халатѣ, придерживая веревкою, кругомъ его обвязанною, которая обыкновенно была противъ груди спереди, а когда надобно было ему дѣйствовать руками, то, чтобъ сжимая плеча, она не мѣшала, онъ поднималъ ее на лобъ, для чего въ томъ мѣстѣ, гдѣ веревка должна касаться лба, пришитъ былъ къ ней широкій ремень. Мужчины имѣли большіе, густые, черные, какъ уголь, волосы и бороды; волосы они носили такъ какъ наши ямщики; искусственныхъ украшеній ни какихъ у нихъ на лицѣ и на тѣлѣ не было, а у женщины ротъ кругомъ по губамъ на четверть дюйма выкрашенъ синею краскою, и такъ же испещрены руки. Они привезли къ намъ въ гостинецъ, два пуда рыбы кунжи и трески, нѣсколько сараны и черемши.

Первый вопросъ мы имъ сдѣлали о Японцахъ, и узнали, что начальникъ ихъ, въ слѣдствіе подаренной ему мною бутылки водки, спалъ весь вечеръ и ночь до самаго утра весьма покойно и крѣпко, но прочіе во всю ночь не спали и стояли въ ружьѣ. Подозрѣнія своего въ дурныхъ нашихъ противъ нихъ замыслахъ они не оставляютъ, и грозятъ Курильцамъ, что если мы на нихъ сдѣлаемъ нападеніе, то имъ отрубятъ головы, какъ русскимъ подданнымъ, для чего и отпустили ихъ къ намъ всѣхъ, а нѣкоторыхъ оставили у себя подъ стражею. И этихъ во всю ночь караулили, а поутру послали сами нарочно къ намъ, чтобъ точнѣе вывѣдать, зачѣмъ мы пришли и чего хотимъ. Въ этотъ разъ Курильцы наши сбились въ словахъ, и признались, что ихъ сюда не погодою занесло, а пріѣхали они къ Японцамъ торговать, что въ старые годы имъ позволялось, но нынѣ, по причинѣ не-

Digitized by Google

пріятельскихъ поступковъ со стороны Русскихъ, Японцы ихъ захватили и поступили съ ними, какъ выше описано, а потомъ велѣли отпустить, давъ имъ на дорогу двадцать мѣшковъ пшена, саги и табаку; хотя имъ возвращена была свобода, но дурныя погоды мѣшали имъ уѣхать до нашего прихода; нынѣ же Японцы хотятъ опять держать ихъ съ тѣмъ, что они головами своими должны будутъ отвѣчать за наши дурные противъ нихъ поступки. Они пріѣхали къ Японцамъ въ числѣ семи мужчинъ, шести женщинъ и двухъ ребятъ, изъ коихъ во время ихъ пребыванія на семъ островy, отъ заключенія въ тѣсномъ мѣстѣ, умерло трое мужчинъ и три женщины; они не умѣли назвать по-русски болѣзни, бывшей причиною ихъ смерти, но, по описанію, это должна быть цынга и слабость. Однако жъ Японцы прилагали попеченіе о сохраненіи ихъ здоровья, и имъ удалось побывать въ рукахъ японскихъ врачей. Одинъ изъ Курильцевъ имѣлъ опухоль въ рукахъ, а въ ногахъ судороги, такъ что ноги притягивало икрами вплоть къ заднимъ частямъ лядвей. Его лечили бросаніемъ крови, сначала вдругъ изъ обѣихъ ногъ, а послѣ изъ рукъ, изъ одной послѣ другой. Впрочемъ, по незнанію выраженій, не могли они описать ни инструментовъ, ни средствъ, употребленныхъ Японцами; только они Курильца вылечили. Онъ жаловался лишь на то, что послѣ болѣзни не стало у него, такъ онъ изъяснялся, мяса ни на рукахъ, ни на ногахъ. По мнѣнію нашего лекаря Г. Бранда (человѣка въ своемъ дѣлѣ весьма искуснаго), этому должна быть другая причина. Разсказывая свои приключенія, они часто сбивались и противорѣчили другъ другу; наконецъ стали меня просить взять ихъ съ собою, и отвезти на ихъ островъ Расшуа, потому что они имѣютъ крайнюю нужду тамъ быть. На вопросъ мой, если я ихъ возьму, что тогда будетъ съ ихъ товарищами, двумя женщинами и ребенкомъ, оставшимися у Японцевъ, они молчали, но скоро опять возобновляли свою просьбу, говоря, что Японцы ихъ убьетъ. Вчера ни слова не говорили они намъ о нуждахъ ихъ ѣхать скоро на свой островъ, а только лишь твердили, что пороху нѣтъ, и что

Digitized by Google

не знаютъ, чѣмъ имъ промышлять на Урупѣ. Дурная погода, препятствовавшая имъ отправиться, была также сущая ложь. Имъ неизвѣстно было, что мы давно уже въ сосѣдствѣ ихъ плаваемъ, и очень знаемъ, когда какія погоды стояли; крѣпкихъ вѣтровъ давно не было, и туманы случались не такъ часто, чтобы съ острова на островъ нельзя было ѣхать, а особливо съ Итурупа на Урупъ, гдѣ переѣздъ менѣе двадцати пяти верстъ, а притомъ туманы имъ неопасны, потому что у нихъ былъ компасъ, который мы видѣли. Они его привозили къ намъ, и берегли, какъ глазъ, не оставляли даже въ лодкѣ, а выносили съ собою (*). По всѣмъ ихъ разсказамъ, изъ коихъ многіе не стоятъ того, чтобъ объ нихъ здѣсь упоминать, можно было догадываться о ихъ положеніи: лишь только Японцы, подозрѣвая, что мы хотимъ напасть на ихъ селенія, сказали объ этомъ Курильцамъ, и погрозили наказать ихъ за наши поступки, то они, имѣя причину такъ же дурно мыслить объ насъ, какъ и Японцы, стали спасаться, чтобъ не потерять головъ, и для спасенія жизни желали лучше быть у насъ, оставляя на жертву своего товарища, двухъ женщинъ и ребенка, почему и просили меня взять ихъ съ собою. Я старался ихъ убѣдить, что имъ Японцевъ бояться нечего; мы имъ ни малѣйшаго зла не желаемъ и не сдѣлаемъ, слѣдовательно и они намъ вредить не захотятъ; что мы только сыщемъ гавань, запасемся водою и дровами, и потомъ оставимъ берега ихъ въ покоѣ, и что въ Урбитчѣ мы постараемся своими поступками увѣрить Японцевъ въ нашей къ нимъ дружбѣ, почему и совѣтовалъ имъ, ничего не боясь, ѣхать на берегъ. Для начальника японскаго послалъ я въ подарокъ четыре бутылки француской водки, узнавши, что имъ отмѣнно нравится этотъ напитокъ. — При разставаніи я предложилъ, не хочетъ ли

(*) Компасъ былъ въ кругломъ футлярѣ, діаметромъ дюйма въ три; картушка раздѣлена на румбы безъ градусовъ и раскрашена; вмѣсто стекла слюда. Футлярчикъ компасный они хранятъ еще въ ящикѣ съ задвижною крышкою; по ихъ словамъ, они его получили въ Камчаткѣ.

одинъ изъ нихъ остаться на шлюпѣ, чтобъ показать намъ гавань въ Урупѣ, и если пойдемъ въ Урбитчъ, служить переводчикомъ; на предложеніе мое всѣ они тотчасъ согласились остаться, но этого нельзя было сдѣлать, и такъ рѣшено оставаться Алексѣю, а прочимъ ѣхать на берегъ. Они такъ увѣрены были въ нашемъ намѣреніи поступить противъ Японцевъ непріятельски, что предъ отъѣздомъ одинъ изъ нихъ увѣдомилъ насъ, хотя прежде о томъ ни слова не говорилъ, будто они слышали, что въ Урбитчѣ поставлены пушки, и коль скоро Русскіе покажутся, то станутъ стрѣлять, а чрезъ минуту послѣ, другой сказалъ намъ, что тамъ у нихъ только одна пушка. Къ полудню вѣтеръ сталъ изрядно дуть отъ Z. Погода была свѣтлая, и такъ, чтобъ успѣть осмотрѣть восточный берегъ Урупа, отправивъ нашихъ гостей, мы поставили всѣ паруса, и пошли къ О. Но оставивъ ихъ отъ насъ на полмили или на берегу, мы увидѣли, что они стояли въ байдарѣ съ поднятыми вверхъ руками, махали намъ и громко что-то кричали. Думая, что байдара тонетъ, я велѣлъ тотчасъ остановиться. Они пріѣхали къ намъ опять очень благополучно, только для того, чтобъ сказать, что они боятся Японцевъ, которые ихъ убьютъ, если мы сдѣлаемъ имъ что либо дурное. Надобно было ихъ снова уговаривать; наконецъ рѣшились они ѣхать съ величайшею робостью, не оставляя мысли, что мы покусимся разбить Японцевъ. Послѣднее прощаніе съ нами этихъ жалкихъ бѣдняковъ очень меня тронуло; они кричали намъ съ байдары своей: «прощайте, мы вамъ наловимъ рыбы, наберемъ черемши и сараны, и будемъ васъ ожидать, если Японцы не убьютъ насъ!»

Отъ Итурупа пошли мы къ восточному берегу Урупа, у котораго для описи провели три дня, а потомъ хотѣли возвратиться къ Урбитчу, но вѣтры не позволяли пройти проливомъ де-Фриза, а посему и стали мы держать къ югу вдоль восточнаго берега Итурупа, для описи сего острова. Между тѣмъ, по необходимости, мы должны были усилить подозрѣніе нашего курильскаго лоцмана въ томъ, что хотимъ напасть на Японцевъ; я, съ моей стороны, охотно бы старался въ другихъ случаяхъ искоренять изъ

Digitized by Google

него подобную мысль, но этого миновать было нельзя. Когда день былъ тихій, со свѣтлою, сухою погодою, мы обучали команду абордажной экзерциціи съ настоящею пальбою. Коль скоро Курилецъ нашъ увидѣлъ всѣхъ въ ружьѣ, одно отдѣленіе съ большими мушкетонами, другое съ малыми, третье съ пистолетами и пиками, и проч., то, при видѣ такого, по его понятіямъ, множества оружія, не могъ скрыть своего удивленія. Мы старались увѣрить его, что сами боимся нападенія на насъ Японцевъ, и для того готовимся защищаться, а имъ отъ насъ вреда ни какого не будетъ, если они обойдутся съ нами дружески. Онъ хотя и качалъ головою въ знакъ согласія, но про себя думалъ совсѣмъ не то. Впрочемъ часто онъ самъ открывалъ намъ нечаянно такія вещи, въ которыхъ на вопросы наши запирался и приходилъ въ замѣшательство; напримѣръ, онъ не хотѣлъ признаться, какимъ образомъ они прежде производили торговлю съ Японцами, когда мы его о томъ прямо спрашивали, а послѣ, между посторонними разговорами и особливо за чаемъ, самъ разсказывалъ, почемъ за какіе товары Японцы имъ платили, не помышляя ни мало, что объявлялъ тайну, которую прежде хотѣлъ скрыть. Я былъ очень доволенъ, что мы могли, не приводя нашего гостя въ замѣшательство, и не причиняя страха, узнать въ обыкновенныхъ разговорахъ все, что только нужно было, и что вредить ему никакъ не могло; а потому я и не спрашивалъ ни о чемъ, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ всеобщихъ предметовъ, иначе какъ заведя сначала постороннюю рѣчь; этимъ способомъ, при разныхъ случаяхъ, я отъ него узналъ, что торгъ съ Японцами до разрыва съ нами они дѣйствительно производили постоянный и правильный, такъ какъ бы онъ былъ установленъ публичными актами двухъ государствъ, а можетъ быть, еще и съ лучшимъ порядкомъ и съ большею честностью. Курильцы возили къ Японцамъ на промѣнъ бобровыя и нерпичью (тюленью) кожи, орлиныя крылья и хвосты, а иногда лисицъ, которыхъ однако жъ Японцы покупаютъ рѣдко и за дешевую цѣну; отъ нихъ же получали сарачинское пшено, бумажныя матеріи, платье (главное,

Digitized by Google

халаты) платки, табакъ, курительныя трубки, деревянную лакированную посуду и другія мелочи. Пшено мѣряется у Японцевъ мѣшками, большимъ и малымъ; три малыхъ мѣшка составляютъ одинъ большой, который, по описанію Курильцевъ, такъ тяжелъ, что одинъ человѣкъ съ нуждою его поднимаетъ, слѣдственно можно положить, пуда въ четыре; мѣна товаровъ происходила по взаимному согласію со обѣихъ сторонъ безъ всякой обиды и притѣсненія; цѣны вообще почти всегда постоянны и одинаковы; обыкновенно Японцы давали Курильцамъ:

за одного полнорослаго бобра десять большихъ мѣшковъ сарачинскаго пшена;

за тюленью кожу семь малыхъ мѣшковъ;

за десять орлиныхъ хвостовъ двадцать малыхъ мѣшковъ или шелковый халатъ;

за три орлиные хвоста даютъ бумажный халатъ съ такою же подкладкою и съ ватою въ срединѣ;

за десять орлиныхъ крыльевъ папушу табаку, до котораго Курильцы великіе охотники. Они вообще кладутъ его за губу, нѣкоторые нюхаютъ, а другіе и курить научились у Японцевъ изъ такихъ же трубокъ.

Японцы употребляютъ крылья и хвосты орлиные для своихъ стрѣлъ, почему они у нихъ отмѣнно цѣнны; впрочемъ въ большомъ уваженіи и по весьма дорогимъ цѣнамъ продаются у нихъ разныя европейскія вещи, которыхъ Курильцы не имѣютъ. Главныя изъ нихъ алое или красное и другихъ цвѣтовъ сукна, стеклянная посуда, янтарныя и бусовыя ожерелья, стальныя вещи и прочее. Алое сукно употребляютъ они для знатныхъ гостей, разстилая кусокъ онаго въ квадратѣ на аршинъ и болѣе на томъ мѣстѣ, гдѣ гость долженъ сидѣть, а изъ другихъ суконъ шьютъ платье.

Съ неменьшею откровенностью гость нашъ Алексѣй Максимовичъ, когда кстати и обиняками заставляли его о томъ говорить, разсказывалъ намъ объ успѣхахъ своихъ промысловъ, также о способахъ, какими они производятъ ихъ и о своемъ прокормленіи. Онъ жаловался, что нынѣ бобровъ стало мало, въ чемъ вѣрить ему очень можно, и даже одного этого показанія достаточно все-

Digitized by Google

лить довѣренность къ другимъ его разсказамъ; ибо и на Алеутскихъ Островахъ и на американскомъ берегу, занимаемомъ работниками промышляющей тамъ компаніи, сихъ животныхъ нынѣ не стало. Они всѣ, испугавшись человѣческаго гоненія и взора, удалились далѣе къ югу въ проливы, разсѣянные между безчисленными островами, окружающими сѣверо-западные берега Америки. Лѣтомъ, когда море бываетъ покойно и позволяетъ безопасно ѣздить и отдаляться отъ береговъ на байдарахъ, Курильцы бьютъ бобровъ стрѣлами, а зимою у берега стрѣляютъ ихъ изъ ружей или ловятъ сѣтьми, протягивая оныя между каменьями, гдѣ сіи животныя бываютъ. Лисицъ они промышляютъ какъ чернобурыхъ, сиводушекъ, такъ и красныхъ, тремя способами: во-первыхъ, если попадется, то стрѣляютъ изъ винтовокъ; во-вторыхъ, ловятъ кляпцами, какъ и въ Камчаткѣ, то есть ставятъ западню съ приманкой, которую коль скоро звѣрь дернетъ, спускается острое желѣзо и ударяетъ въ него, а третій способъ чайками: привязавъ чайку къ чему нибудь въ томъ мѣстѣ, гдѣ примѣтятъ лисьи слѣды, окружаютъ ее петлями, а охотникъ сидитъ притаившись, чтобъ лисица не успѣла, попавшись въ петлю, перегрызть ее; звѣрь, услышавъ порхапье чайки, тотчасъ бросается на свою добычу, и попадаетъ въ петлю. Песцовъ на Курильскихъ Островахъ нѣтъ, и жители имени ихъ не знаютъ. Увидѣвъ у насъ кожи сихъ животныхъ, они называли ихъ бѣлыми лисицами. Сивучей и нерповъ они стрѣляютъ, а орловъ ловятъ чайками, только не такимъ образомъ, какъ лисицъ: ставятъ небольшой шалашъ, съ однимъ отверзтіемъ на самомъ верху; внутри шалаша, подъ отверзтіемъ, привязываютъ чайку; орелъ, спустившись, вцѣпляется въ нее когтями, и пока онъ силится добычу свою оторвать или остается тамъ пировать на ней, его убиваютъ. Орлы у нихъ бываютъ только зимою, а лѣтомъ, какъ они говорятъ, улетаютъ хищныя сіи птицы въ Камчатку, что и справедливо: ихъ тамъ бываетъ множество; многія рыбою изобильныя рѣки, текущія по сему полуострову, доставляютъ имъ обильную пищу. Бобры, сивучи, тюлени, лисицы и орлы суть единственные промы-

Digitized by Google

слы Курильцевъ, производимые для торговли; впрочемъ, для своего прокормленія и домашнихъ потребъ; они промышляютъ разныхъ морскихъ птицъ, какъ-то: гусей, утокъ разныхъ родовъ, чирковъ и прочихъ, и рыбу, которою намъ принадлежащіе Курильскіе Острова очень неизобильны. При берегахъ обитаемыхъ острововъ 13-го и 14-го, то есть Раешуа и Ушисира, только и есть одинъ родъ рыбы, называемый жителями сиръ-бокъ; она величиною съ горбушу, красноватаго цвѣта; ловятъ ее удами между каменьями. Изъ птицъ гусей и утокъ они промышляютъ рѣдко, потому что этотъ промыселъ сопряженъ съ трудами и издержками пороха и свинца (*), но ловятъ руками топорковъ, старичковъ и еще родъ птицъ, называемыхъ на ихъ языкѣ мавридори (**) въ ихъ гнѣздахъ, такъ что одинъ человѣкъ въ день наберетъ ихъ 40 и 50 штукъ; съ нихъ сдираютъ кожу съ перьями, и сшивая дѣлаютъ парки для жителей обоего пола; изъ жиру топятъ сало, а мясо, выкоптивъ надъ дымомъ, берегутъ въ зимній запасъ.

(*) Надобно знать, что какъ Камчадалы, такъ и Курильцы не употребляютъ ни ружей, ни дроби, а если имъ нужно убить хотя маленькую птичку, стрѣляютъ пулею изъ винтовки, почему птицъ они симъ способомъ промышляютъ рѣдко, не смотря на то, что въ ихъ винтовки пороху кладется очень мало, и пули невелики. У нихъ изъ фунта пороха выходитъ около ста зарядовъ и болѣе; для сего числа на пули свинцу надобно два фунта.

(**) Птицы, описаніемъ соотвѣтствующей мавридори, я не могъ прибрать въ Бюффоновой Естественной Исторіи, и потому сообщу здѣсь описаніе ея: мавридори величиною съ голубя, перья на спинѣ и на верхней части крыльевъ черноватыя и темносѣрыя, часто перемѣшанныя, а на брюхѣ и подъ крыльями свѣтлосѣрыя; крылья длинныя, состоящія изъ двухъ частей, соединенныхъ составомъ. Когда онѣ растянуты, между концами, два фута восемь дюймовъ, а отъ конца носа до конца хвоста 13 дюймовъ; лапы о трехъ пальцахъ съ едва примѣтными когтями, которые во всю длину соединены перепонкою, а сзади небольшой палецъ, болѣе похожій на ноготь; лапы и перепонки цвѣта свинцоваго; носъ острый черный, на концѣ внизъ загнутый съ двумя сверху дирами.

Digitized by Google

Это мясо съ черемшею, сараною, разными дикими кореньями, ракушками, морскими яйцами и разными родами морскаго растенія, составляетъ главный и, можно сказать, единственный ихъ запасъ, къ которому иногда прибавляется купленное у Японцевъ пшено. Въ добавокъ къ сему описанію присовокупляю еще слѣдующія подробности о Курильцахъ. Наши Курильцы вообще брѣютъ бороду; хотя найденные на Итурупѣ были съ бородами, но это дѣлаютъ они изъ подражанія мохнатымъ, которые носятъ длинныя бороды, а потому нашъ Алексѣй, находясь между Русскими, изъявилъ желаніе выбриться, въ чемъ его и удовлетворили, а сверхъ того я велѣлъ дать ему пару казеннаго платья, оставшагося послѣ умершихъ. Жители Сумшу и Парамушира ѣздятъ на собакахъ, подобно Камчадаламъ, а на Расшуа и Упшсирѣ не ѣздятъ, по неумѣнью; но нѣкоторые держатъ сихъ животныхъ для лисьей травли. Я выше не говорилъ о семъ способѣ промышлять лисицъ, потому что онъ не общій, и употребляется только нѣкоторыми на островѣ Расшуа, гдѣ есть свои лисицы, а Упшсирскіе жители, не имѣя ихъ у себя, ѣздятъ на другіе острова, и потому съ собаками таскаться имъ невозможно; впрочемъ на обоихъ островахъ собачьи кожи употребляются для зимнихъ парокъ.

Алексѣй насъ увѣдомилъ, что на южной сторонѣ острова Кунашира (20-й Курильской Гряды) есть безопасная гавань и укрѣпленное при ней селеніе, гдѣ могли мы запастись дровами, водою, пшеномъ и зеленью; почему я и вознамѣрился въ Урбитчъ уже не ходить, а итти прямо къ Кунаширу; главною же причиною сему намѣренію было желаніе мое описать подробнѣе гавань и проливъ, отдѣляющій Кунаширъ отъ Матсмая, который прежде сего европейскимъ мореплавателямъ не былъ извѣстенъ, и на многихъ картахъ означенъ вмѣсто его сплошной берегъ, да и на картѣ Бротона оставленъ онъ подъ сомнѣніемъ. Сверхъ того и другая причина еще понуждала меня поскорѣе пріитти къ селенію въ безопасную гавань: мы нашли, что въ трюмѣ у насъ крысы съѣли болѣе четырехъ пудъ сухарей и около шести четвериковъ солоду, а какъ мы не

Digitized by Google

могли знать, въ какомъ состояніи находится провизія, лежащая внизу, то и нужно было поспѣшать къ мѣсту, гдѣ бы, въ случаѣ нужды, можно было получить какой нибудь запасъ.

Вѣтры, туманы и пасмурность не позволяли намъ войти въ проливъ между Матсмаемъ и Кунаширомъ прежде 4-го Іюля. Во все это время мы бились у острововъ Итурупа, Кунашира и Чикотана, часто ихъ видали, но по большей части они были скрыты въ туманѣ. Вечеромъ подошли мы близко къ длинной низкой косѣ, составляющей восточную сторону кунаширской гавани, а чтобъ не причинить безпокойства и страху Японцамъ входомъ нашимъ въ гавань къ ночи, я разсудилъ стать въ проливѣ на якорь. Во всю сію ночь на двухъ мысахъ гавани горѣли большіе огни, вѣроятно для сигнала о нашемъ приходѣ. На другой день (5-го Іюля) поутру пошли мы въ гавань; при входѣ нашемъ съ крѣпости сдѣланы были два пушечные выстрѣла ядрами, которыя упали въ воду, далеко не долетѣвъ до насъ. Мы заключили, что Японцы здѣсь не получали еще извѣстія съ острова Итурупа о миролюбивомъ нашемъ расположеніи. Между тѣмъ густой туманъ покрылъ крѣпость и заливъ, почему мы бросили якорь, а когда погода прочистилась, опять пошли ближе къ крѣпости, съ которой уже болѣе не палили, хотя промѣривавшая глубину впереди шлюпка была отъ нея не далѣе пушечнаго выстрѣла. Крѣпость вся кругомъ была обвѣшена полосатою матеріею, состоящею изъ бѣлыхъ и черныхъ или темносинихъ широкихъ полосъ, такъ что ни стѣны, ни палисада нельзя было видѣть; мѣстами между матеріей поставлены были щиты съ нарисованными на нихъ круглыми амбразурами, но такъ грубо, что даже издали нельзя было принять ихъ за настоящія баттареи. Мы могли только видѣть нѣкоторыя строенія внутри крѣпости, кои, будучи расположены по косогору, видны были черезъ валъ; въ числѣ ихъ домъ начальника отличался отъ прочихъ множествомъ флаговъ и флюгеровъ, надъ нимъ выставленныхъ; на прочихъ частяхъ города также развѣвалось много сихъ знаковъ; но гораздо менѣе нежели у начальника. Алексѣй не зналъ причины, для

Digitized by Google

чего это дѣлается, но сказывалъ, что городъ всегда украшается такимъ образомъ, когда приходятъ въ портъ чужое судно, или пріѣзжаетъ чиновная особа. Остановясь на якорѣ въ разстояніи верстъ двухъ отъ крѣпости, поѣхалъ я на берегъ, взявъ съ собою штурманскаго помощника Средняго, четырехъ гребцовъ и Курильца. Японцы, подпустивъ насъ сажень на пятьдесятъ къ берегу, вдругъ начали съ разныхъ мѣстъ крѣпости стрѣлять въ шлюпку изъ пушекъ ядрами; мы тотчасъ поворотили назадъ и стали грести, какъ всякій и самъ легко догадаться можетъ, изъ всей силы; первые выстрѣлы были очень опасны, и ядра пролетѣли, такъ сказать, мимо ушей нашихъ, но послѣ они пушки свои заряжали медлѣнно и наводили нехорошо (*). Съ нашего шлюпа, при первыхъ выстрѣлахъ, старшій по мнѣ офицеръ, Капитанъ-Лейтенантъ Рикордъ, отправилъ къ намъ на помощь всѣ наши вооруженныя гребныя суда, въ коихъ однако жъ, къ счастію, мы не имѣли нужды: ни одно ядро въ нашу шлюпку не попало. Когда я уже выѣхалъ изъ дистанціи пушечныхъ выстрѣловъ, Японцы не переставали палить и даже продолжали по пріѣздѣ моемъ на шлюпъ. Безчестный ихъ поступокъ крайне огорчилъ меня. Я думалъ, что одни только дикіе въ состояніи поступить такимъ образомъ: видя небольшую шлюпку съ семью человѣками, ѣдущую прямо къ нимъ, и подпустивъ вплоть къ баттареямъ, они стали въ нее палить, такъ что отъ одного ядра всѣ бывшіе на ней могли бы погибнуть. Сначала я считалъ себя въ правѣ отмстить имъ за это, и велѣлъ было уже сдѣлать одинъ выстрѣлъ къ крѣпости, чтобы, судя по оному, лучше можно было видѣть, какъ поставить шлюпъ; но разсудивъ, что время произвести мщеніе не уйдетъ, а безъ воли правительства начинать военныя дѣйствія не годится, я тотчасъ перемѣнилъ свое намѣреніе, и отошелъ отъ крѣпости, а потомъ вздумалъ объясниться съ Японцами посредствомъ знаковъ. На сей конецъ поутру слѣдующаго дня (6-го Іюля) поставили мы передъ городомъ на водѣ кадку, пополамъ раздѣленную:

(*) Японскій порохъ долженъ быть дуренъ, потому что при пальбѣ производилъ чрезвычайно густой и черный дымъ.

Digitized by Google

въ одну половину положили стаканъ съ прѣсною водою, нѣсколько полѣнъ дровъ и горсть сарачинскаго пшена, въ знакъ, что имѣемъ нужду въ сихъ вещахъ, а на другую сторону кадки положено было нѣсколько піастровъ, кусокъ алаго сукна, нѣкоторыя хрустальныя вещи и бисеръ, въ знакъ того, что мы готовы за нужныя вещи заплатить имъ деньгами, или также отдарить вещами; сверху положили мы картинку, весьма искусно нарисованную Мичманомъ Муромъ, на которой была изображена гавань съ крѣпостью и нашимъ шлюпомъ; пушки на немъ были означены очень явственно, и въ бездѣйствіи, а съ крѣпости онѣ палили, и ядра летали чрезъ нашу шлюпку. Симъ способомъ я хотѣлъ нѣкоторымъ образомъ упрекнуть имъ за ихъ вѣроломство. Лишь только мы оставили кадку и удалились, какъ Японцы, тотчасъ взявъ ее на лодку, отвезли въ крѣпость. На другой день мы подошли ближе пушечнаго выстрѣла къ крѣпости за отвѣтомъ, будучи на всякій случай готовы къ сраженію; но Японцы, казалось, не обращали ни какого на насъ вниманія; ни одинъ человѣкъ не выходилъ изъ крѣпости, которая вся кругомъ была обвѣшана по-прежнему. Разсматривая положеніе наше со всѣхъ сторонъ, я разсудилъ, что имѣю основательныя причины потребовать у Японцевъ отвѣта какимъ бы то ни было образомъ. Первое наше съ ними свиданіе случилось нечаянно; начальникъ ихъ самъ собою вызвался дать намъ письмо въ городъ, увѣряя, что по оному мы можемъ получить не только воду и дрова, но и съѣстные припасы; въ надеждѣ на его обѣщаніе, мы пришли сюда, потерявъ полмѣсяца, въ которое время могли бы прійти въ Охотскъ, и издержавъ не мало провизіи, которую надѣялись получить у Японцевъ за плату по ихъ желанію, а они, принявъ насъ непріятельски, не хотятъ дать ни какого отвѣта на миролюбивыя наши предложенія. Въ такомъ затруднительномъ положеніи я потребовалъ письменнымъ приказомъ, чтобы каждый офицеръ подалъ мнѣ на бумагѣ свое мнѣніе, какъ поступить въ этомъ случаѣ; они всѣ были согласны, что непріятельскихъ дѣйствій безъ крайней нужды начинать не должно, пока не воспослѣдуетъ на

то воля правительства. Въ слѣдствіе сего мнѣнія господъ офицеровъ, отошли мы отъ крѣпости. Я принялъ другое намѣреніе, и послалъ вооруженныя шлюпки, подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Рикорда, въ рыбацкое селеніе, находящееся на берегу гавани, съ повелѣніемъ взять тамъ нужное намъ количество дровъ, воды и пшена, оставивъ за оные плату испанскими піастрами или вещами, а самъ со шлюпомъ держался подлѣ берега подъ парусами, въ намѣреніи употребить силу для полученія нужныхъ намъ вещей, буде бы Японцы стали противиться выходу нашего отряда на берегъ; однако жъ въ селеніи не только солдатъ, но и жителя ни одного не было; воды тамъ, кромѣ гнилой, дождевой, Г. Рикордъ не нашелъ, а взялъ дрова, небольшое количество пшена и сушеной рыбы, оставивъ въ уплату разныя европейскія вещи, которыя, по словамъ Курильца Алексѣя, далеко превосходили цѣною то, что мы взяли. Послѣ полудня я самъ ѣздилъ на берегъ, любопытствуя посмотрѣть японскія заведенія, и, къ удовольствію моему, увидѣлъ, что оставленныя нами вещи были взяты. Это показывало, что послѣ Г. Рикорда тутъ были Японцы, и теперь въ крѣпости знаютъ, что мы не грабить ихъ пришли. На сей сторонѣ гавани были два рыбацкія селенія со всѣми заведеніями, нужными для ловли рыбы, для соленія и сушенія ея и для вытопки жиру. Невода ихъ превычайной величины, и все, принадлежащее къ этому промыслу, какъ-то: лодки, котлы, пресы, чаны и бочки для жиру и проч., находилось въ удивительномъ порядкѣ. Іюля 8-го поутру увидѣли мы выставленную на водѣ передъ городомъ кадку; тотчасъ снялись съ якоря и подойдя къ ней, взяли ее на шлюпъ. Въ кадкѣ нашли мы ящикъ завернутый во многихъ кускахъ клеенки, а въ ящикѣ три бумаги: на одной было японское письмо, котораго мы прочитать не умѣли, слѣдовательно все равно какъ бы его и совсѣмъ не было, и двѣ картинки: на обѣихъ были изображены: гавань, крѣпость, нашъ шлюпъ, кадка, ѣдущая къ ней шлюпка и восходящее солнце, съ тою только разностью, что на первой крѣпостныя пушки представлены стрѣляющими, а на другой обращены

дуломъ назадъ. Разсматривая эти іероглифы, всякій изъ насъ толковалъ ихъ на свой ладъ, да и не мудрено: подобное этому нерѣдко и въ академіяхъ случается. Мы только въ одномъ были согласны, что Японцы не хотятъ съ нами имѣть ни какого сношенія; я понималъ эти знаки такимъ образомъ, что въ первый разъ они не палили въ шлюпку, которая ставила кадку передъ городомъ, и позволили ее поставить, а если въ другой разъ станемъ дѣлать то же, то стрѣлять будутъ. Посему и пошли мы къ небольшой рѣчкѣ на западномъ берегу гавани, и остановясь на якорѣ, послали вооруженныя шлюпки наливать прѣсную воду. Почти весь день работали мы на берегу, и Японцы насъ ни мало не безпокоили: они только выслали изъ крѣпости нѣсколько человѣкъ Курильцевъ, которые, будучи отъ нашего отряда въ полуверстѣ, примѣчали за нашими движеніями. На другой день, 9-го Іюля, поутру, опять поѣхали наши шлюпки на берегъ за водою; тогда подошелъ къ нашему отряду высланный изъ крѣпости Курилецъ. Онъ приближался потихоньку съ величайшею робостью, держалъ въ одной рукѣ деревянный крестъ, а другою безпрестанно крестился. Онъ жилъ нѣсколько лѣтъ между нашими Курильцами на островѣ Расшуа, и извѣстенъ былъ подъ именемъ Кузьмы; тамъ, вѣроятно, научился онъ креститься, и узнавъ, что Русскіе почитаютъ крестъ, оградилъ имъ себя, и отважился итти къ намъ парламентеромъ. Первый встрѣтилъ его Лейтенантъ Рудаковъ: Онъ его обласкалъ, сдѣлалъ ему нѣкоторые подарки, но, не смотря на все это, Кузьма дрожалъ отъ страха, какъ въ лихорадкѣ. Я пришелъ послѣ, но хорошенько объясниться съ нимъ не могъ; Алексѣя на берегу съ нами не было, а посланный не хотѣлъ его ждать и на шлюпъ ѣхать боялся; силою же задержать его мнѣ казалось не ловко, а по-русски онъ и десяти словъ не зналъ. Однако жъ кое-какъ изъ знаковъ его я могъ понять, что начальникъ города желаетъ встрѣтить меня на лодкѣ съ такимъ же числомъ людей, какое будетъ у меня, и со мною переговорить, для чего и проситъ подъѣхать къ городу съ четырьмя или пятью человѣками, на что я охотно изъявилъ мое согласіе, и отпустилъ его, давъ ему въ по-

Digitized by Google

дарокъ нитку бисера. Онъ оттого сдѣлался смѣлѣе, и самъ уже попросилъ курительнаго табаку, котораго однако жъ со мною тогда не случилось, и я обѣщалъ привезть его послѣ. Между тѣмъ Японцы выставили другую кадку передъ крѣпостью, но такъ близко баттарей, что подъѣзжать къ нимъ я считалъ неблагоразумнымъ; изъ крѣпости никто ко мнѣ навстрѣчу не выѣзжалъ, махали только бѣлыми вѣерами, чтобы я ѣхалъ на берегъ. Изъ этого я заключилъ, что мы съ Курильцемъ худо объяснились, и я не такъ его понялъ; но когда я сталъ возвращаться, то съ берега тотчасъ отвалила лодка, на которой подъѣхалъ ко мнѣ какой-то чиновникъ съ переводчикомъ Курильскаго Языка. Людей у нихъ было гораздо болѣе, нежели на моей шлюпкѣ, но какъ мы всѣ были хорошо вооружены, то я не имѣлъ причины ихъ бояться. Разговоръ они начали извиненіемъ, что палили въ меня, когда я ѣхалъ на берегъ, поставляя сему причиною недовѣрчивость ихъ къ намъ, происшедшую отъ поступковъ двухъ русскихъ судовъ, нападавшихъ на нихъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ: съ этихъ судовъ люди сначала также съѣзжали на берегъ подъ предлогомъ надобности въ водѣ и дровахъ; но теперь, увидѣвъ на самомъ дѣлѣ, сколь поступки наши отличны отъ поведенія тѣхъ, которые пріѣзжали на прежнихъ судахъ, они болѣе не имѣютъ въ насъ ни какого сомнѣнія, и готовы оказать намъ всякое зависящее отъ нихъ пособіе. Я велѣлъ нашему переводчику Алексѣю объявить имъ, что прежнія суда были торговыя, нападали на нихъ безъ воли правительства, за что начальники оныхъ наказаны, а справедливость сего удостовѣренія доказывалъ имъ тѣми же доводами, какъ и на островѣ Итурупѣ. Они отвѣчали, что всему этому вѣрятъ и очень рады слышать о добромъ къ себѣ расположеніи Русскихъ. На вопросъ мой, довольны ли они оставленною нами платою за вещи, взятыя у нихъ въ рыбацкомъ селеніи, они сказали, что взятое нами они почитаютъ бездѣлицею, и думаютъ, что мы оставили за то болѣе нежели надобно; притомъ увѣрили, что начальникъ ихъ готовъ снабдить насъ всѣмъ, что у нихъ есть. При семъ случаѣ они спросили у меня, что намъ еще нужно. Я попросилъ у нихъ десять мѣшковъ

Digitized by Google

пшена, нѣсколько свѣжей рыбы и зелени, и предлагалъ въ заплату піастры, сколько имъ самимъ угодно будетъ назначить. Они просили меня ѣхать на берегъ, чтобъ переговорить съ самимъ начальникомъ города, но я на сей случай отказался, обѣщаясь пріѣхать на другой день, когда шлюпъ будетъ ближе къ крѣпости. По обѣщанію, данному парламентеру Кузьмѣ, я привезъ съ собою табаку, но Курильцы не смѣли принять онаго безъ позволенія Японскаго чиновника, а онъ на это не соглашался. Я желалъ было поговорить съ Японцами поболѣе, но Алексѣй мой, нашедъ на лодкѣ гребцами своихъ пріятелей, почти безпрестанно съ ними разговаривалъ; я велю ему говорить японцамъ, а онъ заведетъ свой разговоръ съ Курильцами. Когда мы съ ними разстались, Алексѣй разсказалъ что ему говорили Курильцы. По ихъ словамъ, Японцы были въ чрезвычайномъ страхѣ и смятеніи при появленіи нашего судна: они думали, что мы тотчасъ сдѣлаемъ нападеніе, и потому немедленно отправили въ лѣсъ всѣ свои лучшіе пожитки, да и сами мы видѣли, какъ они вели изъ крѣпости въ горы вьючныхъ лошадей; палили они въ нашу шлюпку, какъ увѣряли Курильцы, дѣйствительно отъ страха, и когда наши гребныя суда поѣхали въ рыбацкое селеніе, то они увѣрены были, что мы непремѣнно будемъ тамъ все грабить и жечь; но коль скоро мы оставили берегъ, и они, осмотрѣвъ свои домы, увидѣли, что въ нихъ все находилось въ цѣлости, а за взятое пшено, рыбу и дрова положены были разныя недешевыя между ими европейскія вещи, тогда Японцы обрадовались до чрезвычайности, и совершенно успокоились. Я тѣмъ болѣе повѣрилъ Курильцамъ, что дѣйствительно Японцы палили въ насъ отъ трусости, считая, можетъ быть, что у насъ внизу шлюпки лежало много людей; впрочемъ, хотя она и мала для этого была, но, какъ говорится, у страха глаза велики; иначе, зачѣмъ было бы имъ палить въ горсть людей, прямо къ нимъ ѣхавшихъ? Они могли насъ пустить на берегъ, и потомъ поступить какъ имъ угодно. Курилецъ Алексѣй также сказывалъ мнѣ, что Японцы чрезвычайно боятся Русскихъ, и неоднократно изъявляли ему свое удивленіе,

Digitized by Google

какимъ образомъ Русскіе могутъ такъ скоро и мѣтко стрѣлять, какъ они замѣтили при нападеніи на нихъ Хвостова.

10-го числа поутру мы наливали послѣднія наши бочки водою, и не успѣли подойти ближе къ крѣпости, а послѣ не позволилъ вѣтеръ; между тѣмъ Японцы выслали лодку, съ которой дѣлали знаки, что желаютъ съ нами переговорить. Я тотчасъ поѣхалъ къ нимъ, но, подъѣзжая, увидѣлъ, что лодка, оставивъ на водѣ кадку, погребла назадъ. Въ кадкѣ нашли мы всѣ оставленныя нами на берегу вещи, и даже тѣ, которыя они прежде того взяли въ поставленной нами кадкѣ. Прибавивъ къ нимъ 18 піастровъ и нѣсколько шелковыхъ остъиндскихъ платковъ, хотѣлъ я ѣхать на шлюпъ, но Японцы вдругъ на берегу начали махать бѣлыми вѣерами, и дѣлать знаки, чтобы я присталъ къ берегу. Я приказалъ гребцамъ, коихъ со мною было только четыре человѣка, положить свое оружіе подъ парусинную покрышку неприметно, но такъ, чтобъ въ мигъ можно было оное выхватить. Мы пристали къ берегу, въ разстояніи саженъ шестидесяти или осьмидесяти отъ воротъ крѣпости. Я, Курилецъ Алексѣй и одинъ матросъ вышли на берегъ, а прочимъ приказано отъ меня было держать шлюпку на водѣ, не позволять Японцамъ до нея дотрогиваться, и не спуская глазъ съ меня, слушать что я буду приказывать. На берегу встрѣтилъ меня японскій чиновникъ, называемый Оягода (*), и съ нимъ еще два офицера. При нихъ было двое простыхъ Японцевъ и болѣе десяти человѣкъ Курильцевъ. Всѣ Японцы, какъ чиновники такъ и рядовые, были въ богатомъ шелковомъ платьѣ и въ латахъ съ ногъ до головы, и имѣли при себѣ по саблѣ и по кинжалу за поясомъ, а Курильцы были безъ всякаго оружія. У меня же была наружу одна сабля, а шесть пистолетовъ, разложенныхъ за пазухою и по карманамъ, они видѣть не могли. Оягода принялъ меня очень учтиво и ласково, и просилъ подождать на берегу начальника крѣпости, который скоро выйдетъ. Я его тотчасъ спросилъ: что бы значило то, что они положили всѣ оставленныя нами вещи въ кадку и выставили на воду? Съ тѣмъ, чтобъ возвратить вамъ, сказалъ онъ, ибо мы думали, что вы не

(*) Званіе, соотвѣтствующее нашему земскому исправнику.

хотите болѣе вступать съ нами ни въ какіе переговоры, а до окончанія ихъ мы ничего принять не можемъ. Я тотчасъ вспомнилъ описаніе посольства Лаксмана, гдѣ упоминается, что Японцы, до окончанія веденныхъ имъ переговоровъ, ни какихъ подарковъ принимать не хотѣли, а послѣ брали все, что онъ имъ давалъ; почему съ сей стороны я совершенно успокоился. Вскорѣ и начальникъ появился въ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи двухъ человѣкъ также вооруженныхъ; одинъ изъ нихъ несъ предлинное копье, а другой его шапку или шлемъ, похожій на нашъ вѣнецъ, при бракосочетаніяхъ употребляемый, съ изображеніемъ на немъ луны. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе его шествія: потупивъ глаза въ землю, и подбочесясь фертомъ, едва переступалъ онъ, держа ноги одну отъ другой такъ далеко, какъ бы между ими была небольшая канавка. Я ему сдѣлалъ европейскій поклонъ, на который онъ мнѣ отвѣчалъ поднятіемъ лѣвой руки ко лбу, и наклоненіемъ головы и всего тѣла впередъ, а потомъ начался у насъ разговоръ. Я извинялся, что крайняя нужда заставила насъ причинить имъ столь много безпокойства, а онъ жалѣлъ, что по незнанію настоящей цѣли нашего прихода, принуждены они были въ насъ палить, и спрашивалъ, зачѣмъ, при входѣ нашемъ въ гавань, не послали мы отъ себя шлюпки навстрѣчу къ выѣхавшей изъ крѣпости лодкѣ; если бъ мы это сдѣлали, то не произошло бы ни какого недоумѣнія. Я увѣрялъ его, что мы ни какой лодки не видали, чему вѣроятно туманъ былъ причиною; впрочемъ примѣтно было, что онъ искалъ предлога извинить свой поступокъ и говорилъ неправду; ибо, при входѣ нашемъ въ гавань, мы смотрѣли, по обыкновенію, весьма зорко вокругъ себя, такъ что и птица не скрылась бы отъ насъ, не только лодка. Потомъ спросилъ онъ, я ли начальникъ корабля, или тамъ есть другой, старѣе меня, и повторялъ этотъ вопросъ нѣсколько разъ. Напослѣдокъ спрашивалъ, откуда мы идемъ, зачѣмъ пришли къ ихъ берегамъ, и куда отъ нихъ намѣрены итти. Чтобъ не возбудить въ нихъ страха и подозрѣнія объявленіемъ настоящей причины плаванія нашего вокругъ ихъ острововъ, сказалъ я,

Digitized by Google

что мы возвращаемся изъ восточныхъ предѣловъ нашей Имперіи въ Петербургъ, встрѣтили много противныхъ вѣтровъ, и бывъ долго въ морѣ, имѣемъ недостатокъ въ водѣ и дровахъ, для запасенія коихъ искали удобной гавани, но нашедъ случайно на островѣ Итурупѣ японскій военный отрядъ, получили письмо отъ ихъ начальника въ городъ Урбитчъ, которое я теперь позабылъ на шлюпѣ, но послѣ пришлю, съ увѣреніемъ, что намъ окажутъ всякую помощь; почему мы и пришли сюда, а получивъ все нужное, пойдемъ ближнимъ путемъ въ Кантонъ, для вторичнаго запаса помянутыхъ вещей. Тогда онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что на Итурупѣ говорили мы, будто пришли къ нимъ торговать, а здѣсь говоримъ другое. На это я увѣрялъ его, что если было имъ такъ сказано, то ошибка эта должна произойти отъ Курильцевъ, не умѣющихъ говорить по-русски; впрочемъ мы на Итурупѣ сказали точно то же, что и здѣсь. Ошибка же такая и дѣйствительно могла случиться, ибо на Курильскомъ языкѣ нѣтъ словъ, означающихъ деньги и покупать, а выражаютъ они это словами мѣнять, торговать. Далѣе спрашивалъ онъ имя нашего Государя, какъ меня зовутъ, знаю ли Резанова, бывшаго у нихъ посломъ, и есть ли въ Петербургѣ люди, умѣющіе говорить по-японски. На всѣ вопросы далъ я ему удовлетворительные отвѣты, увѣдомилъ о смерти Резанова и о томъ, что мы имѣемъ въ Россіи переводчиковъ ихъ языка. Надобно замѣтить, что онъ рачительно записывалъ на бумагу всѣ мои отвѣты. Напослѣдокъ сталъ онъ меня подчивать чаемъ, табакомъ курительнымъ, напиткомъ ихъ сагою и икрою. Всякая вещь была принесена на особливомъ блюдѣ и особливыми людьми, кои всѣ были вооружены саблями и кинжалами. Принесши что нибудь, каждый оставался у насъ, такъ что кругомъ насъ составился добрый кругъ вооруженныхъ людей. Въ числѣ прочихъ вещей, привезенныхъ мною для подарковъ, была французская водка, и потому я предложилъ начальнику, неугодно ли ему отвѣдать нашего напитка, и приказалъ принесть бутылку, а въ то же время, подъ видомъ приказанія о водкѣ, повторилъ своимъ матросамъ, чтобы они готовы были на всякую крайность; сказать же Японцамъ, что я

Digitized by Google

ихъ болѣе, и чтобы лишніе изъ нихъ удалились, не позволяло мнѣ честолюбіе, а притомъ и не хотѣлъ я показать, что имъ не довѣряю, однако жъ я видѣлъ, что они ни на какое насиліе не покушались, хотя легко могли бы все съ нами сдѣлать, что хотѣли, съ нѣкоторою только потерею. Мы курили табакъ, пили чай, шутили; они спрашивали у меня, какъ называются нѣкоторыя вещи по-русски, а я любопытствовалъ знать слова японскія. Напослѣдокъ я всталъ и спросилъ его, когда могу получить обѣщанные ихъ чиновникомъ съѣстные припасы, и что долженъ я заплатить за все вмѣстѣ, показавъ притомъ піастръ, чтобы онъ назначилъ число ихъ; но, къ удивленію моему, услышалъ отъ него, что онъ не главный начальникъ крѣпости, и договариваться объ этомъ не можетъ, а проситъ, чтобы я пошелъ въ крѣпость для свиданія съ самимъ главнымъ начальникомъ. На это однако жъ я не согласился, сказавъ, что я и такъ уже долго у нихъ гощу, и если еще пойду въ крѣпость, то это на шлюпѣ причинитъ безпокойство, и, можетъ быть, произойдутъ непріятныя слѣдствія; но если ихъ чиновники поѣдутъ на моей шлюпкѣ на корабль, то оставшіеся тамъ офицеры будутъ въ разсужденіи моего положенія покойны, и тогда я пойду въ крѣпость. На это предложеніе одинъ изъ нихъ тотчасъ изъявилъ желаніе ѣхать; когда же послали къ начальнику спросить на это позволенія, онъ его не далъ, а обѣщалъ скоро самъ ко мнѣ выйти. Но чрезъ нѣсколько минутъ прислалъ сказать, что онъ обѣдаетъ и скоро выйти не можетъ. Ждать его я не хотѣлъ и сказалъ, что подойдя со шлюпомъ ближе къ крѣпости, пріѣду и пойду въ крѣпость. Второй начальникъ ни мало меня не удерживалъ, и при разставаніи подарилъ мнѣ кувшинъ саги и нѣсколько свѣжей рыбы, извиняясь, что теперь болѣе нѣтъ; показавъ на большой завезенный неводъ, сказалъ, что онъ закинутъ для насъ, и просилъ прислать передъ вечеромъ шлюпку, говоря, что тогда доставитъ всю рыбу, которую поймаютъ; равнымъ образомъ и отъ меня принялъ зажигательное стекло и нѣсколько бутылокъ водки, но табаку Курильцамъ брать отъ насъ не позволялъ; сверхъ того далъ онъ мнѣ бѣлый вѣеръ, въ знакъ дружбы,

Digitized by Google

сказалъ, чтобъ мы, подъѣзжая къ берегу, имъ махали, и что это будетъ служить сигналомъ мирнаго нашего къ нимъ расположенія. При семъ случаѣ Алексѣй, переводя рѣчи Японца, толковалъ мнѣ что-то о крестѣ, но такъ связно и безпонятно, что я ничего выразумѣть не могъ, а уже на шлюпкѣ, собравшись со духомъ и на свободѣ, прибравъ приличныя выраженія, вздумалъ онъ объяснить мнѣ, что онѣ значили: японскій начальникъ, зная, сколь много Русскіе почитаютъ крестъ, просилъ меня, чтобъ я, въ знакъ благонамѣреннаго нашего къ нимъ расположенія, перекрестился. Случай этотъ для меня очень былъ непріятенъ, и я крайне сожалѣлъ, что не могъ понять Алексѣя на берегу.

Къ вечеру подошли мы къ крѣпости на пушечный выстрѣлъ, и стали на якорь. Самому мнѣ на берегъ ѣхать для переговора было поздно, почему послалъ я, для доставленія къ Японцамъ письма съ острова Итурупа и за рыбою, Мичмана Якушкина на вооруженной шлюпкѣ, приказавъ ему пристать въ томъ мѣстѣ, гдѣ я приставалъ, и на берегъ отнюдь не выходить. Онъ исполнилъ мое приказаніе въ точности, возвратился на шлюпъ по наступленіи уже темноты, привезъ отъ Японцевъ болѣе ста большихъ рыбъ, и увѣдомилъ меня, что Японцы обошлись съ нимъ очень ласково, и когда онъ имъ сказалъ, что сегодня мнѣ быть къ нимъ поздно, и что я намѣренъ пріѣхать на другой день поутру, то они просили, чтобы въ туманъ мы не ѣздили, и притомъ сказали, что они желали бы видѣть со мною на берегу нѣсколько нашихъ офицеровъ. Надобно признаться, что это послѣднее приглашеніе отъ такого народа должно было бы возбудить во мнѣ нѣкоторое подозрѣніе, но я сдѣлалъ ошибку, что не повѣрилъ Г. Якушкину: онъ былъ чрезвычайно любопытный и усердный къ службѣ офицеръ; ему хотѣлось вездѣ быть, все знать и все видѣть самому; я думалъ, что онъ, замѣтивъ, что я ѣздилъ всегда на берегъ одинъ, вымыслилъ это приглашеніе отъ себя, чтобъ я его взялъ на другой день съ собою, а болѣе въ томъ увѣрило меня то, что онъ въ ту же минуту сталъ просить позволенія ѣхать со мною, но я, пригласивъ еще прежде Мичмана Мура и Штурмана Хлѣбникова, принужденъ былъ ему отказать.

Digitized by Google

11-го Іюля, поутру въ девятомъ часу, поѣхалъ я съ помянутыми Гг. Муромъ и Хлѣбниковымъ на берегъ, взявъ съ собою четырехъ гребцовъ (*) и Курильца Алексѣя. Въ благомысліи объ насъ Японцевъ я былъ увѣренъ до такой степени, что не приказалъ брать съ собою ни какого оружія: у насъ троихъ были только шпаги, да Г. Хлѣбниковъ взялъ съ собою ничего незначащій карманный пистолетъ, болѣе для сигналовъ на случай тумана, нежели для обороны. Проѣзжая мимо стоявшей на водѣ кадки, мы заглянули въ нее, чтобъ узнать, взяты ли наши вещи, но увидѣвъ, что онѣ всѣ были тутъ, я опять вспомнилъ Лаксмана, и этотъ случай приписалъ также обыкновенію Японцевъ не принимать ни какихъ подарковъ до совершеннаго окончанія дѣла. Наконецъ пристали мы къ берегу подлѣ самой крѣпости. Насъ встрѣтили Оягода и два другіе чиновника, тѣ же самые, которые встрѣчали меня наканунѣ. Они просили насъ подождать немного на берегу, пока въ крѣпости все приготовлено будетъ для нашего пріема. Желая довѣренностью своею къ Японцамъ отдалить отъ нихъ всякое противъ насъ подозрѣніе, велѣлъ я шлюпку нашу до половины вытащить на берегъ, и оставивъ при ней одного матроса, приказалъ прочимъ тремъ нести за нами стулья и вещи, назначенныя въ подарки Японцамъ; минутъ десять или пятнадцать мы дожидали на берегу. Въ это время я разговаривалъ съ Оягодою и его товарищами, распрашивая ихъ о положеніи бывшихъ тогда въ виду у насъ матсмайскихъ береговъ, и о торговлѣ здѣшнихъ острововъ съ главнымъ ихъ островомъ Нифономъ. На вопросы мои они отвѣчали не очень охотно, по крайней мѣрѣ такъ мнѣ показалось. Потомъ повели насъ въ крѣпость. Войдя въ ворота, я удивился множеству представившагося мнѣ народа: однихъ солдатъ, вооруженныхъ ружьями, стрѣлами, копьями, было отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ. Они сидѣли вокругъ довольно пространной площади на правой сторонѣ воротъ, а множество Курильцевъ съ луками и стрѣлами окружали палатку, изъ полосатой бумажной матеріи сдѣ-

(*) Матросы первой статьи Дмитрій Симоновъ, Спиридонъ Макаровъ, Михайло Шкаевъ и Григорій Васильевъ.

Digitized by Google

ланную, которая стояла противъ площади на лѣвой сторонѣ воротъ, въ разстояніи отъ оныхъ шаговъ на тридцать. Мнѣ въ голову никогда не приходила мысль, чтобъ въ такой маленькой крѣпостцѣ могло быть столько вооруженныхъ людей. Надобно думать, что пока мы были въ этой гавани, ихъ сбирали изъ всѣхъ ближнихъ мѣстъ. Лишь только мы вступили въ крѣпость, насъ тотчасъ ввели въ помянутую палатку, гдѣ, противъ входа, на стулѣ сидѣлъ ихъ главный начальникъ въ богатомъ шелковомъ платьѣ и въ полной воинской одеждѣ, имѣя за поясомъ двѣ сабли; черезъ плечо у него висѣлъ длинный шелковый шнуръ, на одномъ концѣ коего была такая же кисть, и на другомъ стальной жезлъ, который онъ держалъ въ рукахъ, и который конечно служилъ знакомъ его власти. За нимъ сидѣли на полу его оруженосцы: одинъ держалъ копье, другой ружье, а третій шлемъ, такой же, какой я видѣлъ прежде на второмъ начальникѣ, только на этомъ изображено было солнце. Второй начальникъ, съ своими оруженосцами, сидѣлъ по лѣвую сторону главнаго начальника и также на стулѣ; только его стулъ былъ пониже, а по сторонамъ у нихъ, вдоль палатки, сидѣли на полу, какъ наши портные, по четыре чиновника на каждой сторонѣ; на нихъ были черныя латы и по двѣ сабли за поясомъ. При входѣ нашемъ оба начальника встали; мы имъ поклонились, по своему обычаю, и они намъ тоже; потомъ просили насъ сѣсть на приготовленныя для насъ скамейки, но мы сѣли на свои стулья, а матросовъ нашихъ они посадили на скамейки позади насъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и учтивостей они насъ стали подчивать чаемъ безъ сахара, наливая, по своему обычаю, до половины обыкновенной чайной чашки, и подносили на деревянныхъ лакированныхъ подносахъ безъ блюдечекъ; но прежде подчиванья спросили насъ, чего намъ угодно, чаю или чего другаго. Потомъ принесли трубки и табакъ, и начали говорить о дѣлѣ: спрашивали о нашихъ чинахъ, именахъ, объ имени шлюпа, откуда и куда идемъ, зачѣмъ пришли къ нимъ, какія причины заставили русскія суда напасть на ихъ селенія; знаемъ ли мы Резанова, и гдѣ онъ нынѣ. На всѣ эти вопросы мы дали имъ отвѣты, сходные съ преж-

Digitized by Google

нимъ нашимъ объявленіемъ, а второй начальникъ записывалъ. Потомъ сказали они, что для опредѣленія количества нужныхъ намъ съѣстныхъ припасовъ, имъ должно знать, сколько у насъ всѣхъ людей. Вопросъ этотъ былъ довольно смѣшонъ; однако жъ сдѣланъ не безъ намѣренія. Мы сочли за нужное увеличить свою силу вдвое противъ настоящаго: 102 человѣка. Алексѣй не понималъ сего числа, и потому я принужденъ былъ поставить на бумагѣ карандашемъ такое число палочекъ и дать Японцамъ перечесть.—Далѣе спросили они, есть ли у насъ въ здѣшнихъ моряхъ еще такой величины суда, какъ Діана. Много, сказали мы, въ Охотскѣ, Камчаткѣ и Америкѣ, очень много такихъ судовъ. Между прочимъ, предлагали они нѣсколько ничего незначащихъ вопросовъ касательно нашего платья, обычаевъ и прочаго, и разсматривали привезенную мною карту всего свѣта, ножи съ слоновьими черенками и зажигательныя стекла, назначенные въ подарки начальнику, а также піастры, которыми я хотѣлъ расплатиться съ Японцами, и показалъ имъ для того, чтобъ они назначили, сколько имъ надобно. Пока мы разговаривали, Мичманъ Муръ замѣтилъ, что солдатамъ, сидѣвшимъ на площади за нами, раздаютъ обнаженныя сабли, и сообщилъ объ этомъ мнѣ; но я думалъ, что Г. Муръ увидѣлъ одну саблю, обнаженную какъ нибудь случайно, и сказалъ ему съ усмѣшкою, не ошибся ли онъ, ибо Японцы, я думаю, давно уже имѣютъ при себѣ сабли, которыхъ обнажать теперь кажется имъ не нужно; тѣмъ дѣло и кончилось. Но вскорѣ послѣ того открылись основательныя причины къ подозрѣнію ихъ въ злыхъ умыслахъ. Второй начальникъ на нѣсколько времени выходилъ, и сдѣлавъ какія-то распоряженія, опять вошелъ, и шепнулъ что-то главному начальнику, который, вставъ съ мѣста, хотѣлъ выйти. Мы въ то же самое время встали и хотѣли съ нимъ прощаться, спрашивая его о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ, и намѣренъ ли онъ ихъ намъ дать. Тогда онъ опять сѣлъ, просилъ насъ сѣсть и велѣлъ подавать обѣдъ, хотя и рано еще было. На приглашеніе его мы согласились, рѣшась посмотрѣть, что будетъ далѣе, и видя, что пособить дѣлу уже

Digitized by Google

поздно; но вдругъ ласковое обхожденіе Японцевъ и увѣщанія ихъ, чтобъ мы ничего съ ихъ стороны худаго не опасались, опять насъ успокоили, такъ что мы ни какого вѣроломства не ожидали. Они подчивали насъ сарачинскимъ пшеномъ, рыбою въ соусѣ съ зеленью, и другими какими-то вкусными блюдами, неизвѣстно изъ чего приготовленными, а напослѣдокъ напиткомъ ихъ, сагою. Послѣ этого главный начальникъ опять покушался выйти подъ пустымъ предлогомъ. Мы сказали, что намъ нѣтъ времени дожидаться и пора ѣхать. Тогда онъ, сѣвъ на свое мѣсто, велѣлъ намъ сказать, что ничѣмъ onабдить насъ не можетъ безъ повелѣнія матсмайскаго губернатора, у котораго онъ состоитъ въ полной командѣ, а пока на донесеніе его не послѣдуетъ рѣшенія, онъ хочетъ, чтобы одинъ изъ насъ оставался въ крѣпости аманатомъ. Вотъ ужъ Японцы начали снимать маску! На вопросъ мой, сколько дней нужно будетъ на то, чтобы отослать въ Матсмай донесеніе и получить отвѣтъ, отвѣчалъ онъ: пятнадцать. Оставить такимъ образомъ офицера аманатомъ, мнѣ показалось безчестно, а притомъ я думалъ, что съ такимъ народомъ, какъ Японцы, дѣлу конца не будетъ; губернаторъ вѣрно безъ правительства ни на что не согласится, и рѣшительнаго отвѣта я и до зимы не получу; почему я отвѣчалъ Японцамъ, что безъ совѣта оставшихся на шлюпѣ офицеровъ такъ долго ждать рѣшиться не могу, а также и офицера оставить не хочу. Засимъ мы встали, чтобы итти. Тогда начальникъ, говорившій дотолѣ тихо и пріятно, вдругъ перемѣнилъ тонъ: сталъ говорить громко и съ жаромъ, упоминая часто Резаното (Резановъ) Николай Сандреевъ (Николай Александровичъ) (*), и брался нѣсколько разъ за саблю. Такимъ образомъ сказалъ онъ предлинную рѣчь. Изъ всей же рѣчи поблѣднѣвшій Алексѣй пересказалъ намъ только слѣдующее: «начальникъ говоритъ, что если хотя одного изъ насъ онъ выпуститъ изъ крѣпости, то ему самому брюхо разрѣжутъ.» Отвѣтъ былъ коротокъ и ясенъ; мы въ ту же секунду бросились бѣжать изъ крѣпости, а Японцы съ чрезвычайнымъ

(*) Такъ звали Лейтенанта Хвостова.

Digitized by Google

крикомъ вскочили съ своихъ мѣстъ, но напасть на насъ не смѣли, а бросали намъ подъ ноги весла и полѣнья, чтобъ мы упали; когда же мы вбѣжали въ ворота, они выпалили по насъ изъ нѣсколькихъ ружей, но никого не убили и не ранили, хотя пули просвистали подлѣ самой головы Г. Хлѣбникова. Между тѣмъ Японцы успѣли схватить Г. Мура, матроса Макарова и Алексѣя въ самой крѣпости, а мы, выскочивъ изъ воротъ, побѣжали къ шлюпкѣ. Тутъ съ ужасомъ увидѣлъ я, что во время нашихъ разговоровъ въ крѣпости, продолжавшихся почти три часа, морской отливъ оставилъ шлюпку совсѣмъ на сушѣ, саженяхъ въ пяти отъ воды, а Японцы, примѣтивъ, что мы стащить ее на воду не въ силахъ, и высмотрѣвъ прежде, что въ ней нѣтъ ни какого оружія, сдѣлались смѣлы, и выскочивъ съ большими обнаженными саблями, которыми они дѣйствуютъ, держа въ обѣихъ рукахъ, съ ружьями и съ копьями, окружили насъ у шлюпки. Тутъ, смотря на шлюпку, сказалъ я самъ себѣ: «такъ! рокъ привелъ меня къ предназначенному мнѣ концу; послѣдняго средства избавиться мы лишились; погибель наша неизбѣжна!» и отдался Японцамъ, которые, взявъ меня подъ руки, повели въ крѣпость, и повлекли туда же и несчастныхъ моихъ товарищей. На пути одинъ изъ солдатъ ударилъ меня нѣсколько разъ по плечу небольшою желѣзною палкою, но одинъ изъ чиновниковъ сказалъ ему что-то съ суровымъ видомъ, и онъ тотчасъ пересталъ.

Въ крѣпости ввели насъ въ ту же палатку, но ни перваго, ни втораго начальника въ ней уже не было. Тутъ завязали намъ слегка руки назадъ и отвели въ большое, низкое, на казарму похожее строеніе, находившееся отъ моря на противной сторонѣ крѣпости, гдѣ всѣхъ насъ (кромѣ Макарова, котораго мы не видали) поставили на колѣни и начали вязать веревками, въ палецъ толщины, самымъ ужаснымъ образомъ, а потомъ еще такимъ же образомъ связали тоненькими веревочками, гораздо мучительнѣе. Японцы въ этимъ дѣлѣ весьма искусны, и надобно

Digitized by Google

думать, что у нихъ закономъ постановлено, какъ вязать, потому что насъ всѣхъ вязали разные люди, но совершенно одинаково: одно число петель, узловъ, въ одинаковомъ разстояніи и проч. Кругомъ груди и около шеи вздѣты были петли, локти почти сходились и кисти у рукъ связаны были вмѣстѣ; отъ нихъ шла длинная веревка, за конецъ которой держалъ человѣкъ, такимъ образомъ, что при малѣйшемъ покушеніи бѣжать, если бъ онъ дернулъ веревку, руки въ локтяхъ стали бы ломаться съ ужасною болью, а петля около шеи совершенно бы ее затянула. Сверхъ того связали они у насъ и ноги въ двухъ мѣстахъ, выше колѣнъ и подъ икрами; потомъ продѣли веревки отъ шеи черезъ матицы, и вытянули ихъ такъ, что мы не могли пошевелиться, а послѣ того, обыскавъ наши карманы, и вынувъ все, что въ нихъ только могли найти, начали покойно курить табакъ. Пока насъ вязали, приходилъ раза два второй начальникъ, и показывалъ на свой ротъ, разѣвая оный, какъ кажется, въ знакъ того, что насъ будутъ кормить, а не убьютъ. Въ такомъ ужасномъ и мучительномъ положеніи мы пробыли около часа, не понимая что съ нами будутъ дѣлать. Когда они продѣвали веревки за матицы, мы думали, что насъ хотятъ тутъ же повѣсить; я во всю мою жизнь не презиралъ столько смертію, какъ въ этомъ случаѣ, и желалъ отъ чистаго сердца, чтобы они поскорѣе свершили надъ нами убійство. Иногда приходила намъ въ голову мысль, что они хотятъ повѣсить насъ на морскомъ берегу въ виду нашихъ соотечественниковъ. Наконецъ они, снявъ у насъ съ ногъ веревки, бывшія подъ икрами, и ослабивъ тѣ, которыя были выше колѣнъ, для шагу, повели насъ изъ крѣпости въ поле, и потомъ въ лѣсъ. Мы были связаны такимъ образомъ, что десятилѣтній мальчикъ могъ безопасно вести всѣхъ насъ, однако жъ Японцы не такъ думали: каждаго изъ насъ за веревку держалъ работникъ, а подлѣ боку шелъ вооруженный солдатъ, и вели насъ одного за другимъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Поднявшись на высокое мѣсто, увидѣли мы нашъ шлюпъ подъ парусами. Видъ сей поразилъ мое сердце; но когда Г. Хлѣбниковъ, шедшій за мною, сказалъ мнѣ: «Василій

Digitized by Google

Михайловичъ! взгляните въ послѣдній разъ на Діану!» ядъ разлился по всѣмъ моимъ жиламъ. Боже мой! думалъ я, что значатъ эти слова? Взгляните въ послѣдній разъ на Россію; взгляните въ послѣдній разъ на Европу! Такъ! мы теперь люди другаго свѣта. Не мы умерли, но для насъ все умерло. Никогда ничего не услышимъ, никогда ничего не узнаемъ что дѣлается въ нашемъ отечествѣ, что дѣлается въ Европѣ и во всемъ мірѣ!» Мысли эти терзали духъ мой ужаснымъ образомъ. Пройдя версты двѣ отъ крѣпости, услышали мы пушечную пальбу. Наши выстрѣлы мы удобно отличали отъ крѣпостныхъ по звуку. Судя по многолюдству японскаго гарнизона и по толстотѣ землянаго вала, какимъ обведена крѣпость, нельзя было ожидать ни какого успѣха; мы страшились, чтобы шлюпъ не загорѣлся или не сталъ на мель, и чрезъ то со всѣмъ своимъ экипажемъ не попался въ руки къ Японцамъ. Въ такомъ случаѣ горестная наша участь никогда не была бы извѣстна въ Россіи, а болѣе всего я опасался, чтобы дружба ко мнѣ Г. Рикорда и другихъ оставшихся на шлюпѣ офицеровъ не заставила ихъ, пренебрегая правилами благоразумія, высадить людей на берегъ въ намѣреніи завладѣть крѣпостью, на что они могли покуситься, не зная многолюдства Японцевъ, собранныхъ для обороны оной; у насъ же оставалось всего офицеровъ, нижнихъ чиновъ и со слугами пятьдесятъ одинъ человѣкъ. Мысль эта мучила меня до чрезвычайности, тѣмъ болѣе, что мы никогда не могли надѣяться узнать объ участи Діаны, полагая что Японцы намъ не откроютъ, что бы съ нею ни случилось.

Я былъ такъ туго связанъ, а особливо около шеи, что пройдя шесть или семь верстъ, сталъ задыхаться. Товарищи мои мнѣ сказали, что у меня лице чрезвычайно опухло и почернѣло. Я едва могъ плевать и съ нуждою говорилъ. Мы дѣлали Японцамъ разные знаки, и посредствомъ Алексѣя просили ихъ ослабить немного веревку, но пушечная пальба ихъ такъ настращала, что они ничему не внимали, а только понуждали насъ итти скорѣе, и безпрестанно оглядывались. Я желалъ уже скорѣе кончить дни свои, и ожидалъ, не поведутъ ли насъ чрезъ рѣку, чтобы броситься въ воду; но скоро увидѣлъ, что этого мнѣ ни-

Digitized by Google

когда не удастся сдѣлать, ибо Японцы, переходя съ нами чрезъ маленькіе ручьи, поддерживали насъ подъ руки. Наконецъ, потерявъ всѣ силы, я упалъ въ обморокъ, а пришедъ въ чувство, увидѣлъ Японцевъ, льющихъ на меня воду. Изо рта и изъ носа у меня текла кровь; несчастные товарищи мои, Муръ и Хлѣбниковъ, со слезами упрашивали Японцевъ ослабить на мнѣ веревки, хотя немного, на что они согласились съ большимъ трудомъ. Послѣ этого мнѣ сдѣлалось гораздо легче, и я съ нѣкоторымъ усиліемъ могъ уже итти.

Пройдя верстъ десять, вышли мы на морской берегъ пролива, отдѣляющаго сей островъ отъ Матсмая, къ небольшому селенію, гдѣ ввели насъ въ комнату одного дома. Сперва предложили намъ каши изъ сарачинскаго пшена, но намъ тогда было не до ѣды. Потомъ положили насъ кругомъ стѣнъ, такъ чтобы мы одинъ до другаго не могли дотрогиваться: дали каждому по пустой кадкѣ, чтобы облокотиться; веревки, за которыя насъ вели, привязали концами къ желѣзнымъ скобамъ, нарочно на сей случай въ стѣну вколоченнымъ, сняли съ насъ сапоги, и связали ноги въ двухъ мѣстахъ, по-прежнему, очень туго. Сдѣлавъ все это, Японцы сѣли въ срединѣ комнаты кругомъ жаровни, и начали пить чай и курить табакъ. Если бъ львы такимъ образомъ были связаны какъ мы, то можно было бы между ими спать покойно безъ всякаго опасенія; но Японцы не могли быть спокойны: они каждую четверть часа осматривали всѣхъ насъ, не ослабли ли веревки. Мы считали ихъ тогда лютѣйшими варварами въ цѣломъ мірѣ; но слѣдующій случай показалъ, что и между ими были добрые люди, и мы стали поспокойнѣе, если возможно только было успокоиться въ нашемъ положеніи. Здѣсь свели насъ съ матросомъ Макаровымъ; отъ крѣпости до того мѣста его вели особо. Онъ сказалъ намъ, что Японцы, захвативъ его въ крѣпости, тотчасъ привели въ какую-то казарму, гдѣ солдаты подчивали его сагою и кашею, и онъ довольно исправно поѣлъ; потомъ связали ему руки и повели изъ города, но лишь только вышли въ поле, то развязали его тотчасъ, и до самаго здѣшняго селенія вели

Digitized by Google

развязаннаго, позволяя часто по дорогѣ отдыхать; одинъ же изъ конвойныхъ нѣсколько разъ давалъ ему пить изъ своей дорожной фляжки сагу, а подойдя уже къ самому селенію, опять его связали, но не туго.

Въ такомъ положеніи мы находились до самой ночи. Я и теперь не могу помыслить безъ ужаса о тогдашнемъ моемъ состояніи: я не безпокоился уже о своей собственной участи, и почелъ бы себя счастливымъ, если бы возможно было только освободить злополучныхъ товарищей моихъ, которыхъ бѣдствію я былъ одинъ виною. Великодушные поступки Гг. Мура и Хлѣбникова, при семъ случаѣ, еще болѣе терзали духъ мой: они не только не упрекали меня въ моей неосторожной довѣренности къ Японцамъ, ввергнувшей ихъ въ погибель, но даже старались успокоивать меня и защищать, когда нѣкоторые изъ матросовъ начинали роптать, приписывая гибель свою моей оплошности. Я признаюсь, что за упреки тѣхъ матросовъ ни теперь, ни тогда не имѣлъ я противъ нихъ ни малѣйшего неудовольствія: они были совершенно правы; притомъ негодованіе свое ко мнѣ изъявляли они очень скромно, не употребивъ ни одного не только дерзкаго, но даже неучтиваго слова, а тѣмъ чувствительнѣе были для меня ихъ жалобы. Положеніе наше дѣлало насъ равными; мы никогда не надѣялись возвратиться въ отечество, слѣдовательно простые люди, съ другими чувствами и хуже ко мнѣ расположенные, могли бы употребить свой языкъ, и по крайней мѣрѣ хотя дерзкою бранью отмстить или наказать меня за свое несчастіе, но наши матросы были очень далеки отъ этого. Не смотря на ужасную, можно сказать, нестерпимую боль, которую я чувствовалъ въ рукахъ и во всѣхъ костяхъ, будучи такъ жестоко связанъ, душевныя терзанія заставляли меня по временамъ забываться и не чувствовать почти ни какой боли, но при малѣйшемъ движеніи, даже одною головою, несносный ломъ разливался мгновенно по всему тѣлу, и я тысячу разъ просилъ у Бога смерти, какъ величайшей милости.

Между тѣмъ къ начальнику нашего конвоя безпрестанно приносили записки. Прочитавъ ихъ, онъ объявлялъ

Digitized by Google

своимъ подчиненнымъ. Разговоры ихъ были такъ тихи, и какъ намъ казалось, такъ осторожны, что мы думали, будто они отъ насъ таятся, хотя мы не знали ни одного японскаго слова. Посему я и просилъ Алексѣя хорошенько вслушиваться въ ихъ разговоръ, и если что пойметъ, пересказывать намъ. Алексѣй намъ сказалъ, что Японцы получаютъ записки изъ крѣпости, и разговариваютъ о нашемъ суднѣ и о Русскихъ: это все, что онъ могъ понять, впрочемъ ничего не разумѣлъ въ ихъ разговорѣ. Извѣстіе это тревожило насъ жестокимъ образомъ. Мы думали, что участь нашихъ товарищей, оставшихся на Діанѣ, никогда не будетъ намъ извѣстна.

По наступленіи темноты, конвойные наши засуетились и стали сбираться въ дорогу; около полуночи принесли въ нашу комнату широкую доску, къ угламъ коей были привязаны веревки, какъ бываетъ на вѣсахъ, другими концами вверху вмѣстѣ связанныя съ продѣтымъ сквозь нихъ шестомъ, которымъ несли доску люди на плечахъ. Японцы, положивъ меня на эту доску, понесли вонъ. Опасаясь, что насъ хотятъ навсегда разлучить, и что это, можетъ быть, послѣднее наше въ сей жизни свиданіе, мы простились со слезами и съ такою искренностью, какъ прощаются умирающіе. Прощаніе со мною матросовъ меня чрезвычайно тронуло: они навзрыдъ плакали. Меня принесли къ морскому берегу, и положили въ большую лодку на рогожу; чрезъ нѣсколько минутъ такимъ же образомъ принесли Г. Мура, и положили со мною въ одну лодку. Этимъ неожиданнымъ случаемъ я былъ чрезвычайно обрадованъ и почувствовалъ на короткое время нѣкоторое облегченіе въ душевной скорби. Потомъ принесли Г. Хлѣбникова, матросовъ Симонова и Васильева, а прочихъ троихъ помѣстили въ другую лодку. Наконецъ, между каждыми двумя изъ насъ, сѣли по вооруженному солдату, и покрыли насъ рогожами, а приготовившись совсѣмъ, отвалили отъ берега и повезли насъ, куда неизвѣстно.

Японцы сидѣли смирно, не говоря ни слова, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на наши стоны. Только одинъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, умѣвшій говорить по-ку-

Digitized by Google

рильски, и служившій намъ переводчикомъ, сидя въ веслѣ, безпрестанно пѣлъ пѣсни и передразнивалъ насъ, подражая нашему голосу и стонамъ, когда мы, отъ боли и отъ душевнаго мученія, иногда взывали къ Богу.

На разсвѣтѣ 12-го Іюля пристали мы, подлѣ небольшаго селенія, къ берегу острова Матсмая. Насъ тотчасъ переложили въ другія лодки, и повели ихъ бечевою вдоль берега къ юго-востоку. Такимъ образомъ тащили насъ безпрестанно цѣлый день и всю слѣдующую ночь, останавливаясь только въ извѣстныхъ мѣстахъ для перемѣны людей, тянувшихъ бечевую, которыхъ брали изъ селеній, находящихся по берегу. Весь сей берегъ, такъ сказать, усѣянъ строеніемъ: на каждыхъ трехъ или четырехъ верстахъ встрѣчаются многолюдныя селенія; при каждомъ обильная рыбная ловля. Заведенія японскія по сей части промышлености безпримѣрны; мы часто проѣзжали тони въ то время, когда вытаскивали изъ воды на берегъ невода огромной величины, съ невѣроятнымъ количествомъ рыбы (*). Лучшая здѣшняя рыба вся изъ рода лососины, та же самая, какая ловится въ Камчаткѣ.

Японцы часто предлагали намъ кашу изъ сарачинскаго пшена и поджареную рыбу; кто изъ насъ хотѣлъ ѣсть, тому они клали пищу въ ротъ двумя тоненькими палочками, которыми и сами ѣдятъ, употребляя ихъ вмѣсто вилокъ. Что касается до меня, то я не могъ употреблять ни какой пищи. Японцы простирали вниманіе свое къ намъ еще далѣе. Мы не умѣли изъяснить имъ словами, а бывъ связаны и знаками не могли сообщить, когда требовалось исправленіе естественныхъ надобностей; но они прежде еще сами показали намъ весьма вразумительными тѣлодвиженіями, какія нужды намъ могутъ повстрѣчаться и

(*) Японцы обыкновенно протягиваютъ большіе свои невода вдоль берега въ разстояніи отъ него саженъ на 20, на 25 и болѣе, и оставляютъ оные на поплавкахъ, пока рыба, идущая во время лова безпрестанно вдоль береговъ, не зайдетъ въ неводъ; тогда они, большимъ числомъ людей, вдругъ притягиваютъ концы онаго къ берегу.

какъ что на ихъ языкѣ называется. Два эти слова мы тотчасъ затвердили, и когда кто изъ насъ, имѣя надобность, произносилъ ихъ, того Японцы тотчасъ поднимали съ большою бережливостью, снимали платье, словомъ ничѣмъ не гнушались. Попеченіе Японцевъ объ насъ этимъ еще не кончилось: они приставляли къ намъ работниковъ съ вѣтками отгонять комаровъ и мухъ. Двѣ такія противоположности въ ихъ поступкахъ съ нами крайне насъ удивляли: съ одной стороны прилагали они непонятное объ насъ попеченіе, а съ другой спокойно слушали стоны наши, исторгаемые чрезмѣрною болью, и отнюдь не хотѣли для нашего облегченія ослабить веревокъ. Мы никакъ не могли согласить сіи два противорѣчія: впрочемъ, какъ бы то ни было, а добра отъ Японцевъ намъ ожидать было нельзя. Мы думали, что самая большая милость, которую они намъ окажутъ, будетъ состоять въ томъ, что насъ не убьютъ, а станутъ держать по смерть нашу въ неволѣ. Мысль о вѣчномъ заключеніи ужасала меня въ тысячу разъ болѣе нежели самая смерть; но какъ человѣкъ и въ дверяхъ самой гибели не лишается надежды, то и мы утѣшали себя мечтою, не представится ли намъ когда нибудь случай уйти. Для ободренія своего въ нашемъ несчастіи, мы иногда разсуждали: не вѣчно же Японцы станутъ насъ держать связанныхъ; теперь они боятся, чтобъ мы не ушли, ибо корабль нашъ недалеко; но послѣ конечно насъ развяжутъ, не понимая, на что могутъ отважиться люди отчаянные: слѣдовательно мы будемъ имѣть средство уйти, завладѣемъ лодкою, переправимся на Татарскій Берегъ, скажемъ, что претерпѣли кораблекрушеніе, и будемъ просить, чтобъ насъ отвезли въ Пекинъ, а оттуда не трудно будетъ, съ позволенія Китайскаго Правительства, пріѣхать въ Кяхту. Вотъ и въ Россіи, въ своемъ отечествѣ! Но такія пріятныя, утѣшительныя мечтанія мгновенно исчезали. Такъ, Японцы васъ развяжутъ, говорилъ намъ здравый разсудокъ, но это будетъ въ четырехъ стѣнахъ, за желѣзными запорами, — вотъ вамъ и Татарскій Берегъ, вотъ и Кяхта, и отечество ваше! Мысль сія повергала насъ въ ужаснѣйшее отчаяніе. Тогда уже и одной искры на-

Digitized by Google

дежды не оставалось. Я неоднократно говорилъ: если бъ кораблекрушеніе, бѣдствіе, случившееся на морѣ, или другой необходимый случай ввергъ меня въ руки къ Японцамъ, то я ни мало не роптал бы на судьбу свою, и всѣ несчастія самаго ужаснаго плѣна переносилъ бы равнодушно; но я самъ отдался имъ добровольно. Отъ чистаго сердца и отъ желанія имъ добра поѣхалъ я къ нимъ въ крѣпость, какъ другъ ихъ, а теперь что они съ нами дѣлаютъ? Я менѣе мучился бы, если бъ былъ причиною только моего собственнаго несчастія; но еще семь человѣкъ изъ моихъ подчиненныхъ также отъ меня страдаютъ. Товарищи мои старались меня успокоить. Г. Муръ замѣтилъ, что меня мучитъ честолюбіе, зачѣмъ я допустилъ Японцевъ обмануть себя, и совѣтовалъ мнѣ вспомнить многіе примѣры въ Исторіи: люди во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше меня, сдѣлались жертвою ошибокъ, подобныхъ моей, какъ-то: Кукъ, Делангль, Князь Циціановъ и другіе; но я находилъ разность между ихъ жребіемъ и моимъ: они мгновенно были умерщвлены и ничего послѣ не чувствовали, а я живу и терзаюсь, будучи виною и свидѣтелемъ страданій моихъ товарищей и своихъ собственныхъ.

13-го Іюля на разсвѣтѣ остановились мы подлѣ одного небольшаго селенія завтракать. Жители со всего селенія собрались на берегъ смотрѣть насъ; изъ числа ихъ одинъ, видомъ почтенный старикъ, просилъ позволенія у нашихъ конвойныхъ попотчивать насъ завтракомъ и сагою, на что они и согласились. Старикъ во все время стоялъ подлѣ нашихъ лодокъ, и смотрѣлъ, чтобъ насъ хорошо кормили. Выраженіе его лица показывало, что онъ жалѣлъ о насъ непритворно. Такое добродушіе и вниманіе къ нашему несчастію въ постороннемъ человѣкѣ много насъ утѣшило. Мы стали о Японцахъ мыслить лучше, и не считали ихъ совершенными варварами, презирающими Европейцевъ, какъ какихъ нибудь животныхъ. Послѣ завтрака опять потянули наши лодки вдоль берега далѣе. День былъ прекрасный, тихій; мрачность вся исчезла, и горизонтъ сдѣлался совершенно чистъ. Всѣ сосѣдственныя горы и берега были весьма ясно видны, въ томъ числѣ Кунаширъ, и

Digitized by Google

берега, образующіе ужасную для насъ гавань, мы очень хорошо могли отличить, но Діаны нашей не видали. Я, съ моей стороны, и не желалъ ее увидѣть: зрѣлище это, если только можно, еще увеличило бы нашу грусть. Часа за два или за три до захожденія солнца, мы остановились при небольшомъ числѣ шалашей, обитаемыхъ Курильцами. Тутъ Японцы вытащили обѣ наши лодки на берегъ, а потомъ, собравъ множество Курильцевъ, потащили ихъ со всѣмъ, съ нами и съ караульными, на гору сквозь кусты и небольшой лѣсъ, очищая дорогу, и уничтожая препятствія топорами. Мы не могли понять, что бы могло ихъ понудить тащить на гору лодки такой огромной величины (*). Мы думали, что они, увидѣвъ нашу Діану, идущую къ берегу, и опасаясь, чтобъ Русскіе на нихъ не напали и насъ не отбили, по свойственной имъ трусости, хотятъ спрятаться. Но вскорѣ послѣ того дѣло объяснилось. Поднявъ лодки на самую вершину довольно высокой горы, начали спускать ихъ на другую сторону и спустили въ небольшую рѣчку, весьма много похожую на искусственно вырытый каналъ. Всего разстоянія тащили они насъ отъ трехъ до четырехъ верстъ. Въ это время у матроза Васильева пошла изъ носу кровь, и съ такимъ стремленіемъ, какъ изъ открытой жилы. Мы просили Японцевъ ослабить на немъ веревки, а особливо около шеи, но они ни мало не внимали нашимъ просьбамъ, а затыкали ему носъ хлопчатою бумагою; но когда примѣтили, что средство это не могло остановить теченія крови, тогда уже ослабили веревки, и то очень мало. Такая ихъ непреклонность хоть къ малѣйшему нашему облегченію изглаживала изъ мыслей нашихъ доброе мнѣніе, которое мы начинали было имѣть о нихъ по поступкамъ нѣкоторыхъ частныхъ людей, и мы опять считали ихъ самыми жестокосердыми варварами. Впрочемъ, когда насъ спустили на рѣчку, конвойные наши стали обращаться съ нами гораздо ласковѣе, вѣроятно оттого, что теперь уже всякая опасность для нихъ отъ

(*) Наша лодка имѣла, по крайней мѣрѣ, около тридцати футовъ въ длину, и футовъ восемь ширины.

Digitized by Google

нашего шлюпа миновала. Они старались намъ изъяснить знаками, что чрезъ восемь или десять дней мы прiѣдемъ въ Матсмай; тогда насъ развяжутъ и позволятъ написать наше дѣло, которое будутъ разсматривать главные ихъ чиновники, и послѣ привезутъ насъ назадъ и отпустятъ въ Россiю. Мы хотя очень мало вѣрили симъ разсказамъ, но не отвергали вовсе истины ихъ, и надежда немного насъ успокоивала.

Рѣкою вышли мы въ большое озеро, которое, какъ намъ казалось, имѣло сообщенiе съ другими обширными озерами. По озерамъ плыли мы всю ночь и слѣдующiй день, только очень медленно. Лодки наши часто должны были итти мелями, и не иначе, какъ такимъ образомъ, что Курильцы сходили въ воду и тащили ихъ. Ночью шелъ сильный дождь. Японцы покрыли насъ рогожами; но какъ онѣ часто съ насъ сваливались, то мы принуждены были почти безпрестанно просить приставленныхъ къ намъ работниковъ поправлять ихъ. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ добрый: онъ былъ приставленъ къ Г. Хлѣбникову, но готовъ всегда служить намъ всѣмъ, а прочiе отправляли днемъ должность свою хорошо, ночью же иногда лѣнились, отчего насъ исправно дождемъ помочило, а одинъ изъ нихъ даже нѣсколько разъ ударилъ Г. Мура за то, что онъ его часто безпокоилъ; между тѣмъ должно сказать, что конвойные наши за это его побранили. Въ половинѣ ночи пристали мы къ одному небольшому селенiю или городку, для перемѣны гребцовъ. На берегу разложены были большiе огни, которые освѣщали нѣсколько десятковъ японскихъ солдатъ и Курильцевъ, стоявшихъ въ строю: первые были въ воинской одеждѣ и въ латахъ съ ружьями, а послѣднiе со стрѣлами и луками. Начальникъ ихъ стоялъ предъ фрунтомъ въ богатомъ шелковомъ платьѣ, держа въ рукѣ, наподобiе вѣсовъ, знакъ своей власти. Старшiй изъ нашихъ конвойныхъ подошелъ къ нему съ великимъ раболѣпствомъ, и присѣвъ почти на колѣни, съ поникшею головою, долго что-то ему разказывалъ, надобно думать о томъ, какъ насъ взяли. Послѣ сего начальникъ всходилъ къ намъ на лодку съ фонарями, посмотрѣть насъ. Мы просили его

Digitized by Google

велѣть насъ нѣсколько облегчить; стражи наши, понимая, чего мы просимъ, пересказали ему, но онъ, вмѣсто отвѣта, засмѣялся, проворчалъ что-то сквозь зубы и ушелъ. Тогда мы отвалили отъ берега и поѣхали далѣе, а въ ночь на 15-е число пристали къ большому огню, разведенному на берегу. Тутъ развязали намъ ноги, и стали насъ выводить одного послѣ другаго и ставить подлѣ огня грѣться, а наконецъ повели всѣхъ на невысокую гору, въ большой, пустой анбаръ, въ которомъ, кромѣ однихъ дверей, не было ни какого отверзтія. Тамъ дали намъ одѣяла постлать и одѣться, положили насъ, связали опять ноги по-прежнему, покормили кашею изъ сарачинскаго пшена и рыбою. Сдѣлавъ все это, Японцы расположились курить табакъ и пить чай, и болѣе уже объ насъ не заботились. 15-го числа во весь день шелъ проливной дождь, и мы оставались на той же квартирѣ и въ томъ же положеніи. Кормили насъ три раза въ день по-прежнему кашею, рыбою и похлебкою изъ грибовъ.

16-го числа поутру было уже ясно, и мы стали сбираться въ дорогу. Ноги намъ внизу развязали, а выше колѣнъ ослабили, чтобъ можно было шагать; надѣли на насъ наши сапоги, и вывели на дворъ. Тутъ спросили насъ, хотимъ ли мы итти пѣшкомъ или чтобы насъ несли въ носилкахъ; мы всѣ пожелали итти пѣшкомъ, кромѣ Алексѣя, у котораго болѣли ноги. Японскій оягода (*) здѣшняго мѣста долго устраивалъ порядокъ марша; наконецъ шествіе началось такимъ образомъ: впереди шли рядомъ два Японца изъ ближняго селенія, держа въ рукахъ по длинной палкѣ краснаго дерева, весьма искусно выдѣланной; должность ихъ была показывать дорогу; они смѣнялись вожатыми слѣдующаго селенія, которые встрѣчали насъ, имѣя въ рукахъ такіе же жезлы, на самомъ рубежѣ, раздѣляющемъ земли двухъ селеній; за ними шли три солдата въ рядъ; потомъ я; подлѣ меня шли по одну сторону солдатъ, а по другую работникъ, который отгонялъ вѣткою мухъ и комаровъ; сзади же другой работникъ, дер-

(*) По нашему, земскій исправникъ.

Digitized by Google

жавшій концы веревокъ, коими я былъ связанъ; за мною одна смѣна Курильцевъ несла мою носилку (*), а другая шла подлѣ, въ готовности перемѣнить людей первой смѣны, когда они устанутъ; потомъ вели Г. Мура, за нимъ Г. Хлѣбникова, тамъ матросовъ одного за другимъ, точно такимъ же образомъ, какъ и меня, а наконецъ несли Алексѣя; весь же конвой зымыкали три солдата, шедшіе рядомъ, и множество разныхъ прислужниковъ Японцевъ и Курильцевъ, несшихъ вещи, принадлежащія нашимъ конвойнымъ, и съѣстные припасы; всего при насъ было отъ полутораста до двухъ сотъ человѣкъ; у каждаго изъ нихъ къ поясу привѣшена была деревянная дощечка съ надписью, къ кому изъ насъ онъ опредѣленъ, и что ему дѣлать, а всѣмъ имъ списокъ оягода имѣлъ при себѣ.

На дорогѣ Японцы часто останавливались отдыхать, и всякій разъ спрашивали, не хотимъ ли мы ѣсть, предлагая намъ сарачинскую кашу, соленую рѣдьку, сушеные сельди и грибы, а вмѣсто питья чай безъ сахару. Въ половинѣ же дня остановились мы обѣдать въ одномъ довольно большомъ, опрятномъ сельскомъ домѣ. Хозяинъ дома, молодой человѣкъ, самъ насъ подчивалъ обѣдомъ и сагою. Онъ приготовилъ было для насъ постели, и просилъ, чтобъ намъ позволили у него ночевать, такъ какъ мы устали. Караульные наши на это были согласны, но мы просили ихъ продолжать путь: чрезмѣрная боль въ рукахъ заставляла насъ не щадить ногъ, и стараться, какъ возможно скорѣе, добраться до конца нашего мученія, полагая, по словамъ Японцевъ, что въ Матсмаѣ насъ развяжутъ. Послѣ обѣда шли мы очень скоро; стражи наши спѣшили, чтобы къ ночи прійти въ городъ Аткисъ, и какъ они намъ сказали, что тамъ на нѣсколько времени руки у насъ развяжутъ, и

(*) Носилку составляла доска длиною фута въ четыре или поболѣе, шириною въ два фута съ половиною. Къ угламъ были привязаны деревянные вязы, которые сходились вверху всѣ вмѣстѣ угломъ, въ вышину отъ доски фута на четыре Подъ угломъ проходилъ шестъ, за который несли Курильцы, положивъ оный на плеча, три человѣка впереди и три назади; носилка же была обвѣшана кругомъ рогожками отъ дождя.

лекарь приложитъ пластырь къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они перетерты веревками, то мы и сами торопились итти скорѣе. День былъ ясный и чрезвычайно жаркій. Мы устали до крайности и едва могли переступать; но въ носилкахъ сидѣть не было способа: онѣ были такъ малы, что мы должны были сгибаться, а завязанныя руки не позволяли намъ перемѣнять положенія безъ помощи другихъ, отчего нестерпимая боль разливалась по всему тѣлу; притомъ мы шли по узкой тропинкѣ, сквозь лѣсъ, гдѣ носилки наши часто ударялись о пни, и какъ Курильцы шли очень скоро, то всякій такой ударъ, причиняя сотрясеніе тѣлу, производилъ боль еще несноснѣе, и потому минутъ по десяти ѣхали мы въ носилкахъ, а потомъ по часу шли пѣшкомъ. Наконецъ, передъ закатомъ солнца, пришли мы къ небольшой рѣчкѣ, гдѣ ожидали насъ двѣ лодки. Рѣчка эта, сказали намъ, впадаетъ въ заливъ, при которомъ стоитъ Аткисъ, и объявили, что мы чрезъ короткое время будемъ тамъ. Г. Мура, меня и двухъ матросовъ посадили въ одну лодку, а Г. Хлѣбникова съ прочими въ другую. Лодки наши кругомъ были завѣшены рогожками; такъ что кромѣ неба и того, что было въ лодкѣ, мы ничего не могли видѣть. Людей, поверженныхъ въ великое несчастіе, малѣйшее приключеніе можетъ тревожить и утѣшать. Случай сей мы тотчасъ истолковали счастливымъ предзнаменованіемъ: мы думали, что подозрительность Японцевъ заставила ихъ закрыть насъ, чтобъ мы не могли видѣть залива и окрестностей приморскаго города, а если такъ, то конечно конвойные наши имѣютъ причину полагать, что заключеніе наше будетъ не вѣчное, и что рано или поздно насъ освободятъ; иначе, къ чему бы имъ было таить отъ насъ то, чего мы никогда не будемъ въ состояніи употребить ко вреду ихъ? Мысль сія, подкрѣпляемая надеждою, такъ насъ успокоила, что мы, позабывъ свое состояніе, начали разговаривать между собою съ такимъ духомъ, какъ будто бы уже половина дѣла къ нашему освобожденію была сдѣлана. Между тѣмъ лодки наши выплыли изъ рѣчки въ заливъ, и когда мы были на верху надежды увидѣть еще свое любезное отечество, одинъ изъ быв-

Digitized by Google

шихъ съ нами солдатъ, отдернувъ рогожи, сдѣлалъ намъ знакъ, не хотимъ ли мы встать и посмотрѣть заливъ и городъ. Боже мой! какой для насъ ударъ — съ верху надежды мы вмигъ погрузились въ пропасть отчаянія! Теперь видно, очень ясно видно, говорили мы другъ другу, что Японцы никогда не намѣрены насъ освободить; по сей-то причинѣ ничего они отъ насъ и не скрываютъ, но какъ ни сильно происшествіе это надъ нами подѣйствовало, надежда не совсѣмъ еще насъ оставила: мы вспомнили, что за двадцать лѣтъ предъ симъ въ здѣшній заливъ заходилъ русскій транспортъ, слѣдовательно Японцамъ не было причины отъ насъ скрывать то, что Русскіе давно уже видѣли и знаютъ. Мысль сія нѣсколько насъ успокоила, но все же мы лучше желали бы, чтобъ солдатъ не отдергивалъ рогожекъ, которыхъ настоящая цѣль была скрыть насъ отъ комаровъ, а не внѣшніе предметы отъ насъ.

Мы пріѣхали въ Аткисъ уже ночью, и встрѣчены были отрядомъ воинской команды съ фонарями. Насъ ввели въ крѣпостцу, обвѣшенную полосатою бумажною матеріею, и помѣстили въ хорошій домъ, чисто внутри прибранный и украшенный живописью въ японскомъ вкусѣ. Для насъ всѣхъ была отведена одна большая комната, въ которой прикрѣплены были къ стѣнамъ доски со вколоченными въ нихъ желѣзными скобами, за которыя привязывали концы нашихъ веревокъ. Впрочемъ дали намъ постели и одѣяла (*), накормили ужиномъ, связали ноги по-прежнему, и оставили въ такомъ положеніи до утра.

(*) Японскія постели состоятъ изъ одного большаго одѣяла шелковаго или бумажнаго, смотря по состоянію человѣка (намъ давали бумажныя), которое подложено ватою пальца на два, и простегано изрѣдка на живую нитку, чтобъ можно было вату вынимать для мытья наволочки. Одѣяла сіи они сгибаютъ вдвое и стелютъ на полу, который во всѣхъ японскихъ домахъ и даже въ хижинахъ покрытъ мягкими соломянными матами, весьма чисто и красиво сдѣланными, и ложатся совсѣмъ нагіе, завернувшись въ пребольшой халатъ съ широкими короткими рукавами, сшитый также изъ шелковой или бумажной матеріи, и подложенный очень толсто ватой. Вмѣсто подушекъ употреб-

Digitized by Google

17-е число мы дневали въ Аткисѣ. Поутру развязали намъ руки на нѣсколько минутъ, а потомъ опять завязали, обвертѣвъ ихъ въ больныхъ мѣстахъ тряпицами. Когда веревки были сняты, мы не въ силахъ были сами руки свои привести въ натуральное положеніе, а когда Японцы начали ихъ разгибать, боль была нестерпимая, и еще сдѣлалась сильнѣе, когда опять стали они ихъ завязывать. Кормили насъ здѣсь три раза въ день, и дали по бумажному халату на ватѣ, чтобъ надѣвать сверху во время дождя или отъ холода. 18-го числа поутру перевезли насъ чрезъ заливъ на южную сторону онаго къ небольшому селенію, накормили завтракомъ, и повели далѣе такимъ же порядкомъ, какъ я описывалъ выше. Носилки были съ нами, и кто изъ насъ хотѣлъ, тотъ могъ ѣхать; но конвойные наши всегда шли пѣшкомъ; изрѣдка только садились на короткое время, по очереди, на вьючныхъ лошадей. Во все время путешествія нашего, Японцы наблюдали одинъ порядокъ: въ дорогу сбираться начинали они до разсвѣта, завтракали, насъ кормили завтракомъ и отправляли въ путь, часто останавливались по селеніямъ отдыхать, пить чай и курить табакъ, а въ половинѣ дня обѣдать; черезъ часъ послѣ обѣда опять шли далѣе, и часа за два до захожденія солнца останавливались ночевать, и почти всегда въ такомъ селеніи, гдѣ была военная команда; такія мѣста обыкновенно были, на случай нашего прихода, завѣ-

ляютъ они разнымъ образомъ изъ дерева сдѣланныя штуки. — Простые люди кладутъ въ голову круглый кусокъ дерева, совершенно похожій на тѣ, какіе употребляются въ простонародной у насъ игрѣ, называемой городками, съ тою только разностью, что Японцы съ одного конца наверху дѣлаютъ выемку для вмѣщенія задней части головнаго черепа. Положивъ на сей отрубокъ голову, безъ всякой мягкой подстилки, спятъ они отъ привычки, очень покойно. Лучшій же или богатый классъ людей, употребляетъ, вмѣсто подушекъ, очень красиво сдѣланные ящики вышиною дюйма въ четыре, на верху коихъ привязана круглая подушка длиною дюймовъ въ шесть или восемь, а толщиною въ размѣрѣ дюйма въ два или въ три. Въ ящикѣ хранятъ они вещи своего туалета, какъ-то: бритвы, ножички, помаду, зубныя кисточки, порошки и прочее.

Digitized by Google

шиваемы полосатою бумажною матеріей. Отводили для насъ всегда очень хорошій домъ (*), и помѣщали въ одной комнатѣ, но къ скобамъ привязывать не урускали. Приходя на ночлегъ, всякій разъ приводили насъ къ дому начальника, и сажали на скамейку, покрытую рогожами. Начальникъ выходилъ и смотрѣлъ насъ; тогда отводили насъ въ назначенный намъ домъ, и на крыльцѣ разували и мыли намъ ноги теплою водою съ солью; потомъ вводили уже въ нашу комнату; кормили по три раза въ день; поутру предъ вступленіемъ въ дорогу, въ полдень и вечеромъ на ночлегѣ; въ кушаньѣ, какъ при завтракѣ, такъ обѣдѣ и ужинѣ, не было большой разности; обыкновенныя блюда были: вмѣсто хлѣба сарачинская каша, вмѣсто соли кусочка два соленой рѣдьки, похлебка изъ рѣдьки, а иногда изъ какой нибудь дикой зелени, или лапша, и кусокъ жареной или вареной рыбы. Иногда грибы въ супѣ; раза два или три давали по яйцу, круто свареному.— Впрочемъ порціи не назначалось, а всякій ѣлъ, сколько хотѣлъ; обыкновенное питье наше было очень дурной чай безъ сахару; изрѣдка давали саги. Конвойные наши ѣли точно то же, что и мы, и надобно думать, на казенный счетъ, потому что старшій изъ нихъ, на каждомъ постоѣ, съ хозяиномъ расплачивался за всѣхъ. — 19-го числа просили мы своихъ стражей, чтобъ они на нѣсколько минутъ развязали намъ руки, поправить тряпицы, на которыхъ засохшая кровь и гной, при малѣйшемъ движеніи, треніемъ по ранамъ причиняли намъ чрезвычайную боль. Въ слѣдствіе нашей просьбы, они тотчасъ сѣли вокругъ и составили совѣтъ (**); рѣшено было удовлетворить насъ, съ тѣмъ однако жъ условіемъ, чтобъ прежде имъ насъ обыскать и

(*) Одинъ разъ только, въ маленькомъ селеніи помѣстили насъ въ пустомъ анбарѣ, гдѣ прежде хранилось пшено. Жаръ былъ пренесносный, и на полу ползало безчисленное множество червячковъ, которые насъ очень безпокоили.

(**) Конвойные наши были солдаты Княжества Намбу. Они всѣ были въ одномъ званіи, и хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимали приказы отъ старшаго, но вообще въ такихъ обстоятельствахъ, которыя выходили изъ обыкновеннаго порядка, все дѣлали съ общаго совѣта.

Digitized by Google

отобрать всѣ металлическія вещи; хотя мы еще въ крѣпости были обысканы, но они желали повторить эту осторожность. На требованіе ихъ мы охотно согласились, а они, обыскивая насъ, взяли и кресты наши; но ключей, бывшихъ у меня въ карманѣ исподняго платья, ощупать не могли, но я показалъ ключи, когда мнѣ развязали руки. Это привело ихъ въ великое изумленіе, и они снова начали меня обыскивать, не осталось ли еще чего нибудь. Осторожность, или лучше сказать, трусость ихъ была такъ велика, что они не хотѣли развязать насъ всѣхъ вдругъ, а только по два человѣка, и не болѣе какъ на четверть часа; потомъ, перемѣнивъ тряпицы, опять завязывали. Сегодня догналъ насъ посланный изъ Кунашира чиновникъ (*), и принялъ начальство надъ нашимъ конвоемъ. Съ нами обходился онъ весьма ласково, и на другой день (20-го числа) велѣлъ развязать кисти у рукъ совсѣмъ, оставивъ веревки только выше локтей. Тогда мы въ первый разъ нашего плѣна ѣли собственными своими руками. Послѣ этого мы уже шли свободнѣе; мѣстами только переѣзжали съ мыса на мысъ водою на лодкахъ: тогда опять на это время намъ связывали руки; но такіе переѣзды были невелики и случались не часто. Японцы такъ были осторожны, что почти никогда не подпускали насъ близко воды, и когда мы просили ихъ позволить намъ въ малую воду итти подлѣ самаго моря, по той причинѣ, что по твердому песку легче итти, то они соглашались на это съ великомъ трудомъ, и всегда шли между нами и моремъ, хотя бы для того нужно было имъ итти и въ водѣ. Они оберегали насъ не только отъ самоубійства, но и отъ болѣзней: никогда не позволяли намъ мочить ногъ и черезъ самыя мелкія рѣчки и ручьи приказывали работникамъ,

---

(*) Мы тогда его считали чиновникомъ по отличному платью и по почтенію, какое оказывали ему наши конвойные; но послѣ узнали, что онъ былъ солдатъ императорской службы, а не княжеской, слѣдовательно противъ княжескихъ воиновъ имѣлъ старшинство и большія преимущества; почему они и уважали его, какъ своего начальника. Онъ даже занималъ особенную комнату, и ѣлъ не вмѣстѣ съ ними.

Digitized by Google

какъ насъ, офицеровъ, такъ и матросовъ, переносить на себѣ; даже сначала не позволяли намъ по дорогѣ сбирать и ѣсть самую спѣлую малину и землянику, говоря, что эти ягоды вредны здоровью, пока мы не увѣрили ихъ, что надъ Русскими онѣ имѣютъ противное дѣйствіе.

21-е и 22-е число провели мы въ одномъ небольшомъ селеніи, гдѣ были однако жъ начальникъ и военная команда. Разлившаяся отъ дождя рѣка препятствовала намъ продолжать путь. Тутъ былъ лекарь, которому приказано было лечить намъ руки. Для этого онъ употреблялъ порошокъ, весьма похожій на обыкновенныя бѣлила, коимъ присыпалъ раны, и пластырь лиловаго цвѣта, неизвѣстно мнѣ изъ чего сдѣланный, который прикладывалъ къ опухлымъ и затвердѣвшимъ мѣстамъ пальцевъ и рукъ. Мы скоро почувствовали облегченіе отъ его лекарствъ, которыми онъ насъ снабдилъ и въ дорогу.

Получивъ облегченіе въ рукахъ, мы могли уже покойнѣе спать и легче итти, а когда уставали, то садились въ носилки, и ѣхали довольно покойно, не чувствуя ни какой большой боли. Японцы стали обходиться съ нами гораздо ласковѣе. На нѣкоторыхъ постояхъ начальники селеній приходили къ намъ, сидѣли у насъ по нѣскольку часовъ, и распрашивали о Лаксманѣ и бывшихъ съ нимъ Русскихъ, которыхъ нѣкоторые изъ Японцевъ помнятъ очень хорошо. И о Резановѣ иногда говорили; хвалили ихъ и обнадеживали насъ, что Японское Правительство держать насъ не станетъ и со временемъ отпуститъ. Странно намъ казалось, что во всю дорогу ни одинъ человѣкъ изъ Японцевъ никогда ни слова не спросилъ насъ о тѣхъ судахъ, которыя на нихъ сдѣлали нападеніе, ни о командирахъ сихъ судовъ; даже стороною не намѣкалъ никто о томъ, хотя впрочемъ весьма часто говорили они съ нами о другихъ извѣстныхъ имъ Русскихъ и о бывшихъ въ Россіи Японцахъ, которые, сказывали они, весьма хорошо относятся о пріемѣ и обхожденіи съ ними въ нашемъ отечествѣ. Мы не могли согласиться, которой изъ двухъ причинъ приписать такую скромность: тому ли, что они не хотятъ приводить насъ въ отчаяніе и тѣмъ заставить по-

куситься на жизнь свою, напоминаніемъ о такихъ противъ ихъ поступкахъ нашихъ соотечественниковъ, за которые мы не имѣемъ права ожидать большой благодарности, или тому, что такими вопросами не хотѣли заставить насъ краснѣть за зло, сдѣланное не нами. Впрочемъ какъ начальники въ селеніяхъ, гдѣ мы проходили, такъ граждане и народъ вообще обходились съ нами хорошо. При входѣ и выходѣ изъ каждаго селенія, мы окружены были обоего пола и всякаго возраста людьми, которые стекались изъ любопытства видѣть насъ; но ни одинъ человѣкъ не сдѣлалъ намъ ни какой обиды или насмѣшки, а всѣ вообще смотрѣли на насъ съ соболѣзнованіемъ и даже съ видомъ непритворной жалости, особливо женщины; когда мы спрашивали пить, они наперерывъ другъ передъ другомъ старались намъ услужить. Многіе просили позволенія у нашихъ конвойныхъ чѣмъ нибудь насъ поподчивать, и коль скоро получали согласіе, то приносили саги, конфектовъ, плодовъ или другаго чего нибудь; начальники же неоднократно присылали намъ хорошаго чаю и сахару (*). Они насъ нѣсколько

(*) Японцы имѣютъ свой чай, зеленый и черный. Послѣдній изъ нихъ очень дуренъ: кромѣ цвѣту въ немъ нѣтъ ничего похожаго на обыкновенный китайскій чай, ни вкусу, ни запаху. Японцы пьютъ его, когда пить захочется, какъ мы квасъ, теплый или горячій, только безъ сахару, а зеленый чай пьютъ изрѣдка, какъ лакомство. Сперва поджариваютъ или подогрѣваютъ его на огнѣ въ бумажной коробочкѣ, пока онъ не пуститъ крѣпкаго запаха; потомъ кладутъ его въ мѣдный чайникъ кипящей воды; отъ этого чай идъ получаетъ особенный вкусъ и запахъ, для насъ очень непріятный, но Японцамъ онъ нравится. Головнаго сахара у нихъ нѣтъ, а лучшій сортъ песку привозятъ Голландцы. Онъ продается весьма дорого къ небольшихъ круглыхъ коробочкахъ. Есть у нихъ и свой сахарный песокъ, только онъ очень грязенъ, черенъ и не сладокъ. Японцы рѣдко пьютъ чай съ сахаромъ, а любятъ просто ѣсть его: положивъ на ладонь ложку сахару, берутъ въ ротъ, какъ маленькія дѣти. Когда мы подчивали своихъ караульныхъ присылаемымъ намъ въ гостинецъ сахаромъ, то они всегда съ большими комплиментами оттоваривались, а ночью, когда только мы засыпали, они все съѣдали дочиста.

разъ спрашивали о европейскомъ народѣ, называемомъ Орандо и о землѣ Кабо; мы отвѣчали, что такихъ именъ въ Европѣ нѣтъ и никто ихъ не знаетъ. Они крайне этому удивлялись и показывали видъ неудовольствія, что мы имъ такъ отвѣчаемъ. Мы послѣ уже узнали, что Японцы называютъ Голландцевъ Орандо, а Мысъ Доброй Надежды Кабо. Причиною тому, что мы ихъ не понимали, статься можетъ, было невѣжество нашего переводчика Алексѣя; только мы весьма жалѣли, что подали имъ поводъ сомнѣваться и подозрѣвать насъ, будто мы притворяемся и не хотимъ сказывать того, что сами знаемъ, ибо о Японцахъ мы начали мыслить лучше и думали, что бывъ раздражены дурными поступками нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, они сначала поступили съ нами весьма жестоко; но, не получивъ еще ни какого удовлетворительнаго объясненія отъ насъ на это дѣло, начинаютъ уже перемѣнять свое обхожденіе съ нами къ лучшему; слѣдовательно, если мы увѣримъ ихъ, что поступки прежнихъ русскихъ судовъ были противны волѣ нашего правительства, каковы они и дѣйствительно были, то Японцы, кажется, насъ отпустятъ. Намъ казалось легко это сдѣлать, и мы уже начинали ласкать себя надеждою, что непремѣнно успѣемъ въ томъ, и возвратимся въ свое отечество.

Японцы часъ отъ часу становились къ намъ ласковѣе. Узнавъ отъ Алексѣя, что положенную въ кадкѣ картинку рисовалъ Г. Муръ, они просили его нарисовать имъ русскій корабль. Онъ, полагая, что однимъ рисункомъ дѣло и кончится, потщился сдѣлать имъ очень хорошую картинку, и этимъ выигралъ то, что ему ослабили веревки на локтяхъ, но за то безпрестанно просили, то тотъ, то другой, нарисовать имъ корабль. Работа эта для него одного была очень трудна, и Г. Хлѣбниковъ сталъ ему помогать, а я, не умѣя рисовать, писалъ имъ что нибудь на вѣерахъ. Всѣ они нетерпѣливо желали, чтобы у нихъ на вѣерахъ было написано что нибудь по-русски, и просили насъ о томъ неотступно, не только для себя, но и для знакомыхъ своихъ; другіе приносили вѣеровъ по десяти и болѣе вдругъ, чтобъ мы написали имъ русскую азбуку, или японскую

Digitized by Google

русскими буквами, или счетъ русскій, либо наши имена, пѣсню или что намъ самимъ угодно. Они скоро примѣтили, что Гг. Муръ и Хлѣбниковъ писали очень хорошимъ почеркомъ, а я дурно, и потому безпрестанно къ нимъ прибѣгали, а меня просили только тогда, когда тѣ были заняты. Японцы было и матросовъ просили писать на вѣерахъ, но крайне удивились, когда они отозвались неумѣньемъ (*). Японцы почитаютъ русское писаніе такою же рѣдкостью, какъ и мы восточныя рукописи; они показали намъ вѣеръ, на которомъ написаны были четыре строки пѣсни: «Ахъ! скучно мнѣ на чужой сторонѣ,» и подписаны какимъ-то Бабиковымъ, бывшимъ здѣсь съ Лаксманомъ. Тому двадцать лѣтъ, какъ они здѣсь были, но вѣеръ чистъ и новъ совершенно; хозяинъ вѣера хранитъ его въ нѣсколькихъ листахъ бумаги, и едва позволяетъ до него дотронуться. Во всю дорогу мы имъ исписали нѣсколько сотъ вѣеровъ и листовъ бумаги; надобно сказать однако жъ, что они никогда не принуждали насъ писать, но всегда просили самымъ учтивымъ образомъ, и послѣ не упускали благодарить, поднеся написанный листъ ко лбу и наклоняя голову, а часто въ благодарность подчивали чѣмъ нибудь, или дарили хорошаго курительнаго табаку. Когда у насъ развязали руки, Японцы стали

(*) Японцы употребляютъ два способа писанія: одинъ китайскій, въ которомъ почти всякое слово означается особеннымъ знакомъ. Знаки сіи, по словамъ Японцевъ, они заимствовали около тысячи лѣтъ тому назадъ изъ Китая, такъ что названіе какой либо вещи, хотя совершенно различно выговаривается на Китайскомъ и Японскомъ Языкахъ, но пишется однимъ знакомъ. Этотъ способъ употребляется въ лучшихъ сочиненіяхъ, въ официальныхъ бумагахъ и вообще, въ перепискѣ между людьми хорошаго состоянія. — Второй способъ—алфавитомъ, въ которомъ у Японцевъ 48 буквъ, и посредствомъ коего пишетъ простой народъ. Въ Японіи нѣтъ человѣка, впрочемъ какого бы низкаго состоянія онъ ни былъ, который не умѣлъ бы писать симъ способомъ, и потому-то они удивлялись, какимъ образомъ изъ четырехъ человѣкъ нашихъ матросовъ ни одинъ не умѣлъ писать.

Digitized by Google

давать намъ курить табакъ изъ своихъ рукъ, опасаясь ввѣрить намъ трубки, чтобъ мы чубукомъ не умертвили себя; но послѣ, наскучивъ этимъ, сдѣлали совѣтъ, и рѣшились дать трубки намъ самимъ, съ такою только осторожностью, что на концахъ чубуковъ подлѣ муштука насадили деревянные шарики, около куринаго яйца величиною; и когда мы засмѣявшись показали имъ знаками, что съ помощію этого шарика легче подавиться, нежели простымъ чубукомъ, тогда они и сами стали смѣяться, и велѣли Алексѣю сказать намъ, что японскій законъ повелѣваетъ имъ брать всевозможныя осторожности, чтобъ находящіеся подъ арестомъ не могли лишить себя жизни.

Любопытство Японцевъ было такъ велико, что они на всякомъ постоѣ почти безпрестанно насъ распрашивали, какъ, напримѣръ: имена наши, какихъ мы лѣтъ, сколько у насъ родни, гдѣ, изъ чего и какъ сдѣланы бывшія тогда при насъ вещи и прочее, и записывали всѣ наши отвѣты. Болѣе же всего любопытствовали они знать русскія слова, и почти каждый изъ нихъ составлялъ для себя лексикончикъ, отбирая названія разнымъ вещамъ, то отъ насъ, то отъ матросовъ. Замѣтивъ это, мы заключили, что они поступаютъ такъ не изъ любопытства, а по приказанію начальства, слѣдовательно въ отвѣтахъ своихъ должны мы были наблюдать большую осторожность.

29-го и 30-го Іюля мы пробыли на одномъ мѣстѣ. Сначала Японцы сказали намъ, что по причинѣ болѣзни, приключившейся нѣкоторымъ изъ нашихъ конвойныхъ, намъ нельзя итти далѣе; но минуты чрезъ двѣ начальникъ селенія объявилъ, что недостатокъ въ людяхъ для нашего подъема препятствуетъ продолжать путь; но коль скоро сберутъ людей, то здѣсь жить не будемъ. Изъ этого разногласія заключили мы, что Японцы насъ обманываютъ, и что какая нибудь другая причина заставляетъ ихъ медлить. Это дѣйствительно вскорѣ подтвердилось: Алексѣй узналъ отъ нѣкоторыхъ изъ Курильцевъ, что въ городѣ Хакодаде, куда насъ ведутъ, не готовъ еще домъ для нашего помѣщенія, и потому изъ этого города присланы, съ повелѣніемъ остановить насъ, навстрѣчу намъ чиновники,

Digitized by Google

которые, числомъ трое (*), къ намъ и явились, объявивъ о себѣ, что присланы отъ хакодадейскаго начальника насъ встрѣтить для препровожденія въ городъ, и надзирать, чтобы на дорогѣ мы не имѣли ни въ чемъ нужды. Старшій изъ нихъ, по имени Я-манда-Гоонзо, обошелся въ нами весьма ласково, и во всю дорогу былъ при насъ почти неотлучно. Съ прибытія ихъ къ намъ, содержать насъ столомъ стали гораздо лучше. Гоонзо увѣрялъ, что по прибытіи въ Хакодаде, мы будемъ помѣщены въ хорошій домъ, нарочно для насъ приготовленный и убранный, веревки съ насъ снимутъ, будутъ содержать насъ очень хорошо, и многіе изъ господъ станутъ съ нами знакомиться и приглашать къ себѣ въ гости. Такіе разсказы намъ казались одними пустыми утѣшеніями, когда мы помышляли, что насъ ведутъ связанныхъ веревками, какъ преступниковъ; но съ другой стороны, слышали, что Японцы и своихъ чиновниковъ, когда берутъ подъ арестъ (правы ли они или виновны послѣ окажется), всегда вяжутъ (**); слѣдовательно, разсуждали мы, намъ недолжно сравнивать ихъ обычаи съ европейскими, и изъ сего заключать, что хорошаго состоянія люди не могутъ быть въ обществѣ съ нами; притомъ Гоонзо умѣлъ съ нами обходиться такъ хорошо, что мы ему болѣе вѣрили, нежели собственнымъ своимъ умствованіямъ, основаннымъ только на томъ, что видѣли кругомъ себя. Кромѣ сихъ чиновниковъ присоединился къ намъ въ то же время еще одинъ: онъ былъ настоящій офицеръ службы Князя Намбускаго; въ знакъ отличія, за нимъ носили копье съ лошадинымъ хвостомъ, и хотя всѣ прочіе оказывали ему особенное почтеніе и получали отъ него приказанія, но должность его, какъ мы замѣтили, болѣе состояла въ содержаніи караула за нами; продовольствіе же наше зависѣло отъ присланныхъ

(*) Мы тогда ихъ считали чиновниками, но они были не что иное какъ императорскіе солдаты, о коихъ я упоминалъ выше.

(**) Связывать веревками въ такомъ обыкновеніи у Японцевъ, какъ то мы послѣ узнали, что въ училищахъ мальчикамъ, за лѣность или за шалости, связываютъ въ наказаніе руки назадъ на нѣкоторое время, смотря, по важности вины.

Digitized by Google

изъ Хакодаде. Изъ товарищей Гоонва одинъ былъ молодой человѣкъ, скромный, пріятный въ обращеніи: онъ обходился съ нами очень учтиво и съ большою ласковостью, а другой старикъ, никогда съ нами не говорилъ, но всегда, глядя на насъ, улыбался и съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ, когда мы разговаривали между собою: почему мы и стали подозрѣвать, что онъ изъ числа Японцевъ, бывшимъ въ Россіи, умѣетъ говорить по-русски, и опредѣленъ къ намъ нарочно подслушивать, что мы говоримъ. Подозрѣніе это казалось намъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что конвойные наши никогда не сказывали намъ, что у нихъ въ Матсмаѣ есть люди, знающіе Русскій Языкъ, но въ одномъ селеніи на постоѣ, потихоньку намъ сказалъ объ нихъ писарь начальника.

Съ того времени, какъ мы встрѣтили Гооиза, Японцы стали дѣлать между нами различіе: всегда, когда мы останавливались, насъ сажали на одну скамейку, а матросовъ на другую, и маты намъ подстилали лучше, а имъ похуже, и гдѣ позволялъ домъ, намъ отводили особливую отъ нихъ комнату, но въ пищѣ ни какой разности не было.

7-го Августа попался намъ навстрѣчу одинъ изъ главныхъ матсмайскихъ чиновниковъ, ѣхавшій на островъ Кунаширъ, для изслѣдованія на мѣстѣ всѣхъ обстоятельствъ, по нашему дѣлу; сперва мы встрѣтили его свиту, и тотчасъ получили повелѣніе возвратиться. Это чрезвычайно насъ обрадовало: мы думали, что матсмайскій губернаторъ отправилъ этого чиновника узнать точнѣе всѣ подробности происшествій, случившихся между нами и Японцами на островѣ Кунаширѣ, и вѣроятно удостовѣрившись въ дружескомъ нашемъ къ нимъ расположеніи, они отпустятъ насъ нынѣшнимъ же лѣтомъ на лодкѣ къ своимъ островамъ; но надежда наша была неосновательна и непродолжительна: скоро мы узнали, что насъ велѣно воротить только въ ближнее селеніе, гдѣ помянутый чиновникъ хотѣлъ посмотрѣть насъ, но послѣ перемѣнилъ свое намѣреніе, и велѣлъ остановиться на дорогѣ. Онъ сидѣлъ въ бесѣдкѣ (*) съ двумя другими чиновниками; подлѣ бесѣд-

(*) Вездѣ по дорогамъ, въ японскихъ владѣніяхъ, на каждыхъ

ки стояло нѣсколько человѣкъ его свиты. Насъ посадили противъ его на доску, лежавшую на двухъ кускахъ дерева, и покрытую рогожками. Онъ спросилъ наши имена, сколько намъ отъ роду лѣтъ и здоровы ли мы. Вопросы его и наши отвѣты записалъ бывшій съ нимъ чиновникъ, который при семъ случаѣ, кажется, исправлялъ должность секретаря. Потомъ, пожелавъ намъ счастливаго пути, онъ велѣлъ насъ вести далѣе. Вскорѣ послѣ сего поднялись мы на гору, и увидѣли обширную долину, а вдали городъ Хакодаде. Потомъ, спустившись съ этой горы, пришли мы на послѣдній ночлегъ, въ селеніе Онно. Это селеніе есть величайшее изъ всѣхъ, чрезъ которыя мы проходили, и по мѣстному своему положенію самое лучшее. Оно лежитъ въ обширной долинѣ, имѣющей въ окружности верстъ двадцать пять, или тридцать. Съ трехъ сторонъ долина окружена высокими горами, защищающими ее отъ всѣхъ холодныхъ вѣтровъ, а съ южной стороны находятся Хакодадейская Гавань и Тцынгарскій Проливъ. Долина орошается множествомъ небольшихъ быстро текущихъ рѣчекъ и ручьевъ. Селеніе Онно стоитъ, такъ сказать, въ саду: каждый домъ имѣетъ при себѣ обширный огородъ и садъ. Кромѣ всякаго рода обыкновенной въ Европѣ огородной зелени, мы видѣли и деревья съ плодами: яблони, груши, персиковое дерево, а сверхъ того мѣстами коноплю, табакъ и сарачинское пшено. Онно находится верстахъ въ семи отъ Хакодаде. Здѣсь неизлишнимъ будетъ замѣтить, на счетъ многолюдства и трудолюбія Японцевъ, что на всемъ берегу, по которому мы шли, протягивающемуся почти на 1100 верстъ (*), нѣтъ ни одного залива, ни одной заводи или даже изгиба берега, гдѣ бы не было многолюдныхъ селеній; даже между селеніями на лѣтнее время становятся шалаши, въ которыхъ живутъ люди. Всѣ они вообще занимаются рыбною ловлею; добываемую рыбу солятъ и сушатъ; также достаютъ морскія

четырехъ или пяти верстахъ сдѣланы, для удобства путешественника, бесѣдки и шалаши.

(*) Японцы считаютъ отъ Кунашира до Хакодаде берегомъ 255 ри, изъ коихъ каждая имѣетъ съ небольшимъ 2000 саженъ нашей мѣры.

Digitized by Google

раковины и сушатъ ихъ; равнымъ образомъ сбираютъ приносимое къ берегу въ великомъ количествѣ морское растеніе, называемое Русскими въ томъ краю морскою капустою; разстилая ее на пескѣ, сушатъ, потомъ складываютъ въ кучи, похожія на сѣнныя копны, и покрываютъ рогожами, пока не прійдетъ время грузить ее на суда, для отправленія въ порты главнаго ихъ острова Нифона. Море ничего не производитъ такого, чего бы Японцы не ѣли: всякаго рода рыба, морскія животныя, раковины, растенія морскія, трава, растущая на каменьяхъ — все это употребляется ими въ пищу, и потому-то множество людей занимается безпрестанно прибрежными промыслами для прокормленія невѣроятнаго народонаселенія Японіи. Верстахъ во стѣ пятидесяти или двухъ стахъ, отъ Хакодаде кончатся курильскія селенія, а начнутся японскія; ихъ раздѣляетъ не большая, но весьма быстрая рѣка, чрезъ которую мы, по причинѣ недавно бывшихъ дождей, могли переѣхать съ немалымъ трудомъ. Курильскія селенія большею частію невелики, и состоятъ изъ хижинъ; нѣтъ при нихъ ни огородовъ, ни садовъ, и вообще имѣютъ они видъ бѣдности; одни только японскіе домики между ними, въ которыхъ живутъ начальники или приставы японскіе и прикащики, надзирающіе надъ промыслами, построены порядочно, содержатся очень опрятно, и окружены огородами и садами. Японскія селенія, напротивъ того, имѣютъ совсѣмъ другой видъ: онѣ очень обширны, расположены правильно улицами, строеніе все деревянное (*), но весьма чисто отдѣланное; при всякомъ домѣ есть огородъ, а при нѣкоторыхъ и садикъ; въ улицахъ и въ домахъ опрятность удивительная; народъ гораздо живѣе, и на всѣхъ лицахъ замѣтно удовольствіе; впрочемъ и о Курильцахъ нельзя сказать, чтобъ они казались печальными. Вообще Матсмайскіе Курильцы довольно высоки, статны, проворны и

(*) Во всей Японіи нѣтъ другаго строенія кромѣ деревяннаго. Японцы нѣсколько разъ говорили намъ, что они могли бы строить и каменные домы, не хуже другихъ народовъ, но землетрясенія, часто у нихъ бывающія, того не позволяютъ.

гораздо виднѣе и мужественнѣе нежели наши Курильцы, или тѣ, которые обитаютъ на островахъ Итурупѣ и Кунаширѣ (*).

8-го Августа, поутру, конвоiйные наши стали приготовляться къ церемонiяльному входу въ городъ, надѣли новое платье, латы и военныя свои шляпы. Завтракъ намъ дали гораздо лучше обыкновеннаго, а именно курицу въ соусѣ съ зеленью, очень хорошо приготовленную, что у нихъ почитается однимъ изъ самыхъ лакомыхъ кусковъ, а это не добро предвѣщало: мы еще прежде нѣсколько разъ замѣчали въ дорогѣ, что если Японцы должны были сдѣлать для насъ что нибудь непрiятное, то всегда прежде подчивали лучше противъ обыкновеннаго. И въ этомъ случаѣ было точно такъ: лишь только кончили мы свой завтракъ, какъ намбускiе солдаты, отправленные съ нами изъ Кунашира, посредствомъ своего курильскаго переводчика и нашего Алексѣя, по обыкновенiю своему, торжественнымъ образомъ (**) объявили намъ, что, къ великому ихъ сожалѣнiю, они не могутъ насъ ввести въ городъ иначе, какъ

(*) Курильцы острова Матсмая отчасти особенный народъ отъ жителей другихъ Курильскихъ Острововъ, и имѣютъ свой языкъ, въ которомъ хотя и есть много курильскихъ словъ, но Курильцы ихъ понимать не могутъ. Алексѣй и жители острововъ Итурупа и Кунашира совершенно разумѣли другъ друга, но съ Матсмайскими Курильцами, онъ объяснялся съ большимъ трудомъ, а иногда и понимать ихъ не могъ; но въ томъ, что всѣ они нѣкогда составляли одинъ и тотъ же народъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнiя: наружный видъ, обычаи и множество сходныхъ словъ въ ихъ языкахъ, слишкомъ достаточно въ томъ свидѣтельствуютъ.

(**) Когда Японцы хотѣли извѣстить насъ о чемъ либо, то всегда дѣлали это съ нѣкоторою важностью и торжественно: сами становились въ рядъ противъ насъ; переводчикъ ихъ и нашъ Алексѣй становились на колѣни между ими и нами; потомъ провозглашаемо было, чтобы всѣ предстоящiе молчали, и тогда уже старшiй изъ нихъ начиналъ объяснять дѣло тихимъ голосомъ и медленно своему переводчику, тотъ Алексѣю, а онъ намъ.

Digitized by Google

связавъ намъ руки по-прежнему, такъ точно, какъ мы были отправлены изъ Кунашира, и тотчасъ приступили къ дѣлу безъ дальнихъ обинякOвъ. Гоонзо, съ своими товарищами, и намбускій офицеръ, узнавъ о томъ, не хотѣли, чтобъ руки у насъ были завязаны назадъ, но солдаты не соглашались на это, и дѣлали свои представленія съ учтивостью. Тутъ у нихъ начался споръ, продолжавшійся болѣе четверти часа. Солдаты часто упоминали кунаширскаго начальника (надобно думать, что они ссылались на его приказаніе: непремѣнно доставить насъ въ Хакодаде связанными), и настояли на своемъ; но Гоонзо отправилъ съ донесеніемъ о семъ дѣлѣ въ Хакодаде нарочнаго, который встрѣтилъ насъ верстахъ въ двухъ или трехъ отъ Онно съ повелѣніемъ развязать намъ опять руки, что и было исполнено въ ту же минуту. Не доходя верстъ трехъ до города, мы остановились въ одномъ домикѣ ожидать пока пришлютъ повелѣніе вести насъ; между тѣмъ изъ Хакодаде вышло множество людей обоего пола и всякаго возраста. Изъ мужчинъ нѣкоторые были верхомъ, въ шелковомъ платьѣ; одежда ихъ и сбруя на лошадяхъ показывали, что они люди хорошаго состоянія. Наконецъ насъ повели скоро послѣ полудня, съ большимъ парадомъ, между многочисленною толпою народа, которымъ были усѣяны обѣ стороны дороги. Зрители были весьма скромны: я нарочно наблюдалъ, съ какимъ выраженіемъ они на насъ смотрятъ; но не замѣтилъ ни у кого изъ нихъ на лицѣ какого либо суроваго вида или показывающаго презрѣніе или ненависть къ намъ, а чтобы дѣлать какія обиды или насмѣшки, то и похожаго на это не было. Наконецъ ввели насъ въ городъ, гдѣ народу было еще болѣе, такъ что конвойные наши съ трудомъ могли очищать дорогу. Пройдя городомъ съ полверсты по одной длинной, весьма узкой улицѣ, поворотили мы налѣво въ переулокъ, который велъ въ чистое поле. Тутъ, на возвышенномъ мѣстѣ, увидѣли мы опредѣленное для насъ зданіе: видъ его поразилъ меня ужасомъ. Мы могли видѣть только длинную его крышку, судя по коей можно было заключить о пространствѣ его; самое же строеніе было закрыто отъ взора нашего деревянною

Digitized by Google

стѣною, которую украшали большія желѣзныя рогатки, а кругомъ стѣны обведенъ былъ, немного пониже ея, земляной валъ, обвѣшенный на сей случай полосатою матеріею; подлѣ воротъ былъ караульный домъ, въ которомъ сидѣли чиновники, а отъ караульнаго дома по дорогѣ, гдѣ мы шли, стояли солдаты въ полномъ воинскомъ уборѣ, въ разстояніи саженъ двухъ одинъ отъ другаго, и съ разнымъ оружіемъ, какъ-то: одинъ съ ружьемъ, другой со стрѣлами, третій съ копьемъ, и т. д. Офицеры были передъ фронтомъ. Въ воротахъ принималъ насъ отъ конвойныхъ нашихъ по списку какой-то чиновникъ, и велѣлъ вести далѣе на дворъ. Тутъ-то открылся глазамъ нашимъ весь ужасъ предназначеннаго намъ жилища. Мы увидѣли большой, почти совсѣмъ темный сарай, въ которомъ стояли клѣтки, сдѣланныя изъ толстыхъ брусьевъ, совершенно подобныя клѣткамъ птичьимъ, кромѣ величины: притомъ темнота не позволила намъ обозрѣть ихъ вдругъ. Японцы поставили насъ всѣхъ рядомъ къ стѣнѣ, а сами стали разсуждать о нашемъ размѣщеніи. Съ полчаса мы стояли въ ужаснѣйшемъ уныніи, воображая, что можетъ быть, намъ суждено вѣчно не выходить изъ этого страшнаго жилища. Наконецъ Японцы спросили меня и Г. Мура, котораго изъ матросовъ мы хотимъ имѣть съ собою. Мы очень обрадовались, полагая, что они не хотятъ заключать насъ каждаго порознь, и просили нельзя ли еще присоединить къ намъ Г. Хлѣбникова; но Японцы на это не согласились; причина отказа ихъ была весьма основательна: они сказали, что съ матросами долженъ быть одинъ изъ офицеровъ для того, чтобы онъ могъ, своимъ примѣромъ и совѣтами, ободрять и утѣшать ихъ въ несчастіи, безъ чего они совсѣмъ потеряютъ духъ и предадутся отчаянію. Сдѣлавъ намъ такой отвѣтъ, Японцы повели меня, а за мною Г. Мура и матроса Шкаева вдоль строенія въ одну сторону, а прочихъ въ другую. Мы со слезами простились съ своими товарищами, считая, что можетъ быть, уже никогда не увидимся. Меня ввели въ коридоръ, сняли сапоги и вовсе развязали веревки; потомъ велѣли войти въ маленькую каморку, отдѣленную отъ коридора деревянною рѣшеткою. Я оглянулся, думая найти за собою

Digitized by Google

Г. Мура и Шкаева; но въ немое изумленіе пришелъ, увидѣвъ, что ихъ тутъ не было, и не слыша ихъ голоса. Японцы же, не сказавъ мнѣ ни слова, заперли дверь замкомъ, а вышедъ изъ коридора, и его замкнули также. Тогда я остался одинъ; вообразивъ, что мы заключены всѣ порознь и вѣроятно никогда уже другъ съ другомъ не увидимся, я бросился на полъ въ глубокомъ отчаяніи.

Долго я лежалъ, можно сказать, почти въ безпамятствѣ, пока не обратилъ на себя моего вниманія стоявшій у окна человѣкъ, который дѣлалъ мнѣ знаки, чтобъ я подошелъ къ нему; когда я исполнилъ его желаніе, онъ подалъ мнѣ сквозь рѣшетку два небольшіе сладкіе пирожка, и показывалъ знаками, чтобы я съѣлъ ихъ поскорѣе, объясняя, что если другіе это увидятъ, то ему будетъ дурно. Мнѣ тогда всякая пища была противна, но чтобъ не огорчить его, я съ нѣкоторымъ усиліемъ проглотилъ пирожки. Тогда онъ меня оставилъ съ весёлымъ видомъ, обѣщая, что и впередъ будетъ приносить. Я благодарилъ его, какъ могъ, удивляясь, что человѣкъ, по наружности бывшій изъ послѣдняго класса въ обществѣ, имѣлъ столько добродушія, что рѣшился чѣмъ нибудь утѣшить несчастнаго иностранца, подвергая себя опасности быть наказаннымъ. Вскорѣ послѣ сего принесли мнѣ обѣдать, но я не хотѣлъ ѣсть, и отослалъ все назадъ; потомъ и ужинать приносили, но мнѣ и тогда было не до ѣды; я то ложился на полъ или на скамейку, то ходилъ по комнатѣ, размышляя, нельзя ли какъ нибудь уйти. На сей конецъ разсматривалъ я внимательно строеніе моей тюрьмы: она была въ длину и въ ширину по шести шаговъ, вышиною футовъ осьми; отъ коридора отдѣлялась деревянною рѣшеткою изъ довольно толстыхъ брусьевъ, въ которой и двери были съ замкомъ; въ стѣнахъ находились два окна съ крѣпкими деревянными рѣшетками снаружи, и съ бумажными ширмами внутри, которыя я могъ отодвигать и задвигать по водѣ; одно окно было обращено къ стѣнѣ какого-то строенія, отстоявшей отъ моей стѣны шагахъ въ двухъ, а другое къ полуденной сторонѣ ограды нашей темницы: изъ этого окна

Digitized by Google

я могъ видѣть горы, поля, часть Тцынгарскаго Пролива и противоположный намъ берегъ Японіи. Подлѣ дверей, въ сторону, былъ небольшой чуланчикъ, съ отверстіемъ на полу въ глубокій ящикъ за замкомъ, для естественныхъ надобностей; посреди каморки стояла деревянная скамейка такой величины, что я едва могъ лежать на ней, а на полу въ одной сторонѣ постланы были три или четыре рогожки — вотъ и вся моя мебель.

Разсмотрѣвъ весь составъ мѣста моего заключенія, я увидѣлъ, что съ помощью одного обыкновеннаго ножа легко можно было перерѣзать въ окнѣ рѣшетку часа въ три, и вылѣзть на дворъ, а пользуясь темнотою ночи, могъ я также перелѣзть черезъ деревянную стѣну и черезъ валъ; но дѣло состояло въ томъ, первое, гдѣ взять ножъ, когда намъ и иголки въ руки не давали, а второе, если бъ я и вышелъ на свободу, куда итти одному, и что послѣ сдѣлаютъ Японцы съ несчастными моими товарищами? Мысль объ ихъ участи меня ужасала такъ, что если бы я дѣйствительно имѣлъ у себя ножъ, и могъ на берегу спустить лодку, чтобъ при восточномъ вѣтрѣ пуститься на ней къ Татарскому Берегу, то и тогда ни подъ какимъ видомъ не покусился бы на это, единственно для того, чтобы горькую участь моихъ товарищей не сдѣлать еще несноснѣе; слѣдовательно всѣ такія размышленія были одни воздушные замки.

Къ ночи принесли мнѣ бумажное одѣяло на ватѣ, совсѣмъ новое, и большой спальный халатъ, также на ватѣ, но такъ изношенный и перемаранный, что отъ него происходилъ несносный запахъ гнилью и мерзкою нечистотою; я бросилъ его въ уголъ безъ употребленія. Во всю ночь, каждый часъ, кругомъ стѣны ходили обходы и стучали въ трещотки (*), а солдаты внутренняго караула также и

(*) Японцы на караулахъ часы бьютъ двумя сухими звонкими дощечками; сначала мы называли ихъ трещотками. Дозоры такіе ходили и на дорогѣ вокругъ домовъ, гдѣ мы имѣли ночлегъ. Долго намъ неизвѣстно было что они значили; но послѣ уже мы узнали, что это патрули караульныхъ, бьющіе часы и осматривающіе посты.

Digitized by Google

въ коридоръ ко мнѣ заходили съ огнемъ, смотрѣть что я дѣлалъ.

Рано поутру, когда еще вокругъ была глубокая тишина, вдругъ поразили мой слухъ русскія слова. Въ ту же секунду, вскочивъ со скамейки и подошедъ къ окну, обращенному къ стѣнѣ ближняго строенія, услышалъ я, что тамъ разговаривалъ Г. Муръ со Шкаевымъ. Нечаянное это открытіе чрезвычайно меня обрадовало; я благодарилъ Бога; что по крайней мѣрѣ товарищи мои заключены не по одному; слѣдовательно имѣютъ способъ утѣшать другъ друга и проводить время не въ такой ужасной горести и отчаяніи, какъ человѣкъ, особо заключенный; притомъ утѣшала меня еще надежда, не будемъ ли мы когда либо въ состояніи сообщить свои намѣренія другъ другу, и уйти вмѣстѣ. Вслушиваясь въ ихъ разговоры, могъ я разобрать, что Г. Муръ разсказывалъ Шкаеву видѣнный имъ сонъ объ Архангельскѣ. Я нетерпѣливо желалъ открыть имъ о моемъ съ ними сосѣдствѣ, но не смѣлъ на это отважиться, опасаясь, чтобъ разговоры мои не причинили для всѣхъ насъ вредныхъ послѣдствій. Между тѣмъ караульные и работники, вставши, начали приниматься за свои дѣла и наступившій шумъ заглушалъ ихъ и разговоры. Тутъ принесли мнѣ теплой и холодной воды умываться, отперли дверь, а когда я умылся, опять заперли; потомъ приносили завтракать, но я все еще не могъ ничего ѣсть.

Около половины дня пришелъ ко мнѣ въ коридоръ одинъ изъ чиновниковъ здѣшняго города. Съ нимъ былъ вновь опредѣленный къ намъ переводчикъ Курильскаго Языка (*), человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, лекарь (**), и нашъ Алексѣй. Они стояли въ коридорѣ, и говорили со мною сквозь рѣшетку. Чиновникъ спрашивалъ, здоровъ ли я, и указывая на лекаря, велѣлъ мнѣ объявить, что онъ присланъ изъ Матсмая тамошнимъ губернаторомъ, нарочно съ тѣмъ, чтобъ

(*) Послѣ мы узнали, что переводчика зовутъ Вехара-Кумаджеро.

(**) Лекарь прозывался Того; въ послѣдствіи повѣствованія, говоря о переводчикѣ и лекарѣ, я буду называть ихъ сими именами.

Digitized by Google

имѣть попеченіе о нашемъ здоровьѣ. Пока Японцы при семъ случаѣ разговаривали между собою, я успѣлъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ Алексѣю, и узналъ отъ него, что Г. Хлѣбниковъ заключенъ съ Симановымъ, Макаровъ съ Васильевымъ, а онъ отдѣльно, какъ я. Алексѣй прибавилъ еще, что у нихъ каморки очень дурныя, темныя, совсѣмъ безъ оконъ и крайне нечисты. Въ полдень принесли мнѣ обѣдъ, но я отказался отъ ѣды. Караульный отперъ дверь, и проворчавъ что-то съ сердцемъ, велѣлъ кушанье у меня оставить и заперъ дверь. Подъ вечеръ опять пришелъ ко мнѣ тотъ же чиновникъ съ переводчикомъ Вехарою и съ Алексѣемъ, для объявленія, что начальникъ города, полагая, что мнѣ скучно быть одному, велѣлъ спросить меня, кого изъ матросовъ я желаю имѣть при себѣ. На отвѣтъ мой, что они для меня всѣ равны (*), онъ сказалъ, чтобъ я непремѣнно самъ выбралъ кого мнѣ угодно, ибо таково есть желаніе ихъ градоначальника. Я сказалъ, что они могутъ со мною быть по очереди, и началъ съ Макарова, котораго въ ту же минуту перевели ко мнѣ. Я уговаривалъ Алексѣя, чтобы онъ попросилъ Японцевъ помѣстить его съ Васильевымъ на мѣсто Макарова; но онъ на это не согласился, и это заставило меня очень сомнѣваться въ его къ намъ расположеніи. При семъ случаѣ я узналъ, что чиновникъ этотъ первый въ городѣ по главномъ начальникѣ. Я спросилъ его, всегда ли Японцы думаютъ насъ такъ содержать какъ теперь. «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, послѣ вы всѣ будете жить вмѣстѣ, а потомъ отпустятъ васъ въ свое отечество.»—Скоро ли сведутъ насъ въ одно мѣсто? — «Не скоро еще,» отвѣчалъ онъ. Люди въ подобномъ нашему положеніи, всякое слово берутъ на замѣчаніе и толкуютъ: если бы онъ сказалъ скоро, то я почелъ бы рѣчи его одними пустыми утѣшеніями, но въ этомъ случаѣ я повѣрилъ ему, и нѣсколько успокоился.

Когда Японцы насъ оставили, я обратился къ Мака-

(*) Я сказалъ это для того, что въ жестокомъ нашемъ положеніи не хотѣлъ показать несчастнымъ своимъ товарищамъ, что одного предпочитаю другимъ.

Digitized by Google

рову. Онъ чрезвычайно удивлялся пріятности моего жилища; съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на предметы, которые можно было видѣть изъ моего окна; клѣтка моя казалась ему раемъ противъ тѣхъ, въ которыхъ были заключены Г. Хлѣбниковъ, Симановъ, Васильевъ и Алексѣй, и откуда его перевели ко мнѣ. Описаніе ихъ жилища навело на меня ужасъ: они были заперты въ небольшихъ клѣткахъ, сдѣланныхъ изъ весьма толстыхъ брусьевъ, и поставленныхъ одна подлѣ другой, посреди огромнаго сарая, такъ что клѣтки эти были окружены со всѣхъ сторонъ коридорами; входъ же въ нихъ составляли не двери, а отверзтія столь низкія, что должно было вползать въ нихъ. Солнце никогда къ нимъ не заглядывало, и у нихъ господствовала почти безпрестанная темнота. Обнадеживаніе японскаго чиновника и разговоры съ Макаровымъ нѣсколько смягчили грусть мою, и за ужиномъ сталъ я въ первый еще разъ ѣсть въ Хакодаде, и поѣлъ исправно, не смотря на то, что здѣсь столъ нашъ былъ весьма дуренъ и совсѣмъ не такой, какъ въ дорогѣ (*). Вечеромъ принесли намъ по одной круглой подушкѣ, похожей на тѣ, какія у насъ бываютъ на софахъ; наволочки были бумажныя, а внутри шелуха коноплянаго сѣмени.

10-го Августа, еще поутру, переводчикъ Кумаджеро извѣстилъ меня, что начальникъ города желаетъ сегодня видѣть всѣхъ насъ, и что насъ къ нему поведутъ послѣ

(*) Въ Хакодаде кормили насъ очень дурно, а особливо сначала: обыкновенную нашу пищу составляли каша изъ сарачинскаго пшена, похлебка изъ простой горячей воды съ тертою рѣдькой безъ всякой приправы, горсточка зеленаго луку мелко накрошеннаго, или вареныхъ бобовъ, а иногда, вмѣсто луку или бобовъ, кусочка по два соленыхъ огурцовъ или соленой рѣдьки; изрѣдка варили намъ лапшу изъ бобовой муки, подавали гнилую треску или китовый жиръ вмѣсто рѣдечнаго супу, и раза два въ пятьдесятъ дней дали по половинѣ камбалы съ соею на человѣка; ѣсть давали три раза въ день: поутру въ восемь часовъ, въ полдень и въ четыре часа вечера; пить же давали теплую воду, а иногда очень дурной чай безъ сахару.

Digitized by Google

обѣда. Въ назначенное время насъ вывели на дворъ одного послѣ другаго, обвязавъ каждаго около пояса веревкою, за конецъ которой держалъ работникъ, но рукъ уже совсѣмъ не вязали. На дворѣ поставили всѣхъ насъ рядомъ; около четверти часа, присланный за нами чиновникъ дѣлалъ свои распоряженія, какъ быть шествію, которое послѣ и началось такимъ образомъ: впереди шли два старика въ простыхъ халатахъ съ большими палками, у коихъ на концахъ были насажены небольшіе топорики, похожіе фигурою на ланцеты; за ними шли рядомъ три намбускіе солдата съ саблями за кушакомъ, потомъ я; подлѣ меня императорскій солдатъ, а за мною работникъ, державшій веревку; послѣ меня такимъ же образомъ вели Гг. Мура и Хлѣбникова, матросовъ и Алексѣя; сзади же всѣхъ шли еще три солдата намбускіе. Насъ вели очень медленно, почти черезъ весь городъ, по одной весьма длинной улицѣ, въ которой всѣ дома были наполнены зрителями. Тогда въ первый разъ мы замѣтили, что у нихъ почти во всѣхъ домахъ были лавки со множествомъ разныхъ товаровъ. Съ улицы поворотили мы влѣво на гору къ замку, обведенному землянымъ валомъ и палисадомъ; воротами взошли мы на большой дворъ, гдѣ стояла, противъ самыхъ воротъ, мѣдная пушка на станкѣ о двухъ колесахъ, весьма дурно сдѣланныхъ. Съ этого двора прошли мы небольшимъ переулкомъ на другой дворъ, гдѣ находились въ ружьѣ нѣсколько человѣкъ императорскихъ солдатъ. Они сидѣли на постланныхъ на землѣ рогожкахъ въ разстояніи около сажени одинъ отъ другаго; оружіе же ихъ, состоявшее изъ ружей и стрѣлъ, было приставлено къ стѣнѣ подлѣ каждаго изъ нихъ. Насъ привели въ небольшой закоулокъ между двумя строеніями, и посадили насъ, троихъ офицеровъ, на скамейку, а матросовъ и Алексѣя на рогожи, по землѣ разостланныя. Тутъ велѣно намъ было дожидаться, а между тѣмъ принесли курительныя трубки, очень хорошаго табаку, лучшаго зеленаго чаю, сахарнаго песку, и стали насъ подчивать именемъ главнаго начальника города. Тѣмъ изъ насъ, которые любили курить табакъ, это было великимъ угощеніемъ, ибо, по приходѣ въ Хакодаде, намъ уже болѣе ни трубокъ,

Digitized by Google

ни табаку не давали (*). Въ ожиданіи что будетъ далѣе, мы имѣли время поговорить между собою. Г. Хлѣбниковъ разсказалъ мнѣ о мѣстѣ своего заключенія. Описаніе его совершенно сходствовало съ тѣмъ, что я прежде слышалъ отъ Макарова, а Г. Муръ увѣдомилъ меня, что онъ содержится точно въ такой же каморкѣ, какъ моя, имѣя два окна, въ которыя можно видѣть нѣсколько наружныхъ предметовъ. Мы дожидались болѣе часа. Наконецъ, въ окно ближняго къ намъ строенія, назвали меня по имени: Капитанъ Головнинъ (но Японцы фамилію мою произносили почти какъ Ховаринъ), и велѣли ввести. Тогда два караульные солдата, идучи у меня по обѣимъ сторонамъ, подвели меня къ большимъ воротамъ, и впустивъ въ обширную залу, опять ихъ затворили, а тамъ тотчасъ меня приняли другіе. Зданіе, въ которое я вошелъ, походило одною половиною своею не столько на залу, сколько на сарай, не имѣя ни потолка, ни пола. Въ ближней половинѣ его къ воротамъ, вмѣсто досокъ, на землѣ насыпаны были мелкіе каменья; въ другой же половинѣ, полъ отъ земли возвышался фута на три; на немъ были постланы соломянные, весьма чисто сдѣланные маты; вся же эта зала величиною была саженъ осьми или десяти въ длину и въ ширину, а вышиною футовъ въ осьмнадцать, и отъ другихъ комнатъ отдѣлялась изрядно расписанными подвижными ширмами; оконъ было два или три со вставленными въ нихъ деревянными рѣшетками, а вмѣсто стеколъ задвигались они бумажными ширмами, сквозь которыя проходилъ тусклый, унылый свѣтъ. На правой сторонѣ, подлѣ возвышеннаго мѣста, вышиною фута въ четыре отъ земли, во всю стѣну развѣшены были желѣза для кованія преступниковъ, веревки и разные инструменты наказанія; другихъ же ни какихъ украшеній не было. Съ перваго взгляда на это зданіе, подумалъ я, что это должно быть мѣсто для пытокъ; да

(*) Въ послѣдствіе времени караульные наши, составлявшіе внутреннюю при насъ стражу, находившись всегда подлѣ каморки Г. Мура, гдѣ было сдѣлано для нихъ мѣсто, иногда потихоньку давали ему курить изъ своихъ трубокъ сквозь рѣшетку, но къ другимъ носить не смѣли.

Digitized by Google

и всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы подобное заключеніе: такъ страшенъ былъ его видъ! Главный начальникъ сидѣлъ на полу, посреди возвышеннаго мѣста; по сторонамъ у него, немного назади, сидѣли два секретаря, передъ коими на полу же лежала бумага и стояли чернилицы; по лѣвую сторону отъ главнаго начальника сидѣлъ первый по немъ чиновникъ, а по правую второй; потомъ, на лѣвой и на правой сторонѣ, еще по чиновнику. Опи сидѣли въ такомъ положеніи, какъ у насъ садится президентъ съ членами; только у Японцевъ не было стола, и находились они шагахъ въ двухъ одинъ отъ другаго. Всѣ они сидѣли на колѣняхъ съ поджатыми взадъ ногами, такъ, что ноги лежали плотно на матахъ, а задняя часть тѣла касалась подошвъ; они были въ обыкновенныхъ своихъ черныхъ халатахъ, имѣя за поясомъ кинжалы, а большія сабли лежали у каждаго изъ нихъ на лѣвой сторонѣ, подлѣ боку. По обѣимъ сторонамъ возвышеннаго мѣста, на доскахъ, положенныхъ на землѣ, сидѣли по часовому безъ всякаго оружія, а переводчикъ Кумаджеро сидѣлъ на томъ же возвышенномъ мѣстѣ подлѣ края, на правой сторонѣ. Принявшіе меня въ залѣ солдаты подвели меня къ возвышенному мѣсту, и хотѣли посадить на каменья, но начальникъ сказалъ имъ что-то, и они оставили меня на ногахъ противъ его. Потомъ такимъ же образомъ привели Г. Мура и поставили его подлѣ меня на правой сторонѣ; послѣ ввели Г. Хлѣбникова, котораго помѣстили подлѣ Г. Мура (*); наконецъ ввели матросовъ одного за другимъ и поставили рядомъ за нами, а послѣ всѣхъ привели Алексѣя, котораго посадили въ рядъ съ нами на правой сторонѣ подлѣ Г. Хлѣбникова, ибо онъ долженъ былъ переводить. Устроивъ все такимъ образомъ, переводчикъ сказалъ намъ, по приказанію начальника, указавъ на него, что это главный начальникъ города. Тогда мы ему поклонились, посвоему, а онъ отвѣчалъ небольшимъ наклоненіемъ головы,

(*) У Японцевъ лѣвая сторона имѣетъ преимущество, какъ у насъ правая; мы вездѣ это у нихъ замѣчали, а послѣ они и сами то же намъ сказывали, но причины сего обычая объяснить не могли.

Digitized by Google

опустивъ глаза. Послѣ сего, вынувъ изъ-за пазухи бумагу, сталъ онъ по ней насъ спрашивать. Сначала спросилъ мой чинъ и фамилію, потомъ имя, а послѣ отчество (*). Отвѣты мои оба секретаря записали; потомъ тѣ же вопросы были предложены Гг. Муру, Хлѣбникову и всѣмъ прочимъ. Секретари записывали и ихъ отвѣты. За симъ допросомъ послѣдовали другіе, каждому изъ насъ порознь, и вопросъ за вопросомъ, а именно: сколько отъ роду лѣтъ; живы ли отецъ и мать; какъ зовутъ отца; есть ли братья, сколько ихъ; женатъ ли, есть ли дѣти; изъ какихъ мы городовъ; во сколько дней отъ нашихъ городовъ можно доѣхать до Петербурга; какія наши должности на корабляхъ въ морѣ, что̀ мы дѣлаемъ будучи на берегу, и какъ велика команда, которая тогда намъ ввѣряется. На каждый изъ сихъ вопросовъ, отвѣты наши записывали, какъ и прежде. На отвѣтъ нашъ, изъ какихъ мы городовъ, Японцы сдѣлали замѣчаніе: почему вы служили на одномъ кораблѣ, будучи всѣ родомъ изъ разныхъ городовъ? На это отвѣтъ нашъ былъ, что мы служимъ не своимъ городамъ, а всему отечеству и Государю‘ слѣдовательно все равно, на одномъ ли мы кораблѣ ходили или на разныхъ, лишь бы корабль былъ русскій. И этотъ отвѣтъ они не упустили записать. Вопросъ ихъ, чѣмъ мы командуемъ, или какъ Алексѣй говорилъ: повелѣваемъ, на берегу, надѣлалъ намъ въ послѣдствіи много хлопотъ и непріятностей. Японцы непремѣнно хотѣли знать, сколько числомъ людей у насъ бываетъ въ командѣ. и когда мы объяснили имъ. что это бываетъ разное, и зависитъ отъ

(*) Этотъ вопросъ не мало сдѣлалъ намъ затрудненія. Алексѣй, не умѣя выразить его по-русски, спрашивалъ насъ: какой хвостъ у твоего имени? Надобно знать, что̀ на Курильскомъ Языкѣ хвостъ и конецъ называются одинаково. Мы не могли понять, что онъ хочетъ сказать, пока не вошла ему въ голову счастливая мысль объяснить вопросъ свой примѣромъ. Онъ сказалъ: «вотъ меня зовутъ Алексѣй, а еще хвостъ у имени моего, Максимычъ, а у тебя какой *ичъ?*» Впрочемъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ не безъ хлопотъ намъ съ нимъ было: частенько мы толковали другъ съ другомъ по цѣлому часу, и оставались также, какъ и прежде, не понимая, кто что говорилъ.

Digitized by Google

обстоятельствъ, то они спрашивали, какимъ числомъ людей мы должны командовать по чинамъ своимъ; наконецъ, чтобъ отвязаться отъ нихъ, принуждены мы были сказать имъ, по сравненію нашихъ чиновъ съ армейскими, что маіоръ командуетъ баталіономъ, а капитанъ ротою. Мы думали, что тѣмъ дѣло кончено, но ниже будетъ сказано, сколько досады они намъ сдѣлали по сему случаю. Потомъ Японцы спрашивали имя нашего судна, и хотѣли знать величину его маховыми саженями, и число пушекъ, въ чемъ мы ихъ удовлетворили, а напослѣдокъ начальникъ сказалъ намъ, что въ бытность у нихъ Лаксмана, онъ имѣлъ длинную косу и большіе волоса на головѣ, въ которые сыпалъ много муки (пудрился), а у насъ волосы острижены, и такъ не перемѣненъ ли въ Россіи законъ? Когда мы сказали имъ, что уборы головные не входятъ въ наши законы, Японцы засмѣялись, не мало удивясь, что на это нѣтъ общаго устава, но и этотъ отвѣтъ нашъ они также записали. Въ заключеніе они требовали, чтобъ мы объяснили имъ и показали на картѣ, гдѣ мы шли и когда, съ самаго отбытія изъ Петербурга. Карта у нихъ для того была скопированная съ русскаго академическаго глобуса, напечатаннаго при покойной Императрицѣ. Показывая имъ наше плаваніе, я спросилъ, гдѣ та карта, которую я въ Кунаширѣ предложилъ въ подарокъ тамошнему начальнику, ибо она лучше этой, и путь нашъ тамъ отчасти назначенъ; но Японцы сказали, что ни какой нашей карты къ нимъ не доставлено; коль скоро они ее получатъ, то покажутъ намъ, а до того годится и эта. Они не только распрашивали, гдѣ мы шли, но хотѣли знать точное время, въ какіе мѣсяцы мы какія мѣста проходили. и куда когда пришли. Всѣ наши отвѣты и поясненія они записывали, спросивъ напередъ у переводчиковъ, точно ли то они переводятъ, что мы говоримъ. По причинѣ слабыхъ знаній нашего переводчика въ языкѣ и необыкновенной точности, съ какою Японцы отбирали отъ насъ отвѣты, они занимали насъ нѣсколько часовъ. Наконецъ главный начальникъ велѣлъ намъ итти домой, объявивъ, что когда нужно будетъ, насъ опять сюда приведутъ, а до того времени совѣтовалъ намъ отдыхать. Мы

Digitized by Google

возвращались изъ замка въ сумеркахъ, точно такимъ же порядкомъ, какъ и пришли, съ тою только разностью, что по причинѣ прекращенія всѣхъ дневныхъ работъ, число зрителей было гораздо болѣе прежняго. По возвращеніи въ темницу насъ опять развели по прежнимъ каморкамъ, и дали, на счетъ градоначальника, каждому изъ насъ по одному лѣтнему японскому халату изъ бумажной матеріи, а также поподчивали насъ виномъ и сагою. Во время нашего отсутствія Японцы соединили мой коридоръ съ коридоромъ Г. Мура, и посрединѣ оныхъ сдѣлали мѣсто для внутренной стражи, откуда могли вдругъ видѣть сквозь рѣшетки, что дѣлается у меня въ каморкѣ и у него. Чрезъ это, способъ къ побѣгу совсѣмъ уничтожился; но въ замѣну мы имѣли ту пользу, что могли лучше слышать разговоры наши, а потому я съ Г. Муромъ и переговаривался не прямо, а подъ видомъ, что говорю товарищу своему, Макарову, и онъ то же дѣлалъ, обращая разговоръ къ Шкаеву; но это продолжалось лишь нѣсколько дней. Послѣ при одномъ случаѣ спросили мы втораго чиновника по градоначальникѣ, можемъ ли мы между собою разговаривать, и получили въ отвѣтъ: «говорите, что хотите, и такъ громко, какъ вамъ угодно.» Послѣ этого объявленія, мы разговаривали уже свободно, но остерегались говорить что либо предосудительное Японцамъ, опасаясь, не опредѣлены ли къ намъ люди, знающіе Русскій Языкъ, чтобъ подслушивать; по той же причинѣ боялись мы говорить и на иностранныхъ языкахъ, чтобы приставленные къ намъ тайно переводчики не объявили о нашихъ разговорахъ не на своемъ языкѣ своимъ начальникамъ, и не возбудили тѣмъ въ семъ подозрительномъ народѣ какого нибудь сомнѣнія.

Послѣ перваго нашего свиданія съ градоначальникомъ, восемнадцать дней насъ къ нему не призывали и не объявляли, что съ нами будутъ дѣлать, а на вопросы наши о семъ дѣлѣ, всѣ Японцы отзывались незнаніемъ; но во все это время каждый день поутру и ввечеру приходили къ намъ дежурные городскіе чиновники поочереди съ лекаремъ и переводчикомъ, навѣдывались о нашемъ здоровьѣ, и спрашивали, не имѣемъ ли мы въ чемъ нужды; однако жъ, не взирая на такое

Digitized by Google

ихъ вниманіе, кормили насъ очень дурно, и бо̀льшею частію пустымъ рѣдечнымъ буліономъ. Г. Муръ изнемогъ грудью; лекарь тотчасъ прописалъ ему пить декоктъ изъ разныхъ кореньевъ и травъ, но діеты не назначилъ, а совѣтовалъ только болѣе ѣсть того, что даютъ (*); когда же Муръ жаловался на дурное содержаніе и объяснялъ Японцамъ, что при такой худой пищѣ лекарство не можетъ имѣть дѣйствія, второй въ городѣ начальникъ (**) спросилъ, что Русскіе ѣдятъ въ болѣзни. Что назначитъ лекарь, сказалъ Муръ. Однако жъ, что обыкновеннѣе? спросилъ онъ. Курицу свареную въ супѣ. Тогда Отахи-Коеки распросилъ подробно, какъ Русскіе дѣлаютъ такой супъ, чтобъ Японцы могли сварить для насъ подобную пищу. Муръ разсказалъ все очень подробно, и онъ записалъ; но это было только для любопытства или въ насмѣшку, ибо послѣ о супѣ съ курицею мы ни слова не слыхали, а ѣли то же, что и прежде. Этотъ чиновникъ, одинъ изъ всѣхъ Японцевъ, нерѣдко шутилъ надъ нами; онъ обѣщалъ намъ мяса, масла и молока, говоря, что Русскіе это любятъ, а чрезъ нѣсколько дней въ насмѣшку извинялся, что коровы еще ходятъ въ полѣ. Однажды, давъ намъ саги, хотѣлъ, онъ, чтобы я велѣлъ матрозамъ пѣть пѣсни и плясать, разсказывая, что онъ видѣлъ русскую пляску, когда Лаксманъ былъ здѣсь, и что она ему очень нравится, но когда я ему сказалъ, что въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи никто въ свѣтѣ и ничѣмъ не можетъ насъ къ тому принудить, онъ засмѣявшись сказалъ мнѣ въ отвѣтъ: «Правда! правда! и Японцы также въ подобномъ вашему состояніи не стали бы пѣть и плясать.»

Кромѣ дежурныхъ чиновниковъ, въ извѣстные часы насъ посѣщавшихъ, переводчикъ Кумаджеро и лекарь Того были при насъ всякій день часовъ по шести и болѣе.

(*) Японскіе лекаря ни мало не заботятся, чтобы больные ихъ наблюдали діету; они всегда совѣтуютъ имъ болѣе ѣсть, и чѣмъ болѣе больные ѣдятъ, тѣмъ они довольнѣе, ибо хорошій аппетитъ, по ихъ мнѣнію, всегда есть вѣрный признакъ скораго выздоровленія.

(**) Имя этого чиновника Отахи-Коеки. Въ послѣдствіи я буду такъ называть его.

Digitized by Google

Оба они отбирали у насъ русскія слова, и составляли лексиконы. Надобно сказать, что каждый занимался этимъ дѣломъ порознь: когда одинъ былъ на нашей половинѣ, другой, въ то же время, находился у Г. Хлѣбникова; для сего они приносили къ намъ всякую всячину, и спрашивали, какъ что называется. Лекарь былъ человѣкъ очень свѣдущій въ географіи, имѣлъ у себя весьма чисто гравированный японскій глобусъ, снятый съ какого нибудь европейскаго, и разныя рукописныя карты японскихъ владѣній, которыя онъ намъ иногда показывалъ. и объяснялъ все, о чемъ мы его спрашивали, дѣлая свои собственныя замѣчанія на извѣстныя ему мѣста, о которыхъ будетъ упомянуто въ послѣдствіи. Но болѣе всего Японцы насъ безпокоили просьбами своими написать имъ что нибудь на вѣерахъ или на особенныхъ листахъ бумаги; какъ чиновники, такъ и караульные наши солдаты безпрестанно насъ этимъ занимали, а особливо послѣдніе. Но какъ они всегда просили насъ учтивымъ образомъ и послѣ не упускали благодарить съ большими комплиментами, то мы никогда не отказывали въ ихъ просьбахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь нашимъ снисхожденіемъ, были такъ безсовѣстны, что приносили вдругъ по десяти и по двадцати вѣеровъ, чтобы ихъ исписать; но эта скучная работа лежала болѣе на Гг. Мурѣ и Хлѣбниковѣ, потому что они писали очень чисто и красиво: первый изъ нихъ для одного изъ нашихъ караульныхъ исписалъ болѣе семидесяти листовъ бумаги; почему мы имѣли причину думать, что они нашимъ письмомъ торгуютъ, разсылая оное на продажу, какъ вещь достойную кабинетовъ рѣдкостей (*). Скучнѣе всего намъ было писать для чиновниковъ, потому что они всегда хотѣли знать

(*) Японцы большіе охотники до рѣдкостей; первая ихъ страсть собирать какія нибудь необыкновенныя вещицы. При насъ не было ни одного солдата, который бы не показалъ намъ чего нибудь почитаемаго имъ рѣдкостью: у нѣкоторыхъ хранились въ нѣсколькихъ бумагахъ складные матросскіе ножи, полученные ими отъ Лаксмáнова экипажа; другіе берегли мѣдныя деньги наши или пуговки; иной хранилъ какую нибудь бездѣльную ракушку или камешекъ и т. п.

Digitized by Google

что мы имъ написали, а получивъ отъ насъ переводъ, тотчасъ ходили къ Г. Хлѣбникову, чтобы и онъ перевелъ то же; они сличали переводы, и усматривали, правду ли мы говоримъ, а когда онъ что для нихъ писалъ, то они къ намъ послѣ приносили для повѣрки перевода. Такимъ образомъ однажды я причинилъ большой страхъ и хлопоты Г. Хлѣбникову. Одинъ изъ чиновниковъ просилъ меня, въ третій уже разъ, написать ему что нибудь по-русски. Я въ досадѣ написалъ слѣдующее: «Если здѣсь будутъ когда либо Русскіе не плѣнные, но вооруженные, то они должны знать, что семерыхъ изъ ихъ соотечественниковъ Японцы захватили обманомъ и коварствомъ, посадили въ настоящую тюрьму, и содержали какъ преступниковъ безъ всякой причины. Несчастные просятъ земляковъ своихъ отмстить вѣроломному сему народу достойнымъ образомъ.» И подписалъ свой чинъ и имя, а когда Японецъ спросилъ, что это такое, то я сказалъ ему: русская пѣсня, береги ее до того, какъ въ другой разъ здѣсь будутъ Русскіе, и покажи имъ. Онъ понесъ ее для перевода къ Г. Хлѣбникову, который не зналъ что ему дѣлать, но послѣ попалъ на ту же мысль, что это очень мудреная пѣсня, и перевести ее трудно, тѣмъ и отдѣлался.

25-го Августа пришелъ къ намъ второй начальникъ Отахи-Коеки. Онъ прихаживалъ рѣдко и всегда съ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ: съ нимъ была большая свита. Остановясь въ коридорѣ передъ моею каморкою, велѣлъ онъ подлѣ рѣшетки постлать рогожки. Смотрю что будетъ. Наконецъ велѣлъ что-то нести, и вдругъ вижу я, что четыре или пять человѣкъ несутъ на плечахъ мой сундукъ, стоявшій у меня въ каютѣ на шлюпѣ, чемоданы Гг. Мура и Хлѣбникова и еще нѣсколько узловъ. При этомъ видѣ я ужаснулся, вообразивъ, что Японцы не иначе могли получить наши вещи, какъ завладѣвъ шлюпомъ, или его разбило на ихъ берегахъ, а вещи выкинуло. Съ большимъ усиліемъ отвѣчалъ я прерывающимся голосомъ на ихъ вопросы, кому изъ насъ принадлежатъ эти вещи. Наконецъ они намъ объявили, что шлюпъ нашъ, передъ отходомъ своимъ изъ Кунашира, свезъ всѣ вещи на берегъ, и осто-

Digitized by Google

вилъ; тогда я совершенно успокоился; радость моя была чрезвычайная, ибо я полагалъ почти навѣрное, что наши товарищи благополучно достигнутъ своихъ береговъ, и участь наша доведена будетъ до свѣдѣнія Государя Императора. Послѣ сего Японцы, записавъ что̀ изъ присланныхъ вещей принадлежало мнѣ, пошли о томъ же спрашивать другихъ моихъ товарищей. Посылки состояли въ нѣкоторомъ нашемъ платьѣ, бѣльѣ и обуви, которыя преемникъ мой по командѣ, Г. Рикордъ, за нужное почелъ прислать къ намъ. Это въ послѣдствіи послужило для насъ къ большой пользѣ, хотя въ семъ случаѣ Японцы намъ не дали ничего изъ присланныхъ вещей. Этотъ день памятенъ для меня по двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, по безпокойству, причиненному мнѣ присланными вещами, а во-вторыхъ, что за неимѣніемъ бумаги, чернилъ или другаго, чѣмъ бы могъ я записывать случавшіяся съ нами примѣчательныя происшествія, вздумалъ я вести свой журналъ узелками на ниткахъ. Для каждаго дня, съ прибытія нашего въ Хакодаде, завязывалъ я по узелку: если въ какой день случалось какое либо пріятное для насъ приключеніе, ввязывалъ я бѣлую нитку изъ маншетъ; для горестнаго же происшествія черную шелковинку изъ шейнаго платка, а если случилось что нибудь достойное примѣчанія, но такое, которое ни обрадовать, ни опечалить насъ не могло, то ввязывалъ я зеленую шелковинку изъ подкладки моего мундира; такимъ образомъ, по временамъ перебирая узелки, и приводя себѣ на память означенныя ими происшествія, я не могъ позабыть, когда что случилось съ нами.

Между тѣмъ Г. Муру сказали за тайну караульные наши, что намъ не долго жить въ Хакодаде, но мы имъ не вѣрили, ибо имѣли многіе признаки, что мы помѣщены здѣсь на немалое время. Во-первыхъ, дали намъ новые тяжелые на ватѣ халаты, которые Японцы употребляютъ для спанья вмѣсто одѣяла, и рѣдко берутъ съ собою въ дорогу; а во-вторыхъ, около стѣны нашей тюрьмы, въ двухъ разныхъ мѣстахъ, построили, чрезъ нѣсколько дней по прибытіи нашемъ, караульные дома, и во внутреннемъ расположеніи сдѣлали вновь нѣкоторыя перемѣны.

Digitized by Google

Поутру 28-го Августа повели насъ во второй разъ къ градоначальнику, точно такимъ же порядкомъ и тѣмъ же путемъ, какъ и прежде. Въ замкѣ посадили на прежнее мѣсто, и во всемъ попрежнему ввели въ судебную залу. Число чиновниковъ было то же, что и прежде, и также они сидѣли, съ тою только разностью, что при входѣ нашемъ главнаго начальника тутъ не было, а вышелъ онъ изъ-за ширмъ минутъ десять спустя. Занявъ свое мѣсто, вынулъ онъ изъ-за пазухи тетрадь, всю исписанную, и положилъ передъ собою; потомъ, назвавъ каждаго изъ насъ, смотря въ тетрадь, по фамиліи, велѣлъ переводчику сказать намъ, что отвѣты наши, на прежде сдѣланные вопросы, были отправлены къ матсмайскому губернатору (*), отъ котораго теперь получено повелѣніе изслѣдовать наше дѣло самымъ подробнымъ образомъ, и потому на вопросы, которые намъ станутъ они дѣлать, мы должны отвѣчать справедливо и обстоятельно, ничего не утаивая и не перемѣняя что знаемъ. Отвѣтъ нашъ былъ, что мы не имѣемъ ни какой причины что либо скрывать отъ Японцевъ, и потому конечно все, что они желаютъ знать, изложимъ въ истинномъ видѣ. Послѣ сего начали они дѣлать намъ вопросы, въ коихъ повторили большую часть прежнихъ, и снова записывали отвѣты наши. Вопросы предлагали они такъ безпорядочно, что и на одинъ часъ невозможно было припомнить, какой изъ нихъ послѣ какого слѣдовалъ, а притомъ ихъ было такъ много, что не записывая на мѣстѣ, не было возможности всѣ ихъ удержать въ памяти. Слѣдовательно нельзя мнѣ приложить здѣсь вопросы ихъ такимъ порядкомъ, какъ они были намъ предлагаемы; но я помѣщу всѣ тѣ изъ нихъ, которые могъ

(*) По главному начальству сего чиновника надъ всею областью, состоящею изъ Курильскихъ Острововъ и Сахалина, должность его, конечно, соотвѣтствуетъ тому званію, что въ Европѣ называется губернаторомъ; почему мы его и называли такъ; но у Японцевъ онъ называется, когда объ немъ говорятъ съ почтеніемъ, обуніо или въ обыкновенныхъ разговорахъ буніо и буніосо; почему въ послѣдствіи я буду называть его Буніо.

Digitized by Google

упомнить до того времени, какъ получили мы свободу имѣть у себя чернилицу и бумагу. Главные предметы, о коихъ они насъ спрашивали, были слѣдующіе:

«Куда Резановъ поѣхалъ изъ Японіи?»

«Какимъ путемъ онъ возвращался въ Россію?»

«Когда прибылъ въ Петербургъ?»

«Кто далъ повелѣніе двумъ русскимъ судамъ напасть на японскіе берега?»

«По какой причинѣ они нападали?»

«Зачѣмъ сожгли селенія, суда и вещи, которыхъ съ собою увезти не могли?»

«Что сдѣлалось съ Японцами, увезенными на русскихъ судахъ?»

«Какимъ образомъ употреблены въ Россіи увезенное японское оружіе и другія вещи?»

Въ отвѣтъ на эти вопросы, мы описали Японцамъ возвратный путь Резанова въ Камчатку, плаваніе его къ американскимъ компанейскимъ селеніямъ, въ Калифорнію и возвращеніе въ Охотскъ, и прибавили что не доѣхавъ до Петербурга, онъ умеръ въ Красноярскѣ, а суда, нападавшія на японскіе берега, были торговыя, но не императорскія и управлявшіе ими всѣ люди не состояли въ службѣ нашего Государя; нападеніе сдѣлали они самовольно, а цѣлью ихъ, вѣроятно, была добыча; они полагали, что жалоба отъ Японцевъ не можетъ дойти до нашего правительства, чему сами Японцы виною, объявивъ Резанову, что не хотятъ съ Русскими имѣть ни какого сообщенія. Сожженіе всего того, чего суда не могли увезти, должно было произойти также отъ своевольства начальниковъ; увезенные ими два Японца были въ Охотскѣ на волѣ, а не въ заключеніи; воспользовавшись своею свободою, они взяли ночью лодку и уѣхали, а послѣ объ нихъ ничего не было слышно.

Японцы желали знать имена начальниковъ судовъ, дѣлавшихъ на нихъ нападеніе, и удивились, когда мы ихъ назвали Хвостовъ и Давыдовъ. Они тотчасъ спросили насъ, тѣ ли это люди, которые извѣстны имъ подъ именемъ Никола-Сандреечъ (Николай Александровичъ) и Гаврило-Иваночъ (Гаврило Ивановичъ). Мы не понимали, какимъ

Digitized by Google

образомъ Японцы могли знать ихъ имена и отчества, а фамилій не знали. Сначала мы подумали, не тѣ ли два промышленные, которые, побоясь обѣщаннаго имъ Хвостовымъ наказанія, бѣжали отъ него къ Японцамъ при островѣ Итурупѣ, имъ это открыли, но въ такомъ случаѣ конечно, узнали бы Японцы и фамиліи ихъ. Оба они намъ были коротко знакомые люди, но мы не хотѣли Японцамъ сказать, что знаемъ, какъ ихъ звали по имени и отчеству, а говорили, что они намъ извѣстны только подъ именами Хвостова и Давыдова, а болѣе мы объ нихъ ничего не знаемъ. Причина этому была та, что мы опасались, не извѣстно ли Японцамъ наше обыкновеніе знатныхъ людей и также знакомыхъ своихъ называть не по фамиліи, а по именамъ, а когда бы они узнали, что Хвостовъ и Давыдовъ были намъ знакомы, тогда вопросамъ ихъ не было бы конца; они непремѣнно захотѣли бы знать. чьи они дѣти, какъ воспитывались, какихъ были лѣтъ, какого нрава и образа жизни и проч., и проч., и потому-то, чтобъ избавиться такихъ скучныхъ, или, лучше сказать, мучительныхъ распросовъ, сказали мы, что знали ихъ только по однимъ слухамъ. Японцы хотя прямо не отвергали нашего показанія, но, по-видимому, не вѣрили намъ, и оставались въ томъ мнѣніи, что Никола-Сандреечъ не то, что Хвостовъ.

Наиболѣе они старались узнать отъ насъ, почему, послѣ перваго нападенія, допустили ихъ вторично напасть на Японцевъ. Мы отвѣчали, что намъ точно неизвѣстно, отчего это произошло, но причиною, по мнѣнію нашему, должно быть то, что служившіе на помянутыхъ судахъ люди утаили свои поступки отъ камчатскаго начальника. Японцы не были этимъ довольны; они подозрѣвали даже, не былъ ли изъ насъ кто нибудь при сдѣланныхъ на нихъ нападеніяхъ, или по крайней мѣрѣ, не находились ли тогда мы сами въ Камчаткѣ; почему и распрашивали насъ съ величайшею подробностью о нашемъ пути, времени отбытія, отдохновенія и остановкахъ въ разныхъ мѣстахъ, отъ самаго Кронштадта до Петропавловской Гавани, сличая время нашего прихода со временемъ, когда были учинены набѣги на ихъ берега. Другое ихъ подозрѣніе противъ насъ, какъ

Digitized by Google

мы замѣтили по вопросамъ ихъ, состояло въ томъ, не пошли ли мы изъ Петербурга по возвращеніи туда Резанова, въ слѣдствіе сдѣланнаго имъ правительству представленія о неудачѣ его посольства. На сей конецъ они распрашивали насъ: зачѣмъ мы посланы были такъ далеко; какъ велико и какъ вооружено было наше судно; сколько людей, пушекъ и мелкаго оружія мы имѣли. При семъ случаѣ сдѣлали они нѣсколько и смѣшныхъ вопросовъ; по крайней мѣрѣ по совершенству, до какого доведено наше мореплаваніе, они должны показаться смѣшными; какъ, напримѣръ: какимъ образомъ мы могли такъ долго быть въ морѣ, не заходя никуда за съѣстными припасами, за водою и дровами: зачѣмъ Русскіе строятъ такія крѣпкія суда, что они могутъ такъ долго плавать въ открытыхъ океанахъ; зачѣмъ мы имѣемъ пушки и оружіе; зачѣмъ плыли океаномъ, а не вблизи береговъ отъ самаго Петербурга до Камчатки, и т. п. Главную причину нашего похода, то есть, что мы посланы были для открытій и описи малоизвѣстныхъ береговъ, мы отъ нихъ утаили, опасаясь навести тѣмъ подозрѣніе на себя, какъ то я упомянулъ выше, а сказали, что пришли мы въ Камчатку съ разными казенными вещами, нужными для здѣшняго края. Распрашивая о нашемъ плаваніи, не упускали они, подъ видомъ постороннихъ вопросовъ, будто для одного любопытства, спросить, между прочимъ, разстояніе отъ Камчатки до Охотска, а оттуда до Иркутска и до Петербурга, и во сколько дней почта и путешественники, обыкновенною и скорою ѣздою, могутъ это разстояніе переѣхать; но мы довольно ясно видѣли, что вопросы сіи клонились къ тому, чтобъ опредѣлить имъ точнѣе, могъ ли Резановъ быть въ Петербургѣ до нашего отбытія. Для той же самой цѣли, спрашивали они насъ и о возвращеніи корабля Резанова, и извѣдывали, точно ли это правда, что корабль его безъ него воротился въ Петербургъ, а онъ самъ остался въ Камчаткѣ, и на другомъ суднѣ ѣздилъ въ Америку.

Японцы судили по малому пространству своихъ владѣній и по крайне ограниченнымъ сношеніямъ ихъ съ иностранцами, гдѣ всякое малѣйшее происшествіе, въ которомъ

Digitized by Google

замѣшаются чужеземцы, занимаетъ все ихъ государство, какъ весьма важное и великое приключеніе, достойное быть во всей его подробности предано позднѣйшему потомству, и потому воображали, что не только Россія, но даже вся Европа должна знать о нападеніяхъ Хвостова, а это ихъ мнѣніе было причиною, что они намъ не вѣрили, и думали, будто мы въ состояніи дать имъ подробный обо всемъ отчетъ, но не хотимъ. Сомнѣніемъ и странными своими вопросами они насъ доводили иногда до того, что мы имъ съ досадою говорили: «Неужели вы можете воображать, чтобы такой малозначащій клочекъ земли, какова Японія, котораго и существованіе не всѣмъ Европейцамъ извѣстно, могъ обращать на себя вниманіе просвѣщенныхъ народовъ до такой степени, что каждый человѣкъ долженъ знать о всѣхъ подробностяхъ, какъ на нѣкоторыя ваши селенія нападали самовольно два незначащія купеческія суднишка? Довольно и того, что вамъ говорятъ и доказываютъ, что нападеніе было своевольно, безъ воли Русскаго Императора!» Такими нашими замѣчаніями они отнюдь не обижались, а только смѣялись. Японцы одарены удивительнымъ терпѣніемъ; каждый изъ своихъ вопросовъ повторяли они по два и по три раза, стараясь всѣми мѣрами, чтобы переводчики мысли ихъ намъ, а отвѣты наши имъ переводили со всякою точностью; иногда по часу и болѣе занималъ ихъ одинъ какой нибудь вопросъ; но, не взирая на такое безпокойство, они не показывали ни малѣйшаго неудовольствія, и даже между дѣломъ вмѣшивали, какъ будто для отдохновенія, бездѣльные вопросы, и допытывались отвѣта съ такою же точностью; напримѣръ, спросили у насъ: чья должность на кораблѣ предсказывать вѣтры и погоду, и назначать время, когда отплывать въ путь, и когда мы сказали, что у насъ для этого нѣтъ особеннаго человѣка, а зависитъ это отъ воли корабельнаго начальника, они изумились, потому, что у нихъ на всякой лодкѣ есть такой человѣкъ, и опять повторили вопросъ.

Они продержали насъ до самаго вечера, позволивъ раза два выйти для отдохновенія и обѣда. Обѣдъ нашъ прине-

Digitized by Google

сенъ былъ нашими работниками и состоялъ въ кашѣ и вяленыхъ сельдяхъ. Въ прибавокъ къ тому дали намъ японскаго вина саги по чайной чашкѣ, а во время отдыха подчивали курительнымъ табакомъ и чаемъ съ сахаромъ, что между Японцами считается немалозначащимъ угощеніемъ. Вечеромъ возвратились мы изъ замка обыкновеннымъ порядкомъ, и нашли свое жилище въ прежнемъ положеніи.

На другой день, 29-го Августа, поутру опять пошли мы къ градоначальнику. Японцы и въ этомъ случаѣ строго держались прежняго порядка въ нашемъ шествіи. Коль скоро введены мы были въ залу, и главный начальникъ вышелъ, то сѣвъ на свое мѣсто, вынулъ онъ изъ-за пазухи нѣсколько бумагъ, изъ которыхъ одну отдалъ первому по немъ чиновнику Отахи-Коеки, а сей подлѣ него сидѣвшему, отъ коего перешла она въ руки переводчика Кумаджеро, который развернувъ ее, сказалъ намъ, по повелѣнію начальника, чтобъ мы ее прочитали, и съ сими словами положилъ ее передъ нами. Взглянувъ на бумагу, мы въ ту же секунду увидѣли, что она была подписана всѣми нашими офицерами, оставшимися на шлюпѣ. Неожиданное явленіе тронуло насъ чрезвычайно. Мы тотчасъ представили себѣ прежнее свое состояніе и нынѣшнее, и воображая, что это послѣднее къ намъ письмо отъ нашихъ друзей, съ которыми такъ долго вмѣстѣ служили, а теперь вѣроятно уже никогда не увидимся, мы не могли удержаться отъ слезъ, а особливо Г. Муръ: онъ былъ такъ тронутъ, что упалъ на колѣни, и приложивъ письмо къ лицу, горько плакалъ. Японцы, тутъ бывшіе, смотрѣли на насъ съ большимъ вниманіемъ, не спуская глазъ, и кромѣ Отахи-Коеки, всѣ были тронуты; у нѣкоторыхъ даже на глазахъ показались слезы, которыя они старались скрыть, а Отахи, напротивъ того, смѣялся. Письмо сіе было слѣдующаго содержанія:

«Боже мой! доставятъ ли вамъ сіи строки, и живы ли вы? Сначала, общимъ мнѣніемъ всѣхъ оставшихся на шлюпѣ офицеровъ, утверждено было принимать миролюбивыя средства для вашего освобожденія; но въ самую сію секунду ядро съ крѣпости пролетѣло мимо ушей нашихъ на дальнее разстояніе чрезъ шлюпъ, отчего я рѣшился произве-

Digitized by Google

сти и нашъ огонь. Что дѣлать? какія предпринимать средства? Малость нашихъ ядеръ сдѣлала мало впечатлѣнія на городъ; глубина не позволяла подойти ближе къ берегу; малочисленность наша не позволяетъ высадить десантъ, и такъ, извѣщая васъ о семъ, мы предприняли послѣднее средство: поспѣшить въ Охотскъ, а тамъ, если умножатъ наши силы, то возвратимся и не оставимъ здѣшнихъ береговъ, пока не освободимъ васъ, или положимъ жизнь свою за васъ, почтенный начальникъ, и за васъ, почтенные друзья! Если Японцы позволятъ вамъ отвѣчать, то предписывай, почтенный Василій Михайловичъ, какъ начальникъ: мы все сдѣлаемъ на шлюпѣ; всѣ до одного человѣка готовы жизнь свою положить за васъ. Іюля 11-го дня 1811 года.

Жизнію преданный Петръ Рикордъ.
Жизнію преданный Илья Рудаковъ.»
и проч. и проч.

Когда мы прочитали письмо нѣсколько разъ, Японцы требовали, чтобъ мы перевели его. Намъ не хотѣлось открыть имъ, что шлюпъ не былъ въ состояніи сдѣлать имъ ни малѣйшаго вреда, хотя и желалъ бы того, и что принужденъ онъ итти въ Охотскъ съ намѣреніемъ получить тамъ подкрѣпленіе, и потому, слѣдуя собственному нашему честолюбію и не желая доставить Японцамъ поводъ презирать нашу силу и возгордиться, будто они могли отразить нашъ шлюпъ, мы сочли за нужное дать въ нѣкоторыхъ строкахъ другой толкъ нашему письму: пальбу шлюпъ произвелъ, по нашему переводу, въ собственную свою защиту, но не съ тѣмъ, чтобъ нападать на Японцевъ, ибо они первые начали палить въ него съ крѣпости; малость ядеръ истолковали мы малымъ числомъ выстрѣловъ; десантъ означало не то, чтобъ съѣхать на берегъ и напасть на крѣпость, но окружить оную, чтобы не дать способа Японцамъ насъ увести оттуда; для сей-то цѣли на шлюпѣ было мало людей; умножить силы въ Охотскѣ значило умножить или распространить власть дѣйствовать, ибо настоящимъ образомъ, безъ воли Правительства, напасть на Японцевъ шлюпъ не могъ.

Когда мы перевели это письмо такимъ образомъ, что

Digitized by Google

Японцы поняли наши мысли, на что было употреблено слишкомъ часъ, тогда они меня спросили, что̀ бы я написалъ на шлюпъ, если бъ Японцы въ Кунаширѣ позволили мнѣ отвѣчать. Чтобы шлюпъ, сказалъ я, ничего не предпринимая, шелъ скорѣе къ русскимъ берегамъ и донесъ обо всемъ случившемся правительству. По окончаніи распросовъ о письмѣ, приступили они опять къ другимъ вопросамъ, изъ коихъ весьма многіе были тѣже, на которые мы наканунѣ дали имъ достаточные отвѣты, а другіе были новые, которые они предлагали намъ такъ же безпорядочно, какъ и прежде, перемѣшивая ихъ съ старыми, и вмѣшивая между ими какія нибудь бездѣлицы. — Важнѣйшіе ихъ вопросы были слѣдующіе:

знали ли мы о посольствѣ Лаксмана въ Японію, и какой отвѣтъ ему дали Японцы?

знали ли, какой отвѣтъ сдѣланъ Резанову въ Нангасаки?

зачѣмъ мы пришли къ ихъ берегамъ, когда Японцы запретили Русскимъ ходить, объявивъ Резанову именно, что у нихъ существуетъ законъ, по которому приходящія къ нимъ, кромѣ порта Нангасаки, иностранныя суда должно жечь, а людей брать въ плѣнъ и вѣчно держать въ неволѣ?

На эти вопросы отвѣты наши заключались въ слѣдующемъ: о посольствѣ Лаксмана, о сдѣланномъ ему Японцами отвѣтѣ, а также и о томъ, что они сказали Резанову, знаемъ мы по однимъ слухамъ въ публикѣ, но не по обнародованнымъ описаніямъ, и слышали, что Японцы не хотятъ позволить русскимъ кораблямъ приходить къ нимъ для торга, но мы никогда не слыхали и даже вообразить не могли, чтобъ запрещеніе это могло простираться на тѣ суда, которыя, бывъ по близости японскихъ береговъ, претерпятъ какое либо бѣдствіе или по случаю недостатка въ чемъ либо для нихъ необходимомъ, будутъ имѣть нужду въ ихъ пособіи, ибо большая часть самыхъ необразованныхъ, дикихъ народовъ никогда не отказываетъ давать прибѣжище и помощь бѣдствующимъ мореплавателямъ; по сей-то самой причинѣ и мы, имѣя крайнюю нужду въ

7

Digitized by Google

необходимыхъ жизненныхъ припасахъ, и находясь недалеко отъ Курильскихъ Островонъ, искали между ими пристанища; встрѣтивъ тамъ случайно японскаго чиновника, получили отъ него письмо и дружеское увѣреніе, что нуждамъ нашимъ пособятъ его соотечественники въ Урбитчѣ, куда вѣтры насъ не допустили, и потому мы пришли въ Кунаширъ, гдѣ употребили всѣ средства обойтись съ Японцами дружески, и изъяснить имъ свои надобности, но они съ нами поступили иначе.

Японцы желали, чтобъ мы разсказали имъ всѣ происшествія, съ нами случившіяся по порядку, съ самаго перваго нашего свиданія съ ихъ отрядомъ на островѣ Итурупѣ до той минуты, какъ захватили насъ па Кунаширѣ. При семъ случаѣ они притворялись и дѣлали видъ, какъ будто ничего прежде о семъ дѣлѣ не слыхали, а особливо удивлялись они, что начальникъ кунаширскій не прислалъ къ нимъ вещей, оставленныхъ нами въ кадкѣ па водѣ и въ разныхъ мѣстахъ на берегу; потомъ спрашивали они насъ, куда мы шли, когда повстрѣчалась надобность въ жизненныхъ припасахъ, и потребовали, чтобъ мы показали имъ нашъ путь на картѣ, въ чемъ мы ихъ удовлетворили, указавъ мѣсто нашего пазначенія согласно съ прежнимъ нашимъ объявленіемъ. Между тѣмъ Японцы и сего числа, между прочими вопросами, принадлежащими непосредственно къ общему дѣлу нашему, спрашивали насъ о разныхъ посторонпихъ предметахъ, какъ напримѣръ: о жителяхъ Даніи, Англіи и другихъ земель, гдѣ мы проходили: въ какихъ мѣстахъ у насъ суда строятся, изъ какого лѣса, какъ скоро, и прочее, а притомъ, подъ предлогомъ любопытства, спросили: велики ли у насъ сухопутныя и морскія силы въ здѣшнемъ краю? Обстоятельства и положеніе дѣлъ между двумя державами требовали, чтобъ мы увеличили и то и другое; почему въ Сибири прибавили мы довольно крѣпостей и войскъ, а также и въ числѣ судовъ не скупились и разсѣяли ихъ по портамъ Охотскаго Берега, по Камчаткѣ и по сѣверо-западному берегу Америки, а между прочимъ слѣпой случай заставилъ насъ сказать, что и въ Петропавлоской Гавани не мало у насъ им-

Digitized by Google

ператорскихъ судовъ. Когда же Японцы спросили, сколько, то мы нечаянно, къ бѣдѣ нашей, какъ то послѣ окажется, попали на число семь. Нынѣшнее наше свиданіе съ японскими чиновниками такъ же было продолжительно, какъ и вчерашнее; по временамъ мы выходили отдыхать, обѣдали, и были угощаемы на дворѣ сагою, табакомъ и чаемъ, а вечеромъ возвратились въ свою тюрьму такимъ же порядкомъ, какъ и прежде.

Въ слѣдующіе два дня насъ не призывали; но мы замѣтили, что Японцы стали обходиться съ нами ласковѣе; позволяли давать нашимъ матросамъ горячей воды и выпускали ихъ по одному въ коридоръ для мытья своего и нашего бѣлья (*); дали намъ по чистой рубашкѣ изъ присланнаго къ намъ платья, а также и матросамъ, по просьбѣ нашей, дали изъ нашего бѣлья по одной рубашкѣ, согрѣли для насъ ванну, и позволили вымыться (**); и наконецъ

(*) Съ самаго того дня, какъ насъ взяли, по сіе время Японцы только одинъ разъ въ дорогѣ вымыли наши рубашки, и то, по неимѣнію мыла, очень дурно, и такъ легко вообразить себѣ можно, до какой степени нынѣ онѣ были черны и даже гадки; слѣдовательно позволеніе вымыть ихъ должны были мы почитать немаловажнымъ снисхожденіемъ.

(**) Ванну Японцы сдѣлали для насъ въ пребольшомъ чану, нагрѣвъ воду посредствомъ вставленной въ боку чана мѣдной трубы съ небольшою каморою вмѣсто печки, въ которой жгли дрова нѣсколько часовъ сряду, пока вода не согрѣлась. Они посылали насъ мыться поочереди, начиная съ меня и до Алексѣя, и всѣхъ въ одной и той же водѣ. Сначала намъ это показалось досадно; мы думали, что они въ этомъ случаѣ поступаютъ съ нами, какъ съ презрѣнными преступниками, которыхъ восемь человѣкъ могутъ мыться въ одной грязной водѣ, но успокоились совершенно съ сей стороны, когда, къ немалому нашему удивленію, увидѣли, что послѣ всѣхъ насъ въ той же самой водѣ, не прибавляя ни капли свѣжей, мылись три или четыре человѣка изъ нашихъ караульныхъ солдатъ императорской службы. Званіе сіе, какъ я выше упоминалъ, довольно почетное въ Японіи. Изъ сего видно, что Японцы ни мало не брезгливы и не имѣютъ отвращенія къ христіанамъ, которыхъ многіе другіе Азіятцы считаютъ существами погаными.

Digitized by Google

многіе изъ дежурныхъ чиновниковъ, посѣщая насъ въ опредѣленные часы, приносили намъ гостинцы, какъ-то: хорошій чай, сахаръ, фрукты, сагу и прочее, а особливо одинъ, по имени Осагаванакаемо, былъ къ намъ расположенъ чрезвычайно хорошо, ни одного своего дежурства не пропускалъ, чтобъ не сдѣлать намъ какого нибудь ласковаго привѣтствія и не принести гостинца; мы послѣ узнали, что судно, на которомъ ѣхалъ его родной братъ, недавно пропало безъ вѣсти, и такъ, можетъ быть, мысль, что онъ гдѣ нибудь терпитъ, подобно намъ, такую же горькую участь, заставляла его болѣе другихъ объ насъ соболѣзновать и имѣть попеченіе.

Но за всѣ эти снисхожденія, насъ нѣсколько утѣшавшія, Японцы открыли намъ такую новость, которая вдругъ повергла насъ въ ужасное уныніе. 31-го Августа поутру, при обыкновенномъ посѣщеніи насъ дежурнымъ офицеромъ, лекаремъ и переводчикомъ, послѣдній говорилъ съ Г. Муромъ что-то, чего я разслушать не могъ, и подалъ ему бумагу. Муръ, принявъ ее притворно смѣялся и говорилъ, что это обманъ; потомъ вдругъ сказалъ мнѣ прерывающимся голосомъ, какимъ обыкновенно говоритъ человѣкъ въ страхѣ и смущеніи: «Василій Михайловичъ! слушайте!» и началъ читать слѣдующее:

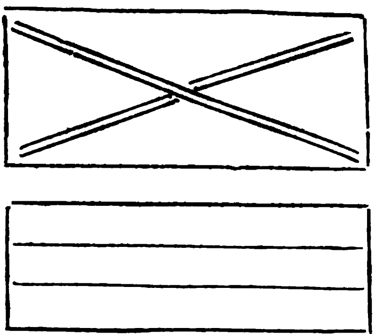
№ 5.

«1806 г. Октября 12/24 Россійскій фрегатъ Юнона, подъ начальствомъ Флота-Лейтенанта Хвостова, въ знакъ принятія острова Сахалина и жителей онаго подъ Всемилостивѣйшее покровительство Россійскаго Императора Александра Перваго, старшинѣ селенія на западномъ берегу губы Анивы, пожаловалъ серебряную медаль на владимірской лентѣ. Всякое другое приходящее судно, какъ россійское, такъ и иностранное, просимъ старшину сего принимать за россійскаго подданнаго.

Подписано: «Россійскаго Флота *Лейтенантъ Хвостовъ*.»

«У сего приложена
герба фамиліи
моей печать.»

Теперь всякъ легко можетъ себѣ представить наше положеніе! Могли ли мы тогда вообразить, что Японцы намъ повѣрятъ? Правительство ихъ, крайне осторожное и осмотрительное въ принятіи мѣръ, наблюдающее величайшую точность въ исполненіи оныхъ, чрезвычайно взыскательное за самомалѣйшія упущенія, и строго или лучше сказать жестоко наказывающее за всякое преступленіе, и пріобыкшее о законахъ другихъ державъ судить по сравненію съ своими собственными, могло ли быть убѣждено одними нашими словами, чтобъ человѣкъ, такъ мало значащій въ государствѣ, осмѣлился простерть дерзость свою столь далеко, чтобъ брать самовольно формальнымъ актомъ народъ, въ чужой зависимости находящійся, въ подданство Россіи, не имѣя притомъ силъ удержать владѣнія надъ онымъ, и раздавать полудикимъ людямъ медали съ изображеніемъ своего Государя? Бумага сія увѣряла Японцевъ, что нападавшіе на нихъ дѣйствовали по волѣ нашего Императора. Въ такомъ случаѣ они насъ не иначе должны были считать, какъ шпіонами, которые думали въ Японцахъ сыскать дураковъ, и увѣрить, что нападенія на нихъ сдѣланы были своевольствомъ частнаго лица, а между тѣмъ высмотрѣть ихъ берега и укрѣпленія. Сколь жестоко ни тронуло насъ сіе приключеніе, однако жъ мы не потеряли твердости, и

Digitized by Google

смѣло сказали Японцамъ, что если они намъ не вѣрятъ, то пусть убьютъ; смерть насъ не страшитъ, а рано или поздно дѣло сіе откроется въ настоящемъ видѣ. Японцы станутъ раскаиваться въ своемъ легковѣріи, и пожалѣютъ объ нашей участи, но уже пособить будетъ поздно; намъ только то больно, что Японцы такъ дурно мыслятъ о нашемъ правительствѣ. Какъ могутъ они думать, чтобы Монархъ такой великой и сильной имперіи, какова Россія, унизилъ себя до такой степени, чтобъ послать горсть людей разорять беззащитныя селенія, и пустыя земли присвоивать своему скипетру? И чѣмъ? Раздачею медалей съ его изображеніемъ и бумагъ за подписаніемъ начальника торговаго судна, которыя были вручены людямъ, ни какого понятія о ихъ значеніи не имѣющимъ! Такой поступокъ заслужилъ бы одно посмѣяніе, но если бъ обстоятельства заставили Россійскаго Императора послать медали съ своимъ изображеніемъ въ какое либо чужое государство, то мы смѣло можемъ Японцевъ увѣрить, что порученіе это было бы возложено не на Хвостова; посланный не сталъ бы ни жечь, ни грабить бѣдныхъ поселянъ, и мѣры взяты были бы иныя. Смѣшно было бы причесть волѣ Японскаго Императора поступокъ двухъ или трехъ вашихъ купеческихъ судовъ, сдѣлавшихъ на какомъ нибудь нашемъ Курильскомъ Острову то же, что русскія суда сдѣлали у васъ.» Японцы объясненіе наше слушали со вниманіемъ и на все говорили: "да!" такъ! но сами смѣялись, и, казалось, ни чему не вѣрили. Они хотѣли знать настоящее значеніе бумаги Хвостова, гдѣ онъ взялъ медали, и дѣйствительно ли Хвостовъ и Никола-Сандреечь одинъ и тотъ же человѣкъ. При переводѣ бумаги мы принуждены были увѣрять Японцевъ, что россійскій фрегатъ не значитъ то, чтобы это было императорское военное судно, ибо фрегатъ можетъ быть и купеческій, а россійскій означаетъ только, что онъ принадлежитъ Русскимъ. Другую перемѣну мы сдѣлали въ изъясненіи владимірской ленты, назвавъ ее полосатою лентою; ибо мы уже хорошо знали пріятелей своихъ, Японцевъ: если бъ сказать имъ истинное значеніе сего наименованія, то они стали бы

насъ пять или шесть часовъ мучить вопросами; надлежало бы сказать, кто учредилъ сей орденъ, на какой конецъ, кто былъ Владиміръ, когда царствовалъ, чѣмъ прославился, почему ордену дано его имя, есть ли какіе другіе ордена въ Россіи, какія ихъ преимущества и т. п., словомъ надобно было бы объяснять имъ всѣ наши орденскіе статуты; теперь же все это изъяснено было однимъ словомъ полосатой ленты. Что принадлежитъ до медалей, то мы сказали Японцамъ: «Хотя никто въ Россіи не имѣетъ права носить медали, кому не пожалована она Государемъ, но серебряныя медали даются у насъ рядовымъ за храбрость, оказанную ими на войнѣ, и также другимъ невысокаго состоянія людямъ за какую нибудь услугу отечеству, и ихъ можно купить послѣ умершихъ. Хвостовъ же купилъ ли эти медали или снялъ съ своихъ подчиненныхъ промышленыхъ, которые, можетъ быть, находившись прежде въ императорской службѣ, ихъ получили, намъ неизвѣстно. Въ разсужденіи же его имени, мы только можемъ сказать, что судами, нападавшими на ваши берега, дѣйствительно начальствовалъ бывшій въ службѣ торговой компаніи лейтенантъ по имени Хвостовъ; если онъ вамъ извѣстенъ подъ именемъ Николя-Сандреичъ, то это одинъ и тотъ же человѣкъ.» Съ такими нашими отвѣтами Японцы ушли отъ насъ.

На другой день (1-го Сентября) поутру привели насъ въ замокъ къ градоначальнику, наблюдая во всемъ прежній порядокъ, а сверхъ того, по причинѣ бывшаго тогда дождя, шелъ подлѣ каждаго изъ насъ работникъ и несъ надъ головою зонтикъ, чтобы насъ не замочило. Такую же предосторожность брали они всегда и послѣ, когда водили насъ въ ненастную погоду. Тамъ сначала они насъ распрашивали о грамотѣ и медаляхъ Хвостова; на вопросы ихъ изъясненія наши были тѣ же, которыя мы сдѣлали наканунѣ переводчику. Сверхъ того они желали знать, что значили флаги, при концѣ бумаги нарисованные, и зачѣмъ они тутъ помѣщены. — «Одинъ изъ нихъ, отвѣчали мы, называется военный флагъ и употребляется императорскими военными судами, а другой купеческій для торговыхъ судовъ; но зачѣмъ они тутъ нарисованы, мы не знаемъ, а

Digitized by Google

думаемъ, что Хвостовъ хотѣлъ васъ научить, какъ узнавать русскія суда обоего званія, то есть военныя и купеческія». Однако жъ Японцы думали не то, и спросили насъ: можетъ быть, оба сіи флага принадлежатъ императорскимъ военнымъ судамъ; но одинъ изъ нихъ поднимается тогда, когда они приходятъ съ непріятельскими намѣреніями, а другой когда цѣль ихъ есть торговля (*); но мы ихъ увѣряли, что въ Европѣ военныя суда никогда не торгуютъ. Потомъ они спросили насъ, почему Хвостовъ приходилъ къ нимъ подъ военнымъ флагомъ. «Бывъ въ такомъ мѣстѣ, сказали мы, откуда никто не могъ поступки его довести до свѣдѣнія нашего правительства, онъ былъ въ силахъ все дѣлать, что хотѣлъ, и даже поднять флагъ (штандартъ), который поднимается только въ присутствіи одного нашего Императора.» За этотъ неосторожный отвѣтъ Японцы помучили насъ часа два вопросами: какой фигуры этотъ флагъ, великъ ли, что на немъ изображено, въ какихъ случаяхъ онъ поднимается, часто ли Государь пріѣзжаетъ на корабли, и проч. и проч.

Между вопросами своими о бумагѣ Хвостова, Японцы спрашивали насъ и о другихъ предметахъ, изъ коихъ, повидимому, болѣе всего занимали и безпокоили ихъ двѣ небольшія мѣдныя дощечки, оставленныя нами на Итурупѣ и на Кунаширѣ. На первомъ изъ сихъ острововъ мы вручили ее самому японскому чиновнику, а на послѣднемъ оставили въ пустомъ селеніи. На сихъ дощечкахъ была вырѣзана слѣдующая латинская и русская надпись:

Nav. Imp. Russ. Diana.
An. Dom. 1811.

Е. И. В. Шлюпъ Діана. Капитанъ-Лейтенантъ Головнинъ.

(*) Японцамъ не мудрено было заключить, что у насъ военные корабли торгуютъ, ибо у нихъ весь иностранный торгъ съ Голландцами, Китайцами, Корейцами и жителями Ликейскихъ Острововъ принадлежитъ императору. Онъ скупаетъ всѣ привозимые ими товары, и послѣ отсылаетъ ихъ на своихъ судахъ во всѣ порты государства, а нѣкоторую часть и на мѣстѣ продаетъ купцамъ оптомъ.

Digitized by Google

Мы оставляли такія дощечки на всѣхъ островахъ, нами посѣщаемыхъ, какъ на обитаемыхъ, такъ и на тѣхъ, гдѣ жителей не было, прибивая оныя къ деревьямъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ кораблекрушенія и гибели нашей, со временемъ могло быть открыто, гдѣ мы были, и гдѣ должно было послѣдовать съ нами несчастіе. Объяснивъ сіи причины Японцамъ, мы не могли ихъ убѣдить въ истинѣ. Сначала они нѣсколько разъ принимались распрашивать насъ, что значитъ надпись, и требовали объясненія на каждое слово порознь; переставляя иногда ихъ въ другой порядокъ и надѣясь тѣмъ насъ запутать; потомъ сказали намъ, что они слышали въ Нангасаки отъ Голландцевъ, будто такія дощечки Европейцы оставляютъ на тѣхъ пустыхъ островахъ, которые хотятъ присвоить себѣ во владѣніе, и такъ не имѣли ль и мы того же намѣренія? Отвѣтъ нашъ, что доски, о коихъ они говорятъ, оставлять есть у Европейцевъ обыкновеніе, только съ другою надписью, не могъ ихъ успокоить; прямо они намъ не говорили, но мы ясно могли видѣть, что они намъ не вѣрили, и сомнѣвались, такъ ли мы переводимъ нашу надпись. Японцы весь сей день занимались съ нами. Главные и важнѣйшіе предметы ихъ распросовъ, были бумага Хвостова и наша дощечка, но они не упустили также, по своему обычаю, предложить намъ нѣсколько и посторонныхъ, отчасти смѣшныхъ вопросовъ; напримѣръ: сколько въ Россіи и во всей Европѣ военныхъ и торговыхъ кораблей; сколько въ какой землѣ портовъ, и много еще другихъ. Возвратились мы изъ замка уже поздно вечеромъ. Между тѣмъ, какъ выводили насъ изъ присутственнаго мѣста на дворъ обѣдать и отдыхать, мы имѣли случай обо всемъ переговорить между собою, и сообщили другъ другу наши мысли. Положеніе наше всѣмъ намъ казалось самымъ ужаснымъ. Опровергнуть подложность грамоты Хвостова, мы считали невозможнымъ, и какъ мы ни разсуждали, но видѣли, что Японцы не иначе должны объ насъ думать, какъ о шпіонахъ; слѣдовательно жребіемъ нашимъ будетъ либо мучительная смерть, или вѣчная неволя, что должно быть еще въ тысячу кратъ жесточе смерти. Въ побѣгѣ мы находили единствен-

мое наше спасеніе; но какъ намъ возможно было уйти? Мы содержались по-двое, а потому всѣмъ вмѣстѣ уйти было невозможно. Отчаяніе иногда заставляло насъ думать, не возможно ли отбиться открытою силою, когда насъ вечеромъ поведутъ изъ замка; но это была пустая мечта: сверхъ большаго конвоя, мы всегда были окружены такимъ множествомъ зрителей, что насъ, такъ сказать, забросали бы грязью. И такъ мы, не находя ни какого средства къ спасенію, рѣшились ожидать, когда насъ сведутъ всѣхъ вмѣстѣ, и тогда уже помышлять о побѣгѣ.

На другой или на третій день послѣ сего происшествія, когда дежурный чиновникъ, лекарь и переводчикъ, во время обыкновеннаго утренняго своего посѣщенія, занимались съ Г. Муромъ, и распрашивали его о русскихъ словахъ, Алексѣй нѣсколько разъ проходилъ по коридору подлѣ рѣшетки моей каморки, глядѣлъ на меня пристально, изрѣдка посматривая на Японцевъ, и, казалось, хотѣлъ сообщить мнѣ что-то тайно отъ нихъ; но когда я начиналъ съ нимъ говорить, онъ не отвѣчалъ ни слова; наконецъ, сыскавъ случай, когда Японцы на насъ не смотрѣли, вдругъ бросилъ ко мнѣ сквозь рѣшетку завернутую бумажку. Я тотчасъ наступилъ на нее ногою и стоялъ на одномъ мѣстѣ, пока Японцы не ушли; потомъ, взявъ ее, нашелъ, что въ нѣсколькихъ лоскуткахъ бумаги завернуты были небольшой желѣзный гвоздикъ и записка, гвоздемъ писанная. Подписана она была Г. Хлѣбниковымъ, но я не могъ разобрать ея, сколько ни старался; черты многихъ словъ были неявственны; я только могъ прочитать въ разныхъ строкахъ слѣдующія слова: Богъ, надежда, камчатскій исправникъ Ламакинъ, Алексѣй, Курильцы, будьте осторожны, и нѣсколько другихъ. Я не могъ вообразить, что бы значила эта записка. Если Г. Хлѣбниковъ пишетъ о дѣлѣ, что и должно быть, то какую связь имѣетъ съ нашимъ дѣломъ какой-то Ламакинъ, о которомъ мы отъ роду не слыхивали? Наконецъ я началъ бояться, не лишился ли онъ ума. Мысль эта жестоко меня тревожила; потерять лучшаго и благоразумнѣйшаго изъ товарищей, для всѣхъ насъ было горько. Когда Алексѣй пришелъ опять въ нашъ

Digitized by Google

коридоръ вечеромъ, я спросилъ его, не потерялъ ли ума Г. Хлѣбниковъ, и что значитъ записка его, которой я разобрать не могъ. Нѣтъ, послѣ все узнаешь! сказалъ онъ, и опять оставилъ насъ въ величайшемъ недоумѣніи. Я сообщилъ это обстоятельство Г. Муру, но записки послать небыло возможно; онъ также не постигалъ, какую роль неизвѣстный намъ Лакакинъ могъ бы играть между Японцами и нами.

Напослѣдокъ, 4-го Сентября повели насъ опять въ замокъ, гдѣ, по обыкновенію, до представленія градоначальнику, посадили на дворѣ на скамейки, и дали курить табакъ. Тутъ мы имѣли случай свободно говорить, и Г. Хлѣбниковъ открылъ намъ ужасную тайну, въ которой Алексѣй ему признался. Она состояла въ томъ, что когда Японцы, захвативъ, слишкомъ за годъ предъ симъ, Алексѣя и его товарищей, распрашивали ихъ, зачѣмъ они пріѣхали, то Курильцы, вмѣсто вымышленной ими басни, которую они намъ разсказывали на Діанѣ, объявили Японцамъ, что ихъ послалъ камчатскій исправникъ Ламакинъ высмотрѣть японскія селенія и крѣпости, а на вопросъ ихъ, зачѣмъ ему это надобно, они отвѣчали, что на другой годъ (*) пріѣдутъ къ Японцамъ изъ Петропавловской Гавани семь судовъ (**): четыре въ Матсмай, а три на Итурупъ, за тѣмъ же точно, зачѣмъ приходилъ Хвостовъ. Курильцы вымыслили эту сказку съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отвлечь бѣду отъ себя, и увѣрить Японцевъ, что они силою принуждены были Русскими къ нимъ ѣхать. Теперь же Алексѣй просилъ Г. Хлѣбниковъ уговорить насъ, чтобъ мы подтвердили, что они точно были посланы Ламакинымъ. Пусть всякъ теперь поставитъ себя на нашемъ мѣстѣ и вообразитъ, въ какомъ мы долженствовали быть положеніи! Медали и грамоты, имъ розданныя и наконецъ послѣднее

(*) То есть точно въ то время, когда мы пришли къ ихъ берегамъ, какъ будто нарочно, чтобъ подтвердить показаніе Курильцевъ.

(**) Не должно позабыть, что прежде сего слѣпой случай заставилъ насъ попасть на число семь, говоря о судахъ, находившихся въ Петропавловской Гавани.

Digitized by Google

объявленіе Курильцевъ, все убѣждало Японцевъ, что мы ихъ обманываемъ, а доказательства въ нашу защиту въ томъ только и состояли, что Государь нашъ употребилъ бы большую силу, нежели два судна, если бы хотѣлъ объявить войну Японіи. Но развѣ Японцы не могли приписать слабаго на нихъ нападенія худо обдуманнымъ мѣрамъ нашего правительства, или безсилію пограничныхъ съ ними нашихъ областей, состояніе коихъ хорошо имъ извѣстно по описанію многихъ изъ ихъ людей, проѣзжавшихъ чрезъ всю Сибирь и даже до Петербурга? Самое сильное противъ насъ доказательство заключалось въ Алексѣѣ. Я уже сказывалъ, что онъ требовалъ отъ насъ подтвержденія вымышленной имъ и его соотечественниками лжи; это значило, чтобъ мы, бывъ правы, обвинили сами себя, а его, виноватаго, оправдали. Мы заключили, что онъ конечно настоятельно станетъ утверждать справедливость своего показанія, и всѣми мѣрами постарается обвинить насъ, и если мы откажемъ въ его просьбѣ, то онъ болѣе будетъ ожесточенъ противъ насъ, и опасаясь наказанія по возвращеніи въ Россію, конечно употребитъ всѣ способы, чтобы намъ никогда не быть въ своемъ отечествѣ. Съ другой же стороны мы и думать не могли о подтвержденіи его обмана, по причинамъ для всякаго очевиднымъ. И такъ мы сказали ему ласково и дружески, что согласиться на его просьбу никакъ невозможно, и что это было бы дѣло ни съ чѣмъ несообразное. Алексѣй ни слова намъ не отвѣчалъ, и заставилъ насъ думать, что мы въ немъ имѣемъ отнынѣ непримиримаго и опаснаго врага.

Когда насъ представили градоначальнику, то онъ съ самаго начала сталъ насъ спрашивать: справедливо ли, что камчатскій исправникъ посылалъ Курильцевъ для высматриванія японскихъ жилищъ и укрѣпленій? Получивъ въ отвѣтъ, что мы этого не слыхали, да и быть этому никогда невозможно, они спрашивали Алексѣя, но ни ихъ вопроса, ни отвѣта его мы не разумѣли. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ бездѣльныхъ и ничего незначащихъ вопросовъ, насъ вывели, а Алексѣя оставили; его долго распрашивали, а когда его привели къ намъ, и

Digitized by Google

мы спросили у него, о чемъ Японцы съ нимъ говорили, онъ отвѣчалъ намъ коротко и сухо: о своемъ старомъ дѣлѣ. Въ продолженіе дня, одного Алексѣя раза два вводили къ градоначальнику; но онъ не хотѣлъ никогда намъ сказать, о чемъ Японцы его распрашивали. Сегодня, въ числѣ многихъ пустыхъ вопросовъ, былъ одинъ очень важный и любопытный, показывающій мнѣнія Японцевъ о справедливости, и ихъ законы. Они спросили насъ, для чего мы взяли на берегу дрова и нѣсколько пшена безъ согласія хозяевъ. Мы отвѣчали, что Японцы должны знать, безъ сомнѣнія, по донесенію кунаширскаго начальника, о всѣхъ средствахъ, употребленныхъ нами, чтобы переговорить и снестись съ нимъ; но онъ, загнавъ всѣхъ людей въ крѣпость, оставилъ пустыя селенія по берегу, и тѣмъ лишилъ насъ способа объяснить ему нужды наши; когда же мы ѣхали къ крѣпости, то онъ стрѣлялъ по насъ изъ пушекъ. Мы хотѣли изъясниться съ нимъ знаками, и оставили картинку и прочее на водѣ, но и это не помогло. Бывъ же обнадежены японскимъ чиновникомъ на островѣ Итурупѣ, что въ ихъ портѣ, по письму его, получимъ всякое вспоможеніе, мы не возвратились къ своимъ берегамъ, что конечно сдѣлали бы, если бъ не получили его письма, и не имѣли увѣренія въ ихъ дружбѣ, отчего находились долго въ морѣ и издержали почти всю провизію, а это и было причиною, что лишась всей надежды переговорить съ Японцами, мы взяли, въ оставленномъ ими селеніи, небольшое количество дровъ и пшена, оставивъ за нихъ плату разными европейскими вещами, а сверхъ того и въ кадку еще положили вещи и серебряныя деньги; когда же Японцы съ нами снеслись, то мы и въ крѣпость поѣхали расплатиться съ ними, и спрашивали, чтобъ они сами назначили цѣну. На сей отвѣтъ градоначальникъ спросилъ насъ: есть ли въ Европѣ законъ, по которому въ подобныхъ случаяхъ можно было бы брать чужое? Именно закона письменнаго, сказали мы, на это нѣтъ, но если человѣкъ, умирающій съ голоду, найдетъ оставленное хозяевами жилище, и возьметъ нужную пищу, положивъ притомъ на мѣстѣ плату, далеко превосходящую цѣною взятое, то ни какой европейскій законъ не

Digitized by Google

обвинить его. «Но у насъ другое, возразили Японцы: по нашимъ законамъ, должно умереть съ голоду, не смѣя тронуть одного зерна пшена безъ согласія хозяина.» Надобно здѣсь замѣтить, къ чести Японцевъ, что всѣ вопросы они намъ предлагали тихо, скромно и съ большою ласковостію, безпрестанно улыбаясь пріятнымъ образомъ, и, по-видимому, старались сдѣлать, чтобъ вопросы ихъ походили не на слѣдственное дѣло, но на обыкновенный разговоръ между знакомыми или друзьями.

5-го Сентября мы были у градоначальника въ послѣдній разъ. До полудня Японцы дѣлали намъ вторично разные изъ прежнихъ вопросовъ, и расправшивали весьма обстоятельно о семи человѣкахъ, спасшихся съ ихъ судна, разбитаго на Камчатскомъ берегу. Мы имъ сказали о мѣстѣ и времени, гдѣ и когда судно разбилось, сколько людей и какъ спасено, и что они находились при нашемъ отбытіи въ Нижнекамчатскѣ. Г. Муръ ихъ тамъ видѣлъ, но онъ не хотѣлъ объ этомъ сказать Японцамъ, опасаясь, что они замучатъ его вопросами, которыхъ мы такъ боялись, что всѣми мѣрами старались не давать имъ повода насъ о чемъ либо спрашивать. Послѣ полудня мы долго сидѣли на дворѣ, пили чай и курили табакъ. Въ это время переводчикъ Кумаджеро безпрестанно къ намъ выбѣгалъ, и спрашивалъ разныя русскія слова, которыя записавъ опять уходилъ. Наконецъ ввели насъ въ залу. Одинъ изъ чиновниковъ, старикъ лѣтъ семидесяти, бывшій еще при Лаксманѣ употребленъ къ составленію русскаго лексикона, развернулъ передъ нами пребольшой листъ бумаги, весь исписанный японскими письменами, и началъ читать, по своему обычаю, нараспѣвъ. Изъ первыхъ десяти или двадцати словъ, мы ничего не могли разобрать, но послѣ поняли, что онъ воображаетъ, будто читаетъ по-русски: слова Россіяно, корабля, вашу Государя, Хвостосъ (Хвостовъ), огонь, Карафта (Сахалинъ) и проч. показали намъ, что онъ потщился сдѣлать переводъ на Русскій Языкъ нашего дѣла. Мы не могли удержаться отъ смѣха, и сказали Японцамъ, что тутъ мы ничего не понимаемъ, кромѣ небольшаго числа словъ разсѣянныхъ въ разныхъ строкахъ:

Digitized by Google

тогда всѣ бывшіе съ нами Японцы, да и самъ господинъ семидесяти-лѣтній переводчикъ, начали смѣяться отъ всего сердца, и болѣе не безпокоили насъ сею бумагою. Потомъ градоначальникъ, распрощавшись съ нами, отпустилъ насъ изъ замка.

Японцы стали съ нами обходиться еще ласковѣе, а особливо караульные; они даже иногда позволяли Г. Муру выходить изъ своей каморки, грѣться у огня въ коридорѣ(*), и подходить къ моей рѣшеткѣ, гдѣ мы могли съ нимъ разговаривать потихоньку о томъ, о чемъ не смѣли говорить громко, опасаясь, нѣтъ ли между караульными, изъ тѣхъ Японцевъ, которые были въ Россіи, знающихъ Русскій Языкъ. Но содержанія нашего столомъ они не улучшали, несмотря на то, что мы часто упрекали ихъ въ варварскихъ поступкахъ противъ иностранцевъ. Однажды Г. Муръ, толкуя съ Кумаджеромъ по-японски, хотѣлъ сказать, что они насъ содержатъ какъ собакъ, а онъ понялъ, что Японцы какъ собаки насъ содержатъ, и сказалъ Г. Муру, что онъ на него за это не сердится, но совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе, ибо если другіе услышатъ такія его замѣчанія, то ему можетъ быть худо.

Между тѣмъ мы оставались въ ужасной неизвѣстности, какъ Японское Правительство приметъ наши отвѣты и объясненія, и что съ нами будетъ. Мы только видѣли, что жестокая судьба рѣшилась терзать насъ, и сверхъ стеченія земныхъ происшествій, соединившихся на нашу гибель, и самыя знаменія небесныя явленіемъ своимъ хотѣли погубить насъ. Во время нашего заключенія видна была комета: мы желали знать, имѣютъ ли Японцы понятіе о тѣлахъ небесныхъ, и спросили ихъ о томъ. Изъ отвѣтовъ ихъ мы могли только выразумѣть, что имъ извѣстно непостоянное пребываніе въ небѣ сихъ звѣздъ, и что онѣ рѣдко являются. Послѣ хотѣлось намъ узнать,

(*) Въ исходѣ Августа по утрамъ и вечерамъ начало становиться довольно холодно. Г. Муръ былъ нездоровъ и жаловался на холодъ; почему Японцы велѣли всякое утро и вечеръ держать огонь въ коридорѣ, противъ его каморки, на небольшомъ подвижномъ очагѣ.

Digitized by Google

не почитаютъ ли ихъ Японцы, подобно нѣкоторымъ другимъ азіятскимъ народамъ, предвѣстницами народныхъ несчастій, и если такъ, то это можетъ быть для насъ полезно. Вѣроятно, что Японцы сочтутъ сію комету возвѣщеніемъ наказанія небеснаго за ихъ несправедливый и жестокій противъ насъ поступокъ, а когда мы ихъ спросили, не почитаютъ ли они свѣтила сего какимъ нибудь предвозвѣщеніемъ, они, къ величайшему нашему огорченію, сказали, что въ тотъ годъ (1807), когда русскія суда сдѣлали на нихъ нападеніе, видна была на небѣ точно такая же звѣда, и теперь, при нашемъ прибытіи, видимо подобное явленіе.

3-го Сентября, первый по градоначальникѣ чиновникъ объявилъ намъ, что, по причинѣ наступленія холодной погоды, онъ имѣетъ повелѣніе выдать намъ теплое платье изъ числа того, которое оставилъ нашъ шлюпъ для насъ въ Кунаширѣ, и спрашивалъ что̀ намъ надобно; потомъ тотчасъ, по назначенію моему, выдалъ мнѣ форменную шинель, фризовые фуфайку и нижнее платье, шапку, рубашку, чулки и платокъ; а послѣ и всѣмъ моимъ товарищамъ выдано было чего они требовали.

Я прежде упоминалъ, что Японцы согласились матросовъ держать съ нами поочереди, почему, 31-го Августа еще, Васильева перевели къ Г. Муру, а Шкаева посадили одного; 23-го же Сентября, Макарова, содержавшагося со мною, смѣнили Шкаевымъ. Отъ него узналъ я двѣ новости: первая, что Японцы ошибкою дали Симанову большой складной ножъ, и вотъ какимъ образомъ: онъ имѣлъ у себя въ карманѣ въ фуфайкѣ матросскій ножикъ, привязанный къ петлѣ фуфайки на ремнѣ, что матросы обыкновенно дѣлаютъ, чтобъ не потерять ножа когда лазятъ на мачты; фуфайка его лежала въ шлюпкѣ, когда насъ захватили, и нынѣ, при раздачѣ платья, отдана ему безъ осмотра, хотя ремень былъ весь на виду. Намъ крайне удивительно показалось, какимъ образомъ любопытные и осторожные Японцы пропустили это безъ замѣчанія и не сняли ремня, особливо когда мы видѣли, что они осторожность свою въ разсужденіи насъ простирали столь далеко, что не давали

намъ ножницъ для обрѣзыванія ногтей, и мы должны были просовывать руки сквозь рѣшетку, гдѣ караульные обрѣзывали намъ ногти; даже иголокъ не ввѣряли намъ, но работникамъ приказывали починивать наше платье. Ножу этому я чрезвычайно обрадовался, въ надеждѣ, что со временемъ онъ можетъ быть намъ полезенъ, и при первомъ случаѣ далъ Симанову знать, чтобъ онъ берегъ его какъ глазъ, а если Японцы спросятъ, зачѣмъ былъ у фуфайки ремень, то сказалъ бы, что къ нему привязывается шляпа, чтобъ ея не унесло вѣтромъ. Другая же новость Шкаева состояла въ томъ, что караульные разговаривали что-то о нашемъ отправленіи въ Матсмай, и что прежнія наши носилки принесены уже на дворъ. Вѣсть эту на другой же день поутру подтвердили сами японскіе чиновники, объявивъ намъ формально, чтобъ мы готовились въ дорогу. Вечеромъ дали каждому изъ насъ по одному бумажному лакированному плащу, по соломянной шляпѣ съ круглыми полями, по одной парѣ японскихъ чулокъ (*) и по парѣ соломянныхъ лапотковъ, какіе Японцы носятъ въ дорогѣ.

26-го Сентября вечеромъ насъ извѣстили, что въ слѣдующее утро, если не будетъ дождя, мы должны отправиться въ путь, и съ разсвѣтомъ 27-го числа начали сбираться. Поутру приходили къ намъ разные городскіе чиновники прощаться; всѣ дѣлали это церемоніяльно: подойдя къ каморкѣ каждаго изъ насъ, приказывали переводчику сказать намъ учтивымъ образомъ, что такіе-то чиновники пришли нарочно съ нами проститься, что они желаютъ намъ здоровья, благополучнаго пути и счастливаго окончанія нашему дѣлу. Между тѣмъ намъ повязывали по поясу веревки, и выводили насъ на дворъ, гдѣ ставили рядомъ, опредѣляя къ каждому изъ насъ по солдату для караула и по работнику держать веревку. Эти приготовленія худо соотвѣтствовали учтивости, съ какою Японцы съ нами прощались; въ другомъ случаѣ можно было бы принять прощаніе ихъ за насмѣшку, но нельзя было думать, чтобъ всѣ чиновники

(*) Описаніе японскихъ чулокъ помѣщено ниже, при описаніи всѣхъ родовъ тамошней одежды и обуви.

Digitized by Google

города согласились шутить надъ нами; и дѣйствительно, всѣ они къ намъ приходили, кромѣ самого градоначальника; притомъ мы уже начали привыкать къ странностямъ сего народа. Около половины дня мы отправились въ путь. Вели насъ точно такимъ же порядкомъ, какъ и прежде, съ тою только разностью, что сверхъ носилокъ были еще при насъ верховыя лошади, на которыхъ, вмѣсто сѣделъ, были положены наши одѣяла и спальные халаты. Отъ тюрьмы саженъ на сто по улицѣ стоялъ въ строю военный отрядъ пѣхоты, мимо котораго мы проходили. День былъ очень теплый и ясный, почему зрителей собралась большая толпа; изъ нихъ многіе провожали насъ версты три. Конвой нашъ состоялъ изъ одного начальствовавшаго имъ чиновника, двѣнадцати или шестнадцати человѣкъ солдатъ, двухъ непремѣнныхъ работниковъ и большаго числа перемѣнныхъ на станціяхъ людей, которые несли наши носилки, вели лошадей и проч., а сверхъ того были при насъ переводчикъ Кумаджеро и лекарь Того.

Пробывъ пятьдесятъ дней въ заключеніи, мы лучше согласились итти пѣшкомъ, нежели ѣхать, а садились на лошадей тогда только, когда уставали. При семъ случаѣ Японцы, свернувъ веревку, закладывали ее къ намъ за поясъ и оставляли насъ; но это дѣлали они только въ полѣ, а проѣзжая селеніями, всегда держали за конецъ веревки, такъ точно, какъ и въ то время, когда мы шли пѣшкомъ. Отъ самаго Хакодаде мы шли подлѣ берега около всей гавани, а поравнявшись съ мысомъ полуострова, на которомъ стоитъ городъ, поднялись на гору, гдѣ была баттарея, которая, по-видимому, поставлена съ намѣреніемъ защищать входъ въ заливъ, хотя и ни мало не соотвѣтствовала сей цѣли, какъ по чрезычайной вышинѣ горы, гдѣ она стоитъ, такъ и по большой ширинѣ пролива, составляющаго входъ. Японцы провели насъ чрезъ эту баттарею (*)

(*) Баттарея состояла изъ невысокаго землянаго бруствера, за которымъ стояли въ барбетъ три или четыре небольшія мѣдныя пушки на двухколесиыхъ станкахъ, которые однако жъ сдѣланы совсѣмъ не такъ, какъ наши лафеты; внизу, на небольшой площадкѣ, лежала на перекладинахъ осьмнадцати

Digitized by Google

и тѣмъ не мало причинили намъ безпокойства и горести. Вотъ, говорили мы другъ другу, они и укрѣпленій своихъ отъ насъ не скрываютъ; чтожъ это иначе значитъ какъ не то, что они никогда не намѣрены насъ выпустить, слѣдовательно увѣрены, что мы во всю жизнь нашу не будемъ въ состояніи употребить ко вреду Японцевъ свѣдѣній нашихъ о их укрѣпленіяхъ. Вспоминая притомъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, открывшихся въ Хакодаде, мы не находили другаго средства къ своему спасенію кромѣ побѣга, и начали помышлять, какъ бы привести въ дѣйствіе наше намѣреніе, но скоро увидѣли невозможность такого предпріятія, ибо ночью сдѣлать этого было нельзя, потому что хотя Японцы позволяли намъ на ночь совсѣмъ снимать съ себя веревки, но почти цѣлая половина изъ нихъ по ночамъ не спала, и нѣсколько человѣкъ находилось безпрестанно въ нашей комнатѣ, а днемъ должно было силою отбиваться, чего также нельзя было исполнить по причинѣ множества людей, всегда насъ окружавшихъ, и по неимѣнію у насъ, кромѣ одного складнаго ножа, какого либо оружія.

Дорожное наше содержаніе нынѣ было такое же, какъ и на пути къ Хакодаде, и кормили насъ также по три раза въ день. Въ этой части острова селенія чаще и многолюднѣе; всѣ здѣшніе жители безпрестанно занимаются рыбною ловлею и сбираніемъ морской капусты, а сверхъ того имѣютъ еще пространные огороды, особливо сѣютъ много рѣдьки (*): цѣлыя поля засѣяны оною.

или двадцати-четырехъ-фунтовая чугунная пушка; по-видимому, была она европейскаго литья. Надобно думать, что ею дѣйствуютъ Японцы съ перекладинъ, ибо орудіе такой тяжести при первомъ выстрѣлѣ изломаетъ станокъ, сдѣланный по ихъ образцу.

(*) Японцы рѣдьку варятъ въ похлебкѣ, какъ богатые, такъ и бѣдные люди; словомъ сказать, рѣдька у Японцевъ точно въ такомъ же употребленіи, какъ у насъ капуста, а сверхъ того они солятъ ее и подаютъ къ кушаньямъ вмѣсто соли, кусочка по два, которые съ рыбою или со всѣмъ тѣмъ, что хотятъ посолить, прикусываютъ понемногу.

Digitized by Google

Съ 29-го на 30-е Сентабря мы имѣли послѣдній нашъ ночлегъ въ селеніи на половину дня хода отъ Матсмая. Сей ночлегъ примѣчателенъ для насъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Переводчикъ Кумаджеро совѣтовалъ намъ въ Матсмаѣ отвѣчать на вопросы, которые тамъ будутъ намъ предлагаемы, совершенно сходно съ прежними нашими отвѣтами, говоря, что если хотя въ малости мы будемъ показывать разное, то, по японскимъ законамъ, насъ должно обвинить; во-вторыхъ, роздалъ онъ каждому изъ насъ по нѣскольку очень хорошаго табаку и бумаги (*), и сказалъ намъ, что дѣлаетъ это для того, дабы начальники въ Матсмаѣ, примѣтивъ, что у насъ нѣтъ этихъ вещей, не отнесли того къ упущенію сопровождавшихъ насъ, и что въ такомъ случаѣ, имъ сдѣланъ будетъ выговоръ, а наконецъ совѣтовалъ намъ не вѣрить лекарю, увѣрявшему насъ, что въ Матсмаѣ мы будемъ жить въ хорошемъ домѣ и всѣ вмѣстѣ. Слова эти значили почти то же, какъ если бы онъ прямо сказалъ, что для насъ тамъ приготовлена тюрьма, но что значило вниманіе его къ намъ въ разсужденіи табаку и бумаги, мы понять не могли.

30-го Сентября, вскорѣ послѣ полудня, остановились мы въ одномъ селеніи верстахъ въ трехъ отъ Матсмая, гдѣ встрѣтили насъ нѣсколько солдатъ и множество народа. Мы пробыли тутъ съ полчаса, въ которое время конвойные наши надѣли на себя хорошее свое платье, и потомъ повели насъ въ городъ, точно съ такою церемоніею, какъ вводили въ Хакодаде, только что зрителей, по причинѣ многолюдства города, было несравненно болѣе. Городомъ мы шли вдоль морскаго берега версты четыре или пять; потомъ вышли на большую площадь, окруженную множествомъ народа, стоявшаго за веревками, нарочно вокругъ площади протянутыми; съ площади поднялись на довольно высокую

(*) У Японцевъ нѣтъ въ употребленіи носовыхъ платковъ: они сморкаются и плюютъ въ писчую бумагу, которую для сего всегда носятъ съ собою въ книжкѣ или за руками; богатые люди употребляютъ лучшій сортъ бумаги, а бѣдные похуже; намъ въ Хакодаде давали очень дурную бумагу, а въ этомъ случаѣ дали изъ лучшаго сорта.

Digitized by Google

рору, къ самому валу замка, и пройдя вдоль онаго на небольшое разстояніе, поворотили во дворъ, обнесенный совершенно новою высокою стѣною. Тутъ встрѣтилъ насъ отрядъ солдатъ въ военной одеждѣ. Съ этого двора маленькими дверьми прошли мы за другую стѣну выше первой, а тутъ вдругъ увидѣли передъ глазами почти темный сарай, въ который насъ тотчасъ ввели и помѣстили: насъ троихъ офицеровъ въ одну каморку подобную клѣткѣ, а матросовъ и Алексѣя въ другую.

День былъ прекрасный, свѣтлый, а у насъ темнота уже наступала, ибо лучи солнечные къ намъ не проникали. Обозрѣвая наше жилище, мы думали, что сегодня въ послѣдній разъ въ жизни наслаждались зрѣніемъ солнца. Тюрьма наша, окружавшіе дворъ заборы, караульные дома, словомъ сказать все было совершенно новое, лишь только оконченное, такъ что еще не успѣли очистить щепокъ. Зданіе же это (*) было большое, сдѣланное изъ прекрас-

(*) Вотъ для любопытныхъ описаніе нашей тюрьмы. Надобно вообразить четвероугольный деревянный сарай, длиною шаговъ въ двадцать пять, шириною въ пятнадцать, а въ вышину сажени въ двѣ; съ трехъ сторонъ у сарая глухія стѣны, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго отверзтія, а съ полуденной, вмѣсто стѣны, рѣшетка изъ толстыхъ брусьевъ дюйма четыре въ квадратѣ, и въ такомъ же разстояніи брусъ отъ бруса; въ этой рѣшеткѣ сдѣланы дверь и еще маленькая калитка; та и другая всегда на замкѣ. По срединѣ сарая стояли двѣ клѣтки, сдѣланныя изъ такихъ же брусьевъ; онѣ отдѣлялись отъ стѣнъ и одна отъ другой коридорами; одна изъ клѣтокъ была въ длину и въ ширину по шести шаговъ, вышиною же футовъ десять, а другая, при той же ширинѣ и вышинѣ, имѣла восемь шаговъ длины. Первая изъ нихъ назначена была для насъ троихъ, а послѣдняя для матросовъ и Алексѣя. Входъ въ нихъ былъ такъ низокъ, что мы принуждены были вползать; дверцы состояли изъ толстыхъ брусьевъ и запирались толстымъ желѣзнымъ запоромъ; надъ дверцами находилась небольшая дира, сквозь которую намъ подавали пищу; при заднихъ стѣнахъ клѣтокъ были небольшіе чуланчики, также изъ толстыхъ брусьевъ, съ небольшими отверзтіями на полу въ ящики для естественныхъ нуждъ; смежныя же стѣны клѣтокъ были обиты досками, чтобы

Digitized by Google

наго лѣса, и конечно не дешево стоило Японскому Правительству; слѣдовательно, разсуждали мы, Японцы не стали бы употреблять времени, трудовъ и издержекъ напрасно, если бъ они намѣрены были освободить насъ скоро; для помѣщенія нашего на годъ или и на два, могли

мы матросовъ, а они насъ видѣть не могли; для той же причины и между чуланчиками стоялъ щитъ. Подлѣ же рѣшетки сарая, съ наружной стороны была придѣлана караульня, въ которой безпрестанно сидѣли по два солдата императорскихъ войскъ; они могли сквозь рѣшетки видѣть все, что мы дѣлали, и глазъ съ насъ не спускали. Весь сарай, въ разстояніи отъ онаго шаговъ на шесть или на восемь, окруженъ былъ высокою стѣною съ деревянными шпицами; для выхода изъ сего двора служили небольшія ворота прямо противъ дверей сарая; вокругъ же первой стѣны находилась другая, поменѣе; она окружала пространный дворъ, въ которомъ подлѣ воротъ большой стѣны на одной сторонѣ былъ караульный домъ, а на другой кухня и комната для работниковъ. Наружный караулъ содержали солдаты Князя Тцынгарскаго; они къ намъ доступа не имѣли и даже внутрь первой стѣны не смѣли входить, а только ходили кругомъ для осмотра каждые полчаса; ночью же носили они съ собою огонь и били часы двумя дощечками; императорскіе же солдаты, каждые полчаса входили къ намъ въ сарай, и обходя коридорами кругомъ нашихъ клѣтокъ, осматривали насъ сквозь рѣшетки. Все это зданіе стояло между крутымъ и глубокимъ оврагомъ, въ которомъ текла рѣчка, и валомъ замка, отъ коего отдѣлялось оно не очень широкою дорогою. Ночью тюрьма наша казалась еще ужаснѣе, ибо огня у насъ не было, а горѣлъ только ночникъ изъ рыбьяго жиру въ караульнѣ, и то въ бумажномъ фонарѣ, отъ коего чрезвычайно слабый свѣтъ едва могъ освѣщать сквозь рѣшетку нѣкоторыя мѣста огромнаго сарая; прочія же части его находились въ непроницаемой темнотѣ. Стукъ, происходившій среди глубокой ночной темноты отъ замковъ и запоровъ, каждые полчаса, когда караульные отпирали и запирали двери въ тюрьму при входѣ и выходѣ ихъ для осмотра насъ, увеличивалъ еще ужасъ, и не позволялъ намъ ни на минуту заснуть, ибо и безъ того уже мы не могли наслаждаться покойнымъ сномъ, который безпрестанно былъ прерываемъ душевными мученіями и встревоженнымъ воображеніемъ.

Digitized by Google

бы они сыскать мѣсто, но расположеніе и прочность жилища нашего показываютъ уже, что намъ опредѣлено не выходить изъ него до самой смерти. Мысли сіи безпрестанно терзали духъ нашъ; мы долго пребывали въ глубокомъ молчаніи, поглядывая другъ на друга, и воображая себя обитателями того свѣта. Наконецъ работникъ принесъ намъ ужинъ, состоявшій изъ сарачинской каши, небольшаго кусочка рыбы и горсти бобовъ съ патокою. Подавая пищу сквозь рѣшетку, онъ не примѣтилъ меня, лежавшаго въ углу, и сказалъ: гдѣ третья человѣка? Г. Муръ тотчасъ спросилъ его, гдѣ онъ научился говорить по-русски. Въ Камчаткѣ, отвѣчалъ работникъ. На это Г. Муръ сказалъ ему, что онъ и самъ былъ въ Камчаткѣ, а Японецъ, понявъ Г. Мура, что онъ видѣлъ его въ Камчаткѣ, очень тому обрадовался и тотчасъ сообщилъ эту новость переводчику; мы же говорили еще прежде имъ нѣсколько разъ, что при насъ въ Камчаткѣ не было Японцевъ, кромѣ семерыхъ, спасенныхъ прошлою весною съ разбитаго ихъ судна, которые находятся въ Нижне-Камчатскѣ, и которыхъ мы не видали; почему, когда мы стали переводчику объяснять ошибку работника, онъ сказалъ намъ въ отвѣтъ: лукавый, лукавый! и ушелъ, а мы остались съ новымъ горемъ, возродивъ въ Японцахъ подозрѣніе, что были въ Камчаткѣ, когда ихъ люди тамъ находились, но не хотимъ того имъ открыть. Намъ желательно только было знать, изъ тѣхъ ли Японцевъ былъ этотъ человѣкъ, которыхъ увозилъ Хвостовъ, или изъ тѣхъ, которые претерпѣли въ Камчаткѣ кораблекрушеніе и послѣ того ушли.

1-го Октября дали намъ знать, что на другой день поведутъ насъ къ буніосу (т. е. къ губернатору), что и случилось поутру 2-го Октября. Вели насъ точно такимъ же порядкомъ, какъ въ Хакодаде, съ тою только разностью, что здѣсь не работники, а солдаты императорской службы держали концы нашихъ веревокъ. Дорога къ полуденнымъ воротамъ замка или крѣпости, въ которыя насъ вводили, лежала между самымъ валомъ и оврагомъ, на краю коего стоялъ замокъ, разстояніемъ отъ тюрьмы нашей до воротъ на четверть версты, и была нѣсколько грязна, почему

Digitized by Google

Японцы устлали ее во всю длину досками, и повели насъ по нимъ, а отъ дождя держали надъ нами зонтики. Въ крѣпости привели насъ на большой дворъ, усыпанный мелкими камешками, и посадили въ длинную бесѣдку на скамью, всѣхъ рядомъ. Тутъ мы дожидались около часа. Напослѣдокъ отворились ворота на другой дворъ, куда насъ и повели. Подойдя къ воротамъ на третій дворъ, конвойные наши солдаты сняли съ себя сабли, кинжалы и башмаки (*), и оставили у воротъ, а намъ велѣли снять сапоги. Тогда отворили ворота, повели насъ по весьма чистымъ соломеннымъ матамъ къ огромному деревянному зданію, и поставили передъ большою залою, у которой на дворъ всѣ ширмы, составляющія, по образу японскаго строенія, стѣны, были раздвинуты. Насъ троихъ поставили впереди на возвышенномъ мѣстѣ рядомъ, матросы рядомъ же стояли за нами ступенькою пониже, а на лѣвой сторонѣ у нихъ посадили Алексѣя. Работникъ нашъ, знавшій нѣсколько русскихъ словъ (**), сѣлъ у насъ на правой сторонѣ; это было мѣсто переводчика, а переводчикъ Кумаджеро сидѣлъ на лѣвой сторонѣ. Работникъ этотъ и прежде толковалъ намъ, что онъ будетъ переводить при разговорѣ между буніосомъ и нами, но мы сомнѣвались и не вѣрили, чтобъ онъ, ничего не разумѣя, осмѣлился взять на себя эту должность, а теперь, къ крайнему нашему удивленію, увидѣли, что онъ взялся не за свое дѣло. Зала была огромной величины; стѣны въ ней состояли изъ ширмъ; тѣ, которыя стояли къ наружной галереѣ, были бумажныя, а другія деревянныя, раззолочены и расписаны японскою живописью; на нихъ были изображены ландшафты, разные звѣри и птицы; но главное украшеніе залы заключалось въ чрезвычайно красивой рѣзьбѣ дерева

(*) Или лучше сказать соломенныя подошвы, ибо Японцы не носятъ ни сапоговъ, ни башмаковъ, а плетутъ изъ соломы или изъ травы подошвы, которыя будутъ описаны подробно въ своемъ мѣстѣ.

(**) При насъ были опредѣлены два работника, по мнѣнію Японцевъ, разумѣвшіе Русскій Языкъ: этотъ назывался Гейнсте, а другой Фокъ-Массе.

Digitized by Google

разныхъ родовъ, изъ коего были сдѣланы двери, рамы и прочее; полъ же весь устланъ былъ прекрасно отработанными матами. По обѣимъ сторонамъ залы, въ длину ея, сидѣли, по японскому обычаю, на колѣняхъ чиновники, по пяти человѣкъ на каждой сторонѣ. У всѣхъ были за поясомъ кинжалы, а большія сабли лежали подлѣ лѣваго бока только у троихъ, которые сидѣли выше; одѣты же они всѣ были въ обыкновенныхъ своихъ халатахъ. Подождавъ съ четверть часа, въ которое время Японцы между собою разговаривали, шутили и смѣялись, вдругъ изъ-за ширмъ услышали мы шорохъ идущихъ людей. Тогда одинъ изъ чиновниковъ произнесъ: «ши», и въ ту же секунду водворилось глубокое молчаніе. Сначала вошелъ Японецъ просто одѣтый; у самаго входа, присѣвъ на колѣни, положилъ онъ руки ладоньми на полъ и наклонилъ голову; за нимъ вошелъ буніосъ въ простомъ черномъ халатѣ, у котораго на рукахъ, такъ какъ и у всѣхъ Японцевъ, вышитъ его гербъ; за поясомъ имѣлъ онъ кинжалъ, а саблю несъ за нимъ одинъ изъ пяти человѣкъ (считая и того, который шелъ впереди) его свиты, держа ее за конецъ ефесомъ вверхъ и въ платкѣ, такъ, что голыми руками до нея не касался. Буніосъ по входѣ тотчасъ сѣлъ на полъ, такъ же какъ сидѣли и другіе, лицемъ прямо къ намъ, а въ разсужденіи своихъ чиновниковъ въ такомъ положеніи, какъ у насъ президентъ сидитъ въ разсужденіи членовъ. Всѣ чиновники свиты его сѣли рядомъ за нимъ, шагахъ въ трехъ отъ него; несшій саблю, положилъ ее подлѣ буніоса на лѣвой сторонѣ. Лишь только онъ усѣлся, всѣ Японцы вдругъ изъявили ему свое почтеніе, положивъ руки ладоньми на полъ, наклонились такъ, что лбомъ почти касались полу, и пробыли въ такомъ положеніи нѣсколько секундъ, а онъ имъ отвѣчалъ довольно низкимъ поклономъ, при которомъ положилъ руки ладоньми на свои колѣни. Мы сдѣлали ему нашъ европейскій поклонъ, и онъ въ отвѣтъ кивнулъ намъ головою, безпрестанно улыбаясь, и стараясь показать хорошее свое къ намъ расположеніе. Потомъ, вынувъ у себя изъ-за пазухи листъ бумаги, и смотря въ оный, называлъ каждаго изъ насъ чиномъ и

Digitized by Google

именемъ; на что мы отвѣчали ему поклономъ, причемъ и онъ кланялся. Такимъ образомъ перекликавъ насъ, сталъ онъ говорить работнику Гейнсту, который слушалъ его, положивъ руки на полъ и лбомъ коснувшись пола; по окончаніи его рѣчи, Гейнсте всталъ на ноги и началъ говорить мнѣ, такъ, что мы ничего не могли понять, что онъ хотѣлъ сказать; слова его были: ты человѣкъ, я человѣкъ, другой человѣкъ, говори какой человѣкъ. Мы стали ему объяснять и уговаривать, чтобы онъ не обманывалъ своихъ начальниковъ, и признался имъ, что не можетъ переводить, а иначе, если онъ не откажется, ему со временемъ дурно будетъ; онъ слушалъ насъ съ большимъ вниманіемъ, и когда мы кончили, онъ сталъ переводить буніосу, принявъ прежнее покорное положеніе; все что онъ говорилъ, Японцы записывали (*), и потомъ опять чрезъ него же послѣдовалъ намъ другой вопросъ. Тогда уже дерзость и безстыдство этого наглаго бездѣльника вывели насъ изъ терпѣнія: мы видѣли, что онъ ихъ обманываетъ, и сказали прямо, что не хотимъ отвѣчать, чтобъ обманщикъ этотъ не погубилъ насъ, выдумывая отъ себя отвѣты на тѣ вопросы, которые намъ дѣлаютъ; но Гейнсте, не понимая что мы говоримъ, ни мало не приходилъ въ замѣшательство, и отвѣчалъ за насъ. Японцы отвѣты его записывали и снова насъ спрашивали; мы обращались къ Алексѣю и Кумаджеро, и требовали, чтобы они объяснили буніосу наши мысли, но они не смѣли говорить; наконецъ мы рѣшились замолчать и ни слова не говорить, а между тѣмъ буніосъ, говоря Гейнсту, употребилъ слово отецъ, которое мы знали: видно онъ хотѣлъ велѣть ему спросить насъ, какъ звали нашихъ отцевъ. Гейнсте вынулъ изъ-за пазухи тетрадь собранныхъ имъ русскихъ словъ, началъ въ ней рыться, и признался, что онъ этого слова не знаетъ и пріискать не можетъ. Тогда буніосъ и всѣ чиновники, увидѣвъ, что онъ не зналъ такого обыкновеннаго слова, стали громко

(*) Здѣсь не было секретарей, такъ какъ въ Хакодаде, но отвѣты наши записывали двое изъ членовъ: одинъ изъ нихъ сидѣлъ на правой сторонѣ, а другой на лѣвой.

Digitized by Google

смѣяться, и прогнавъ его съ мѣста, велѣли опять Кумаджеру и Алексѣю переводить, а ему приказали сѣсть на другой, сторонѣ и слушать что мы будемъ говорить.

Вопросы ихъ начались тѣмъ же, чѣмъ и въ Хакодаде: спрашивали наши имена, отчества, фамиліи, чины, живы ли у насъ отцы и матери, какъ ихъ звали, есть ли братья, сестры, жены, дѣти и прочее. Только здѣсь распрашивали насъ съ бóльшею подробностью, напримѣръ: когда мы говорили, что у насъ есть братья, то спрашивали, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ лѣтъ, въ какомъ они званіи и такъ далѣе, и всѣ наши отвѣты записывали. Вопросы же предлагалъ всегда самъ буніосъ, а чиновники въ присутствіи его ничего у насъ не спрашивали. Потомъ сдѣлалъ онъ нѣсколько вопросовъ касательно возвращенія Резанова изъ Японіи, и о причинахъ нашего къ нимъ прихода, о чемъ насъ прежде еще въ Хакодаде спрашивали; между тѣмъ буніосъ не упустилъ также спросить насъ между дѣломъ и о разныхъ постороннихъ вещахъ. Всѣхъ вопросовъ такого рода не было средствъ удержать въ памяти, однако жъ нѣкоторые я могъ припомнить. Онъ насъ спрашивалъ, какимъ образомъ Русскіе хоронятъ умершихъ, и какіе знаки ставятъ надъ могилами; есть ли разность въ погребеніи между богатыми и бѣдными людьми. Когда мы упомянули, что тѣла богатыхъ людей сопровождаетъ много священниковъ, буніосъ сказалъ намъ, что и у Японцевъ бываетъ то же самое. Наконецъ, послѣ множества разныхъ вопросовъ, спросилъ онъ, не имѣемъ ли мы какой нибудь къ нему просьбы, и если хотимъ о чемъ либо его просить, то чтобъ теперь ему объявили. Мы не понимаемъ, отвѣчали мы, что значитъ этотъ вопросъ, и чтò г. губернаторъ разумѣетъ подъ нимъ, ибо онъ и самъ безъ нашей просьбы можетъ видѣть, въ чемъ должна она состоять, когда мы обманомъ взяты и теперь содержимся въ самомъ жестокомъ заключеніи. На это онъ отвѣчалъ, чтобъ мы подали къ нему просьбу, гдѣ желаемъ жить: въ Матсмаѣ, въ столичномъ ихъ городѣ Эддо, или въ другой какой либо части Японіи, или хотимъ возвратиться въ Россію. У насъ два только желанія, отвѣчали мы: первое состоитъ въ томъ,

Digitized by Google

чтобъ возвратиться въ свое отечество, а если этого невозможно, то желаемъ умереть; болѣе же мы ни о чемъ не хотимъ просить Японцевъ. Тогда онъ произнесъ съ великимъ жаромъ очень длинную рѣчь, которую всѣ присутствовавшіе слушали съ знаками глубочайшаго вниманія, и на лицахъ ихъ, казалось, было изображено сожалѣніе; видно было, что они этою рѣчью сильно тронулись. Но когда нашъ Алексѣй, принявъ ее отъ переводчика на Курильскомъ Языкѣ (конечно уже не въ томъ видѣ), началъ намъ переводить, то признался, что ему говорено такъ много и такъ хорошо, что онъ и половины не умѣетъ пересказать въ точности, но постарается изъяснить намъ только главное содержаніе рѣчи, къ чему все наше дѣло клонится, и чему мы конечно порадуемся. «Генералъ (*) говоритъ, продолжалъ Алексѣй, что Японцы такіе же люди, какъ и другіе, и что у нихъ также есть сердце, какъ и у другихъ, а потому мы не должны ихъ бояться и тужить; они дѣло наше разсмотрятъ, и если увидятъ, что мы ихъ не обманываемъ, и о своевольныхъ поступкахъ Хвостова говоримъ правду, то насъ отпустятъ въ Россію, надѣлятъ пшеномъ, сагою и другими съѣстными припасами, а также одарятъ разными вещами; но между тѣмъ будутъ они стараться, чтобъ мы ни въ чемъ не имѣли нужды, и были здоровы; почему и просятъ насъ, чтобъ мы не печалились много и берегли себя, а если въ чемъ имѣемъ нужду, какъ-то въ платьѣ или въ какой особенной пищѣ, чтобы просили не стыдясь.» Мы поблагодарили буніоса за его утѣшеніе и обѣщаніе оказать намъ справедливость. Тогда онъ ушелъ (**), а по выходѣ его изъ залы, и намъ

(*) Такъ нашъ Алексѣй величалъ буніоса, ибо въ томъ краю симъ названіемъ именуютъ камчатскаго областнаго начальника: должность эту съ 1799 по 1812 годъ отправляли генералъ-маіоры.

(**) Передъ отходомъ своимъ онъ поклонился чиновникамъ, и они ему точно такимъ же образомъ, какъ и прежде; и коль скоро онъ началъ вставать, оруженосецъ его свиты взялъ саблю его, по-прежнему, въ платкѣ за конецъ, и поднявъ оную эфесомъ вверхъ, понесъ за нимъ.

Digitized by Google

велѣно было возвратиться въ нашу темницу, куда отвели насъ прежнимъ порядкомъ. Не взирая на необыкновенное и несчастное стеченіе разныхъ происшествій и обстоятельствъ, клонившихся къ возбужденію въ Японцахъ противъ насъ подозрѣнія и ненависти, рѣчь губернатора очень много насъ успокоила. Мы думали, что людямъ, если діяволъ въ нихъ не вселился, невозможно такъ искусно притворяться, и принять на себя не только въ словахъ, но даже въ чертахъ лица, въ глазахъ и въ голосѣ личину искренности и сострадавія, какую Японцы принимали, когда утѣшали и обнадеживали насъ; но съ другой стороны, бывъ взяты въ плѣнъ коварствомъ и обманомъ, мы уже имѣли передъ глазами ужасный опытъ, надъ самими нами совершившійся, который подтверждалъ то, что прежде удавалось намъ читать или слышать о восточныхъ народахъ, а особливо о Японцахъ. Отъ сего иногда мучило насъ сомнѣніе, что Японцы, народъ тонкій и хитрый, конечно, должны знать пользу, могущую произойти для нихъ отъ нашего между ими пребыванія, если имъ удастся исподоволь пріучить насъ сносить горькую нашу участь, и, привыкнувъ къ ней, водвориться въ Японіи; а потому, думали мы, не утѣшаютъ ли они насъ съ намѣреніемъ, чтобъ мы въ отчаяніи не покусились на жизнь свою, и тѣмъ не лишили ихъ вдругъ способа, употребить въ свою пользу наши свѣдѣнія и познанія въ дѣлахъ и наукахъ европейскихъ, и въ надеждѣ, что время и привычка могутъ примирить насъ съ нашимъ состояніемъ, они насъ утѣшаютъ пустыми обнадеживаніями.

На другой день (3-го Октября) опять повели насъ въ замокъ, и представили буніосу, наблюдая во всемъ прежній порядокъ. О дѣлѣ спрашивалъ онъ насъ очень мало, но болѣе любопытствовалъ знать о разныхъ обычаяхъ и образѣ жизни Европейцевъ; между прочимъ спросилъ: бываютъ ли въ Россіи такіе сильные громы, какой былъ въ прошедшую ночь? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи бываютъ еще сильнѣе, сказали мы. «Но это еще не самый большой громъ, продолжалъ онъ, какой у насъ здѣсь бываетъ, а на Нифонѣ случается онъ несравненно жесточе и

Digitized by Google

чаще.» Вопросамъ своимъ вообще старался онъ дать видъ дружескаго разговора. Продержавъ часа два, отпустилъ онъ насъ отдохнуть; мы пришли на большой дворъ, и сѣли въ бесѣдкѣ, гдѣ Японцы, по повелѣнію губернатора, подчивали насъ чаемъ съ сахаромъ; но табаку курить не давали, ибо у нихъ не позволено курить на дворѣ въ замкѣ, гдѣ имѣетъ свое пребываніе губернаторъ, а потому и конвойные наши уходили для сего по очереди на кухню или въ караульные домы. Между тѣмъ пришелъ къ намъ переводчикъ Кумаджеро съ однимъ чиновникомъ и съ портнымъ и объявилъ, что губернатору угодно приказать сшить намъ платье, по тому образцу, какъ мы сами хотимъ, японское или русское; и если мы пожелаемъ имѣть оное русскимъ покроемъ, то чтобы сказали имъ, на какой манеръ изъ находящагося съ нами платья мы хотимъ его имѣть. На отвѣтъ нашъ, что у насъ платья довольно и мы въ немъ нужды не имѣемъ, Японцы говорили, что до этого дѣла имъ нѣтъ, много или мало у насъ платья; но губернаторъ хочетъ сдѣлать намъ подарокъ, слѣдовательно и не должно отъ него отказываться. И такъ надлежало согласиться. Мы сказали, чтобы они намъ сшили теплое платье, по образцу фризоваго капота, присланнаго со шлюпа Г. Хлѣбникову; они тотчасъ повели портнаго въ кладовую тутъ же въ крѣпости, гдѣ хранилось наше платье, и показали ему капотъ, а потомъ пришелъ онъ снять съ насъ мѣру. Они не употребляютъ мѣрокъ, а мѣряютъ человѣка вокругъ футомъ, раздѣленнымъ на десять частей, и записываютъ на бумагѣ; такимъ образомъ портной вымѣрялъ и насъ всѣхъ (*). Послѣ того приводили насъ опять

(*) Чрезъ нѣсколько дней мы получили обѣщанныя платья; для насъ троихъ сшито оно было изъ толстой бумажной матеріи, похожей нѣсколько на байку, вишневаго цвѣта, которая по-японски называется момпа, на ватѣ и бумажной подкладкѣ, а для матросовъ изъ простой бумажной матеріи, на бумажной же подкладкѣ, также на ватѣ, и одного покроя съ нашимъ. Это платье было сшито такъ странно, что не походило ни на шинель, ни на капотъ, ни на тулупъ, ни на сюртукъ, а кажется, всего тутъ было по частицѣ. Алексѣю же дали халатъ на японскій покрой.

Digitized by Google

въ присутствіи буніоса, гдѣ онъ распрашивалъ еще нѣсколько часовъ и отпустилъ, сдѣлавъ опять увѣщаніе, чтобъ мы не предавались отчаянію, но молились Богу и ожидали терпѣливо конца нашего дѣла, а притомъ были увѣрены, что онъ употребитъ всѣ средства исходатайствовать у своего государя позволеніе возвратиться намъ въ свое отечество, и что на сей конецъ онъ велитъ дать намъ бумаги и чернилъ съ тѣмъ, чтобъ мы все свое дѣло написали по-русски, а потомъ переводчикъ, вмѣстѣ съ нами, напишетъ оное по-японски; тогда губернаторъ, разсмотрѣвъ, препроводитъ его къ своему правительству, и будетъ имѣть попеченіе, чтобъ оно кончилось въ нашу пользу; изложеніе же нашего дѣла должны мы представить ему при прошеніи. Поблагодаривъ его за такое къ намъ доброжелательство, мы возвратились опять въ мрачное свое жилище, оставаясь, по-прежнему, въ большомъ сомнѣніи, искренно ли Японцы насъ обнадеживаютъ.

После сего свиданія не представляли насъ буніосу до 6-го числа; между тѣмъ содержали столомъ, или попросту сказать, кормили въ Матсмаѣ гораздо лучше, нежели въ Хакодаде. По обыкновенію Японцевъ, сарачинская каша и соленая рѣдька служили намъ вмѣсто хлѣба и соли; сверхъ того давали намъ очень хорошую жареную или вареную рыбу, свѣжую, а иногда соленую, супъ изъ разной зелени, или похлебку, наподобіе нашей лапши; часто варили для насъ уху или соусъ съ рыбою, или похлебку изъ ракушекъ; рыбу жарили въ маковомъ маслѣ, и приправляли тертою рѣдькою и соею, а когда выпалъ снѣгъ, стрѣляли для насъ нарочно оленей и медвѣдей, а иногда зайцевъ. Самыми же лучшими кушаньями, по мнѣнію Японцевъ, были китовина и сивучье мясо. Работникамъ нашимъ, такъ какъ они бывали въ Россіи, приказано было стараться приготовлять кушанье на нашъ вкусъ; почему иногда дѣлали они для насъ пирожки изъ ячной муки съ рыбою, довольно вкусные, а иногда варили жидкую кашу. Вотъ только и были два русскія блюда, которыя они умѣли состряпать. Кормили насъ, по своему обычаю, три раза въ день. Для питья давали теплую или горячую чайную воду, а когда водили

Digitized by Google

въ замокъ, то по возвращеніи давали каждому изъ насъ чашкѣ по двѣ чайныхъ подогрѣтой саги; то же дѣлали, когда погода была холоднѣе обыкновенной.

Такъ какъ мы жили почти на открытомъ воздухѣ, а погода стала наступать холодная, то Японцы дали и матросамъ по большому спальному халату, которыхъ у нихъ прежде не было, а потомъ имъ по одной медвѣжьей кожѣ, а намъ по двѣ, и узнавъ, что Русскіе не любятъ спать на полу, велѣли сдѣлать для насъ по скамейкѣ на каждаго для спанья; матросамъ всѣмъ дали одну скамейку, на которой могли бы они сидѣть. Попеченіе Японцевъ о насъ этимъ еще не кончилось: зная, что у нихъ мѣста для естественныхъ нуждъ дѣлаются не такъ какъ у насъ, они хотѣли знать, какъ мы ихъ строимъ, и тотчасъ велѣли сдѣлать, и хотя точно не потрафили, однакожъ довольно близко. Такое вниманіе ихъ къ намъ въ послѣднихъ безделицахъ не очень согласовалось съ жестокостью нашего заключенія, и странность эта была тогда для насъ непостижима.

Здѣсь, кромѣ дежурныхъ чиновниковъ, ежедневно посѣщавшихъ насъ поочереди, былъ еще опредѣленъ къ намъ одинъ непремѣнный, на котораго было возложено попеченіе о нашемъ продовольствіи. Ласковое всѣхъ ихъ съ нами обхожденіе подало намъ поводъ спросить одного изъ чиновниковъ, нельзя ли на задней сторонѣ нашего сарая сдѣлать окно, чтобъ мы могли что нибудь видѣть, ибо въ теперешнемъ положеніи, сквозь рѣшетки, кромѣ неба и вершинъ двухъ или трехъ деревъ, мы не видимъ ничего. Онъ не отказалъ намъ въ сей просьбѣ: тотчасъ пошелъ осмотрѣть, гдѣ бы прорубить окно, спросилъ о томъ наше мнѣніе, похвалилъ выборъ и ушелъ. Мы уже думали, что окно тотчасъ будетъ сдѣлано, но не тутъ-то было. Когда же мы чрезъ нѣсколько дней повторили нашу просьбу, чиновникъ сказалъ въ отвѣтъ, что Японцы берегутъ наше здоровье, и боятся, дабы мы отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ не простудились, а потому и окна прорубить нельзя. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Октября 6-го, и потомъ почти до исхода сего мѣсяца

черезъ день и черезъ два, водили насъ къ губернатору, и по большей части на весь день, такъ что и обѣдъ работники приносили намъ туда. Водили насъ въ замокъ и представляли буніосу тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде; разность состояла только въ томъ, что съ половины Октября (*), когда уже наступили холода, буніосъ сталъ принимать насъ не въ залѣ, а въ судебномъ мѣстѣ, въ другой части замка, которое было точно такъ же устроено, какъ и въ Хакодаде, и орудія наказанія были разложены такимъ же порядкомъ. Нельзя дать счета вопросамъ, которые сдѣлалъ намъ буніосъ въ продолженіе этого времени. Спросивъ о какомъ нибудь одномъ предметѣ, къ нашему дѣлу принадлежащемъ, предлагалъ онъ послѣ того сто постороннихъ, ничего незначащихъ и даже смѣшныхъ вопросовъ, которые иногда заставляли насъ выходить изъ терпѣнія, и отвѣчать ему дерзко. Нѣсколько разъ мы съ грубостью принуждены были говорить ему, что лучше было бы для насъ, если бъ Японцы насъ убили, но не мучили такимъ образомъ. Напримѣръ, кто бы не вышелъ изъ терпѣнія при слѣдующемъ вопросѣ: при взятіи насъ, у меня были въ карманѣ десять или двѣнадцать ключей отъ моихъ коммодовъ и отъ казенныхъ астрономическихъ инструментовъ. Буніосъ хотѣлъ знать, что въ каждомъ ящикѣ и за какимъ ключемъ лежитъ, а когда я, показавъ на мою рубашку, сказалъ, что въ одномъ сундукѣ такія вещи, то онъ тотчасъ спросилъ: сколько ихъ тамъ? Не знаю, отвѣчалъ я съ сердцемъ: это знаетъ мой слуга. Тогда вдругъ послѣдовали вопросы: сколько у меня слугъ, какъ ихъ зовутъ, и сколько имъ отъ роду лѣтъ. Потерявъ терпѣніе, я спросилъ у Японцевъ, зачѣмъ они мучатъ насъ такими пустыми распросами, къ чему имъ все это знать. Ни вещей моихъ, ни слугъ здѣсь нѣтъ; они увезены въ Россію, и такъ къ чему можетъ имъ служить все то, о чемъ они

(*) Первый снѣгъ выпалъ въ Матсмаѣ ночью съ 14-го на 15-е Октября, но пролежавъ нѣсколько дней, опять сошелъ, а около половины Ноября выпалъ настоящій снѣгъ и наступила зима.

Digitized by Google

насъ спрашиваютъ. На это губернаторъ сказалъ намъ съ ласкою, чтобъ мы не сердились за ихъ любопытство: они не хотятъ принуждать насъ къ отвѣтамъ, но спрашиваютъ, какъ друзей. Такая вѣжливость тотчасъ насъ успокоивала, и мы, сожалѣя, что отвѣчали дерзко, опять начинали говорить съ нимъ почтительно и учтиво, а онъ, сдѣлавъ намъ вопроса два дѣльныхъ, снова обращался къ пустякамъ, и опять заставлялъ насъ приходить въ сердце. Такимъ образомъ каждый день мы ссорились и мирились раза по три и по четыре.

Чтобы сообщить любопытнымъ что̀ Японцы хотѣли знать, и чего намъ стоило объяснять имъ и толковать о разныхъ предметахъ, обращавшихъ на себя ихъ любопытство, помѣщаю здѣсь нѣсколько изъ ихъ вопросовъ, которые составляютъ, я думаю, не болѣе сотой доли всего ихъ числа. Присемъ надлежитъ помнить, что мы должны были отвѣчать посредствомъ полудикаго Курильца, который о многихъ вещахъ, входившихъ въ наши разговоры, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, да и словъ, ихъ означающихъ, на его языкѣ не было. Вопросы же свои Японцы предлагали, не наблюдая порядка, чтобъ, распросивъ все объ одномъ предметѣ, приступить къ другому; но, такъ сказать, бросались отъ одной вещи къ другой, не имѣющей съ первою ни какой связи. Вотъ подлинный образецъ безпорядка ихъ вопросовъ:

«Какое платье носитъ вашъ Государь?»

«Что онъ носитъ на головѣ (*)?».

«Какія птицы водятся около Петербурга?»

«Что стоитъ сшить въ Россіи платье, которое теперь на васъ?»

«Сколько пушекъ на государевомъ дворцѣ (**)?»

(*) Узнавъ, что Г. Муръ умѣлъ очень хорошо рисовать, они просили его, чтобъ онъ изобразилъ на бумагѣ государеву шляпу.

(**) Когда мы имъ сказали, что европейскіе государи не укрѣпляютъ своихъ дворцевъ и не ставятъ на нихъ пушекъ, то сначала они не повѣрили намъ, а послѣ не мало дивились такой, по мнѣнію ихъ, неосторожности.

Digitized by Google

«Изъ какой шерсти дѣлаютъ сукно въ Европѣ (*)?»
«Какихъ животныхъ, птицъ и рыбъ ѣдятъ Русскіе?»
«Какъ они пищу приготовляютъ?»
«Какое платье носятъ русскія женщины?»
«На какой лошади Государь вашъ ѣздитъ верхомъ?»
«Кто съ нимъ ѣздитъ?»
«Любятъ ли Русскіе Голландцевъ?»
«Много ли иностранцевъ въ Россіи?»
«Чѣмъ кто торгуетъ въ Петербургѣ?»
«Сколько саженъ въ длину, ширину и въ вышину имѣетъ государевъ дворецъ (**)?»
«Сколько въ немъ оконъ?»
«Какое вы получаете жалованье?»
«Давно ли въ службѣ?»
«За что получали чины?»
«Сколько разъ въ день Русскіе ходятъ въ церковь?»
«Сколько у Русскихъ въ году праздниковъ?»
«Носятъ ли Русскіе шелковое платье?»

(*) Сказавъ имъ объ овцахъ, надлежало Г. Муру нарисовать барана, а потомъ козла; наконецъ дошло дѣло до ословъ, лошаковъ, до каретъ, саней и прочаго; однимъ словомъ, Японцы хотѣли, чтобы онъ изображалъ имъ на бумагѣ все то, чего нѣтъ въ Японіи, и чего они видѣть въ натурѣ не могли, а какъ они всегда просили его съ большою учтивостью, то онъ и отказать имъ не хотѣлъ, хотя слишкомъ скучно и трудно было ему удовлетворять всѣмъ ихъ просьбамъ. Къ счастію его, онъ могъ рисовать очень скоро и свободно.

(**) На отвѣтъ нашъ, что мы этого не знаемъ, Японцы просили сказать хотя примѣрно. То же дѣлали они и при всѣхъ другихъ вопросахъ, когда мы отговаривались незнаніемъ, и даже упорствомъ своимъ нерѣдко сердили насъ, требуя настоятельно, чтобъ мы сказали имъ примѣрно то, чего мы совсѣмъ не знаемъ; напримѣръ: число портовъ во всей Европѣ, гдѣ строятся корабли, или сколько во всей Европѣ военныхъ и купеческихъ судовъ. Можно было сказать имъ наугадъ, но въ такомъ случаѣ надлежало все это помнить, ибо они всѣ отвѣты наши записывали, и спрашивали объ одной и той же вещи раза по два и по три, только въ разное время и другимъ порядкомъ.

Digitized by Google

«Какихъ лѣтъ женщины начинаютъ рожать въ Россіи, и въ какія лѣта перестаютъ?»

Сверхъ того спрашивали они имя нашего Государя и всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, имена сибирскаго генералъ-губернатора, иркутскаго губернатора, охотскаго и камчатскаго начальниковъ и проч. и проч.

Но ничѣмъ столько Японцы не причинили намъ досады, какъ распросами своими о казармахъ. Прежде сего я упомянулъ уже, что въ Хакодаде они непремѣнно хотѣли знать, надъ какимъ числомъ людей мы должны, по чинамъ нашимъ, начальствовать на сухомъ пути. Здѣсь они повторили тотъ же вопросъ, и потомъ спросили: гдѣ матросы живутъ въ Петербургѣ? Въ казармахъ, отвѣчали мы. Тутъ стали они просить Г. Мура начертить имъ, сколько онъ можетъ припомнить, расположеніе всего Петербурга, и означить на немъ, въ которой части стоятъ матросскія казармы. Коль скоро это, въ угожденіе имъ, было сдѣлано, тогда хотѣли они знать длину, ширину и вышину казармъ, сколько въ нихъ оконъ, воротъ и дверей; во сколько они этажей; въ которой части ихъ живутъ матросы, и гдѣ хранятъ свои вещи; чѣмъ матросы занимаются; сколько человѣкъ стоитъ на часахъ при казармахъ, и проч. Но этого еще мало: отъ матросскихъ казармъ обратились они къ солдатскимъ, непремѣнно хотѣли знать, сколько ихъ всѣхъ; въ какихъ частяхъ города находятся, и велико ли число войскъ всѣ онѣ вмѣстить могутъ. На большую часть такихъ вопросовъ мы отзывались незнаніемъ; но это отнюдь не мѣшало Японцамъ продолжать насъ спрашивать о подобныхъ бездѣлицахъ. Потомъ спрашивали они насъ, въ какой части города были наши квартиры, въ какомъ разстояніи отъ дворца, и требовали, чтобъ мы означили ихъ на планѣ. Наконецъ хотѣлось имъ знать, велики ли были онѣ, и сколько людей находилось въ услугахъ у насъ. Часто мнѣ приходила въ голову мысль, не съ намѣреніемъ ли Японцы такимъ образомъ насъ мучатъ? Ничто не могло быть большимъ намъ наказаніемъ, какъ принужденіе отвѣчать на такой вздоръ, и потому иногда мы, потерявъ терпѣніе, прямо говорили имъ, что не хотимъ

Digitized by Google

отвѣчать; пусть лучше убьютъ насъ, нежели спрашиваютъ такія нелѣпости. Тогда буніосъ ласковымъ обхожденіемъ тотчасъ примирялъ насъ съ собою, и спросивъ что нибудь дѣльное, опять принимался за бездѣлки. Мы старались всѣми мѣрами не подавать имъ причинъ къ какимъ либо вопросамъ, и всегда отвѣчали коротко, но это не помогало. Всякое слово наше доставляло имъ матерію предложить нѣсколько вопросовъ. Напримѣръ, удивляясь красивому почерку и искусству въ рисованьѣ Г. Мура, почитали они его человѣкомъ весьма ученымъ, а потому и спросили, гдѣ онъ воспитывался. Г. Муръ не сказалъ имъ, что получилъ воспитаніе въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, чтобъ тѣмъ не подать Японцамъ повода къ тысячѣ вопросовъ касательно сего заведенія, а отвѣчалъ, что онъ воспитанъ въ домѣ дяди своего. Тутъ пошли вопросы: кто дядя его, богатъ ли, гдѣ живетъ, самъ ли онъ училъ его и проч., а на отвѣтъ, что онъ нанималъ для него учителя, тотчасъ спросили имя учителя, гдѣ онъ самъ учился, и проч. Когда же меня спросили, гдѣ я воспитывался, чтобы избѣжать несносной скуки, я отвѣчалъ, что меня училъ мой отецъ. Я думалъ, что тутъ и конецъ вопросамъ, но ошибся; надлежало еще имъ сказать, въ какомъ мѣстѣ это было, давно ли, большое ли состояніе имѣлъ мой отецъ, какія науки онъ зналъ, и проч.

Между прочимъ показывали они намъ всѣ отобранныя у насъ вещи, и спрашивали о каждой порознь, какъ онѣ называются, къ чему и какимъ образомъ употребляютъ ихъ, изъ чего и гдѣ сдѣланы, чего стоятъ и проч. Всѣ наши отвѣты они записывали, а къ вещамъ привязывали ярлыки, также съ надписями. Однажды, въ присутствіи буніоса, вдругъ принесли одинъ изъ оставшихся послѣ меня на шлюпѣ ящиковъ съ англійскими и французскими книгами, о которомъ мы и не знали, что онъ присланъ. Японцы, вынувъ изъ него всѣ книги, стали намъ ихъ показывать и распрашивать, о чемъ въ нихъ писано. Объясненія наши на каждую книгу они записывали и приклеивали къ ней. Содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ не трудно было изъяснить; но другія причинили намъ много затруд-

Digitized by Google

ценія и скуки, въ томъ числѣ Либесова Физика въ трехъ томахъ, на Французскомъ Языкѣ. При этомъ сочиненіи находилось много чертежей и рисунковъ разныхъ инструментовъ и машинъ, которые возбудили въ Японцахъ чрезвычайное любопытство. Разсматривая рисунки, они крайне удивлялись и радовались, что попалась имъ въ руки такая книга; они хотѣли знать что въ ней писано, и требовали изъясненія разныхъ фигуръ, наиболѣе ихъ поразившихъ. Тщетно мы отговаривались, представляя имъ, что съ такимъ переводчикомъ, каковъ нашъ Алексѣй, невозможно дать имъ какое либо понятіе о предметахъ, заключающихся въ этой книгѣ. Они настоятельно просили насъ какъ нибудь объяснить имъ что это за книга. Указавъ Алексѣю на воротъ и на блоки, мы сказали ему, что она учитъ, какъ легче поднимать большія тяжести и многому другому. Алексѣй насъ тотчасъ понялъ и перевелъ Японцамъ; но они этимъ не были довольны; такія обыкновенныя вещи и самимъ имъ давно уже были извѣстны; показавъ на чертежъ, которымъ изъясняется преломленіе лучей, спросили они, что это значитъ, не узнается ли посредствомъ этой фигуры разстояніе между солнцемъ и землею? Я думалъ, что это будетъ не слишкомъ трудно объяснить Алексѣю, и спросилъ его, замѣтилъ ли онъ когда нибудь, что весло, будучи однимъ концемъ опущено въ воду, кажется переломленнымъ. «Да, такъ, видалъ я это, сказалъ онъ: а какой причина, не знаю?» Но когда дошло дѣло до преломленія лучей, то онъ спросилъ у меня, что такое лучъ, а узнавъ настоящее значеніе слова, началъ громко смѣяться, сказавъ: «чортъ тебѣ знаетъ, какой люди могу лучъ ломать!» Мы не могли удержаться отъ смѣха, да и Японцы, видя насъ смѣющихся, также начали хохотать, не понимая чему; однако жъ не трудно было имъ угадать причину, что Алексѣй былъ плохой переводчикъ въ такихъ предметахъ, хотя самъ онъ, вѣроятно, былъ тѣхъ мыслей, что мы не дѣло говорили, а бредили. Тогда они, взявъ отъ насъ книгу, сказали: послѣ, послѣ, и начали съ большою бережливостью укладывать наши книги въ ящикъ по-прежнему. Случай этотъ и слова Японцевъ: послѣ, послѣ, сильно

Digitized by Google

увеличили грусть нашу. Мы расчитывали, что теперь вѣрно Японцы принимаютъ насъ за людей весьма ученыхъ, а особливо меня, потому что на всѣхъ книгахъ было подписано мое имя, о чемъ они спрашивали и изъявили удивленіе, узнавъ, что всѣ книги сіи принадлежатъ мнѣ одному, слѣдовательно скоро и легко они съ нами не разстанутся; слова же: послѣ, послѣ, кажется довольно ясно показываютъ ихъ надежду, что прійдетъ время, когда мы будемъ въ состояніи объяснить имъ содержаніе сихъ крайне мудреныхъ для нихъ книгъ, и вѣроятно, что рисунки разныхъ машинъ захотятъ они употребить въ пользу своего государства. Тогда безъ насъ имъ уже не обойтись. Такая мысль насъ жестоко мучила. Здѣсь упомяну я о двухъ замѣчаніяхъ Японцевъ касательно нашихъ книгъ. Они спросили, почему у меня всѣ книги иностранныя, а русскихъ только двѣ (*): развѣ не умѣютъ въ Россіи такихъ книгъ печатать? Это такъ случилось, сказалъ я, что прислали съ корабля ящикъ съ иностранными книгами; русскія книги лежали въ другихъ ящикахъ. Тогда они спросили, отчего происходитъ, что иностранныя мои книги напечатаны такъ чисто и на такой прекрасной бумагѣ, а русская напечатана дурно и на весьма худой бумагѣ? Есть и русскія книги, напечатанныя хорошо, и иностранныя, которыя напечатаны дурно и на худой бумагѣ, а это случайно такъ попалось, отвѣчалъ я. Но между чрезвычайнымъ множествомъ, къ одному любопытству принадлежащихъ, вопросовъ или другихъ и совсѣмъ ни къ чему не служащихъ, Японцы распрашивали насъ о войскахъ сухопутныхъ и морскихъ, о крѣпостяхъ, о богатствѣ и силѣ Имперіи нашей и проч. На это мы охотно имъ отвѣчали, и всегда хорошо помнили что̀ говорили, такъ, что если бъ десять разъ вздумали они повторять свои вопросы, отвѣты были бы тѣ же. Имъ невѣроятно казалось, чтобъ у насъ были девятипудовыя бомбы, а также смѣялись они тому, что мы предпочитаемъ палить изъ ружей кремнями; Японцы же употребляютъ фитили.

(*) Татищева Французскій Лексиконъ въ двухъ томахъ.

Digitized by Google

Что касается до предметовъ, собственно къ нашему дѣлу принадлежащихъ, то здѣсь буніосъ повторялъ по нѣскольку разъ всѣ тѣ вопросы, на которые мы уже дали отвѣты въ Хакодаде; но предлагалъ ихъ въ разные дни и не болѣе какъ по одному и по два въ день, между бездѣлицами, такъ точно, какъ бы они для Японцевъ не имѣли ни какой важности; но спросивъ о чемъ либо, до дѣла касающемся, старался онъ всѣми мѣрами получить подробный и ясный отвѣтъ. При сихъ вопросахъ открылось намъ вновь весьма непріятное обстоятельство, очень много насъ огорчившее: мы узнали, что опредѣленные къ намъ два работника были тѣ самые, которыхъ Хвостовъ увезъ съ острова Сахалина, и, продержавъ зиму въ Камчаткѣ, опять возвратилъ въ Японію; но съ какою цѣлію все это онъ дѣлалъ, мы не знали. Работники эти поочереди ходили съ нами въ замокъ, и всегда находились при нашихъ свиданіяхъ съ буніосомъ. Однажды, расспрашивая насъ о Хвостовѣ, спросилъ онъ что-то у бывшаго тутъ работника, который въ отвѣтѣ своемъ (что мы очень хорошо поняли) говорилъ и показывалъ, что Хвостовъ носилъ мундиръ съ такими же нашивками, какія у меня и у Г. Мура, чему Японцы, поглядывая на насъ, много смѣялись.

Буніосъ, расспросивъ насъ обо всемъ, сказалъ, что теперь онъ насъ долго не позоветъ къ себѣ, и дастъ намъ время описать подробно все наше дѣло, а какимъ образомъ составить это описаніе, будетъ насъ руководствовать переводчикъ Кумаджеро, которому по сему предмету дастъ онъ нужныя наставленія. Онъ всякій разъ отпускалъ насъ, увѣщевая не предаваться отчаянію, молиться Богу и на него надѣяться, а также если въ чемъ имѣемъ нужду, то не стыдясь просить у него прямо, ибо онъ сдѣлаетъ для насъ все, что не противно японскимъ законамъ.

Теперь упомяну я о нѣкоторыхъ снисхожденіяхъ, которыя Японцы оказали намъ въ теченіе Октября. Я сказалъ уже выше о тепломъ платьѣ и о медвѣжинахъ, которыя Японцы намъ дали, а какъ погода становилась день отъ дня холоднѣе, и мы жили, можно сказать, почти на

Digitized by Google

открытомъ воздухѣ, то Японцы наружную рѣшетку между столпами оклеили бумагою, оставивъ вверху окна, которыя открывались веревкою и закрывались какъ корабельные порты; окна сіи однако жъ сдѣлали они по усильной нашей просьбѣ, ибо посредствомъ ихъ по крайней мѣрѣ иногда могли мы видѣть небо и вершины деревъ, а иначе не видали бы совершенно ничего. Въ нашемъ положеніи и то насъ утѣшало, что хотя изрѣдка могли мы, подобно людямъ, на свободѣ живущимъ, смотрѣть на небо. Потомъ передъ каждою клѣткою, шагахъ въ полуторѣ или двухъ, вырыли они большія ямы, и на всѣхъ сторонахъ ихъ положили толстыя плиты, а внутрь, вмѣсто вынутой земли, насыпали песку (*). Такимъ образомъ устроивъ очаги, стали они держать на нихъ съ утра до вечера огонь, употребляя для того дровяной уголь. У огня мы могли грѣться, сидя въ своихъ клѣткахъ на полу, подлѣ рѣшетокъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того дали намъ Японцы курительный табакъ и трубки на весьма длинныхъ чубукахъ, на срединѣ коихъ насадили они деревянные круги такой величины, чтобы не проходили они сквозь рѣшетку между столбами: это сдѣлано было въ предосторожность, чтобъ мы не могли взять къ себѣ въ тюрьму трубокъ съ огнемъ. Такая странная недовѣрчивость была намъ крайне непріятна, и мы не скрывали этого отъ Японцевъ, упрекая ихъ за варварское ихъ мнѣніе о Европейцахъ; но они смѣялись и ссылались на свои

(*) При назначеніи мѣстъ для ямъ, многіе японскіе чиновники, переводчикъ, лекарь и архитекторъ, такъ сказать, держали совѣтъ, все осматривали, вымѣривали и разсуждали около часа. Сначала думали мы, что они затѣваютъ что нибудь важное, но послѣ узнали, къ чему все это клонилось: они хотѣли помѣстить очаги такимъ образомъ, чтобъ мы не были въ состояніи достать съ нихъ огня руками; но притомъ, чтобъ могли посредствомъ длинныхъ чубуковъ раскуривать трубки. Медленность Японцевъ и вниманіе ихъ ко всякой малости чрезвычайно насъ огорчали. Мы думали: если такія бездѣлицы заставляютъ ихъ совѣтоваться и разсуждать по цѣлому часу, сколько времени потребно будетъ для нихъ, чтобъ привесть къ концу наше дѣло?

законы, говоря, что они повелѣваютъ не давать ничего такого плѣннымъ, чѣмъ бы могли они причинить вредъ себѣ или другимъ, и что табакъ позволяютъ намъ курить по особенному добродушію и снисхожденію губернатора; впрочемъ по закону ихъ позволить сего не слѣдовало, а чтобы не нарушая закона сдѣлать и намъ добро, Японцы выдумали эти круги, и потому сердиться за это мы не должны. Это изъясненіе насъ тотчасъ успокоило, и мы даже обрадовались, что услышали такую вѣсть, разсуждая: видно и у Японцевъ такъ же иногда бываетъ какъ и у европейскихъ умниковъ, что дважды два иногда дѣлаютъ четыре, а иногда пять; и если такъ, то немудрено, что они, опасаясь войны съ Россіею, согласятся лучше сквозь пальцы посмотрѣть на строгость своихъ законовъ и ввернуть въ нихъ, по нашему, по-европейски, какой нибудь крючекъ, чтобъ насъ освободить, нежели подвергнуть себя нападенію сильнаго воинственнаго сосѣда. Притомъ Японцы увѣряли насъ, что состояніе наше постепенно будетъ улучшаться, и со временемъ станутъ содержать насъ весьма хорошо, а наконецъ, въ довершеніе всѣхъ милостей, позволятъ намъ возвратиться въ свое отечество. При семъ разговорѣ Японцы говорили намъ, что, по ихъ обыкновенію, ничего нельзя дѣлать вдругъ, а все дѣлается понемногу, почему и наше состояніе улучшиваютъ они постепенно; да и въ самомъ дѣлѣ мы испытали, что Японцы двухъ одолженій въ одинъ день никогда не сдѣлаютъ.

Между прочими одолженіями, которыя оказывалъ намъ буніосъ, одно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Однажды принесли къ намъ на показъ модели разныхъ лодокъ и судовъ, только не европейскихъ, а какъ я думаю, изъ какой нибудь китайской провинціи, нашъ серебряный рубль съ изображеніемъ Екатерины II, мѣшокъ японскаго пшена пуда въ два, и богатый судокъ или погребецъ, подъ лакомъ и мѣстами подъ золотомъ, который, какъ сказали, принадлежалъ губернатору. О моделяхъ и о судкѣ спрашивали насъ Японцы, видали ли мы такія вещи въ Европѣ; о рублѣ спросили, какъ монета эта называется и какой цѣны, а о мѣшкѣ, сколько въ немъ будетъ русскаго вѣсу.

Digitized by Google

Вопросы их были коротки, и спрашивали они нас безъ обыкновеннаго своего любопытства; но послѣ, вынувъ изъ судка прекрасную сагу и конфекты, стали насъ подчивать: по окончаніи же подчиванья, переводчикъ Кумаджеро далъ намъ знать, что это было сдѣлано по повелѣнію губернатора, который, по ихъ законамъ, не можетъ угощать насъ у себя. Вообще можно сказать, что теперь Японцы прилагали стараніе, чтобы насъ успокоить, и чрезвычайно заботились о сохраненіи нашего здоровья. Всякій день насъ навѣщалъ лекарь, а если кто имѣлъ какой нибудь малѣйшій припадокъ, то онъ приходилъ по два и по три раза въ день, и нерѣдко случалось, что въ сомнительныхъ для него случаяхъ, приглашалъ съ собою для совѣта другихъ лекарей. Они стали такое имѣть объ насъ попеченіе, что однажды ночью, по случаю тревоги, сдѣлавшейся въ городѣ отъ пожара (*), караульные вошли къ намъ тихонько, и, сказавъ о причинѣ оной, просили, чтобъ мы не безпокоились. Въ первые же дни заключенія нашего въ Матсмаѣ, не были они такъ внимательны къ нашему опокойствію.

Въ числѣ снисхожденій, которыя Японцы старались намъ оказать, не должно умолчать объ одномъ довольно смѣшномъ случаѣ, которому однако жъ настоящей причины мы не могли узнать. Надъ столомъ нашимъ имѣлъ надзоръ одинъ чиновникъ, старикъ лѣтъ въ шестьдесятъ. Онъ съ нами обходился весьма ласково, и часто утѣшалъ насъ увѣреніями, что мы непремѣнно будемъ возвращены въ свое отечество. Однажды принесъ онъ намъ троимъ три картинки, изображающія японскихъ женщинъ въ богатомъ одѣяніи; мы думали, что онъ намъ принесъ ихъ только на показъ, и для того, посмотрѣвъ, хотѣли ему возвратить; но онъ предложилъ, чтобъ мы оставили у себя, а когда мы отказывались, то онъ настоятельно просилъ насъ взять ихъ. Зачѣмъ намъ? спросили мы. «Вы можете иногда

(*) Пожаръ произошелъ отъ загорѣвшагося, по неосторожности караульщика, судна, которое стояло на берегу подъ крышею. При пожарахъ Японцы бьютъ набатъ въ колоколъ такъ же часто, какъ и у насъ, и стучатъ въ барабаны по улицамъ.

отъ скуки поглядывать на нихъ,» отвѣчалъ онъ. «Въ такомъ ли мы теперь состоянiи, сказали мы, чтобы намъ смотрѣть на такихъ красотокъ?» А онѣ въ самомъ, дѣлѣ были такъ мерзко нарисованы, что не могли произвести ни какихъ чувствъ, кромѣ смѣха и отвращенiя, по крайней мѣрѣ въ европейцахъ. Не смотря однако жь на отказъ нашъ, старикъ настоялъ, чтобъ мы приняли картинки, которыя мы тогда же подарили переводчику Кумаджеру.

Въ послѣдней половинѣ Октября приступили мы къ описанiю нашего дѣла. Для того были намъ даны бумага и чернила, и Кумаджеро сказывалъ намъ, какъ писать. Сначала произошла у насъ съ Японцами большая ссора, и мы не хотѣли было ничего писать. Причина была слѣдующая: Кумаджеро хотѣлъ, чтобъ мы сперва написали на собственныхъ листахъ сами за себя и за матросовъ нашихъ, такъ сказать, послужные наши списки, то есть, гдѣ и когда мы родились, имя отца, матери, сколько лѣтъ въ службѣ и проч. и проч. Мы удовлетворили его требованiю; но когда это было кончено, онъ хотѣлъ, чтобъ мы на тѣхъ же листахъ продолжали писать всякiй вздоръ, о которомъ они насъ спрашивали, напримѣръ: «Русскiе хоронятъ мертвыхъ за городомъ, на особенныхъ кладбищахъ у церквей, нарочно для того сдѣланныхъ; надъ могилами ставятъ кресты или другiе памятники,» и проч. Такихъ пустыхъ вещей мы писать не хотѣли, сказавъ, что нашего вѣка не достанетъ описать всѣ бездѣлицы, о которыхъ Японцы насъ распрашивали; что бунiосъ увѣрялъ насъ, будто онъ хочетъ только имѣть на бумагѣ въ японскомъ переводѣ наше дѣло, которое мы всегда готовы написать, но вздору ни за что писать не станемъ. Японцы сначала сердились и увѣщевали насъ, чтобъ мы не отговаривались дѣлать то, что можетъ послужить намъ въ пользу; однако жъ мы поставили на своемъ, и они согласились, чтобъ мы не писали ничего, къ нашему дѣлу непринадлежащаго; дѣло же наше должно быть описано съ отбытiя нашего изъ Петербурга: зачѣмъ пошли, гдѣ плавали и зимовали, какъ увидѣлись съ Японцами и проч. Притомъ они сказали намъ, что все про-

Digitized by Google

чее может быть описано коротко, но о сношеніях наших съ Японцами надлежит писать как можно подробнѣе и вразумительнѣе, не выпуская самомалѣйшаго происшествія, а притом въ описаніи нашем нужно упомянуть о Резановѣ и Хвостовѣ все то, что мы словесно сообщили Японцам. Мы на это согласились, и условились съ Кумаджером таким образом, что въ небытность его у насъ въ тюрьмѣ, мы станем писать, а когда онъ прійдет, то взявъ Алексѣя въ нашу клѣтку, будем переводить написанное на Японскій Язык, а онъ насъ просил, копію для перевода писать так, чтобы между каждыми двумя строками, можно было помѣстить еще двѣ и болѣе.

Условясь таким образом, принялись мы за дѣло. Нам хотѣлось сперва писать начерно, чтобы имѣть у себя копію; но опасаясь, чтобы караульные (*) наши этого не замѣтили и послѣ не отобрали у насъ наших бумаг, мы дѣлали это весьма скрытно и съ величайшим трудом. Г. Хлѣбников садился обыкновенно подлѣ рѣшетки въ большом своем халатѣ, спиною къ Японцам, ставил подлѣ себя въ маленькой деревянной ложечкѣ (**) чернила, и писал соломинкою (***), а я ходил взад и вперед и давал ему знать, когда кто изъ караульных принимал такое положеніе, что мог примѣтить его занятія. Бумаги, которую приносил нам Кумаджеро, мы не смѣли употреблять, опасаясь не ведет ли онъ ей счет, но писали на мерзкой бумагѣ, которую получали для сморканія носа, и Г. Мур переписывал набѣло наши сочиненія, которыя мы дикто-

---

(*) Они почти безпрестанно на насъ смотрѣли.

(**) Японцы не употребляют ни ложек, ни вилок, а ѣдят двумя тоненькими палочками; жидкое же кушанье прихлебывают изъ чашки, как мы чай; почему въ дорогѣ еще, Курильцы сдѣлали для насъ маленькія деревянныя ложечки, изъ коих одна теперь пригодилась нам на чернилицу.

(***) У них перья не въ употребленіи, а пишут они кистями, которыми так скрытно нельзя было Г. Хлѣбникову владѣть; по этому принуждены мы были прибѣгнуть къ соломинкам, попавшимся на полу.

вали ему, подъ видомъ обыкновеннаго разговора. Но это было еще ничто въ сравненіи съ трудностью, которую встрѣтили мы при переводѣ, съ такими толмачами, каковы были Алексѣй и Кумаджеро. Правда, что мы старались написать свою бумагу, употребивъ въ оной сколько возможно болѣе словъ и оборотовъ, къ которымъ Алексѣй привыкъ; такъ, напримѣръ: вмѣсто *очень* или *весьма*, ставили *шибко;* непріятельскія дѣйствія означали мы словомъ *драться*; вмѣсто *приходилъ съ дружескимъ намѣреніемъ*, писали: *съ добрымъ умомъ*, и проч. такъ, что наше сочиненіе могло бы очень позабавить читателя своимъ слогомъ; но со всѣмъ тѣмъ мы не въ силахъ были, да и способовъ не имѣли выразить мысли наши совершенно понятнымъ для Алексѣя образомъ, а иногда встрѣчались такія мѣста, которыя онъ весьма хорошо понималъ, но не находилъ на Курильскомъ Языкѣ приличныхъ словъ или выраженій, чтобъ сообщить японскому переводчику.

Кумаджеро приступилъ къ дѣлу слѣдующимъ образомъ. Сначала спрашивалъ у насъ настоящій русскій выговоръ каждаго слова, и записывалъ его японскими буквами надъ тѣмъ словомъ. Записавъ такимъ образомъ произношеніе словъ цѣлаго листа, начиналъ онъ спрашивать, что каждое изъ нихъ значитъ само по себѣ независимо отъ другихъ, и также записывалъ надъ словами японскія значенія. Вотъ тутъ мы довольно помучились: онъ былъ человѣкъ лѣтъ въ пятьдесятъ, отъ природы крайне тупъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о европейскихъ языкахъ, и я думаю, ни о какой грамматикѣ въ свѣтѣ. Когда мы ему толковали какое нибудь слово посредствомъ Алексѣя, и знаками, и примѣрами, онъ слушая, безпрестанно говорилъ о! о' о!, что у Японцевъ значитъ то же, какъ у насъ: да, такъ, понимаю. Такимъ образомъ, толковавъ ему объ одномъ словѣ съ полчаса и болѣе, мы оканчивали, воображая, что онъ хорошо понялъ; но лишь только мы переставали говорить, онъ насъ въ ту же минуту опять о томъ же спрашивалъ, признаваясь, что совсѣмъ насъ понять не могъ, и тѣмъ досаждалъ намъ до крайности. Мы сердились и бранили его, а онъ смѣялся и извинялся тѣмъ, что онъ

Digitized by Google

старъ, а Русскій Языкъ слишкомъ мудренъ. Одно слово императорскій занимало его болѣе двухъ дней, пока понялъ онъ, что оно значитъ. Часа по два сряду мы объясняли ему это слово, приводя всевозможные примѣры. Алексѣй зналъ его значеніе очень хорошо, и также толковалъ ему, а онъ слушалъ, улыбался, приговаривалъ о! о! о! (такъ); но едва успѣвали мы кончить, какъ вдругъ говорилъ онъ: «Императоръ понимаю, *ской* не понимаю»; то есть: что такое императоръ, я понимаю, но не понимаю что значитъ *ской*. Болѣе же всего затрудняли тупую его голову предлоги; онъ вообразить себѣ не могъ, чтобы ихъ можно было ставить прежде именъ, къ которымъ они относятся, потому что, по свойству Японскаго Языка, должны они за ними слѣдовать, и для того крайне удивлялся, да и почти не вѣрилъ, чтобы на такомъ, по его мнѣнію, варварскомъ и недостаточномъ языкѣ, можно было что нибудь изъяснить порядочно. Написавъ же значеніе словъ, начиналъ составлять смыслъ, раздѣляя рѣчь на періоды; тутъ представлялись новая бѣда и затрудненія: ему непремѣнно хотѣлось, чтобъ русскія слова слѣдовали одно за другимъ точно тѣмъ же порядкомъ, какъ идутъ они въ японскомъ переводѣ, и онъ требовалъ, чтобъ мы ихъ переставили, не понимая того, что тогда вышелъ бы изъ нихъ невразумительный вздоръ. Мы увѣряли его, что этого сдѣлать невозможно, а онъ утверждалъ, что переводъ его покажется невѣрнымъ и подозрительнымъ, когда въ немъ то слово будетъ стоять на концѣ, которое у насъ стоитъ въ началѣ, и тому подобное. Наконецъ, по долгомъ разсужденіи и спорахъ, мы стали его просить, чтобы онъ постарался привести себѣ на память какъ можно болѣе курильскихъ и японскихъ рѣченій, одно и то же означающихъ, и сравнилъ ихъ, однимъ ли порядкомъ слова стоятъ въ обоихъ сихъ языкахъ. «Я знаю, что не такъ, отвѣчалъ онъ, но Языкъ Курильскій есть языкъ почти дикаго народа, у котораго нѣтъ и грамоты, а на Русскомъ Языкѣ пишутъ книги.» Замѣчанію этому мы не мало смѣялись, да и онъ самъ смѣялся не менѣе насъ. Напослѣдокъ мы увѣрили его честнымъ словомъ, что въ нѣкоторыхъ европей-

Digitized by Google

скихъ языкахъ есть множество сходныхъ словъ, но писать на нихъ такъ, чтобы слова слѣдовали одно за другимъ, тѣмъ же порядкомъ, невозможно, а съ Русскимъ и Японскимъ Языками уже и вовсе нельзя этого сдѣлать. Тогда онъ успокоился, и началъ переводить какъ должно: понявъ смыслъ нашего періода, прибиралъ японскія выраженія, то же означающія, не заботясь уже о порядкѣ словъ. Но когда случалось, что смыслъ былъ сходенъ и слова слѣдовали одно послѣ другаго тѣмъ же порядкомъ или близко къ тому, онъ чрезвычайно былъ доволенъ, отчего иногда, поторопясь, впадалъ и въ погрѣшности, ибо не понявъ хорошенько нашего толкованія, но видѣвъ, что если японскія слова поставитъ онъ тѣмъ же порядкомъ, какъ они стоятъ у насъ, то выйдетъ смыслъ, хотя и совершенно различный отъ настоящаго, онъ тотчасъ съ большимъ восторгомъ записывалъ оный, и всегда перемѣнялъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, когда мы, спросивъ его, какъ онъ насъ понялъ, находили ошибку, и снова изъясняли ему иначе.

По окончаніи перевода нашего дѣла (что послѣдовало не прежде, какъ около половины Ноября) написали мы къ губернатору прошеніе, въ которомъ, давъ ему титулъ превосходительства, просили его учтивымъ образомъ, принять въ разсужденіе всѣ обстоятельства, доказывающія нашу справедливость, и представить своему правительству о дарованіи намъ свободы и средствъ возвратиться въ Россію. Надъ переводомъ прошенія трудились и хлопотали мы также не мало. Наконецъ, послѣ множества вопросовъ, поясненій, замѣчаній, прибавленій и проч., которыя мы дѣлали по требованію чиновниковъ, разсматривавшихъ японскій переводъ, дѣло было кончено, и намъ сказано, что насъ скоро представятъ буніосу, и что онъ будетъ спрашивать насъ лично обо всемъ написанномъ, чтобъ повѣрить точность перевода.

Между тѣмъ, пока мы занимались сочиненіемъ своей бумаги, Алексѣю позволено было и безъ Кумаджера быть у насъ; но такъ какъ мы не довѣряли его искренности къ намъ, то въ нужныхъ случаяхъ говорили между собою

Digitized by Google

отборными словами, которыхъ, мы увѣрены были, онъ не разумѣлъ, а нерѣдко вмѣшивали и иностранныя слова. Алексѣй очень скоро замѣтилъ это, и своимъ языкомъ сказалъ намъ съ большимъ огорченіемъ, сколь прискорбно ему видѣть нашу къ нему недовѣрчивость, и что мы, подозрѣвая его, скрываемъ отъ него наши мысли, какъ будто бы онъ былъ не такой же Русскій, какъ и мы, и не тому же Государю служилъ. При семъ онъ сказалъ, что, по взятіи Курильцевъ на островѣ Итурупѣ, Японцы раздѣлили ихъ на двѣ партіи, одну оставили на Итурупѣ, а другую, въ которой находился Алексѣй съ своимъ отцемъ, отправили на Кунаширъ. Ложное показаніе, будто Русскіе ихъ послали, выдумано первою изъ сихъ партій, но та, гдѣ онъ былъ, долго отвергала этотъ обманъ, пока Японцы, застращавъ ихъ пыткою и наказаніемъ, если они станутъ запираться, а въ противномъ случаѣ обѣщая освобожденіе и награду, не принудили ихъ подтвердить выдуманную ложь; теперь же Алексѣй сказалъ намъ, что онъ рѣшился признаться Японцамъ въ сдѣланномъ Курильцами обманѣ, и готовъ перенести пытку и принять смерть, но въ правдѣ стоять будетъ, и тѣмъ докажетъ, что онъ не хуже всякаго Русскаго знаетъ Бога. Десять или двадцать лѣтъ жить ему на землѣ ничего не значитъ, а хуже будетъ, если душа его не будетъ принята въ небо, и осудится на вѣчное мученіе, почему и просилъ онъ насъ помѣстить это обстоятельство точно такъ, какъ онъ его намъ сказывалъ, въ нашу бумагу. Мысли свои сообщилъ онъ намъ съ такою твердостью и чувствомъ, и съ такимъ необыкновеннымъ до того въ немъ краснорѣчіемъ, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобъ онъ притворствовалъ и говорилъ не отъ чистаго сердца. Мы хвалили его за такое доброе и честное намѣреніе, и увѣряли, что въ Россіи за сказанную ими ложь онъ никогда наказанъ не будетъ, ибо былъ доведенъ до того своими товарищами, но сомнѣваемся, повѣрятъ ли ему Японцы, и боимся, чтобъ они не подумали, будто мы научили его отпереться отъ прежняго своего показанія, и потому нужно прежде подумать, какимъ бы образомъ приступить къ дѣлу; ибо

Японцы могутъ спросить: почему Алексѣй не признался вамъ въ сдѣланномъ имъ обманѣ, будучи у васъ на кораблѣ, или и во время вашего заключенія, ни прежде сего; времени было на то довольно. «Нужды нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣшительно и твердо: пусть они вѣрятъ или нѣтъ, мнѣ все равно, лишь бы я былъ правъ передъ Богомъ; я буду говорить правду, вотъ и только; пускай меня убьютъ, но за правду умереть не стыдно.» Тутъ показались у него на глазахъ слезы; насъ это столько тронуло, что мы стали помышлять, какимъ бы образомъ, не обвиняя бѣднаго Алексѣя, открыть Японцамъ этотъ обманъ, но не находили ни какого способа. Между тѣмъ онъ самъ, при первомъ случаѣ, объявилъ переводчику Кумаджеру, что товарищи его обманули Японцевъ, сказавъ имъ, будто они были присланы Русскими; напротивъ того, они сами пріѣхали торговать. Кумаджеро крайне удивился этому объявленію, и называлъ его дуракомъ и сумасшедшимъ, но Алексѣй спорилъ съ нимъ, увѣряя его, что онъ не дуракъ и не сумасшедшій, а говоритъ настоящую правду, за которую готовъ умереть. Мы не знаемъ, сообщилъ ли Кумаджеро тогда же объявленіе Алексѣя высшимъ своимъ чиновникамъ, но когда насъ стали опять водить въ замокъ къ губернатору, гдѣ онъ иногда самъ, а иногда старшіе по немъ чиновники, читая японскій переводъ нашей бумаги, повѣряли его, и дошло до того мѣста, гдѣ упоминается о сдѣланномъ Курильцами обманѣ, тогда Алексѣй сталъ опровергать прежнее свое показаніе съ такою же твердостью и присутствіемъ духа, какъ и намъ говорилъ. Всѣ бывшіе тутъ Японцы, такъ какъ и караульные наши въ тюрьмѣ, удивлялись тому, что онъ самъ себя губитъ, называли его несмысленнымъ дуракомъ, вѣроятно полагая, что онъ дѣйствуетъ по нашему наученію, вопреки истинному дѣлу. Объявленіе его и твердость, съ какою онъ настаивалъ въ справедливости дѣла, заставили Японцевъ призывать его одного нѣсколько разъ. Въ такомъ случаѣ мы жестоко страшились, чтобъ они не принудили его признать ложнымъ послѣднее свое показаніе и обратиться къ прежнему. И такъ, при возвращеніи его изъ замка, мы старались тщательно замѣ-

Digitized by Google

чать всѣ черты его лица, чтобы видѣть, въ какомъ расположеніи духа онъ находится, а такъ какъ нынѣ позволено намъ было иногда выходить изъ клѣтокъ, грѣться у огня и прохаживаться по коридорамъ, то мы научали потихоньку матросовъ, чтобъ они вывѣдывали у Алексѣя, о чемъ его спрашивали, и что̀ онъ отвѣчалъ, и если онъ сообщитъ имъ что нибудь для насъ благопріятное, возвѣстить намъ о томъ, кашлянувъ нѣсколько разъ, а въ противномъ случаѣ молчать; однако же, къ удовольствію нашему, всякій вечеръ они подымали такой кашель, какъ будто между ими было повѣтріе; но когда намъ удавалось потихоньку разговаривать съ матросами, они чрезвычайно подозрѣвали Алексѣя, и думали, что онъ хитритъ и объявляетъ Японцамъ совсѣмъ другое, и не такъ, какъ говоритъ намъ. Въ доказательство сему они приводили нѣкоторыя его покушенія вывѣдать у нихъ настоящую причину прихода нашего къ Курильскимъ Островамъ, и то, что иногда онъ имъ совѣтовалъ открыть Японцамъ прямо все извѣстное имъ о нашихъ намѣреніяхъ; мы же трое полагали, что какое бы ни было прежнее намѣреніе Алексѣя, но теперь онъ говоритъ искренно и рѣшился утверждать правду, что бы съ нимъ не случилось.

Японцы, отобравъ у Алексѣя все, что имъ было нужно, привели насъ къ губернатору. Первый вопросъ его былъ, дѣйствительно ли правда, что Русскіе не посылали Курильцевъ къ ихъ берегамъ, а потомъ спросилъ, когда Алексѣй признался намъ, что они обманули Японцевъ. Тутъ вышло несогласіе въ отвѣтахъ: Алексѣй, не понявъ хорошенько нашего наставленія, сказалъ не то, что должно, чему Японцы много смѣялись. Мы не понимали, что они по сему случаю говорили между собою, но казалось, что они подозрѣвали насъ и Алексѣя въ выдумкѣ сего способа отвергнуть прежнее показаніе Курильцевъ; но Алексѣй не робѣлъ, и, смѣло подтверждая свое объявленіе, требовалъ очной ставки съ его товарищами, о которыхъ Японцы никогда достовѣрно намъ не сказывали, отпустили ли они ихъ съ Итурупа по отбытіи Діаны, или задержали; изъ караульныхъ же нашихъ, на

вопросы наши, всѣ они говорили разное; одни увѣряли, что ихъ отпустили, другіе утверждали нѣтъ, а нѣкоторые отзывались незнаніемъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но въ сей разъ мы возвратились домой въ большой горести, полагая, что Японцы непремѣнно считаютъ объявленіе Алексѣя выдумкою и обманомъ, которые, натурально, должны они приписывать нашему изобрѣтенію, что, конечно, послужитъ несравненно къ большему еще противъ насъ предубѣжденію. «Теперь уже, говорили мы, Японцы имѣютъ полное право поступить съ нами, какъ съ шпіонами и обманщиками, хотя, впрочемъ, сколь мы ни правы, но невинность наша извѣстна только одному Богу и намъ.» Мысль о вѣчномъ заключеніи и о томъ, что мы уже никогда не увидимъ своего отечества, приводила насъ въ отчаяніе, и я въ тысячу кратъ предпочиталъ смерть тогдашнему нашему состоянію. Японцы, примѣтивъ наше уныніе, старались насъ успокоивать, нѣсколько улучшили нашъ столъ, и подъ видомъ попеченія о нашемъ здоровьѣ, дали намъ по другому спальному халату на ватѣ, а наконецъ, 19-го Ноября, съ изъявленіемъ большой радости, повели насъ всѣхъ въ замокъ. До представленія нашего губернатору, переводчикъ, караульные наши и работники были очень веселы, и увѣряли насъ, что губернаторъ объявитъ намъ весьма пріятную новость; но мы ни мало не понимали, что бъ это была за радостная вѣсть, которую буніосъ намѣренъ намъ сообщить. Долго очень ждали мы въ передней, пока не ввели насъ въ присутственное мѣсто, гдѣ находились почти всѣ городскіе чиновники; напослѣдокъ вышелъ и буніосъ. Занявъ свое мѣсто, спросилъ онъ насъ, здоровы ли мы (*), а потомъ спрашивалъ, дѣйствительно ли все то правда, что написали мы о своевольствѣ Хвостова, и о томъ, что приходили къ ихъ берегамъ

(*) Надобно сказать, что онъ и прежде почти всякій разъ, при свиданіи съ нами, привѣтствовалъ насъ вопросомъ о состояніи нашего здоровья, а иногда еще сверхъ того спрашивалъ, всѣмъ ли мы довольны, каково насъ содержатъ, и не дѣлаютъ ли намъ какихъ обидъ.

безъ всякихъ непріязненныхъ видовъ. Когда мы это подтвердили, онъ произнесъ довольно длинную рѣчь, которую Алексѣй не въ силахъ былъ перевести какъ должно; но, по обыкновенію своему, пересказалъ намъ главное ея содержаніе. Вотъ въ чемъ она состояла: прежде сего Японцы думали, что мы хотѣли грабить и жечь ихъ селенія; къ такому заключенію дали поводъ поступки Хвостова и другія обстоятельства, намъ уже извѣстныя; почему они, заманивъ насъ къ себѣ въ крѣпость, силою задержали съ намѣреніемъ узнать причину непріязненныхъ поступковъ Россіянъ, которымъ Японцы никогда ни малѣйшаго зла не сдѣлали и не намѣрены были дѣлать; теперь же, услышавъ отъ насъ, что нападенія на нихъ были учинены торговыми судами, не только безъ воли Государя и Правительства Россійскаго, но даже безъ согласія хозяевъ тѣхъ судовъ; онъ (то есть губернаторъ) всему этому вѣритъ, и почитаетъ насъ невинными, почему и рѣшился тотчасъ снять съ насъ веревки и улучшить наше состояніе, сколько онъ въ правѣ сдѣлать; и если бъ отъ него зависѣло дать намъ свободу и способы возвратиться въ Россію, то онъ, не медля ни мало, отпустилъ бы насъ, но мы должны знать, что матсмайскій буніосъ не есть глава государства, и что Японія имѣетъ государя и высшее правительство, отъ которыхъ, въ важныхъ случаяхъ, онъ долженъ ожидать повелѣній, почему и теперь безъ ихъ воли освободить насъ не смѣетъ; впрочемъ увѣряетъ онъ насъ, что съ его стороны будутъ употреблены всѣ способы, чтобы преклонить ихъ правительство въ нашу пользу, и убѣдить оное къ позволенію намъ возвратиться въ свое отечество, и что на сей конецъ посылаетъ онъ въ столичный городъ Эддо, нарочно съ нашимъ дѣломъ, одного изъ первыхъ матсмайскихъ чиновниковъ, который будетъ стараться объ окончаніи онаго съ желаемымъ успѣхомъ. Между тѣмъ совѣтуетъ намъ не предаваться отчаянію, молиться Богу (*), и ожидать съ

(*) Всякій почти разъ, утѣшая насъ, напоминалъ онъ намъ о Богѣ, что весьма для насъ было пріятно. Мы радовались что по крайней мѣрѣ народъ, къ которому судьбѣ угодно было

спокойнымъ духомъ рѣшенія японскаго государя. Когда Алексѣй кончилъ свое изъясненіе, и Японцы увѣрились, что мы его поняли, тогда тотчас велѣли караульнымъ снять съ насъ веревки, и стали насъ поздравлять, какъ по наружности казалось, съ непритворною радостью, а двое изъ нихъ (*) такъ были тронуты симъ явленіемъ, что у нихъ показались на глазахъ слезы. Мы благодарили губернатора и чиновниковъ за доброе ихъ къ намъ расположеніе и за участіе, принимаемое ими въ нашей судьбѣ. Послѣ сего онъ откланялся и вышелъ; тогда и насъ вывели изъ присутственнаго мѣста. Тутъ начали насъ поздравлять караульные наши и работники, и даже посторонніе люди, отъ большаго до малаго, которые пришли изъ любопытства насъ видѣть.

Возвратясь въ свою темницу, нашли мы ее, къ крайнему нашему удивленію, совершенно въ другомъ видѣ. Непонятно, какъ скоро Японцы дѣлаютъ все, что только захотятъ. Переднія рѣшетки у нашихъ клѣтокъ были вынуты до основанія, и клѣтки соединены съ переднимъ коридоромъ, во всю длину коего успѣли они настлать полъ изъ досокъ и покрыть его весьма чистыми, новыми матами, такъ что онъ представлялъ длинную, довольно опрятную залу, по которой мы могли прохаживаться всѣ вмѣстѣ. На очагахъ кругомъ сдѣлали обрубы, гдѣ поставили для каждаго изъ насъ по чайной чашкѣ, а на огнѣ стоялъ мѣдный чайникъ съ чаемъ (**);

ввергнуть насъ въ плѣнъ, понимаетъ и помнитъ, что есть Вышнее Существо, владыка всѣхъ языковъ, которому рано или поздно должны мы будемъ дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ.

(*) Первый по губернаторѣ чиновникъ, именемъ Сутцыки-Дзиннъ-нне и нашъ переводчикъ Кумаджеро.

(**) У Японцевъ огонь съ очага ни лѣтомъ, ни зимою не сходитъ отъ утра до вечера. Они безпрестанно сидятъ около него и курятъ табакъ, какъ мужчины, такъ и женщины, а на очагѣ всегда стоитъ чайникъ съ чаемъ, ибо чай есть обыкновенное ихъ питье для утоленія жажды; когда нѣтъ чаю, они пьютъ

Digitized by Google

сверхъ того, для каждаго было приготовлено по курительной трубкѣ и по кошельку съ табакомъ; вмѣсто рыбьяго жира горѣли свѣчи. Мы крайне удивились такой нечаянной и скорой перемѣнѣ. Лишь только мы пришли въ свое жилище, явились нѣкоторые изъ чиновниковъ съ своими дѣтьми; они насъ поздравляли, сѣли вмѣстѣ съ нами къ огню, курили табакъ и разговаривали; словомъ сказать, теперь они обходились съ нами не какъ съ узниками, а какъ съ гостями. Ужинъ подали намъ не просто въ чашкахъ какъ прежде, но, по японскому обыкновенію, на подносахъ. Посуда вся была новая, и для насъ троихъ лучшаго разбора, нежели для прочихъ; кушанье же было для всѣхъ одинаково, только несравненно лучше прежняго, и саги не разносили чашечками по порціямъ, какъ то прежде бывало, но поставили передъ нами, какъ у насъ ставится вино.

Такая чрезвычайная перемѣна обрадовала насъ тѣмъ болѣе, что возродила большую надежду увидѣть еще свое отечество, и эта ночь была еще первая во все время нашего плѣна, въ которую мы спали довольно покойно.

На другой и на третій день мы также были очень покойны и веселы, считая возвращеніе свое въ Россію не только возможнымъ или вѣроятнымъ, но почти вѣрнымъ; однако жъ радость наша не была продолжительна: новыя происшествія опять вселили въ насъ подозрѣніе въ искренности Японцевъ, и хотя изъявленная ими радость при перемѣнѣ нашего состоянія и поздравленія ихъ ни мало не походили по наружности на притворство, но мы разсуждали, что Японцы, для собственныхъ своихъ выгодъ, дорого цѣнятъ нашу жизнь, и потому, для сохраненія оной, имъ нѣтъ ничего невозможнаго. Такой хитрый, проницательный и тонкій народъ можетъ играть всякую роль, какую хочетъ, и не мудрено, если все видимое нами есть только комедія. Вотъ что подало намъ причину сомнѣваться въ ихъ искренности, во-первыхъ: содержаніе наше столомъ они тотчасъ

теплую воду, холодной же воды никакъ пить не могутъ; они даже вино подогрѣтое предпочитаютъ холодному.

Digitized by Google

свели на прежнее, такъ что кромѣ посуды ни въ чемъ не было ни какой разности, и свѣчей намъ давать не стали, а употребляли рыбій жиръ. Важнѣе же всего было то, что снятыя съ насъ веревки, караульные нами принесли и опять повѣсили въ томъ же мѣстѣ, гдѣ онѣ прежде обыкновенно висѣли. Второе: еще до послѣдней перемѣны, мы слышали, что кунаширскій начальникъ, обманувшій насъ, помощникъ его и чиновникъ, давшій намъ письмо на Итурупѣ, пріѣхали въ Матсмай; но нынѣ буніосъ рѣшился призвать Алексѣя къ себѣ въ ихъ присутствіи, и спрашивать его опять, какимъ образомъ Курильцы обманули Японцевъ, сказавъ, будто они посланы Русскими, и точно ли это правда; причина же сему была та, что они объявили это сперва помянутымъ кунаширскимъ чиновникамъ. Изъ сего слѣдовало, что дѣло наше буніосъ не полагалъ совершенно конченнымъ; Алексѣй же, возвратясь изъ замка, сказывалъ; что губернаторъ стращалъ его смертною казнію за перемѣну прежняго показанія; но Алексѣй былъ твердъ, сказалъ, что смерти не боится и готовъ умереть за правду, почему губернаторъ, обративъ угрозы свои въ шутку, совѣтовалъ ему быть покойнымъ и не думать о томъ, что онъ говорилъ; съ тѣмъ и отпустилъ Алексѣя, сказавъ, что чрезъ нѣсколько времени призоветъ его опять. Третье: Кумаджеро привелъ къ намъ молодаго человѣка лѣтъ двадцати пяти, по имени Мураками-Теске, и сказалъ, что буніосу угодно, чтобъ мы учили его по-русски, для того, чтобъ они вмѣстѣ могли повѣрить переводъ нашего дѣла, котораго теперь Японское Правительство не можетъ признать дѣйствительнымъ, потому что переводилъ одинъ переводчикъ, а не два; но когда мы спросили, что же значитъ объявленіе буніоса, что онъ показанію нашему вѣритъ и въ слѣдствіе того облегчаетъ нашу участь и обѣщаетъ доставить намъ свободу, то онъ отвѣчалъ, что буніосъ объявилъ собственныя свои мысли, но для правительства нужно, чтобъ означенная бумага была переведена двумя переводчиками. Мы этимъ предложеніемъ чрезвычайно были тронуты, и полагая навѣрное, что тутъ непремѣнно кроется обманъ, сказали прямо переводчику, съ досадою: «Мы видимъ,

Digitized by Google

что Японцы насъ обманываютъ, и отпустить не намѣрены, но хотятъ только сдѣлать изъ насъ учителей, а мы ихъ увѣряемъ, что они ошибаются, мы готовы лишиться жизни, а учить ихъ не станемъ; если бъ мы увѣрены были, что Японцы намѣрены точно возвратить насъ въ Россію, то день и ночь до самаго времени отъѣзда, стали бы ихъ учить всему, что мы сами знаемъ, но теперь, видя обманъ, не хотимъ.» Кумаджеро смѣялся, и увѣрялъ насъ, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго обмана, и что мы такъ мыслимъ по незнанію японскихъ законовъ. Наконецъ Гг. Муръ и Хлѣбниковъ и я сдѣлали между собою совѣтъ, какъ намъ поступить: учить новаго переводчика или нѣтъ, и по нѣкоторомъ разсужденіи, согласились учить понемногу до весны, а тамъ увидимъ, рѣшатся ли Японцы отпустить насъ.

Сіе происшествіе повергло насъ вновь въ мучительную неизвѣстность. Между тѣмъ Алексѣя опять водили къ буніосу, и по возращеніи его, на вопросы наши, о чемъ его спрашивали, онъ отвѣчалъ сухо: «о томъ же, о чемъ и прежде,» такъ что мы боялись, не отперся ли онъ отъ послѣдняго своего объявленія, и не сказалъ ли, что мы его научали говорить это.

Новый переводчикъ Теске, получивъ наше согласіе на обученіе его Русскому Языку, не замедлилъ явиться къ намъ съ ящикомъ, наполненнымъ разными бумагами, въ которомъ находились прежніе словари, составленные Японцами, бывшими въ Россіи, и тетради, заключавшія въ себѣ свѣдѣнія, которыя они сообщили своему правительству о Россіи и обо всемъ видѣнномъ ими внѣ своего государства. Вмѣстѣ съ Теске стали къ намъ ходить также лекарь Того и Кумаджеро. Послѣдній объявилъ намъ желаніе буніоса, чтобы сверхъ обученія Русскому Языку, сообщили мы Теске статистическое описаніе Россіи и другихъ Европейскихъ Государствъ; за что Японцы будутъ намъ весьма благодарны. Усматривая, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ изъ этого можетъ быть не только собственно для насъ, но и для Россіи нѣкоторая польза, когда мы сообщимъ Японцамъ то, что намъ нужно было довести до ихъ свѣдѣнія, мы охотно на это согласились, но въ предосторожность, чтобы

Digitized by Google

они слишкомъ намъ не докучали спросами своими о разныхъ мелочахъ или о томъ, чего имъ знать недолжно, сказали мы, что они не могутъ надѣяться получить всѣ свѣдѣнія, которыя захотѣли бы имѣть о Россіи, отъ людей, почти всю жизнь свою проведшихъ на морѣ, и не имѣвшихъ случая многое видѣть и узнать (*). Японцы отвѣчали намъ на это учтивымъ образомъ, что они и тѣмъ будутъ довольны, что мы въ состояніи будемъ имъ сообщить.

Теске въ первый день, такъ сказать, своего урока, показалъ намъ необыкновенныя свои способности: онъ имѣлъ столь обширную память и такое чрезвычайное понятіе и способность выговаривать русскія слова, что мы должны были сомнѣваться, не знаетъ ли онъ Русскаго Языка, и не притворяется ли съ намѣреніемъ; по крайней мѣрѣ думали мы, долженъ быть ему извѣстенъ какой нибудь европейскій языкъ. Онъ прежде еще выучилъ наизусть много нашихъ словъ отъ Кумаджера, только произносилъ ихъ не такъ; причиною сему былъ дурной выговоръ учителя; но онъ въ первый же разъ примѣтилъ, что Кумаджеро не такъ произноситъ, какъ мы, и тотчасъ попалъ на нашъ выговоръ, что заставило его съ самаго начала повѣрить собранный Кумаджеромъ словарь, въ которомъ надъ каждымъ словомъ ставилъ онъ свои отмѣтки для означенія нашего выговора.

Ученики наши ходили къ намъ почти всякій день, и были у насъ съ утра до вечера, уходя только на короткое время обѣдать, а въ дурную погоду и обѣдъ ихъ приносили къ нимъ въ нашу тюрьму (**). Теске весьма скоро

(*) Въ числѣ присланныхъ къ намъ книгъ было англійское сочиненіе Г. Тука: Обозрѣніе Россійской Имперіи, гдѣ заключалось касательно Россіи все то, что Японцамъ хотѣлось знать, но мы не сказали имъ подлиннаго содержанія сей книги, опасаясь, чтобы они не стали принуждать насъ переводить оную, а также и по другимъ причинамъ.

(**) Японцы между мѣстомъ нашего заключенія и настоящею тюрьмою дѣлали различіе: первое называли они *оксіо*, а послѣднюю *ро;* разность же, по словамъ ихъ, состояла въ томъ что въ тюрьмѣ нѣтъ огня, не даютъ ни чаю, ни табаку, ни саги, (которую нынѣ стали намъ давать чрезъ четыре или пять дней

Digitized by Google

выучился читать по-русски, и началъ тотчасъ записывать слова, отъ насъ слышанныя, въ своей словарь, русскими буквами по алфавиту, чего Кумаджеру никогда въ голову не приходило. Теске выучивалъ въ одинъ день то, чего Кумаджеро въ двѣ недѣли немогъ узнать. Отбирая у насъ и записывая рачительно на своемъ языкѣ свѣдѣнія о Россіи и о другихъ европейскихъ земляхъ, не упускалъ онъ изъ виду и слова наши, встрѣчавшіяся при объясненіи, вносить въ лексиконъ съ своими замѣчаніями. Теске спрашивалъ насъ по описаніямъ Японцевъ, бывшихъ въ Россіи, такъ ли это, правда ли то и то, а изъ сего выходили случаи, которые подавали ему поводъ къ новымъ вопросамъ, и часто дѣлалъ онъ намъ вопросы отъ себя. Теперь уже и намъ позволено было имѣть чернилицу и бумагу въ своемъ распоряженіи, и писать что хотимъ; почему и стали мы сбирать японскія слова, но замѣчанія наши записывать мы опасались, подозрѣвая, что Японцы вздумаютъ со временемъ отобрать наши бумаги.

Чрезъ нѣсколько дней знакомства нашего съ Теске, привелъ онъ къ намъ своего брата, мальчика лѣтъ четырнадцати, и сказалъ: губернатору угодно, чтобъ вы его учили по-русски. «Мало ли что угодно вашему губернатору, отвѣчали мы съ досадою, но не все то расположены мы дѣлать, что ему угодно: мы вамъ сказали прежде уже, что лучше лишимся жизни, нежели останемся въ Японіи въ какомъ бы то ни было состояніи, а учителями быть и очень не хотимъ; теперь же видимъ довольно ясно, къ чему клонятся всѣ ваши ласки и увѣренія. Одного переводчика, по словамъ вашимъ, было недостаточно для перевода нашего дѣла, нуженъ былъ другой; этого законъ

по двѣ чайныя чашки), а также и кормятъ гораздо хуже, и даже кашу даютъ порціями; впрочемъ образъ строенія и строгость караула одинаковы. Мы сначала думали, что оксіо значитъ мѣсто для содержанія плѣнныхъ; но послѣ узнали, что въ извѣстныхъ случаяхъ они и своихъ людей въ такихъ мѣстахъ содержатъ. И такъ по всему можно назвать это мѣсто тюрьмою высшей степени.

Digitized by Google

вашъ требовалъ, какъ вы насъ увѣряли; мы согласились учить другаго, а спустя нѣсколько дней является мальчикъ, чтобы и его учить; такимъ образомъ въ короткое время наберется цѣлая школа; но этому никогда не бывать: мы не станемъ учить; насъ здѣсь мало, и мы безоружны; вы можете насъ убить, но учить мы не хотимъ.» Отвѣтъ нашъ чрезвычайно раздражилъ Теске. Бывъ вспыльчиваго нрава, онъ вмигъ разгорячился, заговорилъ, противъ японскаго обычая, очень громко и съ угрозами. страшая насъ, что мы принуждены будемъ учить противъ нашей воли, и что мы должны все то дѣлать, что намъ велятъ, а мы также съ гнѣвомъ опровергали его мнѣніе, и увѣряли, что никто въ свѣтѣ надъ нами не имѣетъ власти кромѣ Русскаго Государя; умертвить насъ легко, но принудить къ чему либо, противъ нашей воли, невозможно. Такимъ образомъ мы побранились не на шутку, и принудили его оставить насъ съ досадою и почти въ бѣшенствѣ. Мы опасались, не произведетъ ли ссора сія какихъ нибудь непріятныхъ для насъ послѣдствій, однако жъ ничего не случилось. На другой день Теске явился къ намъ съ веселымъ видомъ, извинялся въ томъ, что онъ наканунѣ слишкомъ разгорячился, и оскорбилъ насъ своею неосторожностью, чему причиною поставлялъ онъ отъ природы свойственный ему вспыльчивый характеръ, и просилъ, чтобы позабывъ все прошедшее, мы были съ нимъ опять друзьями. Мы, съ своей стороны, также сдѣлали ему учтивое извиненіе, тѣмъ и помирились. Онъ и въ этотъ разъ привелъ къ намъ своего брата, но не съ тѣмъ, чтобъ бралъ у насъ урокъ, а какъ гостя; однако жъ послѣ, дня чрезъ два, опять напоминалъ, что губернаторъ желаетъ сдѣлать изъ него русскаго переводчика, и хорошо было бы, если бъ мы стали его учить. Онъ говорилъ это подъ видомъ шутки, и мы отвѣчали ему шутя, что если Японцы помирятся съ Россіею, и будутъ намъ друзьями, то брата его и нѣсколько еще мальчиковъ мы можемъ взять въ Россію, гдѣ они научатся не только Русскому Языку, но и многому другому для нихъ полезному, а если они не хотятъ съ нами жить въ дружбѣ, то и мы учить его не хотимъ,

Digitized by Google

да и ему зачѣмъ ломать голову по-пустому? Послѣ того онъ уже никогда не напоминалъ намъ объ ученіи его брата.

Между тѣмъ, искренни ли были увѣренія буніоса, когда онъ облегчилъ нашу участь, мы тогда точно не знали, но видѣли, что верховное японское правительство неслишкомъ было расположено намъ вѣрить. Члены онаго даже сомнѣвались въ справедливости сдѣланнаго нами перевода письму, оставленному офицерами Діаны, а чтобъ повѣрить точность онаго, и узнать, не обманули ли мы ихъ, употребили слѣдующее забавное средство: въ тетради, раздѣленной на четыре столбца, помѣстили въ одномъ изъ нихъ, по алфавиту, всѣ слова, заключающіяся въ помянутомъ письмѣ, кромѣ тѣхъ только, которыхъ значеніе они сами могли понять, какъ то: мое имя, слово Японцы и имена подписавшихся офицеровъ; на концѣ было подписано: *Тигръ дорностъ*, а потомъ: *знакъ васъ Англія, Франція или Голландія висать И. Гоолъ*. Первой изъ сихъ подписей мы не могли понять, но немудрено было угадать, что послѣдняя значила: Японцы хотѣли, чтобы въ порожнихъ столбцахъ выставили мы противъ каждаго слова, на Англійскомъ, Французскомъ и Голландскомъ Языкахъ, значенія онаго; но что значитъ И. Гоолъ, мы не понимали. Они намъ сказали, что тетрадь эта прислана къ нимъ изъ столичнаго города, но изъ какой бумаги выбраны находящіяся въ ней слова, и кто ее составлялъ, имъ неизвѣстно, но думаютъ, что писалъ ее какой нибудь Японецъ, знающій Голландскій Языкъ. Примѣтивъ этотъ забавный обманъ, мы и сами притворились, что не понимаемъ, изъ какой бумаги слова сіи могли бы быть выбраны, и что смыслу имъ никакъ дать не можемъ, а особливо потому, что много есть тутъ словъ, которыхъ нѣтъ въ Русскомъ Языкѣ; подъ симъ мы разумѣли нѣкоторыя слова, которыя начинаются съ буквы *с*, но написаны, въ сдѣланномъ Японцами словарѣ, подъ буквою *е*, напримѣръ, *еекунду* (секунду), *ередство* (средство) и т. п. Впрочемъ надобно было полагать, по чистотѣ письма, и по правильности почерка, что составлялъ его какой нибудь Европеецъ, не разумѣющій однако жъ ни мало Русскаго

Digitized by Google

Языка (*), потому, что кромѣ вышепомянутой ошибки, онъ ставилъ слова точно въ томъ же числѣ и падежѣ, какъ онѣ находились въ письмѣ, а въ другихъ, вмѣсто *н* писалъ *к*, и тому подобное. Но удовлетворить требованію Японцевъ мы отказались, объявивъ имъ, что по всей вѣроятности мы имѣемъ причину думать, что если написаны нами будутъ иностранныя слова, соотвѣтствующія тѣмъ, которыя находятся въ тетради, то смыслъ онымъ послѣ станутъ давать голландскіе переводчики, которые, какъ извѣстно, недоброжелательствуютъ Русскимъ; доказательствомъ чему служитъ собственное ихъ признаніе, что они много пособили произвести ссору между Японцами и Резановымъ, а потому мы боимся, чтобъ они и этой бумаги не перетолковали на свой ладъ къ нашему вреду; но если они покажутъ намъ ее всю, такъ какъ она написана, а не порознь слова, мы переведемъ ее охотно. Японцы тотчасъ къ намъ привязались, и спрашивали, какимъ образомъ голландскіе переводчики могли участвовать въ ссорѣ между ими и Резановымъ. Тутъ мы разсказали имъ о письмѣ, перехваченномъ на кораблѣ Англичанами, въ коемъ Голландцы сами признаются, что успѣли внушить Японцамъ ненависть къ Русскимъ, которыхъ отправили они съ такимъ отвѣтомъ, что Русскіе не пожелаютъ болѣе приходить въ Японію (**). На вопросъ ихъ,

---

(*) Послѣ уже, спустя нѣсколько времени, сказывалъ намъ Теске, что писалъ сію бумагу одинъ Голландецъ, по имени Лаксманъ, согласившійся добровольно, за большую плату, никогда не выѣзжать изъ Японіи. Онъ живетъ въ японской столицѣ Эддо, и занимается астрономическими наблюденіями и сочиненіемъ картъ.

(**) Когда мы, со шлюпомъ Діаною, находились въ Портсмутѣ, тамъ былъ тогда агентъ, или повѣренный по дѣламъ призовъ, именемъ Броунъ, съ которымъ мы познакомились. Однажды, услышавъ отъ Г. Рикорда, что Резановъ умеръ, сказалъ онъ: ѳто къ лучшему для него, иначе какъ бы сталъ онъ терзаться, допустивъ Голландцевъ обмануть себя. На вопросъ Г. Рикорда, выразилъ онъ мысли свои такимъ образомъ: Однажды привели въ Портсмутъ плѣнное голландское судно, шедшее изъ Батавіи въ Амстердамъ, и бумаги, на ономъ взятыя, доставили по обык-

Digitized by Google

зачѣмъ прежде мы не открыли имъ объ этомъ обстоятельствѣ, отвѣчали мы, что намъ сомнительно было, повѣрятъ ли этому Японцы. Притомъ же мы думали, что они, употребляя своихъ переводчиковъ, не хотятъ вмѣшивать въ это дѣло Голландцевъ; но коль скоро мы видимъ, что теперь дѣло доходитъ до нихъ, то отнюдь не хотимъ дать имъ способа въ другой разъ сдѣлать зло и Японцамъ, и намъ. Тогда разсказали мы имъ нѣкоторые, весьма справедливые анекдоты о поступкахъ Восточно-Индійской и Западно-Индійской Компаній сего народа, и сколь честны онѣ бываютъ, когда дѣло дойдетъ до торговли. Во всемъ этомъ сослались мы на бывшую у насъ англійскую книгу, въ которой дѣянія сихъ обществъ описаны довольно подробно. Послѣ того Японцы не стали уже принуждать насъ къ употребленію въ семъ дѣлѣ иностранныхъ языковъ, а просили объяснить имъ хорошенько значеніе каждаго слова съ тѣмъ, чтобъ они могли выставить въ пустыхъ столбцахъ, вмѣсто иностранныхъ, слова японскія, имъ равнозначащія. Мы на это согласились. Работа сія, продолжавшаяся нѣсколько дней, стоила много труда японскимъ чиновникамъ, а намъ причинила безпокойство и досаду. По окончаніи оной, взялись они за бумагу Хвостова, которую также надлежало переводить.

Между тѣмъ сказано намъ было, что отправляемый съ нашимъ дѣломъ въ столицу чиновникъ сбирается въ дорогу, и что съ нимъ буніосъ посылаетъ на показъ къ императору своему по одной изъ каждаго сорта нашихъ вещей, и въ томъ числѣ хочетъ послать нѣсколько книгъ; но

новенію къ нему; въ числѣ ихъ находилось письмо секретаря Батавскаго Совѣта къ Голландскому Правительству, коимъ, съ отношенія Голландцевъ, живущихъ въ Нангасаки, онъ доноситъ о посольствѣ Г. Резанова, и между прочимъ упоминаетъ, что переводчикамъ ихъ удалось дѣло это кончить хорошо, и склонить Японцевъ на такое мнѣніе о Россіи, что они выслали Резанова, давъ ему отвѣтъ, который, вѣроятно, отучитъ Русскихъ ходить въ Японію. По приходѣ нашемъ въ Камчатку, я донесъ о семъ случаѣ Правительству, и извѣстилъ коммиссіонера Россійско-Американской Компаніи.

какъ онъ намѣренъ позволять намъ отъ скуки читать наши книги, то и велѣлъ намъ отобрать, которыя желаемъ мы оставить у себя; для чего переводчики принесли къ намъ и ящикъ нашъ съ книгами. Выбравъ нѣсколько книгъ, мы ихъ отложили въ сторону, въ надеждѣ, что Японцы хотятъ оставить ихъ у насъ; но не такъ случилось: они только ихъ раздѣлили и положили на нихъ свои знаки, а съ какимъ дѣйствительно намѣреніемъ, мы не знали; впрочемъ унесли ящикъ назадъ, не оставивъ у насъ ни одной книги. При разборѣ книгъ случилось одно происшествіе, которое привело насъ въ большое замѣшательство, и причинило намъ большое безпокойство: Кумаджеро, перевертывая листы въ одной изъ нихъ, нашелъ между ними красный листокъ бумажки, на которомъ было напечатано что-то по-японски; такіе билетцы они привязываютъ къ своимъ товарамъ; и я вспомнилъ, что принесъ его ко мнѣ на показъ въ Камчаткѣ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, и послѣ онъ остался у меня въ книгѣ вмѣсто закладки (*). Кумаджеро, прочитавъ листокъ, спросилъ, какой онъ, откуда и какъ попалъ въ мою книгу. На вопросы его я сказалъ: думаю, что листокъ этотъ китайскій; получилъ же я его, не помню какимъ образомъ, въ Камчаткѣ, и употреблялъ въ книгѣ вмѣсто закладки. Да, такъ, китайскій, сказалъ онъ, и тотчасъ его спряталъ. Теперь мы стали опасаться, чтобъ не вышло новаго слѣдствія, и Японцы не сочли бы насъ участниками въ нападеніяхъ Хвостова. Боже мой! думалъ я: возможно ли быть такому стеченію обстоятельствъ, что даже самыя ничего незначащія бездѣлицы, въ другихъ случаяхъ не заслуживающія ни какого вниманія, теперь клонятся къ тому, чтобы запутать насъ болѣе и болѣе, и притомъ въ глазахъ такого осторожнаго, боязливаго и недовѣрчиваго народа, который всякую малость взвѣшиваетъ и беретъ на замѣчаніе! Надобно же было такъ случиться, чтобы я читалъ тогда книгу, когда листокъ этотъ ко мнѣ былъ принесенъ, чтобъ понадобилась мнѣ въ

(*) Это былъ ярлыкъ съ японскихъ вещей, которыя взяты Хвостовымъ на Итурупѣ, и привезены въ Камчатку.

Digitized by Google

то время закладка, и наконецъ, чтобы книга находилась въ томъ изъ семи или осьми ящиковъ, который товарищамъ нашимъ разсудилось послать къ намъ! Мы часто говорили между собою, что и писатель романовъ едва ли могъ бы прибрать и соединить столько приключеній несчастныхъ *для* своихъ лицъ, сколько въ самомъ дѣлѣ надъ нами совершается; почему иногда шутили надъ Г. Муромъ, который былъ моложе насъ, а притомъ человѣкъ видный, статный и красивый собою, совѣтуя ему постараться вскружить голову какой нибудь знатной Японкѣ, чтобъ посредствомъ ея помощи уйти намъ изъ Японіи, и ее склонить бѣжать съ собою. Тогда наши приключенія были бы совершенно уже романическія; теперь же недостаетъ только женскихъ ролей.

Предъ отправленіемъ назначеннаго ѣхать въ столицу чиновника, приводили насъ къ буніосу. Онъ желалъ, чтобы мы показали сему чиновнику, какимъ образомъ Европейцы носятъ свои шпаги и шляпы, и велѣлъ ихъ принесть. Любопытство ихъ и желаніе знать всякую бездѣлицу простиралось до того, что они спрашивали насъ что значитъ, если офицеръ надѣнетъ шляпу вдоль (*), всѣ ли ихъ носятъ поперегъ, и всегда ли угломъ впередъ или иногда назадъ. Они удивлялись и, казалось, не вѣрили намъ, когда мы имъ сказали, что въ строю, для виду и порядка, офицеры носятъ шляпы, такимъ образомъ, впрочемъ кто какъ хочетъ, а въ чинахъ и въ достоинствѣ это не показываетъ никакой разности. Послѣ сего дошло дѣло до матросовъ, какимъ образомъ они носятъ свои шляпы (**). Наконецъ послѣ всего

(*) Т. е. по военному сказать, *вполя*.

(**) Говоря о шляпахъ, я долженъ разсказать здѣсь одно странное происшествіе. Когда Японцы насъ брали въ Кунаширѣ, у нѣкоторыхъ изъ нашихъ матросовъ упали шляпы съ головы, и Японцы изрубили оныя въ разныхъ мѣстахъ саблями, а въ Матсмаѣ, когда мы содержались еще въ клѣткахъ, они хотѣли, чтобъ матросы ихъ зашили; но тѣ говорили, что безъ шила и безъ ножницъ этого сдѣлать нельзя, что, впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего мудренаго, и Японцы сами могутъ зашить; но они непремѣнно хотѣли, чтобы зашили

Digitized by Google

губернаторъ сказалъ, что живущимъ въ столицѣ любопытно будетъ видѣть ростъ такихъ высокихъ людей, какъ Русскіе, и что ему желательно было бы снять съ насъ мѣрку (*), почему насъ всѣхъ тогда же съ величайшею точностью смѣрили и ростъ нашъ записали; но этого было еще мало для любопытства Японцевъ: они хотѣли послать въ столицу наши портреты, и поручили снять ихъ Теске, о коемъ до сего времени мы и не знали, что онъ живописецъ. Теске нарисовалъ наши портреты тушью, но такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ годился для всѣхъ насъ: кромѣ длинныхъ нашихъ бородъ, не было тутъ ничего похожаго ни на одного изъ насъ; однако жъ Японцы отправили сіи рисунки въ столицу, и вѣрно ихъ тамъ приняли и поставили въ картинную галерею, какъ портреты бывшихъ въ плѣну у нихъ Русскихъ. Дня за два до своего отъѣзда, чиновникъ, отправлявшійся въ столицу, приходилъ къ намъ (**),

---

ихъ Русскіе; почему хотя прежде иголокъ намъ въ руки не давали, но теперь рѣшились дать и шило и ножницы. Японцы, искусные во всѣхъ рукодѣліяхъ, могли бы зашить шляпы лучше нашихъ матросовъ, но мы полагаемъ, сдѣлали это для того, чтобы въ столицѣ сказать, если спросятъ почему шляпы перерѣзаны и зашиты, что Русскіе сами это сдѣлали, не сказывая впрочемъ, когда и по какой причинѣ, ибо въ противномъ случаѣ, солдаты ихъ за храбрость, оказанную надъ шляпами, могли бы подвергнуться взысканію. Послѣ мы уже имѣли средства узнать, сколь тонки и оборотливы Японцы въ такихъ дѣлахъ.

(*) Мы трое въ Европѣ считались бы средняго роста; но между Японцами были великанами; матросы же наши и въ гвардіи Его Императорскаго Величества были бы изъ первыхъ, и такъ, какими исполинами они должны были казаться Японцамъ?

(**) Это было еще въ первый разъ, что чиновникъ такого ранга сдѣлалъ намъ посѣщеніе: чинъ его называется гинміягу, а должность губернаторскаго совѣтника, которыхъ здѣшній губернаторъ имѣетъ пять; двое изъ нихъ живутъ въ столицѣ для отдохновенія, двое находятся при немъ, и одинъ начальствуетъ въ Хакодаде. Сіи должности отправляютъ они поочереди, перемѣняясь погодно между собою и съ тѣми, которые живутъ въ столицѣ.

Digitized by Google

сказавъ, что пришелъ съ нами проститься и посмотрѣть, каково мы живемъ, чтобы онъ могъ о содержаніи нашемъ дать отчетъ своему правительству; притомъ увѣрялъ онъ насъ, что постарается всѣми мѣрами доставить нашему дѣлу самое счастливое окончаніе, и пожелавъ намъ здоровья, оставилъ насъ. Изъ Матсмая же поѣхалъ онъ въ исходѣ Декабря, взявъ съ собою бывшаго кунаширскаго начальника, помощника его, чиновника, давшаго намъ письмо на Итурупѣ, переводчиковъ Курильскаго Языка, употребленныхъ при нашихъ съ ними переговорахъ, и нѣсколько изъ здѣшнихъ чиновниковъ.

По отъѣздѣ ихъ мы думали имѣть покой, но ожиданіе наше было тщетно: чѣмъ болѣе Теске успѣвалъ въ нашемъ языкѣ, тѣмъ болѣе намъ было трудовъ; впрочемъ онъ намъ казался человѣкомъ добрымъ, откровеннымъ; многое мы отъ него узнали, чего Кумаджеро никогда бы намъ не сказалъ, да и ему иногда препятствовалъ раскзывать о нѣкоторыхъ вещахъ (*); вообще казалось, что Теске былъ расположенъ къ намъ лучше всѣхъ Японцевъ; онъ рѣдко приходилъ безъ какого нибудь гостинца, да и губернаторъ сталъ къ намъ еще снисходительнѣе: причиною сему также былъ Теске. Теперь мы узнали, что онъ отправлялъ у него должность секретаря, и былъ въ большой довѣренности, которую употребилъ въ нашу пользу и внушилъ ему самое выгодное о насъ мнѣніе, не смотря на то, что мы съ нимъ частенько ссорились. Причиною нашихъ ссоръ было не другое что, какъ несносное его любопытство, которымъ онъ докучалъ намъ ужаснымъ образомъ. Японцы говорили намъ нѣсколько разъ, что они ничего не дѣлаютъ вдругъ, а все понемногу, и на самомъ дѣлѣ подтверждали это: мы думали, что переводамъ нашимъ конецъ, но нѣтъ! Теске и Кумаджеро однажды принесли къ намъ написанную на японской бумагѣ слѣдующую надпись: «Здѣсь былъ россійскій фрегатъ Юнона, и назвалъ здѣшнее селеніе Се-

(*) Однажды Теске хотѣлъ намъ разсказать нѣчто о живущемъ у нихъ въ столицѣ Голландцѣ Лаксманѣ, но Кумаджеро тотчасъ что-то проворчалъ сквозь зубы, и Теске замолчалъ.

Digitized by Google

леніемъ Сомнѣнія.» Они сказали, что Хвостовъ въ одномъ ихъ селеніи, прибилъ къ стѣнѣ мѣдную доску съ сею надписью, которой теперь нужно имѣть имъ переводъ. Тутъ встрѣтилось новое затрудненіе: что такое *сомнѣніе*, что значитъ *селеніе сомнѣнія*, въ чемъ состояло это сомнѣніе и почему селеніе такъ названо? Во-первыхъ: Японцы не скоро поняли настоящій смыслъ слова сомнѣніе, а во-вторыхъ и понявъ оный, сами еще сомнѣвались, такъ ли понимаютъ; ибо, по ихъ мнѣнію, никакъ нельзя употребить сего слова въ такомъ видѣ и съ такою надписью; мы же съ нашей стороны и сами, не разумѣя что Хвостовъ хотѣлъ выразить словами: селеніе сомнѣнія, не могли никакъ Японцамъ изъяснить надписи надлежащимъ образомъ. Когда же мы ихъ увѣряли, что ни одинъ Русскій не понялъ бы подлинныхъ мыслей сочинителя надписи, почему онъ далъ такое имя селенію, то они, повидимому, сомнѣвались и думали, не обманываемъ ли мы ихъ, желая утаить смыслъ, заключающійся въ ней, который, можетъ быть, для насъ предосудителенъ. Надпись сія занимала насъ дня два или три, но и по окончаніи перевода Японцы остались въ подозрѣніи, что тутъ употреблена нами хитрость, и что мы конечно скрыли что нибудь для нихъ важное. Потомъ явилась къ намъ для перевода эпитафія, вырѣзанная штурманомъ Ловцовымъ подлѣ мѣстечка Немуро, на деревѣ, подъ которымъ похоронено тѣло умершаго отъ цынги матроса команды его, во время зимованія въ томъ мѣстѣ Лаксмана. Это дѣло кончено было въ часъ, потому что Японцы, безъ сомнѣнія, имѣя уже переводъ отъ самаго Лаксмана, тотчасъ увидѣли сходство съ нашимъ, и успокоились. Японцы какъ будто нарочно хотѣли занимать насъ безпрестанно переводами, чтобъ имѣть случай учиться Русскому Языку, но болѣе, кажется, происходило это отъ любопытства и недовѣрчивости; напримѣръ: показывали они намъ копію съ граматы, привезенной Резановымъ отъ нашего Государя къ Японскому; содержаніе ея конечно должно быть имъ извѣстно отъ слова до слова; но они хотѣли, чтобъ мы ее перевели для нихъ. При семъ случаѣ мы спрашивали у нихъ о настоящемъ титулѣ ихъ импе-

ратора, но они отвѣчали только, что онъ весьма длиненъ и помнить его трудно, и никогда намъ не сказывали. Равнымъ образомъ таили они отъ насъ и имя государя, хотя прямо и не отговаривались сказать оное, но всѣ они на наши вопросы, порознь сказывали разныя имена; это уже и значило, что подлинное его имя они скрывали. Мы только узнали, что по японскому закону, никто изъ подданныхъ не можетъ носить того имени (*), которое имѣетъ царствующій государь, почему, при самомъ вступленіи на престолъ наслѣдника, всѣ тѣ, которые имѣютъ одно съ нимъ имя, перемѣняютъ оное. Въ этой грамотѣ были прописаны всѣ подарки, посланные отъ нашего Двора къ японскому императору. Мы знали изъ путешествія Капитана Крузенштерна, что Японцы ихъ видѣли, но переводчики наши сначала хотѣли, чтобъ мы имъ объяснили что это за вещи, а потомъ уже признались, что они всѣмъ имъ имѣютъ у себя подробное описаніе, въ которомъ означены не только величина и свойство каждой вещи, но также, когда и гдѣ оныя дѣланы; описаніе это они намъ показы-

(*) У Японцевъ есть фамильныя имена и собственныя; только фамильное имя они ставятъ прежде, а собственное послѣ; напримѣръ: Вехара есть фамилія, а Кумаджеро собственное имя; говорятъ же и пишутъ Вехара Кумаджеро; въ разговорахъ весьма рѣдко употребляютъ оба имени, но которое нибудь одно, какъ въ фамиліярномъ разговорѣ, такъ и говоря съ почтеніемъ, съ тою только разностью, что въ послѣднемъ случаѣ употребляютъ слово *сама*, соотвѣтствующее нашему господинъ или сударь, которое придается и къ фамиліи и къ имени безъ разбора, но всегда ставится послѣ; напримѣръ: Вехара сама, Теске сама и проч. Слово сама весьма много значитъ у Японцевъ; его можно сравнить съ нашими словами: Господь, владыка, господинъ; напримѣръ: Тенто сама, значитъ Небесный Владыка, или Богъ; Кумбо сама, японскій гражданскій государь; Кинъ-рей-сама, японскій духовный государь (Кинъ-рей, имя его дома); обуніо—сама, губернаторъ; но къ другимъ чинамъ «сама» не прибавляютъ, напримѣръ не говорятъ: Гинміягу-сама и проч. Надобно знать, что выговоръ сего слова одинаковъ во всѣхъ вышепрописанныхъ случаяхъ; но пишется оно вездѣ различнымъ образомъ.

Digitized by Google

вали и нѣкоторыя мѣста изъ него переводили. Здѣсь надобно замѣтить, сколь умны и тонки Японцы: когда они хотятъ о чемъ нибудь узнать и станутъ спрашивать, то притворяются, что объ этомъ дѣлѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, и какъ будто въ первый разъ въ жизни объ немъ слышатъ, а когда распросятъ все, что имъ нужно было вывѣдать, тогда уже откроютъ, что дѣло это имъ не безъизвѣстно.

Кромѣ русскихъ бумагъ, съ которыхъ Японцы желали имѣть переводы, Теске и Кумаджеро приносили къ намъ множество разныхъ вещей и нѣсколько японскихъ переводовъ съ европейскихъ книгъ, на которыя хотѣлось имъ получить отъ насъ изъясненіе или знать наше мнѣніе, а болѣе, я думаю, желали они повѣрить точность переводовъ, чему причиною была обыкновенная ихъ подозрительность. Между прочими вещами показывали они намъ китайской работы картину, представляющую видъ Кантона, гдѣ надъ факторіями разныхъ европейскихъ народовъ, изображены были ихъ флаги. Японцы спрашивали насъ, почему нѣтъ тутъ русскаго флага, а узнавъ причину, хотѣли знать, какимъ же образомъ намѣрены мы были итти въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ нашихъ купцовъ. Они крайне удивились и почти не вѣрили, когда мы имъ сказали, что въ подобныхъ случаяхъ Европейцы всѣ другъ другу помогаютъ, къ какому бы государству они ни принадлежали. Еще Теске показалъ намъ чертежъ чугунной восемнадцати-фунтовой пушки, вылитой въ Голландіи. Честолюбіе заставило его похвастать и сказать намъ, что пушку эту за двѣсти лѣтъ предъ симъ, въ послѣдней ихъ войнѣ съ Корейцами, Японцы взяли у сего народа въ числѣ многихъ другихъ, послѣ великой побѣды, одержанной надъ ихъ войсками; но мы видѣли, по латинской надписи на пушкѣ, что и ста лѣтъ не прошло, какъ она вылита для Голландской Остъ-Индійской Компаніи; однако жъ не хотѣли его пристыдить, а притворились, что вѣримъ и удивляемся безпримѣрному ихъ мужеству. Сверхъ того показали они намъ рисунокъ корабля Надежды, на которомъ Г. Резановъ приходилъ въ Нангасаки, и спрашивали что значитъ кормовой намъ

флагъ, гюйсъ и разные другіе европейскіе флаги, которые вѣроятно Капитанъ Крузенштернъ поднималъ для украшенія корабля, или, по-морскому сказать, разсвѣчалъ его флагами. Но болѣе всего удивили насъ нарисованные тѣми Японцами, которыхъ Резановъ привезъ изъ Петербурга, планы всего ихъ плаванія; на нихъ были изображены Данія, Англія, Канарскіе Острова, Бразилія, мысъ Горнъ, Маркизскіе Острова, Камчатка и Японія, словомъ всѣ тѣ моря, которыми они плыли, и земли, куда приставали. Правда, что въ нихъ не было сохранено ни какого размѣра ни въ разстояніи, ни въ положеніи мѣстъ, но если мы возьмемъ въ разсужденіе, что люди сіи были простые матросы, и дѣлали карты свои на память, примѣчая только по солнцу, въ которую сторону они плыли, то нельзя не признать въ Японцахъ рѣдкихъ способностей.

Послѣ того Теске сказалъ намъ откровенно, что изъ столицы прислана большая кипа японскихъ переводовъ разныхъ европейскихъ книгъ, съ тѣмъ, чтобъ мы ихъ прослушали и сказали свое мнѣніе, но какъ въ пользу нашу японское правительство ничего еще не сдѣлало, то губернаторъ не хочетъ насъ много безпокоить, а желаетъ только, чтобъ мы повѣрили три книги; другія же можно будетъ прослушать, когда послѣдуетъ повелѣніе о нашемъ возвращеніи, если время позволитъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, это дѣло не важное, можно ихъ и оставить. Три книги, о которыхъ говорилъ Теске, были слѣдующія: Бунтъ Беніовскаго въ Камчаткѣ и побѣгъ его оттуда; Повѣствованіе о нападеніи Русскихъ и Англійскихъ войскъ на Голландію въ 1799 году, и Землеописаніе Россійской Имперіи.

Первыми двумя изъ нихъ Теске занимался не много, но послѣднюю читалъ отъ начала до конца, причемъ мы принуждены были дѣлать наши замѣчанія и опроверженія почти на каждой страницѣ, потому что Россія тутъ описывается во времена ея невѣжества, и хотя заключающіяся въ сей книгѣ описанія бо́льшею частію справедливы, но они относятся къ нашимъ прапрадѣдамъ, а не къ намъ. Японцы же, судя по собственной привязанности къ своимъ

Digitized by Google

старинным законамъ и обычаямъ, не хотѣли вѣрить, чтобъ цѣлый народъ въ короткое время могъ такъ много перемѣниться.

Любопытство Японцевъ понудило ихъ также коснуться и до Вѣры нашей. Теске просилъ насъ именемъ губернатора, чтобъ мы сообщили ему правила нашей религіи, и на чемъ она основывается, а причиною, почему губернаторъ желаетъ имѣть о ней понятіе, объявилъ онъ слѣдующее: губернаторы порта Нангасаки, куда приходятъ Голландцы, имѣютъ надлежащее свѣдѣніе о ихъ Вѣрѣ, и такъ если здѣшній губернаторъ возвратится въ столицу и не будетъ въ состояніи ничего сказать тамъ объ нашей, то ему въ семъ случаѣ будетъ стыдно. Мы охотно согласились, для собственной своей пользы, изъяснить имъ нравственныя обязанности, которымъ учитъ Христіанская Религія, какъ-то: десять заповѣдей и евангельское ученіе, но Японцы не того хотѣли: они намъ сказали, что это ученіе есть не у однихъ христіанъ, а у всѣхъ народовъ, которые имѣютъ доброе сердце (*), и что оно было отъ вѣка, и имъ давно уже извѣстно. Но любопытство ихъ болѣе состояло въ томъ, чтобъ узнать значеніе обрядовъ богослуженія. Японцы, жившіе долгое время въ Россіи, очень часто ходили въ наши церкви, замѣтили и описали всѣ дѣйствія, совершаемыя при служеніи литургіи. Теперь имъ хотѣлось знать что какое дѣйствіе значитъ, зачѣмъ священникъ нѣсколько разъ отворяетъ и затворяетъ двери, выноситъ сосуды, что въ нихъ хранится и прочее. Но это былъ предметъ, къ которому мы никакъ приступить не могли съ такимъ ограниченнымъ способомъ сообщать другъ другу свои мысли, какой мы имѣли съ Японцами, и потому сказали имъ, что для объясненія таинствъ Вѣры, нужно было бы или намъ хорошо знать Японскій Языкъ, или имъ умѣть говорить хорошо по-руски; но какъ и въ томъ, и въ другомъ у насъ великій недостатокъ, то и не можемъ

(*) По выраженію Японскаго Языка «бѣлое сердце»; съ дурными же свойствами человѣка они называютъ человѣкомъ съ «чернымъ сердцемъ».

мы коснуться толь важнаго предмета, чтобы, по незнанію языка, не заставить ихъ понять нашего изъясненія въ другомъ смыслѣ, и не произвести въ нихъ смѣху, вмѣсто должнаго почитанія къ святынѣ; но Японцы не такой народъ, чтобы скоро согласились отстать отъ своего намѣренія: нѣсколько разъ принимались они развѣдывать у насъ о богослуженіи, упрашивая изъяснить имъ хотя немного чего нибудь; напослѣдокъ мы сказали имъ рѣшительно, что никогда не согласимся говорить съ ними о семъ предметѣ, пока не будемъ въ состояніи совершенно понимать другъ друга.

Алексѣй также былъ не безъ работы: у него отбирали Японцы свѣдѣнія о Курильскихъ Островахъ, и заставляли его иногда чертить планы оныхъ. Алексѣй, не отговариваясь, маралъ бумагу какъ умѣлъ, а для японскаго депо картъ все годилось. Они говорили, что въ Японіи есть законъ: всѣхъ иностранцевъ, къ нимъ попадающихся, распрашивать обо всемъ, что имъ на умъ прійдетъ, и все, что бы они ни говорили, записывать и хранить, потому что по сравненіи такихъ свѣдѣній можно легко отдѣлить истинное отъ ложнаго, и они со временемъ пригодятся.

Между тѣмъ, на вопросы наши о новостяхъ изъ столицы касательно нашего дѣла, переводчики по большей части говорили, что ничего еще неизвѣстно, а иногда увѣряли, что дѣла идутъ тамъ хорошо, и есть причина ожидать весьма счастливаго конца. Въ Январѣ сказали намъ переводчики за тайну, сначала Теске, а потомъ Кумаджеро, что есть повелѣніе перевести насъ въ домъ, и содержать лучше, и что приказаніе сіе губернаторъ намѣренъ исполнить въ японскій Новый Годъ (*). Объ этомъ нѣкоторые изъ нашихъ караульныхъ намъ прежде еще потихоньку сказывали, но какъ они часто обѣщали намъ разныя милости,

(*) Нынѣ (1812) первое число года у Японцевъ было нашего 1-го Февраля, а какъ они считаютъ лунные мѣсяцы, дополняя недостатокъ къ солнечному году чрезъ извѣстное число лѣтъ прибавкою 13-го мѣсяца, то ихъ годъ въ то же число солнечнаго года приходитъ чрезъ девятнадцать лѣтъ.

Digitized by Google

которыя не сбывались, то мы и не вѣрили имъ, полагая, что они обманываютъ насъ съ намѣреніемъ, въ утѣшеніе наше; но переводчикамъ мы повѣрили, и обрадовались не дому, а тому, что показывается надежда возвратиться въ отечество: почему стали съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать Февраля.

Губернатору вздумалось къ Новому Году сшить намъ новое платье, почему прежде еще нѣсколько разъ просилъ онъ, чтобъ мы сказали ему, какого цвѣта, изъ какой матеріи и какимъ покроемъ хотѣли мы имѣть оное; но мы благодарили его за такое къ намъ вниманіе, а отъ платья отказывались, говоря, что у насъ своего платья слишкомъ много, и что въ заточеніи оно намъ не нужно. Нынѣ же онъ непремѣнно рѣшился подарить намъ обновки, почему переводчики и взяли мундиръ Г. Хлѣбникова для образца, а чрезъ нѣсколько дней принесли къ намъ платье. Для насъ троихъ сшили они кафтаны изъ тафты съ такою же подкладкою на ватѣ: мнѣ зеленаго цвѣта, а Гг. Хлѣбникову и Муру кофейнаго (*); матросамъ же сѣраго цвѣта изъ бумажной матеріи, также на ватѣ; но стараясь сшить оные на покрой нашего мундира, сдѣлали ни то, ни сё, такъ, что они сами, увидѣвъ несходство, смѣялись и удивлялись искусству европейскихъ портныхъ, которымъ японскіе швецы ни какъ подражать не могли, имѣя даже образецъ передъ глазами.

Съ того времени, какъ передѣлали нашу тюрьму, кара-

(*) Гг. Муръ и Хлѣбниковъ носили иногда сшитые намъ Японцами капоты, а я всегда носилъ свою фризовую фуфайку и панталоны. Губернаторъ спрашивалъ меня, зачѣмъ не ношу я ихъ платья, не потому ли, что будучи начальникъ, не хочу носить одинаковое платье съ подчиненными мнѣ офицерами Я смѣялся надъ такимъ замѣчаніемъ, и сказалъ ему, что мы и въ Россіи носили бы платье одного сукна и одного цвѣта, что онъ можетъ видѣть по нашимъ мундирамъ, гдѣ нѣтъ другой разности, кромѣ знаковъ, показывающихъ чины наши; однако жъ, по-видимому, онъ остался въ тѣхъ мысляхъ, что догадка его справедлива, и потому нынѣ велѣлъ отличить меня цвѣтомъ платья.

Digitized by Google

ульные внутренней стражи были почти безотлучно у насъ, сидѣли вмѣстѣ съ нами у огня, курили табакъ и разговаривали. Всѣ они вообще были къ намъ отмѣнно ласковы, нѣкоторые даже приносили конфекты, хорошій чай и прочее; но все это дѣлалось потихоньку, ибо имъ запрещено было безъ позволенія высшихъ чиновниковъ давать намъ что либо. Сколь ни скрытны Японцы и какъ строго ни исполняютъ свои законы, но они люди, и слабости человѣческія имъ свойственны. И между ними нашли мы такихъ, хотя и мало, которые не могли хранить тайны. Одинъ изъ нихъ, знавшій Курильскій Языкъ, разсказалъ намъ потихоньку отъ своихъ товарищей, что два человѣка, бѣжавшіе отъ Хвостова на островъ Итурупъ, убиты были тогда же Курильцами, которые, по отбытіи судовъ пришедъ первые къ берегу, и увидѣвъ этихъ людей пьяныхъ, подняли ихъ на копья. Симъ однако жъ Японское Правительство не было довольно, и это очень вѣроятно, ибо умертвить ихъ всегда было въ волѣ Японцевъ, но отъ преждевременной смерти сихъ двухъ человѣкъ, Японцы лишились способа получить многія нужныя для нихъ свѣдѣнія, и если бы они были живы, то, открывъ своевольство поступковъ Хвостова, давно бы уже примирили ихъ съ нами: тогда конечно и мы не терпѣли бы такой участи; впрочемъ это одни предположенія...... Обратимся лучше опять къ настоящему. Такимъ же образомъ узнали мы еще (*), что на Сахалинѣ бѣжалъ отъ Хвостова Алеутъ, именемъ Яковъ; онъ долго у нихъ содержался, напослѣдокъ умеръ въ цынгѣ. Объявленія его Японцамъ много служили въ нашу пользу, ибо онъ утверждалъ, что нападенія на нихъ русскія суда дѣлали безъ приказа ихъ главнаго начальника, о чемъ, по его словамъ, слышалъ онъ отъ всѣхъ Русскихъ, бывшихъ на тѣхъ судахъ. Ненависть же его къ Хвостову была такъ велика, что очернивъ сего офицера всѣми пороками, просилъ онъ у японскаго чиновника въ крѣпости ружья и позволенія спрятаться на берегу, чтобы при выходѣ Хвостова изъ

(*) Этого однако жъ Японцы не таили, потому что Теске послѣ разсказывалъ намъ то же.

шлюпки, могъ онъ имѣть удовольствіе убить его, и тѣмъ отмстить за несправедливость, ему оказанную, которая состояла въ томъ, что одинъ разъ онъ былъ пьянъ, и Хвостовъ высѣкъ его за то кошками. По мнѣнію же Алексѣя, промышленныхъ убили не Курильцы, а Японцы, ибо первые не смѣли бы сами собою этого сдѣлать, а чтобъ доказать справедливость своего мнѣнія, разсказалъ онъ намъ слѣдующее происшествіе. Хотя оно и не служило доказательствомъ словамъ Алексѣя, но по другимъ причинамъ заслуживаетъ имѣть здѣсь мѣсто. Японцы, продолжая нѣсколько лѣтъ войну противъ Курильцевъ, живущихъ въ горахъ сѣверной части Матсмая, не могли ихъ покорить, и рѣшились вмѣсто силы употребить хитрость и коварство, предложивъ имъ миръ, и дружбу. Курильцы согласились на это съ большою радостью; миръ скоро былъ заключенъ, и стали его праздновать. Японцы для сего построили особливый большой домъ, и пригласивъ сорокъ курильскихъ старшинъ съ храбрѣйшими изъ ихъ ратниковъ, начали ихъ подчивать и поить. Курильцы, по склонности къ крѣпкимъ напиткамъ, тотчасъ въ гостяхъ у новыхъ своихъ друзей перепились, а Японцы, притворяясь пьяными, мало по малу всѣ вышли. Тогда двери вдругъ затворились, а открылись диры въ потолкѣ и стѣнахъ, сквозь которыя копьями всѣхъ гостей перебили, отрубили имъ головы, посолили и въ кадкахъ отправили въ столицу, какъ трофеи, доказывающіе побѣду. Слышать такой анекдотъ (*) и на волѣ не весьма пріятно; что же мы должны были чувствовать, находясь у того самаго народа, который могъ сдѣлать такое ужасное вѣроломство и варварство? Бѣдный Алексѣй, разсказавъ намъ его, извинялся, что не сказывалъ прежде, для того, чтобъ не заставить насъ печалиться, и что у него есть еще въ памяти о Японцахъ много кой-чего тому подобнаго, но онъ не хочетъ уже про то разсказывать, примѣтивъ, что и отъ первой повѣсти мы сдѣлались невеселы. Мы внутренно смѣялись простотѣ этого человѣка; просили его, чтобъ говорилъ смѣло все, что знаетъ, ибо

(*) Въ истинѣ его однако жъ мы сомнѣвались.

Digitized by Google

важнѣйшая часть уже имъ открыта, а остаются только бездѣлицы, которыя мы хотимъ знать изъ одного любопытства; но Алексѣй словъ нашихъ не понималъ и не хотѣлъ нась печалить.

Между тѣмъ наступилъ и Февраль, японскій Новый Годъ, но о домѣ никто не упоминалъ. Мы думали, что Японцы слишкомъ запраздновались и имъ уже не до насъ, почему и заключили, что въ половинѣ мѣсяца (*) мы можемъ надѣяться получить обѣщанную милость; но ожиданіе наше не сбылось, а напротивъ того, мы находили себя въ худшемъ положеніи передъ прежнимъ: въ пищу намъ стали давать одно пшено и по кусочку соленой рыбы. Въ первые пять или шесть дней японскаго праздника, не приходилъ къ намъ ни одинъ чиновникъ, даже и переводчики не являлись, а когда они къ намъ пришли, и мы стали упрекать ихъ въ обманѣ, то Кумаджеро увѣрялъ насъ, что они насъ не обманули, но причина, почему не перевели

(*) Японцы празднуютъ Новый Годъ цѣлый мѣсяцъ; но настоящее общее празднество продолжается только отъ новолунія до полнолунія, то есть двѣ недѣли; въ это время у нихъ нѣтъ ни присутствія, ни работы, и ничѣмъ они не занимаются, а только ходятъ по гостямъ и пируютъ; въ остальные же дни мѣсяца трудолюбивые уже принимаются за работу. Новый Годъ есть самый важный праздникъ въ японскомъ календарѣ. Къ нему шьютъ они обновы и дѣлаютъ великія приготовленія, какъ у насъ къ Пасхѣ. Обыкновеніе требуетъ, въ этотъ праздникъ всѣмъ знакомымъ, въ томъ же городѣ находящимся, сдѣлать визиты, а отсутствующихъ поздравить письмами; почему переводчики и караульные наши за нѣсколько дней еще начали заготовлять визитные билеты и поздравительныя письма; у нихъ на визитныхъ билетахъ пишутся имена отъ кого, къ кому и по какому случаю они оставляются, а изъ писемъ Теске переводилъ намъ одно, писанное имъ къ пріятелю его, тому самому чиновнику, который захватилъ насъ въ Кунаширѣ. Смыслъ письма такой: «Прошлый годъ вы были здоровы и счастливы; желаю, чтобы и нынѣшній годъ вы наслаждались здоровьемъ, и имѣли счастіе во всемъ успѣхѣ; а я васъ, какъ прежде такъ и нынѣ, почитаю и прошу меня не забывать. *Теске.*»

Digitized by Google

насъ въ домъ, есть та, что въ нынѣшнее время идетъ вдоль береговъ множество рыбы, и потому всѣ жители города съ утра до вечера занимаются рыбною ловлею, такъ что некому отгрести снѣгъ отъ назначеннаго для насъ дома, который, простоявъ всю зиму пустой, почти до самой крышки, занесенъ снѣгомъ. Такая отговорка была очень смѣшна. Трудно повѣрить, чтобы въ городѣ, имѣющемъ около пятидесяти тысячъ жителей, не нашлось нѣсколькихъ человѣкъ работниковъ для очищенія снѣгу, и такъ мы навѣрное заключили, что Японцы никогда не помышляли перевести насъ въ домъ, а только обманывали съ тѣмъ, чтобъ утѣшая насъ такимъ образомъ, пріучать понемногу къ нашей участи. Мы прямо имъ говорили мысли наши, но они смѣялись и увѣряли насъ, что мы ошибаемся. Вмѣсто перемѣщенія въ домъ, губернаторъ сдѣлалъ намъ два одолженія: позволилъ брать по двѣ или по три изъ нашихъ книгъ для чтенія, и велѣлъ, по требованію нашему, давать намъ бритвы, если мы пожелаемъ бриться. Бороды у насъ были уже довольно велики; сначала онѣ дѣлали намъ нѣкоторое безпокойство, но теперь, привыкнувъ къ нимъ, я и Г. Хлѣбниковъ не хотѣли пользоваться такимъ снисхожденіемъ Японцевъ, и болѣе потому что бриться надлежало въ присутствіи чиновника и нѣсколькихъ человѣкъ караульныхъ, которые строго наблюдали, чтобы кто нибудь изъ насъ не вздумалъ зарѣзаться бритвою. Сперва Японцы предложили намъ бриться по нашему произволу, но увидѣвъ, что Г. Хлѣбниковъ и я не брѣемся, стали было насъ принуждать къ тому, говоря, что губернатору угодно видѣть насъ безъ бородъ; но мы такихъ причинъ не уважили, а сказали, что долгъ губернатора узнать, правду ли мы объявляемъ по нашему дѣлу, и оказать намъ справедливость, а съ бородами ли мы или безъ бородъ, ему дѣла нѣтъ; впрочемъ все, что только можно, мы сдѣлали бы охотно въ его угожденіе, если бъ видѣли какіе нибудь вѣрные признаки, что Японцы искренни и насъ не обманываютъ; но теперь, видя тому противное, и не имѣя ни какой надежды возвратиться въ свое отечество, намъ не до того, чтобы бородами

Digitized by Google

заниматься. Японцы нѣсколько разъ покушались уговариватъ насъ, чтобъ мы выбрились, но не успѣли въ своемъ намѣреніи: мы твердо рѣшились не удовлетворять пустымъ ихъ прихотямъ.

Наконецъ уже и переводчики не стали таить отъ насъ, что дѣло наше въ столицѣ идетъ не очень хорошо. Теске сказалъ намъ, что хотя всѣ чиновники, находящіеся въ Матсмаѣ, и даже жители сего города показанію нашему вѣрятъ, но члены верховнаго ихъ правительства не соглашаются на мнѣніе здѣшняго губернатора, полагая, что мы ихъ обманываемъ, и что переводчикъ Кумаджеро былъ недовольно свѣдущъ въ Русскомъ Языкѣ, чтобъ могъ вѣрно перевести наши отвѣты и написанную нами бумагу, а болѣе думаютъ они такъ потому, что есть въ ней нѣкоторыя мѣста, для нихъ весьма непонятныя. Когда же мы спрашивали Теске что Японцы намѣрены съ нами сдѣлать, онъ отвѣчалъ, что это еще точно неизвѣстно, ибо правительство ихъ ни на что не рѣшилось, но многіе думаютъ, что насъ держать не станутъ, а отпустятъ въ Россію. Мы видѣли, что эта послѣдняя часть его рѣчи клонилась къ тому, чтобъ насъ не вовсе привести въ отчаяніе, и подать хотя малѣйшую искру надежды. Однако жъ такое утѣшеніе не слишкомъ сильно на насъ подѣйствовало: совѣтуясь между собою о нашемъ положеніи, мы всѣ были согласны, что нѣтъ ни какой надежды получить освобожденіе отъ Японцевъ; оставалось одно только средство— уйти; но на такое отчаянное предпріятіе Г. Муръ и двое изъ матросовъ (*) никакъ согласиться не хотѣли. Я и Г. Хлѣбниковъ употребляли всѣ способы склонить ихъ на это покушеніе: мы представляли и доказывали имъ возможность уйти изъ тюрьмы, и у берега завладѣть судномъ, а тамъ пуститься, смотря по обстоятельствамъ, къ Камчаткѣ или къ Татарскому Берегу, какъ Богъ дастъ; и говорили, что гораздо лучше погибнуть въ морѣ, на той стихіи, которой мы посвятили всю жизнь свою, и гдѣ ежегодно погибаетъ множество нашихъ собратій, нежели

(*) Симановъ и Васильевъ.

Digitized by Google

вѣчно томиться въ неволѣ и умереть въ тюрьмѣ. Впрочемъ предпріятіе это хотя весьма опасно, но не вовсе было отчаянно или невозможно. Японскія суда неоднократно одними волненіемъ и вѣтрами были приносимы къ нашимъ берегамъ, а если мы будемъ править къ нимъ, то достигнемъ ихъ скорѣе. Но всѣ наши представленія и доводы были напрасны: Г. Муръ оставался непреклоненъ, а слѣдуя ему и сказанные два матроса не соглашались. Однако жъ, въ надеждѣ когда нибудь убѣдить ихъ къ принятію нашего плана, мы стали заготовлять съѣстные припасы, оставляя каждый разъ, когда намъ приносили ѣсть, по нѣскольку каши, такимъ образомъ, чтобъ караульные и работники не примѣтили; ночью потихоньку сушили мы ее, и прятали въ маленькіе мѣшечки.

Между тѣмъ наступала весна; дни стали гораздо длиннѣе, и настала теплая погода; посему, въ началѣ Марта, губернаторъ приказалъ насъ выпускать иногда на дворъ прохаживаться. Четвертаго же числа сего мѣсяца Теске сказалъ намъ, что гораздо лучше было бы, если бъ отвезли насъ въ столицу, гдѣ мы могли бы имѣть случай лично увѣрить членовъ ихъ правительства въ истинѣ нашего объявленія, и убѣдить ихъ согласиться на наше освобожденіе, а безъ того сомнительно, чтобы они рѣшились насъ отпустить, ибо ни одинъ изъ нихъ не вѣритъ тому, что мы сказывали о поступкахъ Хвостова и о нашемъ къ нимъ прибытіи, а вся столица вообще думаетъ, что Хвостовъ дѣйствовалъ по волѣ правительства, а мы приходили съ намѣреніемъ высмотрѣть ихъ гавани и укрѣпленія, чтобы, послѣ того, большими силами сдѣлать на нихъ нападеніе. Мы полагали, что Японцы этою рѣчью хотятъ приготовить насъ къ равнодушному принятію формальнаго объявленія объ отправленіи нашемъ въ столицу, откуда, конечно, уже никогда намъ не возвращаться. Сверхъ сего, въ это же время Теске открылъ намъ другое обстоятельство великой важности: онъ сказалъ, что Хвостовъ, при первомъ своемъ нападеніи на нихъ, увезъ нѣсколько человѣкъ Японцевъ, которыхъ, продержавъ зиму въ Камчаткѣ, на слѣдующій годъ возвратилъ, выпустивъ ихъ на островъ Лиссель (Ріс

Digitized by Google

de Langle), съ бумагою на имя матсмайскаго губернатора, которую покажутъ намъ со временемъ. Теске не зналъ (или, по крайней мѣрѣ, говорилъ, что не зналъ), кѣмъ она подписана и какого содержанія. Но какъ Японцы прежде уже показали намъ каждый русскій лоскутокъ, какой только у нихъ былъ, и требовали перевода, а объ этой бумагѣ ни слова не упоминали, то мы и заключили, что это должна быть какая нибудь важная бумага, которую конечно берегутъ они для окончательнаго уличенія насъ въ обманѣ. Лишь только Теске насъ оставилъ, Г. Муръ сказалъ, что теперь онъ видитъ весь ужасъ нашего положенія, и рѣшается уйти съ нами; Симановъ и Васильевъ, услышавъ это, также скоро согласились. Теперь оставалось намъ подумать, какъ поступить съ Алексѣемъ: объявить ему о нашемъ намѣреніи и уговорить слѣдовать съ нами, или оставить его потихоньку. Сдѣлать первое мы боялись, чтобъ онъ намъ не измѣнилъ и не открылъ Японцамъ нашего предпріятія, а оставить его жалѣли, чтобъ не подвергнуть жестокому наказанію, какъ соучастника нашего, и потому мы сперва согласились было написать письмо къ губернатору, обнаруживающее невинность Алексѣя; но послѣ Г. Муръ уговорилъ насъ открыть ему наше намѣреніе, и взять его съ собою, ибо, по знанію его разныхъ кореньевъ и травъ, годныхъ въ пищу, а также многихъ признаковъ на здѣшнихъ моряхъ, онъ могъ намъ быть весьма полезенъ. Когда мы ему объ этомъ сказали, онъ сначала крайне испугался, поблѣднѣлъ и не зналъ, что говорить; но подумавъ, оправился и тотчасъ согласился, сказавъ: «Я такой же Русскій, какъ и вы; у насъ одинъ Богъ, одинъ и Государь; худо ли, хорошо ли, но куда вы, туда и я, въ морѣ ли утонуть, или Японцы убьютъ насъ, вмѣстѣ все хорошо; спасибо, что вы меня не оставите, а берете съ собою.» Мы удивились такой рѣшительности и твердости въ этомъ человѣкѣ, и тотчасъ приступили къ совѣщанію, какимъ образомъ предпріятіе наше произвести въ дѣйство.

Выйти изъ тюрьмы мы имѣли два способа: изъ карауль-ныхъ нашихъ, составлявшихъ внутреннюю стражу, нахо-

дились при насъ безпрестанно по два человѣка, которые весьма часто, или, лучше сказать, почти всегда сидѣли съ нами у огня до самой полуночи, и иногда тутъ засыпали; притомъ многіе изъ нихъ были склонны къ крѣпкимъ напиткамъ, и частенько по вечерамъ, когда не было имъ причины опасаться посѣщенія своихъ чиновниковъ, прихаживали къ намъ пьяные; слѣдовательно, дождавшись темной ночи и попутнаго вѣтра, мы могли вдругъ кинуться на караульныхъ, связать ихъ и зажать имъ ротъ такъ, чтобы они не успѣли сдѣлать ни какой тревоги; потомъ, взявъ ихъ сабли, перелѣзть сзади чрезъ ограды, и спуститься въ оврагъ, пробираться имъ потихоньку къ морскому берегу, и стараться завладѣть тамъ судномъ или большою лодкою, и на ней пуститься къ Татарскому Берегу. Но какъ на этотъ способъ мы согласиться не могли, то и выбрали другой: съ полуночи стражи наши уходили въ свою караульню, запирали нашу дверь замкомъ, и ложились покойно спать, не наблюдая ни мало той строгости, съ какою присматривали за нами прежде. Въ дальнемъ углу отъ ихъ караульни находилась небольшая дверь, сдѣланная для чищенія нужныхъ мѣстъ; дверь эта была на замкѣ и за печатью; но имѣя у себя большой острый ножъ, мы легко могли перерѣзать брусъ, въ которомъ утвержденъ пробой, и отворить ее; потомъ, потихоньку выбравшись, перелѣзть черезъ стѣну, посредствомъ трапа, или морской лѣстницы, которую мы сдѣлали изъ матросской парусинной койки (*), а чтобъ не быть намъ совсѣмъ безоружными, мы имѣли у себя длинные шесты для сушенія бѣлья и для провѣтриванія платья, изъ коихъ намѣрены были, въ самую ночь исполненія нашего предпріятія, сдѣлать копья или, лучше сказать, остроги.

Рѣшась твердо симъ способомъ произвести въ дѣйство наше намѣреніе въ первую благопріятную ночь, мы ожидали

(*) Когда насъ взяли въ Кунаширѣ, на нашей шлюпкѣ постлана была подъ сукномъ матросская койка. Сукна, которое мы просили вмѣсто одѣяла, Японцы намъ не отдали; но койку еще въ Хакодаде дали одному изъ матросовъ, и она теперь пригодилась намъ на лѣстницу.

Digitized by Google

ся съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, 8-го Марта, повѣялъ восточный вѣтеръ съ туманомъ (*) и дождемъ. Постоянство его обѣщало, что онъ продуетъ нѣсколько дней, и если удастся намъ завладѣть судномъ, то донесетъ насъ до Татарскаго Берега. Въ сумерки, мы стали готовиться самымъ скрытнымъ образомъ, чтобы караульные не могли замѣтить; но по наступленіи ночи облака стали прочищаться, показались звѣзды, а вскорѣ потомъ примѣтили мы, что вѣтеръ перемѣнился и сталъ дуть съ западной стороны; по сей причинѣ мы нашлись принужденными отложить предпріятіе свое до другаго времени. Дня чрезъ два послѣ того опять подулъ благопріятный для насъ вѣтеръ и съ такою погодою, какой лучше нельзя было желать; но когда я и Г. Хлѣбниковъ сказали, что въ слѣдующую ночь, съ помощію Божіею, мы должны приступить къ дѣлу, къ крайнему нашему удивленію и горести, Г. Муръ отвѣчалъ, что намъ ни совѣтовать, ни отговаривать не хочетъ, что же касается до него, то онъ намъ не товарищъ, принявъ твердое намѣреніе ожидать своей участи въ заточеніи, что бы съ нимъ ни случилось; самъ же собою никогда ни на что для освобожденія своего не покусится. Мы старались было его уговаривать, и просили, ради Бога, основательно раздумать что онъ дѣлаетъ, но представленія наши были недѣйствительны: онъ намъ отвѣчалъ съ сердцемъ и колко, что онъ не ребенокъ, и знаетъ весьма хорошо что ему дѣлать; впрочемъ онъ намъ ни мало не мѣшаетъ; мы можемъ, буде хотимъ, уйти безъ него и одни, а въ заключеніе просилъ насъ болѣе не упоминать ему объ этомъ, ибо, что бы мы ни говорили, всѣ наши доводы и убѣжденія будутъ безполезны, и онъ насъ слушать не станетъ. Съ сей минуты Г. Муръ совершенно перемѣнилъ свое поведеніе въ отношеніи къ намъ; сталъ насъ убѣгать, никогда ни о чемъ съ нами не говорилъ, на вопросы наши отвѣчалъ коротко и часто даже съ грубостью; но къ Японцамъ сдѣлался крайне почтителенъ, началъ перени-

(*) Въ здѣшнихъ моряхъ туманы суть всегдашніе спутники восточныхъ вѣтровъ.

Digitized by Google

мать всѣ ихъ обычаи, и съ чиновниками ихъ не такъ уже говорилъ, какъ прежде того дѣлывали мы всѣ, соблюдая наши европейскія обыкновенія и сохраняя свое достоинство, но какъ будто они были его начальники, и часто, даже къ удивленію и смѣху самихъ Японцевъ, оказывалъ имъ почтеніе по ихъ обряду. Не зная что намъ въ такомъ положеніи дѣлать, я было предложилъ взять съ Г. Мура честное слово или клятву, что онъ допуститъ насъ уйти и до самаго утра не откроетъ караульнымъ, а намъ съ своей стороны оставить письмо къ губернатору, такого же содержанія, какое хотѣли мы написать объ Алексѣѣ, и обязаться, если насъ поймаютъ, сказать, что Г. Муръ не былъ участникомъ въ нашемъ предпріятіи и ничего объ немъ не зналъ; но матросы всѣ въ одинъ голосъ были противнаго мнѣнія, утверждая, что въ этомъ случаѣ на обѣщаніе Г. Мура никакъ положиться нельзя; они много кое-чего говорили въ пользу своего мнѣнія на счетъ сего офицера, справедливо или нѣтъ, только я принужденъ былъ согласиться съ ними, что въ такомъ важномъ дѣлѣ ввѣрить себя ему опасно, а какъ переводчики насъ увѣряли, что по наступленіи теплыхъ дней, будутъ намъ позволять ходить по городу подъ присмотромъ небольшаго числа Японцевъ, то мы рѣшились подождать, не будутъ ли насъ водить иногда за городъ, и не представится ли случай силою отбиться у Японцевъ; тогда уже нечего намъ будетъ опасаться Г. Мура, а чтобы онъ заблаговременно не открылъ имъ нашего прежняго намѣренія, согласились притвориться передъ нимъ, что, слѣдуя ему, мы также оставили всякую мысль объ уходѣ, и рѣшились ждать конца своей участи въ плѣну, предавшись во всемъ на волю Божію; но онъ намъ не вѣрилъ и ни мало не перемѣнилъ своего обхожденія.

Между тѣмъ явилось къ намъ новое лице: это былъ присланный изъ японской столицы, землемѣръ астрономъ, по имени Мамія-Ринзо. Въ первый разъ онъ пришелъ къ намъ съ нашими переводчиками, которые сказали, что онъ пріѣхалъ недавно изъ Эддо, откуда правительство ихъ, по совѣту врачей, знающихъ европейскіе способы леченія,

Digitized by Google

прислало съ нимъ нѣкоторые припасы, могущіе предохранить насъ отъ цынготной болѣзни, въ здѣшней сторонѣ весьма обыкновенной и опасной. Припасы сіи состояли въ двухъ штофахъ лимоннаго соку, въ нѣсколькихъ десяткахъ лимоновъ и апельсиновъ и въ небольшомъ количествѣ какой-то сушеной травы, имѣющей весьма пріятный запахъ, которую совѣтовали намъ Японцы понемногу класть въ похлебку. Сверхъ того губернаторъ тогда же прислалъ намъ отъ себя фунта три или четыре сахарнаго песку и ящичекъ вареннаго въ сахарѣ краснаго стручковаго перцу, до котораго Японцы большіе охотники (*). Но всѣ эти гостинцы, какъ мы скоро примѣтили, клонились къ тому, чтобы насъ, такъ сказать, задобрить и понудить не отговариваясь учить японскаго землемѣра нашему способу описывать берега и дѣлать астрономическія наблюденія. На сей конецъ онъ не замедлилъ принести къ намъ свои инструменты, какъ-то: мѣдный секстантъ англійской работы, астролябію съ компасомъ, чертежный инструментъ и ртуть для искусственнаго горизонта, и просилъ насъ показать ему, какъ Европейцы употребляютъ сіи вещи. Онъ сталъ ходить къ намъ всякій день, и былъ у насъ почти съ утра до вечера, разсказывая о своихъ путешествіяхъ, и показывая планы и рисунки описанныхъ имъ земель, которыя видѣть для насъ было весьма любопытно. Между Японцами онъ считался великимъ путешественникомъ: они слушали его всегда съ большимъ вниманіемъ, и удивлялись, какъ могъ онъ предпринимать такія дальнія путешествія, ибо ему удалось быть на всѣхъ Курильскихъ Островахъ до семнадцатаго, на Сахалинѣ, и онъ достигалъ даже до Манжурской Земли и до рѣки Амура. Тщеславіе его было такъ велико, что онъ безпрестанно разсказывалъ о своихъ подвигахъ и трудностяхъ, имъ понесенныхъ, для лучшаго объясненія коихъ показывалъ дорожныя свои сковородки, на которыхъ готовилъ кушанье, и тутъ же, у насъ на огнѣ, всякій день что нибудь варилъ или жарилъ, самъ ѣлъ и

(*) Буніо и прежде еще нѣсколько разъ присылалъ намъ понемногу сахару, перцу и прочаго.

насъ подчивалъ. Также имѣлъ онъ кубикъ для гнанія водки изъ сарачинскаго пшена, который безпрестанно у него стоялъ на очагѣ; выгнанную же изъ него водку пилъ онъ самъ и насъ подчивалъ, что матросамъ нашимъ весьма нравилось. Онъ умѣлъ брать секстантомъ высоту солнца на естественномъ горизонтѣ, и зналъ, какъ по полуденной высотѣ сыскать широту мѣста, для чего употреблялъ таблицы склоненія солнца и всѣхъ входящихъ тутъ поправокъ; переведенныя на Японскій Языкъ, по словамъ его, съ голландской книги. Не имѣя у себя нашихъ таблицъ, мы не могли узнать, довольно ли ихъ таблицы вѣрны; но кажется, что онѣ взяты изъ какой нибудь старинной голландской книги. Мамія-Ринзо сообщилъ многія весьма любопытныя свѣдѣнія, которыя нашему правительству не безполезно знать, и тѣмъ болѣе, что они заслуживаютъ вѣроятіе, ибо прежде сего мы то же самое слышали отъ другихъ Японцевъ. Я буду имѣть случай упомянуть объ нихъ въ другомъ мѣстѣ. Въ самомъ почти началѣ нашего знакомства съ симъ геодезистомъ, мы узнали, что онъ не только извѣстенъ между Японцами какъ человѣкъ ученый, но и славится какъ отличный воинъ. При нападеніи на нихъ Хвостова, онъ былъ на островѣ Итурупѣ, гдѣ съ прочими своими товарищами также далъ тягу въ горы, но, къ счастію его, русская пуля попала ему въ мягкое мѣсто задней части; однако жъ онъ не упалъ и ушелъ благополучно, за что награжденъ чиномъ, и теперь получаетъ пенсію. Иногда онъ передъ нами храбрился, и говорилъ, что послѣ набѣговъ Хвостова, Японцы хотѣли послать въ Охотскъ три судна, съ тѣмъ, чтобъ разорить это мѣсто до основанія. Мы смѣялись и шутили надъ нимъ, говоря: крайне жалѣемъ, что Японцы не могутъ найти туда дороги; иначе не худо было бы, если бъ они послали не три судна, а тридцать или триста; вѣрно ни одно изъ нихъ не возвратилось бы домой. Тогда онъ обижался и увѣрялъ насъ, что Японцы не хуже другихъ умѣютъ драться. Надобно знать, что это былъ еще первый Японецъ, который передъ нами хвалился своимъ искусствомъ въ военныхъ дѣлахъ, и грозилъ намъ; за то не только мы, но и товарищи его надъ нимъ смѣялись.

Digitized by Google

Мамія-Ринзо, умѣя найти широту мѣста по солнечной вышотѣ, слыхалъ также, что и долготу можно сыскать по разстоянію луны или звѣзды отъ солнца, и хотѣлъ, чтобъ мы выучили его, какъ это дѣлать; но какимъ способомъ возможно было приступить къ сему дѣлу? Мы не имѣли при себѣ ни нужныхъ для того таблицъ, ни календаря астрономическаго, а притомъ и переводчики наши столько смыслили по-русски, что мы самыя простыя вещи могли объяснять имъ съ нуждою. Отказъ нашъ произвелъ въ этомъ Японцѣ великое противъ насъ неудовольствіе; онъ даже грозилъ намъ, что изъ столицы скоро будутъ сюда переводчики Голландскаго Языка и японскіе ученые, чтобъ отбирать отъ насъ объясненія на нѣкоторые предметы, до наукъ касающіеся, и что тогда уже не посмѣемъ мы отговариваться, и хотимъ или нѣтъ, но должны будемъ отвѣчать. Новость эта не слишкомъ намъ была пріятна: она показывала, что Японцы сбираются силою принуждать насъ учить ихъ. Г. Муръ взялся за это добровольно; только математическимъ наукамъ учить не хотѣлъ, отговариваясь незнаніемъ, а совѣтовалъ имъ употребить къ тому Г. Хлѣбникова, которому эта часть была очень хорошо извѣстна.

Хотя ученый сдѣлался намъ большимъ врагомъ, однако жъ не всегда мы съ нимъ спорили и ссорились, а иногда разговаривали дружески о разныхъ матеріяхъ, въ числѣ коихъ политическіе предметы болѣе прочихъ заслуживаютъ вниманія. Онъ утверждалъ, что Японцы имѣютъ основательную причину подозрѣвать Русскихъ въ дурныхъ противъ нихъ намѣреніяхъ, и что Голландцы, сообщившіе имъ о разныхъ замыслахъ европейскихъ дворовъ, не ошибаются. Но Теске не такъ думалъ: онъ полагалъ, что Голландцы съ намѣреніемъ внушили Японскому Правительству подозрѣніе къ Россію и Англію, увѣривъ оное, что сіи двѣ державы, воюя соединенными силами противъ Франціи и союзныхъ ей земель, имѣютъ также въ виду распространяться къ востоку: Россія по сухому пути, а Англія моремъ, обѣщаясь помогать другъ другу, и со временемъ Китай и Японію раздѣлить между собою. Голландцы приводятъ въ доказательство своему мнѣнію со

стороны Россіи пріобрѣтеніе Сибири, Алеутскихъ и Курильскихъ Острововъ, а въ отношеніи къ Англіи, распространеніе ея владѣній въ Индіи, показывая чрезъ то Японцамъ, сколь близко эти два народа подвинулись къ нимъ въ короткое время. Извѣстно, что англійскій капитанъ Бротонъ два лѣта плавалъ къ японскимъ берегамъ, въ оба раза къ нимъ приставалъ и имѣлъ съ жителями сношеніе; это случилось въ самое то время, когда Англія и Россія союзно дѣйствовали противъ Франціи и Голландіи, и потому Голландцы, по словамъ Теске, старались увѣрить Японцевъ, что Англичане съ намѣреніемъ высматриваютъ ихъ гавани, чтобъ послѣ на нихъ напасть. Мы опровергали такое мнѣніе, стараясь увѣрить Японцевъ въ истинной причинѣ плаванія Бротона около ихъ береговъ, которая также извѣстна была очень хорошо и самимъ Голландцамъ; но непомѣрное ихъ корыстолюбіе и зависть произвели страхъ, чтобы Японцы не дали позволенія Русскимъ и Англичанамъ торговать съ ними; въ такомъ случаѣ Голландцы должны были бы лишиться значительнаго прибытка, ибо не могли бы уже обманывать ихъ и продавать европейскія бездѣлицы за высокую, и, можно сказать, безсовѣстную цѣну, Теске былъ въ этомъ съ нами совершенно согласенъ, и вѣрилъ, что одно сребролюбіе и коварство заставляютъ Голландцевъ говорить такъ; но Мамія-Ринзо не хотѣлъ согласиться. При семъ случаѣ Теске разсказалъ намъ объ одномъ происшествіи, которое жестоко раздражило Японское Правительство противъ Англичанъ, и говорилъ, что если бы теперь пришло къ ихъ берегамъ англійское судно, они тотчасъ сыграли бы съ нимъ такую же шутку, какъ и съ нами. Происшествіе сіе было слѣдующее. Черезъ годъ или черезъ два послѣ Резанова, показалось передъ входомъ въ Нангасакскую Гавань большое судно подъ русскимъ флагомъ; нѣсколько человѣкъ Голландцевъ и Японцевъ, по повелѣнію губернатора, тотчасъ поѣхали на оное, гдѣ первыхъ всѣхъ кромѣ одного задержали, а послѣднихъ вмѣстѣ съ Голландцемъ отправили назадъ, сказать, что судно, принадлежитъ Англичанамъ, и какъ они въ войнѣ съ Голландцами, то всѣхъ людей сего народа увезутъ съ собою въ плѣнъ,

если Японцы не пришлютъ къ нимъ извѣстнаго числа свиней и быковъ. Въ ожиданіи отвѣта, Англичане разъѣзжали на шлюпкахъ по всей гавани и промѣривали оную; между тѣмъ оставшіеся на берегу Голландцы склонили губернатора на сей выкупъ: на судно послали свиней и быковъ, и вымѣняли за нихъ захваченныхъ Голландцевъ. Губернаторъ за это лишился жизни, и дано повелѣніе повсюду поступать съ Англичанами непріятельски.

По случаю же замѣчанія нашего, что Голландцы обманываютъ Японцевъ привозомъ къ нимъ дурныхъ вещей и продажею оныхъ за дорогую цѣну, Теске намъ сказалъ, что правительству ихъ все это извѣстно, но оно не хочетъ перемѣнить прежнихъ своихъ постановленій, и допускаетъ Голландцевъ возить къ нимъ то самое, что возили въ началѣ ихъ торговли съ Японіею; впрочемъ, худое ли или хорошее, до этого имъ нужды нѣтъ. Притомъ разсказалъ онъ намъ слѣдующій анекдотъ. По причинѣ войны съ Англіею, Голландцы, не находя средствъ доставлять въ Японію европейскіе товары, наняли корабли Соединенныхъ Американскихъ Областей, чтобъ Американцы привезли нужныя имъ вещи въ Нангасаки, и пришли подъ голландскими флагами; товары были уже выгружены на берегъ, какъ Японцы увидѣли обманъ, примѣтивъ, что между сими кораблями и ихъ экипажами большая разность съ тѣми, которые посѣщали ихъ прежде, а болѣе всего взяли они подозрѣніе, видя отмѣнную доброту товаровъ (которые были англійскіе); но не взирая на это, правительство приказало все привезенное погрузить опять въ тѣ же корабли и выгнать ихъ изъ порта.

Съ половины Марта губернаторъ позволилъ намъ ходить прогуливаться по городу и за городомъ; водили насъ въ недѣлю раза два, часа на четыре, въ сопровожденіи пяти или шести человѣкъ солдатъ императорской службы, содержавшихъ при насъ внутреннюю стражу, и трехъ или четырехъ солдатъ княжескихъ, подъ распоряженіемъ одного изъ переводчиковъ: кромѣ этого, такъ сказать, конвоя, ходили съ нами по нѣскольку человѣкъ работниковъ, которые несли чайный приборъ, сагу, маты для сидѣнья, а

нерѣдко и кушанье, ибо иногда мы обѣдывали въ полѣ; сверхъ того отъ города назначался полицейскій служитель, котораго должность состояла въ томъ, чтобъ онъ шелъ впереди и показывалъ дорогу. Японцы водили насъ иногда версты за четыре отъ города на горы и вдоль морскаго берега. Мы тотчасъ примѣтили, что отбиться отъ нихъ намъ нетрудно было бы ихъ же собственнымъ оружіемъ (*); но дѣло состояло, въ томъ, куда послѣ дѣваться, и потому мы рѣшились ожидать случая, не попадется ли намъ у берега большая лодка, на которой, отбившись отъ Японцевъ, могли бы мы уѣхать. Для этого просили мы ихъ водить насъ гулять вдоль берега, и запасенную нами провизію всегда таскали съ собою. Но Г. Муръ, подозрѣвая наше намѣреніе, упрашивалъ Японцевъ не ходить далеко отъ города подъ предлогомъ, что у него болятъ ноги.

Въ послѣднихъ числахъ Марта переводчики и караульные наши опять начали поговаривать о переводѣ насъ изъ тюрьмы, и что дѣло стоитъ только за нѣкоторыми переправками въ назначенномъ для насъ домѣ, а вскорѣ послѣ того Кумаджеро приступилъ къ Г. Муру, чтобы онъ сдѣлалъ рисунокъ отхожаго мѣста на русскій образецъ, дабы Японцы могли намъ этимъ услужить въ новомъ нашемъ жилищѣ. Мы смѣялись такимъ затѣямъ, и увѣряли ихъ, что въ этомъ разности большой не будетъ, если они сдѣлаютъ мѣсто это и по-своему; но Кумаджеро непремѣнно хотѣлъ имѣть рисунокъ и наконецъ получилъ оный (**).

Перваго Апрѣля съ утра Японцы начали переносить наши вещи въ домъ, а послѣ обѣда повели насъ въ замокъ, и представили буніосу, который, въ присутствіи всѣхъ знатнѣйшихъ чиновниковъ города, сказалъ намъ, что теперь

(*) Военные Японцы всегда носятъ за поясомъ по саблѣ и по кинжалу, даже когда они и дома сидятъ, то одну саблю только снимаютъ, а кинжалъ рѣдко; если же когда и вынутъ его изъ-за кушака, а понадобится имъ хотя на одну минуту выйти изъ дому, тотчасъ опять берутъ, словомъ безъ кинжала ни на минуту.

(**) Послѣ мы узнали, что Кумаджеро не шутилъ: отхожее мѣсто Японцы сдѣлали точно по чертежу Г. Мура.

Digitized by Google

переводятъ насъ изъ тюрьмы въ хорошій домъ, въ которомъ прежде жилъ японскій чиновникъ, и что содержать насъ станутъ гораздо лучше прежняго, а потому мы должны жить съ Японцами, какъ съ своими соотечественниками (*) и братьями; съ тѣмъ насъ и отпустилъ.

Изъ замка пришли мы прямо въ назначенный для насъ домъ, который находился почти противъ самыхъ южныхъ воротъ крѣпости, между валомъ и высокимъ утесомъ. подъ коимъ расположена средняя часть города. Стоялъ онъ по срединѣ обширнаго двора, окруженнаго высокою деревянною стѣною, съ рогатками наверху; дворъ былъ раздѣленъ пополамъ также деревянною стѣною; одна половина, ближняя къ утесу, была назначена для насъ; тутъ стояли три или четыре дерева и нѣсколько пучковъ тростнику, что все вмѣстѣ Японцы называли садомъ, когда показывали намъ прелести новаго нашего жилища, а лужу, въ одномъ углу двора бывшую, величали озеромъ (**); находившейся же въ ней кучѣ грязи давали имя

(*) Или, по переводу Алексѣя: «какъ съ своими земляками.»

(**) Японцы большіе охотники до садовъ, и любятъ подражать природѣ. Прогуливаясь по городу, мы заходили на нѣкоторые дворы, и почти на каждомъ находили, литерально сказать, судя по величинѣ, лужу, обсаженную зеленью и деревцами, въ срединѣ коей двѣ или три кучи земли представляли острова, на которыхъ мѣстами лежали каменья, изображающіе скалы и утесы, а индѣ посаженъ тростникъ; на водѣ же плавали суда и лодки, весьма грубо сдѣланныя. Это мы видѣли у бѣдныхъ людей, у которыхъ и весь дворъ неболѣе нѣсколькихъ саженъ въ окружности; но у богатыхъ есть сады прекрасные. Матсмайскій климатъ, не взирая на выгодное географическое положеніе сего острова, отъ мѣстныхъ причинъ неблагопріятствуетъ садоводству; но мы знаемъ по описанію самихъ Японцевъ, что на главномъ ихъ островѣ, Нифонѣ, есть множество великолѣпнѣйшихъ садовъ, принадлежащихъ князьямъ и вельможамъ, изъ коихъ многіе полагаютъ въ томъ главное свое удовольствіе, чтобы въ ихъ садахъ прогуливался народъ и удивлялся чрезвычайной ихъ красотѣ и пышности.

Digitized by Google

острова. Сообщеніе съ нашего двора или сада (говоря согласно съ Японцами) на другой дворъ, было посредствомъ небольшихъ воротъ, которыя всегда были на замкѣ; они отпирались только, когда начальникъ тцынгарскихъ войскъ или ихъ дежурный офицеръ приходилъ осматривать нашъ дворъ, или когда насъ водили гулять. По ночамъ отъ захожденія до восхожденія солнца, каждые полчаса караульные наши ходили дозоромъ, и осматривали вокругъ всего двора, а съ другаго двора ворота были на дорогу подлѣ самаго вала, и запирались только на ночь. Домъ нашъ, по направленію средней стѣны, также былъ раздѣленъ пополамъ деревянною рѣшеткой, такъ, что одна его половина находилась на нашемъ дворѣ, а другая на другомъ: въ первой изъ нихъ были три комнаты, раздѣлявшіяся между собою ширмами, а во второй, за рѣшетками, въ одной части содержали караулъ, при одномъ офицерѣ, солдаты Тцынгарскаго Князя, которые могли видѣть насъ сквозь рѣшетку. Отъ нихъ къ намъ была дверь, но всегда на замкѣ; солдаты были вооружены, кромѣ саблей и кинжаловъ, ружьями и стрѣлами, и офицеръ ихъ почти безпрестанно сидѣлъ у рѣшетки, смотря въ наши комнаты. Подлѣ этой караульни, рядомъ съ нею, также за рѣшеткою, находилась небольшая каморка, въ которой сидѣли посмѣнно по два человѣка императорскихъ солдатъ, коихъ настоящая караульня была за каморкою; они также могли видѣть все что у насъ дѣлалось; притомъ отъ нихъ къ намъ дверь запиралась только на ночь; но они сначала и ночью приходили къ намъ по нѣскольку разъ, а днемъ бывали у насъ очень часто. Далѣе же, за комнатами караульныхъ, въ томъ же домѣ находились горницы для работниковъ, кухня и кладовая. На нашей половинѣ около дома была галерея, съ которой мы могли чрезъ стѣну видѣть къ югу Тцынгарскій Проливъ, противоположный берегъ Японіи и мачты судовъ, стоящихъ у берега (*),

(*) Городъ Матсмай стоитъ при большомъ открытомъ заливѣ и не имѣетъ никакой гавани; но японскія суда затягиваются къ самому берегу и стоятъ за грядами каменьевъ, которые, останавливая волны, служатъ имъ защитою; въ нѣкоторыхъ

Digitized by Google

а въ щели стѣнъ видѣли и самыя суда и еще одну часть города; къ сѣверу же видимы были крѣпость и горы Матсмайскія. Теперь жилище наше во многихъ отношеніяхъ перемѣнилось къ лучшему: мы могли по крайней мѣрѣ наслаждаться зрѣніемъ неба, свѣтилъ небесныхъ и разныхъ земныхъ предметовъ; также свободно прохаживаться по двору, и пользоваться прохладою вѣтровъ и чистымъ, не вонючимъ воздухомъ. Этихъ выгодъ прежде мы не имѣли, а сверхъ того и пищу стали намъ давать, противъ прежняго, несравненно лучшую; но все это насъ ни мало не могло утѣшать, когда только мы вспоминали о послѣднихъ словахъ буніоса: онъ намъ совѣтовалъ жить съ Японцами, какъ съ братьями и соотечественниками, а о Россіи не упомянулъ ни слова, чего дотолѣ никогда не случалось. Прежде бывало, при всякомъ случаѣ, разставаясь съ нами, утѣшалъ онъ насъ обѣщаніемъ ходатайствовать по нашему дѣлу, и обнадеживалъ, что мы будемъ возвращены въ свое отечество, а нынѣ уже и это пересталъ говорить, совѣтуя намъ почитать Японцевъ своими соотечественниками. Что же это значило, какъ не то, что мы должны водвориться въ Японіи, а о Россіи болѣе не помышлять? Но мы тогда же рѣшились и внутренно поклялись, что этому никогда не бывать, и во что бы то ни стало, но мы должны или силою отбиться у Японцевъ и уѣхать, буде лодка попадется намъ на берегу, или потихоньку уйти ночью, и завладѣть судномъ; впрочемъ всѣ мы, кромѣ Г. Мура, единодушно положили, лучше умереть, но въ Японіи на всю жизнь не оставаться.

Японскіе чиновники и переводчики наши, по обыкновенію своему пришедшіе насъ поздравлять съ перемѣною нашего состоянія, тотчасъ примѣтили, что домъ не произвелъ надъ нами ожиданнаго ими дѣйствія, и что мы такъ же не веселы, какъ были и прежде, почему и сказали намъ: «мы видимъ, что перемѣна вашего состоянія не можетъ васъ радовать, и что вы только и помышляете о возвра-

---

мѣстахъ, по увѣренію Японцевъ, глубина въ малую воду простирается до четырехъ саженъ; слѣдовательно очень достаточна для большихъ европейскихъ коммерческихъ судовъ.

щенія въ свое отечество; но какъ Правительство Японское ни на что еще въ разсужденіи насъ не рѣшилось, то губернаторъ, нынѣшнимъ лѣтомъ по прибытіи своемъ въ столицу (*), употребитъ всѣ средства и зависящіе отъ него способы склонить свое правительство дать вамъ свободу и отправить въ Россію.» О намѣреніи губернатора стараться въ нашу пользу, Теске говорилъ намъ неоднократно, и однажды, разсказывая, какъ много губернаторъ намъ доброжелательствуетъ и какъ хорошо онъ къ намъ расположенъ, открылъ такое обстоятельство, которое понудило насъ уйти непремѣнно до наступленія лѣта. Теске сказалъ намъ, что на дняхъ губернаторъ получилъ изъ столицы повелѣніе, которое онъ при немъ распечаталъ; но прочитавъ, выронилъ изъ рукъ, и въ изумленіи и печали повѣсилъ голову; когда же онъ спросилъ его о причинѣ, губернаторъ отвѣчалъ, что правительство не уважило его представленія, коимъ испрашивалъ онъ позволеніе, буде русскіе корабли прійдутъ къ здѣшнимъ берегамъ, снестись и объясниться съ ними дружески о существующихъ обстоятельствахъ; но вмѣсто сего теперь ему предписывается, поступать съ русскими судами по прежнимъ повелѣніямъ, то есть, дѣлать имъ всякій возможный вредъ, и стараться суда жечь, а людей брать въ плѣнъ, и потому, ожидая прибытія Русскихъ въ

(*) Во всѣхъ японскихъ областяхъ, не принадлежащихъ владѣтельнымъ князьямъ, а зависящихъ отъ самого императора, бываетъ по два буніоса или губернатора; одинъ изъ нихъ живетъ въ своей провинціи, а другой въ столицѣ. Они смѣняются погодно; управляющій областью о всѣхъ дѣлахъ пишетъ къ своему товарищу, который объ нихъ докладываетъ совѣту и прилагаетъ стараніе получить скорое рѣшеніе. Японцы находятъ сей способъ правленія губерніями весьма удобнымъ; притомъ у нихъ онъ нуженъ въ другомъ отношеніи: ни одинъ губернаторъ не имѣетъ права брать съ собою въ губернію ни жены, ни дѣтей; онѣ должны оставаться въ столицѣ заложниками его вѣрности. То же самое наблюдается и въ разсужденіи владѣтельныхъ князей: жены и дѣти ихъ всегда живутъ въ столицѣ, а сами князья погодно, одинъ годъ живутъ съ своею семьею, а другой въ княжествѣ своемъ.

Digitized by Google

Кунаширъ, приказано Князю Намбускому послать туда большой отрядъ войскъ, подъ предводительствомъ знатнаго военнаго чиновника, много артиллеріи и разныхъ снарядовъ, а равнымъ образомъ укрѣпить и усилить и прочія приморскія мѣста. Если такъ, сказали мы, то война должна послѣдовать необходимо, и теперь уже Русскіе не будутъ виновны въ кровопролитіи: Японцы сами поставляютъ преграду къ примиренію! «Что жъ дѣлать? отвѣчалъ Теске, война будетъ, но не вѣчно же она продолжится; когда нибудь мы примиримся, тогда васъ и отпустятъ домой.» Такъ! думали мы, отпустятъ! Это случится тогда, когда уже и кости наши истлѣютъ. Мы очень хорошо знали, что съ пособіями Охотскаго Порта невозможно было сдѣлать ни какого впечатлѣнія надъ Японскимъ Правительствомъ, чтобы понудить оное къ примиренію: для этого надлежало бы отправить сильную экспедицію изъ Балтійскаго Моря; но это зависѣло отъ того, скоро ли прекратится война съ Англіею, а между тѣмъ бы время текло, и обстоятельства постепенно позабывались.

Вотъ что страшило насъ и понуждало уйти до прибытія нашихъ судовъ: съ появленіемъ ихъ у японскихъ береговъ, караулъ за нами сдѣлался бы строже; притомъ Японцы, смотря по ихъ поступкамъ, опять могли бы насъ запереть въ клѣтки.

Теске обнадеживалъ насъ только тѣмъ, что по прибытіи сюда другаго губернатора, если и онъ будетъ объ насъ тѣхъ же мыслей, какъ и Аррао-Тадзимано-Ками (*), и сдѣлаетъ въ пользу нашу представленіе, то съ помощью личнаго ходатайства его товарища, они могутъ дѣлу нашему дать другой ходъ; но новаго губернатора мы не прежде могли ожидать, какъ чрезъ два мѣсяца, а между тѣмъ наши суда могли прійти, и испытавъ отъ Японцевъ назна-

(*) Аррао-Тадзимано, имя перваго губернатора, а ками означаетъ достоинство, получаемое знатными вельможами отъ духовнаго императора, которое всегда прилагается къ имени. Въ Европѣ, а можетъ быть и въ цѣломъ свѣтѣ, нѣтъ званія, соотвѣтствующаго сему японскому достоинству: оно заключаетъ въ себѣ нѣчто священное.

Digitized by Google

ченную для нихъ несликкомъ гостепріимную встрѣчу, вѣроятно не стали бы сносить болѣе такого оскорбленія, и принялись бы сами за непріятельскія дѣйствія. Притомъ отъ Теске мы узнали также, что новый губернаторъ везетъ съ собою ту тайную бумагу, присланную къ нимъ Хвостовымъ, которой они намъ еще не показывали, и въ ожиданіи коей Японцы безпрестанно предлагали намъ новые вопросы о разныхъ предметахъ, по совѣту Маміа-Ринзо, ибо онъ (какъ намъ сказалъ Теске), сдѣлавшись большимъ нашимъ врагомъ, утверждалъ здѣсь предъ губернаторомъ и въ столицу отправилъ донесеніе, что, по мнѣнію его, мы непремѣнно обманываемъ Японцевъ, и что мы не случайно къ нимъ пришли, а въ качествѣ шпіоновъ, чему приводилъ онъ разныя доказательства. Всѣ доводы, на коихъ основывалъ онъ свое мнѣніе, намъ не были извѣстны; но тѣ, о которыхъ Теске сказывалъ, были весьма смѣшны и глупы; по крайней мѣрѣ Европейцу должны они были показаться таковыми; напримѣръ: ему казалось сомнительнымъ, чтобъ мы имѣли кредитивное письмо на пять тысячъ піастровъ въ Кантонъ къ англійскому купцу, говоря, что иностранцу нѣтъ ни какой нужды давать намъ деньги, и что мы все нужное должны везти съ собою; почему онъ и спрашивалъ насъ, какъ зовутъ этого купца, бывалъ ли онъ въ Россіи, умѣетъ ли говорить по-русски и проч., но какъ бы то ни было, а Теске признался намъ, что хотя Маміа-Ринзо не въ силахъ былъ поколебать губернатора въ добромъ его объ насъ мнѣніи, но представленіе его въ столицѣ будетъ имѣть большое дѣйствіе, ибо и безъ того уже не только правительство, но и вся публика тамъ очень предубѣждены противъ насъ. Между тѣмъ переводчики наши продолжали прилежно учиться по-русски, безпрестанно насъ распрашивали и записывали сообщаемыя имъ нами различныя свѣдѣнія, напоминая часто, что съ новымъ губернаторомъ будутъ сюда ученые (*) нарочно для того, чтобъ

(*) Въ столичномъ городѣ Японской Имперіи есть заведеніе, подобное нашимъ университетамъ или академіямъ: члены его занимаются науками, и преподаютъ оныя молодымъ

заниматься съ нами науками, и узнать содержаніе нашихъ книгъ. Короче сказать, сколько мы ни разсматривали свое положеніе, но не видѣли ни малѣйшей надежды, чтобъ Японцы освободили насъ по доброй волѣ; перемѣну же нашего состоянія къ лучшему, мы имѣли многія причины приписывать желанію ихъ сберечь нашу жизнь, пріучить насъ терпѣливо переносить горькую нашу участь, и пользоваться нашими знаніями.

Утвердясь въ сихъ мысляхъ, мы помышляли единственно о томъ, какимъ способомъ привести въ исполненіе смѣлое предпріятіе, которому величайшую преграду находили въ товарищѣ своемъ Г. Мурѣ. Это несчастное обстоятельство дѣлало положеніе наше еще ужаснѣе, если только возможно: мы ясно видѣли, что онъ, такъ сказать, переродился и сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ даже пересталъ называться Русскимъ (*), и увѣрялъ Японцевъ, что вся родня его живетъ въ Германіи, и проч..... Явные разговоры его съ переводчиками показали намъ очень хорошо, чего мы должны отъ него ожидать, а Алексѣй сказывалъ намъ за тайну, что Г. Муръ открылъ ему свое намѣреніе вступить въ японскую службу, и быть переводчикомъ европейскихъ языковъ, и что онъ его приглашалъ къ тому же, обѣщая ему свое покровительство, когда онъ будетъ въ случаѣ. Тогда мы увидѣли, что онъ для насъ былъ самый опасный человѣкъ, и что мы непремѣнно должны поспѣшить исполненіемъ своего предпріятія.

Если бъ мы всѣ были согласны уйти, то исполненіе такого покушенія было бы не слишкомъ трудно. Солдаты тцынгарскаго караула, хотя и не спали по ночамъ, но нами не занимались, сидѣли обыкновенно около жаровни,

---

людямъ, изъ коихъ нѣкоторые живутъ въ самомъ заведеніи, а другіе приходятъ учиться, на что нужно имѣть позволеніе правительства. Велики ли познанія ихъ ученыхъ, я буду говорить въ послѣдствіи.

(*) Отецъ Г. Мура былъ Нѣмецъ въ нашей службѣ, но мать Русская, а потому онъ и крещенъ въ нашей Вѣрѣ. Воспитаніе получилъ онъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

разговаривали и курили табакъ; ихъ дѣло было только каждые полчаса обойти кругомъ дворъ, и простучать часы; офицеръ же ихъ хотя и сидѣлъ безпрестанно у рѣшетки, но сквозь нее смотрѣлъ на насъ не часто, а бо́льшею частію читалъ книгу (*). Что же касается до внутренней при насъ стражи, состоявшей изъ императорскихъ солдатъ, то они только сначала строго исполняли свою должность, но послѣ по ночамъ по бо́льшей части спали, или въ задней караульнѣ читали книги, а другіе играли въ карты или въ шашки (**). И такъ около полуночи мы всѣ

(*) Японцы чрезвычайно любятъ заниматься чтеніемъ; даже простые солдаты, стоя въ караулѣ, почти безпрестанно читаютъ, что намъ крайне не нравилось, ибо они всегда читаютъ вслухъ и нараспѣвъ, нѣсколько похоже на голосъ, которымъ у насъ читается псалтырь надъ усопшими, и потому, пока мы не привыкли, часто не могли спать по ночамъ. Они вообще любятъ читать отечественную исторію и описаніе бывшихъ у нихъ несогласій и войнъ съ сосѣдственными народами; всѣ такія книги напечатаны на Японскомъ Языкѣ. Въ печати употребленія свинцовыхъ буквъ они не знаютъ, а вырѣзываютъ свои творенія на доскахъ крѣпкаго дерева.

(**) Карточная игра и шашки въ большомъ употребленіи между Японцами; они любятъ играть въ деньги, и часто проигрываются до нитки. Съ картами познакомили ихъ голландскіе матросы, ибо прежде они могли свободно обращаться съ жителями, посѣщая въ Нангасаки питейные домы и непотребныхъ женщинъ. Карты въ Японіи были извѣстны подъ европейскимъ ихъ именемъ и состояли изъ пятидесяти двухъ листовъ; но какъ онѣ были запрещены, по причинѣ случившейся въ карточной игрѣ ссоры и смертоубійства, то Японцы выдумали, для отклоненія закона, сдѣлать колоду изъ сорока осьми картъ: онѣ величиною вчетверо менѣе нашихъ, и употребляются повсюду. Въ шашки игра ихъ премудреная, которой мы никакъ не могли дать толку: они употребляютъ пребольшую шашечницу и около четырехъ сотъ шашекъ, которыми ходятъ и берутъ въ разныхъ направленіяхъ и разнымъ образомъ. Матросы наши играли въ обыкновенныя европейскія шашки. Японцы тотчасъ переняли эту игру, и она вдругъ распространилась по всему городу, причемъ они выучились употреблять русскія названія, въ этой

Digitized by Google

могли потихоньку одинъ за другимъ выбраться на дворъ, оставивъ на постеляхъ у себя лишнее платье, поддѣлавъ оное наподобіе свернувшагося подъ одѣяломъ человѣка; потомъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ была подъ оградою небольшая канавка для спуска воды со двора, легко и скоро могли мы прокопать отверзтіе, въ которое одинъ человѣкъ могъ пролѣзть. Выбравшись за стѣну, надлежало намъ потихоньку, а индѣ и ползкомъ пробираться сквозь городъ къ морскому берегу, и подойдя къ высмотрѣнному нами во время прогулокъ судну, переѣхать на оное на маленькихъ лодкахъ, которыхъ по всему берегу много, и завладѣвъ имъ, пуститься въ море. Для исполненія сего плана нужно было только дождаться крѣпкаго вѣтра съ берегу. Но какъ Г. Муръ отъ насъ уже отдѣлился и, подозрѣвая наше намѣреніе, примѣчалъ за нами, какъ-то мы нѣсколько разъ замѣчали, то одни мы покуситься на такое предпріятіе никакъ не могли, ибо онъ, увидѣвъ и увѣрившись, что мы ушли, можетъ быть, не болѣе какъ чрезъ четверть часа послѣ нашего выхода за ограду, а вѣроятно и скорѣе, встревожилъ бы караульныхъ, и открылъ бы имъ наши намѣренія; въ такомъ случаѣ они вмигъ бросились бы къ берегу и пресѣкли бы намъ путь, потому что до самаго берега должны мы были проходить городомъ, а у Японцевъ въ улицахъ есть часовые и часто ходятъ патрули; притомъ ночью у нихъ никто не смѣетъ ходить безъ фонаря; слѣдовательно мы должны были пробираться, такъ сказать, ползкомъ, на что потребно было по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ, и потому этотъ планъ, безъ содѣйствія Г. Мура, не годился, а были другіе два. Первый: вмѣсто того, чтобы прокрадываться къ морскому берегу, мы могли итти между деревьями, насаженными на плотинѣ, составляющей родъ гласиса за рвомъ съ западной стороны крѣпости, ибо въ прогулкахъ нашихъ мы замѣтили, что у Японцевъ ни на валу, ни на гласисѣ не бываетъ

игрѣ обыкновенныя. Эти названія со временемъ, можетъ быть, подадутъ какому нибудь ученому мужу поводъ къ заключенію, что Русскій и Японскій Языки происходятъ отъ одного корня!

Digitized by Google

часовыхъ, а только внутри крѣпости у воротъ по два часовыхъ сидятъ въ большой будкѣ, и покуриваютъ отъ скуки табачекъ, какъ должно добрымъ служивымъ. Следовательно могли мы пройти въ длинную аллею большихъ деревъ, и потомъ на главное городское кладбище (*), которое было расположено на большомъ пространствѣ вдоль глубокаго оврага; пройдя кладбище, мы были бы уже въ чистомъ полѣ, а тутъ верстахъ въ двухъ начинаются и горы. Горами мы должны были итти дня три къ сѣверу, а потомъ, вышедши на морской берегъ, искать случая овладѣть судномъ. Другой планъ былъ тотъ, чтобы силою отбиться у конвойныхъ, если на прогулкѣ по берегу попадется намъ исправная лодка. Этотъ планъ мы предпочитали первому; ибо ушедши въ горы, мы могли дать время Японцамъ разослать повелѣнія по берегу, чтобы вездѣ имѣли строгій караулъ повсюду при судахъ, а первый планъ тѣмъ былъ неудобенъ, что надобно было ожидать стеченія двухъ случаевъ: свѣжаго попутнаго вѣтра и удобнаго судна, время же и обстоятельства не позволяли намъ медлить; однако жъ мы рѣшились подождать нѣсколько дней, не удастся ли исполнить втораго изъ нашихъ плановъ.

Между тѣмъ мы запасались всѣмъ нужнымъ къ вояжу, разумѣется чѣмъ могли; напримѣръ: прогуливаясь за городомъ, нашли мы огниво; одинъ изъ матросовъ, наступивъ на него, сталъ поправлять обувь, и тотчасъ тайно отъ Японцевъ положилъ въ карманъ, а потомъ изъ нѣсколькихъ кремней, бывшихъ у нашихъ работниковъ, нашли мы случай также потихоньку присвоить себѣ въ собственность парочку; лоскутъ же старой рубашки, будто бы случайно упадшій на огонь и сгорѣвшій, доставилъ намъ трутъ; притомъ мы ежедневно увеличивали количество съѣстныхъ припасовъ, которые всегда таскали съ

(*) Кладбищемъ мы могли итти какъ угодно скоро, ибо Японцы, точно такъ какъ и Европейцы, неохотно по ночамъ приближаются къ такимъ мѣстамъ; если бъ случилось кому нибудь изъ нихъ быть тутъ близко, то, увидѣвъ нѣсколько тѣней такого роста, какъ мы, мелькающихъ между памятниками, онъ и самъ бы не скоро опомнился.

Digitized by Google

собою, привязавъ около поясницы, подъ мышками и проч.. Эти заготовленія дѣлались по части экономической, а по военной нашли мы въ травѣ на нашемъ дворѣ большое острое долото, вѣроятно позабытое тутъ плотниками; мы тотчасъ его спрятали, и тогда же рѣшили при первомъ удобномъ случаѣ насадить оное на длинный шестъ, и употреблять вмѣсто копья; такое же назначеніе опредѣлили мы заступу, принесенному на нашъ дворъ на время, который будто бы случайно или по ошибкѣ засунули мы подъ крыльцо. Но это еще не все: пословица, что нужда всему научитъ, весьма справедлива. Г. Хлѣбниковъ умѣлъ даже сдѣлать компасъ; на сей конецъ выпросили мы у работниковъ двѣ большія иголки для починки платья, и сказали имъ, что потеряли ихъ. Японцы въ домахъ своихъ снаружи во многихъ мѣстахъ обиваютъ пазы мѣдью, и въ нашемъ домѣ было то же; только отъ времени почти вся мѣдь изоржавѣла и пропала; однако жъ Г. Хлѣбниковъ сыскалъ лоскутокъ, вычистилъ его и иголки соединилъ мѣдью, сдѣлавъ въ срединѣ ямку для накладыванія на шпильку; иголкамъ же, посредствомъ часто повторяемаго тренія о камень, имъ выбранный, сообщилъ достаточную магнитную силу, такъ, что онѣ весьма порядочно показывали полярныя страны свѣта. Футляръ сдѣлалъ онъ изъ нѣсколькихъ листовъ бумаги, склеенныхъ вмѣстѣ сарачинскимъ пшеномъ. За компасомъ работы было немало; притомъ мы должны были наблюдать большую осторожность: если бы Японцы примѣтили Г. Хлѣбникова, трущаго иголку о камень, то конечно не поняли бы настоящей причины, а подумали бы, что онъ точитъ ее; но Г. Мура нельзя было обмануть, и потому, когда Хлѣбниковъ въ заднемъ углу двора занимался этимъ дѣломъ, тогда кто нибудь изъ насъ ходилъ по двору, и подавалъ ему условленные знаки о приближеніи подозрительныхъ людей. . . . . .

Изъ дому Японцы стали водить насъ гулять чаще, нежели прежде. Сначала переводчики, а потомъ нѣкоторые изъ гражданъ приглашали насъ къ себѣ въ домы, и угощали; но какъ по ихъ закону не позволяется принимать въ домъ иностранцевъ, то заходили мы подъ видомъ, что

устали и имѣемъ нужду въ отдохновеніи, а тамъ уже все было приготовлено. Притомъ, соблюдая одни слова, а не смыслъ закона, они въ домъ насъ не вводили, но сажали на галереѣ, гдѣ заблаговременно были разостланы чистые маты, и подчивали насъ. по японскому обыкновенію, чаемъ, курительнымъ табакомъ, сагою, сладкими пирожками, плодами и прочимъ.

Однажды, прогуливаясь по берегу, подошли мы къ двумъ маленькимъ рыбацкимъ лодкамъ; въ то же время точно вдоль берега шла большая лодка подъ парусами: она была такая, какой мы искали; надлежало отбиться отъ Японцевъ, завладѣть рыбацкими лодками, и догнать большую; мы тотчасъ стали съ Г. Хлѣбниковымъ совѣтоваться, но увидѣвъ, что успѣхъ предпріятія подверженъ былъ крайнему сомнѣнію, мы оставили оное; ибо пока мы отбивались бы отъ конвойныхъ, рыбаки могли отвалить, да и завладѣвъ лодками, сомнительно было, догонимъ ли еще большую лодку. Между тѣмъ Г. Муръ, примѣчавшій каждый шагъ нашъ, тотчасъ догадался по положенію, которое взяли мы въ разсужденіи конвойныхъ, къ чему дѣло клонилось. По возращеніи нашемъ домой, Алексѣй немедленно сказалъ намъ потихоньку, что мы въ большой опасности, ибо Г. Муръ научалъ его открыть Японцамъ о нашемъ намѣреніи отбиться и уйти; въ противномъ случаѣ грозилъ, что самъ объ этомъ имъ скажетъ, и потому Алексѣй, спрашивалъ насъ, точно ли мы рѣшились это сдѣлать, и если такъ, то просилъ, чтобы его не покидали. Надобно знать, что послѣдній нашъ планъ мы скрывали отъ Алексѣя, опасаясь, чтобы онъ не струсилъ покуситься на такое отчаянное дѣло, и не измѣнилъ намъ. Притомъ мы замѣтили, что онъ всякій день по нѣскольку часовъ скрытно отъ насъ разговаривалъ съ Г. Муромъ и подозрѣвали, нѣтъ ли и тутъ какой хитрости: можетъ быть, Г. Муръ точно еще не увѣренъ, что мы дѣйствительно не оставили своего намѣренія и не побросали приготовленной провизіи. Объявивъ Японцамъ о семъ важномъ для нихъ и для насъ дѣлѣ, и не бывъ въ состояніи доказать оное, онъ осрамилъ бы себя предъ всѣми что сдѣлалъ такой поступокъ противъ своихъ

Digitized by Google

несчастныхъ соотечественниковъ, которые не желали и не сдѣлали ему ни малѣйшаго зла, а не хотѣли только для компаніи ему, умереть въ неволѣ; притомъ онъ могъ и то думать, что если на насъ донесетъ, а послѣ мы всѣ какимъ нибудь чудомъ возвратимся въ Россію, то эта измѣна будетъ ему причиною всегдашнихъ угрызеній совѣсти. Посему думали мы, что ему прежде нужно совершенно увѣриться въ нашемъ намѣреніи, а тогда уже открыть Японцамъ; на сей-то конецъ онъ и употребляетъ Алексѣя. Г. Хлѣбниковъ однако жъ думалъ, что этотъ Курилецъ расположенъ къ намъ искренно, и что ему можно открыть нашу тайну. Я колебался и не зналъ, на что рѣшиться; но матросы всѣ единогласно рѣшили не дѣлать его участникомъ въ такомъ важномъ для насъ дѣлѣ, говоря, что какія бы прежде мысли онъ объ насъ ни имѣлъ, но Г, Муръ могъ своими наставленіями перемѣнить ихъ и склонить его на свою сторону. Въ положеніи, подобномъ нашему, невозможно повелѣвать, а должно уговаривать, соглашать и уважать мнѣніе каждаго; почему мы приняли совѣтъ матросовъ нашихъ, и сказали Алексѣю, что отнюдь нѣтъ у насъ ни какого намѣренія уйти; развѣ лѣтомъ объ этомъ подумаемъ, а между тѣмъ стали спрашивать его мнѣнія, какъ бы это лучше сдѣлать и въ какое время. Теперь оставалась намъ только забота, какъ поступить съ Г. Муромъ: нельзя ли его также какъ нибудь увѣрить, чтобы онъ насъ не подозрѣвалъ въ такомъ замыслѣ? На сей конецъ я и Г. Хлѣбниковъ согласились открыть ему, что мы намѣрены уйти, и его приглашаемъ съ собою; сказать однако жъ, что не прежде думаемъ покуситься на это, какъ по пріѣздѣ новаго губернатора, когда уже узнаемъ содержаніе присланной Хвостовымъ бумаги, и увидимъ, какъ новый буніосъ будетъ къ намъ расположенъ, и что онъ намъ скажетъ. Можетъ быть, тогда откроется намъ надежда другимъ безопаснымъ и вѣрнымъ способомъ возвратиться въ отечество, а можетъ быть, наступятъ такія обстоятельства, которыя и его заставятъ съ нами согласиться и отважиться на послѣднюю крайность; до того же времени мы совсѣмъ не намѣрены уходить. На это Г. Муръ ска-

Digitized by Google

залъ намъ, что судьба его рѣшена: какія бы новости буніосъ намъ ни привезъ, онъ не уйдетъ, рѣшась остаться въ Японіи. Мы, къ удовольствію нашему, въ первые два дня примѣтили, что хитрость наша удалась: Г. Муръ совершенно успокоился, и пересталъ за нами примѣчать.

Наконецъ пришло и 20-е Апрѣля; скоро должно было наступить время, когда мы могли ожидать прибытія нашихъ судовъ, полагая, что Діана ушла на зиму изъ Охотска въ Камчатку, а удобнаго случая отбиться и завладѣть лодкою мы не находили, да и по всему казалось, что никогда не найдемъ. Между тѣмъ неосторожность нашихъ матросовъ, а можетъ быть отчасти и наша собственная, возбудила опять подозрѣніе въ Г. Мурѣ, и онъ сталъ посматривать на насъ косо. Дѣлать было нечего, и мы вывели слѣдующее заключеніе: берега Матсмая усѣяны селеніями, большими и малыми; при всякомъ изъ нихъ множество судовъ и людей. И такъ невозможно, чтобы вездѣ могъ быть строгій и крѣпкій караулъ; впрочемъ, въ небольшихъ рыбацкихъ шалашахъ, можемъ употребить и силу (а смѣлому Богъ помогаетъ), и потому рѣшились уйти въ горы. Апрѣля 23-го насъ водили гулять за городъ. Мы предложили Японцамъ, подъ видомъ любопытства, пойти посмотрѣть храмъ, строившійся вновь послѣ пожара при самомъ кладбищѣ (*). Этотъ способъ доставилъ намъ случай очень хорошо высмотрѣть и замѣтить всѣ тропинки, по коимъ мы должны были итти. Ходя въ полѣ, мы прилежно сбирали дикій лукъ, и на-

(*) Когда мы ходили гулять, Японцы очень часто показывали намъ свои храмы и часовни, и даже позволяли въ нихъ входить и все тамъ разсматривать, безъ малѣйшаго препятствія. Въ этомъ отношеніи они менѣе суевѣрны, нежели многіе европейскіе народы. Японцы сами насъ приглашали входить въ ихъ храмы и все показывали, а послѣ тутъ же въ дверяхъ храма сажали насъ, подчивали чаемъ, сагою и давали курить табакъ, да и сами то же дѣлали. Внутренность ихъ храмовъ съ перваго взгляда весьма походитъ на католическія церкви; такимъ же образомъ стоитъ иконостасъ, множество рѣзныхъ или вылитыхъ фигуръ, большихъ и малыхъ подсвѣчниковъ со свѣчами и проч.

Digitized by Google

брали такое количество (*), что Г. Муръ могъ увѣриться въ нашемъ намѣреніи пробыть еще нѣсколько времени въ его сообществѣ, а по возвращеніи домой, притворились, что крайне устали и легли отдыхать. Вечеромъ матросы наши взяли на кухнѣ, скрытнымъ образомъ, два ножа, а за полчаса до полуночи, двое изъ нихъ (Симановъ и Шкаевъ) выползли на дворъ, и спрятались подъ крыльцо, и коль скоро пробила полночь и тцынгарскій патруль обошелъ дворъ, они начали рыть прокопъ подъ стѣну. Тогда и мы всѣ (кромѣ Г. Мура и Алексѣя) вышли одинъ за другимъ, и пролѣзли на наружную сторону. При семъ случаѣ, я, упираясь въ землю ногою, скользнулъ и ударилъ колѣномъ въ небольшой колъ, воткнутый въ самомъ отверзтіи; ударъ былъ жестокій, но въ ту же минуту я пересталъ чувствовать боль. Мы вышли на весьма узенькую тропинку между стѣною и оврагомъ, такъ что съ великимъ трудомъ могли добраться по ней до дороги; потомъ пошли скорымъ шагомъ между деревьями по гласису и по кладбищу, а чрезъ полчаса были уже при подошвѣ горъ, на которыя надлежало подниматься.

(*) Японцы ѣдятъ дикій лукъ вареный, когда онъ еще очень молодъ, а черемши не ѣдятъ никогда, хотя она была бы для нихъ весьма полезна, ибо въ здѣшнемъ климатѣ цынготная болѣзнь свирѣпствуетъ въ высочайшей степени, и многихъ изъ нихъ въ гробъ вгоняетъ, а черемша, какъ-то опытомъ дознано, имѣетъ весьма сильное противуцынготное дѣйствіе. Но какъ мы ѣли и лукъ, и черемшу, то прогуливаясь въ полѣ всегда сами сбирали эти растенія, чтобъ избавить отъ лишнихъ трудовъ нашихъ работниковъ, которымъ и безъ того много было дѣла.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

ВАСИЛІЯ МИХАЙЛОВИЧА ГОЛОВНИНА

ВЪ ПЛѢНУ

У ЯПОНЦЕВЪ

ВЪ 1811, 1812 И 1813 ГОДАХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Русскіе скитаются по горамъ Матсмая. Японцы окружаютъ ихъ и возвращаютъ въ Матсмай. Пребываніе въ плѣну. Двукратное прибытіе шлюпа Діаны къ берегамъ Японіи. Освобожденіе.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1851.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 23-го Ноября 1850 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА.

Надобно знать, что весь обширный островъ Матсмай покрытъ кряжами высочайшихъ горъ; низменныя долины находятся только при берегахъ, и занимаютъ небольшое пространство отъ моря до подошвы горъ, которыя послѣ возвышаются постепенно хребтами, раздѣленными между собою глубокими лощинами и такъ, что одинъ хребетъ выше другаго; дошедъ напослѣдокъ до чрезвычайной высоты, они продолжаются по всему острову, мѣстами нѣсколько понижаясь, а индѣ опять возвышаясь. И потому вся внутренняя часть острова необитаема, а селенія, какъ японскія, такъ и курильскія, находятся только по берегамъ. Мы начали подниматься на горы верстахъ въ пяти отъ морскаго берега, и старались, гдѣ мѣсто позволяло, итти прямо къ сѣверу, направляя путь свой по звѣздамъ. При подъемѣ на первую гору, я уже сталъ чувствовать въ полной мѣрѣ жестокую боль въ ушибенномъ колѣнѣ, которое вдругъ опухло чрезвычайнымъ образомъ. Когда мы шли по ровному мѣсту, то съ помощью палки, я могъ слегка ступать больною ногою, и оттого боль нѣсколько уменьшалась, но поднимаясь вверхъ или идучи по косогору, по необходимости должно было упираться и больною ногою, тогда уже боль дѣлалась нестерпимою. Притомъ, не бывъ въ состояніи равно итти обѣими ногами, я скоро усталъ и почти вовсе выбился изъ силъ; почему товарищи мои при-

Digitized by Google

нуждены были каждые полчаса останавливаться, чтобъ дать мнѣ время отдохнуть и облегчить хотя немного больное колѣно. Намѣреніе наше было прежде разсвѣта достигнуть покрытыхъ лѣсомъ горъ, чтобы имѣть способъ скрыться отъ поисковъ непріятеля; ибо Японцевъ мы должны были теперь считать непримиримыми себѣ врагами. Когда мы прогуливались въ долинахъ, окружающихъ городъ, лѣсъ казался недалеко, но тутъ узнали опытомъ, какъ мы обманулись: прямой тропинки къ нему мы не сыскали, а поднимались гдѣ могли; почему иногда, по причинѣ весьма темной ночи, не имѣя возможности видѣть предметы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, приближались къ такой крутизнѣ, что подняться на нее не было средствъ; въ такомъ случаѣ мы принужденными находились итти по косогору не впередъ, а въ сторону, въ ожиданіи встрѣтить удобный подъемъ; попавъ же на оный, тотчасъ опять карабкались вверхъ, пока не встрѣчали новыхъ препятствій. Такимъ образомъ мучились мы болѣе трехъ часовъ; наконецъ поднялись на высокій хребетъ горъ, и пошли по ровной вершинѣ къ сѣверу; но судьбѣ угодно было вездѣ поставлять намъ препятствія и затрудненія: мы достигли теперь такой высоты, гдѣ мѣстами лежалъ снѣгъ на большое пространство, а какъ по снѣгу итти намъ было невозможно, ибо Японцы настигли бы насъ по слѣду, то выбирая чистыя мѣста, гдѣ снѣгу не было и не видя, далеко ли впередъ они простираются, мы принуждены были ходить изъ стороны въ сторону, а иногда и ворочаться; отчего исходили пребольшое разстояніе, и измучились, но впередъ подались мало. Напослѣдокъ, за часъ до разсвѣта, вышли мы нечаянно на большую дорогу, по которой Японцы ѣздятъ съ вьючными лошадьми изъ города въ лѣсъ за дровами, отчего дорога избита лошадиными копытами и людскими слѣдами, притомъ и снѣгу на ней не было; слѣдовательно Японцы нашихъ слѣдовъ никакъ примѣтить не могли; вела же она прямо на сѣверъ къ лѣсу, и лежала по ровной вершинѣ горнаго хребта. Мы весьма обрадовались такой встрѣчѣ, и удвоили свой шагъ; теперь, идучи по ровному мѣсту, я хотя и

Digitized by Google

чувствовалъ въ колѣнѣ и даже во всей ногѣ жестокую боль; но въ сравненіи съ тѣмъ, что испыталъ я, поднимаясь на горы, можно было назвать это великимъ облегченіемъ. Мы думали уже скоро достигнуть дремучаго лѣса, и располагали, забравшись въ чащу, отдыхать тамъ цѣлый день, но матросъ Васильевъ оглянувшись вдругъ сказалъ: «за нами гонятся на лошадяхъ съ фонарями,» и съ сими словами бросился съ дороги въ лощину. Взглянувъ назадъ, мы увидѣли нѣсколько огней, показавшихся весьма близко; тогда и мы послѣдовали за нимъ, и начали спускаться по крутизнѣ въ глубокую лощину. Долго мы спускались, не находя ни лѣса, ни кустовъ, гдѣ можно было бы спрятаться, а между тѣмъ уже разсвѣтало; если бъ тогда былъ день, то насъ можно бъ было видѣть со всѣхъ окружныхъ горъ, а скрыться было негдѣ. Наконецъ спустились мы на самый низъ пространной лощины, со всѣхъ сторонъ окруженной почти голыми горами; въ лощинѣ лежало еще много снѣгу, но мѣста, гдѣ бы можно было скрыться, мы не находили, а день уже насталъ. Нѣсколько минутъ стояли мы на одномъ мѣстѣ, озираясь кругомъ себя, и не зная что намъ предпринять; напослѣдокъ усмотрѣли въ одномъ каменномъ утесѣ отверзтіе, и подойдя къ оному, нашли, что тутъ была небольшая пещера, въ которой мы всѣ едва могли помѣститься. Подлѣ самой пещеры лился съ горы большой водопадъ, и выбилъ въ снѣгу подъ нею яму до самаго дна лощины, футовъ на десять. Къ пещерѣ подошли мы по снѣгу, ибо въ этомъ углу рытвины было его набито весьма много: она находилась въ утесѣ, сажени на полторы отъ низу лощины, и водопадомъ снѣга выбито было столько, что мы едва могли съ помощью небольшаго деревца стоявшаго у самаго отверзтія пещеры, ухватясь за оное, шагнуть въ нее; малѣйшая неосторожность (или если бы корень деревца былъ слабо утвержденъ въ разщелинѣ, изъ которой оно выросло) могло бы повергнуть кого нибудь изъ насъ въ выбитую водопадомъ яму, перемочило бы его до нитки, да и выкарабкаться оттуда было бы ему трудно, а мнѣ съ больною ногою моею и вовсе невозможно; однако жъ, благодаря Бога, мы всѣ благо-

Digitized by Google

получно вошли въ пещеру. Сидѣть намъ было очень непросторно, а притомъ и жестко, ибо гротъ нашъ до половины былъ наполненъ плитнякомъ, изъ коего состояла вся гора, и который лежалъ въ безпорядкѣ: многія плиты высунулись вверхъ краями и углами, а хуже всего было то, что мы почти не смѣли пошевелиться, и принуждены были съ величайшею осторожностью перемѣнять положеніе тѣла, потому что дно пещеры было покато къ ямѣ, сдѣланной водопадомъ, а плитнякъ мелокъ и сыпучъ, такъ что мы съ часу на часъ ожидали, что онъ покатится со всѣмъ и съ нами въ рытвину. И такъ мы не могли ни лечь, ни протянуться, а только облокачивались съ одной стороны на другую. Впрочемъ убѣжище наше было очень скрытно. Японцы, не подойдя вплоть къ пещерѣ, никакъ не могли насъ видѣть, а къ счастію нашему весьма холодный утренникъ такъ скрѣпилъ снѣгъ, что слѣды наши на немъ не были примѣтны. Насъ безпокоилъ только одинъ случай, которому виною былъ товарищъ нашъ Шкаевъ: когда мы уже спускались въ лощину, онъ потерялъ колпакъ свой, спитый имъ на дорогу изъ шерстянаго русскаго чулка. Японцы, нашедши, тотчасъ увидѣли бы, что эта вещь изъ нашего гардероба, и могли бы къ намъ добраться. Притомъ надобно сказать, что мы также опасались, чтобы снѣгъ у нашего выхода изъ пещеры, въ теченіе дня отъ дѣйствія солнечныхъ лучей не стаялъ въ большомъ количествѣ: тогда намъ уже невозможно было бы опять выйти, ибо поутру, какъ я выше сказалъ, мы съ трудомъ могли влѣзать въ пещеру. Въ такомъ положеніи мы просидѣли до самаго захожденія солнца, разговаривая о своемъ состояніи и о будущихъ нашихъ предпріятіяхъ. День былъ весьма ясный, но солнечные лучи къ намъ не проницали, а сосѣдъ нашъ водопадъ еще болѣе холодилъ окружающій насъ воздухъ, отчего иногда едва зубъ на зубъ у насъ попадалъ. Въ теченіе дня мы часто слышали удары топоровъ въ лѣсу, который теперь былъ уже отъ насъ не очень далеко а предъ захожденіемъ солнца, выглядывая изъ пещеры, видѣли на горахъ много людей. Впрочемъ особенно примѣчательнаго ничего не случилось, какъ развѣ

Digitized by Google

то, что въ одно время услышали мы шорохъ, какъ будто бы кто спускался къ намъ съ горы; шорохъ увеличивался и приближался; мы ожидали уже каждую минуту увидѣть отрядъ солдатъ, насъ преслѣдующихъ, и готовились защищаться и отбиться, буде можно, но вдругъ явился дикій олень, который лишь только почуялъ близость людей, то въ мигъ отъ насъ скрылся.

Когда появились на небѣ звѣзды, мы вышли изъ пещеры и стали подниматься къ сѣверу на высокую гору, которая отчасти была покрыта мелкимъ рѣдкимъ лѣсомъ. Въ это время состояніе мое было самое ужасное: сидя въ пещерѣ, я старался держать больную свою ногу почти всегда въ одномъ положеніи, и она меня не слишкомъ безпокоила; но когда мы пошли, а особливо, когда стали подниматься на гору, тогда боль не только въ одномъ колѣнѣ, но и по всей ногѣ, отъ пятки до поясницы, сдѣлалась нестерпимою. Я видѣлъ, какое мученье долженъ былъ перенести, поднявшись на одну эту гору, но что будетъ далѣе! Сколько разъ еще намъ надобно будетъ спускаться въ пропасти и подниматься на утесы? а обстоятельства требовали, чтобъ мы шли скоро. Я чувствовалъ, что дѣлалъ большую помѣху своимъ товарищамъ, и могъ быть причиною ихъ гибели, и потому сталъ просить ихъ именемъ Бога оставить меня одного умереть въ пустынѣ; но они на это никакъ согласиться не хотѣли. Я представлялъ имъ, что видно судьбѣ угодно уже, чтобъ я погибъ здѣсь, ибо при самомъ началѣ нашего покушенія я сдѣлался неспособнымъ имъ сопутствовать, и такъ почему же имъ, бывъ въ полномъ здоровьѣ и въ силахъ, безъ всякой пользы для меня, погибать со мною, когда они могутъ еще завладѣвъ судномъ, спастись и достигнуть Россіи? Что же касается до меня, то слѣдуя за ними, я долженъ буду только ихъ задерживать и самъ претерпѣвать лишнее мученіе; рано или поздно они должны же будутъ меня оставить, и пр. Однако жъ они просьбы моей не уважили, а говорили, что пока я живъ, то не оставятъ меня, и что они готовы каждую четверть часа останавливаться и давать мнѣ время отдыхать; когда же достигнемъ

Digitized by Google

безопаснаго мѣста, то можемъ пробыть тамъ дня два или три для отдохновенія и поправленія больной моей ноги; сверхъ того матросъ Макаровъ вызвался самъ добровольно помогать мнѣ при подъемахъ на горы, такимъ образомъ, чтобы я шелъ за нимъ и держался за его кушакъ. И такъ я рѣшился, претерпѣвая ужасное мученіе, слѣдовать за моими товарищами, но уже, можно сказать, не шелъ, а Макаровъ тащилъ меня. Поднявшись на первую гору, достигли мы ровной вершины ея, покрытой высокою прошлогоднею травою и мелкимъ растеніемъ дерева бамбу. Отдохнувъ нѣсколько времени, пошли мы по вершинѣ, направляя путь свой по звѣздамъ, къ сѣверу. Ночь была тихая и свѣтлая; мы хорошо видѣли вдали превысокіе хребты, снѣгомъ покрытые, которые надлежало переходить. Тотъ хребетъ, по вершинѣ коего мы шли и слѣдующій за нимъ были раздѣлены преужасною лощиною, столь глубокою, что мы никакъ не могли рѣшиться ночью спускаться въ нее, опасаясь, чтобы не зайти въ такую пропасть, изъ которой и назадъ выбраться будетъ трудно, а потому, вмѣсто того, чтобы итти къ сѣверу, пошли мы вдоль лощины на западъ, въ надеждѣ встрѣтить горы, соединяющія сіи два хребта; да и въ самомъ дѣлѣ, недолго мы находились въ безпокойствѣ, и скоро нашли какъ будто нарочно искусствомъ сдѣланную плотину, которая лежала прямо поперегъ всей лощины, и соединяла оба хребта; она очень походила на дѣло рукъ человѣческихъ, и только одна огромность ея показывала, что она есть твореніе природы. Спускаясь на сей переходъ, увидѣли мы два шалаша, изъ коихъ происходилъ нерѣдка свистъ, точно такой, какимъ у насъ манятъ перепеловъ; присѣвъ въ траву, мы долго слушали, желая удостовѣриться, птица ли это или охотники, сидѣвшіе въ шалашахъ. Наконецъ рѣшились итти къ нимъ полагая, что ихъ не можетъ быть такое число, съ которымъ не могли бы мы управиться; но подойдя поближе, увидѣли, что ночью два костра жердей намъ показались шалашами. Взявъ изъ нихъ по одной жерди вмѣсто копей, пошли мы далѣе, а перейдя на другой хребетъ, напали на большую дорогу, ведущую къ сѣверу, по которой возятъ

Digitized by Google

дрова и уголье на вьючныхъ лошадяхъ въ городъ; между тѣмъ примѣтили мы, что нынѣшнею весною никто еще по ней не ѣздилъ, хотя вездѣ кругомъ насъ видны были огни, происходившіе отъ жженія угля въ ямахъ. Продолжая итти по найденной нами дорогѣ, начали мы встрѣчать мелкій густой лѣсъ и большую траву, и потому, когда время было уже за полночь, мы вздумали отдохнуть, забравшись въ чащу, ибо сидя въ пещерѣ на острыхъ каменьяхъ, мы ни на минуту даже не могли задремать. Проспавъ часа два, а можетъ быть и болѣе, пошли мы далѣе по дорогѣ, которая съ вершины хребта повела насъ разными кривыми излучинами въ преглубокую лощину; спустившись туда на самый низъ, пришли мы къ небольшой рѣчкѣ, которая была мѣстами покрыта льдомъ и глубокимъ снѣгомъ, но онъ былъ такъ твердъ, что могъ насъ поднимать. Тутъ мы потеряли свою дорогу, и потому перешли по снѣгу всю лощину поперегъ оной, къ подъему на слѣдующій хребетъ, въ то мѣсто, гдѣ, по нашимъ догадкамъ, ожидали найти продолженіе потерянной нами дороги; однако ихъ большой дороги сыскать не могли, а карабкаясь на гору, напали на небольшую тропинку. Поднимаясь по ней, взошли мы на вершину хребта, который былъ выше всѣхъ тѣхъ, кои мы прошли, и какъ мы лѣзли весьма тихо, останавливаясь притомъ очень часто для отдохновенія, то вершины хребта достигли передъ самымъ почти разсвѣтомъ, и нашедъ тутъ удобное мѣсто для дневанья, расположились остаться на весь день; для этого мы умяли въ густой чащѣ горнаго тростнику (или мелкаго растенія бамбу) на такое пространство, на которомъ бы намъ всѣмъ можно было лечь вплоть одинъ къ другому, чтобы хотя этимъ средствомъ немного согрѣться, ибо утро было очень холодное, а мы одѣты были неслишкомъ тепло; но и двухъ часовъ, я думаю, мы не въ состояніи были пролежать, а спать почти и вовсе не могли: такъ много безпокоила насъ стужа. Лишь только насталъ день, мы встали и осмотрѣли всѣ окружавшіе насъ предметы. Мы находились на превысокой горѣ и со всѣхъ сторонъ были окружены хребтами высокихъ горъ; тѣ изъ нихъ,

Digitized by Google

которые находились отъ насъ къ полуденной сторонѣ, были ниже того хребта, на которомъ мы расположились, а находившіеся къ сѣверу несравненно его превышали. Впрочемъ, кромѣ неба, горъ, лѣса и снѣга, мы ничего не видали, но эти предметы имѣли весьма величественный видъ. Примѣтивъ, что всѣ вершины хребтовъ были покрыты небольшою мрачностью, мы заключили, что если у насъ будетъ огонь, то съ окружныхъ горъ нельзя разсмотрѣть дыму; почему согласились развести оный между тростникомъ, чтобъ погрѣться около него и согрѣть чайникъ (*) не для того чтобъ пить чай (у насъ его не было), а чтобы можно было засохшее и покрытое плѣсенью и гнилью наше пшено удобнѣе прогнать въ горло; мы хотѣли было сварить какой нибудь дикой зелени, но въ горахъ ничего не могли сыскать годнаго въ пищу; здѣсь, можно сказать, почти еще царствовала зима: такъ высоко мы забрались! Наломавъ сухихъ сучьевъ, развели мы огонь и согрѣли снѣжную воду; потомъ, сдѣлавъ изъ горнаго тростника трубочки, пили посредствомъ ихъ воду, какъ насосомъ, и немного поѣли; между тѣмъ съ востока изъ-за дальныхъ хребтовъ начали подниматься страшныя тучи, и вѣтеръ въ горахъ сталъ завывать. По мѣрѣ возвышенія тучъ, разстилались онѣ по хребтамъ, и вѣтеръ усиливался; грозный видъ облаковъ показывалъ приближеніе ненастья. Мы думали, что въ такую пору, вѣрно въ горахъ нѣтъ опасности встрѣтить кого нибудь сильнѣе насъ, а посланные въ погоню издали насъ примѣтить не могутъ, и такъ рѣшились, не дожидаясь ночи, пуститься въ путь; къ тому понуждалъ насъ и холодъ, который теперь сталъ, не смотря на огонь, много насъ безпокоить. Пошли мы прямо на сѣверъ по тропинкѣ, бывшей на вершинѣ горы, но она, поворачивая понемногу въ сторону, тотчасъ повела насъ назадъ; почему, своротивъ съ нея, пошли мы сквозь горный тростникъ своимъ направленіемъ, и скоро пришли къ спуску съ хребта въ лощину; онъ былъ крутъ и мѣстами

(*) Уходя отъ Японцевъ, мы не позабыли взять съ собою мѣдный чайникъ, который, къ счастію нашему, въ ту ночь работники оставили на очагѣ въ каморкѣ, гдѣ спали матросы.

Digitized by Google

покрытъ снѣгомъ. Боль у меня въ ногѣ не уменьшалась, и я съ жестокимъ мученіемъ шелъ или тащился держась за кушакъ Макарова; но когда стали мы спускаться, нестерпимая боль заставляла меня катиться по снѣгу, сидя на одномъ лишь платьѣ безъ всякой подстилки, и управляя палкою съ привязаннымъ къ ней долотомъ, которая служила мнѣ также для уменьшенія скорости, когда я катился по крутымъ спускамъ. Ожиданіе ненастья не сбылось: облака разсѣялись, сдѣлалась весьма ясная погода, и всѣ горы показались очень хорошо; но мы уже рѣшились на одинъ конецъ, и не хотѣли останавливаться. Спускаясь къ самой лощинѣ, увидѣли мы въ ней, на берегу небольшой рѣчки, двѣ или три землянки, но въ нихъ не было никого. Переправясь чрезъ рѣчку вбродъ, стали мы опять подниматься на превысокій хребетъ, по весьма крутой горѣ, которая однако жъ была покрыта большимъ лѣсомъ; почему мы имѣли ту выгоду, что могли, хватаясь за деревья, легче подниматься; а притомъ, прислоняясь къ нимъ, можно было чаще отдыхать, да и видѣть насъ съ сосѣдственныхъ горъ въ лѣсу не было возможно. Поднявшись уже довольно высоко, встрѣтили мы крутой утесъ, на который надлежало намъ карабкаться съ превеликимъ трудомъ и опасностью. Достигнувъ самаго верха утеса, мнѣ нельзя уже было держаться за кушакъ Макарова, иначе онъ не могъ бы съ такою тяжестью взлѣсть на вершину, и потому я, поставивъ пальцы здоровой ноги на небольшой камень, высунувшійся изъ утеса, а правую руку перекинувъ чрезъ молодое дерево, подлѣ самой вершины его бывшее, которое такъ наклонилось, что было почти въ горизонтальномъ положеніи; сталъ дожидаться, пока Макаровъ взлѣзетъ наверхъ и будетъ въ состояніи мнѣ пособить подняться; но, тащивъ меня за собою, Макаровъ, хотя впрочемъ весьма сильный, такъ усталъ, что лишь поднялся наверхъ, какъ въ ту же минуту упалъ и протянулся какъ мертвый. Въ это самое время камень, на которомъ я стоялъ, отвалился отъ утеса и полетѣлъ внизъ, а я повисъ на одной рукѣ, не бывъ въ состояніи ни на что опереться ногами, ибо въ этомъ мѣстѣ утесъ былъ

Digitized by Google

весьма гладокъ. Недалеко отъ меня были всѣ наши матросы, но отъ чрезмѣрной усталости они не могли мнѣ подать ни какой помощи; Макаровъ лежалъ почти безъ чувствъ, а Г. Хлѣбниковъ поднимался въ другомъ мѣстѣ. Пробывъ въ такомъ мучительномъ положеніи нѣсколько минутъ, я началъ чувствовать чрезмѣрную боль въ рукѣ, на которой висѣлъ, и хотѣлъ было уже опуститься въ бывшую подо мною пропасть въ глубину саженъ слишкомъ на сто, чтобъ въ одну секунду кончилось мое мученіе; но Макаровъ, пришедъ въ чувство, и увидѣвъ мое положеніе, подошелъ ко мнѣ, одну ногу поставилъ на высунувшійся изъ утеса, противъ самой моей груди, небольшой камышекъ, а руками охватился за вѣтви молодаго дерева, стоявшаго на вершинѣ утеса, и сказавъ мнѣ, чтобъ я свободною моею рукою ухватился за его кушакъ, употребилъ всю свою силу, и вытащилъ меня на верхъ. Если бъ камень изъ-подъ ноги у Макарова упалъ, или вѣтви, за которыя онъ держался, изломились, тогда бы мы оба полетѣли стремглавъ въ пропасть, и погибли бы безъ всякаго сомнѣнія. Между тѣмъ Г. Хлѣбниковъ, поднимавшійся въ другомъ мѣстѣ, почти на половинѣ высоты утеса встрѣтилъ такія препятствія, что никакъ не могъ лѣзть выше, а что всего хуже, то и внизъ спуститься уже не былъ въ состояніи, почему матросы, связавъ нѣсколько кушаковъ, спустили къ нему одинъ конецъ, и пособили ему выйти изъ такого опаснаго положенія. Добравшись всѣ до половины утеса, и отдохнувъ тутъ, стали мы опять подниматься на хребетъ. Мы издали видѣли близъ вершины этой горы землянку, или можетъ быть, что нибудь показалось намъ землянкою, почему и вознамѣрились мы, достигнувъ ея, переночевать въ ней, и для того поднимались къ тому мѣсту, гдѣ предполагали найти ее. Передъ захожденіемъ солнца достигли мы, съ превеличайшими трудами, до самой вершины хребта, который былъ одинъ изъ высочайшихъ по всему Матсмаю; ибо изъ горъ, видѣнныхъ нами къ сѣверу, немногія превышали его вышиною. Вершина сего хребта вся покрыта была горнымъ тростникомъ, между коимъ повсюду лежалъ снѣгъ; большія деревья

Digitized by Google

только изрѣдка стояли кое-гдѣ; землянки мы не нашли; но тутъ считали себя въ совершенной безопасности, ибо никакъ не ожидали, чтобъ Японцы вздумали искать насъ на такой ужасной высотѣ; почему тотчасъ развели огонь, и стали готовить ужинъ, состоявшій въ черемшѣ и конскомъ щавелѣ, набранныхъ нами по берегамъ рѣчки, которую мы сего дня (25-го Апрѣля) прошли въ лощинѣ вбродъ. Растенія сварили мы въ снѣжной водѣ, а между тѣмъ высушили свое платье, которое перемочили при переходѣ рѣкою, гдѣ вода была гораздо выше колѣна, и построили на ночь изъ горнаго тростнику шалашъ. Наѣвшись вареной травы съ небольшимъ количествомъ нашего запаса, мы легли спать, когда уже наступила ночь. Отъ жестокой усталости и отъ неспанья болѣе двухъ сутокъ, сначала я уснулъ крѣпко, и, можетъ быть, часа три спалъ очень покойно; но проснувшись почувствовалъ, что у насъ въ шалашѣ было чрезвычайно жарко, и вышелъ на воздухъ. Тутъ, подлѣ шалаша, прислонившись къ дереву, сталъ я размышлять на свободѣ: сперва обратилъ на себя все мое вниманіе величественный видъ окружавшаго насъ мѣста: небо было чисто, но подъ ногами нашими, между хребтами, носились черныя тучи, и надобно было полагать, что на низменныхъ мѣстахъ шелъ дождь; всѣ горы, кругомъ покрытыя снѣгомъ, видны были весьма ясно; я никогда прежде не замѣчалъ, чтобъ звѣзды такъ ярко блистали, какъ въ эту ночь; въ окрестностяхъ же царствовала глубокая тишина, но это величественное зрѣлище мгновенно въ мысляхъ моихъ исчезло, когда я обратился къ своему положенію. Мнѣ представился вдругъ весь ужасъ нашего состоянія: мы, шестеро только, находились на одномъ изъ высочайшихъ хребтовъ Матсмая, безъ платья, безъ пищи, а что всего хуже, и безъ оружія, помощью коего можно было бы достать то и другое: мы были окружены непріятелями и дикими звѣрями (*), не имѣя при себѣ

(*) Матсмайскіе лѣса наполнены медвѣдями, волками, лисицами, зайцами, оленями, дикими козами; также водятся въ нихъ и соболи, только шерстью они красноваты; почему и не

способовъ къ оборонѣ; мы скитались на острову, для переѣзда съ коего нужно было завладѣть судномъ, и имѣть силы управлять имъ, а мы уже почти вовсе ихъ потеряли отъ чрезвычайныхъ трудовъ, встрѣтившихся намъ на пути чрезъ горы; сверхъ всего этого, больная моя нога на каждомъ шагу заставляла меня терпѣть ужасное мученіе. Размышленіе о безпомощномъ нашемъ состояніи доводило меня до отчаянія; между тѣмъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей также проснулись: ихъ вздохи, стоны и взыванія къ Богу еще болѣе меня растрогали; тогда уже я позабылъ свое состояніе, такъ точно, какъ бы я наслаждался совершеннымъ счастіемъ, а сожалѣлъ единственно объ нихъ. Въ такомъ положеніи я простоялъ болѣе часа; наконецъ чрезвычайный холодъ заставилъ меня искать убѣжища въ шалашѣ, гдѣ я опять легъ, но уже болѣе не могъ сомкнуть глазъ.

На разсвѣтѣ (26-го Апрѣля) мы встали, развели огонь, сварили опять черемши и щавелю для завтрака, поѣли и пошли въ путь. Сего утра мы рѣшились не итти уже далѣе по горамъ, а нашедши рѣчку, текущую къ западу, стараться по ней выйти на морской берегъ, и по берегу итти къ сѣверу, изыскивая случай овладѣть судномъ или лодкою. Принявъ такое намѣреніе, спустились мы съ хребта въ преглубокую лощину, въ которой и нашли точно такую рѣку, какой желали; почему, не поднимаясь на горы, пошли берегомъ внизъ по рѣкѣ къ западу, но путь нашъ и тутъ былъ немногимъ легче того, какой мы имѣли идучи горами. Рѣка текла мѣстами на немалое разстояніе въ узкихъ ущелинахъ между каменистыми горами, съ великимъ стремленіемъ; въ такихъ мѣстахъ мы принуждены были пробираться съ преболышимъ трудомъ и опасностью, ибо малѣйшая неосторожность или нечаянность угрожала намъ паденіемъ въ воду, быстрина коей увлекла бы насъ и избила между каменьями; притомъ мы каждыя четверть часа, и чаще еще, должны были переходить рѣку

имѣютъ почти ни какой цѣны; здѣшніе медвѣди чрезвычайно люты, и нападаютъ какъ на людей, такъ и на скотину.

Digitized by Google

вбродъ, съ одного берега на другой. Избѣгая утесистыхъ береговъ, по которымъ итти нельзя, и выбирая ровные, мы всегда старались переходить тамъ, гдѣ теченіе рѣки не такъ быстро, но иногда по необходимости переходили въ такихъ мѣстахъ, что едва съ помощью палки могли держаться противъ стремленія воды; глубина же рѣки была не одинакова: мѣстами до колѣна, а индѣ и въ поясъ. Когда мы прошли немного далѣе къ западу, начали намъ попадаться по берегу пустыя хижины, въ коихъ лѣтомъ живутъ дровосѣки и выжигатели угольевъ. Мы искали въ нихъ съѣстныхъ припасовъ, но ничего такого тутъ не было, а нашли старый топоръ и долото, покрытые ржавчиною, и двѣ чашечки подъ лакомъ, которыя и взяли съ собою. День былъ ясный, и солнце сіяло очень ярко, почему прежде нежели скрылось оно за горы, мы расположились ночевать въ одной хижинѣ, при которой была угольная печь, съ намѣреніемъ высушить на солнцѣ свое платье, измоченное при переходѣ чрезъ рѣку; огня же большаго для того мы развести не смѣли, чтобъ не подать знака о себѣ Японцамъ; мы имѣли только небольшой огонь, на которомъ сварили черемшу, купырья и щавель, собранные на пути. Высушивъ платье, легли мы спать въ хижинѣ, которая не имѣла половины крыши, почему мы спали подъ чистымъ небомъ. Ночь была холодная, но холодъ насъ мало безпокоилъ, ибо мы легли на солому и ею же прикрылись.

Поутру 27-го Апрѣля, окончивъ обыкновенный нашъ завтракъ, пошли мы далѣе внизъ по рѣкѣ; но пройдя часа два, увидѣли хижину, изъ которой шелъ дымъ; мы не находили никакой пользы сдѣлать насиліе бѣднымъ жителямъ, а показаться имъ и оставить ихъ было опасно, чтобы они не дали знать объ насъ посланнымъ за нами въ погоню, почему мы, поднявшись на гору, покрытую лѣсомъ, пошли по косогору къ западу; потомъ спустились въ лощину по найденной нами тропинкѣ, гдѣ, у ручья, въ половинѣ дня поѣли немного бобовъ и пшена, и стали по той же тропинкѣ подниматься на гору. Поднявшись, увидѣли мы чрезъ другія, меньшія горы море; но всѣ онѣ, какъ и та, на которой мы находились, были совершенно голыя; на нихъ не росло ни

кустарника, ни высокой травы: впрочемъ всѣ онѣ были, такъ сказать, исчерчены дорожками въ разныхъ направленіяхъ; день же былъ такъ ясенъ, что стоя на одной горѣ, можно даже было видѣть собаку, бѣгущую по тропинкѣ на другой; слѣдовательно намъ тутъ итти было опасно: Японцы могли издали, по числу и даже по росту нашему, угадать, кто мы таковы. Но съ другой стороны намъ жаль было терять время даромъ; мы хотѣли, къ вечеру подойдя вплоть къ морскому берегу, отдохнуть немного, а въ ночь пуститься вдоль его, почему и рѣшились итти согнувшись и въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, примѣчая въ всѣ стороны, не покажутся ли люди; такимъ образомъ шли мы съ часъ, и спустились на другую небольшую гору; но тутъ итти было очень опасно, ибо даже и съ берега, гдѣ у Японцевъ лежитъ большая дорога, насъ могли примѣтить, почему мы легли на травѣ, и совѣтовались что намъ предпринять. Въ самое это время вдругъ показался конный отрядъ, ѣхавшій прямо къ намъ по тропинкѣ; мы тотчасъ ползкомъ спустились въ лощину, и засѣли въ кусты, которыми были покрыты обѣ ея стороны. Конные проѣхали, не примѣтивъ насъ; тутъ мы увидѣли, сколь неблагоразумно было итти намъ по горамъ, ибо если бъ въ это время, когда они вдругъ възъѣхали на гору, мы не лежали, а шли, то намъ нельзя было бы не открыть себя имъ, и они тотчасъ бы насъ настигли. По лощинѣ, въ которую мы спустились, текъ небольшой ручей; дно его было грязно и наполнено сгнившими кореньями и листьями; разрывая оные, мы находили въ тинѣ небольшихъ раковъ, въ полдюйма величиною; видъ ихъ былъ весьма отвратителенъ, но мы ѣли насѣкомыхъ, какъ какое нибудь лакомство. Просидѣвъ около часа въ лощинѣ, мы согласились итти по ней (ибо она вела къ морскому берегу прямо) пока есть кусты по сторонамъ ея, или покуда не увидимъ ясно со дна дорожекъ на горахъ. Такимъ образомъ шли мы болѣе часа; напослѣдокъ пришли въ такое мѣсто, которое видно было съ разныхъ дорогъ, по горамъ лежащихъ; почему мы засѣли въ мелкій лѣсъ, въ которомъ также много было горнаго тростнику. Тутъ мы нашли

Digitized by Google

прекрасныя молодыя деревья: сдѣлали изъ нихъ себѣ копья, на которыя насадили ножи и долото, а другія просто заострили; одинъ же изъ матросовъ былъ вооруженъ найденымъ въ хижинѣ топоромъ. Пока мы занимались симъ дѣломъ, вдругъ услышали голоса приближающихся къ намъ людей; они прошли по другой сторонѣ лощины близко насъ, и Г. Хлѣбниковъ ихъ видѣлъ; но они насъ не примѣтили, однако жъ это были не посланные за нами, а рабочіе люди, потому что между ими находились женщины. Передъ сумерками мы пошли далѣе, и когда настала ночь, вышли на морской берегъ и пошли по немъ къ сѣверу (*), но не пройдя и версты, вдругъ очутились подлѣ самаго селенія, стоявшаго при высокомъ утесѣ, отчего мы не примѣтили его прежде. Сначала мы остановились и опасались итти селеніемъ, полагая, что въ немъ есть караулъ; но какъ на утесъ подниматься было высоко и трудно, то и рѣшились мы, во что бы то ни стало, пуститься прямо. Намъ удалось пройти селеніе безъ малѣйшаго препятствія; мы никого не видали и на насъ даже собаки не лаяли. Мы еще останавливались для осмотра попавшихся намъ двухъ лодокъ: онѣ были очень хороши, только малы; потому и пошли мы далѣе, въ надеждѣ со временемъ сыскать суда удобнѣйшія для нашего намѣренія. Случай сей былъ для насъ весьма пріятенъ: мы увѣрились, что Японцы караулятъ не всякое селеніе и суда въ ономъ.

(*) Въ какомъ разстояніи отъ города мы вышли на берегъ, расчитать было невозможно, ибо поднимаясь безпрестанно съ горы на гору, и поворачивая то въ ту, то въ другую сторону, иногда и назадъ, мы весьма мало подавались впередъ, а во всѣ направленія исходили очень большое разстояніе; но какъ, сверхъ того, шли мы, по причинѣ мѣстнаго положенія, не всегда съ одинаковою скоростью, то о перейденномъ разстояніи не было способа сдѣлать ни какого заключенія, а потому я и не упоминаю объ ономъ; но судя по положенію двухъ небольшихъ необитаемыхъ островов, которые мы увидѣли, вышедъ на берегъ, и кои прежде видали изъ Матсмая, мы не весьма удалились отъ сего города, и вѣрно не болѣе двадцати пяти верстъ.

Digitized by Google

Въ продолженіе ночи прошли мы еще нѣсколько селеній такъ же смѣло, какъ и первое, видѣли подлѣ нихъ лодки, но ни одной не находили для насъ годной. Впрочемъ дорога наша по берегу не такъ-то была легка, какъ мы сначала предполагали, ибо между горами и берегомъ была высокая равнина, весьма часто пересѣкаемая глубокими оврагами, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ текутъ изъ горъ къ морю рѣчки и ручьи, а тамъ, гдѣ крутые каменистые утесы, встрѣчающіеся здѣсь очень часто, препятствуютъ итти подлѣ самой воды, дорога поднимается съ берега на равнину и идетъ чрезъ помянутые овраги; спуски и подъемы съ нихъ круты и часто для облегченія идутъ излучинами по весьма узкимъ тропинкамъ (*); посему мы часто ихъ теряли, а особливо спустившись въ лощины, которыя обыкновенно были усѣяны мелкими каменьями или песком, мы уже не видали дороги, и не знали, въ которомъ мѣстѣ настоящій подъемъ на другой сторонѣ, а потому принуждены были по часу и болѣе искать дороги; иногда же, не бывъ въ состояніи найти оную, должны были въ темнотѣ карабкаться наверхъ въ такомъ крутомъ мѣстѣ, что съ величайшимъ трудомъ и крайнею опасностью едва могли достигать вершины. Нерѣдко также случалось, что идучи по низменному берегу, мы проходили настоящій подъемъ на равнину, а идучи впередъ, и не зная что тамъ есть, встрѣчали непроходимые утесы и каменья; почему или ворочались или карабкались наверхъ съ безпрестанною опасностью сломить себѣ шею. Передъ разсвѣтомъ (28-го Апрѣля) стали мы подниматься въ горы, чтобы спрятаться на день. Когда уже разсвѣло, мы находились на высокой, почти совсѣмъ голой горѣ, не имѣя мѣста, гдѣ

(*) Японцы въ Матсмаѣ и вообще на Курильскихъ Островахъ, по причинѣ множества гористыхъ мѣстъ, не употребляютъ ни какихъ повозокъ, а всѣ тяжести перевозятъ водою или на лошадяхъ и на быкахъ. Путешествуютъ же они, люди знатные и чиновные въ носилкахъ или портшезахъ, а прочіе верхомъ, и потому здѣсь у нихъ, собственно говоря, нѣтъ настоящихъ дорогъ, а только тропинки, которыя на крутыхъ мѣстахъ, для удобнѣйшаго спуска лошадей, проведены излучинами.

Digitized by Google

намъ скрыться; напослѣдокъ нашли мы при ея вершинѣ къ оврагу небольшой приступокъ, на которомъ было нѣсколько маленькихъ кустиковъ; тогда мы, наломавъ въ разныхъ мѣстахъ по горѣ прутьевъ изъ кустовъ, воткнули ихъ тутъ же, и сѣли за ними; къ несчастію нашему, на этихъ горахъ снѣгу уже не было, да и воды достать было невозможно, почему насъ ужаснымъ образомъ мучила жажда. На другой сторонѣ оврага, противъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, шла дорога въ лѣсъ, по которой взадъ и впередъ нѣсколько разъ проѣзжали люди съ вьючными лошадьми; мы ихъ весьма хорошо видѣли и даже могли бы узнать въ лице, если бъ они намъ были знакомы, но они насъ не примѣтили; впрочемъ могли бы увидѣть, если бъ кто изъ нихъ пристально посмотрѣлъ въ нашу сторону. Во весь день мы занимались работою: сшили два паруса изъ своихъ рубашекъ, и приготовили изъ взятыхъ съ собою веревокъ и изъ лоскутьевъ бумажной матеріи, свитыхъ веревками, всѣ нужныя къ нимъ снасти. Отъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, близко было одно селеніе, которое мы видѣли. Къ вечеру мы примѣтили, что одно изъ судовъ, шедшихъ вдоль берега, подошло къ селенію, и стало на якорь; мы тотчасъ рѣшились въ эту ночь напасть на него, если вѣтеръ будетъ благопріятствовать; почему, по захожденіи солнца, спустились съ горы къ морскому берегу, и пошли назадъ къ помянутому селенію. Подойдя, мы услышали необыкновенный шумъ, происходившій отъ многихъ голосовъ съ того судна; мы сѣли съ намѣреніемъ дождаться глубокой ночи, а тогда уже сдѣлать нападеніе, но скоро увидѣли, что судно снималось съ якоря, и люди на немъ шумѣли работая; тогда нечего было терять времени, и мы пошли опять впередъ по берегу. Въ эту ночь мы терпѣли болѣе нежели въ первую; ибо овраги встрѣчались чаще и были выше, а притомъ во многихъ лощинахъ принуждены мы были переходить рѣки вбродъ. Около полуночи пришли мы къ чрезвычайно большому селенію; сначала вошли въ улицу и хотѣли пройти сквозь его прямо; но примѣтивъ, какъ оно велико, и услышавъ, что въ срединѣ его караульные били часы,

по японскому обыкновенію, дощечками, принуждены были обойти кругомъ. При семъ селеніи огороды занимали такое пространство, что мы никакъ не могли ихъ миновать, а идучи ими, оставили слѣды свои, которые, по одной величинѣ ихъ, уже были слишкомъ примѣтны (*). По берегу въ разныхъ мѣстахъ видѣли мы большіе огни; сначала намъ не было извѣстно что они значатъ; мы думали, что по берегу разставлены пикеты, которые ихъ жгутъ; но вскорѣ послѣ увидѣли, что это были маяки, на выдавшихся въ море мысахъ, для судовъ, которыя тогда проходили; ибо коль скоро на суднѣ, проходившемъ мысъ, показывались фонари, зажигали въ то же время огонь и на мысу. На зарѣ (29-го Апрѣля) стали мы подниматься въ горы для днёвки. Когда совсѣмъ развѣло, мы были на вершинѣ высокой голой горы, гдѣ однако жъ не было для насъ убѣжища; ибо во всѣхъ направленіяхъ кругомъ мы видѣли тропинки, по которымъ жители изъ разныхъ селеній ходятъ въ лѣсъ, и такъ спустились мы на другую сторону въ глубокую, покрытую лѣсомъ лощину, на днѣ коей текъ ручей; тутъ мы расположились въ безопасномъ мѣстѣ, и развели огонь, чтобъ обсушиться и обогрѣться, ибо день былъ отмѣнно холодный и вѣтряный, а притомъ набрали черемши, дегильевъ и бартовнику, которые сварили и поѣли, только не весьма съ хорошимъ аппетитомъ, ибо трава да трава, безъ всякой другой пищи, кромѣ горсточки бобовъ или пшена, слишкомъ намъ наскучила, и даже сдѣлалась отвратительною, такъ, что я, съ моей стороны, вовсе потерялъ позывъ на ѣду, но пилъ почти

(*) По непривычкѣ носить японскую обувь, мы просили, чтобы намъ дали кожи, а одинъ изъ матросовъ, бывъ сапожникомъ, могъ сшить намъ сапоги. Японцы дали намъ тюленьи кожи на голенища, а кожу съ медвѣжьихъ головъ на подошвы. Изъ этого матеріяла Симановъ сшилъ намъ сапоги или, лучше сказать, бахилы, называемые по-сибирски тарбасами. Они были чрезвычайно велики, и слѣдъ ногъ матросовъ нашихъ, обутыхъ въ такіе сапоги, конечно былъ болѣе нежели вдвое противъ японскихъ слѣдовъ, и такъ нельзя, чтобъ они, увидѣвъ наши слѣды, не догадались чьи они

Digitized by Google

безпрестанно, когда вода попадалась. Теперь мы начали помышлять, какъ бы прежде нападенія на судно, снабдить себя съѣстными припасами, да забраться въ какое нибудь безопасное мѣсто въ лѣсу, построить тамъ шалашъ и поправить немного свои силы, ибо мы почти вовсе ихъ потеряли, какъ по недостатку пищи, такъ и по чрезмѣрно труднымъ переходамъ. Къ несчастію нашему, горы на большое разстояніе отъ берега были оголены (*) совершенно, а селенія попадались намъ почти на каждыхъ трехъ верстахъ; изъ нихъ днемъ люди безпрестанно ходятъ по горамъ въ лѣсъ, а потому близко берега, въ дневное время, мы не имѣли ни какого способа укрыться, но должны были передъ разсвѣтомъ тащиться по горамъ нѣсколько верстъ въ лѣсъ, а къ ночи опять тою же утомительною дорогою выходить на берегъ, такъ, что достигнувъ только берега, мы были уже изнурены и едва могли итти. Выбирая способы снабдить себя пищею, мы не хотѣли безъ крайности употреблять силу, чтобъ тѣмъ не раздражить еще болѣе Японцевъ, и не заставить ихъ увеличить надзоръ и стражу при судахъ. Завладѣть судномъ былъ нашъ главный предметъ, ибо мы знали, что ихъ суда всегда бываютъ достаточно снабжены съѣстными припасами и прѣсною водою; въ ожиданіи же удобнаго случая, мы рѣшились, проходя селеніями, искать

(*) Къ востоку отъ Матсмая берега до самаго моря покрыты лѣсомъ; почему мы думали, что и тѣ, которые находятся къ западу отъ города, также много имѣютъ лѣсу; но нашли совсѣмъ противное, ибо отъ моря на большое разстояніе внутрь острова, весь лѣсъ вырубленъ на дрова и на уголье, которымъ здѣсь чрезвычайный расходъ, потому что Японцы не имѣютъ печей, а держатъ безпрестанно огонь на очагахъ, и какъ зимы здѣсь бываютъ холодны и продолжительны, то для такого великаго народонаселенія потребно множество дровъ и уголья. Недостатокъ въ лѣсѣ на ближнихъ къ морю горахъ съ западной стороны Матсмая показываетъ, что Японцы въ этомъ краю стали селиться сначала, а восточную сторону заняли недавно. Основаніе города Матсмая они считаютъ около четырехъ сотъ лѣтъ предъ симъ.

Digitized by Google

вѣшалъ, на коихъ Японцы вялятъ и сушатъ рыбу, или стараться поймать въ полѣ лошадь или двѣ, и увести ихъ въ лѣсъ, достигнувъ тамъ безопаснаго мѣста, убить, и кормиться до времени лошадинымъ мясомъ. По закатѣ солнца, мы поднялись въ походъ, и достигнувъ морскаго берега, пошли вдоль онаго, встрѣчая прежнія трудности, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще и болѣе, ибо овраги становились круче и выше, рѣки въ лощинахъ стали попадаться чаще, а притомъ текли онѣ съ чрезвычайною быстротою и были въ глубину мѣстами въ поясъ; сверхъ всего этого шелъ сильный дождь, который, вымочивъ насъ, препятствовалъ еще и отдыхать на травѣ. Въ эту ночь случились съ нами два происшествія, заслуживающія примѣчанія. Первое: идучи вдоль берега, подлѣ самой воды, увидѣли мы предъ собою недалеко огонь, но когда приблизились къ нему, вдругъ онъ исчезъ; тамъ, гдѣ онъ показался, мы встрѣтили утесъ чрезвычайной высоты, но ни пещеры, ни хижины ни какой не нашли, и не знаемъ, откуда происходилъ огонь, или это былъ только призракъ. На утесъ поднялись мы съ превеликимъ трудомъ, и послѣ, пройдя небольшое разстояніе, спустились въ весьма глубокую лощину, и когда изъ нея поднялись на равнину по крутой излучистой и скользкой тропинкѣ, повстрѣчалось съ нами второе происшествіе крайне непріятное и крайне насъ огорчившее. Г. Хлѣбниковъ поскользнулся и покатился въ оврагъ; на нѣсколько минутъ онъ задержался, но послѣ опять покатился ниже; тогда мы ничего не могли слышать что съ нимъ сдѣлалось. На вопросы наши, произносимые обыкновеннымъ голосомъ, онъ не отвѣчалъ, а кричать было невозможно, ибо по обѣ стороны отъ насъ недалеко были селенія. Ночь была такъ темна, что въ десяти шагахъ ничего не было видно. Мы вздумали связать всѣ наши кушаки; къ одному концу ихъ привязали Васильева, который и сталъ спускаться въ оврагъ, куда упалъ Г. Хлѣбниковъ, а мы сѣли и, держа кушаки крѣпко, понемногу выпускали ихъ; наконецъ выпустивъ всѣ, принуждены были опять его вытащить. Васильевъ сказалъ намъ, что онъ опускался

Digitized by Google

низко, но далеко ли еще простирается эта пропасть въ глубину, увидѣть никакъ не могъ. Онъ кликалъ Г. Хлѣбникова, но отвѣта не получилъ. Такимъ образомъ мы рѣшились ждать разсвѣта, а тогда одному изъ насъ спуститься въ оврагъ, и посмотрѣть, живъ ли Г. Хлѣбниковъ, и въ какомъ онъ состояніи. Въ такой мучительной неизвѣстности объ одномъ изъ самыхъ полезныхъ нашихъ товарищей, пробыли мы часа два; наконецъ услышали въ травѣ шорохъ, а потомъ, къ неизъяснимому нашему удовольствію, увидѣли, что это былъ Г. Хлѣбниковъ. Онъ сказалъ намъ, что упавъ въ рытвину, катился онъ нѣсколько саженъ, потомъ на нѣсколько минутъ задержался, но покушаясь подниматься, и не видя ничего около себя, опять покатился; наконецъ сажени на четыре перпендикулярной высоты упалъ въ лощину, но, къ счастію. не на каменья, однако жъ жестоко ушибся (*); наконецъ всталъ и, карабкаясь кое-какъ, достигъ того мѣста, гдѣ мы его ожидали. Отдохнувъ немного, онъ опять пошелъ съ нами, хотя и чувствовалъ боль въ разныхъ частяхъ тѣла. Я и теперь безъ ужаса не могу помыслить, на какіе страшные утесы мы иногда поднимались, и въ какія пропасти часто принуждены были спускаться. Нынѣ ни за какіе милліоны я и днемъ не полѣзъ бы по такимъ мѣстамъ: иногда, поднимаясь на превысокій утесъ, имѣя подъ собою каменья, хватались мы за какой нибудь прутъ, выросшій въ разщелинахъ горы, не зная, крѣпокъ ли его корень или не изсохъ ли онъ самъ, такъ что если бъ онъ выдернулся, то державшійся за него вмигъ полетѣлъ бы въ пропасть, и о каменья разбился бы въ дребезги; часто становились мы на высунувшіеся изъ утеса каменья, которые даже шатались; но Богъ былъ столь къ намъ милостивъ, что, кромѣ этого случая съ Г. Хлѣбниковымъ, никто изъ насъ не упалъ. Здѣсь надобно сказать, что отчаянное наше положеніе заставляло насъ забывать всѣ опасности, или лучше сказать пренебрегать ими: мы лазили по пропастямъ, ни мало не помышляя ни о смерти, ни о какой опасности, и такъ равно-

(*) Слѣдствіе сего удара онъ чувствуетъ и по сіе время.

Digitized by Google

душно, какъ бы шли по самому безопасному мѣсту; я только желалъ, чтобъ въ случаѣ, если упаду, ударъ былъ рѣшительный, дабы не мучиться ни сколько отъ боли.

Передъ разсвѣтомъ (30-го Апрѣля), по обыкновенію нашему, стали мы подниматься на горы, и забрались въ частый мелкій лѣсъ, гдѣ и засѣли недалеко отъ дороги, почему и огня намъ нельзя было имѣть, а нужно было бы, ибо мы всѣ были мокры, да и тогда шелъ дождь. И такъ мы легли рядомъ вплоть другъ къ другу, и одѣлись нашими парусами. Въ продолженіе дня товарищи мои немного поѣли изъ бывшей у нихъ провизіи; но я вовсе потерялъ аппетитъ, а только жажда меня мучила ужаснымъ образомъ. При наступленіи ночи мы вышли опять на берегъ и пошли далѣе; во всѣхъ селеніяхъ, коими мы проходили, не видали мы ни одной лодки, удобной для нашего предпріятія, и. къ несчастію нашему, осматривая вѣшала, рыбы на нихъ не нашли: надобно думать, что тогда ловъ ей еще не начинался, или на ночь Японцы рыбу снимаютъ. Въ полѣ видѣли мы лошадей, и пытались ловить, но нашли ихъ столь пугливыми и осторожными, что никакъ не могли поймать ни одной. Однажды, въ эту ночь, подошли мы къ крутому спуску съ равнины на морской берегъ, и, спустившись до половины, примѣтили, что спускъ велъ насъ въ самое селеніе; продолжая итти, мы сбились съ тропинки, и принявъ въ темнотѣ накладенную стогомъ вплоть къ горѣ солому, за отлогость спуска, взошли на оную, и покатившись съ нею вмѣстѣ, вдругъ очутились подлѣ дома на гумнѣ. Тутъ бросились на насъ собаки, но мы поправясь продолжали покойно свой путь; видѣли двухъ человѣкъ съ фонарями, которые конечно должны были насъ примѣтить. Жажда мучила насъ всѣхъ до такой степени, что мы не пропускали ни одной рѣчки, ни одного ручья, чтобъ не напиться, но всякій разъ, когда я пилъ воду, въ ту же минуту послѣ начинадо меня тошнить; настоящей рвоты не было, а безпрестанно шла слюна, и чрезъ четверть часа послѣ дѣлался сильный позывъ на питье такъ, что даже журчанье ручейка впереди дѣлало нѣкоторое удовольствіе, и

заставляло удвоивать шагъ, чтобъ поскорѣе напиться, но тотчасъ послѣ снова дѣлалась тошнота. Такимъ образомъ, встрѣчая часто воду, я почти безпрестанно пилъ и мучился позывомъ на рвоту, но ѣсть мнѣ совсѣмъ не хотѣлось. Въ это время у всѣхъ насъ изнутри происходилъ отвратительный запахъ, который самимъ намъ былъ несносенъ.

Мая перваго мы дневали на косогорѣ, при берегѣ рѣки, въ густомъ лѣсу, подлѣ самаго селенія, находившагося на песчаномъ мысу у моря. Изъ лѣсу видѣли мы многихъ конныхъ и пѣшихъ, переходившихъ вбродъ чрезъ рѣку, и подлѣ насъ близко по дорогѣ ходили люди; и потому принуждены мы были просидѣть цѣлый день безъ огня, а когда наступила ночь, пошли въ путь. Встрѣтивъ нѣсколько человѣкъ съ огнями, мы прижались къ деревьямъ и пропустили ихъ; они скоро воротились, тогда и мы пошли. Подойдя къ селенію, услышали мы, что тамъ обходные били часы: это означало, что тутъ была военная команда, а какъ ночь не довольно еще стемнѣла, и они могли насъ увидѣть, то рѣшились мы подождать. Между тѣмъ увидѣли мы подлѣ самаго селенія на лугу лошадь, привязанную на арканѣ; мы хотѣли ее взять, завести подалѣе въ лѣсъ и убить; на сей конецъ уже и арканъ отрѣзали, но вдругъ вскочилъ жеребенокъ; тогда мы догадались, что лошадь эта была кобыла; ея жеребенокъ, бѣгая кругомъ, сталъ ржать очень громко; поймать же его мы никакъ не могли, а потому опасаясь, чтобы по ржанію его, Японцы насъ не настигли, мы принуждены были оставить кобылу. Послѣ хотѣли было надоить отъ нея въ чайникъ молока, которое послужило бы намъ къ большому облегченію, но она подошедшему къ ней матросу дала было такого толчка, что мы потеряли охоту къ молоку.

Когда наступила совершенная ночь, мы пошли мимо селенія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ онаго, подлѣ самаго берега, и когда поравнялись противъ средины селенія, бросились на насъ собаки. Опасаясь, чтобы онѣ лаемъ своимъ не возбудили вниманія караульныхъ, которые тотчасъ примѣтили бы насъ, (ибо мы шли по берегу, а они, смотря изъ селенія къ чистому мѣсту на водѣ, непремѣнно должны

Digitized by Google

были бы насъ увидѣть), мы принуждены были сѣсть на берегу за высокою песчаною насыпью. Коль скоро мы сѣли, собаки остановились, смотрѣли на насъ и ворчали: но лишь только мы вставали съ мѣста, чтобъ итти, онѣ тотчасъ бросались на насъ, начинали лаять и заставляли опять садиться; такимъ образомъ принуждены мы были болѣе получаса просидѣть на одномъ мѣстѣ, пока собаки не удалились; тогда мы встали, и прошли селеніе безъ всякой помѣхи. Послѣ того прошли мы еще нѣсколько селеній; при одномъ изъ нихъ увидѣли стоящую у берега на водѣ лодку, а подлѣ нея на берегу была палатка наподобіе будки; мы хотѣли разсмотрѣть что это за лодка, но матросъ Шкаевъ, желая нетерпѣливо узнать, нѣтъ ли въ палаткѣ чего нибудь съѣстнаго, просунулъ туда руку, и схватилъ невзначай за лицо спавшаго тамъ человѣка, который въ ту же секунду громко закричалъ. Ѳпасаясь, чтобъ изъ селенія на насъ не напали, и не зная точно, могла ли лодка вмѣстить всѣхъ насъ, мы тотчасъ удалились и легли за каменья, а потомъ двое изъ насъ подошли потихоньку высмотрѣть лодку, но увидѣвъ, что на ней ходилъ человѣкъ и озирался во всѣ стороны, мы сочли за нужное оставить его, и пошли далѣе вдоль селенія. Не пройдя еще онаго, нашли мы нѣсколько лодокъ, затащенныхъ на бугоръ къ самымъ домамъ: мы ихъ осмотрѣли и нашли, что онѣ были очень для насъ удобны, но стояли отъ воды такъ далеко, что спустить ихъ мы не имѣли ни какого способа; почему и принуждены были продолжать путь далѣе. Вскорѣ послѣ того нашли мы на пустомъ берегу большую лодку, стоявшую подъ крышею, въ которой, кромѣ парусовъ (*), былъ весь нужный снарядъ, даже ведерки, въ которыя могли бы мы запасти прѣсную воду; въ это время и вѣтеръ намъ благопріятствовалъ; но, къ несчастію нашему, лодка стояла бокомъ къ водѣ, слѣдовательно для спуска оной надлежало прежде ее поворотить, для чего у насъ недоставало силъ. Впрочемъ, если бы она стояла къ морю носомъ или кормою, мы

(*) Но паруса у насъ были свои.

Digitized by Google

бы ее спустили, и въ первомъ домѣ ближняго селенія, отбивъ силою нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, пустились бы въ море. Но какъ спустить лодку возможности не было, то мы, взявъ изъ нее лейку, чтобъ доставать и пить ею воду, пошли далѣе, а на зарѣ, по обыкновенію нашему, стали подниматься на дневанье въ горы. День наступилъ, но мы еще были на голой горѣ, на которой находилось нѣсколько мелкихъ кустовъ; кругомъ же насъ были вездѣ тропинки; по берегу видѣли мы селенія, а густой лѣсъ, гдѣ бы намъ можно было скрыться, находился отъ насъ въ такомъ разстояніи, что мы долго достигнуть до него не могли; и такъ рѣшились по необходимости сѣсть между кустами въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы были при наступленіи дня. День былъ ясный; мы стали просушивать свое платье, а между тѣмъ составляли новый планъ нашимъ дѣйствіямъ. Мы видѣли, что, не употребивъ силы, невозможно намъ будетъ получить съѣстныхъ припасовъ, а сдѣлавъ это и оставшись на берегу, могли мы лишь только понудить Японцевъ увеличить осторожность свою и разставить караулы по берегамъ; завладѣть же удобнымъ для нашего предпріятія судномъ едва ли могли скоро сыскать случай, почему и стали мы помышлять, нельзя ли взять двѣ рыбацкія лодки, какихъ по берегу вездѣ было много, и переѣхать на небольшой покрытый лѣсомъ островъ, находившійся отъ берега верстахъ въ двадцати пяти или тридцати, на которомъ, какъ-то мы прежде еще въ Матсмаѣ слышали отъ Японцевъ, нѣтъ жителей. Тамъ могли мы строить порядочный шалашъ, и держать огонь, когда угодно; притомъ можно было безъ всякой опасности ходить днемъ по берегу, и сбирать раковины и разныя морскія растенія, употребляемыя въ пищу. Такимъ образомъ имѣли бы мы средство долго жить въ ожиданіи случая напасть, въ тихую погоду, на какую нибудь идущую съ грузомъ лодку, ибо въ теченіе трехъ дней, когда мы имѣли въ виду сей островъ, замѣчено нами, что всѣ суда и лодки, шедшія въ обѣ стороны вдоль берега, проходили между симъ островомъ и берегомъ Матсмая, и, какъ казалось, гораздо ближе къ острову; потому мы и думали, во время ти-

Digitized by Google

шины морской, какая здѣсь лѣтомъ часто бываетъ по вечерамъ, буде случится въ виду лодка, выѣхать и напасть на нее; если же этого не удастся скоро сдѣлать, то уже лѣтомъ, когда вѣтры бываютъ тише и дуютъ почти безпрестанно съ восточной стороны, пуститься въ тѣхъ же рыбацкихъ лодкахъ на Татарскій Берегъ, отстоящій отъ Матсмая въ четырехъ стахъ верстахъ. Но въ то самое время, когда мы занимались изобрѣтеніемъ способовъ къ нашему спасенію, судьба готовила намъ другую участь. Мы увидѣли, что люди стали ходить кругомъ насъ по тропинкамъ, хотя насъ и не примѣчали; однако жъ напослѣдокъ Г. Хлѣбниковъ увидѣлъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, на высокомъ холмѣ, стояла женщина, которая, часто посматривая къ намъ, поворачивалась во всѣ стороны и махала рукою, сзывая людей. Мы тотчасъ догадались, что она насъ видитъ, и вѣрно дѣлаетъ знаки поселянамъ, почему и стали спускаться въ лощину, чтобъ пробраться по ней къ лѣсу; но не успѣли мы сойти на самый низъ ея, какъ вдругъ лощину съ обѣихъ сторонъ обстали люди, прибѣжавшіе и пріѣхавшіе верхомъ; они подняли страшный крикъ. Я и Макаровъ пошли въ мелкіе кусты и скоро отъ нихъ скрылись; но изъ кустовъ далѣе итти намъ не было возможно, почему мы тутъ легли, ожидая своихъ товарищей, и высматривая, сколько было тутъ поселянъ и чѣмъ они вооружены, но, къ великому нашему удивленію, увидѣли, вмѣсто поселянъ, нѣсколько десятковъ солдатъ подъ командою одного офицера, бывшаго на лошади; они всѣ были вооружены не только саблями и кинжалами, но и ружьями и стрѣлами. Они уже успѣли окружить нашихъ четырехъ товарищей, которые принуждены были сдаться; мы изъ кустовъ видѣли, какъ Японцы имъ связали руки назадъ, спрашивали объ насъ, и повели къ морскому берегу. Народъ же между тѣмъ сбѣгался, и Японцы принялись искать насъ двоихъ; тогда Макаровъ спросилъ меня, что мы двое будемъ дѣлать; я ему сказалъ: можетъ быть, до ночи Японцы насъ не сыщутъ; мы проберемся къ морскому берегу, спустимъ рыбацкую лодку, и уѣдемъ на островъ, а потомъ на Татарскій Берегъ. Но

Digitized by Google

гдѣ паруса наши, чайникъ, огниво, большіе ножи? Это все было у нашихъ товарищей, и попалось къ Японцамъ; а у насъ осталось только по рогатинѣ: у меня съ долотомъ, а у Макарова съ ножемъ. Однако жъ, не смотря на это, я предложилъ моему товарищу, если мы освободимся отъ Японцевъ, поискать на берегу рыбацкой хижины, и силою получить все намъ нужное; онъ согласился. Мы сидѣли прижавшись въ кустахъ, и видѣли сквозь вѣтви солдатъ и поселянъ, бѣгавшихъ по обѣимъ сторонамъ лощины и насъ искавшихъ. Наконецъ четыре человѣка изъ нихъ, двое съ саблями, а двое съ копьями, спустились въ лощину и пошли вдоль ея прямо къ намъ, а прочіе по сторонамъ лощины шли рядомъ съ нами, держа ружья и стрѣлы въ рукахъ; тѣ четверо, которые шли къ намъ, каждый кустъ, въ которомъ и собака съ трудомъ могла бы скрыться, ощупывали концемъ копья, а потомъ къ нему приближались. Когда они были уже близко насъ, Макаровъ, увидѣвъ, что я взялъ въ руки свою рогатину, сталъ со слезами меня просить, чтобы я не защищался и не убилъ кого изъ Японцевъ, говоря, что въ такомъ случаѣ я погублю всѣхъ своихъ товарищей; но отдавшись могу спасти ихъ, сказавъ Японцамъ, что я, какъ начальникъ, приказалъ имъ уйти со мною, и что они не послушать меня не смѣли, опасаясь наказанія въ Россіи, буде бы когда нибудь мы туда возвратились. Слова сіи, касавшіяся до спасенія моихъ товарищей, произвели надо мною такое дѣйствіе, что я въ ту жъ минуту воткнувъ въ землю мое копье, вышелъ вдругъ изъ куста къ Японцамъ, а за мною и Макаровъ. Такое явленіе заставило ихъ отступить шага на два; но, увидѣвъ, что у насъ не было ничего въ рукахъ, они къ намъ подошли смѣло, взяли насъ, завязали слабо руки назадъ, и повели къ морскому берегу въ селеніе. Впрочемъ не дѣлали ни какихъ обидъ или ругательствъ; напротивъ того, примѣтивъ, что я хромалъ и не могъ безъ большой боли ступать, двое изъ нихъ взяли меня подъ руки, и помогали подниматься на горы, и вообще пособляли итти трудными мѣстами. Въ селеніи привели

Digitized by Google

насъ въ домъ, гдѣ были уже наши товарищи, съ которыми и насъ посадили.

Тутъ дали намъ саги и накормили сарачинскою кашею, сельдями и рѣдькою, а послѣ напоили чаемъ; потомъ развязали намъ руки, и связали ихъ иначе напереди, весьма слабо, совсѣмъ не съ такою жестокостью, какъ въ Кунаширѣ. Пробывъ съ часъ въ селеніи, повели насъ по берегу въ Матсмай, за крѣпкимъ конвоемъ. Тутъ примѣтили мы, что по слѣдамъ нашимъ, на берегу, гдѣ мы шли ночью, Японцы ставили тычинки, а гдѣ мы поднимались въ горы, тамъ они слѣдъ нашъ теряли; но послѣ на пескѣ по морскому берегу опять находили; это показывало, что они безпрестанно слѣдовали за нами (*), но напасть на насъ не хотѣли, вѣроятно, опасаясь, чтобъ мы защищая себя многихъ изъ нихъ не перебили, а можетъ быть и по другимъ причинамъ.

Когда мы проходили селенія, весь народъ сбирался смотрѣть насъ; но къ чести Японцевъ и теперь должно сказать, что никто изъ нихъ не дѣлалъ намъ ни какихъ обидъ, ниже насмѣшекъ, а смотрѣли на насъ всѣ съ выраженіемъ жалости; изъ женщинъ же нѣкоторыя, подавая намъ пить или ѣсть, смотря на насъ плакали. Вотъ чувствованія народа, который иные просвѣщенные Европейцы называютъ варварскимъ! Впрочемъ конвойный нашъ начальникъ обходился съ нами суровѣе, нежели какъ прежде дѣлывали японскіе чиновники; напримѣръ: мы шли безпрестанно пѣшкомъ, хотя могъ бы онъ дать намъ верховыхъ лошадей; чрезъ ручьи и рѣчки не переносили насъ, какъ то прежде бывало, а мы сами должны были переходить вбродъ; отъ дождя не закрывали зонтиками, а накинули на насъ рогожи, и вели цѣлыя сутки, останавливаясь только въ нѣкоторыхъ селеніяхъ не болѣе какъ

(*) Послѣ мы слышали отъ самихъ Японцевъ, что они шли по нашимъ слѣдамъ въ ночное время, и часто насъ видали. Разсказывая намъ о томъ, они показывали, какъ мы останавливались, пили воду и прочее; но почему не покушались они насъ поймать, мы отъ нихъ не слыхали.

Digitized by Google

на полчаса, въ которое время давали намъ сарачинскую кашу, сушеныя раковины или вяленыя сельди, а иногда чай безъ сахара. Мы устали чрезвычайно, а особливо я; боль въ ногѣ препятствовала мнѣ скоро итти, почему японскій чиновникъ, управлявшій нашимъ конвоемъ, велѣлъ, чтобъ по два человѣка, чередуясь, вели меня подъ руки; приказаніе это Японцы исполняли съ величайшею точностію. Когда мы на дорогѣ просили пить, они тотчасъ останавливались у перваго ручья, и удовлетворяли нашей просьбѣ. Въ продолженіе ночи (которая была очень темна), вели насъ съ чрезвычайною осторожностью: передъ каждымъ изъ насъ несли по фонарю, передъ японскими чиновниками тоже; мы шли одинъ за другимъ въ линіи; впереди и назади шли люди съ фонарями, а на крутыхъ спускахъ и подъемахъ бѣжало впереди насъ множество поселянъ, назначенныхъ изъ ближнихъ селеній для препровожденія нашего; изъ нихъ каждый несъ съ собою по большому пуку соломы, которую раскладывая при опасныхъ мѣстахъ, и, по приближеніи нашемъ, зажигали, отчего всѣ такія мѣста проходили мы какъ днемъ. Если бъ кто изъ Европейцевъ посмотрѣлъ издали на порядокъ нашего шествія въ продолженіе ночи, то могъ бы подумать, что сопровождаютъ церемоніяльно тѣло какого нибудь знаменитаго человѣка.

На другой день (3-го Мая) около полудня, въ разстояніи верстъ десяти отъ Матсмая, въ одномъ небольшомъ селеніи, встрѣтили насъ одинъ изъ числа первыхъ здѣшнихъ чиновниковъ и переводчикъ Теске съ отрядомъ императорскихъ солдатъ. Тутъ мы остановились. Встрѣтившій насъ чиновникъ не говорилъ намъ ничего, и смотрѣлъ на насъ, не показывая ни малѣйшаго знака своего гнѣва или досады, а Теске упрекалъ намъ съ сердцемъ, что мы ушли, и сталъ обыскивать; но когда кто-то изъ матросовъ сказалъ ему, что обыскивать насъ ненужно, ибо у насъ ничего нѣтъ, онъ отвѣчалъ: «знаю, что ничего нѣтъ, но японскій законъ того требуетъ.» Въ этомъ селеніи начальствовавшій взявшимъ насъ отрядомъ офицеръ и всѣ его подчиненные одѣлись въ парадное платье, но какъ тогда шелъ дождь, то

Digitized by Google

на время они надѣли епанчи, а подойдя къ самому городу, остановились, епанчи скинули, и устроивъ весь нашъ конвой въ должный порядокъ, пошли въ городъ чрезвычайно тихими шагами, при стеченіи множества народа. Всѣ зрители были, по причинѣ дождя, подъ зонтиками, что дѣлало весьма странный видъ. Шествіе наше происходило такимъ образомъ: два проводника изъ обывателей, съ деревянными жезлами, шли впереди по обѣимъ сторонамъ дороги; за ними гордо выступало нѣсколько человѣкъ солдатъ одинъ за другимъ, съ ружьемъ на плечѣ; потомъ вели насъ одного за другимъ, и подлѣ каждаго изъ насъ шли по два солдата; за нами шло еще нѣсколько солдатъ съ ружьями, такъ же одинъ за другимъ, какъ и первые; наконецъ ѣхалъ верхомъ офицеръ, который насъ взялъ; онъ былъ въ богатомъ шелковомъ платьѣ, и посматривалъ на народъ, стоявшій по обѣимъ сторонамъ дороги, какъ гордый побѣдитель, заслуживающій неизреченную благодарность своихъ соотечественниковъ.

Такимъ образомъ насъ повели прямо въ замокъ. Здѣсь надлежитъ замѣтить, что прежде того мы хаживали въ замкѣ въ шапкахъ, но теперь въ самыхъ воротахъ ихъ съ насъ сняли. Привели насъ въ прихожую передъ судебнымъ мѣстомъ, и посадили на скамьи; потомъ дали намъ сарачинской каши, соленой рѣдьки и чаю безъ сахара, а наконецъ ввели въ судебное мѣсто, куда чрезъ нѣсколько минутъ привели и Г. Мура съ Алексѣемъ, и поставили въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи. Когда всѣ чиновники собрались и сѣли по своимъ мѣстамъ, вышелъ и губернаторъ. На лицѣ его не было ни малѣйшей перемѣны противъ прежняго; онъ такъ же казался веселъ, какъ и прежде, и не показывалъ ни какого знака негодованія за нашъ поступокъ. Занявъ свое мѣсто, спросилъ онъ у меня съ обыкновенною своею ласкою, какія причины понудили насъ уйти. Тутъ я просилъ переводчиковъ сказать ему, что прежде отвѣта на его вопросъ, я долженъ извѣстить ихъ, что поступку нашему виною одинъ я, принудивъ другихъ противъ ихъ воли уйти со мною, а приказаній моихъ они опасались ослушаться, чтобъ со временемъ, если бъ

удалось намъ возвратиться въ Россію, не отвѣчать за это тамъ; и потому я просилъ Японцевъ лишить меня жизни, если они хотятъ, а товарищамъ моимъ не дѣлать ни какого вреда. На это буніосъ велѣлъ мнѣ сказать, что если Японцамъ нужно будетъ меня убить, то убьютъ и безъ моей просьбы, а если нѣтъ, то сколько бы я ихъ ни просилъ, они этого не сдѣлаютъ. Потомъ повторилъ вопросъ, зачѣмъ мы ушли. «Затѣмъ, сказалъ я, что мы не видѣли ни малѣйшихъ признаковъ къ нашему освобожденію, а напротивъ того все показывало, что Японцы никогда не хотятъ насъ отпустить.» — «Кто вамъ сказалъ это? спросилъ буніосъ: я никогда не упоминалъ о намѣреніи нашемъ держать васъ здѣсь вѣчно.»— «Повелѣнія, присланныя изъ столицы, отвѣчали мы, какъ встрѣчать русскіе корабли и приготовленія для сего не предвѣщали добраго.»—«Почему вы это знаете?»—«Намъ сказалъ Теске.» — Тутъ началъ губернаторъ спрашивать Теске, а что именно, мы понять не могли. Теске отвѣчая блѣднѣлъ и краснѣлъ. Прежде вопросы свои губернаторъ дѣлалъ мнѣ, а потомъ спросилъ Г. Хлѣбникова и матросовъ, по какой причинѣ они ушли, и когда они сказали, что сдѣлали это по моему приказанію, не полагая себя въ правѣ ослушаться своего начальника, Г. Муръ засмѣявшись сказалъ Японцамъ, что это не правда; доказательствомъ чему представлялъ себя, ибо онъ меня не послушался, и увѣрялъ Японцевъ, что въ Европѣ плѣнные никогда изъ заключенія не уходятъ; но они, казалось, не обращали на слова Г. Мура слишкомъ большаго вниманія, а продолжали распрашивать насъ, какимъ образомъ мы ушли. Они хотѣли знать все подробно: въ которомъ часу мы вышли и въ которомъ мѣстѣ; какимъ путемъ шли, городомъ (*) и за городомъ; что въ какой день дѣлали, какія вещи и какой запасъ имѣли съ собою. Потомъ спрашивали, не помогалъ ли намъ уйти кто изъ караульныхъ или работниковъ, или не зналъ ли кто изъ Японцевъ о такомъ нашемъ намѣреніи.

(*) Для этого заставили они насъ начертить расположеніе нашего дома и той части города, которою мы проходили.

Digitized by Google

На всѣ вопросы мы объявляли имъ сущую правду, какимъ образомъ происходило дѣло. Наконецъ губернаторъ желалъ знать, съ котораго времени мы стали помышлять объ уходѣ нашемъ, и какимъ образомъ намѣрены были произвести предпріятіе свое въ дѣйство. При семъ случаѣ Г. Муръ, обратясь къ матросамъ, сказалъ имъ, чтобъ они говорили правду, какъ передъ Богомъ, ибо онъ все уже разсказалъ Японцамъ. Мы и безъ его увѣщанія не намѣрены были ничего скрывать; но, разсказывая Японцамъ обо всѣхъ нашихъ сборахъ и намѣреніяхъ, какъ уйти, мы тотчасъ узнали по возраженіямъ Г. Мура, что хотя матросамъ онъ и совѣтовалъ говорить правду, какъ передъ Богомъ, но самъ въ объявленіяхъ своихъ Японцамъ, кажется, не слишкомъ много помнилъ о Богѣ, ибо разсказавъ имъ все дѣло точно, какъ оно было, прибавилъ только бездѣлицу, и именно, что прежнее намѣреніе его уйти съ нами было притворное; ибо давно уже замѣтилъ, что мы сбирались спастись бѣгствомъ, и потому нарочно съ нами согласился, чтобы, зная всѣ наши планы, могъ не допустить насъ къ исполненію ихъ, или открыть объ нихъ Японцамъ, и тѣмъ оказать услугу губернатору. Что же касается до него, то онъ во всемъ положился на милость Японскаго Государя: если онъ велитъ отпустить его въ Европу, онъ поѣдетъ, а если нѣтъ, то будетъ почитать себя довольнымъ и въ Японіи. Чрезъ четверть часа послѣ того, спросилъ насъ губернаторъ, кто писалъ письмо къ нему объ Алексѣѣ, когда мы сбирались сами уйти, а его оставить? На это Г. Муръ сказалъ, что писалъ онъ, но, позабывъ прежнее свое объявленіе, прибавилъ, что писалъ письмо, не по своей волѣ, а по моему приказанію. Это заставило и самихъ Японцевъ засмѣяться. Наконецъ спросилъ губернаторъ, съ какою цѣлію мы ушли. «Безъ сомнѣнія, чтобъ возвратиться въ отечество», отвѣчали мы.— «Какими средствами намѣрены вы были того достигнуть?»—«Завладѣть на берегу лодкою, и уѣхать съ Матсмая на наши Курильскіе Острова или на Татарскій Берегъ.» — «Но развѣ вы не думали, что по уходѣ вашемъ, тотчасъ будутъ разосланы повелѣнія имѣть караулы при

Digitized by Google

всѣхъ судахъ?» — «Мы ожидали этого, конечно, но въ продолженіе нѣкотораго времени строгость карауловъ могла бы ослабѣть, и мы успѣли бы исполнить свое предпріятіе тамъ, гдѣ насъ не ожидали.» — «Вы прежде шли по Матсмаю, да и въ прогулкахъ вашихъ могли видѣть, что островъ состоитъ изъ высокихъ горъ, слѣдовательно должны были знать, что горами далеко вамъ уйти было невозможно, а по берегамъ у насъ сплошь находятся селенія, въ которыхъ множество людей: они не допустили бы васъ итти берегомъ, а потому поступокъ вашъ не походитъ ли на безразсудность или ребячество?» — «Однако жъ мы шесть ночей шли вдоль берега, и прошли множество селеній, но насъ никто не остановилъ. Поступокъ нашъ былъ отчаянный, и потому Японцамъ онъ можетъ показаться безразсуднымъ или ребяческимъ, но мы не такъ объ немъ думаемъ: положеніе наше все извиняло; мы никогда не ожидали инымъ средствомъ возвратиться въ свое отечество, а напротивъ того имѣли предъ глазами лишь вѣчную неволю и смерть въ заключеніи, и потому рѣшились на одинъ конецъ, или возвратиться въ Россію, а не то умереть въ лѣсу или погибнуть въ морѣ.» — «Но зачѣмъ ходить умирать въ лѣсъ, или ѣздить въ море для того? Вы и здѣсь могли лишить себя жизни.» — «Тогда была бы вѣрная смерть, а притомъ отъ своихъ рукъ; но жертвуя жизнію, чтобъ достигнуть своего отечества, мы могли еще, съ помощію Божіею успѣть въ своемъ предпріятіи.» — «Если бъ вы возвратились въ Россію, что бы вы тамъ сказали о Японцахъ?» — «Все то, что мы здѣсь видѣли и слышали, не прибавляя и не убавляя ничего.» — «Когда бы вы возвратились въ Россію безъ Мура, то Государь вашъ не похвалилъ бы васъ за то, что вы оставили одного изъ своихъ товарищей?» — «Правда, когда бъ Г. Муръ былъ боленъ, и по той только причинѣ не могъ намъ сопутствовать, тогда поступокъ нашъ можно было бы назвать безчеловѣчнымъ, потому что мы не подождали его выздоровленія, но онъ добровольно пожелалъ остаться въ Японіи.» — «Знали ли вы, что если бъ вамъ удалось уйти, то губернаторъ и многіе другіе чиновники должны были бы

Digitized by Google

лишиться жизни?» — «Мы знали, что караульные, какъ то и въ Европѣ бываетъ, должны были бы пострадать, но не думали, чтобы японскіе законы были столь жестоки, и осуждали на смерть людей невинныхъ.» — Тутъ Г. Муръ сказалъ губернатору рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ, что мы точно знали объ этомъ японскомъ законѣ, ибо онъ самъ намъ объ немъ сказывалъ. На это мы отвѣчали: «Правда, что Г. Муръ сказывалъ намъ, будто въ Японіи существуетъ такой законъ, но, по нашему европейскому понятію о справедливости, мы не вѣрили его словамъ, а думали, что Г. Муръ выдумалъ это для того, чтобы отвлечь насъ отъ нашего намѣренія (*).» Потомъ губернаторъ спросилъ: «Есть ли въ Европѣ законъ, по которому плѣнные должны уходить?» — «Именно на то писаннаго закона нѣтъ, но, не давъ честнаго слова, уходить позволительно.» Г. Муръ и тутъ, сдѣлавъ возраженіе, обращалъ отвѣтъ нашъ съ насмѣшку, и увѣрялъ Японцевъ, что этого никогда не бываетъ. Тщетно мы приводили ему примѣры, упоминая объ англійскомъ генералѣ Бересфордѣ, полковникѣ Пакѣ, морскомъ капитанѣ Сирѣ Сидней-Смитѣ и о многихъ другихъ чиновныхъ особахъ, которыя въ наши уже времена уходили изъ плѣна, и тѣмъ ни мало себя не обезславили; но Г. Муръ притворно смѣялся, и увѣрялъ насъ въ глаза, что случаевъ, о коихъ мы говоримъ, никогда не бывало. Наконецъ губернаторъ сказалъ намъ рѣчь, которая, по объясненію двухъ нашихъ переводчиковъ, заключала въ себѣ такой смыслъ: «Если бъ вы были Японцы, и

(*) Мы и дѣйствительно сомнѣвались въ истинѣ этого; впрочемъ хоть мы и слышали, что не взирая на большое разстояніе между мѣстомъ пребыванія губернатора и берегами, гдѣ сдѣлано было на Японцевъ нападеніе Хвостовымъ, и не смотря на то, что они не имѣли ни какой причины ожидать такого поступка со стороны Русскихъ, Правительство Японское лишило мѣста бывшаго тогда губернатора, и по сіе время онъ оставался безъ должности; но со всѣмъ тѣмъ, мы не думали, чтобъ за нашъ уходъ, губернаторъ и нѣкоторые другіе чиновники лишены были жизни; однако жъ послѣ узнали, что это точная правда.

Digitized by Google

ушли изъ-подъ караула, то слѣдствія для васъ были бы весьма дурныя; но вы иностранцы, не знающіе нашихъ законовъ; притомъ ушли вы не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сдѣлать какой нибудь вредъ Японцамъ; цѣль ваша была единственно достигнуть своего отечества, которое всякій человѣкъ долженъ любить болѣе всего на свѣтѣ, и потому я добраго моего мнѣнія объ васъ не перемѣнилъ; впрочемъ не могу ручаться, какъ поступокъ вашъ будетъ принятъ правительствомъ, однако жъ буду стараться въ вашу пользу такъ точно, какъ и прежде, чтобъ доставить вамъ позволеніе возвратиться въ Россію. Теперь же, по японскимъ законамъ, до рѣшенія объ васъ дѣла, матросы будутъ помѣщены въ настоящую тюрьму, а вы въ другое мѣсто, называемое *инверари* (*).» — Окончивъ рѣчь, губернаторъ вышелъ, а потомъ и насъ вывели въ прихожую. Прежде караульными при насъ были императорскіе солдаты, но незнакомыя намъ лица; они были подъ командою того самаго нряднаго офицера, который насъ велъ. Теперь онъ вошелъ съ четвертымъ по губернаторѣ чиновникомъ, отправляющимъ должность уголовнаго судьи, по имени Накагава-Мататаро, и сдалъ насъ ему; потомъ приказалъ всѣмъ своимъ солдатамъ выйти, и въ ту же секунду вошли матсмайскіе солдаты, прежніе наши знакомые, коимъ Мататаро велѣлъ перевязать насъ иначе: меня и Г. Хлѣбникова такимъ образомъ, какъ они вяжутъ своихъ чиновниковъ, а матросовъ какъ простыхъ людей (**). Сдѣлавъ это, повели насъ, часу въ пятомъ или въ шестомъ, изъ замка по городу къ настоящей тюрьмѣ, которая была отъ крѣпости въ разстояніи около версты. Въ

(*) Тюрьма по-японски *ро*, а что такое *инверари*, сказано будетъ ниже.

(**) Японцы чиновниковъ вяжутъ веревкою около поясницы, а руки привязываютъ по кистямъ противъ самыхъ паховъ, такъ, чтобы нельзя было одною рукою коснуться до другой. Простымъ людямъ связываютъ руки назадъ, такъ какъ мы были связаны въ Кунаширѣ.

Digitized by Google

это время шелъ дождь, но стеченіе народа было чрезвычайное, и всѣ зрители стояли подъ зонтиками.

Городская тюрьма стояла при подошвѣ высокаго утеса, и кромѣ двухъ деревянныхъ стѣнъ, была обведена еще земляным валомъ, на коемъ были поставлены рогатки. Вошедъ во внутренній дворъ, увидѣли мы огромный сарай; вступивъ въ оный, нашли, что внутреннее расположеніе тюрьмы было точно такое же, какъ той, гдѣ мы содержались по прибытіи въ Матсмай, съ тою только разностью, что здѣсь были вмѣсто двухъ четыре клѣтки, изъ коихъ одна побольше, двѣ поменѣе, а третья еще менѣе. Въ сараѣ тюремный приставъ (*), по имени Кизиски, развязывалъ насъ одного послѣ другаго, и обыскивалъ съ ногъ до головы; для чего мы должны были раздѣваться до рубашки; обыскавъ меня перваго, велѣли мнѣ войти въ самую малую клѣтку (**), стоявшую въ темномъ углу зданія; Г. Хлѣбникова помѣстили подлѣ меня въ другую клѣтку, которая была побольше моей и посвѣтлѣе; подлѣ него содержался одинъ Японецъ, а въ четвертую клѣтку, самую большую и, по положенію своему, лучшую (***) помѣстили всѣхъ матросовъ; потомъ заперли наши клѣтки замками, и дверь затворили. Мы не могли понять что значили губернаторскія

(*) Тюремный надзиратель въ Японіи равняется званіемъ съ солдатомъ императорской службы; онъ имѣетъ право носить саблю и кинжалъ. Сверхъ сей должности, онъ и палачъ: казнитъ и наказываетъ преступниковъ. Японцы съ нимъ разговариваютъ и шутятъ, но вмѣстѣ ѣсть не станутъ, и табаку въ одномъ мѣстѣ съ нимъ не курятъ; даже гнушаются раскурить трубку на томъ огнѣ, на которомъ онъ ее раскуривалъ.

(**) Она была въ длину шесть шаговъ, а въ ширину пять; вышины же имѣла футовъ десять.

(***) Лучшая потому, что проходило въ нее болѣе свѣта и свѣжаго воздуха, а притомъ изъ нея можно было видѣть разные наружные предметы; отъ меня же ничего не было видно.

Digitized by Google

слова, что матросы будутъ содержаться въ настоящей тюрьмѣ, а мы въ инверари; напротивъ того теперь видимъ, что наши мѣста гораздо хуже. Послѣ мы уже узнали, что различіе состояло въ томъ, что изъ насъ каждый имѣлъ свою клѣтку, а матросы помѣщены были всѣ вмѣстѣ въ одной. Впрочемъ мы такой милости не очень желали, да и наши клѣтки были такъ близки, что я съ Г. Хлѣбниковымъ свободно могъ разговаривать. Заключенный подлѣ Г. Хлѣбникова Японецъ тотчасъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, сказавъ свое имя, и объявивъ, что чрезъ шесть дней его выпустятъ; потомъ подалъ онъ ему небольшой кусокъ соленой рыбы, за который Г. Хлѣбниковъ подарилъ ему бѣлую косынку (*), а рыбою подѣлился со мною. Голодъ заставилъ насъ почесть этотъ кусокъ большимъ лакомствомъ. Поздно вечеромъ уже, бывшій нашъ работникъ Фокъ-Массе, съ двумя мальчишками, принесъ намъ ужинъ, состоявшій изъ жидкой кашицы и двухъ маленькихъ кусочковъ соленой рѣдьки, на каждаго а для питья теплую воду. Фокъ-Массе имѣлъ видъ сердитый; на вопросы наши отвѣчалъ грубо, но не бранилъ и не упрекалъ насъ въ томъ, что мы ушли (**). Послѣ ужина Японцы подали мнѣ сквозь рѣшетку какой-то старый спальный халатъ, пронесли что-то и къ моимъ товарищамъ, потомъ двери у сарая заперли на замокъ, и у насъ сдѣлалось совершенно темно, ибо рѣшетка между нами и караульнею была обита досками, почему свѣтъ оттуда къ намъ не проходилъ. Коль скоро, при захожденіи солнца, ударило шесть часовъ, то послѣ того каждые полчаса, караульные къ намъ входили съ фонарями и осматривали насъ, а иногда будили и

(*) Однако жъ послѣ Кизиски, увидѣвъ эту косынку случайно, и узнавъ, откуда онъ ее получилъ, взялъ у него и представилъ начальникамъ своимъ, которые и велѣли хранить ее съ прочимъ нашимъ платьемъ.

(**) Сначала мы думали, что онъ опять будетъ при насъ, но узнали, что ему велѣно было только показать мальчикамъ, какъ съ нами обходиться и выучить ихъ русскимъ названіямъ необходимыхъ для насъ вещей; хотя это и ненужно было, ибо мы могли уже выразить свои надобности и на Японскомъ Языкѣ.

Digitized by Google

заставляли откликаться, и какъ ночные лѣтніе часы у Японцевъ очень коротки (*), то они почти безпрестанно къ намъ входили и не давали намъ покоя.

На разсвѣтѣ (4-го Мая) пришелъ къ намъ чиновникъ

(*) Японцы раздѣляютъ сутки на двѣнадцать часовъ, и считаютъ шесть часовъ дневныхъ, или отъ восхожденія до захожденія солнца, и столько же ночныхъ, то есть отъ захожденія до восхожденія. Слѣдовательно часы ихъ неравны: когда день длиннѣе ночи, то и часы дневные болѣе, и тому противное. Для мѣры времени употребляютъ они небольшой деревянный брусокъ, намазанный сверху глиною и выбѣленный; въ глинѣ проведенъ узенькій жолобокъ, въ который насыпается порошокъ какой-то травы, который горитъ весьма медленно, а по сторонамъ жолобка, въ извѣстныхъ дѣленіяхъ, сдѣланы дырочки, въ кои втыкается гвоздикъ; подлѣ дырочекъ назначена длина часовъ дневныхъ и ночныхъ въ теченіе шести мѣсяцевъ отъ весенняго до осенняго равноденствія; часы сіи въ другіе шесть мѣсяцевъ уже будутъ ночные дневными, и обратно. И такъ японскіе часовые, сыскавъ длину дневнаго часа въ извѣстное время, замѣчаютъ оную гвоздиками, и насыпавъ въ жолобокъ порошка, зажигаютъ съ полудни: такимъ образомъ горѣніемъ травы мѣряютъ время. Брусокъ сей Японцы хранятъ въ закрытомъ ящикѣ, и стараются держать въ сухомъ мѣстѣ, но со всѣмъ тѣмъ мокрая или сухая погода имѣетъ большое дѣйствіе надъ ихъ часами. Сутки они начинаютъ считать съ полуночи, въ которое время бьютъ въ колоколъ девять часовъ, ударивъ прежде три раза для возвѣщенія, что будутъ бить часы; то же дѣлаютъ они всякій разъ, когда бьютъ часы. По прошествіи часа послѣ полуночи, бьютъ 8 часовъ, потомъ 7, а при восхожденіи солнца 6, послѣ сего 5, тамъ 4, а въ полдень опять 9. Въ часъ по полудни 8, въ два часа по полудни 7; при захожденіи солнца 6, потомъ 5 и наконецъ 4, а послѣ съ полуночи начинаются новыя сутки. Японцы бьютъ часы такимъ образомъ: сначала ударятъ разъ въ колоколъ, потомъ минуты чрезъ полторы раза два вдругъ одинъ послѣ другаго; эти три удара возвѣщаютъ, что часы будутъ бить, или, такъ сказать, говорятъ: слушай! Потомъ также минуты чрезъ полторы начинаютъ бить часы, ударъ послѣ удара секундъ чрезъ 15, но послѣдніе два удара вдругъ одинъ послѣ другаго, какъ бы тѣмъ означали: полно считать!

и всѣхъ насъ перекликалъ по именамъ, а около полудня сказали, что мы должны итти къ губернатору, и повели насъ въ замокъ, связавъ какъ наканунѣ, и такимъ же порядкомъ за конвоемъ, какъ водили прежде. Въ замкѣ посадили насъ въ переднюю передъ судебнымъ мѣстомъ, и чрезъ нѣсколько минутъ привели Г. Мура и Алексѣя, которыхъ однакожъ посадили въ судебномъ мѣстѣ особо. Чрезъ нѣсколько времени ввели насъ въ присутственное мѣсто, развязавъ прежде руки мнѣ и Г. Хлѣбникову совсѣмъ, и оставивъ только веревки по поясу, а матросамъ развязали однѣ кисти, локти же оставались связанными, но Г. Муръ и Алексѣй связаны не были. Когда губернаторъ вышелъ и занялъ свое мѣсто, то началъ снова предлагать намъ многіе изъ прежнихъ вопросовъ, а на нѣкоторые изъ нихъ требовалъ только поясненія; когда же все это было кончено, спросилъ меня, какъ я считаю поступокъ своего ухода, хорошимъ или дурнымъ, и какъ я признаю себя, правымъ или виноватымъ предъ Японцами. — «Японцы сами, отвѣчалъ я, заставили насъ принять такія мѣры: во-первыхъ, взявъ насъ обманомъ, показаніямъ нашимъ не вѣрятъ и не хотятъ снестись съ нашимъ судами, буде бы они пришли сюда, чтобы получить отъ нашего правительства увѣренія въ справедливости того, что мы объявляемъ, и такъ что намъ было дѣлать? Посему я и не считаю себя предъ ними виноватымъ, по самой справедливости дѣла.» — Губернаторъ на это сказалъ, что онъ удивляется моимъ словамъ: взятіе насъ въ плѣнъ старое дѣло и говорить о немъ не должно, а онъ спрашиваетъ только, правъ ли я или виноватъ въ томъ, что ушелъ, и что если я буду считать себя правымъ, то онъ этого никакъ не можетъ представить своему государю. Я тотчасъ примѣтилъ, что ему хотѣлось, чтобъ мы признали себя виноватыми, и потому сказалъ; «Если бы мы судились съ Японцами передъ Богомъ, или тамъ, гдѣ мы были бы наравнѣ, то я могъ бы много кое-чего сказать въ оправданіе нашего поступка; но здѣсь Японцевъ милліоны, а насъ шесть человѣкъ, и мы у нихъ въ рукахъ, и такъ пусть они судятъ, какъ хотятъ: правъ ли я или виноватъ; я только

Digitized by Google

прошу ихъ считать виновнымъ меня одного, ибо прочіе мои товарищи ушли по моему приказанію». — Примѣтно было, что губернаторъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ признаніе мое въ томъ, что я виноватъ, и сказалъ: невидимо, что желая оправдать своихъ соотечественниковъ, я беру всю вину на себя; но въ такомъ случаѣ послушаніе моимъ повелѣніямъ можетъ быть только, нѣкоторымъ образомъ, извинительно матросамъ, а не Г. Хлѣбникову, ибо онъ, бывъ самъ офицеромъ, долженъ знать, что начальство мое надъ нимъ простиралось пока мы были на кораблѣ, а не въ плѣну. Потомъ сдѣлалъ онъ Г. Хлѣбникову подобный вопросъ, признаетъ ли онъ себя виноватымъ; и когда Г. Хлѣбниковъ сталъ приводить въ наше оправданіе доводы, и что по всѣмъ правиламъ справедливости и человѣколюбія, нельзя насъ обвинить, то Японцы начали было сердиться и безпрестанно повторяли, что такихъ отвѣтовъ нельзя имъ представить своему государю; напослѣдокъ уже, то ласкою, то гнѣвомъ убѣждали насъ всѣхъ сказать прямо, что мы не хорошо сдѣлали, говоря, что это намъ же послужитъ въ пользу, и когда мы на это согласились, то они весьма были довольны. Послѣ того вскорѣ губернаторъ отпустилъ, насъ оставивъ у себя для распросовъ Г. Мура и Алексѣя. Здѣсь надобно сказать, что когда я объявилъ Японцамъ, какъ сильно меня мучитъ боль въ ногахъ, и что я съ трудомъ могу стоять, губернаторъ тотчасъ приказалъ подать мнѣ стулъ, и велѣлъ сидѣть во все время нашей конференціи. По выходѣ изъ судебнаго мѣста, намъ завязали руки, насъ и отвели въ тюрьму прежнимъ порядкомъ. Я нашелъ въ своей клѣткѣ, вмѣсто даннаго мнѣ наканунѣ мерзкаго халата, прежнее одѣяло и большой халатъ на ватѣ; къ товарищамъ моимъ также положили спальный приборъ.

Теперь стали насъ содержать, можно сказать, настоящимъ образомъ по-тюремному, также точно, какъ и Японца, вмѣстѣ съ нами заключеннаго; впрочемъ хотя для насъ такое содержаніе казалось жестокимъ, но я смѣю сказать, что въ этомъ отношеніи законы японскіе несравненно человѣколюбивѣе законовъ многихъ европейскихъ странъ.

Digitized by Google

Мы теперь содержались въ настоящей тюрьмѣ, гдѣ также былъ заключенъ одинъ изъ преступниковъ; слѣдовательно и должны мѣсто сіе сравнивать съ настоящими европейскими тюрьмами, а чтобъ читатель могъ самъ сдѣлать такое сравненіе, я здѣсь подробно опишу наше содержаніе. Я уже сказалъ, въ какихъ клѣткахъ мы были заключены; внутри онѣ были очень чисты, а также и въ коридорахъ работники наши мели каждый день. Когда же насъ водили въ замокъ, они выметали наши клѣтки, и спальное наше платье выносили на солнце просушивать; кормили насъ по три раза въ день: поутру, въ полдень и вечеромъ; пища состояла въ крутой изъ сарачинскаго пшена кашѣ, вмѣсто хлѣба, которую давали по порціямъ, мѣркою, наподобіе нашихъ гречневиковъ; такой порціи для насъ было слишкомъ достаточно, и мы не могли всю ее съѣдать, но матросы находили, что оне для нихъ мала (*). Впрочемъ это только въ началѣ, пока послѣ труднаго нашего путешествія и претерпѣннаго голода, мы чувствовали большой позывъ на ѣду, а послѣ и для нихъ порціи сей было достаточно. Съ кашею давали намъ похлебку изъ морской капусты или изъ какой нибудь дикой зелени, какъ-то: изъ бартовнику, черемши или дегильевъ, подмѣшивая въ нее для вкуса квашеныхъ бобовъ, называемыхъ по-японски *мисо*; къ чему иногда прибавляли нѣсколько кусочковъ китоваго жиру, а временемъ, вмѣсто похлебки, давали кусочка по два соленой рыбы съ квашеною дикою зеленью, что бывало по большей части по вечерамъ. Пили мы теплую воду, и всегда когда угодно было; если бывало, ночью, спрашивали мы пить, то караульные тотчасъ безъ всякаго ропота будили работниковъ, и приказывали приносить намъ воды. Но уже умываться намъ здѣсь не приносили, и гребней не давали, а умывались мы тою водою, которую спрашивали для питья; гребенку же стали давать чрезъ нѣ-

---

(*) Я и Г. Хлѣбниковъ, не съѣдая своей порціи каши, посылали остатокъ матросамъ; работники наши охотно относили ее къ нимъ, пока не примѣтилъ того Кизаски; тогда бездѣльникъ тотчасъ запретилъ имъ это дѣлать.

сколько времени послѣ, и она, какъ кажется, была штатная тюремная, ибо зубцы ея были крайне малы, видно для того, чтобъ мы не могли ими сдѣлать себѣ вреда. Но при всемъ такомъ дурномъ содержаніи и обхожденіи съ нами Японцевъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ показывали они къ намъ особенное вниманіе; напримѣръ, одинъ разъ ночью случилось сильное землетрясеніе, такъ, что вся тюрьма наша задрожала, и на дворѣ и на улицахъ сдѣлался необыкновенный шумъ: тогда наши караульные тотчасъ пришли къ намъ съ фонарями, и сказали, чтобъ мы не тревожились, ибо это не что иное, какъ землетрясеніе, которое здѣсь случается часто, но никогда не бываетъ опасно. Можетъ быть, это сдѣлали караульные сами собою по своему добродушію, ибо хотя большая часть содержавшихъ при насъ внутреннюю стражу смотрѣли на насъ очень сурово и обходились грубо, но, къ чести сего народа, справедливость заставляетъ сказать, что нѣкоторые изъ нихъ отмѣнно были къ намъ ласковы и старались насъ утѣшать, а особливо одинъ, по имени Гоонзо, былъ особенно добродушенъ: онъ часто приносилъ намъ какія нибудь гостинцы, и подавалъ такъ, чтобъ товарищи его не могли видѣть, а иногда сказывалъ намъ, чтобъ мы спросили воды, и чашку оставили у себя; потомъ, дождавшись времени, когда товарищъ его уходилъ, онъ тотчасъ выливалъ воду изъ чашки, а вмѣсто оной наливалъ своего чаю, и подавалъ намъ. То же самое дѣлали для насъ и еще человѣка два; но самый величайшій примѣръ человѣколюбія и великодушія нашли мы въ одномъ солдатѣ, который былъ старшимъ надъ внутреннею стражею въ ту ночь, когда мы ушли; онъ находился при отрядѣ, посланномъ за нами въ погоню, но ужъ не въ званіи воина, а простаго работника; онъ былъ съ нами съ той минуты, какъ насъ взяли и до прихода въ Матсмай. Небритая борода и волосы на головѣ, а также блѣдное лице показывали грусть его, которой мы были причиною; но при первомъ свиданіи съ нами онъ поклонился намъ учтиво, не показавъ ни малѣйшаго вида гнѣва или ненависти, и во всю дорогу услуживалъ намъ, чѣмъ могъ, весьма охотно; видно было, что онъ посту-

Digitized by Google

шалъ такъ не по принужденію, ибо другіе не такъ обходились съ нами; поступками своими онъ трогалъ насъ до слезъ: имя этого достойнаго человѣка Кана.

Спустя нѣсколько дней (*) отъ послѣдняго нашего свиданія съ губернаторомъ, повели меня одного въ замокъ, гдѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ чиновниковъ, первый и второй по губернаторѣ начальники меня распрашивали, приказавъ прежде, чтобъ я, по болѣзни въ ногахъ, сѣлъ на поданный мнѣ стулъ. До входа моего еще въ присутственное мѣсто, выходилъ ко мнѣ Теске; разговаривая со мною о Г. Мурѣ, сказалъ онъ, что Муръ жестоко на насъ сердитъ и говоритъ очень много дурнаго о нашихъ поступкахъ; но Теске совѣтовалъ мнѣ не печалиться, ибо Японцы не расположены вѣрить всѣмъ словамъ Г. Мура; сверхъ того сказалъ онъ мнѣ, что Муръ просился въ японскую службу, и потому прежде нежели японскіе чиновники стали меня спрашивать, я просилъ ихъ, чтобъ они позволили мнѣ открыть имъ мои мысли, и выслушали меня со вниманіемъ, а переводчиковъ просилъ передавать мои слова какъ можно вѣрнѣе. Они отвѣчали, что рады будутъ слушать все, что я желаю имъ сообщить. Тогда я спросилъ ихъ: если бы три японскіе офицера были гдѣ нибудь въ плѣну, и двое изъ нихъ сдѣлали точно то, что мы, а третій то, что сдѣлалъ Муръ, и подробный отчетъ о ихъ поступкахъ дошелъ бы до Японіи, то пусть они теперь мнѣ скажутъ, по чистой совѣсти, какъ бы Японцы стали обо нихъ судить. — Они засмѣялись, и не дали на вопросъ мой ни какого отвѣта, но вмѣсто того старшій изъ нихъ сказалъ мнѣ, чтобъ я ничего не боялся; для Японцевъ какъ Муръ, такъ и всѣ другіе Русскіе равны; имъ только нужно знать настоящее дѣло; потомъ продолжалъ, что по японскимъ законамъ ничего скоро не дѣлается; и потому мы теперь въ тюрьмѣ; но когда пріѣдетъ новый губернаторъ насъ переведутъ въ другое, лучшее мѣсто, а послѣ и въ домъ,

(*) Въ которые ни переводчики, ни лекарь къ намъ не ходили, а только посѣщали насъ разъ въ день дежурные офицеры, хотя матросы и говорили, что имъ нужно пособіе лекаря.

Digitized by Google

и есть надежда, что правительство ихъ велитъ отпустить насъ въ Россію. Послѣ сего начали они спрашивать меня. Первый ихъ вопросъ былъ: справедливо ли что они слышали отъ Курильцевъ, будто Резановъ участвовалъ въ сдѣланномъ на нихъ нападеніи, давъ прежде о семъ Хвостову повелѣніе, которое послѣ хотя онъ и отмѣнилъ, но Хвостовъ не послушался, а исполнилъ первое повелѣніе. Не трудно было мнѣ угадать, кто таковы были эти Курильцы: все это открылъ имъ Г. Муръ. На сей вопросъ я сказалъ, что мы никакъ не можемъ вѣрить, чтобы Резановъ участвовалъ въ семъ дѣлѣ, но что Хвостовъ исполнилъ то безъ его повелѣнія. Потомъ Японцы предлагали мнѣ множество вопросовъ изъ лежавшей передъ ними тетради, касательно нашего плаванія, предмета экспедиціи, о состояніи Россіи и о политическихъ ея отношеніяхъ къ европейскимъ державамъ, а особливо къ Франціи. Я видѣлъ, что всѣ ихъ свѣдѣнія получили они тѣмъ же путемъ. На нѣкоторые предметы я соглашался, а многіе долгъ мой былъ опровергнуть по причинѣ ихъ неосновательности; другіе же были вовсе несправедливы. Когда самое непріятнѣйшее для меня дѣло это было кончено, старшій изъ двухъ чиновниковъ сказалъ мнѣ, чтобъ мы ничего не боялись и не печалились, а помнили, что Японцы такіе же люди, какъ и другіе, слѣдовательно ни какого зла намъ не сдѣлаютъ, и съ такимъ утѣшеніемъ отпустили меня, а я, по приходѣ въ тюрьму, разсказалъ все, что со мною случилось, Г. Хлѣбникову.

Вскорѣ послѣ сего случая пришелъ къ намъ чиновникъ Нагайава-Мататаро съ обоими переводчиками; они принесли съ собою бумагу, въ которой были записаны наши отвѣты, съ тѣмъ, чтобы ихъ повѣрить. При семъ случаѣ они намъ сказали, что показаніе наше, гдѣ и какъ мы взяли ножи, а также извѣстіе, слышанное нами о повелѣніи, какъ поступать съ русскими судами, и объ отправленіи войскъ и пушекъ въ Кунаширъ, не записано, и чтобъ мы въ другой разъ (*), когда губернаторъ станетъ насъ спрашивать,

(*) Это немного пахнетъ крючками и шиканствами, гдѣ частенько отвѣты подсудимаго перемѣняютъ по нѣскольку разъ;

Digitized by Google

о томъ не говорили. Это сдѣлано было безъ сомнѣнія для того, чтобы пощадить своихъ людей, въ семъ дѣлѣ запутанныхъ; мы и сами, желая избавить отъ бѣды невинныхъ солдатъ и работниковъ, чрезъ оплошность коихъ получили мы ножи, а также спасти и самого Теске, охотно согласились на это предложеніе; но второе ихъ требованіе было слишкомъ намъ противно; оно произвело между Японцами и нами горячій споръ и заставило Матаро, противъ его обыкновенія, слишкомъ разгорячиться, бранить и угрожать намъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ мы сами совершенно оправили Г. Мура, признали, что намѣреніе его уйти съ нами было дѣйствительно притворное, и что онъ Симанова и Васильева никогда не уговаривалъ согласиться на нашъ планъ. Но мы на это не согласились и ничего не хотѣли перемѣнить въ отвѣтахъ нашихъ по сему предмету; мы говорили: какое намѣреніе имѣлъ въ сердцѣ Г. Муръ, намъ неизвѣстно, но поступки его не показывали, чтобы онъ притворялся, и мы увѣрены, что онъ дѣйствительно хотѣлъ уйти съ нами, и вѣроятно ушелъ бы, если бъ робость ему не воспрепятствовала пуститься на такое отчаянное предпріятіе. Мы имѣли весьма важныя причины не давать ему способовъ вывернуться изъ этого дѣла: считаю за нужно объяснить сіи причины, чтобы читатели не приписали нашихъ поступковъ мщенію или желанію погубить Г. Мура. Онъ, какъ я сказалъ уже выше, покушался исключить себя изъ числа Русскихъ, и старался увѣрить Японцевъ, что онъ родомъ изъ Германіи; слѣдовательно, если бъ мы сами засвидѣтельствовали непричастность его въ нашихъ видахъ и всегдашнюю преданность къ Японцамъ, то немудрено, что Японцы, погубивъ насъ, могли бы отправить его на голландскихъ корабляхъ въ Европу, для возвращенія въ мнимое его отечество, Германію, откуда онъ могъ бы прибыть въ Россію. Тогда, не имѣя свидѣтелей, въ его волѣ было составить своимъ приклю-

---

но здѣсь, по крайней мѣрѣ, сдѣлано было это для избавленія невинныхъ отъ наказанія; а въ другихъ земляхъ такія причины имѣютъ въ судахъ не слишкомъ большое дѣйствіе.

ченіямъ какую угодно повѣсть, въ которой онъ, можетъ быть, приписалъ бы свои дѣла намъ, а наши себѣ, и сдѣлалъ бы память нашу навѣки ненавистною нашимъ соотечественникамъ. Вотъ какая мысль болѣе всего насъ мучила, и потому мы не хотѣли отступить отъ истины для оправданія Г. Мура; впрочемъ, если бъ это оправданіе, отъ насъ зависѣвшее, могло доставить ему достоинство перваго вельможи въ Японіи, лишь бы только не возвращеніе въ Европу, мы охотно бы на это согласились, не смотря на то, что онъ изыскивалъ всѣ средства вредить намъ (*). Матагаро и переводчики приходили къ намъ дня два или три сряду, и уговаривали насъ перемѣнить наше показаніе касательно Г. Мура; но какъ мы твердили одно и то же; то они насъ оставили, но сдѣлали ли какія нибудь перемѣны въ нашихъ отвѣтахъ, мы не знаемъ.

Между тѣмъ я крайне безпокоился мыслями, что Г. Муръ какою нибудь хитростью выпутается изъ бѣды, получитъ со временемъ дозволеніе возвратиться въ Европу, очернитъ и предастъ вѣчному безславію имена наши, когда никто и ни въ какое время не найдется для опроверженія его. Такая ужасная мысль доводила меня почти до отчаянія;

(*) Въ числѣ многихъ было слѣдующее: въ Кунаширѣ между прочими моими вещами Японцы взяли у меня записную карманную книжку. Спустя много времени послѣ того, вспомнилъ я, что въ книжкѣ моей, по нѣкоторому случаю, были записаны имена Давыдова и Хвостова; я тотчасъ о семъ обстоятельствѣ объявилъ Гг. Муру и Хлѣбникову, и просилъ ихъ совѣта, что имъ сказать, когда Японцы разберутъ содержаніе дѣла и станутъ насъ спрашивать. Тогда еще мы и Г. Муръ помышляли и дѣйствовали одною душею и однимъ сердцемъ; теперь же онъ открылъ Японцамъ, что имена помянутыхъ офицеровъ стоятъ въ моей книжкѣ, перевелъ имъ содержаніе дѣла, и сказалъ, что они нѣкогда были моими друзьями. Объ этомъ открылъ мнѣ Теске, объявивъ притомъ, чтобы я не безпокоился; дурныхъ слѣдствій отъ сего не произойдетъ, ибо, по его словамъ, Г. Муръ открылъ о семъ дѣлѣ Японцамъ безъ всякой нужды; да и дѣйствительно они ни слова у насъ не спросили по сему обстоятельству.

Digitized by Google

притомъ я въ это время захворалъ, и хотя первые семь или десять дней лекарь къ намъ не ходилъ, не смотря на то, что матросы требовали его помощи, но теперь Японцы умилостивились, и лекарь сталъ посѣщать насъ каждый день. Здѣсь, къ чести губернатора Аррао-Тадзимано-Ками, должно сказать, что онъ, полагая причиною моей болѣзни одну печаль, присылалъ къ намъ чиновника Нагакаву-Мататаро, сказать мнѣ, если болѣзнь моя происходитъ отъ печали, чтобы я успокоился: Японцы не хотятъ сдѣлать намъ ни какого зла, и по пріѣздѣ новаго губернатора переведутъ насъ въ другое, лучшее мѣсто, а потомъ оба они будутъ стараться о доставленіи намъ позволенія возвратиться въ свое отечество. Переводчикъ Кумаджеро говорилъ съ такою чувствительностью, что у него на глазахъ показались слезы, и сколь я ни подозрѣвалъ тогда искренность Японцевъ, однако жъ повѣрилъ ему и сдѣлался покойнѣе. Вскорѣ послѣ того Японцы немного улучшили наше содержаніе, начали иногда давать намъ родъ лапши, называемой у нихъ туфа; съ кашею варили мелкіе бобы, которые они почитаютъ не послѣднимъ лакомствомъ, а нѣсколько разъ давали и похлебку изъ курицы; для питья же, вмѣсто воды, стали давать чай: это приказано было губернаторомъ по особенному представленію Теске.

Въ продолженіе нашего заточенія въ городской тюрьмѣ, повстрѣчался случай, о которомъ нельзя не упомянуть. — Когда сосѣду нашему, Японцу, содержавшемуся не шесть дней, какъ онъ намъ сказалъ прежде, но гораздо болѣе, сдѣлано было на тюремномъ дворѣ тѣлесное наказаніе (*);

(*) Преступленіе его состояло въ томъ, что въ общихъ или, по нашему сказать, торговыхъ баняхъ, онъ оставлялъ свое худенькое платье, а бралъ другое понаряднѣе, будто бы ошибкою. При насъ водили его нѣсколько разъ въ судъ со связанными назадъ руками. Наконецъ въ одинъ день дали ему двадцать пять ударовъ, а чрезъ три дня еще двадцать пять; но чѣмъ сѣкли, мы не видали, а слышали удары, и что онъ громко кричалъ; приводили его въ тюрьму съ обнаженною спиною, которая была въ крови; работники плевали на спину и растирали слюну, тѣмъ и лечили его. Потомъ, когда спина

Digitized by Google

такъ, что мы крикъ его могли слышать, въ тотъ же день пришелъ къ намъ съ переводчикомъ Кумаджеромъ чиновникъ и уголовный судья Мататаро, объявить, по приказанію губернатора, чтобъ мы, слышавъ о наказаніи преступника, содержавшагося съ нами въ одномъ мѣстѣ, не заключили, что и мы можемъ быть подвержены подобному наказанію, ибо, по японскимъ законамъ, иностранцевъ нельзя наказывать тѣлесно. Въ то время мы думали, что сіе увѣреніе было ложное, сказанное только, чтобъ насъ успокоить, но послѣ узнали, что дѣйствительно у нихъ существуетъ такой законъ, изъ котораго исключены только тѣ иностранцы, кои будутъ проповѣдовать японскимъ подданнымъ Христіанскую Религію; ибо противъ таковыхъ у нихъ есть самыя жестокія постановленія (*).

подхила, на руки, выше локтей, положили клеймы, означающія, что онъ былъ наказанъ, гдѣ и когда, и отправили на сѣверные Курильскіе Острова; разумѣется, на сѣверные изъ принадлежащихъ Японцамъ.

(*) Японцы не могутъ назваться гонителями чужихъ вѣръ; доказательствомъ тому служатъ различныя секты, въ ихъ собственномъ государствѣ исповѣдуемыя, и поклоненіе Курильцевъ; но они не терпятъ Христіанской Религіи, ибо католическіе священники, подъ разными предлогами жившіе въ Японіи, и пользовавшіеся всею возможною свободою, начали проповѣдовать Христіанскую Вѣру, успѣли многихъ обратить, и произвели самую ужасную междоусобную войну; и потому теперь, по изгнаніи и по совершенномъ истребленіи христіанъ, на вывѣшенныхъ въ публичныхъ мѣстахъ, на площадяхъ и въ улицахъ, каменныхъ доскахъ, въ числѣ изсѣченныхъ на нихъ законовъ, первымъ пунктомъ стоитъ: кто уличитъ человѣка, исповѣдующаго Христіанскую Вѣру, тотъ получитъ въ награжденіе 500 серебряныхъ монетъ. Также есть у нихъ законъ, чтобы господа не прежде нанимали слугъ, какъ получивъ отъ нихъ письменное объявленіе, что они не христіане. Сверхъ того, въ городѣ Нангасаки, гдѣ христіанство въ прежнія времена болѣе всего распространилось, сдѣлана лѣстница, состоящая изъ нѣсколькихъ ступеней, на коихъ положена утварь Католической Церкви. По сей лѣстницѣ въ каждый новый годъ японскаго календаря всѣ жители города Нангасаки должны

Digitized by Google

Въ половинѣ Іюня водили насъ всѣхъ раза два къ губернатору, гдѣ, въ присутствіи его и другихъ чиновниковъ, читали намъ наши отвѣты и спрашивали, такъ ли они написаны. Всѣ тѣ случаи, которые могли быть пагубны для Японцевъ, впутанныхъ въ наше дѣло, и о коихъ я говорилъ выше, были выпущены; почему мы объ нихъ и не напоминали; но когда читали отвѣты Г. Мура, то мы дѣлали возраженія, ибо онъ отъ всего отперся и увѣрялъ, что никогда не уговаривалъ матросовъ уйти. При семъ случаѣ Шкаевъ ему сказалъ: «Побойтесь Бога, Ѳёдоръ Ѳедоровичъ! какъ вамъ не совѣстно? Развѣ вы никогда не надѣетесь быть въ Россіи?» Я и Г. Хлѣбниковъ сказали ему: молчи!—Г. Муръ это тотчасъ взялъ на замѣчаніе, и мы послѣ за эти слова дорого было заплатили, какъ то въ послѣдствіи будетъ описано. Наконецъ Японцы, видѣвъ наши споры, взяли на себя согласить сдѣланные нами отвѣты, и отпустили насъ.

29-го Іюня прибылъ въ Матсмай новый губернаторъ Ога-Савара-Исено-Ками. 2-го Іюля повели насъ въ замокъ. Въ присутственномъ мѣстѣ нашли мы всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, которые обыкновенно бывали при нашихъ допросахъ, и Г. Мура съ Алексѣемъ. Лишь только мы вошли, какъ Г. Муръ сказалъ мнѣ, чтобъ я ничего не боялся, ибо дѣла идутъ хорошо. Чрезъ полчаса прибыли оба губернатора со свитами; у каждаго изъ нихъ по одному чиновнику шли впереди, а всѣ прочіе назади. Въ свитѣ новаго губернатора, который былъ старѣе (*),

---

пройти въ знакъ того, что они не христіане Переводчики наши увѣряли насъ, будто нѣкоторые христіане, тамъ живущіе, дѣлаютъ то же изъ корыстолюбія. Но чему дивиться: развѣ въ Европѣ не то же самое случается ежедневно? Ложная присяга не есть ли попираніе ногами Христіанской Религіи?

(*) Въ Японіи на губернаторскія мѣста опредѣляются люди изъ дворянъ, или, лучше сказать, бояра; классъ сей послѣ владѣтельныхъ князей, называемыхъ Данміо, есть первый; они именуются Хадамадо. Старшинство между ними считается по заслугамъ и древности фамиліи; такъ и начальство имъ

Digitized by Google

находилось двумя человѣками болѣе, нежели у прежняго; шелъ онъ напереди, и сѣлъ на лѣвой сторонѣ, а прежній губернаторъ рядомъ съ нимъ на правой. Всѣ бывшіе тутъ Японцы отдали имъ свое почтеніе обыкновеннымъ у нихъ образомъ, о коемъ я упоминалъ прежде, а мы поклонились имъ по-своему. Прежній губернаторъ, указавъ на товарища своего, сказалъ, что это пріѣхавшій къ нему на смѣну буніосъ Ога-Савара-Исено-Ками, и велѣлъ намъ сказать ему, начиная съ меня, чины и имена наши, что мы и сдѣлали съ поклономъ, говоря: я такой-то. На это онъ намъ отвѣчалъ улыбкою и небольшимъ наклоненіемъ головы впередъ. Потомъ прежній губернаторъ, приказавъ одному изъ чиновниковъ принести большую тетрадь, сказалъ, что она написана Муромъ и названа имъ представленіемъ, и что теперь намъ нужно ее прочитать и объявить имъ, согласны ли мы въ томъ, что описываетъ Муръ. Послѣ сего оба губернатора вышли, поручивъ бывшимъ тутъ чиновникамъ выслушать наше мнѣніе. Г. Муръ самъ сталъ читать свое сочиненіе, въ коемъ, послѣ многихъ комплиментовъ прежнему губернатору, удѣляя частицу и новому, описываетъ онъ всѣ наши сборы уйти почти такъ, какъ они дѣйствительно происходили, утверждая однако жъ, что его согласіе съ нами было притворное; опровергаетъ наши отвѣты, стараясь насъ обвинить; потомъ открываетъ Японцамъ причину нашего путешествія; описываетъ подробно

дается. Это похоже на старинное обыкновеніе, существовавшее до введенія въ Россіи регулярныхъ войскъ. Впрочемъ новый губернаторъ и лѣтами былъ гораздо старѣе: онъ имѣлъ семьдесятъ четыре года отъ роду, а прежній пятьдесятъ, но оба казались несравненно моложе своихъ лѣтъ, какъ и всѣ Японцы вообще кажутся. Новый губернаторъ по росту былъ вырослокъ изъ Японцевъ, не ниже нашихъ матросовъ, и потому Японцы смотрѣли на него, какъ на нѣкое чудо. Услышавъ, что онъ назначенъ въ Матсмай губернаторомъ, Японцы тотчасъ сказали намъ, что великанъ сюда ѣдетъ, и мы увидимъ, что и въ Японіи есть люди не ниже насъ. Еще видѣли мы одного офицера службы Князя Намбускаго, который и у насъ считался бы большаго роста.

Digitized by Google

состояніе восточнаго края Сибири, и дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія о Россіи вообще.... а въ заключеніе проситъ у Японцевъ для насъ милости. Выслушавъ бумагу, мы стали на нѣкоторыя мѣста дѣлать свои возраженія; но Японцы жестоко противъ насъ за это разсердились, и говорили, что мы не имѣемъ права оспаривать Мура; посему я сказалъ, что если они хотятъ объявленія Г. Мура непремѣнно принять за справедливыя, то мы переспорить ихъ не можемъ, свидѣтелей здѣсь нѣтъ, и такъ пусть будетъ по ихъ желанію. Г. Хлѣбниковъ предложилъ еще нѣсколько возраженій, и тѣмъ болѣе раздражилъ Японцевъ; напослѣдокъ и онъ замолчалъ; но мы приняли твердое намѣреніе не подписывать бумаги Г. Мура, если бъ Японцамъ вздумалось утвердить оную нашею подписью, чего однако жъ не послѣдовало. По окончаніи сего дѣла оба губернатора опять вошли прежнимъ порядкомъ, и одинъ изъ чиновниковъ донесъ имъ, что бумага Г. Мура нами прочитана; что же онъ сказалъ касательно нашего объ ней мнѣнія, мы разобрать не могли. Послѣ сего новый губернаторъ, вынулъ изъ-за пазухи кувертъ, по-европейски сдѣланный, отдалъ его прежнему губернатору, а этотъ одному изъ чиновниковъ, отъ коего переданъ онъ переводчику, а наконецъ дошелъ и къ намъ. Русская надпись на немъ заключалась въ двухъ словахъ: Матсмайскому Губернатору; въ кувертѣ находился листъ, на коемъ написаны были по-русски, съ французскимъ переводомъ угрозы Японцамъ и проч..... въ случаѣ, если они не согласятся торговать съ нами. Мы тотчасъ увидѣли, что это та бумага, присланная Хвостовымъ, о коей Японцы намъ говорили прежде.

Впрочемъ она была безъ числа, никѣмъ не подписана, и не сказано въ ней, по чьему повелѣнію послана она въ Японію; симъ старались мы доказать, въ чемъ и Г. Муръ намъ усердно помогалъ, что произошла она отъ своевольства частнаго человѣка, и что мы увѣрены и можемъ клятвою утвердить, что Правительство наше не имѣло въ семъ дѣлѣ ни малѣйшаго участія, хотя писавшій оную и простеръ дерзость свою столь далеко; что такую бумагу осмѣ-

Digitized by Google

лился послать въ Японію; даже и самое незнаніе сочинителя оной свидѣтельствуетъ, что она произошла не отъ правительства, ибо въ ней упоминается о жителяхъ Урупа, которыхъ тамъ давно уже не было и нѣтъ, что, конечно, Правительству нашему извѣстно, которое въ актахъ своихъ не помѣстило бы такой грубой ошибки, если бъ бумага сія была дѣствительно официіальная, но она не что иное, какъ подложное сочиненіе, написанное дерзкимъ, малозначащимъ человѣкомъ. Когда губернаторы выслушали наши доказательства, новый изъ нихъ сказалъ, что онъ не спрашиваетъ у насъ, подложная ли это бумага, а хочетъ только знать подлинное ея содержаніе, чтобы могъ о томъ донести своему государю. Посему мы ее тутъ же перевели словесно. а послѣ Г. Муръ перевелъ и письменно.

Въ заключеніе новый губернаторъ сказалъ намъ, что въ непродолжительномъ времени насъ переведутъ въ другое, лучшее мѣсто, и содержаніе наше улучшатъ. Послѣ сего оба губернатора вышли, а потомъ и насъ отвели опять въ тюрьму. Съ этого дня всѣ Японцы, при насъ бывшіе, перемѣнили свое обхожденіе съ нами: они сдѣлались гораздо ласковѣе и снисходительнѣе. Отъ Теске узнали мы, что Г. Муръ и Алексѣй, по уходѣ нашемъ, переведены были въ прежнее наше жилище, которое теперь назначается для насъ, а для Г. Мура съ Алексѣемъ тамъ же дѣлаютъ особливую пристройку (*), и потому пока оная не будетъ готова, мы должны оставаться въ тюрьмѣ. Сверхъ того Теске же намъ сказалъ, что государь ихъ, при отпускной аудіенціи новаго губернатора, велѣлъ ему всячески стараться о сохраненіи нашего здоровья, и по прибытіи его въ Матсмай тотчасъ перемѣнить содержаніе наше къ лучшему. Между тѣмъ повстрѣчался случай, который показалъ намъ въ полной мѣрѣ великодушіе и доброту сердца перевод-

---

(*) Сперва мы думали, что Японцамъ угодно помѣстить насъ порознь, а послѣ уже узнали, что желаніе ихъ было содержать насъ вмѣстѣ; но Г. Муръ просилъ ихъ убѣдительнымъ образомъ помѣстить его съ Алексѣемъ особо.

Digitized by Google

чика нашего Теске. Когда я поѣхалъ въ Кунаширѣ на берегъ, у меня въ карманѣ было случайно черновое письмо, которое я хотѣлъ оставить Японцамъ, не полагая, что буду имѣть съ ними сношеніе, въ коемъ, упрекая ихъ за вѣроломный поступокъ, что они въ безоружныхъ людей стрѣляли и проч., употребилъ нѣкоторыя оскорбительныя для нихъ укоризны; но между тѣмъ говорю, что у насъ безъ воли правительства ни одинъ военный офицеръ не можетъ начинать непріятельскихъ дѣйствій, иначе какъ въ собственную свою оборону, и потому теперь не хочу отмстить имъ за ихъ варварскій поступокъ, но не для того, чтобъ ихъ боялся, а потому, что не смѣю того сдѣлать безъ воли моего Государя. Послѣдняя часть сего письма служила много къ показанію нашего дѣла въ настоящемъ видѣ, а первая могла раздражить гордыхъ Японцевъ. Г. Муръ, зная содержаніе его, открылъ объ ономъ японскимъ чиновникамъ; оно хранилось съ прочими отобранными у насъ вещами, и потому тотчасъ его отыскали и велѣли Теске переводить. Г. Муръ объяснилъ ему все письмо; но Теске, примѣтивъ, что въ немъ многія слова и цѣлыя строки были вымараны, употребилъ это обстоятельство въ нашу пользу, замаравъ всѣ тѣ слова, которыя могли показаться оскорбительными Японскому Правительству, а перевелъ одно лишь то, что служило къ нашему оправданію, о прочемъ же сказалъ, что не можно разобрать. Если бы письмо было написано чисто, ему нельзя было бы того сдѣлать.

9-го Іюля привели насъ опять въ замокъ, въ присутствіе обоихъ губернаторовъ; тогда новый изъ нихъ сказалъ, что какъ мы ушли единственно съ тою цѣлію, чтобъ возвратиться въ свое отечество, впрочемъ не имѣли намѣренія сдѣлать какой либо вредъ Японцамъ, то онъ теперь, по согласію съ своимъ товарищемъ, перемѣняетъ наше состояніе къ лучшему, въ надеждѣ, что въ другой разъ на подобный поступокъ мы не покусимся, а станемъ ожидать терпѣливо рѣшенія объ насъ Японскаго Государя; что же принадлежитъ до нихъ (губернаторовъ), то оба они будутъ всѣми мѣрами стараться о доставленіи намъ позволенія

Digitized by Google

возвратиться въ отечество. Съ окончаніемъ сей рѣчи вмигъ сняли съ насъ веревки; мы почти и не примѣтили, какъ прежде солдаты, сидя за нами, развязывали ихъ и приготовлялись снять въ одну секунду. Послѣ сего прежній губернаторъ увѣрялъ насъ, что добраго своего расположенія къ намъ онъ ни мало не перемѣнилъ, и столько же будетъ пещись объ насъ, какъ и прежде; потомъ, пожелавъ намъ здоровья, и давъ совѣтъ, чтобъ мы молились Богу и уповали на Его волю, простился съ нами. Губернаторы вышли; потомъ и насъ повели изъ замка.

Теперь пошли мы уже не въ тюрьму а въ прежнее наше жилище, называемое по-японски Оксіо, гдѣ мы жили до перевода насъ въ домъ. Намъ шестерымъ назначили прежнее наше мѣсто, а Г. Мура съ Алексѣемъ помѣстили въ пристроенной къ одной изъ нашихъ стѣнъ каморкѣ, въ которую былъ особенный входъ со двора. Съ перемѣною нашего жилища и содержаніе наше улучшилось; пищу намъ стали давать гораздо лучшую, нежели какую мы получали, живши прежде въ томъ же самомъ мѣстѣ, а сверхъ того каждый день велѣно было давать намъ по чайной чашкѣ саги (*); дали трубки, табачные кошельки и весьма хорошій табакъ; чай у насъ былъ безпрестанно на очагѣ; сверхъ того дали намъ гребенки, полотенцы и даже пологи отъ комаровъ, которыхъ здѣсь было несмѣтное множество. Состояніе наше чрезвычайно перемѣнилось; кромѣ всѣхъ помянутыхъ выгодъ, доставленныхъ намъ Японцами, они стали намъ давать наши книги, дали чер-

(*) Старшій при насъ работникъ, по имени Іеске, страстно любилъ горячіе напитки; почему сдѣлалъ онъ заключеніе, что лучше рѣдко, да больше выпить, нежели часто, но понемногу, и потому вмѣсто одной чашки каждый день, давалъ намъ по двѣ черезъ день; изъ нихъ однако жъ удѣлялъ немалую часть для себя, и почти всегда къ вечеру бывъ пьянъ. Наконецъ караульные, примѣтивъ, гдѣ онъ напивается, побранили его; тогда уже онъ боялся воровать наше вино, а ожидалъ, когда мы сами его подчивали.

Digitized by Google

чилицу и бумаги; пользуясь этимъ, вздумали мы сбирать японскія слова, записывая ихъ русскими буквами. Наконецъ хотѣлось намъ выучиться писать по-японски, и мы просили переводчика Кумаджеро написать намъ азбуку, но онъ сказалъ, что для этого ему нужно прежде выпросить позволеніе своихъ начальниковъ, а потомъ объявилъ, что японскіе законы запрещаютъ учить христіанъ читать и писать на ихъ языкѣ; почему начальники на сіе и не могутъ согласиться. И такъ мы должны были довольствоваться тѣмъ, что могли сбирать японскія слова, и записывать ихъ по-руски. Насъ съ Г. Муромъ раздѣляла только одна тонкая стѣна, почему я спросилъ Теске, можно ли намъ съ нимъ говорить. «Конечно, отвѣчалъ онъ, говорите сколько хотите, никто вамъ этого не запретитъ.» Но когда я начиналъ говорить съ Г. Муромъ, онъ мнѣ не хотѣлъ отвѣчать; однако жъ принялъ наше предложеніе, чтобы, по случаю отъѣзда прежняго губернатора, написать къ нему отъ всѣхъ насъ, за его къ намъ милости, благодарственное письмо, которое мы написали, не упустивъ также поблагодарить и новаго губернатора; однако жъ старикъ, читая переводъ нашего письма, въ шутку сдѣлалъ замѣчаніе на то мѣсто, гдѣ мы говоримъ, что судьба, ввергнувъ насъ въ несчастный плѣнъ сей, не вовсе была противъ насъ жестокою, ибо это случилось въ его правленіе здѣшними областями. Прочитавъ это мѣсто, онъ сказалъ засмѣявшись, почему же мы знаемъ, что другіе японскіе вельможи, бывъ на мѣстѣ Аррао-Татзимано-Ками, не были бы къ намъ столько же благорасположены, какъ и онъ.

14-го Іюля отправился изъ Матсмая прежній губернаторъ; съ нимъ вмѣстѣ другъ нашъ Теске поѣхалъ въ должности секретаря; онъ обѣщался къ намъ писать изъ столицы о новостяхъ по нашему дѣлу, и просилъ насъ отвѣчать ему, отдавая письма для пересылки Кумаджеру. Рѣшенія изъ столицы скоро ожидать мы не могли, ибо губернатору нужно было на одинъ проѣздъ туда употребить двадцать три или двадцать пять дней (*), но мы со дня на день ожидали

(*) Изъ Матсмая Японцы переѣзжаютъ Тцынгарскій Про-

Digitized by Google

прибытія нашихъ судовъ; боялись только, что Японцы не скажутъ намъ объ нихъ, и мы ничего не узнаемъ, когда они пріидутъ и что сдѣлаютъ.

Между тѣмъ мы отъ скуки курили табакъ, перечитывали старыя свои книги, записывали и твердили японскія слова, а сверхъ того вздумалъ я записать на мелкихъ лоскуткахъ бумаги всѣ случившіяся съ нами происшествія и мои замѣчанія. Писалъ я полусловами и знаками, мѣшая русскія, англійскія и французскія слова, такъ, чтобы кромѣ меня никто не могъ прочитать моихъ записокъ. Я опасался, чтобъ Японцы со временемъ насъ не обыскали и не отняли сихъ бумагъ, для чего и носилъ ихъ около пояса въ длинномъ узенькомъ мѣшечкѣ, который мнѣ сшилъ Симановъ изъ моего жилета. Впрочемъ, по нынѣшнимъ поступкамъ Японцевъ, мы не имѣли большой причины опасаться, чтобъ они привязались къ нашимъ бумагамъ, ибо когда мы ушли, то черновая копія поданнаго нами губернатору показанія была у Шкаева, которую послѣ у него Японцы взяли, но ни слова не спрашивали у насъ что это за бумага. Компасъ Г. Хлѣбникова также попался къ нимъ, и они не полю-

---

ливъ наискось и пристаютъ въ безопасномъ заливѣ къ городу Мимаю. Сей переѣздъ считается въ тринадцать японскихъ ри (съ небольшимъ 52 версты), и какъ они всегда пускаются съ постояннымъ благополучнымъ вѣтромъ, то это разстояніе переѣзжаютъ въ нѣсколько часовъ, а отъ Мимая до Эддо мѣрныхъ 200 ри, то есть слишкомъ 800 верстъ. Чрезъ все это разстояніе знатныя особы путешествуютъ въ носилкахъ или портшезахъ, а прочіе верхомъ; для чего на станціяхъ сбираютъ весьма много людей. Японцы сказывали намъ, что эти носильщики такъ искусны въ своемъ ремеслѣ, что если полный стаканъ воды поставить въ носилку, они могутъ нести ее, не проливъ ни капли. Въ сухую погоду, когда дороги хороши, въ носилкахъ можно переѣхать помянутое разстояніе въ 23 дня; курьеры ихъ изъ Матсмая въ столицу, ѣдучи верхомъ, поспѣваютъ въ восемь, а рѣдко въ шесть дней, и это самая большая скорость ихъ ѣзды. Обыкновенная же почта съ письмами ходитъ въ мѣсяцъ разъ, и на переѣздъ сего разстоянія употребляетъ не менѣе 14-ти дней.

Digitized by Google

бопытствовали спросить, къ чему могла бы служить такая вещь, а сами вѣрно не знали, что это былъ компасъ; иначе, безъ всякаго сомнѣнія стали бы распрашивать, какъ мы его сдѣлали. Надобно думать, что Японцы такую необыкновенную для нихъ вещь сочли какимъ нибудь симпатическимъ лекарствомъ (*).

Новый губернаторъ опытами показывалъ, что онъ не менѣе хорошо былъ къ намъ расположенъ, какъ и предмѣстникъ его. Дозволять намъ выходить изъ мѣста нашего заключенія несовмѣстно было съ японскими законами, почему онъ и не могъ этого сдѣлать; но чтобы доставить намъ способъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ, приказано отъ него было держать растворенными настежь ворота въ нашемъ зданіи съ утра до вечера; сверхъ того, по приказанію его, давали намъ часто свѣжіе плоды (**) а одинъ разъ въ праздникъ (***) прислалъ онъ къ намъ ужинъ съ

(*) Всего чуднѣе былъ способъ, какимъ Симановъ спасъ свой ножъ отъ обысковъ Японцевъ: когда тюремный надзиратель обыскивалъ меня и Г. Хлѣбникова, и всѣ Японцы, тутъ бывшіе, обратили на насъ глаза, Симановъ имѣлъ столько смѣлости, что засунулъ ножъ въ землю подлѣ самой клѣтки, для матросовъ назначенной, а потомъ ночью, просунувъ руку сквозь столбы рѣшетки, досталъ и спряталъ его; съ тѣхъ поръ во все время онъ находился въ нашемъ владѣніи, да и нынѣ я храню его, какъ памятникъ странныхъ нашихъ приключеній.

(**) Правда, что плоды сіи (яблоки, груши и бергамоты) по большей части были неспѣлые; но у Японцевъ такой вкусъ! они великіе охотники до кислаго. У насъ на дворѣ стояло персиковое дерево, на которомъ было множество плодовъ; но караульные наши, не давъ имъ созрѣть, всѣ порвали, сами ѣли и насъ подчивали; мы однако жъ могли ѣсть такіе персики только испеченные, и то не всегда, а Японцы ѣли ихъ и сырые съ великимъ удовольствіемъ.

(***) Это случилось въ половинѣ Августа, когда у Японцевъ бываетъ большой дѣтскій праздникъ, въ который вечеромъ всѣхъ дѣтей мужескаго пола сбираютъ въ замокъ, гдѣ они, въ присутствіи губернатора и всѣхъ городскихъ чиновниковъ, играютъ, поютъ, пляшутъ, борются и фехтуютъ на сабляхъ;

Digitized by Google

своей кухни. Притомъ и караульные наши стали обходиться съ нами необыкновенно ласково; многіе изъ нихъ приносили намъ еагу, плоды и проч., и уже не таились другъ отъ друга, а одинъ семидесяти-лѣтній старикъ подарилъ мнѣ и Г. Хлѣбникову по вѣеру и по лакированной ложкѣ, матросу же Шкаеву, который, не взирая на мучительную болѣзнь (*), получилъ непреодолимую страсть учиться писать, принесъ онъ черниицу, тушь и кисти. Чтобъ

послѣ ихъ угощаютъ ужиномъ и даютъ разное лакомство. Въ нынѣшній разъ, по словамъ Кумаджера, ихъ было до 1500 человѣкъ; но надобно знать, что на этотъ праздникъ сбираются тѣ только дѣти, которыхъ родители могутъ порядочно одѣть, а худо одѣтые сами стыдятся показаться въ такомъ собраніи. Женскаго же пола дѣтей тутъ не бываетъ, ибо женщинамъ, по японскому закону, воспрещенъ входъ въ укрѣпленныя мѣста.

(*) Этотъ человѣкъ имѣя крайне тупую голову, самъ собою при помощи своего чрезвычайнаго терпѣнія, будучи уже тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, выучился на шлюпѣ немного читать и писать. Теперь здѣсь я и Г. Хлѣбниковъ отъ скуки взялись учить нашихъ матросовъ грамотѣ. Шкаевъ, бывъ жестоко боленъ, боялся, чтобъ они его не перегнали, и продолжалъ читать и писать, коль скоро немного ему дѣлалось легче; и когда прочіе его товарищи, не окончивъ еще первыхъ складовъ, отступились отъ ученія, онъ продолжалъ его. Г. Хлѣбниковъ каждый вечеръ занимался съ нимъ, такъ, что напослѣдокъ онъ выучился очень порядочно читать и писать. Въ послѣдствіи читывалъ онъ бывшее у насъ собраніе въ одномъ томѣ одного московскаго періодическаго изданія, и толковалъ оное своимъ товарищамъ довольно хорошо. Надобно замѣтить, что Шкаевъ былъ землякъ славнаго Ломоносова. Болѣзнь его была такая: когда насъ поймали, у него опухли ноги чрезвычайнымъ образомъ. Японскіе лекаря давали ему пить какой-то декоктъ и жгли на ногахъ моксу; но онъ, почитая средства сіи безполезными, просилъ Японцевъ, чтобы давали ему болѣе рѣдечнаго соку тереть ноги, увѣривъ ихъ, что подобную болѣзнь имѣлъ онъ въ Россіи, и тѣмъ вылечился; лекаря принуждены были на то согласиться, хотя очень неохотно. Продолжая тереть нѣсколько дней сряду свои ноги рѣдечнымъ сокомъ, онъ прогналъ опухоль, а вскорѣ послѣ, кромѣ костей

Digitized by Google

отблагодарить добрымъ людямъ за хорошее ихъ къ намъ расположеніе, мы вздумали подарить имъ нѣкоторыя изъ нашихъ европейскихъ вещей, зная, какъ они ихъ любятъ; особливо нравится имъ тонкое сукно, котораго каждый лоскутокъ они дорого цѣнятъ; изъ него шьютъ они сумки, кои съ бумагами и съ деньгами всегда носятъ при себѣ за пазухою, а также табачные кошельки и чахлы на трубки; почему мы раздѣлили имъ панталоны, чулки и платки, которые находились въ нашемъ распоряженіи. Подарки сіи приняли они съ благодарностью; но мы должны были дарить ихъ каждаго наединѣ, безъ того они бы не взяли ничего.

До Сентября мѣсяца ничего особеннаго съ нами не повстрѣчалось, кромѣ одного случая, о которомъ должно упомянуть здѣсь для того, что онъ показываетъ достойное замѣчанія японское обыкновеніе. Однажды кормили насъ необыкновенно хорошимъ обѣдомъ и въ прекрасной посудѣ; мы видѣли, что это было подчиваніе, и полагали отъ губернатора; но намъ сказали, что мы ошибаемся. Послѣ уже узнали мы, что это было на счетъ одного богатаго человѣка, недавно выздоровѣвшаго отъ опасной болѣзни, и что въ такихъ случаяхъ у Японцевъ есть обыкновеніе угощать бѣдныхъ и несчастныхъ людей.

6-го Сентября, послѣ полудни, Г. Мура и меня повели въ замокъ, гдѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ главныхъ чиновниковъ, кромѣ губернатора, который былъ боленъ, показали намъ двѣ бумаги съ нашего шлюпа Діаны, писанныя отъ 28-го Августа (*): первая изъ нихъ заключала

и кожи ничего на ногахъ у него не стало. Тогда началъ онъ чувствовать жестокій ломъ въ костяхъ ногъ, кричалъ и плакалъ, какъ ребенокъ; послѣ боль была до того нестерпима, что онъ нѣсколько разъ просилъ у Бога смерти. Японскіе лекаря лечили его декоктомъ изъ какихъ-то травъ, а также сажали въ теплую ванну, въ которую клали прежде мѣшокъ съ разными кореньями и травами. Такимъ образомъ въ семь мѣсяцевъ вылечили его совершенно.

(*) Если со шлюпа того же числа отправлены онѣ были на берегъ, то вѣрно не прежде вечера 28-го Августа послали ихъ

Digitized by Google

въ себѣ письмо командира Діаны, Г. Рикорда, къ начальнику острова Кунашира, въ которомъ онъ пишетъ, что, по Высочайшей волѣ Государя Императора, привезъ онъ спасшихся при кораблекрушеніи на Камчатскихъ берегахъ Японцевъ, изъ коихъ одного называетъ матсмайскимъ купцомъ Леонзаймомъ, съ тѣмъ, чтобъ возвратить ихъ въ свое отечество, увѣдомляетъ его, что россійскій корабль, къ нимъ теперь прибывшій, есть тотъ самый, который, по недостатку въ нѣкоторыхъ необходимыхъ потребностяхъ, заходилъ сюда же въ прошломъ году, и съ коимъ прежде Японцы обошлись дружески, обѣщая всякое пособіе, но по прибытіи начальника корабля на берегъ, задержали вѣроломнымъ образомъ его, двухъ офицеровъ, четырехъ рядовыхъ и Курильца, и что съ ними сдѣлалось, неизвѣстно; почему Г. Рикордъ, увѣряя кунаширскаго начальника въ миролюбивомъ расположеніи нашего Императора къ Японіи, проситъ извѣстить его, можетъ ли онъ насъ освободить самъ, а если нѣтъ, то увѣдомилъ бы, какъ скоро можетъ онъ надѣяться получить на сіе требованіе отвѣтъ Японскаго Правительства, и гдѣ мы теперь находимся, а доколѣ онъ (Г. Рикордъ) такого увѣдомленія не получитъ, не оставитъ здѣшней гавани; въ заключеніе же проситъ позволенія налить на берегу свои бочки прѣсною водою, не имѣя нужды ни въ чемъ другомъ. Бумага Г. Рикорда была написана учтиво и въ пристойныхъ выраженіяхъ, безъ всякаго униженія; напротивъ, упомянувъ, что покуда не дано ему будетъ удовлетворительнаго отвѣта, не оставитъ онъ гавани, показалъ онъ нѣкоторую нужную въ подобныхъ случаяхъ твердость. Другая бумага была письмо Г. Рикорда ко мнѣ, въ которомъ, извѣщая меня о прибытіи своемъ въ Кунаширъ,

---

изъ Кунашира, а въ Матсмай привезли оныя поутру 6-го Сентября, и такъ въ дорогѣ онѣ были $7^1/_2$ дней или около этого, и конечно уже, судя по роду и важности дѣла, везли ихъ съ возможною скоростью; отъ Кунашира до Матсмая считаютъ Японцы берегомъ 280 ри, то есть около 1200 верстъ. Этотъ примѣръ можетъ дать понятіе о японскихъ курьерахъ.

Digitized by Google

прописываетъ, что послалъ онъ къ начальнику острова бумагу на Русскомъ Языкѣ съ японскимъ переводомъ, касательно цѣли его прибытія, и что онъ въ надеждѣ и страхѣ ожидаетъ отвѣта; между тѣмъ онъ не знаетъ, живъ ли я, и проситъ, буде Японцы не позволятъ намъ отвѣчать ему, чтобы письмо его на той строкѣ, въ которой находится слово *живъ*, я надорвалъ, и возвратилъ съ посланнымъ отъ него на берегъ Японцемъ. Читая письмо отъ моего сотоварища по службѣ и искренняго друга, я былъ глубоко тронутъ, да и Г. Муръ не могъ скрыть своихъ чувствъ, и съ сей минуты сталъ со мною говорить ласковѣе и дружески.

По желанію Японцевъ, мы перевели имъ оба письма словесно, а потомъ велѣли они намъ списать съ нихъ копіи, которыя мы, по ихъ же требованію, взяли съ собою, чтобы перевести ихъ, вмѣстѣ съ Кумаджеромъ, письменно на Японскій Языкъ, а оригиналы оставили они у себя.

Новость о прибытіи нашей Діаны обрадовала всѣхъ моихъ товарищей. Письма Г. Рикорда ясно показывали, что Правительство наше не намѣрено принимать ни какихъ насильственныхъ мѣръ, но желаетъ миролюбивыми средствами убѣдить Японцевъ въ ихъ ошибкѣ; однако жъ мы пребывали между страхомъ и надеждою, не зная, какъ поступятъ Японцы. Мы просили ихъ о позволеніи написать къ Г. Рикорду хотя одну строку, что мы живы; они обѣщались доложить губернатору, но послѣ сказали, что губернаторъ, безъ предписанія изъ столицы, не можетъ на это согласиться. Мы старались узнать отъ переводчика и отъ караульныхъ, какъ Японцы обходятся съ нашими соотечественниками въ Кунаширѣ, и дали ли они имъ какой нибудь отвѣтъ. Они отзывались, что точно этого не знаютъ, а думаютъ, что дѣло идетъ хорошо. Между тѣмъ бумаги были переведены и тотчасъ отправлены въ Эддо, а какое повелѣніе послано къ кунаширскому начальнику, намъ не сказывали. Переводчикъ же Кумаджеро вскорѣ послѣ сего въ разные дни извѣстилъ насъ, что Г. Рикордъ пришелъ не съ однимъ судномъ, а съ двумя, изъ

Digitized by Google

коихъ одно о трехъ мачтахъ (*), а другое о двухъ, и что онъ спустилъ на берегъ четверыхъ Японцевъ, одного послѣ другаго. Эта послѣдняя новость не предвѣщала добраго и крайне насъ огорчила; она показывала, что Японцы не даютъ ни какого отвѣта Г. Рикорду, а потому онъ и посылаетъ къ нимъ людей ихъ, одного послѣ другаго. Въ это время Г. Муръ разсудилъ съ нами помириться, и прислалъ въ книгѣ подъ видомъ, что посылаетъ ее ко мнѣ для чтенія, записочку, коею увѣдомилъ, будто одинъ изъ стражей сказалъ ему за тайну, что на одномъ изъ нашихъ судовъ восемьдесятъ человѣкъ экипажа, а на другомъ сорокъ и четыре женщины. Наконецъ, около 20-го Сентября, пришли къ намъ два чиновника (шрабіягу) и сказали, что губернаторъ приказалъ имъ, объявить намъ объ отбытіи нашихъ судовъ изъ Кунашира, которое послѣдовало за нѣсколько дней предъ симъ (**), и что писемъ ни къ Японцамъ, ни къ намъ не оставлено; иначе они тотчасъ бы ихъ намъ показали. Помолчавъ немного, чиновники продолжали, что суда наши остановили одно японское судно, шедшее съ острова Итурупа въ Кунаширъ, и взяли съ него пять человѣкъ людей, которыхъ и увезли съ собою, и потому спрашивали они насъ, съ какимъ намѣреніемъ наши суда это сдѣлали. — «Не знаемъ, отвѣчали мы, но думаемъ, что они хотятъ точно узнать объ нашей участи, почему и взяли съ собою нѣсколько Японцевъ, которыхъ вѣрно на будущій годъ привезутъ назадъ.» — «Это правда, мы и сами такъ думаемъ!» отвѣчали чиновники, и ушли отъ насъ. Вѣсть эта насъ очень опечалила, а особливо потому, что мы не знали, какимъ образомъ наши суда взяли Японцевъ: всѣхъ ли они забрали съ судна, сколько ихъ тамъ оставалось, то есть пять человѣкъ (***) или болѣе ихъ на суднѣ было, но прочіе Г. Рикордомъ оставлены;

(*) Это была наша Діана.

(**) По нашему разсчету они должны были уйти 10-го или 11-го Сентября.

(***) Когда Хвостовъ бралъ на Сахалинѣ японское судно, то всѣ люди съ онаго побросались въ воду и пустились вплавь къ

Digitized by Google

также неизвѣстно было намъ, какимъ образомъ наши соотечественники съ ними поступили, и что сдѣлали съ Японскимъ судномъ. Болѣе всего насъ безпокоили отвѣты переводчика и караульныхъ, которые всегда отзывались незнаніемъ, когда мы спрашивали ихъ о обстоятельствахъ сего дѣла, а двое изъ караульныхъ не могли скрыть своей къ намъ ненависти, и угрожали матросамъ, что мы никогда не возвратимся въ Россію за взятіе Русскими ихъ судна. Наконецъ Г. Муръ сообщилъ мнѣ, посредствомъ записочекъ, присланныхъ въ книгахъ, слѣдующія извѣстія, слышанныя имъ отъ одного изъ караульныхъ, который былъ болтливѣе другихъ (*), прося чтобы я не все объявилъ моимъ товарищамъ, дабы ихъ не опечалить: первое сообщилъ онъ намъ, что по прибытіи нашихъ судовъ въ Кунаширъ, Японцы часто начинали съ крѣпости стрѣлять въ нихъ ядрами, но какъ ядра не долетали, то наши и не отвѣчали имъ, а покойно наливали воду. Когда же появилось идущее въ гавань японское судно, съ нашихъ судовъ посланы были шлюпки овладѣть онымъ, причемъ нѣсколько Японцевъ отъ страха бросились въ воду, изъ коихъ шесть человѣкъ (**) утонули. Наши, завладѣвъ судномъ, перевязали всѣхъ бывшихъ на немъ людей; но узнавъ, что мы живы, тотчасъ ихъ развязали, стали съ ними обходиться ласково, одарили разными вещами, и отпустили судно, взявъ съ него съ собою пять человѣкъ Японцевъ. Второе извѣстіе Г. Мура состояло въ томъ, будто Японское Правительство, поймавъ Курильцевъ (товарищей Алексѣя), и узнавъ отъ нихъ, что они были посланы Русскими для высматриванія ихъ селеній и крѣпостей, опредѣлило отрубить имъ головы, какъ шпіонамъ; но великодушный губер-

берегу, кромѣ четверыхъ, спрятавшихся внизу, которыхъ онъ и взялъ; почему мы опасались, не то ли самое и теперь случилось.

(*) У насъ всегда сидѣли по два сторожа, а у Г. Мура по одному; отъ этого происходило, что намъ они не могли открыть никакой тайны.

(**) Послѣ мы узнали достовѣрно, что при семъ случаѣ потонули девять человѣкъ.

Digitized by Google

наторъ Аррао-Тадзимано-Ками представилъ своему правительству, что наказать смертію сихъ несчастныхъ людей, не имѣющихъ своей воли, а единственно слѣпо повинующихся Русскимъ, которые за ослушаніе, можетъ быть, лишили бы ихъ жизни, будетъ Японцамъ стыдно и грѣшно; почему вмѣсто казни, предлагалъ отпустить ихъ, одаривъ разными вещами. Правительство уважило человѣколюбивый совѣтъ, и повелѣло поступить по оному. Вѣсть сія не соотвѣтствовала сдѣланному намъ отъ Японцевъ формальному объявленію, что по ихъ законамъ иностранцы не наказываются; но тутъ дѣло другое; Японцы, вѣроятно, считаютъ и нашихъ Курильцевъ, нѣкоторымъ образомъ, имъ принадлежащими (*), но не дѣлаютъ формальнаго на то притязанія, опасаясь войны съ нами, а можетъ быть, караульный ложно объявилъ Г. Муру; спросить же переводчиковъ о справедливости сего было невозможно, ибо у нихъ тотчасъ начались бы розыски, отъ кого мы это слышали. Сколь много происшествія сіи насъ ни тревожили, и сколь ни огорчались мы, видѣвъ твердое намѣреніе Японцевъ не вступать съ нами ни въ какіе переговоры; но хорошее

(*) Здѣсь надобно замѣтить, что Японцы для насъ сами шили и послѣ позволяли шить самимъ намъ платье по нашему покрою; кланялись мы ихъ чиновникамъ по европейскому обычаю, садились такъ же, для чего и стулья они намъ сдѣлали безъ нашей просьбы; Алексѣя же, хотя и взяли они въ русской матросской одеждѣ, но послѣ одѣвали всегда по-японски, и заставляли его въ присутствіи губернатора и чиновниковъ садиться и отдавать имъ почтеніе по японскому обыкновенію. Притомъ переводчики нѣсколько разъ намъ говорили, что Курильскіе Острова до самой Камчатки они посѣщали за триста лѣтъ до сего, и могли бы тогда завладѣть всѣми ими; если бы хотѣли, и что даже въ самой глубокой древности они составляли одинъ народъ; въ доказательство чему приводили множество сходныхъ словъ въ ихъ языкахъ, и это весьма вѣроятно. Я думаю, что Японцы часто бывали и въ Камчаткѣ, ибо они Камчадаловъ называютъ тѣмъ самымъ именемъ, какимъ Камчадалы сами себя именуютъ: Курумуши, а также есть у нихъ и нѣкоторыя другія камчадальскія названія.

Digitized by Google

обхожденіе нашихъ соотечественниковъ съ Японцами, взятыми на ихъ судно, очень насъ утѣшало.

На вопросы наши, что говорятъ привезенные изъ Россіи Японцы, Кумаджеро увѣрялъ насъ, что они подтверждаютъ наши слова; притомъ сказалъ онъ намъ, что одинъ изъ нихъ есть тотъ, котораго Хвостовъ увезъ съ острова Итурупа (*), по имени Городзій; въ бумагѣ же Г. Рикорда названъ онъ матсмайскимъ купцомъ Леонзаймомъ (**), потому что онъ, неизвѣстно по какой причинѣ, счелъ за нужное обмануть Русскихъ, назвавъ себя купцомъ и перемѣнивъ имя; настоящее же его званіе было на Итурупѣ досмотрщика надъ рыбною ловлею одного купца, а товарищъ его, взятый Хвостовымъ въ одно съ нимъ время, при побѣгѣ изъ Охотска объѣлся китоваго мяса и умеръ. Его поймали Тунгусы и возвратили Русскимъ. Увѣреніе Кумаджеро, что возвращенные изъ Россіи Японцы говорятъ согласно съ нами, подтвердилось въ мысляхъ нашихъ еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: губернаторъ приказалъ сшить намъ шелковое платье, хотя мы и не имѣли въ немъ нужды (***); изъ этого мы заключили, что Японцы хорошо отзываются о нашихъ соотечественникахъ.

Вскорѣ послѣ сего, Г. Муръ сообщилъ намъ, что губернаторъ умеръ, но Японцы, по законамъ своимъ, хранятъ смерть его въ тайнѣ до извѣстнаго времени (****);

(*) Въ бумагахъ Г. Рикорда этого упомянуто не было.

(**) Намъ прежде еще, тотчасъ по прочтеніи бумагъ Г. Рикорда, Японцы говорили, что купца сего имени никогда въ Матсмаѣ не бывало, и онъ долженъ быть изъ какого нибудь другаго мѣста.

(***) Японцы, узнавъ, что одинъ изъ нашихъ матросовъ былъ портной, стали давать намъ только матеріи, чтобъ мы шили платье по своему желанію; для легкости мы предпочитали покрой матросскихъ брюкъ и фуфаекъ всѣмъ другимъ.

(****) У Японцевъ въ обыкновеніи скрывать смерть всякаго чиновника, доколѣ правительство не назначитъ ему преемника, и не дастъ чина старшему его сыну, а буде нѣтъ сыновей, то пока не сдѣлаетъ какой либо милости для его семейства, или ближняго родственника, чтобы тѣмъ нѣсколько смягчить горесть

Digitized by Google

о чемъ дня чрезъ два и одинъ караульный, семидесяти-лѣтній старикъ, проговорился; но вспомнивъ свою ошибку, просилъ насъ никому изъ Японцевъ о томъ не сказывать. Смерть его не мало насъ опечалила, ибо всѣ увѣряли, что онъ былъ человѣкъ добрый, да и къ намъ хорошо расположенъ.

Въ половинѣ Октября, меня и Г. Мура повели въ замокъ, гдѣ два старшіе городскіе начальника (*), въ присутствіи двухъ или трехъ другихъ чиновниковъ, показали намъ русское письмо. сказали, что оно было отдано на нашемъ суднѣ одному изъ Японцевъ, который, просушивая свой халатъ, выронилъ оное, и что недавно нашли его, почему прежде намъ и не показывали, а теперь желаютъ,

---

ихъ. Впрочемъ о такой тайнѣ только не говорятъ явно и не доводятъ до свѣдѣнія родственниковъ, но потихоньку другъ отъ друга въ короткое время всѣ узнаютъ.

(*) Одинъ изъ сихъ чиновниковъ былъ вновь пріѣхавшій, по имени Тана-Хаси-Сампей, въ чинѣ гинміягу, и былъ старшій изъ нихъ. Мы нашли въ немъ человѣка добраго и ласковаго, и онъ, можетъ быть, потому такъ хорошо обходился съ нами, что въ молодыхъ его лѣтахъ судьба опредѣлила ему самому испытать подобное нашему несчастіе. Онъ находился въ службѣ Владѣтельнаго Князя Матсмайскаго; однажды, при переправѣ его чрезъ Тцынгарскій Проливъ, наступила буря; судно ихъ лишилось мачты и руля, и было принесено къ китайскимъ берегамъ, гдѣ всѣхъ ихъ взяли и задержали по подозрѣнію. Они находились въ заключеніи шесть лѣтъ; наконецъ, по удовлетворительномъ объясненіи дѣла сего, получили свободу и возвратились въ Японію, и какъ въ Матсмайскомъ Княжествѣ не существовалъ законъ, исключающій отъ всѣхъ должностей тѣхъ людей, которые бывали въ чужихъ земляхъ, то Сампей и былъ опять принятъ въ службу князя, а когда княжество сіе, послѣ нападенія Хвостова, было уничтожено и обращено въ провинцію императорскую, то онъ уже не потерялъ своего мѣста. Притомъ нѣкоторые изъ Японцевъ увѣряли насъ, что помянутый законъ не простирается на тѣхъ, которые бываютъ занесены въ Китай, и что только жившіе между христіанами лишаются всякой довѣренности общества.

Digitized by Google

чтобъ мы его прочитали и перевели. Мы видѣли увертку Японцевъ, и знали настоящую причину, почему письма они намъ прежде не показывали: они не смѣли этого сдѣлать безъ предписанія изъ столицы. Я сказалъ имъ засмѣявшись: «понимаю, понимаю этому причину.» Тогда и Японцы вмѣстѣ съ переводчикомъ стали смѣяться надъ уловкою, какою старались извинить себя. Письмо это было писано Г. Рудаковымъ, однимъ изъ офицеровъ, служившихъ на Діанѣ, къ Г. Муру; въ немъ во-первыхъ, онъ его извѣщалъ, что японскій начальникъ въ Кунаширѣ, въ отвѣтъ на письмо Г. Рикорда, посланному съ онымъ Японцу велѣлъ возвратиться на шлюпъ, и сказать, что мы всѣ убиты; почему они рѣшились начать непріятельскія дѣйствія, изъ коихъ первымъ было взятіе судна, на которомъ находился начальникъ десяти судовъ (*). Отъ взятыхъ Японцевъ узнали они, что мы живы и живемъ въ Матсмаѣ, почему они и причли ложное извѣстіе о нашей смерти обману посланнаго Японца (которыхъ всѣхъ уже они отпустили на берегъ), и оставили намѣреніе свое поступать съ Японцами непріятельски, а взявъ съ этого судна начальника, четырехъ Японцевъ и Курильца, отпустили оное, и пошли сами въ Камчатку. чтобъ тамъ отъ сихъ людей обстоятельнѣе вывѣдать все касательное до насъ; потомъ Г. Рудаковъ извѣщаетъ о намѣреніи ихъ на будущій годъ возвратиться въ Матсмай....... и оканчиваетъ письмо желаніемъ намъ здоровья, счастія и обыкновенными учтивостями. Японцы велѣли намъ, послѣ словеснаго истолкованія, списать копію, и взять ее къ

(*) Онъ былъ не только начальникъ, но и хозяинъ сихъ судовъ, богатый купецъ, а притомъ человѣкъ необыкновеннаго ума и честности, и потому пользовался большимъ почтеніемъ своихъ соотечественниковъ; даже самые высшіе чиновники оказывали ему уваженіе; вообще же онъ былъ любимъ всѣми, которые его знали, а что Г. Рикордъ и другіе, бывшіе съ нимъ офицеры приняли его сначала за чиновника, это не мудрено, ибо такіе почтенные люди, каковъ былъ сей человѣкъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ носятъ саблю и кинжалъ, наравнѣ съ людьми военными.

Digitized by Google

себѣ для перевода на бумагу. Письмо сіе доставило намъ, по крайней мѣрѣ, то удовольствіе, что мы узнали, сколь много Японцы противъ Россіи виноваты, и что если уже Государю Императору благоугодно было бы отмстить имъ за вѣроломство, то мщеніе было бы самое справедливое. Пока Г. Муръ списывалъ копію, я спросилъ чиновниковъ съ досадою и горестью: «Правда ли, что кунаширскій начальникъ далъ такой отвѣтъ, и что бы понудило его сказать нашимъ соотечественникамъ такую гнусную ложь, которая могла для всей Японіи произвести непріятныя и даже опасныя слѣдствія?» — Не знаемъ, отвѣчали они. Но когда я спросилъ, какъ они думаютъ о такомъ поступкѣ, одобряютъ ли они его или нѣтъ, они всѣ его порицали. По окончаніи перевода, тотчасъ отправили его въ столицу. Между тѣмъ, когда мы уже узнали по письму Г. Рудакова, о главныхъ и важнѣйшихъ происшествіяхъ, случившихся между Японцами и нашими судами, тогда и Кумаджеро не сталъ таиться, и открылъ намъ искренно, что прибывшіе изъ Охотска Японцы говорятъ: Леонзаймо, или то же Городзій, увѣряетъ, что Россія непремѣнно въ войнѣ съ Японіею, и что теперешніе наши миролюбивые поступки не что иное, какъ одинъ обманъ, чтобы насъ выручить изъ плѣна, и что мы потомъ станемъ дѣйствовать иначе. Онъ соглашается, что по прибытіи въ Охотскъ, Хвостовъ и Давыдовъ были отданы подъ стражу, и послѣ ушли, но за что, ему неизвѣстно, вѣроятно и за то, что мало привезли плѣнныхъ и не столько добычи, сколько тамъ ожидали; впрочемъ онъ увѣренъ, что они не сами собою дѣйствовали, а по волѣ правительства; ибо въ Охотскѣ никто не объявлялъ ему, чтобъ поступки сіи были самовольные, и что онъ будетъ возвращенъ въ отечество. Къ сожалѣнію нашему, и тѣ Японцы, которые спаслись при кораблекрушеніи на камчатскомъ берегу, и тамъ зимовали, отзывались о Русскихъ весьма дурно; они говорили, что пока содержалъ ихъ въ Нижне-Камчатскѣ протопопъ, имъ жить было хорошо, но когда отправили ихъ въ камчадальское селеніе, называемое Малкою, то они,

Digitized by Google

кромѣ вяленой рыбы ни какой другой пищи не имѣли (*), и ходить имъ было почти не въ чемъ.

Въ первыхъ числахъ Ноября призывали Г. Мура и меня въ замокъ, гдѣ старшіе чиновники показали намъ свидѣтельство, данное Леонзайму отъ начальника Охотскаго Порта, Флота Капитана Миницкаго. Японцы, показывая оное, по обыкновенію своему извинялись, почему прежде не открыли намъ о сей бумагѣ; причиною тому поставляли они глупость Леонзайма, что онъ долго хранилъ ее у себя, никому не объявляя; но мы слишкомъ хорошо знали уже Японцевъ, чтобъ вѣрить такимъ баснямъ: намъ извѣстно было, что свезенные на берегъ съ Діаны Японцы ни какого лоскутка не могли утаить у себя, не только бумагу офиціальную съ казенною печатью, которой содержаніе вѣрно имъ было растолковано въ Охотскѣ. Въ бумагѣ важнѣе всего было то, что между прочимъ въ ней поступки Хвостова называются самовольными, и сказано, что онъ ими навлекъ на себя гнѣвъ правительства; упоминается также, что Леонзаймо и товарищъ его два раза уходили изъ Охотска, не дождавшись Высочайшаго повелѣнія о возвращеніи ихъ въ свое отечество, которое послѣдовало вскорѣ послѣ втораго ихъ побѣга, а въ заключеніе Г. Миницкій свидѣтельствуетъ о добропорядочномъ поведеніи Леонзайма въ бытность его въ Охотскѣ. Сдѣлавъ, въ присутствіи чиновниковъ, словесный переводъ сему аттестату, мы тутъ же списали съ него копію, и послѣ перевели дома на бумагу. Переводъ нашъ съ оригиналомъ немедленно посланъ былъ въ столицу. Между тѣмъ, 8-го Ноября возвращенные изъ Россіи Японцы приведены были въ Матсмай, и помѣщены въ томъ домѣ, изъ котораго мы ушли. Здѣшніе начальники сдѣлали имъ нѣсколько допросовъ, при которыхъ находился и Кумаджеро. Онъ сообщилъ намъ то же, что и прежде

(*) Мы послѣ узнали, что Иркутскій Гражданскій Губернаторъ опредѣлилъ достаточную сумму на ихъ содержаніе; но какъ отъ Японцевъ нельзя было опасаться, чтобъ они жалобы свои довели до Иркутска, то вѣроятно тайонъ, или старшина малкинскаго селенія находилъ другое для нихъ денегъ употребленіе.

сказывалъ о дурномъ отзывѣ земляковъ его о Русскихъ, а сверхъ того извѣстилъ насъ, что Леонзаймо очень хвалитъ Иркутскъ, но Охотскъ и всю Восточную Сибирь называетъ бѣдною, голодною страною, гдѣ, кромѣ нищихъ да чиновниковъ, никого онъ не видалъ. Въ Матсмаѣ они жили около недѣли, а потомъ отправили ихъ въ столицу. При послѣднемъ свиданіи моемъ съ Г. Муромъ, онъ сказалъ мнѣ о слышанной имъ отъ караульнаго новости, что благодѣтель нашъ, прежній губернаторъ, находится въ немилости, и получилъ повелѣніе никуда не выѣзжать изъ своего дома. Эта вѣсть крайне всѣхъ насъ огорчила, а болѣе потому, что и письма отъ друга нашего Теске (*), хотя прямо не было сказано въ нихъ ничего, ясно показывали, что дѣла наши идутъ нехорошо. Однако жъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ Кумаджеро сказалъ намъ за тайну, будто онъ видѣлъ сонъ, что насъ велѣно отпустить, но послѣ открылось, что это не сонъ былъ, а настоящая молва: онъ слышалъ отъ пріѣхавшаго изъ столицы одного изъ первыхъ здѣшнихъ чиновниковъ, что дѣло наше идетъ весьма хорошо, и что благородный и честный поступокъ Г. Рикорда съ Японцами, находившимися на задержанномъ имъ суднѣ, обратилъ на себя не только вниманіе правительства, но и всѣхъ жителей столицы (**). Вѣсть сію скоро подтвердилъ

(*) Онъ писалъ къ намъ по-русски, но такъ, что никто изъ Русскихъ не могъ бы дать письмамъ его толку, а какъ мы привыкли къ его выговору и idіомамъ, какими онъ изъяснялся въ разговорахъ съ нами, то безъ дальняго труда могли совершенно понимать его мысли. Отвѣты свои мы также писали по-русски понятными ему выраженіями, и онъ ихъ понималъ хорошо.

(**) Кумаджеро и другіе Японцы, при насъ находившіеся, съ удовольствіемъ разсказывали объ отзывѣ этихъ людей о Г. Рикордѣ, которыхъ онъ задержалъ на японскомъ суднѣ. Узнавъ, что мы живы, онъ тотчасъ велѣлъ ихъ развязать, обошелся съ ними весьма ласково, и сдѣлалъ многимъ подарки. Тутъ находилась подруга того купца, котораго онъ взялъ съ собою, Г. Рикордъ приказалъ привезти ее на шлюпъ, и велѣлъ русскимъ женщинамъ ее угощать и показать все любопытное на

Digitized by Google

запискою ко мнѣ Г. Муръ, извѣстивъ, будто онъ слышалъ отъ одного изъ стражей, что всѣ наши вещи, бывшія въ Эддо, возвращены въ Матсмай, и дѣлаются приготовленія къ возвращенію нашему въ Россію. И такъ опять мы изъ бездны отчаянія поднялись до нѣкоторой степени надежды: утѣшаясь ею хотя и съ примѣсью горя, происходившаго отъ недовѣрчивости къ Японцамъ, встрѣтили мы Новый 1813-й Годъ.

Въ теченіе Января мѣсяца получили мы нѣсколько писемъ отъ Теске, въ отвѣтъ на наши, въ коихъ между прочимъ онъ говоритъ откровенно, что рѣшеніе нашего дѣла еще сомнительно, ибо правительство ихъ такъ много имѣетъ причинъ быть предубѣжденнымъ противъ насъ, что малое число доказательствъ, служащихъ въ нашу пользу, недостаточно поколебать прежнее мнѣніе. Присемъ Теске весьма кстати ссылается на японскую пословицу: «вѣеромъ тумана не разгонишь (*).» Изъ такихъ замѣчаній лучшаго нашего доброжелателя, мы могли уже судить, что добраго конца нашему дѣлу ожидать нельзя, а притомъ и стражи наши начали уже явно говорить, что Аррао-Тадзимано-Ками отрѣшенъ отъ должности матсмайскаго губернатора, и вскорѣ будетъ назначенъ на мѣсто его другой. Къ сему

нашемъ суднѣ; отпуская ее со шлюпа, Г. Рикордъ подарилъ ей нѣсколько европейскихъ вещей, которыя Японцы цѣнятъ въ 30 золотыхъ монетъ; потомъ позволилъ мужу ея написать къ своимъ родственникамъ письмо, и увѣрить ихъ, что онъ на будущій годъ непремѣнно будетъ возвращенъ въ свое отечество, а между тѣмъ теперь живетъ вмѣстѣ въ каютѣ съ Г. Рикордомъ, и послѣ до самаго возвращенія будетъ жить съ нимъ. Такое вниманіе къ ихъ соотечественнику, Японцамъ весьма нравилось. Также сказалъ намъ Кумаджеро, что намѣреніе Г. Рикорда сначала было взять одного человѣка и еще Курильца для переводовъ, но четыре человѣка Японцевъ сами добровольно согласились ѣхать съ своимъ хозяиномъ.

(*) Во всѣхъ земляхъ народныя пословицы берутся отъ предметовъ, ихъ окружающихъ. Японскіе берега подвержены частымъ туманамъ, и всѣ жители Японіи обоего пола и всякаго возраста въ лѣтнее время, вѣера изъ рукъ не выпускаютъ.

Digitized by Google

горестному для насъ происшествію присовокупилось еще и другое, не менѣе насъ поразившее. Въ началѣ Февраля вдругъ отобрали у Г. Мура всѣ письма, писанныя къ нему отъ Теске (*), и смѣнили одного изъ бывшихъ при насъ работниковъ, съ которымъ младшій братъ Теске прислалъ послѣднее письмо къ Г. Муру, и который былъ такъ неостороженъ, что вручилъ оное ему при караульномъ; этотъ донесъ начальству, и вдругъ сдѣлалась суматоха; съ солдатами, составлявшими при насъ внутреннюю стражу, стали посылать въ караулъ сержанта, или унтеръ-офицера (**), изъ коихъ нѣкоторые весьма строго начинали было съ нами обходиться, но какъ мы пожаловались, то имъ приказали обращаться лучше. Мы болѣе сожалѣли о добромъ нашемъ другѣ Теске, чтобы переписка его съ нами не была причиною его погибели, ибо въ нѣкоторыхъ его письмахъ онъ очень смѣло говорилъ о своемъ правительствѣ (***). Хотя караульные и Кумаджеро увѣряли насъ, что ему ничего не будетъ, но мы имъ не слишкомъ вѣрили.

Наконецъ, въ половинѣ Февраля, Кумаджеро сказалъ намъ за тайну, что дѣло наше рѣшено, но въ чемъ состоитъ рѣшеніе, до прибытія новаго губернатора, который уже назначенъ (****), никто объявить намъ не смѣетъ подъ опасеніемъ жестокаго наказанія; однако жъ онъ можетъ

(*) А я и Г. Хлѣбниковъ успѣли писанныя имъ къ намъ письма сжечь.

(**) Въ званіе сіе по большей части опредѣляются старики; они называются кумино-кашира, или при пшенѣ коммисаръ, потому что главная ихъ должность состоитъ въ пріемѣ изъ магазиновъ пшена и въ раздачѣ солдатамъ. У Японцевъ и жалованье дается сарачинскимъ пшеномъ, а въ Матсмаѣ и вообще на Курильскихъ Островахъ, къ пшену прибавляютъ еще небольшую сумму денегъ.

(***) Напримѣръ, онъ называетъ своихъ соотечественниковъ въ Кунаширѣ глупые Японцы, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ: поступки Русскихъ великодушны, но наши начальники не умѣютъ понять этого; привезеннаго же Японца Городзія, за дурной отзывъ о Русскихъ, называетъ собакою и проч.

(****) Имя сего губернатора было Хаттори-Бингоно-Ками.

Digitized by Google

насъ увѣрить, что худаго ничего въ рѣшеніи Японскаго Правительства для насъ нѣтъ. Извѣстіе сіе привело насъ въ крайнее недоумѣніе: мы постигнуть не могли, въ чемъ могло бы состоять такое рѣшеніе, которое ни добра, ни зла намъ не дѣлало, и потому съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, страхомъ и надеждою стали ожидать прибытія новаго губернатора.

11-го Марта Г. Хлѣбниковъ впалъ въ чрезвычайную задумчивость и сдѣлался боленъ; нѣсколько дней сряду онъ не пилъ и не ѣлъ, да и сонъ его оставилъ. Разстроенное воображеніе представляло ему непонятные ужасы. Въ продолженіе времени при разныхъ обстоятельствахъ, здоровье его хотя и поправлялось; но онъ не прежде совсѣмъ избавился отъ болѣзни, какъ по пріѣздѣ уже на шлюпъ.

18-го Марта прибылъ новый губернаторъ и съ нимъ, между прочими чиновниками, пріѣхали другъ нашъ Теске, ученый изъ Японской Академіи, по имени Адати-Саннай, и переводчикъ Голландскаго Языка Баба-Сюдзоро. Теске показалъ намъ и въ этомъ случаѣ свою дружбу: не успѣлъ сойти онъ на берегъ и кончить дѣла по службѣ, какъ тотчасъ, не заходя къ своему отцу и семейству, прямо пришелъ къ намъ, принесъ гостинцевъ (*), и утѣшилъ насъ извѣстіемъ, что новый губернаторъ имѣетъ повелѣніе снестись съ русскими кораблями; почему тотчасъ разошлются во всѣ порты повелѣнія не палить уже при появленіи ихъ у японскихъ береговъ. Благодѣтеля нашего Аррао-Тадзимано-Ками онъ выставилъ въ глазахъ нашихъ еще почтеннѣе и великодушнѣе, нежели какъ прежде мы объ немъ думали. Онъ сказалъ намъ, что Японское Правительство отнюдь не хотѣло имѣть съ Россіею ни какихъ объясненій, считая по прежнимъ происшествіямъ и по объявленію Леонзайма, что со стороны правительства нашего, кромѣ коварства, обмана и насилія, ожидать ничего нельзя; но Аррао-Тадзимано-Ками, допрашивая Леонзайма, вмѣстѣ

(*) Онъ и прежде изъ столицы не забывалъ при своихъ письмахъ посылать къ намъ иногда конфекты и прочее.

съ нынѣшнимъ губернаторомъ, заставилъ его запутаться и признаться, что мнѣніе свое, будто Россія желаетъ вредить Японіи, и что Хвостовъ дѣйствовалъ по волѣ нашего правительства, онъ говорилъ наугадъ. Противъ другихъ доводовъ членовъ японскаго правленія, онъ также сдѣлалъ достаточныя опроверженія, и доказалъ имъ, что они не должны судить о законахъ и обыкновеніяхъ другихъ народовъ по своимъ собственнымъ, а потомъ склонилъ ихъ снестись по предметамъ существующихъ обстоятельствъ съ пограничнымъ россійскимъ начальствомъ. Но какъ правительство ихъ хотѣло требовать, чтобъ объясненіе по сему дѣлу русскіе корабли привезли въ Нангасаки, то онъ и на это сдѣлалъ опроверженіе, представивъ оному, что Русскіе, получивъ такой отзывъ Японцевъ, конечно сочтутъ оный за обманъ и коварство; ибо, какъ имъ вообразить, чтобъ Японцы поступали искренно и честно, требуя, чтобы они шли столь далеко за такимъ дѣломъ, которое можно рѣшить гораздо ближе и скорѣе въ какой нибудь гавани Курильскихъ Острововъ? Когда же правительство отозвалось ему, что безъ нарушенія законовъ своихъ оно не можетъ согласиться добровольно на приходъ русскихъ кораблей въ другой какой либо портъ, кромѣ Нангасаки, то Аррао-Тадзимано-Ками далъ имъ слѣдующій достопамятный отвѣтъ: «Солнце, луна и звѣзды, твореніе рукъ Божіихъ, въ теченіи своемъ непостоянны и подвержены перемѣнамъ, а Японцы хотятъ, чтобы ихъ законы, составленные слабыми смертными, были вѣчны и непремѣнны; такое желаніе есть желаніе смѣшное и безразсудное (*).» Такимъ образомъ

(*) Теске сказалъ намъ, что никто изъ японскихъ вельможъ не отважился бы сдѣлать правительству подобное представленіе; но Аррао-Тадзимано-Ками, извѣстный по своему рѣдкому уму и добродѣтелямъ, и любимый народомъ до чрезвычайности, не боялся говорить правду. Сверхъ того онъ имѣлъ два важные случая, будучи зятемъ генералъ-губернатора столицы, которое мѣсто занимаетъ всегда одинъ изъ самыхъ приближенныхъ къ государю особъ, и братомъ роднымъ одной изъ императорскихъ любовницъ.

Digitized by Google

онъ убѣдилъ правительство возложить на матсмайскаго губернатора переговоры съ Русскими, не требуя, чтобы оные шли въ Нангасаки. Далѣе добродушный Теске сообщилъ намъ, что Аррао-Тадзимано-Ками отставленъ отъ званія матсмайскаго губернатора, но дана ему другая должность, важнѣе губернаторской, хотя жалованья онъ будетъ получать и менѣе (*); ибо въ Матсмаѣ все несравненно дороже, нежели въ столицѣ, гдѣ ему должно жить: опредѣленъ же онъ главнымъ начальникомъ надъ казенными строеніями по всему государству. Теске пробылъ у насъ такъ долго, что отецъ его принужденъ былъ два раза посылать за нимъ; однако жъ онъ не разстался съ нами, пока не увѣрился, что мы совершенно успокоились.

Дня чрезъ два или три по пріѣздѣ губернатора, пришелъ къ намъ Кумаджеро сказать, по повелѣнію перваго по губернаторѣ начальника, Гинміягу-Сампея, чтобъ мы учили Русскому Языку пріѣхавшихъ недавно изъ столицы ученаго и голландскаго переводчика, и сказывали имъ все, о чемъ насъ станутъ спрашивать. Странно мнѣ кажется, сказалъ я Кумаджеру, что губернаторъ, по пріѣздѣ своемъ сюда, насъ не видалъ и не объявилъ намъ еще, какое рѣшеніе въ разсужденіи насъ сдѣлало Японское Правительство, а хочетъ, чтобъ мы учили присланныхъ изъ столицы людей. Потомъ я спросилъ чрезъ стѣну Г. Мура, какъ онъ думаетъ о семъ предложеніи. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что пока губернаторъ не объявитъ рѣшенія объ нашемъ дѣлѣ, дотолѣ не будетъ онъ ни подъ какимъ видомъ учить Японцевъ, а коль скоро такое объявленіе послѣдуетъ, тогда онъ радъ будетъ учить ихъ день и ночь. Я совѣтовалъ ему, до прибытія нашихъ судовъ, заниматься съ ними каждый день по нѣскольку часовъ, и замѣтилъ, что тогда мы будемъ въ состояніи узнать подлинное намѣреніе Японцевъ въ разсужденіи насъ, и взять другія мѣры; но Г. Муръ

(*) Жалованье его въ Матсмаѣ простиралось до трехъ тысячъ большихъ золотыхъ монетъ; каждая по вѣсу превосходитъ нѣсколько нашъ имперіялъ, а о качествѣ золота судить я не могу.

отнюдь не хотѣлъ согласиться на мое мнѣніе. Тогда я не постигалъ причины такой его твердости, полагая, что они позабыли все старое, и сдѣлались опять съ нами единодушными, но послѣ открылось другое. Такимъ образомъ Кумаджеро оставилъ насъ, не получивъ ни какого рѣшительнаго отвѣта, а чрезъ нѣсколько дней послѣ этого повели меня и Г. Мура въ замокъ, гдѣ первые два по губернаторѣ начальника, въ присутствіи другихъ чиновниковъ, объявили намъ, что имъ повелѣно писать къ начальникамъ русскихъ кораблей, если они прійдутъ къ японскимъ берегамъ, и требовать объясненія касательно поступковъ Хвостова отъ начальства какой нибудь нашей губерніи или области; почему, сказали они, намѣреніе ихъ есть послать во всѣ главные порты (*) сѣверныхъ владѣній письма, заключающія въ себѣ показанное требованіе съ русскимъ переводомъ; переводъ должны сдѣлать мы вмѣстѣ съ Теске и Кумаджеромъ; а теперь они хотятъ намъ показать и изъяснить письмо ихъ, на Японскомъ языкѣ писанное, и узнать наши мысли, прилично ли будетъ съ ихъ стороны послать оное въ Россію. Тогда переводчики растолковали намъ содержаніе сего письма. Я нашелъ, что оно было написано весьма основательно и благодарилъ ихъ за такое доброе намѣреніе, которое можетъ избавить какъ Россію, такъ и Японію отъ безполезнаго кровопролитія, и увѣрялъ, что Правительство наше, конечно, доставитъ имъ удовлетворительный отвѣтъ. Послѣ сего они объявили, что если суда наши прійдутъ къ самому городу Матсмаю или въ Хакодаде, то намѣрены они съ помянутымъ письмомъ отправить одного или двухъ изъ нашихъ матросовъ. При семъ случаѣ я замѣтилъ, что такое намѣреніе весьма похвально, ибо матросы, явясь на наши корабли, тотчасъ могутъ увѣрить соотечественниковъ нашихъ, что мы живы; а для той же причины просилъ ихъ позволить намъ написать записочки, что мы всѣ живы, и приложить оныя къ письмамъ, кои они думаютъ разослать по портамъ. Японцы тотчасъ на пред-

(*) Въ Кунаширъ, на Итурупъ, на Сахалинъ, въ Аткисъ и Хакодаде.

доженіе мое согласились, но сказали, что записки наши должны быть как можно короче, и что их прежде нужно послать на утвержденіе въ столицу, и потому совѣтовали намъ написать ихъ поскорѣе, что я и сдѣлалъ немедленно по возвращеніи домой. Послѣ сего приступили мы къ переводу японской ноты, для чего позволено было и Г. Муру съ Алексѣемъ ходить къ намъ. Въ это же самое время явился и ученый съ переводчикомъ Голландскаго языка; первое ихъ посѣщеніе было церемоніальное: о дѣлѣ они ничего съ нами не говорили, а только принесли намъ въ гостинецъ конфектовъ, познакомились съ нами, и выпросили у меня на время французскіе лексиконы и еще двѣ книги!

Между тѣмъ Г. Муръ сдѣлалъ мнѣ вдругъ слѣдующее нечаянное предложеніе: «Вамъ первому ѣхать на наши суда, сказалъ онъ, не годится, ибо вы причиною нашего несчастія. Андрей Ильичъ (такъ зовутъ Г. Хлѣбникова) при смерти боленъ, а матросы глупы и ничего не могутъ тамъ порядочно пересказать, и потому должно ѣхать мнѣ, а товарищемъ со мною надлежитъ быть Алексѣю, ибо онъ содержится здѣсь уже три года, а матросы только два; но какъ мнѣ просить Японцевъ о самомъ себѣ некстати, то вы всѣ должны просить ихъ объ этомъ, ибо собственное ваше счастіе отъ того зависитъ; если вы этого не сдѣлаете, то должны будете погибнуть.» — Какъ такъ? спросилъ я, отъ чего? — «Я знаю отъ чего!» отвѣчалъ значительнымъ тономъ Г. Муръ. На это я сказалъ ему «Если Японцы уже намѣрены послать съ письмомъ на русскія суда матроса, то это послѣдуетъ конечно по волѣ ихъ правительства, безъ коего они ни какой перемѣны не сдѣлаютъ, да и правительство ихъ въ такихъ рѣшеніяхъ долго медлитъ; почему я отнюдь не намѣренъ просить Японцевъ о посылкѣ васъ перваго на наши суда.» — «А какъ скоро такъ, отвѣчалъ онъ, то вы увидите свою ошибку и раскаетесь, но уже будетъ поздно.» — Я не понималъ что значили эти угрозы, и остался въ недоумѣніи при разставаніи нашемъ съ Г. Муромъ. Но на другой день сказалъ онъ мнѣ сквозь стѣну, будто одинъ изъ караульныхъ открылъ ему, что Японцы хотятъ захватить командира съ нашего судна и

Digitized by Google

столько же офицеровъ и матросовъ, сколько насъ здѣсь, задержать ихъ, а насъ отпустить; но какъ при семъ случаѣ можетъ быть кровопролитіе, то совѣтовалъ мнѣ хорошенько подумать, что ему непремѣнно нужно ѣхать первому, ибо матросы не могутъ такъ настоятельно говорить, какъ онъ, а онъ убѣдитъ Капитана Рикорда и двухъ офицеровъ смѣнить насъ добровольно. Но это была такая сказка, которой едва ли повѣрилъ бы ребенокъ: возможно ли, чтобы караульный открылъ такую важность, да и сказалъ онъ на скромнаго старика въ семьдесятъ лѣтъ, и потому я отвѣчалъ ему сухо: «Сомнительно, чтобъ это было ихъ намѣреніе.» Но тѣмъ дѣло не кончилось. Вскорѣ послѣ сего Г. Муръ сказалъ, что намѣреніе ихъ не то, какъ онъ прежде мнѣ сказывалъ, но они хотятъ захватить все судно наше и со всѣмъ экипажемъ, а потомъ отправить отъ себя посольство въ Охотскъ на своемъ уже суднѣ, и потому опять предлагалъ, что ему нужно ѣхать, а въ извѣстіи своемъ сослался на прежняго старика и другаго молодаго караульнаго. Эта басня была еще смѣшнѣе первой, и потому я далъ ему короткій отвѣтъ: «что Богъ сдѣлаетъ, то и будетъ,» и замолчалъ. Между тѣмъ мы перевели бумагу, назначенную къ отправленію на русскія суда; она начиналась такъ: «Отъ гимніягъ, первыхъ двухъ начальниковъ по матсмайскомъ губернаторѣ, командиру русскаго корабля.»—Содержаніе оной было весьма коротко: сказано тамъ, что приходилъ въ Нангасаки посолъ Резановъ; въ сношеніяхъ съ нимъ Японцы поступали по своимъ законамъ, но оскорбленія ни какого отнюдь ему не сдѣлали, потомъ напали на ихъ берега русскія суда безъ всякой причины; почему, при появленіи нашего судна, кунаширскій начальникъ, считая всѣхъ Россіянъ непріятелями Японіи, взялъ насъ семерыхъ въ плѣнъ, и хотя мы говоримъ, что поступки прежнихъ судовъ были самовольные, но такъ какъ мы плѣнные, то Японцы не могутъ намъ повѣрить; почему и желаютъ имѣть отъ высшаго начальства сему подтвержденіе, которое надлежитъ доставить имъ въ Хакодаде.

Японцы старались, чтобъ мы перевели бумагу сію съ величайшею точностью, держась какъ можно ближе лите—

Digitized by Google

ральнаго ея смысла, и такимъ образомъ, чтобъ слова тѣмъ же порядкомъ слѣдовали одно за другимъ въ оригиналѣ и въ переводѣ, сколько свойство обоихъ языковъ позволяло, не заботясь впрочемъ ни мало о красотѣ слога, лишь бы только смыслъ былъ совершенно сходенъ, и потому нѣсколько дней сряду съ утра до вечера занималъ насъ сей переводъ, и послѣ еще не одинъ разъ начальники, разсматривая оный, присылали къ намъ для поправокъ. Наконецъ дѣло было кончено; мы сдѣлали бумагамъ европейскіе куверты и надписи по-руски: «Начальнику русскихъ судовъ»; тогда ихъ и отправили по портамъ.

27-го Марта представляли насъ всѣхъ губернатору; онъ былъ довольно высокій, статный человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти отъ роду, и имѣлъ очень пріятную физіономію. Свита его состояла въ осьми человѣкахъ, и онъ родомъ былъ знатнѣе прежнихъ двухъ губернаторовъ. Назвавъ каждаго изъ насъ по чину и имени, изъ бывшей у него въ рукахъ бумаги, объявилъ онъ намъ то же, что объявляли прежде и двое начальниковъ, и обнадеживалъ, что дѣло кончится хорошо; потомъ, спросивъ насъ, здоровы ли мы, и каково насъ содержатъ, вышелъ, а мы возвратились съ переводчиками домой, и въ тотъ же день съ ужасомъ услышали сквозь стѣну разговоры Г. Мура съ переводчиками. Онъ требовалъ, чтобъ его одного представили губернатору, а когда Теске спросилъ: зачѣмъ? то Г. Муръ отвѣчалъ, что онъ желаетъ объявить ему нѣкоторыя весьма важныя дѣла; но Теске сказалъ, что онъ не можетъ быть представленъ губернатору, доколѣ прежде не доведетъ, посредствомъ переводчиковъ, до его свѣдѣнія, по какимъ причинамъ онъ требуетъ свиданія съ самимъ губернаторомъ. Тогда Г. Муръ продолжалъ, что шлюпъ нашъ приходилъ описывать южные Курильскіе Острова, находящіеся въ зависимости отъ Японіи, и Японцами населенные, но съ какою цѣлію, онъ этого не знаетъ, а совѣтуетъ имъ допытаться отъ меня; ибо я одинъ знаю сію тайну, потому что инструкцій моихъ отъ начальства я никогда не показывалъ своимъ офицерамъ; второе, что мы скрыли отъ нихъ нѣкоторыя обстоятельства, и въ разныхъ бумагахъ не такъ переводили слова;

Digitized by Google

сверхъ того Г. Муръ много говорилъ о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ. Теске, выслушавъ его, спросилъ, не съ ума ли онъ сошелъ, что бредитъ такой вздоръ на свою погибель. «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я въ полномъ умѣ и говорю дѣло!»—Тогда Теске вышелъ изъ терпѣнія, и сказалъ ему, что если онъ и дѣло говоритъ, то теперь это поздно и ненужно, ибо прежнее дѣло совсѣмъ уже рѣшено и оставлено, а участь наша, не смотря на старыя дѣла, зависитъ отъ поступковъ нашихъ судовъ, и если на требованіе ихъ доставленъ имъ будетъ удовлетворительный отвѣтъ, то насъ отпустятъ. Но какъ онъ настаивалъ на своемъ, чтобы его представили губернатору, то Теске жестоко разгорячился; напослѣдокъ, заключивъ, что Г. Муръ дѣйствительно лишился ума, оставилъ его, и пришедши къ намъ говорилъ, что Муръ или сумасшедшій, или имѣетъ крайне *черное* (то есть дурное) сердце. На другой день Г. Муръ началъ и дѣйствительно говорить какъ сумасшедшій; но подлинно ли онъ ума лишился или только притворялся, о томъ пусть судитъ Богъ. Дня чрезъ два послѣ сего пожелалъ онъ, чтобы его перевели къ намъ, на что Японцы тотчасъ согласились, и какъ его, такъ и Алексѣя помѣстили опять съ нами: въ это же время и ученый съ переводчикомъ стали къ намъ ходить всякій день. Перваго изъ нихъ мы называли академикомъ, потому что онъ былъ членъ ученаго общества, соотвѣтствующаго отчасти европейскимъ академіямъ, а втораго именовали голландскимъ переводчикомъ. Послѣдній началъ повѣрять всѣ словари Русскаго Языка, прежде собранные, и скоро ихъ поправилъ и дополнилъ; онъ имѣлъ у себя печатный лексиконъ Голландскаго Языка съ Французскимъ, и узнавъ отъ насъ французское слово, соотвѣтствующее неизвѣстному имъ русскому, тотчасъ отыскивалъ оное въ своемъ словарѣ. Переводчикъ былъ молодой человѣкъ двадцати семи лѣтъ, и имѣлъ весьма хорошую память; зная уже грамматику одного европейскаго языка, онъ очень скоро успѣвалъ въ нашемъ, что заставило меня написать для него русскую грамматику, сколько я могъ

Digitized by Google

свой припомнить (*), а академик занялся переводом сокращенной ариѳметики, изданной въ Петербургѣ на Русскомъ Языкѣ, для народныхъ училищъ, которую, по словамъ ихъ, еще Кодай (**) привезъ въ Японію. Объясняя ему ариѳметическія правила, мы увидѣли, что онъ ихъ зналъ всѣ, но хотѣлъ только имѣть русское на нихъ толкованіе. Желая навѣдать, далеко ли простираются его свѣдѣнія въ математикѣ, я часто съ нимъ начиналъ, посредствомъ нашихъ переводчиковъ, говорить о разныхъ предметахъ, касающихся до сей науки; но какъ переводчики наши не имѣли въ математикѣ ни малѣйшихъ познаній, то и невозможно было мнѣ объясниться съ нимъ обо всемъ томъ, о чемъ бы я хотѣлъ; однако жъ приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ, которые покажутъ отчасти, великія ли свѣдѣнія Японцы имѣютъ въ математикѣ. Однажды онъ спросилъ у меня, какой стиль времясчисленія употребляется въ Россіи, замѣтивъ, что Голландцы употребляютъ новый. Когда я сказалъ, что мы держимся еще стараго стиля, онъ желалъ, чтобъ я ему объяснилъ, въ чемъ состоитъ разность

(*) Не имѣвъ при себѣ книгъ, съ помощью коихъ могъ бы я написать грамматику, довольно полную, я принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, что могъ сыскать въ своей памяти, и писалъ оную болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Въ предисловіи, между прочимъ, упомянулъ я, что если попадется она въ руки кому нибудь изъ Русскихъ или знающему Русскій Языкъ, то надобно ему помнить, что я писалъ наизусть. Примѣры же въ ней всѣ помѣщалъ приличные нашимъ обстоятельствамъ, клонящіеся къ сближенію и дружбѣ двухъ имперій, что Японцамъ весьма нравилось. Они съ величайшею охотою переводили мои тетради на свой языкъ, и кончили оныя скоро, хотя онѣ составляли всѣ вмѣстѣ добрую книгу. Теске и Баба-Сюдзоро весьма хорошо понимали изъясненія грамматическихъ правилъ, а особливо послѣдній изъ нихъ; имъ только недоставало времени учить наизусть. Сверхъ того я перевелъ для нихъ на Русскій Языкъ разговоры, помѣщенные во Французской Грамматикѣ съ голландскимъ переводомъ, которые, конечно, голландскому переводчику будутъ весьма полезны для изученія Русскаго Языка.

(**) Японецъ, привезенный къ нимъ Лаксманомъ въ 1792 году.

Digitized by Google

между старымъ и новымъ стилемъ, и растолковалъ, отъ чего она происходитъ. По окончаніи моего толкованія, онъ сказалъ, что это времясчисленіе еще несовершенно, ибо чрезъ такое-то число вѣковъ опять наберется 24 часа разности, и тѣмъ показалъ мнѣ, что спрашивалъ меня, любопытствуя узнать, имѣю ли я понятіе о вещи, которая ему хорошо была извѣстна. Солнечную Коперникову систему они принимаютъ за истинную, знаютъ объ открытіи и движеніяхъ Урана и спутниковъ его, но о планетахъ, открытыхъ послѣ Урана, еще не слыхали. Г. Хлѣбниковъ отъ скуки занимался сочиненіемъ таблицъ логариѳмовъ, натуральныхъ синовъ и тангенсовъ, и нѣкоторыхъ другихъ, къ мореплаванію принадлежащихъ, которыя привелъ онъ къ концу съ невѣроятнымъ трудомъ и терпѣніемъ. Когда таблицы были показаны академику, онъ тотчасъ узналъ логариѳмы, а также и натуральные сины и тангенсы; для изъясненія, что они ему извѣстны, онъ начертилъ фигуру, и показалъ на ней, что такое синъ и что тангенсъ. Желая узнать, какъ они доказываютъ геометрическія истины, мы спросили его, такъ ли Японцы думаютъ, какъ, мы что въ прямоугольномъ треугольникѣ (который я и начертилъ) два квадрата изъ сторонъ равны одному квадрату изъ гипотенузы.—Конечно такъ же, отвѣчалъ онъ; а на вопросъ нашъ, почему, онъ доказалъ это самымъ неоспоримымъ доводомъ: начертивъ фигуру циркулемъ на бумагѣ, и вырѣзавъ квадраты, началъ тѣ изъ нихъ, которые были написаны изъ сторонъ, гнуть и разрѣзывать, а потомъ отдѣленныя части по большому квадрату уложилъ такъ, что онѣ точно заняли всю его площадь. Солнечныя и лунныя затмѣнія они вычисляютъ съ большою точностью, по крайней мѣрѣ онъ намъ такъ сказывалъ (*), да и не-

(*) Въ Августѣ 1812 года было лунное затмѣніе, въ той части свѣта видимое. Японцы сказали намъ время онаго изъ своего календаря, и мы хотѣли наблюдать его съ тѣмъ, чтобъ по крайней мѣрѣ хотя примѣрно судить, довольно ли близки ихъ вычисленія. Мы думали тогда, не такъ ли и Японцы дѣлаютъ астрономическія свои выкладки, какъ одинъ Голлан-

Digitized by Google

мудрено, ибо они имѣютъ у себя переводы многихъ статей изъ де-Ландовой Астрономіи, и содержатъ въ столицѣ, какъ я упоминалъ выше, европейскаго астронома. О дальнѣйшихъ познаніяхъ Японцевъ будетъ сказано въ замѣчаніяхъ моихъ о семъ народѣ.

Съ симъ ученымъ и съ переводчикомъ Голландскаго языка обыкновенно къ намъ прихаживалъ и Теске съ Кумаджеромъ. Они у насъ просиживали цѣлое утро, а иногда бывали и послѣ обѣда. Большую часть сего времени мы употребляли на разговоры, не до наукъ касающіеся, а разсказывали другъ другу какія нибудь происшествія, забавные анекдоты и т. п. Между прочимъ Теске сообщилъ намъ любопытный допросъ, который нынѣшній губернаторъ и прежній, Аррао-Тадзимано-Ками, сдѣлали привезенному изъ Россіи Японцу Леонзайму, или Городзію: на вопросъ, каково съ нимъ Русскіе обходились, онъ съ отмѣнною похвалою и благодарностію относился о нынѣшнемъ Иркутскомъ Гражданскомъ Губернаторѣ (*), о Начальникѣ Якутской Области (**), о Начальникѣ Охотскаго Порта (***), о Г. Рикордѣ, обо всѣхъ офицерахъ шлюпа Діаны, и о небольшомъ числѣ другихъ, намъ неизвѣстныхъ чиновниковъ; но всѣ прочіе, которыхъ онъ зналъ, по его мнѣнію, никуда не годились. Онъ утверждалъ, что Россіяне народъ воинственный и любятъ войну, а доводы его о семъ предметѣ заключались въ томъ, что онъ замѣтилъ: если русскій мальчикъ, идя по улицѣ, найдетъ палку, тотчасъ ее подниметъ, и станетъ ею дѣлать экзерцицію какъ ружьемъ, а часто онъ видалъ, что нѣсколько мальчишекъ

денъ, издатель Капштатскаго Календаря на Мысѣ Доброй Надежды, который предсказалъ лунное затмѣніе въ день новолунія. Бѣдные Голландцы пялили глаза на небо во всю ночь, но ни луны, ни затмѣнія не видали. Намъ однако жъ не та причина помѣшала видѣть затмѣніе Японцами вычисленное, но чрезвычайно облачная ночь.

(*) Г. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Ивановичъ Трескинъ.

(**) Надворный Совѣтникъ Иванъ Григорьевичъ Кардашевскій.

(***) Флота Капитанъ Михайло Ивановичъ Миницкій.

Digitized by Google

съ палками сберутся вмѣстѣ сами собою и учатся ружью, подражая во всемъ солдатамъ, и солдаты вездѣ, гдѣ только онъ ни встрѣчалъ ихъ въ Россіи, почти безпрестанно учатся; изъ чего онъ и выводилъ, что мы въ войнѣ съ Японцами, ибо въ семъ краю у насъ только два сосѣда: Китай и Японія; съ Китаемъ мы торгуемъ, слѣдовательно всѣ замѣченныя имъ приготовленія дѣлаются противъ Японіи. Надъ послѣднимъ его замѣчаніемъ, Теске сказывалъ, оба буніоса очень много смѣялись и называли его дуракомъ, ибо онъ долженъ знать, что и въ Японіи мальчики учатся биться на сабляхъ, а солдаты часто упражняются въ экзерциціяхъ; однако жъ Японцы не для того это дѣлаютъ, чтобъ нападать на какой нибудь народъ. Послѣ сего замѣчанія, Леонзаймо призналъ себя виноватымъ въ неосновательномъ своемъ заключеніи. Губернаторы еще винили его, зачѣмъ онъ перемѣнилъ имя, говоря: «если бы ты былъ особа значащая, то надлежало бы тебѣ, для скрытія себя, перемѣнить имя, но такой ничтожный человѣкъ, какъ ты, какое бы имя ни носилъ, Леонзаймо или Городзіи, для Русскихъ все равно.» Въ оправданіе свое онъ не могъ найти причины, признался, что сдѣлалъ дурно, и просилъ прощенія. Когда его спросили, что особенно любопытнаго замѣтилъ онъ въ Иркутскѣ, отвѣтъ его былъ, что гостиный дворъ и церкви болѣе всего ему понравились. Гостиному двору сдѣлалъ онъ рисунокъ, и подалъ достаточное объ немъ понятіе, но церквей описать не умѣлъ, а говорилъ только, что въ нихъ много прекрасныхъ картинъ и все въ золотѣ. Аррао-Тадзимано-Ками желалъ, чтобъ Леонзаймо сдѣлалъ примѣрный рисунокъ расположенію улицъ въ Иркутскѣ, и означилъ, гдѣ стоитъ какое изъ публичныхъ зданій; отъ сего онъ отказался, сказавъ, что онъ мало ходилъ по городу. «Развѣ Русскіе не позволяли тебѣ ходить вездѣ по городу?» спросилъ его буніосъ. На это онъ отвѣчалъ, что не только позволяли, но и совѣтовали какъ можно чаще прогуливаться, чтобъ не быть больнымъ; даже самъ губернаторъ нѣсколько разъ ему объ этомъ говорилъ. «Зачѣмъ же ты не воспользовался такимъ снисхожденіемъ къ тебѣ Русскихъ, спросилъ буніосъ, и не высмотрѣлъ

Digitized by Google

всего въ городѣ съ особеннымъ вниманіемъ, чтобъ по возвращеніи сюда, быть въ состояніи дать полный отчетъ обо всемъ, тобою видѣнномъ?»—На такой вопросъ онъ не могъ ничего отвѣчать, а только признавалъ себя виноватымъ и просилъ прощенія. Потомъ спросили его, видалъ ли онъ, какъ Русскіе торжествуютъ свои праздники. «Видалъ, сказалъ онъ, и даже самой большой праздникъ, когда всѣ солдаты въ Иркутскѣ были въ строю, и потомъ много палили (*).» Въ этотъ день губернаторъ ему сказалъ, чтобъ поутру онъ пошелъ посмотрѣть солдатъ, а послѣ обѣда прогуливался по улицамъ, тогда онъ увидитъ много народа въ праздничномъ платьѣ. Поутру онъ ходилъ, видѣлъ солдатъ и крайне перепугался, когда всѣ они вдругъ стали палить изъ ружей; въ это же время и изъ пушекъ палили; почему онъ ушелъ домой, и послѣ обѣда уже не ходилъ. За это опять заслужилъ онъ отъ губернаторовъ имя дурака, зачѣмъ потерялъ случай видѣть и замѣтить праздничную одежду и обыкновенія Русскихъ. На вопросъ: что же онъ дѣлалъ, сидя безпрестанно дома, онъ отвѣчалъ: «записывалъ мои замѣчанія.» Тогда губернаторы и всѣ присутствующіе много смѣялись; наконецъ спросили его, какія замѣчанія могъ онъ записывать, когда ничего не хотѣлъ видѣть. — «Я записывалъ то, что слышалъ отъ живущихъ тамъ Японцевъ,» былъ его отвѣтъ. Замѣчанія эти находились въ книгѣ, привезенной имъ съ собою, гдѣ, по словамъ Теске, заключалось много касательно Сибири и торговли нашей съ Китаемъ въ Кяхтѣ; но что такое тамъ писано, Теске не говорилъ, отзываясь незнаніемъ, а можетъ быть и зналъ, но не хотѣлъ сказать. Однако жъ къ такимъ замѣчаніямъ Леонзайма, губернаторы возъимѣли не слишкомъ большую вѣру, сказавъ ему, что если бы онъ представилъ имъ то, что самъ видѣлъ или слышалъ отъ самихъ Русскихъ, то это заслужило бы ихъ вниманіе; но то, что онъ имъ сообщилъ, происходитъ отъ Японцевъ, отрекшихся отъ своего отечества, и перемѣнившихъ свою вѣру, слѣдовательно и не должно ими быть принято за из-

(*) Это было въ Крещеніе.

Digitized by Google

вѣстія, заслуживающія какое либо уваженіе правительства. Губернаторы весьма много распрашивали его, касательно состоянія той части Сибири, по которой онъ ѣхалъ, и Леонзаймо представлялъ все въ самомъ бѣдномъ и жалостномъ положеніи, жителей охотскихъ называлъ нищими и проч., а народонаселеніе всего края, отъ Иркутска до Охотска, сравнилъ съ числомъ жителей одного изъ своихъ небольшихъ городовъ; словомъ сказать, онъ представилъ тотъ край несравненно въ худшемъ состояніи, нежели каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Разсказывая о торговлѣ нашей съ Китаемъ, онъ винитъ нашихъ купцовъ въ обманахъ Китайцевъ, а ихъ оправдываетъ, и говоритъ, что по сему поводу Китайское Правительство нѣсколько разъ запрещало намъ торговать съ ними; однако жъ наше начальство снова выпрашивало позволеніе, обѣщая наказать виноватыхъ; это также онъ слышалъ отъ земляковъ своихъ, живущихъ въ Иркутскѣ. Впрочемъ вопросовъ ему сдѣлано было такое множество, что Теске и припомнить всѣхъ не могъ, а нѣкоторыхъ, можетъ быть, и не хотѣлъ сказать. Леонзаймо сбирался съ своимъ товарищемъ уйти, и зная, что имъ могутъ встрѣтиться Тунгусы, унесъ съ собою мѣдный образъ, дабы тѣмъ увѣрить ихъ, что они Русскіе; но достигнувъ гилякскихъ жилищъ, объявилъ онъ (*) сему народу, что посланъ въ ихъ землю великимъ Китайскимъ Императоромъ, а въ доказательство показывалъ имъ образъ, и называлъ оный изображеніемъ Китайскаго Государя, почему и былъ принятъ Гиляками хорошо. У нихъ онъ расположился было прозимовать, чтобъ продолжать путь весною; но дошедшее въ Удскій Острогъ извѣстіе о мѣстѣ его пребыванія, уничтожило всѣ его замыслы: онъ былъ взятъ и привезенъ въ помянутый острогъ.

Теске также не скрылъ отъ насъ, что кунаширскій

(*) Ихъ ушло трое: два Японца и одинъ ссыльный Русскій; но одинъ изъ Японцевъ, объѣвшись китоваго мяса, умеръ, а ссыльный, обокравъ Леонзайма, оставилъ его; Леонзаймо же достигъ Гилякской Земли.

начальникъ посланному къ нему отъ Г. Рикорда съ письмомъ Японцу, отправляя его назадъ, дѣйствительно велѣлъ сказать, что мы всѣ убиты, а причина такому отвѣту была слѣдующая: доставившій ему письмо Г. Рикорда Японецъ увѣрялъ его, что Россія точно въ войнѣ съ Японіею, и теперешніе дружескіе наши поступки одинъ только обманъ. Г. Рикордъ писалъ, что доколѣ не получитъ объ насъ удовлетворительнаго отвѣта, до тѣхъ поръ не оставитъ гавани, а какъ присутствіе нашихъ судовъ принудило всѣхъ рыбаковъ и другихъ рабочихъ людей, живущихъ по берегамъ южной стороны Кунашира, забраться въ крѣпость, отчего всѣ промыслы и работы остановились, то начальникъ и разсудилъ скорѣе сдѣлать одинъ конецъ, а чтобы понудить нашихъ выйти на берегъ, и напасть на крѣпость, онъ велѣлъ сказать, что мы всѣ убиты; но вѣроятно, что и личная ненависть сего чиновника къ Русскимъ подстрекала его дать такой отвѣтъ, ибо это былъ шрабіягу Отахи-Коеки, тотъ самый, который въ Хакодаде дѣлалъ намъ разныя насмѣшки. Впрочемъ Теске увѣрялъ, что правительство ихъ не показало неудовольствія за такой его отвѣтъ, а напротивъ того многіе изъ членовъ онаго одобряютъ его за это, и онъ считается у нихъ весьма умнымъ, разсудительнымъ человѣкомъ.

Сверхъ того Теске разсказалъ намъ, какія ему были хлопоты въ столицѣ по случаю открытія переписки его съ нами. Отобранныя у Г. Мура его письма препровождены были въ Эддо, гдѣ принудили его представить правительству и наши письма, имъ полученныя, которыя всѣ принужденъ онъ былъ перевести; причемъ нѣкоторыя на счетъ Японцевъ мѣста, онъ перевелъ иначе. Члены, разсматривавшіе переводы сіи, спросили его, какъ онъ смѣлъ переписываться съ иностранцами; развѣ неизвѣстенъ ему законъ, именно это запрещающій? Теске извинялъ себя, что онъ не думалъ, чтобъ подъ симъ закономъ понимаемы были и тѣ иностранцы, которые содержатся у нихъ въ неволѣ, и увѣрялъ вельможъ, что намѣренія его были чистыя, и что онъ переписывался съ нами изъ единаго сожалѣнія объ насъ, происходившаго отъ человѣколюбія;

Digitized by Google

впрочемъ ему и мысли въ голову никогда не приходило, сею перепискою сдѣлать какой либо вредъ Японіи; если же правительство ошибку его считаетъ непростительною виною, то онъ готовъ загладить ее смертью. Однако жъ важнаго ничего не послѣдовало, и только дали ему наставленіе, чтобы впредь онъ былъ осторожнѣе. Письма же правительство оставило у себя, и поступка сего не вмѣнило ему въ преступленіе: это доказало оно даннымъ ему чиномъ за труды и усердіе, оказанные имъ въ изученіи Русскаго Языка и въ переводахъ нашего дѣла. За это также и Кумаджеро награжденъ былъ чиномъ. Теске получилъ чинъ *ситогу*, а Кумаджеро *зайэдю*, или секретаря.

Теперь, съ крайнимъ прискорбіемъ, обращаюсь я опять къ тому предмету, воспоминаніе о которомъ мнѣ и понынѣ огорчительно. Я разумѣю поступки Г. Мура. Прошу читателя быть увѣреннымъ, что разсказываю объ нихъ здѣсь отнюдь не съ тѣмъ, чтобы выставить передъ нимъ состояніе, въ которомъ я и несчастные мои товарищи нѣсколько времени находились, въ полномъ ужасѣ; но чтобы примѣромъ симъ споспѣшествовать, хотя нѣсколько, къ отвлеченію молодыхъ людей отъ подобныхъ заблужденій, буде судьбѣ угодно будетъ кого изъ нихъ ввергнуть въ такое же несчастіе, какое мы испытали, и показать имъ страшнымъ опытомъ, что изъ всѣхъ возможныхъ пороковъ ни одинъ такъ тяжело не лежитъ на сердцѣ, какъ отреченіе отъ своего отечества, или и даже самое покушеніе на оное, коль скоро человѣкъ обратится опять на правую стезю и будетъ размышлять безпристрастно о своихъ поступкахъ, а особливо, если то былъ человѣкъ, имѣвшій совѣсть и добрыя чувства, но въ заблужденіи на время съ пути совратившійся, какъ-то случилось съ несчастнымъ Г. Муромъ, котораго исторія любопытна и поучительна. Я только прошу читателя не судить строго о его поступкахъ, пока онъ не прочтетъ моего повѣствованія до конца: тогда, можетъ быть, вмѣсто ненависти, почувствуетъ онъ состраданіе къ несчастному сему офицеру, и почтитъ память его слезою сожалѣнія.

Коль скоро Г. Мура перевели къ намъ, онъ съ Япон-

Digitized by Google

цами началъ говорить по большей части, какъ человѣкъ, лишившійся ума, увѣряя ихъ, что онъ слышитъ, какъ ихъ чиновники, сидя на крышѣ нашего жилища, кричатъ и упрекаютъ его, что онъ ѣстъ японское пшено и пьетъ ихъ кровь; или что переводчики съ улицы ему кричатъ то же, а по ночамъ приходятъ къ намъ, и тайно со мною и съ Г. Хлѣбниковымъ совѣтуютъ, какъ бы его погубить; но иногда разговаривалъ съ ними уже въ полномъ умѣ, и всегда наклонялъ разговоръ свой къ одной цѣли; напримѣръ: однажды сказалъ онъ Теске, что у насъ на Діанѣ есть множество хорошихъ книгъ, картъ, картинъ и другихъ рѣдкихъ вещей, и что если Японцы отпустятъ его на наше судно перваго, то онъ всѣмъ здѣшнимъ чиновникамъ и переводчикамъ пришлетъ большіе подарки; но Теске отвѣчалъ ему, что Японцы не охотники до подарковъ, и они имъ ненужны, а надобно имъ только одно объясненіе нашего правительства, самовольны ли были поступки Хвостова. Въ другой разъ Г. Муръ, въ присутствіи обоихъ переводчиковъ или, лучше сказать, всѣхъ трехъ переводчиковъ (включая въ то число и голландскаго) и академика, сказалъ, что отъ усердія своего къ Японцамъ онъ теперь долженъ погибнуть, ибо здѣсь его не принимаютъ, а въ Россію ему возвратиться нельзя. Почему такъ? спросили переводчики «Потому, что здѣсь я просился въ службу, а потомъ даже въ слуги къ губернатору (*), о чемъ вы раскавывали моимъ товарищамъ; это будетъ доведено до нашего правительства, и такъ что я буду по возвращеніи въ Россію? На каторгѣ!» Но переводчики, особливо Теске, всѣми способами старались его успокоивать; онъ ему говорилъ, что желаніе его вступить къ нимъ въ службу не слишкомъ большая бѣда, ибо отчаяніе наше оправдывало такой поступокъ; но что хотѣлъ онъ быть слугою у губернатора, о томъ Теске никогда намъ не сказывалъ, а вольно ему самому это открыть. Когда онъ боится, что за это долженъ будетъ пострадать по нашимъ законамъ;

(*) Это послѣднее мы только въ первый разъ при семъ случаѣ услышали отъ него самого.

то надлежало бы ему молчать. Впрочемъ онъ надѣется, что мы, изъ уваженія къ общему нашему несчастію, не доведемъ до свѣдѣнія правительства всего того, что можетъ быть для него пагубно. Мы, съ своей стороны, увѣряли его, что онъ напрасно страшится возвращенія своего въ Россію: правительство совсѣмъ не такъ строго будетъ судить о его поступкахъ, если бъ они и сдѣлались извѣстными, какъ онъ думаетъ; но Г. Муръ не могъ успокоиться: нѣкоторыя тайныя обстоятельства, открытыя имъ Японцамъ, жестоко его мучили. Это самое онъ и разумѣлъ подъ словомъ *усердія* къ Японцамъ. Нѣсколько разъ покушался онъ разными образами обратить вниманіе ихъ на его къ нимъ привязанность: онъ имъ говорилъ, что если бъ они могли открыть и видѣть что происходитъ въ его сердцѣ, то конечно не такъ бы стали съ нимъ обходиться, и возъимѣли бы болѣе къ нему довѣренности. Наконецъ переводчики сказали ему прямо, что, по-японскимъ законамъ, и природные Японцы, жившіе нѣсколько времени между чужестранцами, лишаются довѣренности, и такъ возможно ли принять имъ въ службу къ себѣ иностранца, какъ бы онъ хорошо ни казался расположеннымъ къ нимъ? И потому, когда бы тысяча человѣкъ или и болѣе Русскихъ были у нихъ теперь въ плѣну, и тогда послѣдовало бы одно изъ двухъ: если получатъ они изъ Россіи удовлетворительное подтвержденіе сдѣланному нами объявленію, то всѣхъ насъ отпустятъ, и даже силою отвезли бы того на русскій корабль, кто бы самъ не захотѣлъ ѣхать, а буде такого подтвержденія доставлено не будетъ, то всѣхъ станутъ держать въ неволѣ, не употребляя ни въ какую службу, ниже въ работу. Впрочемъ, если онъ опасается худыхъ для него слѣдствій въ Россіи, то это не ихъ уже дѣло. Какъ люди, имѣющіе сердце и чувство, они объ участи его жалѣютъ, но пособить ему не могутъ, и законовъ своихъ въ его пользу, конечно, не нарушатъ; но слышавъ отъ насъ, что опасенія его неосновательны, они съ нами въ томъ соглашаются, и думаютъ, что страхъ его происходитъ отъ заблужденія, чему причиною разстроенное воображеніе, и что онъ теперь не въ полномъ умѣ. Г. Муръ,

Digitized by Google

увѣряя, что они ошибаются, ибо онъ помнитъ себя очень хорошо, называлъ законы ихъ жестокими и варварскими. На это они ему отвѣчали: «кто бы что ни думалъ объ нашихъ законахъ, но для Японцевъ они хороши.» При семъ случаѣ они объяснили намъ причины, почему законъ ихъ запрещаетъ имѣть довѣренность къ жившимъ въ чужихъ земляхъ японскимъ подданнымъ: простой народъ вообще можно уподобить дѣтямъ, говорили они, которые скоро начинаютъ скучать всѣмъ тѣмъ, что у нихъ есть въ рукахъ, и если увидятъ у другихъ блестящую бездѣлку, то готовы съ радостью отдать за нее всѣ дорогія и полезныя вещи, какія имѣютъ: такъ и народъ, наслышавшись отъ выходцевъ изъ чужихъ земель, что тамъ то и то хорошо, тотчасъ, по одной новости вещи, станетъ ее превозносить похвалами, и пожелаетъ то же ввести у себя, не разсуждая основательно, полезно или вредно то для него будетъ.

Что касается до поведенія Г. Мура въ разсужденіи насъ, то онъ не часто говорилъ съ нами, какъ человѣкъ не въ полномъ умѣ, а большею частію молчалъ; изрѣдка только дѣлалъ намъ предложенія свои, но затѣмъ напрямки и безъ дальнихъ обиняковъ. Сначала онъ мнѣ сказалъ твердымъ и рѣшительнымъ образомъ, что у него есть двѣ дороги: одна состоитъ въ томъ, чтобъ мы всѣ просили Японцевъ послать его съ Алексѣемъ перваго на русскій корабль, тогда и мы будемъ избавлены отъ несчастія (*), а когда мы на это не хотимъ согласиться, то онъ долженъ будетъ итти по другой дорогѣ и, не щадя себя, погубить всѣхъ насъ объявленіемъ Японцамъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя мы прежде скрывали, и что дѣло это еще сомнительно, въ войнѣ ли мы съ ними или въ мирѣ. На такія угрозы я отвѣчалъ ему съ твердостью, что отнюдь не страшусь его; Японцевъ теперь узналъ я хорошо; они ни какимъ доносамъ вдругъ не повѣрятъ; между тѣмъ начнутся переговоры, и вѣрно дѣло кончится для насъ счастливо; но матросы со слезами упрашивали его не погубить ихъ, и увѣряли, что

(*) Однако жъ мы не такъ думали по причинамъ, для всѣхъ очевиднымъ.

Digitized by Google

они ни малѣйшаго зла въ Россіи дѣлать ему не думаютъ. «Знаю я, отвѣчалъ онъ, какъ вы не думаете мнѣ зло дѣлать: помню я, что Шкаевъ сказалъ мнѣ передъ губернаторомъ: развѣ мы никогда не возвратимся въ Россію?» Эти слова Шкаева жестоко его безпокоили, и онъ ихъ повторялъ весьма часто, а когда я спрашивалъ его: если Японцы словамъ его повѣрятъ, и вступивъ въ переговоры обманутъ наши суда и возьмутъ ихъ, что онъ будетъ тогда чувствовать? Тогда онъ обыкновенно начиналъ говорить, какъ полоумный, дѣлая совсѣмъ несообразные вопросу отвѣты; когда же я спрашивалъ его: а если Японцы возьмутъ суда наши, но послѣ дѣло объяснится и мы рано или поздно возвратимся въ Россію, что съ нимъ будетъ тогда? — «То же, что и нынѣ, когда пріѣдемъ мы въ Россію!» отвѣчалъ онъ. Между тѣмъ я его успокоивалъ и утѣшалъ, что за теперешніе его поступки онъ отвѣчать не будетъ, ибо они происходятъ отъ того, что онъ потерялъ разсудокъ. На вопросы мои, почему ему такъ нетерпѣливо хочется первому ѣхать на корабль; развѣ не тоже будетъ, если мы всѣ вмѣстѣ возвратимся? отвѣчалъ онъ различнымъ образомъ: иногда побуждало его къ тому желаніе быть орудіемъ примиренія двухъ націй, и тѣмъ заслужить прощеніе въ прежнихъ своихъ поступкахъ, а въ другой разъ хотѣлъ онъ ѣхать для того первымъ на наши суда, чтобъ предостеречь ихъ отъ сѣтей, которыя Японцы могутъ имъ разставить. Такая несообразность въ его отвѣтахъ дѣйствительно показывала, что если не всегда, то по крайней мѣрѣ бывали минуты, когда находилъ на него родъ сумасшествія, и онъ самъ не помнилъ что говорилъ.

Г. Муръ увѣрившись, что ни какими угрозами не въ силахъ заставить насъ исполнить его желаніе, началъ было угрозы свои приводить въ дѣйство. На сей конецъ нѣсколько разъ покушался открывать переводчикамъ то, чѣмъ насъ стращалъ; но они, слушая такія странныя, клонящіяся къ общей нашей гибели представленія, называли его сумасшедшимъ, и вмѣсто отвѣта посылали за лекаремъ, а напослѣдокъ и дѣйствительно заставили лечить его, не входя въ подробныя изслѣдованія сдѣланныхъ имъ

объявлений, отъ сумасшедшаго ли они происходятъ или отъ человѣка въ полномъ умѣ. Это возбудило во мнѣ сомнѣніе, не кроется ли тутъ какая нибудь хитрость, и не притворяются ли Японцы съ намѣреніемъ, будто Г. Муру они не вѣрятъ, считая его за сумасшедшаго, но въ самомъ дѣлѣ хотятъ насъ убѣдить въ искренности своего добраго расположенія въ Россіи, чтобъ такимъ образомъ, посредствомъ посланныхъ на наши суда матросовъ, удобнѣе ихъ обмануть и, употребивъ при переговорахъ хитрость и коварство, захватить ихъ, и тогда уже приступить къ подробному изслѣдованію всего, что говорилъ имъ Г. Муръ. Такое подозрѣніе, оказавшееся въ послѣдствіи неосновательнымъ, заставило меня написать потихоньку пять одинакаго содержанія писемъ на имя Г. Рикорда, и велѣть матросамъ и Алексѣю зашить оныя въ свои фуфайки, чтобъ въ случаѣ обыска, Японцы не могли ихъ найти. Эти записки приказано имъ отъ меня было отдать командиру того русскаго судна, на которое ихъ отправятъ. Сомнѣнія Г. Хлѣбникова противъ Японцевъ, которыя онъ мнѣ открылъ, хотя и не казались слишкомъ убѣдительными (*), но также заставили меня предостеречь нашихъ соотечественниковъ отъ подобной нашей участи. Главное содержаніе моихъ писемъ было таково, чтобъ Г. Рикордъ, при переговорахъ съ Японцами, былъ сколько возможно остороженъ, и не иначе имѣлъ съ ними свиданіе, какъ на шлюпкахъ далѣе пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости, а притомъ не сердился бы за ихъ медленность въ отвѣтахъ, потому что ихъ законы не позволяютъ вдругъ ни на что рѣшаться, и всякое важное дѣло должно быть обстоятельно разсмотрѣно высшимъ правительствомъ, прежде нежели послѣдуетъ исполненіе. Притомъ описалъ я все, что Г. Муръ открылъ Японцамъ, дабы, извѣстивъ о семъ Г. Рикорда, приготовить его къ отвѣтамъ, какіе при переговорахъ вѣроятно отъ него будутъ потребованы; между прочимъ упомянулъ я, что, кажется, есть надежда помириться

(*) Время показало, что и Г. Хлѣбниковъ, также какъ и я, напрасно подозрѣвали Японцевъ.

Digitized by Google

намъ съ Японцами, а можетъ быть со временемъ возстановится и торговля.

Неудача Г. Мура въ покушеніяхъ его застращать насъ, или склонить Японцевъ на свою сторону, доводила его до совершеннаго отчаянія: раза два или три онъ покушался на свою жизнь; однако жъ приготовленія его къ тому всегда были примѣчаемы нами и караульными заблаговременно, и его не допускали до самоубійства; впрочемъ, дѣйствительно ли онъ имѣлъ такое пагубное намѣреніе или только дѣлалъ одинъ видъ, точно неизвѣстно; кажется однако жъ, что съ бо́льшею скрытностью, нежели какую онъ употреблялъ, покушаясь на жизнь свою, онъ могъ бы удавиться такъ, что никто бы изъ насъ того не примѣтилъ. Какъ бы то ни было, только Японцы стали примѣчать за нимъ строго; даже, когда онъ спалъ закрывшись одѣяломъ, одинъ изъ караульныхъ сидѣлъ подлѣ него и слушалъ, дышитъ ли онъ; когда же не могъ ничего слышать, тотчасъ открывалъ одѣяло и смотрѣлъ; то же дѣлали караульные и при смѣнѣ. Такая осторожность не покажется излишнею, когда мы вообразимъ, что если бъ кто изъ насъ умертвилъ себя, то не только внутренней стражѣ и оставшимся въ живыхъ нашимъ товарищамъ была бы большая бѣда, но и наружному караулу, который не имѣлъ права даже и входить къ намъ, было бы не безъ хлопотъ. Вотъ какъ строги и чудны японскіе законы! Осторожность Японцевъ отняла у Г. Мура всѣ способы покуситься на жизнь свою. Тогда онъ позабылъ себя до такой степени и впалъ въ такое ужасное заблужденіе, что сталъ употреблять различныя средства, чтобъ запутать начинающіеся переговоры между Японцами и нами. На этотъ конецъ началъ онъ имъ совѣтовать, чтобъ по прибытіи къ нимъ нашихъ судовъ, потребовали Японцы отъ нихъ пушки и другое оружіе въ залогъ за увезенную Хвостовымъ японскую собственность, и держали ихъ у себя, доколѣ правительство наше не доставитъ къ нимъ оставшихся въ цѣлости японскихъ вещей, а за потерянныя не сдѣлаетъ приличнаго вознагражденія; но Японцы такого совѣта не уважали, говоря,

Digitized by Google

что если наше правительство извѣститъ ихъ, что поступки русскихъ судовъ были самовольные, то Японскому Государю неприлично требовать вознагражденія отъ другаго великаго Монарха, за убытки, такимъ образомъ причиненные; притомъ частные люди, потерпѣвшіе отъ сего, давно уже отъ своего Государя получили вознагражденіе за всѣ ихъ потери.

Г. Муръ, видя, что ни одинъ изъ его плановъ не удается, предался отчаянію: по нѣскольку дней сряду онъ ничего не ѣлъ, а иногда уже съѣдалъ одинъ за пятерыхъ. Сколько мы ни уговаривали его не печалиться и быть покойнымъ, ни какіе доводы, ни какія убѣжденія не могли надъ нимъ подѣйствовать. Я, съ моей стороны, также не былъ покоенъ: равнодушіе японскихъ переводчиковъ, съ какимъ они слушали важныя объявленія Г. Мура, для меня было непостижимо; оно ни мало не соотвѣтствовало прежнему ихъ любопытству, когда бывало, услышавъ отъ насъ какую нибудь новую бездѣлицу, тотчасъ привязывались и старались узнать всякую подробность, къ ней принадлежащую. Этому я полагалъ три причины, но былъ въ нерѣшимости, какую изъ нихъ принять за истинную: во-первыхъ, думалъ я, что Японцы дѣйствительно принимаютъ Г. Мура за сумасшедшаго, котораго слова не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія; во-вторыхъ, что донеся правительству объ изслѣдованіи ими нашего дѣла основательно и до конца, и получивъ за труды свои награду, опасаются они представить, что вновь открылись важныя обстоятельства, дабы по строгости и странности японскихъ законовъ не навлечь тѣмъ на себя бѣды, а наконецъ, думалъ я, не притворяются ли они, что не уважаютъ словъ Г. Мура, съ намѣреніемъ, какъ то я говорилъ выше, удобнѣе обмануть и взять другихъ нашихъ соотечественниковъ. Хотя мы и не полагали, чтобъ Теске былъ способенъ лицемѣрить передъ нами такимъ коварнымъ образомъ, но съ другой стороны разсчитывали и то, что кто, повинуясь высшей власти, исполняетъ свой долгъ, тотъ, что бы онъ ни дѣлалъ, не поступаетъ коварнымъ образомъ, ибо тогда уже коварство относится къ тому, кто повелѣлъ оное

Digitized by Google

употребить, а Японское Правительство, по словамъ самихъ же Японцевъ, способно на все. Впрочемъ, какъ бы то ни было, мы, не могли ничего предпринять, и должны были ожидать терпѣливо развязки піесы.

10-го Мая принесли къ намъ черновую нашу записку, которая должна быть отправлена въ порты для доставленія на наши суда; она была въ столицѣ и утверждена правительствомъ, слѣдовательно теперь нельзя было перемѣнить въ ней ни одной буквы; списавъ съ нее пять копій, мы ихъ подписали, а Японцы въ тотъ же день отправили оныя, куда слѣдовало. Вотъ подлинное содержаніе записки:

«Мы всѣ, какъ офицеры, такъ матросы и Курилецъ Алексѣй, живы и находимся въ Матсмаѣ. Мая 10-го дня 1813 года.

Василій Головнинъ.
Өедоръ Муръ.»

Г. Хлѣбниковъ не подписалъ записки, по причинѣ болѣзни, которою былъ одержимъ.

Время года уже настало такое, когда мы со дня на день должны были ожидать прибытія нашихъ судовъ, и какъ по письму Г. Рудакова мы думали, что они пріидутъ прямо въ Матсмай, то всякій крѣпкій вѣтеръ меня не мало безпокоилъ: я опасался, чтобъ при туманахъ, сопутствующихъ въ здѣшнихъ моряхъ восточнымъ вѣтрамъ, не претерпѣли суда наши крушенія. Въ Маѣ, Іюнѣ и Іюлѣ, въ другихъ частяхъ сѣвернаго полушарія стоитъ самая пріятная погода и дуютъ легкіе вѣтерки, но здѣсь въ это время года весьма часто бываютъ бури съ туманомъ и дождемъ. Будучи и на морѣ, едва ли съ такою точностію наблюдалъ я погоду, какъ здѣсь, и записывалъ. Слѣдующія мои замѣчанія могутъ показать, каково бываетъ лѣто въ здѣшнемъ краю: Мая 30-го, 31-го и Іюня 1-го сряду дулъ жестокій вѣтеръ съ восточной стороны, при туманѣ и дождѣ; Іюля 15-го, 16-го, 17-го и 18-го стояла точно такая же погода. Сверхъ того иногда по суткамъ и по двое вѣтеръ дулъ крѣпко, и всегда отъ востока. Въ ожиданіи нашихъ судовъ, Японцы дали намъ матеріи, чтобъ

Digitized by Google

мы сшили себѣ новое платье, говоря, что если понадобится намъ ѣхать на суда, то имъ будетъ стыдно, когда они отпустятъ насъ въ старомъ платьѣ. Намъ троимъ дали они прекрасной шелковой матеріи на верхъ и на подкладку, и ваты, а матросамъ бумажной матеріи, момпа, о которой я упоминалъ выше; Алексѣю же они сами сшили японскій халатъ.

Наконецъ, 19-го Іюня, сказали намъ, что за девять дней предъ симъ японское судно, стоя на якорѣ у одного изъ мысовъ острова Кунашира, увидѣло прошедшій мимо его къ кунаширской гавани русскій корабль о трехъ мачтахъ, тотчасъ снялось съ якоря, и прибыло съ симъ извѣстіемъ въ Хакодаде, а 20-го числа Японцы получили оффиціальное донесеніе о прибытіи Діаны въ Кунаширъ, но о дальнѣйшемъ его содержаніи они намъ ничего не объявляли. На слѣдующій же день переводчики спросили меня, по повелѣнію своихъ начальниковъ, кого изъ матросовъ хочу я послать на нашъ корабль. Не желая преимуществомъ, оказаннымъ одному, огорчить прочихъ, я сказалъ: пусть самъ Богъ назначитъ, кому изъ нихъ ѣхать, и предложилъ жеребій, который палъ на Симанова; потомъ я велѣлъ попросить начальниковъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ отправили они Алексѣя. Они согласились, и велѣли имъ сбираться, а меня и Г. Мура въ тотъ же день призывали въ замокъ, гдѣ оба гинміягу, въ присутствіи другихъ чиновниковъ, формально спросили насъ, согласны ли мы, чтобы эти два человѣка ѣхали на корабль. Я изъявилъ мое на то согласіе, а Г. Муръ молчалъ. Послѣ сего Сампей сказалъ намъ, что онъ самъ ѣдетъ въ Кунаширъ для переговоровъ съ Г. Рикордомъ, и обѣщалъ стараться привести дѣло къ счастливому окончанію, давъ слово притомъ имѣть попеченіе объ отправляющихся съ нимъ нашихъ людяхъ; съ тѣмъ онъ насъ и отпустилъ.

22-го Іюня меня и Г. Мура опять позвали къ начальникамъ въ крѣпость, и показали намъ полученныя отъ Г. Рикорда бумаги: одно письмо къ кунаширскому начальнику, а другое ко мнѣ; въ первомъ извѣщаетъ онъ Японцевъ о своемъ прибытіи къ нимъ съ миролюбивыми пред-

мнѣніями, и что соотечественники ихъ, Такатай-Кахи и два матроса, взятые имъ въ прошломъ году, нынѣ привезены назадъ, но двое Японцевъ и Курилецъ умерли въ Камчаткѣ отъ болѣзни, не взирая на всѣ старанія, какія были употреблены для сохраненія ихъ жизни (*); впрочемъ Г. Рикордъ думаетъ, что Такатай-Кахи, умный и достойный человѣкъ, можетъ увѣрить Японское Правительство въ истинномъ къ нимъ расположеніи Русскихъ, и побудитъ оное, возвращеніемъ насъ, отвратить непріятности, могущія въ противномъ случаѣ послѣдовать, и что въ надеждѣ на добрыя качества и миролюбіе Японцевъ, онъ будетъ ожидать отвѣта. Въ письмѣ ко мнѣ Г. Рикордъ, извѣщая насъ о своемъ прибытіи, проситъ, если можно, чтобъ я ему отвѣчалъ и увѣдомилъ его, здоровы ли мы, въ какомъ находимся состояніи и проч. Содержаніе сихъ писемъ показывало, что они были писаны прежде, нежели Г. Рикордъ получилъ японскую бумагу, для него заготовленную, что привело насъ въ немалое изумленіе, ибо Японцы увѣряли, что приказано тотчасъ при появленіи у ихъ бе-

(*) За нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія Г. Рикорда къ японскимъ берегамъ, родственники Такатая-Кахи, безпокоясь о его участи, прибѣгали къ одному священнику, живущему въ Хакодаде, который славился, что имѣлъ даръ предузнавать будущее, съ просьбою, чтобъ онъ сказалъ имъ, возвратится ли Кахи въ свое отечество. Священникъ предсказывалъ, что Кахи возвратится будущимъ лѣтомъ въ добромъ здоровьѣ и съ нимъ пріѣдутъ двое изъ его товарищей, а другіе двое умрутъ на чужой сторонѣ. Японцы тогда же и намъ сообщили о семъ предсказаніи, но мы смѣялись и говорили имъ, что всѣ такіе пророки у насъ въ Европѣ почитаются обманщиками, каковы они въ самомъ дѣлѣ. Однако жъ Японцы не такъ думали и увѣряли насъ, что священникъ и прежде много предсказывалъ что послѣ сбывалось. Наконецъ, по приходѣ Г. Рикорда, письма его оправдали предсказателя, и тѣмъ доставили ему еще большую довѣренность и уваженіе между своими соотечественниками, которые и надъ нами торжествовали, спрашивая насъ, вѣримъ ли мы теперь, что священникъ ихъ имѣетъ даръ предсказывать. Они крайне удивлялись, что мы событіе это приписывали слѣпому случаю.

Digitized by Google

реговъ русскаго корабля, отправить на него съ Курильцами помянутую бумагу. Съ обоихъ сихъ писемъ, слѣдуя прежнему порядку, списали мы, въ присутствіи чиновниковъ, копіи; они, взявъ съ собою, въ тотъ же вечеръ перевели, а на другой день оригиналы и переводы Японцы послали въ столицу. Сампей и Кумаджеро, 24-го числа, отправились на суднѣ въ Кунаширъ, взявъ съ собою Симанова и Алексѣя. Первому изъ нихъ съ самаго дня его назначенія и по сіе число, при всякомъ случаѣ я твердилъ что онъ долженъ говорить на Діанѣ, касательно укрѣпленій, силы и военнаго искусства Японцевъ; какъ и въ какомъ мѣстѣ, если обстоятельства заставятъ, выгоднѣе на нихъ напасть и прочее. Онъ, кажется, все хорошо понялъ, и я доволенъ былъ, что по крайней мѣрѣ могъ сообщить нашимъ соотечественникамъ многія важныя свѣдѣнія (*). Между тѣмъ, передъ отправленіемъ своимъ, Симановъ открылъ мнѣ, что Г. Муръ поручилъ ему сказать Г. Рикорду, чтобъ онъ прислалъ къ нему все оставшееся на Діанѣ послѣ него имущество. Не понимая, съ какою цѣлію онъ того требовалъ, велѣлъ я Симанову сказать о семъ его желаніи Г. Рикорду, но просить, чтобы онъ ничего не посылалъ, дабы такой поступокъ не причинилъ намъ здѣсь новыхъ хлопотъ. Г. Хлѣбниковъ также отправилъ съ ними записочку на Діану, предостерегая нашихъ отъ искушенія Японцевъ, буде они неискренни въ своихъ увѣреніяхъ.

До 2-го Іюля мы ничего не слыхали изъ Кунашира, а сего числа показали намъ короткое письмо Г. Рикорда къ кунаширскому начальнику, котораго онъ благодаритъ за доставленіе на Діану своеручной нашей записки, увѣрившей его точно, что мы живы. Письмо это мы также должны были перевести, и оно тотчасъ, вмѣстѣ съ переводомъ, отправлено было въ столицу.

Напослѣдокъ, 19-го Іюля, въ присутствіи губернатора и многихъ другихъ чиновниковъ, показали мнѣ и Г. Муру

(*) Однако жъ я крайне ошибся. Послѣ открылось, что, не доѣхавъ до Діаны, Симановъ все позабылъ, и кромѣ нѣкоторыхъ несвязныхъ отрывковъ ничего не могъ пересказать.

Digitized by Google

официальное письмо Г. Рикорда къ Такахаси-Саммею; письмо ко мнѣ и другое къ Г. Муру, оба отъ него же: въ первомъ изъ нихъ Г. Рикордъ благодаритъ Японское Правительство за желаніе вступить съ нами въ переговоры, и обѣщается немедленно итти въ Охотскъ, съ тѣмъ, чтобъ къ Сентябрю возвратиться и доставить имъ требуемое объясненіе. Но какъ входъ въ хакодадейскую гавань намъ неизвѣстенъ, то онъ намѣревается зайти въ портъ Эдермо (*), гдѣ былъ англійскій капитанъ Бротонъ, почему и проситъ послать туда искуснаго лоцмана, который могъ бы оттуда провести корабль въ Хакодаде. Далѣе благодаритъ онъ Саммея за позволеніе Симанову пріѣхать на шлюпъ. Письмо ко мнѣ онъ начинаетъ условленными между насъ словами, въ знакъ, что записка моя имъ получена; потомъ поздравляетъ насъ съ приближающимся освобожденіемъ изъ плѣна, и обѣщаетъ непремѣнно къ Сентябрю возвратиться. Господину же Муру коротенькою записочкою совѣтуетъ быть терпѣливѣе и не предаваться отчаянію, упоминая, что и имъ самимъ встрѣчалось немало безпокойства, заботъ и опасностей. Когда мы сдѣлали симъ бумагамъ, въ присутствіи губернатора, словесный переводъ, тогда онъ ушелъ, а намъ велѣли списать съ нихъ копіи, которыя, съ переводомъ, немедленно посланы были въ столицу. Вскорѣ послѣ сего Японцы сказали намъ, что Діана наша, по отправленіи помянутыхъ бумагъ на берегъ, тотчасъ пошла въ путь: это, по нашему разсчету, долженствовало быть около 10-го Іюля. Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, возвратились въ Матсмай Саммей, Кумаджеро и два наши товарища, которыхъ помѣстили опять съ нами. Теперь пусть читатель судитъ по собственному своему сердцу что мы должны были чувствовать, встрѣтивъ, такъ сказать, «выходца изъ царства живыхъ.» Два года ничего мы не слыхали не только о Россіи, но ниже о какой либо просвѣщенной части свѣта; даже и японскія происшествія не всѣ намъ объявляли, да и могли ли они насъ занимать? Японія для насъ была

(*) Японцы называютъ его Эдомо.

Digitized by Google

другимъ міромъ. Любопытство наше было чрезмѣрно: мы жадничали его удовлетворить; надѣялись подробно узнать все, что дѣлается въ Россіи и въ Европѣ; но крайне ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Симановъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ политическія и военныя происшествія во всю ихъ жизнь не дерзали безпокоить: все, что онъ, намъ по сему предмету сообщилъ, состояло въ томъ, что Французъ съ тремя другими землякали, которыхъ назвать онъ не умѣлъ, напалъ на насъ и былъ уже въ шестидесяти верстахъ отъ Смоленска, гдѣ, однако жъ, мы задали ему добрую передрягу, нѣсколько тысячь положили на мѣстѣ, а остальные обще съ Бонапартомъ едва убрались домой (*); но когда это было, кто предводительствовалъ войсками и чѣмъ все дѣло послѣ того кончилось, онъ позабылъ; однако жъ насъ, по крайней мѣрѣ, утѣшала мысль, что онъ говорилъ не безъ основанія: знать, думали мы, и въ самомъ дѣлѣ мы одержали надъ непріятелемъ какую нибудь важную побѣду. Впрочемъ Симановъ могъ очень хорошо припомнить всѣ подробности самомалѣйшихъ происшествій, случившихся въ кругу его товарищей, и доставилъ великое удовольствіе матросамъ разсказами, не выходившими изъ тѣсныхъ предѣловъ ихъ понятій. Мы же, съ своей стороны, должны быть довольны и тѣмъ, что онъ далъ намъ подробный отчетъ обо всѣхъ нашихъ сослуживцахъ, и всего пріятнѣе было то, что всѣ они здоровы. Но если Симановъ не могъ удовольствовать нашего любопытства касательно европейскихъ происшествій, то по крайней мѣрѣ съ удовольствіемъ услышали мы отъ него, какъ Японцы переговаривались съ нашими соотечественниками, о чемъ однако жъ я здѣсь говорить не буду, ибо это описано въ книгѣ, издаваемой Г. Рикордомъ. Теперь скажу только о томъ, что намъ сообщили Японцы касательно сихъ переговоровъ. Кумаджеро, находившійся тамъ вмѣстѣ съ Сампеемъ, обнадеживалъ насъ, что начатое нынѣ сношеніе между ими и

(*) При отбытіи Діаны изъ Камчатки, тамъ не знали еще о происшествіяхъ, случившихся послѣ Смоленскаго Сраженія (въ началѣ Августа).

Digitized by Google

нами, непремѣнно будетъ имѣть самый счастливый конецъ, и это приписывалъ онъ уму Г. Рикорда, который успѣлъ такъ хорошо привязать къ себѣ бывшаго съ нимъ Японца Такатая-Кахи, и вселить въ него такія высокія мысли о добронравіи и честности Русскихъ, что онъ клянется предъ своими начальниками въ искренности нашихъ предложеній; прежде привезеннаго изъ Россіи Японца Городзія называетъ лжецомъ и безчестнымъ человѣкомъ, и говоритъ, что онъ скорѣе лишится жизни, нежели согласится въ томъ, чтобъ Русскіе были таковы, каковыми донынѣ считало ихъ Японское Правительство. Слова его возъимѣли такое дѣйствіе надъ Сампеемъ, что онъ согласился отступить отъ нѣкоторыхъ требованій, кои прежде намѣренъ былъ предложить. Г. Рикордомъ, офицерами Діаны и вообще всѣми тѣми, съ коими онъ былъ знакомъ въ Камчаткѣ, Такатай-Кахи нахвалиться не можетъ. Онъ пріѣхалъ въ Матсмай вмѣстѣ съ Сампеемъ, но видѣться ему съ нами не было позволено, хотя и онъ и мы того очень желали. По закону японскому, онъ содержался подъ карауломъ; однако жъ родственники и друзья могли его навѣщать, сидѣть у него сколько угодно и разговаривать съ нимъ, только лишь бы это было въ присутствіи стражей изъ императорскихъ солдатъ.

Если Симановъ сообщилъ намъ о политическихъ дѣлахъ Европы слишкомъ мало, то Японцы уже чрезчуръ много насказали. Сначала они намъ объявили о прибытіи въ Нангасаки двухъ большихъ голландскихъ кораблей (*) изъ

(*) Одинъ изъ нихъ былъ очень великъ, ибо имѣлъ длины слишкомъ 130 футовъ и болѣе ста человѣкъ экипажа: Японцы показывали намъ преподробное описаніе сихъ кораблей, въ коемъ заключались всѣ ихъ размѣренія, какъ-то: длина, ширина и глубина; сколько ходятъ въ грузу; сколько на нихъ человѣкъ экипажа, изъ какого народа оный состоитъ, то есть: какое число Голландцевъ, Малейцовъ и прочихъ; но подробнѣе всего описанъ былъ слонъ, привезенный Голландцами въ подарокъ Японскому Императору. Тутъ показано было, что онъ родился на островѣ Суматрѣ; сколько ему отъ роду лѣтъ, длина, вышина и толщина его; что ѣстъ и въ какомъ количествѣ; много ли разъ въ день его кормятъ; какое

Digitized by Google

Батавіи, нагруженныхъ товарами, состоящими изъ произведеній Восточной Индіи. Прибывшіе на нихъ Голландцы увѣряли Японцевъ, что по причинѣ морской войны свирѣпствующей между Англіею и Голландіею, они не могутъ доставлять къ нимъ европейскихъ товаровъ; но какъ двѣ Остъ-Индскія Компаніи, Голландская и Англійская, заключили между собою миръ и торгуютъ, то Голландцы теперь находятся принужденными возить въ Японію произведенія бенгальскія. Въ слѣдствіе этого объявленія, Японцы хотѣли отъ насъ слышать, возможное ли это дѣло по европейскимъ обыкновеніямъ. Мы прямо имъ сказали, что тутъ вѣрно кроется обманъ; настоящее же дѣло вѣроятно состоитъ въ томъ, что Англичане взяли Батавію, и опасаясь, чтобъ Японцы не прекратили своей торговли съ Голландскою Компаніею, когда будетъ извѣстно, что главное ея владѣніе въ другихъ рукахъ, хотятъ скрыть отъ нихъ это происшествіе, на какой конецъ и вымыслили они подобную ложь. Я совѣтовалъ Японцамъ сказать прибывшимъ въ Нангасаки Голландцамъ, что они теперь ведутъ переговоры съ Русскими, которые увѣрили ихъ, что Батавія дѣйствительно взята Англичанами, и посему требовать отъ нихъ признанія (*). Японцы тѣмъ съ большею охотою уважили

количество воды онъ выпиваетъ и проч. Почти съ такою же подробностью описанъ и человѣкъ, уроженецъ помянутаго острова, который ходитъ за симъ слономъ.

(*) Спустя мѣсяца два послѣ сего, переводчики увѣдомили насъ, что Голландцы, напослѣдокъ, принуждены были признаться въ обманѣ, и объявить, что Англичане, занявъ Батавію, взяли у нихъ японскія грамоты, данныя на позволеніе приходить ежегодно въ Нангасаки двумъ голландскимъ кораблямъ, почему они нашлись принужденными привезти нынѣ товары англійскіе. По сему объявленію Японское Правительство предписало задержать суда и товары до дальнѣйшаго рѣшенія. При семъ же случаѣ Теске и Баба-Сюдзоро сказали намъ, что правительство ихъ очень вознегодовало на голландскихъ переводчиковъ за то, что они русскимъ бумагамъ давали кривой толкъ. Они признались откровенно, что голландцы, при переводѣ бумаги, присланной Хвостовымъ къ Матсмайскому Губер-

Digitized by Google

наше мнѣніе, и приняли мой совѣтъ, который по ихъ желанію, я подалъ имъ на бумагѣ для отправленія въ столицу, что и прежде открыли мы имъ весьма важное обстоятельство, касательно Голландіи, котораго подлинность напослѣдокъ, по счастію, удалось намъ доказать имъ неоспоримо. Вотъ въ чемъ дѣло это состояло. Голландцы, живущіе въ Нангасаки, сами объявили Японцамъ, что правленіе у нихъ перемѣнилось, и Голландія уже не республика, а королевство, и что королемъ въ ней братъ Французскаго Императора Наполеона; но о томъ, что она перестала быть особеннымъ государствомъ, и присоединена къ числу французскихъ провинцій, Голландцы не сказывали, кажется потому, что они и сами объ этомъ происшествіи еще не знали, ибо въ теченіе многихъ послѣднихъ годовъ не приходило въ Японію ни одно голландское судно. О сей перемѣнѣ мы иногда говорили переводчикамъ, но они слушали насъ равнодушно, и казалось, не вѣрили, считая невозможнымъ, чтобы Наполеонъ, давъ королевство своему брату, такъ скоро и лишилъ онаго; ибо Японцы никогда вообразить себѣ не могли, чтобы въ Европѣ такъ легко было дѣлать королей и королевства, и опять уничтожать ихъ. Наконецъ Г. Муръ, перебирая оставленныя съ Діаны вмѣстѣ съ книгами русскія газеты, нашелъ тамъ случайно манифестъ Бонапарта, которымъ онъ объявляетъ Амстердамъ третьимъ городомъ Французской Имперіи. Содержаніе сего манифеста тогда же онъ открылъ Японцамъ; въ то время переводчики ихъ довольно порядочно могли уже понимать нашъ языкъ; почему и приступили къ переводу сего акта съ

ватору, прибавили, будто Русскіе грозятъ покорить Японію, и прислать священниковъ для наставленія Японцевъ въ Христіанской Религіи, а чинъ Хвостова—Лейтенантъ, Lieutenant, перевели они (какъ-то на Французскомъ Языкѣ названіе сіе иногда значитъ) намѣстникомъ. И потому-то Японцы съ такимъ безпокойствомъ старались вывѣдать у насъ, точно ли Хвостовъ и Никола-Сандреечъ, одинъ и тотъ же человѣкъ; ибо они полагали, что первое изъ сихъ словъ имя Сибирскаго Генералъ-Губернатора, а послѣднее начальника судовъ, сдѣлавшихъ на нихъ нападеніе.

Digitized by Google

великимъ усердіемъ, а окончивъ послали въ столицу. Послѣ мы узнали, что Голландцы, живущіе въ Нангасаки, на вопросъ о семъ предметѣ, отзывались, что до нихъ извѣстіе объ этомъ не дошло, и это весьма вѣроятно. Говоря о Голландцахъ, надобно сказать, что нынѣ Японцы совсѣмъ не такъ къ нимъ расположены, какъ прежде: доказательствомъ сему послужить можетъ извѣстіе, сообщенное намъ переводчикомъ Голландскаго языка, при насъ находившимся. Онъ сказывалъ, что въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, ни одинъ голландской корабль не бывалъ въ Нангасаки; отчего живущіе тамъ Голландцы претерпѣваютъ крайній недостатокъ во всемъ, и даже принуждены вынимать стекла изъ оконъ, чтобъ покупать за оныя нужные имъ съѣстные припасы. а когда мы спросили его, для чего же Японское Правительство не снабжаетъ ихъ всѣмъ, что имъ надобно, за что послѣ они въ состояніи будутъ заплатить; тогда переводчикъ отвѣчалъ, что Японцы не такъ теперь думаютъ о Голландцахъ, какъ прежде; узнавъ же, что Голландія уже есть часть Французскихъ владѣній, они непремѣнно прервутъ всякое сношеніе съ симъ народомъ (*). Самая важнѣйшая новость, которую прибывшіе въ Нангасаки Голландцы привезли Японцамъ, а они сообщили намъ, была о взятіи Москвы. Намъ сказали, что сію столицу сами Русскіе въ отчаяніи сожгли и удалились, а Французы всю Россію заняли по самую Москву. Мы смѣялись надъ такимъ извѣстіемъ, и увѣряли Японцевъ, что это быть не можетъ. Насъ не честолюбіе заставляло такъ говорить, а дѣйствительно отъ чистаго сердца мы полагали событіе такое невозможнымъ: мы думали, что можетъ быть, непріятель заключилъ съ нами выгодный для него миръ, но чтобъ Москва была взята, никакъ вѣрить не хотѣли, и почитая эту вѣсть выдумкою Голландцевъ, оставались съ сей стороны очень покойны.

(*) Но нынѣ, когда Японцы услышатъ, что въ Европѣ возстановленъ прежній порядокъ вещей, и Голландія получила свои старыя права, то вѣроятно, позволятъ сему народу продолжать торговлю съ ними на прежнемъ основаніи.

21-го Августа Кумаджеро объявилъ намъ за тайну, что дней чрезъ пять или шесть переведутъ насъ въ домъ, который теперь Японцы готовятъ нарочно для помѣщенія нашего. Извѣстіе это было справедливо: 26-го числа повели всѣхъ насъ въ замокъ, гдѣ, въ той самой большой залѣ, въ которой прежній губернаторъ Аррао-Тадзимано-Ками сначала принималъ насъ, нашли мы всѣхъ городскихъ чиновниковъ, собравшихся и сидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ, а сверхъ того тутъ же находились академикъ и переводчикъ Голландскаго Языка (*), которые сидѣли вмѣстѣ съ чиновниками, только ниже ихъ. Вскорѣ по приходѣ нашемъ вышелъ губернаторъ; занявъ свое мѣсто, вынулъ онъ изъ-за пазухи бумагу, и велѣлъ переводчикамъ сказать намъ, что это присланное къ нему изъ столицы повелѣніе, касающееся до насъ. Потомъ, прочитавъ оное, приказалъ перевести его намъ. По толкованію нашихъ переводчиковъ, смыслъ онаго былъ такой, что если русскій корабль, обѣщавшійся нынѣшнимъ же годомъ прійти въ Хакодаде съ требуемымъ Японцами отвѣтомъ, дѣйствительно прійдетъ и привезенный имъ отвѣтъ здѣшній губернаторъ найдетъ удовлетворительнымъ, то правительство уполномочиваетъ его отпустить насъ, не дожидаясь на сіе особеннаго рѣшенія. Когда повелѣніе сіе намъ было изъяснено, губернаторъ объявилъ, что въ слѣдствіе онаго мы должны чрезъ нѣсколько дней отправиться въ Хакодаде, куда послѣ и онъ пріѣдетъ, и будетъ еще съ нами видѣться, а до того времени, пожелавъ намъ здоровья и счастливаго

(*) Съ самаго прибытія ихъ въ Матсмай, они находились при всѣхъ нашихъ свиданіяхъ съ здѣшними чиновниками, и при переводахъ всѣхъ нашихъ бумагъ. Однажды мы спросили Теске, какое дѣло имъ тутъ вмѣшиваться. На это онъ намъ сказалъ, что губернатору угодно, чтобы они были свидѣтелями всего производства нашего дѣла; иначе они могутъ донести своему собственному начальству, каждый по своей части, что здѣшніе чиновники поступаютъ пристрастно, какъ то Мамія Ринзо писалъ противъ прежняго губернатора. Это показываетъ, что и въ Японіи добрые люди боятся доносовъ.

Digitized by Google

пути, вышелъ; потомъ и намъ велѣно было итти. Прежде нежели губернаторъ съ нами простился, мы благодарили его за доброе къ намъ расположеніе; но Г. Муръ сказалъ ему, что онъ недостоинъ милостей, которыя Японцы ему оказываютъ, а что онъ подъ тѣмъ разумѣлъ, я не могъ отъ него узнать.

Изъ замка отвели насъ уже въ хорошо прибранный домъ, въ тотъ самый, гдѣ мы жили въ прошломъ году; только теперь мы нашли его въ другомъ видѣ: тогда, бывъ перегороженъ рѣшетками, за коими безпрестанно въ глазахъ у насъ находился вооруженный караулъ, онъ походилъ нѣкоторымъ образомъ на тюрьму, а нынѣ увидѣли мы совсѣмъ другое: рѣшетокъ не было, и стража не была вооружена ружьями и стрѣлами. Мнѣ назначили одну лучшую комнату, Г. Муру и Хлѣбникову другую, а матросамъ и Алексѣю особливую каморку; столъ нашъ сдѣлался несравненно лучше, и кушанье подавали, на прекрасной лакированной посудѣ, хорошо одѣтые мальчики, и всегда съ великимъ почтеніемъ. По прибытіи нашемъ въ домъ, тотчасъ стали приходить къ намъ разные чиновники съ своими дѣтьми, поздравлять насъ и прощаться, а нѣкоторые изъ нихъ, слѣдуя своему обыкновенію, подавали мнѣ прощальные билетики, написанные для нихъ по-русски нашими переводчиками: содержаніе ихъ было, что такой-то прощается и желаетъ счастливаго пути такимъ-то, а наконецъ старшина, выбранный надъ купечествомъ, или, по нашему, градской глава, съ двумя своими помощниками, пришелъ къ намъ проститься, и принесъ на дорогу ящичекъ конфектовъ. На лицахъ всѣхъ посѣщавшихъ насъ Японцевъ, мы видѣли знаки непритворнаго удовольствія и радости при нашемъ счастіи. Такіе человѣколюбивые ихъ поступки трогали насъ до слезъ; почему Г. Хлѣбниковъ предложилъ написать къ губернатору благодарительное письмо, на что я съ большимъ удовольствіемъ согласился, и просилъ его самого быть сочинителемъ. Письмо было написано, переведено на Японскій Языкъ и отослано къ губернатору,

Digitized by Google

который, какъ сказывали наши переводчики, принялъ его съ благодарностью и былъ очень тронутъ нашею признательностью.

Послѣ сей перемѣны, кажется, Японцы перестали насъ считать плѣнными, а принимали за гостей: во-первыхъ, дали намъ особенныя комнаты, а во-вторыхъ, примѣтивъ, что матросы наши требовали отъ нихъ болѣе вина, нежели сколько, судя по ихъ сложенію, можетъ выпить трезвый человѣкъ, они тотчасъ приказали, не давать имъ вина, безъ моего позволенія, а если имъ нужно, спрашиваться у меня и давать имъ такое количество, какое я назначу. Чрезъ это они стали признавать меня ихъ начальникомъ, чего прежде не бывало.

Увѣрившись, что Японцы уже не хитрятъ, но сбираются въ самомъ дѣлѣ отпустить насъ, мы хотѣли отблагодарить имъ чѣмъ нибудь по нашей возможности. На сей конецъ Г. Хлѣбниковъ подарилъ и объяснилъ академику сочиненныя имъ таблицы, а я выписалъ изъ Либесовой Физики и растолковалъ ему всѣ новѣйшія открытія въ сей наукѣ и астрономіи, у насъ въ Европѣ сдѣланныя; сверхъ того предложили мы въ подарокъ тѣмъ изъ нихъ, которые наиболѣе при насъ находились и были къ намъ хорошо расположены, всѣ наши книги и вещи, но они принять ихъ отказались, говоря, что безъ воли правительства сдѣлать сего не смѣютъ, однако жъ обѣщались просить на то позволенія.

Въ Матсмаѣ мы, послѣ объявленія намъ о намѣреніи Японцевъ возвратить насъ, жили три дня, въ которое время раза два или болѣе губернаторъ присылалъ къ намъ завтракъ и обѣдъ съ своей кухни, и приказывалъ переводчикамъ угощать насъ.

Наконецъ, 30-го Августа поутру, отправились мы въ путь; городомъ вели насъ церемоніяльно при стеченіи множества народа: всѣ, отъ большаго до малаго, бѣжали за нами и прощались. Коль скоро мы вышли за городъ, то уже всякій изъ насъ могъ итти или ѣхать верхомъ по своей волѣ. Конвой нашъ составляли: начальникъ онаго Сиитояку, переводчикъ Теске, братъ его

Digitized by Google

волонтёръ, человѣкъ восемь солдатъ, нашъ работникъ и множество смѣнныхъ носильщиковъ коновожатыхъ и прочихъ. Начальникъ былъ добрый и ласковый человѣкъ, и обходился съ нами весьма хорошо; когда мы садились отдыхать, онъ садился съ нами также, подчивалъ насъ своимъ табакомъ, и оказывалъ разныя другія учтивости. На первомъ почлегѣ мы сказали Теске, что счастливый выходъ нашъ изъ Матсмая случился въ большой русскій праздникъ, ибо сего числа Россія празднуетъ день имени великаго своего Государя. Японцы тотчасъ, безъ всякой отъ насъ просьбы, принесли намъ хорошей саги, и мы за здравіе Его Императорскаго Величества осушили по доброй чашѣ. и Японцы сдѣлали то же, повторяя наши слова: «да здравствуетъ Императоръ Александръ!» которыя перевелъ имъ Теске.

Шли мы тою же дорогою въ Хакодаде, какою и оттуда пришли, и останавливались въ тѣхъ же селеніяхъ; только теперь мы имѣли гораздо болѣе свободы, и содержали насъ несравненно лучше. За однимъ лишь Г. Муромъ Японцы имѣли строгій присмотръ, опасаясь, чтобъ онъ не лишилъ себя жизни; ибо когда мы пошли въ дорогу и проходили городомъ, онъ заливался слезами, да и послѣ въ дорогѣ часто плакалъ. На вопросы Японцевъ о причинѣ его слезъ въ такое время, когда всѣ другіе радуются, отвѣчалъ онъ, что чувствуя себя недостойнымъ толь великихъ благодѣяній, какія оказываютъ намъ Японцы, онъ мучится совѣстью, а намъ говорилъ, что сожалѣя объ насъ, онъ плачетъ, ибо ясно видитъ всѣ хитрости и коварство Японцевъ, которые непремѣнно всѣхъ насъ погубятъ, и что все видимое нами есть одна только комедія. Поступки Г. Мура были смѣшны, и я принималъ ихъ таковыми; но надъ бѣдными матросами имѣли они другое дѣйствіе, и часто заставляли ихъ печалиться и вздыхать; впрочемъ причина такого поведенія Г. Мура и тогда была и теперь остается для меня загадкою.

2-го Сентября вошли мы въ Хакодаде при великомъ стеченіи зрителей. Тамъ помѣстили насъ въ одинъ каменный домъ недалеко отъ крѣпости. Комнаты наши откры-

Digitized by Google

тою своею галереею были обращены къ небольшому садику, но передъ рѣшеткою галереи поставлены были изъ досокъ щиты, которые нижними концами плотно были прибиты къ основанію галереи, а верхними отходили отъ нея фута на три, и симъ-то пространствомъ проходилъ къ намъ весьма слабый свѣтъ; сверхъ того мы не могли видѣть ничего изъ наружныхъ предметовъ. Въ такомъ положеніи домъ нашъ нѣсколько походилъ на тюрьму, хотя въ другихъ отношеніяхъ былъ довольно опрятенъ и чисто прибранъ; однако жъ дня чрезъ два, по просьбѣ нашей, щиты были отняты, и у насъ стало очень свѣтло. Тогда могли мы уже сквозь рѣшетку видѣть и садикъ. Здѣсь стали содержать насъ также очень хорошо: кромѣ обыкновеннаго кушанья, давали намъ и дессертъ, состоявшій изъ яблоковъ, грушъ или изъ конфектовъ, не послѣ стола, а за часъ до обѣда, ибо таково обыкновеніе Японцевъ: они любятъ ѣсть сладкое прежде обѣда. Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Хакодаде, навѣстилъ насъ главный начальникъ города, гинміягу Коодзимото-Хіогоро. Спросивъ насъ о здоровьѣ, сказалъ онъ, что домъ сей для насъ малъ, но мы помѣщены въ немъ потому, что теперь здѣсь много разныхъ чиновниковъ, да и губернатора ожидаютъ, для которыхъ отведены всѣ лучшіе домы, а притомъ есть надежда, что русскій корабль прійдетъ скоро, и мы на немъ отправимся въ свое отечество; если же, паче чаянія, онъ нынѣ не будетъ, то на зиму приготовятъ для насъ другой домъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ насъ, пріѣхалъ на суднѣ гинміягу Сампей и съ нимъ прибылъ академикъ, переводчикъ Голландскаго Языка и нашъ Кумаджеро. Переводчики и ученый тотчасъ насъ посѣтили; потомъ стали къ намъ ходить всякій день, и просиживали съ утра до вечера, даже обѣдъ ихъ къ намъ приносили. Они старались, до прибытія Діаны, какъ можно болѣе получить отъ насъ свѣдѣній, всякій по своей части. Между прочимъ голландскій переводчикъ, списавъ нѣсколько страницъ изъ Татищева Французскаго Лексикона, вздумалъ русскія объясненія французскихъ словъ переводить на Японскій Языкъ, примѣтивъ, что симъ способомъ можетъ онъ узнать подлинное значеніе многихъ словъ,

Digitized by Google

которыя иначе остались бы ему навсегда неизвѣстными. Эта работа надѣлала намъ много скуки, безпокойства и даже хлопотъ. Одного примѣра будетъ достаточно, чтобъ показать любопытнымъ, сколько имѣли мы затрудненій и непріятностей при этомъ дѣлѣ. Между множествомъ русскихъ словъ, собранныхъ Японцами въ свой лексиконъ, находилось слово: *достойный*, которое, какъ мы имъ изъяснили, означаетъ то же самое, что и почтенный, похвальный; но всѣхъ значеній, въ которыхъ прилагательное сіе имя употребляется, будучи поставлено съ другими словами, объяснять имъ было бы слишкомъ много и для нихъ непонятно. Когда же Японцы переводили съ нами вмѣстѣ толкованіе на французское слово: digne, то встрѣтивъ тамъ примѣръ: *достойный висѣлицы,* заключили, что слово висѣлица, конечно, должно означать какую нибудь почесть, награду, чинъ, или что ни есть тому подобное; но лишь мы изъяснили имъ, что такое висѣлица, наши Японцы и палецъ ко лбу. Какъ такъ! Что это значитъ? почтенный, похвальный человѣкъ годенъ на висѣлицу! Тутъ мы употребили все свое искусство въ Японскомъ Языкѣ для увѣренія переводчиковъ, что мы ихъ не обманули, и приводили имъ другіе примѣры изъ того же толкованія, гдѣ слово *достойный* употребляется точно въ томъ смыслѣ, какъ мы имъ изъяснили прежде. Такіе затруднительные для насъ случаи встрѣчались нерѣдко, и при всякомъ разѣ Японцы, повѣсивъ голову на сторону (*), говорили: и мусгаси кодоба, ханаханда мусгаси кодоба,» то есть: «мудреный языкъ, чрезвычайно мудреный языкъ!» Другое занятіе Голландскаго переводчика состояло въ преложеніи на Японскій Языкъ небольшой русской книжки, изданной въ Петербургѣ: «О прививаніи коровьей оспы.» Книжку сію подарилъ одинъ изъ русскихъ лекарей Японцу Леонзайму, и онъ привезъ ее въ свое отечество (**). Академикъ же старался получить какъ можно болѣе свѣдѣній о разныхъ предметахъ, заключающихся въ Либесовой Физикѣ.

(*) То же, что у насъ пожать плечами.

(**) Переводъ былъ конченъ до нашего отъѣзда.

Digitized by Google

Любопытнѣе и важнѣе всего были для насъ занятія Теске. Сначала онъ намъ сказалъ, по повелѣнію своихъ начальниковъ, что правительство ихъ сомнѣвается, поняли ли Гг. Лаксманъ и Резановъ отвѣты, данные Японцами на ихъ требованія, и потому оно желаетъ, чтобъ мы, вмѣстѣ съ японскими переводчиками, перевели на нашъ языкъ съ оригинальныхъ бумагъ отвѣты ихъ Лаксману и Резанову, и по прибытіи въ Россію постарались переводы сіи довести до свѣдѣнія нашего Правительства, а если возможно, то и самого Государя. Сверхъ сего просили они насъ списать на такой же конецъ копіи съ двухъ бумагъ Хвостова, о которыхъ уже упомянуто въ прежнихъ главахъ сего повѣствованія. При переводѣ вышеупомянутыхъ отвѣтовъ, Японцы старались, чтобы оные переведены были на нашъ языкъ сколько возможно ближе къ литеральному смыслу, да мы и сами не менѣе ихъ того хотѣли, дабы чрезъ то получить понятіе о оборотахъ ихъ языка, и видѣть содержаніе толь важныхъ и любопытныхъ бумагъ въ неукрашенномъ и необезображенномъ ихъ смыслѣ. И потому, не заботясь о красотѣ слога, мы перевели бумаги сіи, держась столь близко къ слогу оригиналовъ, сколько позволяли наше умѣніе и свойство Русскаго Языка. Для любопытства моихъ читателей, я желалъ было помѣстить здѣсь точную копію нашихъ переводовъ; но........ Потомъ Японцы стали съ нами переводить на Русскій Языкъ бумаги, которыя хотѣли они вручить, при отправленіи насъ, на ожидаемый корабль, Г. Рикорду и намъ.

По окончаніи переводовъ всѣхъ сихъ бумагъ, Теске объявилъ намъ приказаніе своихъ начальниковъ, чтобъ мы, по содержанію, оныхъ не считали Японцевъ такими ненавистниками Христіанской Вѣры, которые принимали бы исповѣдующихъ оную за людей дурныхъ и презрительныхъ; этого они ни мало не думаютъ, а напротивъ того очень знаютъ, что во всякой землѣ и во всякой вѣрѣ есть люди добрые и злые; первые всегда имѣютъ право на ихъ любовь и почтеніе, какого бы исповѣданія они ни были, а послѣднихъ они ненавидятъ и презираютъ. Но что Христіанская Вѣра строго запрещена японскими законами, тому причиною

Digitized by Google

великія несчастія, которыя прежде они испытали въ междоусобной войнѣ, послѣдовавшей отъ введенія къ нимъ сей Вѣры.—Впрочемъ, что бы въ сердцѣ своемъ Японцы ни думали о Христіанахъ, но такое объявленіе конечно дѣлаетъ имъ великую честь.

Между тѣмъ пріѣхалъ въ Хакодаде спрабіягу Отахи-Коеки, бывшій начальникомъ на островѣ Кунаширѣ въ оба прибытія туда Г. Рикорда. Онъ тотчасъ пришелъ насъ навѣстить, и обошелся съ нами не по-прежнему: не дѣлалъ уже намъ ни какихъ насмѣшекъ, а напротивъ того говорилъ очень учтиво и ласково; спрашивалъ насъ о здоровьѣ, и поздравлялъ съ скорымъ возвращеніемъ въ отечество. При семъ случаѣ Теске сказалъ намъ, что давъ Г. Рикорду прошлою осенью отвѣтъ, будто мы всѣ убиты, онъ могъ дѣйствительно насъ погубить; но затѣмъ, въ послѣднее прибытіе нашего корабля, твердостью своею загладилъ прежній свой поступокъ, и вотъ какимъ образомъ. Въ Кунаширѣ гарнизонъ состоялъ изъ войскъ Князя Намбускаго, и начальникомъ онаго былъ весьма значащій чиновникъ, гораздо старѣе Отахи-Коеки, хотя и повиновался ему, потому что послѣдній управлялъ островомъ со стороны императора. Намбускому начальнику было сообщено о намѣреніи Японскаго Правительства войти въ переговоры съ нашими кораблями, слѣдовательно палить въ нихъ не слѣдовало; но онъ, до самаго прихода Г. Рикорда, не получалъ на сіе повелѣнія отъ своего князя, а потому, коль скоро Діана появилась, онъ рѣшился, слѣдуя прежнимъ приказаніямъ, стрѣлять въ нее, но Отахи-Коеки и товарищъ его, присланный къ нему по случаю ожиданія чужестранныхъ судовъ (*), ставъ противъ пушекъ, сказали ему, что прежде онъ долженъ убить ихъ и всѣхъ Япон-

(*) Отахи-Коеки самъ просилъ, чтобъ по случаю ожиданія Русскихъ въ Кунаширъ, присланъ былъ къ нему товарищъ одного съ нимъ чина, дабы они могли, въ непредвидимыхъ, требующихъ скораго рѣшенія обстоятельствахъ, дѣйствовать по общему совѣту, и чтобы отвѣтственность лежала на двоихъ, а не на одномъ.

Digitized by Google

цевъ, тутъ находящихся, которые состоятъ въ службѣ императора, а потомъ можетъ уже поступать съ Русскими, какъ хочетъ; но пока они живы, то не допустятъ его исполнить своего намѣренія. Симъ способомъ заставили они этого упрямаго Японца уважить волю правительства. Мы спрашивали Теске, какъ государь ихъ приметъ такой дерзкій поступокъ, и онъ намъ сказалъ, что объ этомъ поступкѣ долженъ будетъ судить Князь Намбускій, а государь спроситъ только князя, почему повелѣнія, согласнаго съ его волею, не дано во-время.

Наконецъ наступила вторая половина Сентября, а о Діанѣ и слуховъ не было. Мы крайне безпокоились, чтобы она не опоздала прійти сюда, и въ позднее осеннее плаваніе въ здѣшнихъ опасныхъ моряхъ не повстрѣчалось бы съ нею какого несчастія. Мы лучше желали, чтобъ Г. Рикордъ отложилъ походъ свой до будущей весны, отчего намъ надлежало бы лишніе восемь или девять мѣсяцевъ пробыть въ заключеніи, лишь бы только не подвергался онъ опасности. Но онъ непремѣнно хотѣлъ кончить начатые имъ съ такимъ успѣхомъ переговоры въ нынѣшнемъ же году, и тѣмъ показать Японцамъ, что Русскіе знаютъ, какъ держать свое слово.

16-го Сентября ночью пришли къ намъ переводчики, по повелѣнію своихъ начальниковъ, поздравить съ пріятнымъ извѣстіемъ, лишь только сейчасъ полученнымъ, что 13-го числа сего мѣсяца примѣчено было большое европейское судно о трехъ мачтахъ близъ мыса Эрміо, образующаго западную сторону того большаго залива (*), внутри коего лежитъ портъ Эндермо, или Эдомо, куда Г. Рикордъ обѣщался прійти за лоцманомъ. Сомнѣнія не оставалось, что это судно была наша Діана; мы жалѣли только, что почти безпрестанно дующіе западные противные ей вѣтры держатъ нашихъ соотечественниковъ въ морѣ у столь опасныхъ береговъ. Переводчики сказали намъ также, что съ симъ извѣстіемъ тотчасъ отправили они курьера къ губернатору;

(*) Названнаго отъ англійскаго капитана Бротона Волканическимъ Заливомъ, по сопкѣ (volcano), близъ него лежащей.

Digitized by Google

и думаютъ, что по полученіи онаго, онъ немедленно будетъ сюда. До 21-го Сентября ни какихъ слуховъ о нашемъ кораблѣ не было; но вечеромъ того числа сказали намъ, что въ полдень того же дня видѣли оный весьма близко восточнаго берега Волканическаго Залива, и замѣтили, что онъ старается войти въ портъ Эдомо. Между тѣмъ собралось въ Хакодаде, изъ ближнихъ мѣстъ, чрезвычайно много чиновниковъ и солдатъ, которые, изъ любопытства насъ видѣть, безпрестанно къ намъ приходили. Примѣтивъ такое множество новыхъ лицъ, и вспомнивъ, что по всему Хакодадейскому Заливу на берегахъ вновь построены на небольшихъ разстояніяхъ баттареи и казармы, которыя мы видѣли, когда шли въ Хакодаде, я сталъ безпокоиться, воображая, не намѣрены ли Японцы коварствомъ или силою захватить нашъ корабль, въ отмщеніе за то, что Г. Рикордъ задержалъ ихъ судно, и взялъ нѣсколько человѣкъ съ собою, а девять человѣкъ при семъ случаѣ утонули. Подозрѣніе мое усиливалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сношеніяхъ Японцевъ съ Г. Рикордомъ они ни слова о семъ дѣлѣ не упоминали; и потому я спросилъ Теске, къ чему собралось такое множество солдатъ въ Хакодаде, и что значатъ всѣ сіи приготовленія. На вопросъ мой онъ отвѣчалъ, что японскій законъ требуетъ великихъ осторожностей, когда приходятъ къ нимъ чужестранныя суда, и что когда Рѣзановъ былъ въ Нангасаки, то еще несравненно бо́льшее число баттарей было построено и собрано войскъ, но здѣсь потому такъ мало, что негдѣ болѣе взять; впрочемъ онъ смѣялся моему подозрѣнію, и увѣрялъ, что мы не имѣемъ причины бояться ничего худаго со стороны Японцевъ.

24-го Сентября переводчики извѣстили насъ о прибытіи Діаны въ Эдомо, и показали письмо Г. Рикорда къ здѣшнимъ начальникамъ, писанное на Японскомъ Языкѣ переводчикомъ Киселевымъ. Теске изъяснилъ намъ содержаніе онаго: Г. Рикордъ, получивъ, вмѣсто лоцмана, одного изъ привезенныхъ имъ весною сего года японскихъ матросовъ, просилъ, чтобъ прислали къ нему болѣе надежнаго человѣка, и именно требовалъ Такатая-Кахи, на котораго онъ могъ

Digitized by Google

совершенно положиться; извѣщалъ Японцевъ, что имѣетъ недостатокъ въ водѣ, прося позволенія налить оную, да еще просилъ, чтобы Японцы отвѣты свои на его бумаги писали простымъ языкомъ а не высокимъ, котораго чтеніе переводчику Киселеву неизвѣстно. Теске и Кумаджеро, по приказанію своихъ начальниковъ, сказали намъ, что послано повелѣніе не только позволить нашему кораблю налить воду, но и снабдить его съѣстными припасами, какіе только есть въ Эдомо; касательно же просьбы Г. Рикорда, отвѣчать на его бумаги простымъ языкомъ, замѣтили, что такія записки могутъ быть подписываемы только людьми низкаго состоянія; если же отвѣтъ долженъ содержать въ себѣ что либо важное, тогда подписать его надлежитъ начальникамъ, но ни одинъ японскій чиновникъ не можетъ, по ихъ закону, подписать ни какой официіальной бумаги, написанной простымъ языкомъ (*); почему и невозможно удовле-

(*) Японскіе чиновники весьма осторожны и осмотрительны въ употребленіи подписи своей руки; у нихъ всякая официіальная бумага не только должна быть написана такъ называемымъ въ Японіи высокимъ языкомъ, но и по всѣмъ его правиламъ. Въ нѣкоторыхъ бумагахъ, присланныхъ къ нимъ изъ Россіи, не слишкомъ строго были соблюдены правила грамматики, какъ напримѣръ: вмѣсто *ѣ*, стояло *е;* предлоги и союзы не вездѣ были отставлены. Японцы, при переводахъ нашихъ, сравнивъ слова сіи съ словаремъ, нами для нихъ составленнымъ, тотчасъ взяли подозрѣніе, что мы ихъ обманываемъ, и спросили насъ, отчего происходитъ эта разность, а услышавъ, что въ приказныхъ канцеляріяхъ у насъ такія ошибки не почитаются важными (ибо другаго сказать намъ было нечего), они желали знать, не ошиблись ли мы; но мы были правы, сослались на Лексиконъ Татищева, и пріискавъ въ немъ сіи слова, показали имъ. Тогда переводчикъ Теске сказалъ: «И у насъ вотъ они (показывая на работниковъ) могутъ въ письмѣ сдѣлать подобныя ошибки, но изъ японскихъ чиновниковъ ни одинъ не приложитъ своей руки къ бумагѣ, неправильно написанной, ибо такого рода дѣла могутъ быть читаны чрезъ сто лѣтъ и болѣе, и по нимъ будутъ судить о тѣхъ, кто ихъ подписывалъ.» Пусть читатель самъ разберетъ,

Digitized by Google

творить сему желанію Г. Рикорда; что принадлежитъ до требованія его, вмѣсто лоцмана, послать Такатая-Кахи, то отправить его отсюда безъ повелѣнія губернатора не имѣютъ они права, а на переписку о семъ съ губернаторомъ потребно нѣсколько дней, почему здѣшніе начальники, бывъ увѣрены въ лоцманскомъ искусствѣ назначеннаго для сего дѣла матроса, совѣтуютъ Г. Рикорду итти съ нимъ къ Хакодаде; когда же корабль прійдетъ на видъ сей гавани, тогда Такатая-Кахи немедленно будетъ высланъ къ нему на-встрѣчу; для чего они предложили сигналы, долженствующіе быть поднятыми на извѣстной горѣ и на лодкѣ, на которой Кахи поѣдетъ. Японцы хотѣли, чтобъ обо всемъ этомъ я написалъ къ Г. Рикорду. На это я охотно согласился, прибавивъ внизу, что пишу по желанію Японцевъ. Еще они совѣтовали мнѣ упомянуть, что въ Хакодаде для нашихъ соотечественниковъ нѣтъ ни какой опасности; однако жъ на это я не согласился, страшась сдѣлаться виновникомъ погибели нашихъ товарищей, буде, паче чаянія, Японцы имѣютъ злое намѣреніе и хитрятъ, и коль скоро я сказалъ, что не хочу этого написать, а въ томъ, что для нашихъ нѣтъ здѣсь опасности, Японцы сами должны увѣрить Г. Рикорда своими искренними и честными поступками, тогда переводчики болѣе ни слова о семъ не упоминали, оставаясь довольными и тѣмъ, что я написалъ. На другой день приходилъ къ намъ гинміягу Сампей подтвердить то же, что переводчики говорили наканунѣ, и сказать, что письмо мое къ Г. Рикорду отправлено.

Въ ночи на 27-е число сдѣлался недалеко отъ нашего дома пожаръ: загорѣлся магазинъ, принадлежащій одному купцу (*); вдругъ пошла по городу тревога; карауль-

---

кто правъ, и заслуживаютъ ли Японцы названіе непросвѣщеннаго народа.

(*) Нынѣшнею весною у того же купца сгорѣли два магазина съ товарами, а среди лѣта домъ. Изъ этого Японцы заключаютъ, что какой нибудь злодѣй поджегъ ихъ, но найти его не могутъ. Переводчики сказывали намъ, что у нихъ такіе случаи бываютъ часто, не смотря на ужасное наказаніе, какому японскіе законы подвергаютъ зажигателей. Виноватаго въ

Digitized by Google

ные тотчасъ сказали намъ о причинѣ шума, и стали готовиться выносить всѣ вещи, буде бы нужно было; но въ ту же минуту пришли къ намъ переводчики, а потомъ и самый старшій здѣшній чиновникъ Сампей (*), извѣстить насъ, что мѣры взяты, не допустить огня до нашего дома, и чтобъ мы съ сей стороны были покойны. Сказавъ это, они тотчасъ удалились, и дѣйствительно пожаръ чрезъ нѣсколько часовъ кончился истребленіемъ только одного того магазина, гдѣ начался.

Поутру 27-го Сентября прибылъ сюда губернаторъ, а

преступленіи раздѣваютъ донага, привязываютъ къ столпу на лобномъ мѣстѣ, которое у Японцевъ обыкновенно бываетъ за городомъ, обкладываютъ кругомъ въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи дровами, и зажигаютъ ихъ. Въ такомъ положеніи преступникъ не горитъ, а жарится, и наконецъ умираетъ мучительною смертію. Тогда огонь отгребаютъ, на столпъ прибиваютъ надпись съ именемъ и означеніемъ преступленія злодѣя, и оставляютъ тѣло его на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Домозажигательство, по японскимъ законамъ, почитается вторымъ преступленіемъ послѣ отцеубійства.

(*) Всѣ Японцы, какъ чиновники, такъ и солдаты, имѣютъ особое пожарное платье, въ коемъ при семъ случаѣ мы ихъ видѣли. Платье это нѣсколько походитъ на воинскую ихъ одежду; какъ-то: латы, нарукавники и прочее, только всѣ части оного сдѣланы изъ легкой кожи подъ лакомъ, чтобы оно не обременяло своею тяжестью, и не допускало искрамъ вредить дѣйствующимъ при пожарѣ. На латахъ изображены знаки чина или достоинства каждаго. Погасить пожаръ считается у Японцевъ славнымъ дѣломъ, и потому въ столицѣ, гдѣ много разныхъ командъ, начальникъ, первый съ своею командою прибѣжавшій на пожаръ, выставляетъ свое знамя, и никто уже изъ прибывшихъ послѣ него не смѣетъ гасить огня, пока онъ самъ не потребуетъ помощи, иначе такой поступокъ почелъ бы онъ за большую обиду. Въ прежнія времена въ подобныхъ случаяхъ бывали у нихъ между князьями и вельможами не только поединки, но и цѣлыя сраженія; нынѣ же такія глупости почти совсѣмъ вывелись; но ссоры и по сіе время часто случаются, когда одинъ чиновникъ хочетъ у другаго похитить славу соучастіемъ своимъ въ потушеніи пожара.

Digitized by Google

вечеромъ подошелъ къ гавани нашъ корабль Діана, къ которому Японцы, по обѣщанію своему, тотчасъ выслали навстрѣчу Такатая-Кахи и съ нимъ вмѣстѣ начальника здѣшней гавани (*), какъ наиболѣе свѣдущаго въ лоцманскомъ искусствѣ по симъ берегамъ. Наступившая темнота не позволила ввести Діану въ гавань того же числа, почему и поставили они ее у входа въ безопасномъ мѣстѣ, о чемъ насъ извѣстилъ въ ту же ночь гавенмейстеръ, когда возвратился на берегъ.

На другой день поутру Діана вошла въ гавань при противномъ вѣтрѣ, къ великому удивленію Японцевъ. Мы видѣли изъ окна каморки, гдѣ стояла наша ванна, какъ шлюпъ лавировалъ; заливъ былъ покрытъ лодками, а возвышенныя мѣста города людьми. Всѣ смотрѣли съ изумленіемъ, какъ такое большое судно подавалось къ нимъ ближе и ближе, не смотря на противный вѣтеръ. Японцы, имѣвшіе къ намъ доступъ, безпрестанно приходили и съ удивленіемъ разсказывали, какое множество парусовъ на нашемъ кораблѣ, и какъ проворно ими дѣйствуютъ. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Діана положила якорь, явились къ намъ оба нащи переводчика, академикъ и переводчикъ Голландскаго языка съ большимъ кувертомъ въ рукахъ, который привезъ на берегъ отъ Г. Рикорда Такатай-Кахи. Они пришли по повелѣнію губернатора для перевода присланной съ Діаны бумаги, которая была написана отъ начальника Охотской Области на имя первыхъ двухъ по Матсмайскомъ Губернаторѣ начальниковъ, въ отвѣтъ на ихъ требованія. Въ ней Г. Миницкій объяснялъ подробно, что нападенія на японскія селенія были самовольныя; что Правительство въ нихъ ни мало не участвовало, и что Государь Императоръ всегда былъ къ Японцамъ хорошо расположенъ, и не желалъ имъ никогда наносить ни малѣйшаго вреда; почему и совѣтуетъ Японскому Правительству, не откладывая ни мало, показать освобожденіемъ насъ доброе свое расположеніе къ Россіи и готовность къ прекращенію дружескимъ образомъ непріятностей, послѣ-

(*) Званіе, соотвѣтствующее нашимъ гавенмейстерамъ.

Digitized by Google

довавшихъ отъ своевольства одного человѣка и отъ собственнаго ихъ недоразумѣнія; впрочемъ всякая съ ихъ стороны отсрочка можетъ быть для ихъ торговли и рыбныхъ промысловъ вредна, ибо жители приморскихъ мѣстъ должны будутъ понести великое безпокойство отъ нашихъ кораблей, буде они заставятъ насъ по сему дѣлу посѣщать ихъ берега. Японцы чрезвычайно хвалили содержаніе сей бумаги, и увѣряли насъ, что самовольные поступки Хвостова въ ней объяснены для Японскаго Правительства самымъ удовлетворительнымъ образомъ; почему они и поздравляли насъ съ приближающимся нашимъ освобожденіемъ и возвращеніемъ въ свое отечество.

Теперь я опять долженъ возвратиться къ непріятному предмету. Съ самаго того дня, какъ мы услышали о появленіи Діаны у японскихъ береговъ, Г. Муръ сдѣлался печальнѣе и задумчивѣе прежняго. Увидѣвъ, что ему нѣтъ ни малѣйшей надежды остаться въ Японіи, рѣшился онъ запутать производимые переговоры, и на сей конецъ началъ увѣрять Японцевъ, что бумага Г. Миницкаго написана неблагопристойно, потому что въ ней есть оскорбительныя угрозы, будто русскія суда могутъ ихъ безпокоить и вредить японской торговлѣ и приморскимъ жителямъ. Онъ называлъ это одними пустыми словами; но переводчики въ отвѣтъ сказали ему съ негодованіемъ, что Японцы не дураки: имъ и самимъ очень хорошо извѣстно, какое великое безпокойство и вредъ могутъ на ихъ берегахъ причинить наши корабли въ случаѣ войны; впрочемъ письмо Г. Миницкаго во всѣхъ отношеніяхъ написано благоразумно. Такой ихъ отзывъ о сей важной для нашего дѣла бумагѣ, совершенно насъ успокоилъ. Надъ Г. же Муромъ просьбы и увѣщанія наши отнюдь не дѣйствовали. Здѣсь долженъ я замѣтить, изъ числа многихъ, одну похвальную черту японскаго характера: Г. Миницкій, въ письмѣ своемъ, между прочими офиціальными предметами, обращаетъ частнымъ образомъ отъ своего собственнаго лица къ здѣшнимъ начальникамъ просьбу въ пользу бывшаго въ Россіи Японца Леонзайма, который, по дошедшему до Г. Миницкаго

Digitized by Google

слуху (*), навлекъ на себя гнѣвъ своего правительства. Послѣ переводчики намъ сказали, что сіе человѣколюбивое сострадаціе Г. Миницкаго о несчастіи чужестранца, и похвальное желаніе предстательствомъ своимъ облегчить его участь, понравились чрезвычайно здѣшнему губернатору и всѣмъ начальникамъ, которые превозносили поступокъ сей до небесъ, и говорили, что теперь сидящіе въ столицѣ старики (**) узнаютъ свою ошибку, и увѣрятся, что Русскіе не медвѣди и не дикіе, а народъ человѣколюбивый и сострадательный.

Въ тотъ же день отъ переводчика узнали мы, что у Г. Рикорда есть письмо и подарки къ Матсмайскому Губернатору отъ Иркутскаго Гражданскаго Губернатора, и что Г. Рикордъ намѣренъ самъ вручить оные японскимъ чиновникамъ, для чего и назначенъ будетъ день, когда онъ долженъ пріѣхать на берегъ; на шлюпкахъ же встрѣтить Г. Рикорда, чтобъ съ нимъ видѣться и переговаривать, японскіе чиновники не могутъ. Это извѣстіе нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей не мало встревожило; они думали: къ какой стати Японцы, не освободивъ ни одного изъ насъ, хотятъ, чтобъ второй начальникъ корабля пріѣхалъ къ нимъ, поступивъ такимъ образомъ съ первымъ? Они съ большимъ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидали, чѣмъ свиданіе это кончится. Оно наконецъ произошло 30-го Сентября. Во все продолженіе онаго, къ намъ приходили нѣсколько Японцевъ и приносили грубо сдѣланныя ни на что не похожія изображенія (по мнѣнію ихъ) нашихъ офицеровъ и матросовъ, говоря, что они сняли ихъ на мѣстѣ; но о переводчикѣ сказали, что у него японскія черты лица и вѣрно онъ Японецъ, хотя и въ русскомъ платьѣ. Мы и сами не знали, кто таковъ былъ Киселевъ, и когда переводчики изъясняли намъ письмо, полученное отъ Г. Рикорда изъ Эдомо, писанное на Японскомъ Языкѣ пере-

(*) Такатай-Кахи сообщилъ о семъ Г. Рикорду.

(**) Разумѣя тѣхъ членовъ верховнаго своего правленія, которые дурно мыслятъ о Россіи и противятся каждому дружескому сношенію съ нею.

Digitized by Google

толмачомъ Киселевымъ, то на вопросъ ихъ, кто онъ таковъ, мы сказали: думаемъ, какой нибудь Иркутскій житель, выучившійся ихъ языку у оставшихся добровольно тамъ Японцевъ. По окончаніи первой конференціи, переводчики тотчасъ прибѣжали къ намъ сказать, что губернаторъ позволяетъ намъ взойти наверхъ и посмотрѣть, какъ Г. Рикордъ поѣхалъ назадъ. Взойдя во второй этажъ, мы увидѣли парадную губернаторскую шлюпку (*), ѣдущую съ берегу къ Діанѣ подъ тремя флагами: одинъ изъ нихъ былъ японскій, а другіе два нашъ военный и бѣлый перемирный; но людей, по отдаленности, различить было невозможно. Мы еще не успѣли сойти, какъ Японцы принесли къ намъ для перевода привезенное Г. Рикордомъ письмо, къ чему мы приступили въ ту же минуту. Письмо это Г. Иркутскій Гражданскій Губернаторъ написалъ по первымъ донесеніямъ Г. Рикорда, когда ему не была еще извѣстна японская бумага, въ послѣдствіи отъ нихъ на Діану доставленная. Г. Губернаторъ начинаетъ свое письмо изложеніемъ обстоятельствъ нашего къ нимъ прибытія и коварныхъ поступковъ, посредствомъ коихъ они насъ взяли, и объясняетъ своевольство дѣлъ Хвостова; потомъ проситъ Матсмайскаго Губернатора освободить насъ или вступить въ переговоры съ Г. Рикордомъ, отъ него уполномоченнымъ. Если же ни того, ни другаго безъ воли своего правительства онъ сдѣлать не можетъ, то увѣдомить его, когда и куда долженъ онъ будетъ прислать корабль за отвѣтомъ. Между прочимъ упоминаетъ онъ о посылаемыхъ отъ него подаркахъ, состоящихъ въ золотыхъ часахъ и красномъ казимирѣ, которые онъ проситъ Матсмайскаго Губернатора принять въ знакъ сосѣдственной дружбы. Притомъ говоритъ, что Г. Рикордъ имѣетъ у себя другое къ нему письмо, благодарительное за наше освобожденіе, которое приказано ему тотчасъ, коль скоро насъ освободятъ, вручить Матсмайскому Губернатору. Въ окончаніи же письма упоминается, что къ

(*) По величинѣ своей она болѣе походила на галеру, нежели на шлюпку.

Digitized by Google

оному приложены манжурскій и японскій переводы; но Японцы сказали нам, что здѣсь нѣтъ у нихъ манжурскаго переводчика, а въ японскомъ переводѣ многихъ мѣстъ они понять не могутъ, и потому непремѣнно имъ нужно имѣть нашъ переводъ, которымъ мы занимались болѣе двухъ дней (*); когда же мы его совсѣмъ кончили, переводчики представляли оный губернатору; потомъ опять принесли къ намъ спросить объясненія на нѣкоторыя мѣста. Они очень хвалили содержаніе сего письма, только одно мѣсто въ немъ имъ не нравилось, а именно, гдѣ упоминается; что Его Императорское Величество приписываетъ вѣроломный противъ насъ поступокъ Японцевъ самовольному дѣйствію кунаширскаго начальника, учиненному противъ воли Японскаго Государя. Это конечно не могло имъ нравиться, ибо они сами въ своей бумагѣ признали и намъ сказывали, что мы взяты по повелѣнію правительства (**). Къ крайнему моему сожалѣнію, долженъ я опять говорить о Г. Мурѣ. Бумагу Г. Иркутскаго Губернатора онъ называлъ дерзкою, обидною для Японцевъ; а подарки его столь маловажными, что они годились бы только для какого нибудь малозначащаго японскаго чиновника. Къ счастію нашему, свезенные на берегъ Г. Рикордомъ подарки Японцы изъ любопытства оставили на время у себя, и часы приносили къ намъ на показъ: въ нихъ былъ рѣдкій механисмъ, для Японцевъ удивительный и непонятный: когда заведенъ въ нихъ особенную пружину, полететь

(*) Прежде Японцы и копій съ русскихъ бумагъ у насъ не оставляли, а нынѣ оригинальное письмо Иркутскаго Губернатора, то есть самая важная бумага, изъ Россіи къ нимъ присланная, было у насъ двое сутокъ, даже и на ночь у насъ оставалось. Въ этомъ мы находили хорошій признакъ.

(**) Сначала, какъ насъ взяли, Японцы притворились, что кунаширскій начальникъ употребилъ противъ насъ коварство самъ собою, къ великому неудовольствію ихъ правительства; но послѣ признались, что онъ, какъ и всѣ прочіе начальники приморскихъ мѣстъ, имѣлъ повелѣніе, буде русскіе корабли появятся у ихъ береговъ, стараться обманомъ или силою захватить ихъ.

изображеніе воды, и лошадь начнетъ пить, подынмая и опуская голову нѣсколько разъ. Тогда и Г. Муръ увѣрился, что этотъ подарокъ не такъ-то маловаженъ, какъ онъ представлялъ его. Японцы же увѣряли насъ, что о часахъ такой рѣдкой и удивительной работы, они никогда не слыхивали. По окончаніи всѣхъ изъясненій о переводѣ губернаторскаго письма, переводчики предлагали Г. Рикорду прислать на берегъ то благодарственное письмо, о коемъ Г. Иркутскій Губернаторъ упоминаетъ, но мы имъ на это сказали, что сіе дѣло невозможное, ибо Г. Рикорду предписано вручить сіе письмо Матсмайскому Губернатору уже по освобожденіи нашемъ, и потому онъ не смѣетъ отдать онаго, пока мы еще находимся въ рукахъ Японцевъ. Переводчики возраженіе наше тотчасъ признали справедливымъ, и болѣе уже о письмѣ не упоминали.

Между тѣмъ Такатай-Кахи, котораго Японцы употребляли для словесныхъ сношеній съ Г. Рикордомъ, привезъ своимъ одноземцамъ новость, а они намъ сообщили, что Москва дѣйствительно была взята и сожжена Французами, которые однако жъ послѣ съ великимъ урономъ принуждены были бѣжать изъ Россіи. Такая неожиданная вѣсть крайне насъ удивила; мы съ нетерпѣніемъ желали знать, какъ случились всѣ эти странныя происшествія; почему, съ позволенія Японцевъ, написалъ я къ Г. Рикорду записку, чтобъ онъ прислалъ къ намъ газеты. На другой день переводчики доставили намъ присланный съ Діаны журналъ военныхъ дѣйствій и нѣсколько писемъ на мое имя отъ разныхъ моихъ знакомыхъ и родныхъ. Я тотчасъ объявилъ переводчикамъ, что писемъ своихъ распечатывать и читать не хочу, а просилъ Теске запечатать ихъ въ одинъ пакетъ и отослать обратно на корабль. Переводчики похвалили мое намѣреніе, и согласились доложить о моей просьбѣ начальникамъ. Мнѣ, такъ же какъ и имъ, извѣстно было, что если бъ я письма распечаталъ и прочиталъ, то надлежало бы со всѣхъ списать копіи, перевести ихъ на Японскій Языкъ, и потомъ все это вмѣстѣ отправить въ столицу. Послѣ переводчики объявили мнѣ, что теперь уже до освобожденія нашего писемъ моихъ назадъ послать началь-

Digitized by Google

ники не соглашаются, но запечатали ихъ въ одинъ пакетъ за своими печатьми, и прислали ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я хранилъ его у себя, не распечатывая, пока не пріѣду на корабль. На это условіе я охотно согласился; что же принадлежитъ до журнала, то мы читали его съ нетерпѣніемъ; онъ заключалъ въ себѣ происшествія отъ вступленія непріятеля въ Россію по самую кончину Свѣтлѣйшаго Князя Смоленскаго. Японцы также нетерпѣливо желали знать, какимъ образомъ случился такой чрезвычайный оборотъ, и просили насъ перевести имъ описаніе важнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Когда мы имъ изъяснили, что Французы были окружены въ Москвѣ, принуждены оттуда пробиваться силою, и что почти вся ихъ армія погибла въ Россіи, они вдругъ захлопали въ ладоши, восхваляя Князя Смоленскаго, и говоря, что онъ это сдѣлалъ по-японски, ибо ихъ правило войны предписываетъ заманивать непріятеля какъ можно далѣе внутрь земли, сбирая между тѣмъ со всѣхъ сторонъ людей, и потомъ окружить его.

3-го Октября позволено намъ было въ первый разъ видѣть Такатая-Кахи; онъ пришелъ къ намъ съ переводчиками, возвратясь съ Діаны. Почтенный старикъ не умѣлъ говорить по-русски, но объяснялся съ нами на Японскомъ Языкѣ посредствомъ переводчиковъ. Съ величайшею похвалою и сердечною благодарностью относился онъ о поступкахъ съ нимъ Г. Рикорда, офицеровъ Діаны и служителей, и вообще всѣхъ Русскихъ, которыхъ онъ зналъ въ Камчаткѣ. Видѣвъ человѣка, недавно пріѣхавшаго изъ Россіи, мы хотѣли бы много кое-о чемъ его спросить, но онъ не былъ въ состояніи удовлетворить нашему любопытству, потому что обстоятельства, для насъ важныя, а ему чуждыя, не могли доходить до его свѣдѣнія. Разставаясь съ нами, онъ просилъ меня увѣдомить Г. Рикорда письмомъ, что онъ видѣлся съ нами. На это я охотно согласился, а онъ взялся лично доставить къ нему мою записку.

Наконецъ переводчики, по повелѣнію своего начальства, объявили намъ, что губернаторъ бумаги, привезенныя Г. Рикордомъ, находитъ совершенно удовлетворительными, почему и рѣшился насъ освободить; но прежде нежели

Digitized by Google

послѣдуетъ отправленіе наше на Діану, я долженъ на берегу имѣть свиданіе съ Г. Рикордомъ, и вотъ для чего именно: такъ какъ я уже зналъ строгость японскихъ законовъ и точность, съ какою ихъ исполняютъ, а также отчасти и обыкновенія Японцевъ намъ были извѣстны, то и надлежало мнѣ лично объяснить Г. Рикорду слѣдующее: первое, что Японцы ни малѣйшей непріязни къ Россіи не имѣютъ, но подарковъ, присланныхъ отъ Иркутскаго Губернатора, Матсмайскій Губернаторъ принять не можетъ, ибо взявъ оные, онъ долженъ былъ бы взаимно и отъ себя послать подарки, что запрещается японскими законами, и потому Японцы просятъ, чтобъ возвращеніемъ подарковъ мы не оскорбились. Второе, на бумагу ихъ, посланную къ Г. Рикорду нынѣшняго года въ Кунаширъ, полный и удовлетворительный отвѣтъ заключается въ письмѣ начальника Охотской Области, а потому въ объявленіи, которое ихъ губернаторъ письменно сдѣлаетъ Г. Рикорду, только о сей одной бумагѣ упомянуто будетъ. Третье, такъ какъ дѣло будетъ кончено по письму начальника Охотскаго Порта, письмо же Г. Иркутскаго Губернатора писано тогда, когда ему не были извѣстны многія обстоятельства, сопряженныя съ поступками Хвостова, и притомъ не зналъ онъ намѣренія Японскаго Правительства объясниться по сему предмету съ Россіею, то Матсмайскій Губернаторъ не можетъ отвѣчать на сіе письмо. Четвертое, Японцы просятъ Г. Рикорда, написать къ первымъ двумъ по Матсмайскомъ Губернаторѣ чиновникамъ письмо, объясняющее имъ, что Г. Иркутскій Губернаторъ не знаетъ ни о бумагахъ, самовольно оставленныхъ Хвостовымъ въ японскихъ селеніяхъ, ни о ложномъ извѣщеніи Курильцевъ, а также и желаніе Японскаго Правительства снестись съ Россіею ему извѣстно не было, когда онъ писалъ къ Матсмайскому Губернатору. И наконецъ, пятое, чтобы Г. Рикордъ, на объявленіе Матсмайскаго Губернатора, съ котораго копія при свиданіи нашемъ ему показана будетъ, написалъ отвѣтъ, что русскій переводъ сего объявленія онъ понялъ хорошо, и по возвращеніи въ Россію, не упуститъ представить оный своему Правительству.

Digitized by Google

3-го Октября былъ день, назначенный для свиданія моего съ Г. Рикордомъ. Японцы предлагали и Г. Муру быть при семъ случаѣ со мною вмѣстѣ, но онъ, къ немалому ихъ и всѣхъ насъ удивленію, отказался отъ свиданія. Г. Хлѣбниковъ желалъ имѣть удовольствіе видѣться съ своими сослуживцами и соотечественниками; однако жъ Японцы не позволили, отговариваясь, что Г. Мура, въ нынѣшнемъ его полоуміи и съ такимъ разстроеннымъ воображеніемъ, нельзя оставить безъ собесѣдника, который былъ бы въ состояніи его занимать. Поутру, въ назначенный для свиданія день, переводчики принесли ко мнѣ одинъ мою шляпу, а другой саблю, и вручили съ знаками большаго почтенія, поздравляя насъ съ непритворнымъ удовольствіемъ. Платье надѣлъ я, по просьбѣ Японцевъ (фуфайку и шаровары изъ богатой шелковой матеріи), то самое, которое они сшили намъ еще въ Матсмаѣ нарочно съ тѣмъ, чтобъ намъ въ немъ явиться на свой корабль (*). Правда, что при такомъ одѣяніи сабля и треугольная шляпа не слишкомъ были бы кстати въ глазахъ Европейцевъ, но какъ для Японцевъ все равно, и они, возвративъ оружіе, не считали насъ уже плѣнными, то я, желая сдѣлать имъ удовольствіе, не отрекся, по просьбѣ ихъ, показаться моимъ соотечественникамъ въ такомъ странномъ

(*) Когда Японцы хотѣли намъ сшить нарядное платье, приносили къ намъ нѣсколько кусковъ богатой шелковой матеріи, похожей на камку, разныхъ цвѣтовъ, изъ коихъ каждый лежалъ въ особенномъ ящикѣ. Они хотѣли, чтобъ мы сами выбрали себѣ матерію, каждый по своему вкусу, но мы этотъ выборъ предоставили имъ, отзываясь тѣмъ, что для насъ всѣ цвѣта равны; однако жъ они непремѣнно требовали, чтобъ мы выбрали матерію по своему желанію, ибо такъ приказано изъ столицы, потому я и показалъ на первый, стоявшій ближе всѣхъ ко мнѣ ящикъ. Другіе мои товарищи сдѣлали то же, не заботясь ни мало о выборѣ; однако жъ Японцы открыли всѣ ящики, чтобъ мы могли видѣть разныя матеріи, говоря: правительство ихъ предписало сшить намъ платье изъ лучшей матеріи, какая только есть въ Матсмаѣ и по собственному нашему выбору, потому и должно имъ показать намъ все.

Digitized by Google

нарядѣ, въ которомъ имъ трудно было меня узнать. Притомъ надобно сказать, что для легкости я носилъ волосы вкружекъ по-малороссійски. Жаль только, что въ Хакодаде, когда намъ объявили о намѣреніи Японцевъ насъ отпустить, я выбрилъ длинную свою бороду, и тѣмъ причинилъ немаловажный недостатокъ въ теперешнемъ моемъ нарядѣ.

Мѣсто нашего свиданія назначено было на самомъ берегу, въ прекрасной комнатѣ таможеннаго суда, и оно долженствовало происходить въ присутствіи трехъ переводчиковъ (*), академика и нѣкоторыхъ другихъ нижняго класса чиновниковъ. Около полудня привели меня въ таможенный домъ, у котораго было собрано множество солдатъ, въ богатомъ парадномъ платьѣ (**). Переводчики и я вошли въ комнату, назначенную для нашего свиданія. Японцы сѣли на полъ по своему обычаю, а мнѣ дали стулъ. Вскорѣ послѣ насъ и Г. Рикордъ прибылъ на губернаторской шлюпкѣ съ однимъ офицеромъ Савельевымъ, переводчикомъ Киселевымъ и небольшимъ числомъ нижнихъ чиновъ, которые остались на площади передъ домомъ, а Гг. Рикордъ, Савельевъ и Киселевъ вошли въ ту комнату, гдѣ я находился. Предоставляю читателю самому судить, что мы чувствовали при первомъ нашемъ свиданіи! Японцы тотчасъ подали Г. Рикорду стулъ, и переводчики, сказавъ намъ, что мы можемъ говорить между собою сколько времени угодно, отошли въ сторону, занялись своими разговорами, не мѣшая намъ, и не подслушивая что мы говоримъ.

(*) Включая въ то число и переводчика Голландскаго Языка.

(**) Японскіе солдаты, въ большія празднества или при такихъ необыкновенныхъ случаяхъ, какъ пріемъ чужестранцевъ, надѣваютъ шелковое или бархатное, вышитое шелкомъ, золотомъ и серебромъ, платье, наподобіе обыкновенныхъ ихъ халатовъ съ широкими рукавами, только гораздо короче, такъ что оно немногимъ длиннѣе нашихъ женскихъ мантилій. Платье это императорское, и хранится въ казенныхъ магазинахъ, а солдатамъ выдается на время, когда нужно; въ немъ единообразія нѣтъ; все оно сшито изъ разныхъ матерій и вышито узорами.

Digitized by Google

Всякъ легко можетъ себѣ представить, что при первой нашей встрѣчѣ радость, удивленіе и любопытство мѣшали намъ, при взаимныхъ другъ другу вопросахъ и отвѣтахъ, слѣдовать какому либо порядку. Г. Рикордъ желалъ слышать что съ нами случилось въ плѣну; мнѣ хотѣлось знать, что дѣлается у насъ въ Россіи; отчего происходило. что мы, оставивъ одинъ предметъ недоконченнымъ, обращались къ другому и т. д. Наконецъ я сообщилъ ему главную цѣль нашего свиданія, и объявилъ желанія Японцевъ, а онъ сказалъ мнѣ о предписаніяхъ, данныхъ ему отъ Г. Иркутскаго Гражданскаго Губернатора касательно постановленія, съ обоюднаго согласія, между двумя государствами границъ и взаимныхъ дружескихъ связей. Принявъ въ разсужденіе настоящее положеніе дѣлъ, мы согласились, что требованія Японцевъ справедливы, и мы должны удовлетворить имъ, а предлагать о постановленіи границъ и сношеній теперь не время, и вотъ почему именно: мы уже знали по бумагамъ, прежде нами переведеннымъ, на какомъ основаніи дозволено было Японскимъ Правительствомъ здѣшнему губернатору, освободить насъ, и какое объявленіе предписано ему было намъ сдѣлать; слѣдовательно, на всѣ другія новыя предложенія съ нашей стороны не могъ онъ дать ни какого отвѣта безъ предписанія изъ столицы, въ ожиданіи коего кораблю нашему непремѣнно надлежало бы остаться зимовать въ Хакодаде. Зимовать же здѣсь и не быть въ полной зависимости у Японцевъ невозможно, ибо хотя гавань и не мерзнетъ, но зима бываетъ жестокая и продолжительная; въ теченіе ея люди, живучи безпрестанно на кораблѣ, могли подвергнуться разнымъ опаснымъ болѣзнямъ, отчего корабль дошелъ бы до такого положенія, что и возвратиться не былъ бы въ состояніи; сверхъ того свирѣпствующими здѣсь въ зимнее время бурями могло сорвать его съ якорей и бросить на берегъ. Если же выпросить у Японцевъ позволеніе жить людямъ на берегу, а корабль, разснастивъ, поставить въ безопасное мѣсто, то, по ихъ законамъ, надобно было бы всему экипажу жить на такомъ же основаніи, на какомъ Г. Резановъ съ своею свитою жилъ въ Нангасаки, то есть всему кораблю добро-

Digitized by Google

вольно отдаться въ руки Японцамъ, и притомъ въ такое время, когда мы должны были предъявить имъ свои права на три острова, по мнѣнію нашему несправедливо ими занимаемые. Сверхъ того переводчики нѣсколько разъ говорили мнѣ стороною (*), что не взирая на неблагопріятный отвѣтъ Японскаго Правительства, случай къ возстановленію между Россіею и Японіею дружескихъ связей еще не ушелъ: надобно только, чтобъ съ нашей стороны поступали осторожно; въ слѣдствіе сего онъ далъ мнѣ знать объ одномъ средствѣ, которое въ повѣствованіи моемъ было бы лишнимъ; почему я объ немъ здѣсь и не упоминаю.

Когда Г. Рикордъ и я кончили нашъ разговоръ, и согласились на мѣры, которыя намъ должно предпринять, тогда Японцы показали ему русскій переводъ объявленія Матсмайскаго Губернатора, а онъ написалъ требуемыя ими бумаги, которыя Теске перевелъ на Японскій Языкъ, и, показавъ своимъ начальникамъ, далъ намъ знать, что они ихъ одобрили. Послѣ сего Японцы подчивали насъ чаемъ и конфектами, не давая ни малѣйшаго знака, что свиданіе наше слишкомъ продолжительно. Наконецъ мы уже сами видѣли, что намъ пора разстаться. Я проводилъ своихъ друзей до самой шлюпки; они поѣхали на корабль, а я возвратился домой.

Товарищи мои съ нетерпѣніемъ ожидали моего возвращенія. Я разсказалъ имъ все слышанное мною отъ Г. Рикорда о политическихъ происшествіяхъ въ Европѣ, о разныхъ обстоятельствахъ непріятельскаго нашествія на Россію, о нѣкоторыхъ перемѣнахъ случившихся у насъ въ послѣдніе годы, о нашихъ родныхъ, знакомыхъ и прочее. Я скрылъ отъ нихъ только два обстоятельства: первое, что Японцы, посредствомъ Такатая-Кахи, узнали о повелѣніяхъ, данныхъ Г. Рикорду касательно постановленія границъ, и еще то, что переводчикъ Киселевъ природный Японецъ; я утаилъ это съ тѣмъ, чтобъ не причинять безпокойства и страха наиболѣе мнительнымъ изъ моихъ товарищей, которые до послѣдней минуты сомнѣвались еще въ искрен-

(*) А ихъ слова всегда были выраженіемъ мыслей губернатора.

ности Японцевъ. Обстоятельства, съ коими сопряжены были плаванія Г. Рикорда къ здѣшнимъ берегамъ, показали намъ, сколь много обязаны мы ему за свое освобожденіе, что яснѣе будетъ видно изъ его повѣствованія, а я долженъ сказать, что послѣдній его отважный шагъ (*), когда онъ рѣшился ѣхать въ городъ для свиданія съ японскими чиновниками, весьма много способствовалъ къ счастливому окончанію переговоровъ, ибо переводчики еще прежде намъ говорили, что если Г. Рикордъ не согласится ѣхать на берегъ, то отъ сего произойдутъ великія затрудненія, и они не понимаютъ, какъ тогда дѣло кончится.

6-го Октября поутру, переводчики вручили, съ знаками почтенія, сабли и шляпы Гг. Хлѣбникову и Муру, и сказали, что сего числа мы должны явиться къ губернатору, и выслушать объявленіе его о нашемъ освобожденіи, для

(*) Мы не имѣли причины подозрѣвать, чтобъ Японцы съ Г. Рикордомъ поступили такъ же вѣроломно, какъ съ нами, ибо торжественное объявленіе губернатора, что онъ имѣетъ повелѣніе, получивъ удовлетворительный отвѣтъ на ихъ бумагу, освободить насъ, перемѣщеніе наше въ домъ, хорошее содержаніе, словомъ все могло увѣрить насъ въ противномъ; но Г. Рикорду эти происшествія не были извѣстны, а слышалъ онъ отъ Симанова, что мы всѣ находимся въ заключеніи въ одномъ мѣстѣ и на одномъ содержаніи. Притомъ и я, письмомъ, съ симъ матросомъ посланнымъ, просилъ его не подвергаться опасности, и не иначе переговариваться съ японскими чиновниками, какъ на шлюпкѣ, далѣе пущеннаго выстрѣла отъ крѣпостей. Слѣдовательно, смѣлая его рѣшительность ѣхать въ городъ и притомъ на японской, а не на своей шлюпкѣ, происходила не отъ увѣренности въ безопасности, а отъ весьма разсудительной и великодушной причины: бывъ присланъ съ офиціальными бумагами отъ губернатора пограничной русской губерніи къ японскому пограничному губернатору, и имѣя порученіе съ нимъ переговариваться, онъ не жалѣлъ себя, зная, что, въ случаѣ вѣроломства Японцевъ, Діана доставила бы извѣстіе о ихъ поступкѣ въ Россію; и тогда Японцамъ надлежало бы отвѣтствовать за нарушеніе важнѣйшаго изъ народныхъ правъ, ибо въ лицѣ Г. Рикорда они долженствовали признавать посланника.

Digitized by Google

чего совѣтовали они намъ одѣться въ лучшее наше платье, сшитое въ Японіи, и представиться губернатору въ сабляхъ; на это мы охотно согласились. Около полудня повели насъ въ замокъ, и въ домѣ главнаго начальника, гдѣ жилъ губернаторъ, троихъ насъ ввели въ одну комнату, очень хорошо отдѣланную, а матросовъ и Алексѣя въ другую. Чрезъ нѣсколько минутъ привели Гг. Хлѣбникова, Мура и меня въ большую залу, гдѣ находились всѣ бывшіе тогда въ городѣ чиновники, академикъ и переводчики: ихъ было болѣе двадцати; всѣ они сидѣли въ два ряда по обѣимъ сторонамъ залы, куда скоро и губернаторъ вышелъ въ сопровожденіи своей свиты; онъ занялъ свое мѣсто; чиновники оказали ему почтеніе; мы ему поклонились по европейскому обычаю, и онъ намъ отвѣчалъ: все это происходило по-прежнему, съ тою только разностью, что оруженосецъ губернаторскій нынѣ не положилъ сабли подлѣ губернатора, какъ то прежде бывало, но сидя за нимъ, держалъ ее обѣими руками за конецъ, ефесомъ вверхъ, нѣсколько возвысивъ. Съ самаго начала губернаторъ вынулъ изъ-за пазухи большой листъ бумаги, и поднявъ оный вверхъ, сказалъ: «это повелѣніе правительства!» Переводчики перевели намъ эти слова, а чиновники сидѣли, опустивъ глаза, и не дѣлая ни малѣйшаго движенія. Потомъ, развернувъ бумагу, сталъ онъ читать вслухъ, и по прочтеніи велѣлъ перевести намъ въ короткихъ словахъ то же, что пространнѣе написано было въ бумагѣ, для насъ назначенной, которую мы перевели еще прежде (*), то есть, что поступки Хвостова были причиною взятія насъ въ плѣнъ Японцами, а теперь губернаторъ, увѣрившись въ томъ, что онъ дѣйствовалъ своевольно, освобождаетъ насъ по повелѣнію правительства, и что завтрашній день должны мы будемъ отправиться на корабль. Коль скоро переводчики изъяснили намъ содержаніе сего объявленія, и доложили губернатору, что мы оное поняли, тогда онъ послалъ одного изъ старшихъ чиновниковъ съ Кумаджеромъ объявить то же матросамъ, а между тѣмъ вынулъ

(*) О ней упомянуто выше.

Digitized by Google

другую бумагу, которую прочитавъ вслухъ, велѣлъ Теске перевести оную намъ, и потомъ отдать ее мнѣ навсегда: она содержала въ себѣ губернаторское намъ поздравленіе и вотъ точный переводъ:

«Съ третьяго года вы находились въ пригряничномъ японскомъ мѣстѣ и въ чужомъ климатѣ, но теперь благополучно возвращаетесь; это мнѣ очень пріятно. Вы, Г. Головнинъ, какъ старшій изъ своихъ товарищей, имѣли болѣе заботы, чѣмъ и достигли своего радостнаго предмета, что мнѣ также весьма пріятно. Вы законы земли нашей нѣсколько познали, кои запрещаютъ торговлю съ иностранцами и повелѣваютъ чужія суда удалять отъ береговъ нашихъ пальбою, и потому, по возвращеніи въ ваше отечество, о семъ постановленіи нашемъ объявите. Въ нашей землѣ желали бы сдѣлать всѣ возможныя учтивости, но не зная обыкновеній вашихъ, могли бы сдѣлать совсѣмъ противное, ибо въ каждой землѣ есть свои обыкновенія, много между собою разнящіяся, но прямо добрыя дѣла вездѣ таковыми считаются; о чемъ также у себя объявите. Желаю вамъ благополучнаго пути.»

Мы благодарили губернатора за оказанныя намъ милости. Выслушавъ нашу благодарность, онъ вышелъ; тогда и намъ велѣно было возвратиться въ свой домъ. При всѣхъ сихъ происшествіяхъ на лицѣ Г. Мура не видно было ни малѣйшихъ знаковъ радости или удовольствія; онъ только безпрестанно повторялъ Японцамъ, что недостоинъ такихъ милостей. Когда мы возвратились домой, начали приходить къ намъ съ поздравленіемъ всѣ чиновники, солдаты и многіе другіе Японцы, а первые три по губернаторѣ начальника принесли съ собою письменное поздравленіе, которое вручили мнѣ, чтобъ я хранилъ оное въ память нашего знакомства. Вотъ оно въ переводѣ.

Отъ Гинміягъ.

«Всѣ вы долго находились здѣсь, но теперь, по приказу Обуніо-Самы, возвращаетесь въ свое отечество; время отбытія вашего уже пришло, но, по долговременному вашему здѣсь пребыванію, мы къ вамъ привыкли, и разставаться

Digitized by Google

намъ съ вами жалко. «Отъ восточной нашей столицы до острова Матсмая разстояніе весьма велико, и по приграничности сего мѣста во всемъ здѣсь недостаточно; но вы перенесли жаръ, холодъ и другія перемѣны воздуха, и готовы къ благополучному возвращенію; о собственной вашей радости присемъ не упоминайте, мы и сами оную чувствуемъ и съ нашей стороны сему счастливому событію радуемся. Берегите себя въ пути; о чемъ и мы молимъ Бога; теперь, желая съ вами проститься, написали мы сіе.»

Дѣйствительно, Японцы непритворно радовались нашему счастію. Переводчики сказали намъ, что старшій изъ священниковъ здѣшняго города просилъ и получилъ отъ губернатора позволеніе, пять дней сряду приносить молебствіе въ храмѣ о благополучномъ нашемъ возвращеніи въ Россію.

Въ тотъ же день (6-го Октября) Японцы послали одного изъ чиновниковъ и переводчика Кумаджеро на нашъ корабль увѣдомить Г. Рикорда, что послѣдовало формальное отъ губернатора объявленіе о нашемъ освобожденіи, о чемъ, по желанію ихъ, я написалъ къ нему письмо. Вечеромъ переводчики въ верхнихъ комнатахъ нашего дома, по приказанію губернатора, угощали насъ ужиномъ, который состоялъ изъ девяти или десяти разныхъ блюдъ, большею частію лучшей рыбы, приготовленной въ разныхъ видахъ, дичины, гусей и утокъ. За ужиномъ подчивали насъ лучшею японскою сагою; а по окончаніи угощенія принесли въ комнату нѣсколько ящиковъ съ лакированною посудою разнаго рода, назначенною намъ въ подарки, будто бы отъ самихъ переводчиковъ за книги, которыя правительство позволило имъ принять отъ насъ, а впрочемъ ничего другаго брать имъ не велѣло (*); между тѣмъ намъ

(*) Японцы имѣли роспись всѣмъ нашимъ вещамъ, до коей, за нѣсколько дней до освобожденія нашего, они ихъ пересматривали, и не нашедъ нашихъ панталонъ, которые мы разрѣзали на куски и роздали караульнымъ, хотѣли знать что съ ними сдѣлалось; мы отвѣчали, что отдали нѣкоторымъ изъ ихъ солдатъ, но кому именно, не хотѣли сказать; однако жъ переводчики настаивали, что имъ непремѣнно нужно знать, кто именно получилъ наши вещи, ибо безъ того они (перевод-

Digitized by Google

очень хорошо; было извѣстно, что подарки сіи сдѣланы были на счетъ правительства.

На другой день поутру (7-го Октября), одѣлись мы въ лучшее наше платье, а работники и караульные стали увязывать и укладывать въ ящики постели наши и другое имущество, не оставляя ни какой бездѣлицы, и все это выносили въ сѣни. Наконецъ, около половины дня, повели насъ всѣхъ къ берегу, а за нами въ то же время множество рабочихъ людей несли всѣ наши вещи, сдѣланные намъ подарки и назначенные въ дорогу для насъ съѣстные припасы (*). На берегу меня, Гг. Хлѣбникова и Мура ввели въ одну небольшую каморку, какого-то строенія, бывшаго подлѣ таможеннаго дома а матросовъ въ другую. Чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ Г. Рикордъ, въ сопровожденіи Г. Савельева, переводчика Киселева и небольшаго числа нижнихъ чиновъ. Его, съ двумя офицерами, ввели въ ту же самую залу, гдѣ я съ нимъ имѣлъ свиданіе, а вскорѣ послѣ того и мнѣ, съ Гг. Хлѣбниковымъ и Муромъ, велѣно было войти туда же. Тамъ находились, въ числѣ многихъ другихъ чиновниковъ, два первые по губернаторѣ начальника, Самбей и Хіогоро; они сидѣли рядомъ въ такомъ положеніи въ разсужденіи прочихъ чиновниковъ, въ какомъ губернаторъ обыкновенно садился, а для насъ стулья были поставлены противъ нихъ. Сначала старшій изъ нихъ приказалъ одному изъ чиновниковъ нижняго класса поднести Г.

[illegible]

чики) могутъ попасться въ бѣду. Если со временемъ откроется правительству какимъ бы то ни было случаемъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ вещей остались здѣсь, тотчасъ примутся за нихъ, ибо однимъ переводчикамъ теперь предоставлено имѣть попеченіе о сохраненіи нашего имущества. Впрочемъ они насъ увѣряли, что этимъ людямъ ничего дурнаго не будетъ, а только отберутъ отъ нихъ полученныя ими вещи; однако жъ мы настояли на своемъ, и увѣрили ихъ, что бѣды имъ быть не можетъ, ибо вещи наши такія же точно, какія и всѣ другіе Европейцы имѣютъ, слѣдовательно правительство не можетъ заключить, чтобъ онѣ попали въ Японію не отъ Голландцевъ.

(*) Пятьдесятъ мѣшковъ пшена, нѣсколько боченковъ саки, множество соленой и свѣжей рыбы, рѣдьки и прочаго.

Рикорду, стоявшій тутъ высокій на ножкахъ подносъ, на коемъ лежалъ ящикъ, а въ немъ было, завернутое въ шелковую матерію, объявленіе Матсмайскаго Губернатора. Чиновникъ поднесъ это Г. Рикорду съ нѣкоторою церемоніею весьма почтительно. Переводъ сего объявленія, по желанію Японцевъ, Г. Рикордъ прочиталъ тутъ же; послѣ сего подали мнѣ бумагу, подъ названіемъ: «Напоминаніе отъ двухъ первыхъ по Матсмайскомъ Губернаторѣ чиновниковъ.» Она была въ такомъ же ящикѣ и также обернута шелковою матеріею, только не на подносѣ, и подалъ ее мнѣ не тотъ уже чиновникъ, который подносилъ Г. Рикорду; хотя я зналъ содержаніе сей бумаги, но долженъ былъ, для порядка, тогда же прочитать ее. Потомъ возвратили они подарки Иркутскаго Губернатора, и показали намъ списокъ съѣстнымъ припасамъ, которые они намѣрены были дать намъ на дорогу. Наконецъ японскіе начальники, пожелавъ намъ счастливаго пути, простились съ нами и вышли. Чрезъ короткое время, когда все было готово къ нашему отправленію, посадили насъ всѣхъ и съ нами вмѣстѣ Такатая-Кахи на губернаторскую шлюпку, и повезли на Діану, а за нами, въ ту же минуту, отвалило множество лодокъ, на которыхъ везли наши вещи, подарки и съѣстные припасы. Когда мы изъ таможеннаго дома шли къ шлюпкѣ, всѣ Японцы, на площади находившіеся, знакомые намъ и незнакомые, прощались съ нами и желали намъ благополучно достигнуть своего отечества. На Діанѣ встрѣчены мы были какъ офицерами, такъ и нижними чинами съ такою радостью или, лучше сказать, восхищеніемъ, съ какимъ только братья и искренніе друзья могутъ встрѣчаться послѣ подобныхъ приключеній. Что же касается до насъ, то послѣ заключенія, продолжавшагося два года, два мѣсяца и двадцать шесть дней, въ которое время, исключая послѣдніе шесть мѣсяцевъ, мы не имѣли ни какой надежды когда либо увидѣть свое отечество, нашедъ себя на императорскомъ военномъ кораблѣ, между своими соотечественниками, между тѣми, съ коими служили мы пять лѣтъ въ одномъ изъ самыхъ дальнихъ, трудныхъ и опасныхъ морскихъ путешествій, и съ коими мы были связаны тѣс-

Digitized by Google

нѣйшими узами дружбы—мы чувствовали то, что читателю легче можно себѣ представить, нежели мнѣ описать.

По заглавію сей книги, съ окончаніемъ предъидущей главы, надлежало бы мнѣ прекратить и повѣствованіе мое; но происшествія, описываемыя въ сей главѣ, имѣютъ столь тѣсную связь съ приключеніями моими въ плѣну у Японцевъ, что, надѣюсь, читатель не сочтетъ прибавленія сего излишнимъ.

Губернаторская шлюпка, на коей пріѣхали мы на корабль, тотчасъ возвратилась на берегъ; на ней отправилъ Г. Рикордъ привезеннаго имъ изъ Охотска Японца, который тамъ оставался за болѣзнію (*); онъ хотѣлъ отослать его еще въ Эдомо, но японскіе чиновники ни тамъ, ни въ Хакодаде его не принимали до сего дня, говоря, что возьмутъ послѣ.

Пополудни пріѣхали къ намъ многіе японскіе чиновники, которые, по рангу своему, были въ третьей и четвертой степеняхъ ниже губернатора, и съ ними бывшіе при насъ переводчики и академикъ. Теске и Кумаджеро привезли мнѣ и Г. Рикорду въ подарокъ по штукѣ шелковой матеріи, лучшаго японскаго чаю, саги и конфектовъ. Гостей своихъ мы угощали чаемъ, сладкою водкою и ликеромъ; два послѣдніе напитка чрезвычайно имъ понравились, такъ что многіе изъ нихъ заговорили повеселѣе. Между тѣмъ Г. Рикордъ вручилъ переводчикамъ благодарственное письмо отъ Г. Иркутскаго Губернатора къ Матсмайскому Губернатору, и какъ онъ имѣлъ съ сего письма копію, то переводчики тутъ же вмѣстѣ съ нами перевели ее на Японскій Языкъ. Въ продолженіе сего посѣщенія

(*) Японецъ этотъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые въ 1811 году претерпѣли кораблекрушеніе на камчатскомъ берегу, гдѣ онъ ознобилъ ногу до такой степени, что не взирая на всѣ старанія нашихъ врачей, долженъ былъ ея лишиться и ходить на деревянной ногѣ, чему Японцы чрезвычайно дивились, ибо у нихъ весьма мало такихъ смѣльчаковъ лекарей, которые научась у Голландцевъ, могутъ дѣлать ампутаціи.

Digitized by Google

Японцы изъявили желаніе видѣть собственноручную подпись Государя Императора. Между моими бумагами, на шлюпѣ остававшимися, находился Высочайшій рескриптъ, данный мнѣ на орденъ Святаго Владиміра. Когда я положилъ листъ сей передъ ними на столъ, и указалъ имя Его Величества, тогда они, наклонивъ головы къ самому почти столу, пребыли въ такомъ положеніи съ полминуты, а потомъ начали разсматривать подпись съ знаками глубокаго благоговѣнія, и наконецъ оставили бумагу на столѣ, изъявивъ къ оной такимъ же образомъ почтеніе, какъ и прежде.

При разставаніи съ нашими друзьями Японцами, мы надѣлили ихъ всѣхъ разными подарками, смотря по важности услугъ, ими намъ оказанныхъ. Они брали ихъ у насъ потихоньку, чтобъ земляки ихъ не могли того видѣть, и такія только вещи, кои могли они спрятать въ широкіе рукава своихъ халатовъ, служащіе имъ вмѣсто кармановъ; но большихъ вещей, изъ коихъ многія мы имъ предлагали, они отнюдь взять не хотѣли. Книги, карты и картины брали явно, безъ всякаго опасенія, напримѣръ: мы подарили имъ атласъ Капитана Крузенштерна, много картъ изъ Лаперузова атласа и разныя другія книги и карты; картины брали они безъ рамъ и безъ стеколъ. Г. Рикордъ подарилъ имъ гравированные портреты Графа Каменскаго и Князя Багратіона, и еще портретъ покойнаго Свѣтлѣйшаго Князя Смоленскаго, нарисованный весьма хорошо карандашемъ, съ гравированнаго портрета, сыномъ Г. Иркутскаго Губернатора. Японцы, узнавъ, какихъ знаменитыхъ людей сіи портреты, приняли ихъ съ восторгомъ и съ величайшею благодарностью, но рамъ и стеколъ не брали: хотя мы и объясняли имъ, что рамы не что иное, какъ простое дерево подъ золотомъ, блестящая бездѣлка, не имѣющая ни какой цѣны, однакожъ они не соглашались взять ихъ, и когда мы имъ сказали, что портрета Князя Кутузова нельзя имъ везти безъ рамки и безъ стекла, ибо карандашъ сотрется, то они отвѣчали, что до берега повезутъ картину въ рукахъ, а тамъ примутъ мѣры сберечь такую рѣдкую вещь. Пока

японскіе чиновники находились у насъ въ каютѣ; палубы нашего корабля были обременены людьми. Солдаты, простой народъ, и даже женщины пріѣзжали смотрѣть руской корабль. Когда же начальники ихъ уѣхали, всѣ они бросились въ каюту. Мы не хотѣли отказать имъ въ удовольствіи видѣть наши рѣдкости, которыя для нихъ были крайне любопытны, а особливо украшенія въ каютѣ, убранной Г. Рикордомъ съ особливымъ вкусомъ. Въ память, что Японцы посѣщали русскій корабль, Г. Рикордъ давалъ каждому изъ нихъ по куску тонкаго краснаго сукна на табачный кошелекъ и по два граненые стеклышка изъ люстры; послѣднія они считали за величайшую рѣдкость; даже и дѣтямъ всѣмъ дѣлали мы подобные подарки, и сверхъ того давали сахару, который отцы ихъ тутъ же у нихъ отнимали, и завернувъ въ бумажку, прятали съ осторожностью. Посѣтители наши не оставляли насъ до самой ночи, только съ захожденіемъ солнца получили мы покой и время разговаривать о происшествіяхъ, въ Россіи случившихся, и о нашихъ приключеніяхъ. . . . . . .

На другой день (8-го Октября) поутру, до пріѣзда Японцевъ, полюбопытствовали мы открыть сундукъ, который привезли съ нами вмѣстѣ съ берега, и, къ великому нашему удивленію, нашли въ немъ всѣ наши вещи, бывшія съ нами: платье, бѣлье, деньги, все, даже до послѣдняго лоскутка и пуговки; на каждой бездѣлицѣ подписано было имя того, кому она принадлежитъ. Въ числѣ прочихъ вещей, оставленныхъ для насъ въ Кунаширѣ Г. Рикордомъ, была бритвенница, а въ ней зеркало (*). Японцы того не знали, и при перевозкѣ оно разбилось въ мелкіе куски; теперь куски нашли мы въ мѣшечкѣ, къ которому привязанъ былъ билетецъ, содержащій извиненіе, что зеркало разбилось въ дорогѣ по незнанію Японцевъ, что оно находилось въ ящикѣ. . . . . . .

Первый, посѣтившій насъ сего числа Японецъ, былъ

(*) У Японцевъ нѣтъ стеклянныхъ зеркалъ, а все металическія; нѣкоторыя изъ нихъ такъ хорошо выполированы, что немного уступаютъ обыкновеннымъ нашимъ зеркаламъ.

Digitized by Google

Такатай-Кахи; онъ пріѣхалъ намъ сказать, что на прежнее наше намѣреніе, которое и онъ очень хвалилъ, Г. Рикорду и мнѣ ѣхать на берегъ съ вымпеломъ къ губернатору (*) и благодарить его лично, японскіе начальники несогласны, и что они просятъ насъ поскорѣе отсюда отправиться, а воду, въ коей корабль нашъ имѣлъ нужду, приказано тотчасъ намъ доставить. Въ слѣдствіе сего множество лодокъ безпрестанно къ намъ пріѣзжали, брали наши бочки, и возвращались съ берега съ водою. На другой день мы были уже въ состояніи отправиться въ путь, но вѣтеръ былъ противный, а 10-го Октября поутру снялись мы съ якоря, и стали лавировать изъ залива. Провожали насъ Теске, Кумаджеро и Такатай-Кахи съ нѣсколькими лодками, присланными для вспомоществованія намъ. Во все время, пока мы лавировали въ гавани, весь берегъ около города усѣянъ былъ народомъ. Наконецъ, когда мы достигли выхода, тогда друзья наши, Японцы, искренно пожелавъ намъ счастливаго пути, простились съ нами. Съ трудомъ могли мы принудить ихъ взять отъ насъ при семъ случаѣ нѣкоторые подарки; они отзывались, что и безъ того много уже получили. При отъѣздѣ ихъ съ корабля, мы кричали имъ, а они намъ: ура! желая другъ другу счастія и скораго заключенія сосѣдственной дружбы и связей между Россіею и Японіею. Японцы, бывшіе на лодкахъ, не переставали намъ кланяться, доколѣ мы могли ихъ видѣть, но наступившій въ то время благопріятный вѣтеръ быстро понесъ корабль, и отдалялъ насъ отъ береговъ, на коихъ испытали мы столь много несчастія и великодушія мирныхъ жителей, называемыхъ у Европейцевъ (можетъ быть уже чрезчуръ просвѣщенныхъ) варварами.

Теперь да позволено мнѣ будетъ сказать мнѣніе мое на замѣчанія нѣкоторыхъ господъ, которые обхожденіе съ нами Японцевъ и согласіе ихъ насъ освободить приписываютъ ихъ трусости, и говорятъ, будто они боялись мще-

(*) Г. Рикордъ не видалъ губернатора, но губернаторъ его видѣлъ: при свиданіи нашемъ на берегу, онъ приходилъ въ таможенный домъ инкогнито, и сидѣлъ за ширмами.

нія Россіи. Я, съ моей стороны, приписываю всѣ поступки Японцевъ, въ разсужденіи насъ, ихъ человѣколюбію, и вотъ почему: если теперь надъ Японцами дѣйствовалъ страхъ, то почему же самый тотъ страхъ не заставилъ ихъ прежде помириться съ нами, но напротивъ того, они рѣшились отражать насъ силою, и велѣли даже сказать Г. Рикорду, что мы всѣ убиты, когда въ самомъ дѣлѣ мы не только были живы, но даже они очень много заботились о сохраненіи нашего здоровья. Впрочемъ читатель, узнавъ изъ сего повѣствованія что нами было сдѣлано для нихъ, и что Японцы сдѣлали для насъ, можетъ самъ выводить свои заключенія.

Въ плаваніи нашемъ отъ Хакодаде до Петропавловской Гавани ничего особенно примѣчанія достойнаго не повстрѣчалось, кромѣ развѣ жестокой, необыкновенной бури, которую мы терпѣли въ одну ночь, бывъ по восточную сторону острова Матсмая. Надобно однако жъ сказать: что ни у Мыса Горна осенью, ни на пути отъ Мыса Доброй Надежды до Новой Голландіи въ зимнее время южнаго полушарія, мы не встрѣчали такой свирѣпой и опасной бури, какую испытали здѣсь; впрочемъ разсказывать, какія мѣры мы брали для спасенія корабля, что мы претерпѣли, какимъ опасностямъ подвергались, кажется, въ повѣствованіи этого рода было бы излишнимъ.

3-го Ноября вошли мы въ Авачинскую Губу. Въ это время года едва обитаемая Камчатка, съ своими горами, сопками и дремучими лѣсами, была покрыта глубокимъ снѣгомъ, но намъ казалась она раемъ, потому что составляла часть Россіи. Первые встрѣтили нашъ корабль Лейтенантъ Якушкинъ, служившій со мною на Діанѣ, и гарнизонной артиллеріи Поручикъ Волковъ. Увидѣвъ меня, они пришли въ такой восторгъ, а особливо первый изъ нихъ, какъ бы видѣли воскресшаго изъ мертвыхъ своего брата. Потомъ пріѣхали Лейтенанты Нарманскій и Подушкинъ, съ коими я тутъ познакомился. Съ ними въ десять часовъ вечера сего же числа, съѣхалъ я на берегъ въ Петропавловскую Гавань.

Теперь я опять обращаюсь къ несчастному моему то-

Digitized by Google

варищу Г. Муру, котораго ужасное раскаяніе заглаживаетъ прежніе его непохвальные поступки, а горькая участь сего офицера должна возбудить въ чувствительныхъ сердцахъ сожалѣніе и въ то же время послужить страшнымъ примѣромъ къ отвлеченію другихъ отъ подобныхъ поступковъ.

Когда мы пріѣхали на Діану въ Хакодаде, и офицеры бросились насъ обнимать въ восторгѣ, Г. Муръ стоялъ неподвиженъ; казалось, онъ совсѣмъ не помнилъ, гдѣ онъ находился, и что съ нимъ дѣлалось. Мы тотчасъ условились въ присутствіи его не говорить о японскихъ нашихъ приключеніяхъ, и не упоминать ничего такого, что могло бы привести ему на память прежнія его дѣла, а напротивъ того, разговаривая безпрестанно о разныхъ происшествіяхъ, случившихся въ Россіи, старались всѣми мѣрами развлекать его мысли; но ничто не могло его утѣшить. Онъ надѣвалъ платье совсѣмъ неприличное его званію, и часто уходилъ въ то мѣсто корабля, которое назначено только для матросовъ; но и съ ними почти ничего не говорилъ; когда же мы его увѣщевали, что напрасно онъ такъ ведетъ себя, что онъ долженъ быть съ нами, а не съ матросами и т. п., тогда обыкновенный его отвѣтъ былъ, что онъ недостоинъ находиться въ обществѣ людей благородныхъ, даже если и матросы имъ гнушаться не будутъ, то и этого для него слишкомъ много. Однакожъ мы старались уговаривать его, и приводили въ каюту, гдѣ онъ по большей части молчалъ. Въ первые дни по выходѣ нашемъ изъ Хакодаде, онъ приходилъ къ намъ пить чай, обѣдать и ужинать; но послѣ пересталъ, а сидѣлъ или лежалъ безпрестанно въ назначенной для него каютѣ; иногда дни по три сряду ничего не пилъ и не ѣлъ, а въ другое время уже съѣдалъ вдругъ слишкомъ много; казалось, что онъ хотѣлъ испортить свой желудокъ, и впасть въ смертельную болѣзнь. Такимъ образомъ велъ онъ себя до Камчатки. Въ Петропавловской Гавани былъ начальникомъ старинный его сослуживецъ и другъ, Лейтенантъ Рудаковъ; онъ недавно женился на молодой дѣвицѣ (*), и жилъ въ довольно про-

(*) На племянницѣ бывшаго Камчатскаго Коменданта, Генералъ-Маіора Петровскаго.

Digitized by Google

сторонномъ домѣ. Мы рѣшились помѣстить Г. Мура къ нему, на что Г. Рудаковъ охотно согласился. Мы надѣялись, что пригожая, веселая, молодая женщина будетъ въ состояніи своими разговорами разсѣять мрачныя мысли, терзавшія духъ его; однако мы ошиблись: онъ ничему не внималъ, но стоялъ неподвижно, какъ прикованный, а иногда уходилъ въ баню или въ другое непристойное мѣсто, и плакалъ тамъ навзрыдъ, проклиная свою судьбу. Однажды перепугалъ онъ Г-жу Рудакову до такой степени, что она, почитая его опаснымъ сумасшедшимъ человѣкомъ, начала бояться жить съ нимъ въ одномъ домѣ; и мы принуждены были помѣстить его къ священнику Петропавловской Гавани, у котораго онъ прежде живалъ и былъ съ нимъ знакомъ коротко; мы полагали, не подѣйствуетъ ли надъ нимъ религія и можетъ быть духовные разговоры священнослужителя его успокоятъ; чего дѣйствительно можно было бы ожидать, если бъ онъ былъ расположенъ внимать убѣжденіямъ священника. Оставшіяся послѣ Г. Мура вещи, когда насъ взяли Японцы, были проданы съ аукціона, и выручено за нихъ нѣсколько тысячъ рублей. Мы совѣтовали ему купить нужное для него платье и проч., но онъ говорилъ, что ему ни денегъ, ничего другаго ненужно, и одѣвался въ старое камчадальское оленье платье, называемое въ томъ краю парками. Наконецъ, совѣсть, безпрестанно его мучившая, заставила его прислать ко мнѣ рапортъ, въ которомъ онъ, называя себя измѣнникомъ, извергомъ и прочимъ, говоритъ, что все это прежде онъ скрывалъ, но нынѣ все, что есть свято, заставило его признаться и донести мнѣ. Рапортъ его былъ написанъ несвязно, и заключалъ въ себѣ непонятныя бредни, которыя ясно показывали, что онъ совершенно потерялъ разсудокъ. Получивъ бумагу, я тотчасъ написалъ къ несчастному моему товарищу утѣшительное письмо, увѣряя его, что вина его совсѣмъ не такъ ужасна, какъ онъ ее себѣ представляетъ, что мы все старое желаемъ забыть; что онъ, бывъ молодъ и здоровъ, можетъ имѣть еще въ жизни своей много случаевъ заслужить свой

Digitized by Google

проступки, до коихъ довело его общее наше ужасное положеніе и отчаяніе, и что наконецъ будущія его заслуги могутъ совершенно успокоить его совѣсть, отъ угрызенія коей онъ теперь такъ мучится. Я просилъ Лейтенанта Рудакова отдать ему мое письмо, и стараться утѣшать его сколько возможно. Послѣ я и самъ приходилъ къ нему съ Г. Рикордомъ: мы употребляли всѣ способы успокоить духъ его, и напослѣдокъ до нѣкоторой степени въ томъ успѣли: онъ началъ говорить уже не тономъ полоумнаго, но очень хорошо, какъ онъ прежде обыкновенно говаривалъ, благодарилъ меня за мое письмо, увѣряя, что чувствуетъ себя недостойнымъ такого снисхожденія. Потомъ, оставивъ прежнее безпрестанное свое уныніе, началъ часто разговаривать съ нашими офицерами, взялъ часть своихъ денегъ на покупку нужныхъ ему вещей, и сдѣлалъ очень хорошій расчетъ что ему нужно было купить, а чрезъ нѣсколько дней изъявилъ желаніе жить въ какомъ нибудь селеніи между Камчадалами, говоря, что тамъ онъ будетъ еще покойнѣе, а здѣсь, безпрестанно встрѣчая русскія лица, не можетъ равнодушно смотрѣть на нихъ, будучи столь много виноватъ передъ Русскими. Желаніе его мы съ общаго согласія рѣшились удовлетворить, полагая, что время можетъ совершенно его успокоить, и что проживъ нѣсколько недѣль между Камчадалами, гдѣ не будутъ встрѣчаться ему ни какіе предметы, могущіе тревожить его воображеніе напоминаніемъ о дѣлахъ его, онъ перестанетъ мучиться, и наконецъ совсѣмъ оставитъ мысли, которыя теперь столь много его терзаютъ. Г. Муръ, получивъ наше согласіе, тотчасъ сталъ сбираться въ дорогу и закупать нужныя ему для сельскаго житья вещи съ весьма покойнымъ духомъ, и такъ разсудительно, какъ въ прежнія времена, чему служители, приставленные къ нему для наблюденія его поступковъ, не менѣе насъ обрадовались, ибо теперь получивъ покой, думали они, ненужно имъ такъ строго за нимъ присматривать, чтобъ онъ не лишилъ себя жизни. Г. Муръ любилъ стрѣлять, и просилъ позволенія пользоваться этимъ удовольствіемъ. Одному изъ приставленныхъ къ нему служителей велѣно

было носить за нимъ ружье, и когда онъ увидитъ птицу, давать ему оное, не отходя отъ него ни на шагъ; но какъ теперь онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, то и приставленные къ нему люди не считали за нужное имѣть за нимъ прежній строгій присмотръ. Однажды, прогуливаясь по берегу Авачинскаго Залива съ ружьемъ, приказалъ онъ бывшему съ нимъ солдату итти домой обѣдать, сказавъ ему съ усмѣшкою, чтобъ онъ ничего не боялся, ибо если бы ему нужно было умертвить себя, онъ могъ бы и дома это сдѣлать ножемъ или вилкою. Солдатъ послушался Г. Мура, но примѣтивъ, что онъ долго не возвращается, пошелъ искать его, и нашелъ на берегу помянутаго залива не Г. Мура, но тѣло, лежавшее въ крови, которое уже замерзло; платье его висѣло на стоявшемъ тутъ столпѣ, а подлѣ него лежало ружье, въ дужку котораго подъ спускомъ, вложена была палка; это доказывало, что онъ спустилъ курокъ ногами, и выстрѣлилъ себѣ въ грудь, гдѣ была большая рана. По вскрытіи тѣла, нашли въ сердцѣ у него два куска свинцу, которые онъ употребилъ вмѣсто пули. На столѣ въ его квартирѣ найдена была бумага, въ коей онъ пишетъ, что свѣтъ ему несносенъ, и что онъ даже воображаетъ, будто и самое солнце съѣлъ. Записка это показывала, что временемъ находило на него сумасшествіе, и что самоубійство совершилъ онъ не въ полномъ умѣ. Такимъ ужаснымъ образомъ несчастный офицеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Муръ, 22-го Ноября 1813 года, кончилъ дни свои, имѣя отъ роду не болѣе тридцати лѣтъ.

Справедливость обязываетъ сказать, что Г. Муръ былъ офицеръ рѣдкихъ достоинствъ: кромѣ наукъ, относящихся къ его званію, онъ зналъ разные иностранные языки, и умѣлъ весьма хорошо рисовать. Онъ любилъ службу, которой себя посвятилъ; былъ усерденъ къ ней и исправенъ въ своей должности; въ обществѣ всѣ находили въ немъ пріятнаго и веселаго собесѣдника. Пятилѣтняя неразлучная наша служба до несчастнаго приключенія, повстрѣчавшагося съ нами въ Кунаширѣ, хорошо познакомила меня съ симъ офицеромъ, и если бъ судьба не опредѣлила мнѣ самому быть очевидцемъ его заблужденія, то я едва ли бы когда

могъ повѣрить, чтобъ онъ былъ въ состояніи впасть въ такіе поступки.

Надъ гробницею его мы всѣ согласились своимъ иждивеніемъ поставить памятникъ съ слѣдующею надписью:

НА СЕМЪ МѢСТѢ ПОГРЕБЕНО ТѢЛО
ФЛОТА МИЧМАНА
ѲЕДОРА ѲЕДОРОВИЧА МУРА,
въ цвѣтѣ лѣтъ
скончавшагося въ Петропавловскомъ Портѣ,
22-го Ноября 1813 года.

Въ Японіи
оставилъ его
провождавшій на пути сей жизни
Ангелъ-Хранитель.
Отчаяніе
ввергло его въ заблужденія.
Жестокое раскаяніе
ихъ загладило;
а
смерть
успокоила несчастнаго.

Чувствительныя сердца!
почтите память его
слезою.

Сей памятникъ воздвигнутъ
офицерами шлюпа Діаны.

2-го Декабря, я и Г. Рикордъ отправились на собакахъ изъ Петропавловской Гавани въ Петербургъ. Новый 1814 годъ встрѣтили мы на той безлѣсной, пустой, необитаемой степи, простирающейся слишкомъ на триста верстъ, которая въ здѣшнемъ краю называется Парапольскимъ Доломъ, гдѣ въ часто случающіяся здѣсь бури и мятели, нерѣдко погибаютъ путешественники. Въ началѣ Февраля, послѣ разныхъ препятствій, пріѣхали мы въ городъ Ижи-

гинскъ, откуда Г. Рикордъ, изъ усердія своего къ службѣ, по дѣламъ, до нея касающимся, добровольно воротился, а я, продолжая путь, 11-го Марта прибылъ въ Охотскъ, проѣхавъ всего разстоянія на собакахъ болѣе трехъ тысячъ верстъ. — Изъ Охотска сначала ѣхалъ я также на собакахъ, потомъ на оленяхъ верхомъ, послѣ на лошадяхъ верхомъ же, а наконецъ, за двѣсти верстъ не доѣзжая Якутска, поѣхалъ въ повозкахъ. Зимнимъ путемъ достигъ я Иркутска въ исходѣ Апрѣля, а въ половинѣ Мая отправился изъ сего города лѣтнею дорогою, и пріѣхалъ въ Петербургъ 22-го Іюля (*). Вскорѣ послѣ моего пріѣзда узналъ я, что Государь Императоръ соизволилъ Всемилостивѣйше пожаловать меня въ чинъ Флота капитана 2-го ранга. Толь неожиданная высокая милость тѣмъ болѣе меня изумила, что, по безпредѣльному вниманію Монарха къ служащимъ во флотѣ, за три года предъ тѣмъ, удостоился я получить, за благополучное преплытіе со ввѣреннымъ начальству моему военнымъ шлюпомъ Діаною, по казеннымъ порученіямъ изъ Кронштадта до Камчатки, и за сохраненіе въ теченіе сего продолжительнаго путешествія здоровья служителей, орденъ Св. Владиміра 4-й степени.

Въ послѣдствіи Государь Императоръ, обративъ Высочайшее вниманіе на службу всѣхъ офицеровъ шлюпа Діаны, Всемилостивѣйше наградилъ: меня и Г. Рикорда (получившаго чинъ капитана втораго ранга вмѣстѣ со мною) пожизненными пенсіонами по 1500 рублей въ годъ, и повелѣніемъ напечатать записки о нашихъ путешествіяхъ на счетъ Кабинета; Лейтенантовъ Якушкина и Филатова орденами Св. Владиміра 4-й степени; Штурмановъ 9-го класса Хлѣбникова, 12-го класса Новицкаго и Средняго, исправлявшаго письменныя дѣла 14-го класса Савельева, лекарей Брандта и Скородумова, и Констапеля Папырина пенсіонами полнаго годоваго жалованья; эконо-

(*) 22-го Іюля 1807 я оставилъ Петербургъ, и точно въ томъ же часу (въ десятомъ по полуночи), въ которомъ нынѣ пріѣхалъ сюда, слѣдовательно путешествія мои продолжались ровно семь лѣтъ.

Digitized by Google

ническаго ученика Новицкаго чиномъ 12-го класса; шхиперскаго помощника Лабутина чиномъ 14-го класса; нижнихъ чиновъ, служившихъ во все время на Діанѣ, пенсіономъ полнаго годоваго жалованья, а бывшихъ въ плѣну четырехъ матросовъ такимъ же пенсіономъ съ позволеніемъ оставить службу, когда пожелаютъ. Прикомандированныхъ же изъ Охотска, единовременною выдачею годоваго жалованья. Переводчикъ Киселевъ награжденъ прибавкою жалованья, а Курильцу Алексѣю, за его усердіе къ Россіи, пожалованъ кортикъ и, вмѣсто пенсіона, по двадцати фунтовъ пороху и по сорока фунтовъ свинца въ годъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

ВАСИЛІЯ МИХАЙЛОВИЧА ГОЛОВНИНА

ВЪ ПЛѢНУ

У ЯПОНЦЕВЪ

ВЪ 1811, 1812 И 1813 ГОДАХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Замѣчанія о Японскомъ государствѣ и народѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1851.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 23-го Ноября 1850 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЯ

О ЯПОНСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ И НАРОДѢ.

Повѣствованіе о моихъ приключеніяхъ въ плѣну у Японцевъ показываетъ уже, сколь малы и ограничены были способы, коими могли мы получать свѣдѣнія, относящіяся до сего народа и государства; слѣдовательно всякое съ моей стороны извиненіе передъ читателемъ въ краткости и недостаткѣ моихъ замѣчаній было бы излишнимъ. Я только за нужное нахожу замѣтить, что большую часть нашихъ свѣдѣній о Японіи мы почерпнули изъ разговоровъ съ бывшими при насъ переводчиками и стражами; но какъ нерѣдко случалось, что объ одномъ и томъ же предметѣ, одинъ изъ нихъ говорилъ то, а другой совсѣмъ противное, то всѣ такіе разсказы оставлялъ я безъ вниманія, а бралъ въ уваженіе только тѣ обстоятельства, которыя были одинаковымъ образомъ разсказаны намъ двумя или тремя Японцами въ разныя времена, и сіи-то замѣчанія я здѣсь сообщаю публикѣ. Если бъ Японія была болѣе извѣстна въ Европѣ, нежели какъ она есть въ самомъ дѣлѣ, то конечно я не смѣлъ бы помѣстить въ моей книгѣ столь недостаточнаго и мало удовлетворительнаго описанія сего удивительнаго государства; но при свѣдѣніяхъ, какія мы имѣемъ о Японцахъ донынѣ, всякое извѣстіе объ нихъ, вѣроятно, будетъ благосклонно принято просвѣщенною частію общества.

Digitized by Google

Хотя замѣчанія мои слишкомъ кратки и могли бы всѣ быть включены въ одну статью. но для сохраненія нѣкотораго порядка, я разсудилъ лучше помѣстить ихъ подъ разными отдѣленіями, смотря по предметамъ, къ коимъ они собственно относятся, а именно:

1. Географическое положеніе, климатъ и пространство Японіи.

2. О происхожденіи Японскагб Народа.

3. О народномъ характерѣ, просвѣщеніи и языкѣ.

4. О вѣроисповѣданіи и обрядахъ богослуженія.

5. О государственномъ правленіи.

6. О законахъ и обычаяхъ.

7. О естественныхъ произведеніяхъ, промышлености и торговлѣ.

8. О народонаселеніи и военныхъ силахъ,— и наконецъ

9. О народахъ, платящихъ дань Японіи, и ея колоніяхъ.

1.

Географическое положеніе, пространство и климатъ.

Географическое положеніе Японскихъ Владѣній, относительно къ равноденственной линіи, соотвѣтствуетъ положенію земель, лежащихъ между южными провинціями Франціи и полуденною частію Марокской Имперіи въ нашей странѣ свѣта, а по долготѣ средина ихъ лежитъ слишкомъ на сто градусовъ восточнѣе Петербурга, или въ такомъ отношеніи, что тамъ солнце восходитъ семью часами ранѣе, нежели въ Петербургѣ. Владѣнія Японскія состоятъ изъ островова, изъ коихъ величайшій и главнѣйшій есть островъ Нифонъ, коего самая большая длина простирается, отъ югозапада къ сѣверовостоку, на 1300 верстъ, а самая большая ширина составляетъ около 260-ти верстъ; къ сѣверу отъ сего острова, въ небольшомъ разстояніи, находится 22-й курильскій островъ Матмай или Матсмай, имѣющій въ окружности до 1400 верстъ, а сѣвернѣе Матсмая находится островъ Сахалинъ, котораго только южная

Digitized by Google

половина принадлежитъ Японцамъ, а другая зависитъ отъ Китайцевъ, и еще три курильскіе острова: Кунаширъ, Чикотанъ и Итурупъ, занятые Японцами. По южную же сторону Нифона находятся острова Кіозу и Сиконфу; они довольно велики: первый въ длину простирается слишкомъ на 300 верстъ, а послѣдній на 200. Кромѣ сихъ осьми, такъ сказать, главныхъ островoвъ, есть еще множество другихъ не столь важныхъ.

Японскія Владѣнія лежатъ на Восточномъ Океанѣ, противъ береговъ Кореи, Китая и Татаріи, отъ коихъ отдѣлены они широкимъ проливомъ, называемымъ Японскимъ Моремъ, а въ узкомъ его мѣстѣ Корейскимъ Проливомъ. Проливъ сей, между южною частью острова Нифона и матерымъ берегомъ, имѣетъ около 140 верстъ ширины, и въ этомъ мѣстѣ находится самая меньшая ширина его, самая же большая ширина Японскаго Моря простирается до 800 верстъ.

Сравнивая, по географической широтѣ, положеніе Японскихъ Владѣній съ положеніемъ земель, лежащихъ подъ тѣми же широтами въ западной части Стараго Свѣта, кажется, можемъ заключить, что и климатъ, годовыя времена и воздушныя перемѣны въ сихъ странахъ сходны; но такое заключеніе было бы весьма несправедливо: несходство въ помянутыхъ отношеніяхъ столь велико, что между ими нѣтъ ни какого сравненія; напримѣръ, упомяну о Матсмаѣ, въ которомъ я жилъ два года. Городъ сей лежитъ подъ 42 градусомъ сѣверной широты, слѣдовательно почти подъ однимъ градусомъ съ Ливорномъ въ Италіи, съ Бильбао въ Испаніи и съ Тулономъ во Франціи; но если станемъ сравнивать климаты сихъ мѣстъ, то увидимъ, что въ европейскихъ странахъ, соотвѣтствующихъ, по географическому положенію, Матсмаю, жители не знаютъ что такое морозъ, и видятъ снѣгъ только на вершинахъ высокихъ горъ, а въ Матсмаѣ замерзаютъ озера и пруды, и снѣгъ лежитъ на равнинахъ и на низменныхъ мѣстахъ съ Ноября по Апрѣль, и притомъ выпадаетъ въ такомъ количествѣ, какъ у насъ въ Петербургѣ; морозовъ жестокихъ хотя здѣсь и не бываетъ, но, судя примѣрно, можно положить, что иногда

Digitized by Google

они простираются до 15° Реомюрова термометра. Лѣтомъ же въ европейскихъ мѣстахъ, лежащихъ подъ одною широтою съ Матсмаемъ, почти безпрерывно продолжаются ясные дни и жары при тихой погодѣ, а въ Матсмаѣ по крайней мѣрѣ два дня въ недѣлю бываютъ проливные дожди, пасмурныя погоды и весьма часто крѣпкіе вѣтры, туманы же почти безпрестанно. Тамъ свободно на открытомъ воздухѣ растутъ апельсины, лимоны, фиги и другіе свойственные теплымъ странамъ плоды, а здѣсь яблоки, груши, персики и виноградъ не достигаютъ полной своей зрѣлости. На островѣ Нифонѣ, главномъ и величайшемъ изъ Японскихъ Владѣній, я самъ не былъ, но слышалъ отъ Японцевъ, что въ столичномъ ихъ городѣ, лежащемъ въ широтѣ 36°, иногда по ночамъ въ зимніе мѣсяцы выпадаетъ снѣгъ на дюймъ и болѣе, который хотя на другой же день сойдетъ, но со всѣмъ тѣмъ, если сравнимъ, что городъ сей въ одной широтѣ съ Малагою въ Испаніи, то увѣримся, что климатъ въ восточныхъ странахъ Стараго Свѣта несравненно холоднѣе нежели въ западныхъ.—Японцы увѣряли насъ, что въ южной сторонѣ Сахалина, находящейся подъ 47 градусомъ широты, часто во все лѣто земля оттаиваетъ не болѣе какъ только на полфута. Если возьмемъ теперь въ сравненіе мѣста въ Европѣ, соотвѣтствующія сей широтѣ, которыя будутъ около Ліона во Франціи, то увидимъ, сколь различны климаты тамошній и здѣшній. Показанія Японцевъ должны быть справедливы, ибо мы и сами въ половинѣ Мая встрѣтили большія поля льдовъ у курильскаго острова Расшуа въ широтѣ 47° 45′, а въ это время года и у насъ, въ Финскомъ Заливѣ, подъ широтою 60-ти градусовъ, уже не видать льда, не смотря на то, что здѣсь тѣсные предѣлы водъ не позволяютъ волнамъ ломать льдовъ, а исчезаютъ они болѣе отъ дѣйствія солнечныхъ лучей; тамъ же, напротивъ того, волненіе океана могло бы истребить ихъ скорѣе, если бъ солнце дѣйствовало съ такою же силою, какъ здѣсь.

Причина столь великаго несходства въ климатахъ заключается въ мѣстныхъ положеніяхъ. Японскія Владѣнія лежатъ на Восточномъ Океанѣ, который можетъ, по справед-

Digitized by Google

ливости, назваться царствомъ тумановъ: въ лѣтніе мѣсяцы на семъ морѣ часто бываютъ по три и по четыре дня сряду безпрестанные туманы, и рѣдкій день проходитъ, чтобъ нѣсколько часовъ не было пасмурности, дождя или настоящаго тумана, а совершенно ясные дни столько же рѣдко случаются лѣтомъ, какъ у насъ, на Западномъ Океанѣ, туманы. Зимою хотя и чаще встрѣчаются хорошія погоды, но со всѣмъ тѣмъ рѣдкая недѣля проходитъ, чтобъ не было два или три дня пасмурныхъ, а это самое причиною, что туманы и пасмурность, охлаждая воздухъ, сообщаютъ ему сырость и влагу, и препятствуютъ солнечнымъ лучамъ дѣйствовать на землю съ такою силою, какъ въ другихъ странахъ, находящихся подъ яснымъ небомъ. Къ сему должно присовокупить, что вся сѣверная часть острова Нифона, Матсмай и Сахалинъ усѣяны превысокими горами, изъ коихъ верщины нѣкоторыхъ по большей части скрываются въ облакахъ; отъ сего происходитъ, что вѣтры, съ сихъ горъ дующіе, приносятъ съ собою, судя по времени года, необычайную стужу. Еще надлежитъ замѣтить, что японскія земли отдѣлены отъ материка Азіи проливомъ, имѣющимъ въ самой большой ширинѣ своей не свыше 800 верстъ, и что манжурскія и татарскія земли, которыя составляютъ восточныя страны Азіи, лежащія противъ сѣверныхъ Японскихъ Владѣній, не что иное какъ обширныя пустыни, покрытыя горами и множествомъ водъ: дующіе съ нихъ вѣтры всегда, даже и лѣтомъ, бываютъ чрезвычайно холодны. Сіи три причины дѣлаютъ столь великую разность въ климатѣ земель, лежанцихъ на восточной сторонѣ Стараго Свѣта и на западной, подъ одной и тою же степенью географической широты.

2.

Происхожденіе Японскаго Народа.

Во всѣхъ книгахъ, писанныхъ Европейцами о Японіи, упоминается, откуда жители сего государства производятъ свое начало; но мнѣнія ихъ о своемъ происхожденіи основаны на баснословіи и ложныхъ преданіяхъ, въ чемъ согласны многіе благоразумные люди и изъ самихъ Японцевъ; на-

Digitized by Google

примѣръ, они сами смѣются надъ баснею, будто бы триста непорочныхъ юношей и столько же невинныхъ дѣвицъ, посланныхъ на островъ Нифонъ однимъ изъ китайскихъ государей, подъ руководствомъ врача, для собиранія растеній, изъ коихъ можно было бы составить питье, дающее безсмертіе, Японію населили. Другія подобныя сказки также не больше уважаются здравомыслящими Японцами. Переводчикъ нашъ Теске и ученый, при насъ бывшій, часто смѣялись въ разговорахъ съ нами на счетъ легковѣрія своихъ соотечественниковъ касательно происхожденія ихъ; напримѣръ. они намъ разсказывали, что у нихъ есть преданіе, будто въ древнѣйшія времена вся земля была подъ водою, въ каковомъ положеніи находилась она несмѣтное число лѣтъ, и Всемогущій Творецъ, котораго Японцы называютъ Тентосама, то есть, небесный владыка, не обращалъ на нее ни какого вниманія; наконецъ старшій изъ его дѣтей (Ками) получилъ дозволеніе привести землю въ порядокъ и населить, для чего, взявъ предлинную булаву, сталъ онъ мѣрить гдѣ меньше глубина, и нашелъ ее на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Японія; тогда, сгребая землю со дна морскаго въ кучу, составилъ онъ островъ Нифонъ, снабдилъ его всѣми произведеніями природы, которыя мы теперь тамъ находимъ, и раздѣливъ себя на два существа, мужеское и женское. населилъ сію новую землю людьми. Другіе божьи дѣти, увидѣвъ работу своего брата, принялись дѣлать то же въ другихъ странахъ, и хотя успѣли составить земли, устроить и населить оныя, но бывъ не такъ искусны какъ старшій ихъ братъ, не могли уже въ созданіи земель и людей достигнуть такого совершенства, а потому теперь мы и видимъ, что Японцы превосходятъ всѣхъ прочихъ жителей Земнаго Шара, и всѣ произведенія Японіи суть самыя лучшія.—Теске, разсказывая объ этомъ преданіи ихъ исторіи, смѣялся и говорилъ, что и по сіе время почти всѣ его соотечественники вѣрятъ этой нелѣпой баснѣ, а многіе утверждаютъ, что часть той булавы, которую прапраотецъ ихъ употреблялъ къ измѣренію глубины, и нынѣ находится въ видѣ никогда неувядающаго дерева на одной изъ высочайшихъ горъ острова Нифона. Японцы имѣютъ

Digitized by Google

множество другихъ, подобно сему *вѣроятныхъ* преданій касательно древности и происхожденія первоначальныхъ жителей ихъ острова, которыми однако жъ я не намѣренъ скучать читателямъ: охотники до нелѣпостей сего рода могутъ и поближе къ намъ сыскать ихъ много безъ помощи японскаго баснословія. Я только упомяну о томъ, чтó ученые люди сего государства думаютъ о происхожденіи своего народа: по ихъ мнѣнію, первоначальное населеніе Японіи скрывается во мракѣ глубочайшей древности, но въ томъ они увѣрены, что Японцы и Курильцы нѣкогда составляли одинъ и тотъ же народъ, и происходятъ отъ одного корня: это доказываютъ они множествомъ схожихъ словъ въ ихъ языкахъ и сходствомъ нѣкоторыхъ мнѣній и преданій, которымъ простой народъ въ Японіи и Курильцы вѣрятъ, а также и нѣкоторые обычаи, издревле общіе обоимъ народамъ, подтверждаютъ сію истину. Языкъ Японцевъ, черты лица, нравы, законы и обычаи, все свидѣтельствуетъ, что они никогда не составляли одного народа съ Китайцами. Японцы даже гнушаются и помыслить, чтобъ Китайцы были ихъ предками; они имѣютъ къ сему народу столь великое пренебреженіе, и до такой степени презираютъ его, что если хотятъ кого назвать плутомъ или бездѣльникомъ, то говорятъ, что онъ настоящій Китаецъ. При всемъ томъ они согласны, что многія поколѣнія въ Японіи происходятъ отъ Китайцевъ. Исторія ихъ не упоминаетъ, чтобы когда нибудь было большое переселеніе народа изъ Китая въ Японію, но думаютъ, что во времена часто случавшихся между сими двумя народами непріязненныхъ дѣйствій, Японія пріобрѣла множество китайскихъ подданныхъ военноплѣнными: ибо, по свидѣтельству Японской Исторіи, Китайцы во всякую войну были побѣждаемы и много теряли, и одна только политика не распространять своихъ владѣній не позволяла Японцамъ совершенно покорить Китайское Государство. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы тщеславіе не заставляло японскихъ историковъ увеличивать свои побѣды, но со всѣмъ тѣмъ нельзя же отвергать, чтобъ они не имѣли и большихъ выгодъ надъ Китайцами въ разныя войны: доказательствомъ

Digitized by Google

сему служитъ большое уваженіе, оказываемое китайскими императорами японскимъ государямъ, и надменность, съ какою Японцы обращаются съ приходящими къ нимъ для торговъ Китайцами. И такъ вѣроятно, что Японцы, дѣлая съ успѣхомъ частые набѣги на китайскіе берега, брали много плѣнныхъ, и приводили ихъ въ рабство. Японскіе историки увѣряютъ также, что нѣкогда селились у нихъ индѣйскіе выходцы, отъ коихъ заимствована господствующая секта ихъ вѣроисповѣданія, которая, какъ по всему видно, есть только переиначенная Вѣра Браминская.

Вотъ все, что здравомыслящіе Японцы считаютъ достовѣрнымъ о своемъ происхожденіи. Они увѣряютъ, что исторія ихъ начинаетъ имѣть нѣкоторую вѣроятность съ начала царствованія нынѣшняго дома Кинъ-Реевъ, или духовныхъ императоровъ, что, по ихъ времясчисленію, случилось слишкомъ за 2400 лѣтъ предъ симъ, то есть болѣе нежели за шесть столѣтій до Рождества Христова. Нѣкоторыя важнѣйшія происшествія, случившіяся въ сіи 24 вѣка, описаны въ ихъ исторіи съ довольною подробностью, а о другихъ упоминается слегка. Также достовѣрно извѣстны имъ имена всѣхъ сего дома духовныхъ императоровъ, порядокъ и годы вступленія ихъ въ правленіе; всѣ же преданія о происшествіяхъ, бывшихъ прежде вышепомянутой эпохи, они почитаютъ баснословными, не заслуживающими ни малѣйшаго вѣроятія, не смотря на то, что объ нихъ упоминаютъ ихъ историки. По поводу разговора нашего о семъ предметѣ, Теске сдѣлалъ мнѣ слѣдующее замѣчаніе. Хотя, говорилъ онъ, преданія такія смѣшны и нелѣпы, но публично опровергать ихъ недолжно: ибо они полезны для государства, потому что даютъ причину народу предпочитать себя всѣмъ другимъ народамъ, и презирать чужіе обычаи и все то, что есть чужое. Японцы же дорого купленнымъ опытомъ узнали, что они всегда были несчастливы, когда хотѣли перенимать чужестранное, и когда допускали иноземцевъ вмѣшиваться въ свои дѣла. Притомъ тотъ же самый предразсудокъ заставляетъ народъ любить страстно свое отечество, и не позволяетъ ему оставлять оное или, такъ сказать, промѣнивать на чужую страну. По мнѣнію

Digitized by Google

Теске и находившагося при насъ ученаго, входить въ изслѣдованіе, откуда какой народъ произошелъ, и какіе народы въ отдаленныя времена составляли одно и то же племя, есть вещь смѣшная и безполезная, достойная только людей праздпыхъ и сочинителей сказокъ: ибо, говорили они, когда старые люди, при насъ еще живущіе, разсказываютъ о происшествіяхъ, въ молодости ихъ случившихся, на разный ладъ, то какъ можно вѣрить преданіямъ, перешедшимъ чрезъ множество поколѣній, или по сходству двухъ или трехъ словъ въ языкахъ разныхъ народовъ, или по одному какому нибудь общему двумъ народамъ обыкновенію считать ихъ происходящими отъ одного корня? Справедливы ли сіи замѣчанія моихъ пріятелей Японцевъ о томъ, я не скажу своихъ мыслей, предоставляя судить о семъ предметѣ людямъ ученымъ.

Въ заключеніе сей статьи замѣчу, что Японцы, даже и свободные отъ предразсудковъ, никакъ вѣрить не хотятъ, чтобы всѣ народы Земнаго Шара происходили отъ одной четы. Въ доказательство своего мнѣнія они приводятъ большое несходство въ наружномъ видѣ между разными народами; напримѣръ, спрашиваютъ они, какъ можно повѣрить, чтобы Голландцы и приходящіе съ ними на корабляхъ негры происходили, за сколько бы то ни было тысячъ лѣтъ, отъ однихъ прапраотцевъ?

3.

Народный характеръ, просвѣщеніе и языкъ.

Японія стала извѣстна Европейцамъ въ половинѣ шестнадцатаго вѣка; первые открыли сіе государство Португальцы: тогда духъ завоеванія новооткрываемыхъ земель господствовалъ надъ сильнѣйшими морскими державами того времени въ высочайшей степени. Португальцы, принявъ намѣреніе покорить Японію, начали, по обыкновенію своему, съ торговли и съ проповѣдыванія мирнымъ жителямъ сего государства Католической Вѣры. Миссіонеры ихъ, прибывшіе въ Японію, сначала умѣли понравиться Японцамъ, и получивъ свободный доступъ во внутренность

Digitized by Google

сей земли, имѣли невѣроятный успѣхъ въ обращеніи новыхъ своихъ учениковъ въ Христіанскую Вѣру; но царствовавшій въ Японіи къ исходу 16-го вѣка свѣтскій императоръ Тейго (*), человѣкъ умный, проницательный и храбрый, скоро примѣтилъ, что Іезуиты болѣе заботились о собираніи японскаго золота, нежели о спасеніи душъ своей паствы, почему и рѣшился истребить Христіанскую Вѣру въ Японіи, и выгнать миссіонеровъ изъ своихъ владѣній. Шарльвуа въ своей исторіи упоминаетъ, будто мысль истребить Христіанскую Вѣру и изгнать миссіонеровъ изъ Японіи, Тейго-Сама получилъ отъ объявленія одного испанскаго корабельщика, который, на вопросъ Японцевъ, какимъ образомъ государи его могли покорить столь обширныя земли во всѣхъ частяхъ свѣта, а особливо въ Америкѣ, отвѣчалъ, что они достигли сего самымъ легкимъ способомъ, а именно, обративъ сперва народы въ странахъ, къ завоеванію предназначенныхъ, въ свою вѣру. Я ничего не могу сказать о справедливости сей повѣсти, но думаю, что Японцамъ она неизвѣстна, а главною или, лучше сказать единственною причиною гоненія на христіанъ полагаютъ они нахальные поступки какъ Іезуитовъ, такъ и Францисканцевъ, присланныхъ послѣ Испанцами, а равнымъ образомъ и жадность португальскихъ купцовъ: тѣ и другіе, для достиженія своей цѣли и для обогащенія своего, дѣлали всякія неистовства; слѣдовательно и менѣе прозорливый государь, нежели каковъ былъ Тейго, легко могъ примѣтить, что пастырями сими управляло одно корыстолюбіе, а вѣра служила имъ только орудіемъ, посредствомъ коего надѣялись они успѣть въ своихъ намѣреніяхъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, только Тейго и его преемники достигли своего желанія изгнаніемъ всѣхъ Европейцевъ (**)

(*) Въ нѣкоторыхъ европейскихъ книгахъ называютъ его Теко-Сама, но Японцы имя сего государя произносятъ: Тейго, а слово *Сама*, значитъ владѣлецъ, которое они прикладываютъ къ имени.

(**) Кромѣ Голландцевъ, которые увѣривъ Японцевъ, что они не христіане, получили позволеніе торговать съ ними,

Digitized by Google

изъ своихъ владѣній и совершеннымъ истребленіемъ Христіанской Вѣры. По крайней мѣрѣ около половины 17-го вѣка уже никто во всей Японіи не осмѣливался явно называться христіаниномъ. Безчестные поступки и алчность вышепомянутыхъ католическихъ проповѣдниковъ и португальскихъ купцовъ возродили въ японскомъ правительствѣ столь великую ненависть къ Христіанской Религіи и ко всѣмъ христіанамъ, что гоненія на нихъ сопровождаемы были ужаснѣйшими мученіями, какія только злоба человѣческая когда либо вымышляла. Въ продолженіе сихъ гоненій въ Японіи были изданы строгія узаконенія противъ всѣхъ христіанъ: не велѣно было ни подъ какимъ видомъ впускать ихъ въ государство, и даже послѣдовало запрещеніе японскимъ кораблямъ ходить въ другія страны для торговли, и объявлено, чтобы японскіе подданные не смѣли ни подъ какимъ видомъ отлучаться изъ отечества, дабы въ чужихъ земляхъ не обратились они въ Христіанскую Вѣру.

Теперь, если разсмотрѣть безъ пристрастія и безъ предразсудковъ суевѣрія, настоящую, хотя впрочемъ скрытную цѣль, побуждавшую Португальцевъ и потомъ Испанцевъ проповѣдывать Католическую Вѣру въ Японіи, неистовые ихъ поступки въ семъ государствѣ, и зло, ими въономъ содѣланное, стараніемъ разрушить искони введенное богопоклоненіе, уничтожить законную власть, и поработить многочисленный, мирный, трудолюбивый и никому ни какого зла не причинившій народъ, чужеземцамъ, съ другаго края свѣта прибывшимъ, и если взять въ разсужденіе, что такое покушеніе наглыхъ лицемѣровъ, нарушивъ общее спокойствіе цѣлаго народа, произвело въ ономъ кровопролитную междоусобную войну, — можно ли обвинить Японцевъ въ тѣхъ жестокостяхъ, съ какими гнали они христіанъ? Гоненія сіи оправдываютъ сами же католики своими инквизиціями и поступками противъ протестантовъ,

---

только на такомъ основаніи, что они, будучи въ Японіи, болѣе походятъ на плѣнниковъ, нежели на свободный народъ, добровольно приходящій для отправленія взаимной торговли.

Digitized by Google

хотя сіи послѣдніе не причинили имъ ни малѣйшаго зла. Но, не смотря на все это, изгнанные изъ Японіи миссіонеры, въ свое оправданіе и по ненависти къ народу, не давшему имъ себя обмануть, представили Японцевъ предъ глазами Европейцевъ народомъ хитрымъ, вѣроломнымъ, неблагодарнымъ, мстительнымъ, словомъ описали ихъ такими красками, что твари гнуснѣе и опаснѣе Японца едва ли и вообразить себѣ можно. Европейцы всѣ такія сказки, дышащія монашескою злобою, приняли за достовѣрную истину на честное слово, а отвращеніе Японцевъ ко всему тому, что имѣетъ связь съ Христіанскою Религіею, и благоразумная осторожность ихъ политики не допускать чужестранцевъ въ свои владѣнія и стараться всѣми мѣрами удалять ихъ отъ береговъ своихъ, подтверждаютъ ложныя клеветы, взнесенныя на сей умный народъ. Наконецъ увѣренность Европейцевъ въ мнимыхъ гнусныхъ свойствахъ Японцевъ простирается до того, что даже въ пословицу вошли выраженія: японская злость, японское каварство и проч., но мнѣ судьба предназначила, въ теченіе двадцати-семи-мѣсячнаго заключенія въ плѣну у сего народа удостовѣриться въ противномъ. Описаніе моихъ приключеній, заключающееся въ первыхъ частяхъ сей книги, содержитъ въ себѣ, кажется, слишкомъ убѣдительные доводы, что Японцы совсѣмъ не таковы, каковыми ихъ представляютъ себѣ просвѣщенные жители Европы.

Что Японцы умны и проницательны, это доказывается всѣми ихъ поступками въ отношеніи къ иностранцамъ и во внутреннемъ правленіи государства. Честность ихъ мы имѣли случай испытать много разъ, равнымъ образомъ увѣрились по опыту и въ сострадательности ихъ къ несчастіямъ ближняго; гостепріимство ихъ испытали и сами тѣ католики, которые въ послѣдствіи столь исправно имъ отплатили за оное, и даже въ добавокъ оклеветали ихъ передъ свѣтомъ. Пріемъ, сдѣланный ими въ 1739 году нашимъ Капитанамъ Шпанбергу и Валтону, заходившимъ въ ихъ гавани, лежащія на восточной сторонѣ Нифона, свидѣтельствуетъ о добромъ ихъ расположеніи къ иностранцамъ, которые приходятъ къ нимъ съ честными видами.

Digitized by Google

Какъ о семъ пріемѣ относится Г. Валтонъ, можно видѣть въ Миллеровомъ сочиненіи, подъ названіемъ: Les découvertes des Russes sur la mer glaciale (*).

Наконецъ нашъ Лаксманъ, самъ Г. Резановъ и многіе иностранцы, заходившіе въ японскія пристани, не имѣютъ причины жаловаться, чтобъ Японцы съ ними дурно поступали, кромѣ того, что не позволяли имъ, пользуясь свободою, высматривать ихъ селенія, и не хотѣли съ ними торговать. Но кто этому виною?—Говоря честно и безпристрастно, не можемъ не признаться, что испытавши многократно въ прежнія времена затѣйливость и жадность, или учтивѣе сказать, склонность къ прибыткамъ, европейскихъ народовъ, Японцы имѣютъ справедливую причину бояться, какъ огня, и прочихъ націй, съ которыми они не имѣли еще ни какихъ связей.

Въ Японцахъ теперь недостаетъ только одного качества, включаемаго нами въ число добродѣтелей: я разумѣю то, что мы называемъ отважностью, смѣлостью, храбростью, а иногда мужествомъ. Но если они боязливы, то это происходитъ отъ миролюбиваго свойства ихъ правленія, отъ долговременнаго спокойствія, которымъ, не имѣя войны, сей народъ наслаждается, или лучше сказать отъ непривычки къ кровопролитію. Впрочемъ я, съ моей стороны, ошибаюсь или нѣтъ, но никакъ не могу согласиться, чтобы цѣлый народъ могъ родиться трусами: это совершенно зависитъ отъ занятій народныхъ, слѣдовательно отъ правительства. Теперь есть въ Европѣ народы, которыхъ я назвать не хочу, прославившіеся своею трусостью; но предки ихъ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ были страшны свѣту. Неужели же они переродились? Мы можемъ еще и поближе взять примѣръ, въ нашемъ отечествѣ: иногда отъ одного разбойника, вооруженнаго парою пистолетовъ, цѣлое селеніе крестьянъ бѣжитъ въ лѣсъ, но послѣ тѣ же самые крестьяне, перемѣнивъ наружный видъ, лѣзутъ безстрашно на стѣны, и берутъ крѣпости, почитаемыя непреодолимыми. И такъ неужели одинъ солдатскій мундиръ, а не природ-

(*) Открытія Россіянъ въ Ледовитомъ Морѣ и проч —

ная твердость духа дѣлаетъ ихъ храбрыми? Такъ и о Японцахъ нельзя сказать, чтобъ они были трусы отъ природы.

Японцы употребляютъ крѣпкіе напитки; многіе изъ нихъ, а особливо простой народъ, даже любятъ ихъ и часто, по праздникамъ, напиваются допьяна; но со всѣмъ тѣмъ склонность къ сему пороку не столь велика между ими, какъ между многими европейскими народами; быть пьянымъ днемъ почитается у нихъ величайшимъ безчестіемъ даже между простолюдинами; и потому пристрастные къ вину напиваются вечеромъ, послѣ всѣхъ работъ и занятій, и притомъ пьютъ понемногу, разговаривая между собою дружески, а не такъ какъ у насъ простой народъ дѣлаетъ: «тяпнулъ вдругъ, да и съ ногъ долой.»

Изъ пороковъ, сластолюбіе кажется сильнѣе всѣхъ владычествуетъ надъ Японцами. Хотя они не могутъ имѣть болѣе одной законной жены, но въ правѣ содержать любовницъ, и симъ правомъ всѣ люди съ достаткомъ не упускаютъ пользоваться, часто даже чрезъ мѣру. Домы для свободныхъ женщинъ находятся подъ защитою законовъ, и имѣютъ свои постановленія, правила и преимущества. Содержатели такихъ домовъ хотя не почитаются людьми безчестными и пользуются такими же правами, какъ купцы, торгующіе позволеннымъ товаромъ съ одобренія правительства, но Японцы гнушаются имѣть съ ними знакомство. Любители сихъ мѣстъ обыкновенно посѣщаютъ оныя отъ захожденія до восхожденія солнца, въ которое время гремитъ тамъ музыка при стукѣ барабановъ. Въ сосѣдствѣ нашего жилища было нѣсколько такихъ домовъ, и я не помню, чтобы когда нибудь не слыхали мы барабаннаго боя напролетъ во всю ночь: это убѣждаетъ меня, что зданія сіи никогда не бываютъ безъ посѣтителей. Японцы сказывали намъ, что въ столичномъ городѣ свѣтскаго императора есть множество огромнѣйшихъ зданій сего рода, не уступающихъ великолѣпіемъ княжескимъ чертогамъ; въ одномъ изъ такихъ храмовъ, посвященныхъ Венерѣ, содержатся болѣе шести сотъ прелестницъ; но со всѣмъ тѣмъ нерѣдко случается, что привратники принуждены бываютъ

Digitized by Google

возбранять входъ молодымъ посѣтителямъ по неимѣнію мѣста. Сказываютъ, что содержатели такихъ богатыхъ магазиновъ ничего не щадятъ, чтобъ снабдить ихъ прекраснѣйшимъ товаромъ въ государствѣ, что можетъ быть весьма справедливо. Однажды переводчики, желая удовлетворитѣ нашему любопытству, повели насъ, когда мы ходили гулять въ Матсмаѣ, мимо одного изъ такихъ домовъ: болѣе полудюжины дѣвушекъ, по крайней мѣрѣ именемъ такихъ, выскочили въ двери, любопытствуя насъ видѣть. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были въ лѣтахъ цвѣтущей молодости и столь пригожи, что не сдѣлали бы безчестія подобному дому и въ какой нибудь европейской столицѣ. Впрочемъ спорить не хочу, можетъ быть, онѣ мнѣ такъ показались, по отвычкѣ видѣть нашихъ женщинъ; но, къ вящшему стыду и безчестію Японцевъ, я долженъ сказать, что гнусный порокъ, изобрѣтенный сладострастіемъ и общій всѣмъ азіятскимъ народамъ, и у нихъ также въ употребленіи. Правительство его не одобряетъ, но и не принимаетъ строгихъ мѣръ къ искорененію онаго. Провинція Кіото, въ которой живетъ духовный императоръ, славится лѣпообразіемъ своихъ жителей мужескаго пола; она-то большею частію доставляетъ отроковъ для этого ненавистнаго торга.

Мстительность также въ прежнія времена могла быть поставлена въ число пороковъ, болѣе свойственныхъ Японцамъ. Встарину долгъ мщенія за обиду переходилъ отъ дѣда къ внуку и далѣе, пока не представлялся случай потомкамъ обиженнаго удовлетворить сей обязанности надъ потомками обидѣвшаго; но нынѣ, по увѣренію Японцевъ, бѣшеная эта страсть не такъ много дѣйствуетъ надъ умами, и обиды забываются скорѣе; впрочемъ этого необходимо требовала честь по ихъ понятіямъ о вещахъ, а гдѣ нѣтъ своихъ дурачествъ? За одно неосторожное, безъ умысла сказанное слово рѣзаться или стрѣляться, есть также глупость или безумство.

Японцевъ можно назвать бережливыми, но не скупыми. Въ доказательство сему я могу привести, что они всегда съ большимъ презрѣніемъ говорятъ о сребролюбцахъ, и

Digitized by Google

даже на счетъ скупцовъ вымышлено у нихъ множество колкихъ анекдотовъ. Сверхъ того не менѣе служитъ доводомъ сему мнѣнію опрятная и даже богатая одежда, приличная состоянію каждаго класса людей, въ какой они всегда показываются.

Что касается до народнаго просвѣщенія въ Японіи, то, сравнивая массою одинъ цѣлый народъ съ другимъ, по моему мнѣнію, Японцы суть самый просвѣщенный народъ во всей подсолнечной. Въ Японіи нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ читать и писать, и не зналъ законовъ своего отечества, которые у нихъ весьма рѣдко перемѣняются, а главнѣйшіе изъ нихъ, написанные на большихъ доскахъ, выставляются на площадяхъ и другихъ видныхъ мѣстахъ въ городахъ и селеніяхъ.

Въ земледѣліи, садоводствѣ, рыбной и звѣриной ловляхъ, въ тканіи шелковыхъ и бумажныхъ матерій, въ дѣланіи фарфора и лаковыхъ вещей и въ полировкѣ металловъ, они едва ли уступятъ Европейцамъ. Разрабатываніе рудниковъ имъ также хорошо извѣстно, и они умѣютъ очень хорошо дѣлать разныя металлическія вещи. Столярная и токарная работа у нихъ въ совершенствѣ. Сверхъ того они искусны въ обдѣлываніи всѣхъ вещей, употребительныхъ въ домашнемъ ихъ быту, а для простаго народа какое еще нужно просвѣщеніе? Правда, что у насъ болѣе знаютъ наукъ и художествъ: у насъ есть люди, которые съ неба звѣзды хватаютъ, а у нихъ нѣтъ! Но затѣмъ на одного такого звѣздочета, мы имѣемъ тысячу, которые, такъ сказать, трехъ перечесть не умѣютъ. Въ европейскихъ государствахь есть великіе математики, астрономы, химики, медики и проч., какихъ конечно Японія не имѣетъ; хотя впрочемъ Японцамъ науки извѣстны, о чемъ я имѣлъ случай упомянуть въ повѣствованіи о моихъ приключеніяхъ, но всѣ сіи ученые люди не составляютъ народа; если же вообще взять народъ, то Японцы имѣютъ лучшее понятіе о вещахъ, нежели нижній классъ людей въ Европѣ. Приведу примѣръ. Однажды простой солдатъ, сидѣвшій подлѣ насъ, взялъ въ руки чайную чашку, и показывая на нее, спросилъ у меня, знаемъ ли мы, что

Digitized by Google

земля наша кругла, и что Европа въ разсужденіи Японіи находится въ такомъ-то положеніи, причемъ означилъ онъ мѣста ихъ на чашкѣ довольно близко того взаимнаго отстоянія, которое и въ самомъ дѣлѣ сіи двѣ страны занимаютъ на Земномъ Шарѣ. Многіе люди изъ того же званія показывали намъ фигуры геодезическихъ измѣреній, любопытствуя знать, извѣстны ли намъ сіи способы мѣрять и дѣлить землю. Что касается до цѣлительныхъ силъ разныхъ свойственныхъ ихъ климату растеній, то въ Японіи нѣтъ человѣка, который бы ихъ не зналъ; изъ нихъ почти всякій имѣетъ при себѣ нѣсколько обыкновенныхъ лекарствъ, какъ-то слабительное и т. п., которыя они сами употребляютъ, смотря по надобности. Впрочемъ должно сказать, что они наравнѣ съ другими народами не изъяты отъ глупыхъ и часто вредныхъ предразсудковъ лечиться пустыми, безполезными симпатическими лекарствами, о чемъ было говорено въ первой части.

Кромѣ людей знатныхъ, участвующихъ въ правленіи, и ученыхъ, всѣ Японцы имѣютъ весьма слабое понятіе о другихъ народахъ; ибо политика ихъ запрещаетъ правительству распространять въ государствѣ свѣдѣнія о чужестранныхъ нравахъ и обычаяхъ, опасаясь, чтобы это не послужило къ развращенію народа и не увлекло его отъ той цѣли, къ которой мудрость ихъ законовъ его направляетъ, то есть жить въ покойной тишинѣ и изобиліи. Географическія свѣдѣнія просвѣщенныхъ Японцевъ состоятъ въ томъ, что они умѣютъ показать на ландкартѣ, гдѣ находится какое государство, и много ли оно занимаетъ земли.

Исторію другихъ народовъ, кромѣ Китайской, они почитаютъ бреднями, недостойными ихъ вниманія, говоря: какое дѣло намъ знать всѣ сказки, вымышляемыя каждымъ народомъ для своего тщеславія? Но члены правительства и люди ученые занимаются новѣйшею исторіею европейскихъ государствъ, а особливо тѣхъ, которыя подвинулись такъ близко въ ихъ сосѣдство. Правительство старается, посредствомъ Китая и Голландцевъ, получать свѣдѣнія о европейскихъ происшествіяхъ, и наблюдаетъ ходъ нашихъ дѣлъ. Русскія заселенія въ Америкѣ и могущество Англичанъ

Digitized by Google

въ Индіи много ихъ безпокоятъ. Сколь ни старались мы убѣдить ихъ въ истинно-дружескомъ расположеніи человѣколюбиваго нашего Монарха и его Правительства къ Японскому Народу, но со всѣмъ тѣмъ многіе изъ нихъ опасаются, что рано или поздно дойдетъ очередь и до нихъ; подозрѣнія свои они сообщали намъ обиняками, напримѣръ, говоря: «не всѣ Государи равны; одинъ думаетъ о вещахъ такъ, а другой иначе; одинъ любитъ миръ, а другой войну,» и проч., а иногда сказывали, что у нихъ издревле есть преданіе: «Наступитъ время, когда прійдетъ народъ отъ сѣвера, и покоритъ Японію.»

Въ отечественной исторіи и землеописаніи Японцы всѣ свѣдущи: чтеніе историческихъ книгъ составляетъ любимое ихъ упражненіе.

Въ живописи, въ зодчествѣ, въ скульптурѣ, въ гравированіи, въ музыкѣ и вѣроятно въ поэзіи (*) они далеко отстали отъ всѣхъ Европейцевъ. Въ военныхъ наукахъ всякаго рода они также еще младенцы, а мореплаванія, кромѣ прибрежнаго, вовсе не знаютъ.

Японское Правительство хочетъ, чтобъ народъ доволь-

(*) Впрочемъ это еще сомнительно: можетъ быть, и у нихъ есть поэты не хуже нашихъ. Однажды ученые ихъ просили меня написать имъ какіе нибудь стихи одного изъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. Я написалъ Державина оду: Богъ, и когда имъ читалъ, они отличали риѳмы, и находили пріятность въ звукахъ; но любопытство японское не могло быть удовольствовано однимъ чтеніемъ: имъ хотѣлось имѣть переводъ этой оды. Много труда и времени стоило мнѣ изъяснить имъ мысли, въ ней заключающіяся; однако жъ напослѣдокъ они поняли всю оду кромѣ стиха:

Безъ лицъ въ трехъ лицахъ божества!

который остался безъ истолкованія, да они и не настаивали слишкомъ много, когда я имъ сказалъ, что для уразумѣнія сего стиха, должно быть истиннымъ Христіаниномъ.

Японцамъ чрезвычайно понравилось то мѣсто сей оды, гдѣ поэтъ, обращаясь къ Богу, между прочимъ говоритъ:

И цѣпь существъ ты мной связалъ.

Digitized by Google

ствовался собственнымъ своимъ просвѣщеніемъ, и пользовался только изобрѣтеніями собственнаго своего ума, но запрещаетъ ему перенимать выдумки другихъ народовъ, чтобы, съ чужими науками и художествами, не вкрались къ нимъ и нравы чужіе. Сосѣди ихъ должны благодарить Провидѣніе, что оно вселило такую мысль японскимъ законодателямъ, и должны стараться не подавать имъ повода, откинувъ свою политику, приняться за европейскую. Если надъ симъ многочисленнымъ, умнымъ, тонкимъ, переимчивымъ, терпѣливымъ, трудолюбивымъ и ко всему способнымъ народомъ будетъ царствовать государь, подобный великому нашему Петру, то съ пособіями и сокровищами, которыя Японія имѣетъ въ нѣдрахъ своихъ, онъ приведетъ ее въ состояніе, чрезъ малое число лѣтъ, владычествовать надъ всѣмъ Восточнымъ Океаномъ. И что бы тогда было съ приморскими областями на востокѣ Азіи и на западѣ Америки, столь отдаленными отъ тѣхъ странъ, которыя должны ихъ защищать? А если бъ случилось, что Японцы вздумали ввести къ себѣ европейское просвѣщеніе, и послѣ-

---

При семъ же случаѣ, удивляясь высокимъ мыслямъ сочинителя, показали они, что постепенное шествіе природы отъ самыхъ высокихъ къ самымъ низшимъ ея твореніямъ, и имъ не безъизвѣстно. Стихотвореніе это до того понравилось губернатору, что онъ велѣлъ просить Г. Мура написать оное для него кистью на длинномъ кускѣ бѣлаго атласа, и потомъ отправилъ, вмѣстѣ съ переводомъ, къ своему императору. Японцы увѣряли насъ, что ода будетъ выставлена на стѣнѣ въ его чертогахъ, наподобіе картины.

Когда мы сказали имъ, что сочинитель оды есть русскій вельможа, и занималъ нѣкоторыя изъ первыхъ государственныхъ мѣстъ, они дали намъ знать, что и у нихъ были знатные люди и даже государи, которые любили заниматься науками, а особливо поэзіею. Одно обстоятельство заставило меня не довѣрять, чтобы Японцы имѣли хорошихъ стихотворцевъ: они утверждали, что поэту не нужно природнаго дарованія, и что человѣкъ можетъ сдѣлаться поэтомъ посредствомъ ученія; по ихъ мнѣнію, одни лишь геройскія качества даются природою, а всѣ прочія можно пріобрѣсть.

Digitized by Google

довали нашей политикѣ, тогда и Китайцы нашлись бы принужденными сдѣлать то же самое. Въ такомъ случаѣ эти два сильные народа могли бы дать совсѣмъ другой видъ европейскимъ дѣламъ. Сколь ни сильно вкоренено въ правленіи Японцевъ и Китайцевъ отвращеніе ко всему чужому, но при всемъ томъ, такой оборотъ въ ихъ системѣ нельзя же почитать несбыточнымъ: они люди, а въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ ничего постояннаго. Чего не захотѣли бы они сдѣлать изъ доброй воли, къ тому можетъ принудить ихъ крайность; напримѣръ, набѣги сосѣдственныхъ народовъ, часто повторяемые, конечно заставили бы Японцевъ помыслить о средствахъ, какими возможно было бы отвратить, чтобъ горсть пришельцевъ не могла безпокоить многолюднаго народа; это подало бы поводъ къ заведенію военныхъ судовъ на образецъ европейскихъ, отъ судовъ сихъ произошли бы флоты, а тамъ вѣроятно, что успѣхъ сей мѣры заставилъ бы ихъ принять и другіе наши просвѣщенные способы, къ истребленію рода человѣческаго служащіе, и наконецъ постепенно всѣ европейскія изобрѣтенія вошли бы въ употребленіе у Японцевъ, даже и безъ особеннаго генія, каковымъ былъ нашъ Петръ, но силою и стеченіемъ обстоятельствъ, а учителей много наѣдетъ изъ всей Европы, лишь бы Японцы захотѣли пригласить ихъ. И потому, мнѣ кажется, не должно, такъ сказать, дразнить сего справедливаго и честнаго народа. Если же, сверхъ чаянія, какія либо необходимыя причины заставятъ дѣйствовать иначе, то уже надлежитъ, употребивъ всѣ средства и усилія, поступить рѣшительно, то есть такъ, чтобъ совершенно кончить дѣло въ нѣсколько лѣтъ. Я не говорю, чтобъ Японцы и Китайцы могли перемѣнить себя на европейскій ладъ, и сдѣлаться опасными Европейцамъ въ наши времена, но это дѣло сбыточное, и рано или поздно случиться можетъ.

Въ обхожденіи Японцы всякаго состоянія чрезвычайно учтивы: вѣжливость, съ какою они обращаются между собою, показываетъ истинное просвѣщеніе сего народа. Во все время нашего заключенія мы жили и безпрестанно находились съ Японцами, которые были не изъ лучшаго

Digitized by Google

состоянія, но никогда не видали, чтобъ они бранились или ссорились между собою; мы часто слыхали ихъ споры, и видѣли иногда неудовольствіе ихъ другъ на друга, но все это происходили безъ сердца, тихо и съ такою скромностію, какую и въ благородныхъ нашихъ обществахъ не всегда можно найти.

Языкъ Японцевъ не есть принятый ими языкъ чужаго народа: онъ происходитъ отъ древнѣйшихъ ихъ предковъ, которыхъ они почитаютъ общими имъ и Курильцамъ; впрочемъ, отъ частыхъ сношеній въ прежнія времена съ Китайцами, Корейцами и другими народами, Японцы заимствовали у нихъ множество словъ, кои теперь сдѣлались уже свойственными Японскому Языку; равнымъ образомъ вошли къ нимъ и нѣкоторыя европейскія слова, напримѣръ, мыло они называютъ *савонъ* (*), пуговицу *бутонъ,* табакъ *табаго,* и нѣсколько другихъ. Странно, что они деньги называютъ *дени,* а якорь *якори.* Неужели такое сходство ихъ словъ съ нашими произошло случайно?

Въ первой части я уже сказалъ, что въ книгахъ, въ казенныхъ дѣлахъ и въ письмахъ людей просвѣщенныхъ употребляется китайскій способъ письма, то есть, знаками, а простой народъ пишетъ посредствомъ азбуки, которая въ Японскомъ Языкѣ имѣетъ сорокъ восемь буквъ, но въ числѣ ихъ многія, кажется, должно назвать не буквами, а слогами, какъ-то: *ме, ми, мо, му, ни, но, ке, ки, кю.* Японскій выговоръ для насъ чрезвычайно труденъ: есть у нихъ слоги, которые не такъ произносятся, какъ *те* или *де,* но среднимъ выговоромъ между ими, на который попасть мы никакъ не могли; также есть средніе выговоры между *бе* и *пе,* се и *ше, ге* и *хе, хе* и *фе;* напримѣръ, японское слово, означающее огонь, нѣтъ ни какой возмож-

---

(*) Японцы не дѣлаютъ своего мыла, а получаютъ небольшое количество онаго отъ Голландцевъ. — Впрочемъ платье свои они моютъ просто горячею водою, а иногда съ глиною, которая имѣетъ свойство пѣниться какъ мыло. Я не знаю, почему они мыло называютъ французскимъ именемъ: не получили ли они его впервые отъ Португальцевъ?

ности Европейцу выговорить; я два года учился произносить оное, но не могъ успѣть: когда Японцы его произносятъ, въ выговорѣ ихъ слышится что-то похожее на *фи*, *хи*, *пси*, *фси*, когда бы слоги сіи произносить сквозь зубы, но какъ мы ни коверкали языкъ, Японцы все говорили: не такъ! Подобныхъ словъ у нихъ очень много.

Японцы, запретивъ намъ учиться на ихъ языкѣ писать, лишили насъ способа узнать ихъ грамматику, которая однако жъ, судя по тому, что мы объ ней слышали, не можетъ быть слишкомъ затруднительна, потому что имена и глаголы подвержены весьма немногимъ перемѣнамъ. Склоненіе первыхъ дѣлается посредствомъ частицъ или членовъ, полагаемыхъ послѣ именъ; спряженіе же не измѣняется ни въ родѣ, ни въ числѣ, ни въ наклоненіи, а только во временахъ, которыхъ у нихъ только три главныя, прочія же означаются чрезъ прибавленіе словъ, показывающихъ обстоятельство, какъ-то: *давно*, *скоро*, и проч.; предлоги становятся послѣ именъ, къ которымъ они относятся; также и союзы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, идутъ послѣ рѣчей, связуемыхъ ими. Почти во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ личныя мѣстоименія бываютъ односложныя; но у Японцевъ они очень длинны; напримѣръ: я, *ватагоси*; мы, *ватагоси-томо*; онъ, *коно*; они, *коно-дацъ*. Въ изученіи Японскаго Языка, кромѣ чтенія предстоитъ еще другая трудность отъ чрезвычайнаго множества словъ: у нихъ многія вещи и дѣйствія имѣютъ по два названія; одно они употребляютъ къ высшимъ себя, или съ кѣмъ хотятъ говорить учтиво, а другое къ низшимъ, или когда говорятъ съ кѣмъ запросто, и притомъ это различіе не въ томъ только состоитъ, какъ у насъ между словами: *спать*, *почивать*; *ѣсть*, *кушать*, и проч., ибо мы употребляемъ учтивыя изъ сихъ словъ только тогда, когда они относятся къ самимъ тѣмъ особамъ, къ коимъ рѣчь обращаемъ, или когда говоримъ о томъ, кого хотимъ почтить; но Японцы, говоря съ почтенными людьми, должны употреблять особыя учтивыя слова, къ кому бы они ни относились, а въ то же время, обращая разговоръ къ простому человѣку, другія, не смотря также на предметъ разговора, такъ что у нихъ, почти можно

Digitized by Google

сказать, въ употребленіи два языка, чего, сколько я знаю о Земномъ Шарѣ, нѣтъ ни у какого народа, а это также свидѣтельствуетъ о нѣкоторой степени народнаго просвѣщенія.

4.

Вѣроисповѣданіе и обряды богослуженія.

Я уже упоминалъ выше, что господствующая религія въ Японіи происходитъ изъ Индіи, какъ то и сами Японцы утверждаютъ, и есть отрасль Браминской; но кромѣ этой многіе милліоны или едва ли не большая часть народа сего государства исповѣдуютъ другія вѣры, коихъ нельзя уже назвать сектами, ибо онѣ не произошли отъ господствующей религіи, а имѣютъ совсѣмъ другое начало и основаніе. Японцы, съ которыми мы имѣли случай говорить о ихъ богопоклоненіи, несогласны въ числѣ различныхъ вѣръ, нынѣ у нихъ исповѣдуемыхъ: нѣкоторые считаютъ ихъ семь, а другіе только четыре; послѣдніе утверждаютъ, что три изъ семи религій не что иное какъ расколы, произведенные суевѣріемъ отъ четырехъ главныхъ исповѣданій.

Первая есть самая древняя японская религія, которую исповѣдовали коренные жители сего государства. Теперь уже она конечно во многихъ отношеніяхъ перемѣнилась, и не есть господствующая въ народѣ; но по древности своей заслуживаетъ первое мѣсто. Исповѣдующіе оную присвоиваютъ себѣ преимущество въ томъ, что они покланяются собственнымъ своимъ стариннымъ божествамъ, называемымъ Ками, то есть духи безсмертные, или дѣти Существа Высшаго, которыхъ у нихъ великое множество. Сверхъ того они покланяются святымъ или угодникамъ, то есть людямъ, отличившимъ себя добрымъ житіемъ, примѣрнымъ благочестіемъ и ревностью къ вѣрѣ, и въ честь ихъ созидаютъ храмы: таковыхъ угодниковъ Японцы называютъ Хадоги. Изъ нихъ не всѣ заслужили почтеніе честнымъ житіемъ и богоугодными дѣлами; но, напротивъ того, по увѣренію самихъ же Японцевъ, есть такіе, которые

Digitized by Google

возведены на степень угодниковъ пронырствомъ священно-служителей для собственныхъ ихъ выгодъ. Духовный императоръ есть глава и верховный священно-служитель сей вѣры: ему предоставленъ разборъ житія людей, и онъ опредѣляетъ, кого включить въ число угодниковъ.

Содержаніе тѣла въ чистотѣ есть одно изъ главныхъ и необходимыхъ правилъ, предписываемыхъ сею вѣрою; послѣдователи оной не должны ни убивать, ни ѣсть животныхъ, употребляемыхъ въ работу или по другимъ отношеніямъ полезныхъ въ домашнемъ быту, чтобы симъ не осквернить себя; напримѣръ: они не ѣдятъ говядины, но птицъ, оленей, зайцевъ и даже медвѣдей ѣсть могутъ, притомъ не запрещено имъ употреблять въ пищу рыбу и всѣ роды морскихъ животныхъ безъ изъятія. Они должны стараться не запятнать себя кровью, ибо полагаютъ, что кровь можетъ на нѣкоторое время сдѣлать ихъ нечистыми; прикосновеніе къ мертвому тѣлу и даже вступленіе въ домъ, гдѣ есть мертвый, также сквернитъ ихъ на бо́льшее или меньшее число дней, смотря по случаю и обстоятельствамъ. Они избѣгаютъ всѣми мѣрами. чтобъ какимъ либо образомъ не сдѣлать себя нечистыми. Но въ этой вѣрѣ есть секта, которая не ѣстъ ни какого животнаго кромѣ морскихъ животныхъ и рыбы. Нѣкоторые изъ находившихся при насъ караульныхъ исповѣдовали эту вѣру: одни изъ нихъ ѣли часто вмѣстѣ съ нами оленье и медвѣжье мясо, а другіе, напротивъ, въ тѣ дни, когда для насъ готовили мясо, не хотѣли даже и табакъ раскуривать на одномъ огнѣ съ нами; въ другое же время курили изъ нашихъ трубокъ, и сами намъ давали курить изъ своихъ; даже чай пивали изъ тѣхъ же чашекъ, изъ которыхъ мы пили. Сначала я думалъ, что они принадлежали къ разнымъ вѣрамъ; но послѣ узналъ, что разность состояла только въ нѣкоторыхъ правилахъ, особенною сектою принятыхъ, изъ коихъ не употреблять въ пищу ни какого земнаго животнаго, есть главное.

Вторая вѣра, происшедшая отъ Браминской, введена въ Японію изъ Индіи. Она и въ Японіи научаетъ вѣрить переселенію душъ или тому, что человѣческія души и

Digitized by Google

души скотовъ суть одного и того же свойства, и иногда оживляютъ тѣла людей, а иногда животныхъ; почему и запрещаетъ она умерщвлять все то, что имѣетъ жизнь. Сверхъ того, сею вѣрою запрещается воровство, прелюбодѣяніе, лжесловіе и пьянство: сіи заповѣди истинно полезны и спасительны, но всѣ другія правила, касательно воздержанія и образа жизни, которыя долженствовали бы наблюдать послѣдователи сего ученія, такъ нелѣпы, тягостны и неудобоисполнимы, что весьма мало найдется такихъ набожныхъ и притомъ крѣпкихъ людей, которые могли бы исполнить, хотя вполовину, все то, что повелѣвается наблюдать сею религіею, а потому-то ни въ одной изъ вѣръ, исповѣдуемыхъ въ Японіи, нѣтъ столь великаго числа людей зазорнаго поведенія, и изъ служителей храмовъ, и изъ свѣтскаго общества, сколько въ сей религіи.

Третья вѣра есть Китайская, какъ ее въ Японіи называютъ, или ученіе Конфуція, къ которому Японцы имѣютъ великое уваженіе. Большая часть японскихъ ученыхъ и мудрецовъ держатся ученія сего философа.

Четвертое исповѣданіе состоитъ изъ обожателей свѣтилъ небесныхъ: они почитаютъ верховнымъ божествомъ солнце, потомъ луну, а напослѣдокъ звѣзды. Почти каждое созвѣздіе у нихъ составляетъ особенное божество: сіи божества между собою дружатся, ссорятся, мирятся, вступаютъ въ родство посредствомъ супружества, другъ противъ друга хитрятъ и проч., словомъ сказать, по ихъ мнѣнію, всѣ они имѣютъ человѣческія слабости, и живутъ между собою какъ люди, съ тою только разностью, что они безсмертны и могутъ принять на себя всякій видъ, какой пожелаютъ. Сія вѣра дала происхожденіе одной сектѣ, которая боготворитъ огонь, почитая оный божествомъ, отъ солнца происходящимъ.

Вотъ четыре главныя вѣры, исповѣдуемыя въ Японіи, о которыхъ слышали мы отъ самихъ Японцевъ. Надобно сказать, что когда дѣло шло о религіи, то Японцы отвѣчали на наши вопросы неохотно, и часто съ намѣреніемъ или

Digitized by Google

притворялись, что насъ не понимаютъ, или давали неудовлетворительные и непонятные отвѣты, а иногда и вовсе ничего не отвѣчали, но, напротивъ того, старались развѣдывать о нашей вѣрѣ, почему вмѣсто отвѣта на наши вопросы, предлагали свои. Въ повѣствованіи о моихъ приключеніяхъ я уже упомянулъ, что Японцы не позволяли намъ учиться читать и писать на ихъ языкѣ, а потому мы не имѣли ни какихъ средствъ узнать всѣ подробности относительно ихъ исповѣданія, которыя столь обширны и содержатъ въ себѣ такое множество правилъ, какъ истинныхъ, такъ и нелѣпыхъ, ложныхъ и смѣшныхъ преданій, обрядовъ и проч., что едва ли можно было бы въ теченіе двухъ лѣтъ нашего тамъ пребыванія, узнать и описать оныя, если бъ мы пользовались знаніемъ языка, полною свободою обращаться съ жителями и ихъ откровенностью; мы же ничего этого не имѣли.

Между Японцами, такъ же какъ и въ Европѣ, есть вольнодумцы, и можетъ быть, числомъ не менѣе, какъ и у насъ. Я не слыхалъ, чтобъ у нихъ были деисты, но безбожниковъ и сомнѣвающихся очень много: первые отвергаютъ бытіе всякаго высшаго существа, а приписываютъ созданіе міра, управленіе онымъ и все, что мы около себя видимъ, случаю и неизвѣстности, послѣдніе же во всемъ сомнѣваются; къ числу ихъ принадлежалъ и пріятель нашъ Теске. Онъ весьма свободно говорилъ о своей религіи, и дѣлалъ разныя замѣчанія, которыхъ, кажется, нельзя было ожидать отъ Японца.

Любопытство заставило меня спросить у него, позволено ли въ Японіи гласно и свободно разсуждать о такихъ предметахъ. Законъ этого не запрещаетъ, сказалъ онъ, но духовныя особы негодуютъ на того, кто отвергаетъ или смѣется надъ ихъ бреднями; притомъ онѣ могутъ жаловаться на тѣхъ, кои своимъ ученіемъ и правилами стараются отвращать людей отъ исповѣдуемой ими вѣры, и въ такомъ случаѣ, если это будетъ доказано, правительство накажетъ виновнаго заключеніемъ на нѣкоторое время въ тюрьму. Если же кто будетъ учить Христіанской Вѣрѣ

Digitized by Google

или какой другой, заимствованной отъ чужихъ народовъ, тотъ долженъ быть наказанъ мучительною смертью.

Теске, также и многіе другіе, находившіеся при насъ Японцы, говорили очень много дурнаго на счетъ своего духовенства: служители ихъ храмовъ, по большей части, бываютъ люди распутные, и хотя законы повелѣваютъ имъ быть во всемъ воздержными, не ѣсть ни мяса, ни рыбы, не пить вина и не позволяютъ имѣть женъ, но, не смотря на такое запрещеніе, они не только ведутъ жизнь невоздержную, но и всегда, когда имѣютъ случай, соблазняютъ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, развращаютъ ихъ, и дѣлаютъ разныя другія гнусныя безчинства.

За неисполненіе правилъ вѣры, хотя бы кто и явно нарушалъ оныя, гражданскіе законы ни какому наказанію не подвергаютъ, да и духовенство не взыскиваетъ. Мы знали многихъ Японцевъ, которые нѣкоторымъ образомъ тщеславились тѣмъ, что никогда не ходятъ въ церковь, и смѣялись на счетъ духовныхъ своихъ обрядовъ. Многіе изъ нихъ, вопреки духовнымъ постановленіямъ, явно ѣдятъ мясо, а одинъ чиновникъ котораго, мы знали, слѣдуя обычаю Матсмайскихъ Курильцевъ, любилъ ѣсть собачье мясо, и приготовлялъ оное самымъ варварскимъ способомъ, чего даже и сами Курильцы гнушались: онъ обыкновенно молодыхъ щенятъ опускалъ живыхъ въ кипятокъ, и потомъ тотчасъ вынималъ, счищалъ шерсть и ѣлъ. — Но число Японцевъ, свободныхъ отъ предразсудковъ, въ сравненіи съ цѣлымъ народомъ, весьма невелико, и вообще Японцы не только крайне набожны, но даже суевѣрны. Они вѣрятъ чародѣйству, и любятъ разсказывать о немъ разныя басни; лисицѣ приписываютъ они почти тѣ же свойства и тѣ же проказы, съ которыми простой народъ въ Европѣ представляетъ себѣ дьявола, или нечистаго духа; у насъ громъ убиваетъ каменною стрѣлою, а въ Японіи умерщвляетъ людей, бросаемая молніею, кошка; въ Россіи, похваливъ человѣка, надобно три раза плюнуть, чтобъ онъ не занемогъ; подавъ кому соль за столомъ, должно разсмѣяться, дабы не поссориться съ нимъ, и проч., а въ Японіи не пойдетъ чрезъ новый мостъ никто, опасаясь, чтобъ не умереть,

Digitized by Google

пока не проведутъ чрезъ него самаго стараго человѣка изъ живущихъ въ томъ округѣ, гдѣ находится мостъ. У насъ огарки свѣчъ, оставшіеся въ заутреии Свѣтлаго Воскресенія, предохраняютъ отъ грома, а у Японцевъ ту же силу имѣетъ поджаренный на сковородѣ горохъ, который они ѣдятъ въ одинъ большой зимній праздникъ, и частицу его берегутъ до лѣта, увѣряя, что если во время грома бросить нѣсколько зеренъ этого чудодѣйственнаго гороха въ стѣны какого бы то ни было зданія, то молнія въ него не ударитъ; слѣдственно всѣ, находящіеся внутри сего зданія, будутъ въ безопасности. По большимъ дорогамъ у нихъ каждая гора, каждый холмъ, каждая лощина посвящены какому нибудь божеству, а потому проходя эти мѣста, путешественники должны читать приличныя молитвы и иногда по нѣскольку разъ; но какъ, при исполненіи этой обязанности, набожные люди были бы слишкомъ долго въ дорогѣ, то для отвращенія такого неудобства, Японцы изобрѣли слѣдующее средство: на мѣстахъ, посвященныхъ богамъ, ставятъ они нарочно небольшіе столбы, если тутъ не случится столбовъ, поставленныхъ для означенія разстоянія; въ сихъ столбахъ, отъ земли аршина на полтора, сдѣлана продолговатая, вертикальная скважина, въ которую вставленъ желѣзный плоскій кругъ, вертящійся наподобіе шкива въ блокѣ; на этомъ кругѣ вырѣзана молитва, приличная божеству, которому посвящено мѣсто. Повернуть этотъ кругъ значитъ то же, что и прочитать молитву, и сколько разъ повернется кругъ, столько же и молитвъ принимается на счетъ божествомъ. И такъ путешественникъ, не останавливаясь, можетъ однимъ прикосновеніемъ пальцевъ возслать болѣе мольбы нежели сколько надобность того требуетъ.

Объ обрядахъ богослуженія Японцевъ мы не можемъ ничего сказать, ибо они никогда не соглашались допустить насъ въ свои храмы во время службы, и даже не хотѣли разсказывать намъ, какимъ образомъ она совершается. Все, что я знаю о семъ предметѣ, состоитъ въ слѣдующемъ. Молитва отправляется у нихъ ежедневно, по три раза въ сутки, т. е. на разсвѣтѣ, часа за два предъ полуднемъ,

Digitized by Google

и предъ захожденіемъ солнца. Колоколъ возвѣщаетъ народу часъ моленія; благовѣстъ дѣлается у нихъ такимъ образомъ: сначала ударятъ въ колоколъ разъ, спустя около полуминуты слѣдуетъ другой ударъ, потомъ нѣсколько скорѣе третій, потомъ еще скорѣе четвертый, послѣ еще скорѣе, наконецъ нѣсколько ударовъ мгновенно одинъ за другимъ: минуты чрезъ двѣ послѣ сего повторяется то же; напослѣдокъ, еще минуты чрезъ двѣ, въ третій разъ бьютъ точно такимъ же образомъ: тѣмъ все и кончится. Предъ входомъ въ храмы стоятъ съ водою умывальницы, изсѣченныя изъ камня или металлическія, въ которыхъ, предъ вступленіемъ въ храмъ, Японцы умываютъ руки. Въ церквахъ предъ идолами зажигаютъ свѣчи, составляемыя изъ рыбьяго жира и соку, имѣющаго свойства смолистаго вещества. Сокъ этотъ добывается изъ нѣкотораго рода дерева, растущаго въ южныхъ и среднихъ областяхъ острова Нифона. Божествамъ своимъ Японцы посвящаютъ или приносятъ въ жертву при служеніи натуральные или искусственные цвѣты, которые дѣлаютъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ или изъ бумаги, смотря по достатку и усердію богомольца; цвѣты вѣшаютъ предъ идолами или на стѣнахъ храма, а иногда и на самихъ идоловъ. Сверхъ того, усерднѣйшіе и самые набожные изъ нихъ приносятъ въ жертву деньги, плоды, сарачинское пшено и другіе съѣстные припасы. Все это служители храмовъ употребляютъ въ свою пользу, и за всѣмъ тѣмъ такими добровольными приношеніями они не бываютъ довольны, но ходятъ по улицамъ въ городахъ, въ селеніяхъ и по дорогамъ, и требуютъ приношеній богамъ. Всѣ они носятъ чрезъ плечо сумки, въ которыя кладутъ подаянія; впрочемъ одни поютъ гимны, другіе говорятъ рѣчи, а нѣкоторые молчатъ, но только временно звонятъ въ колокольчики, привѣшенные у всякаго изъ нихъ къ поясу. Прогуливаясь по Матсмаю, мы весьма часто встрѣчали этихъ бродягъ. Во время служенія Японцы сидятъ, какъ и обыкновенно, на колѣняхъ, но съ поникшею головою, сложивъ руки такъ чтобъ пальцы одной руки были между пальцами другой; когда же возсылаютъ они свои мольбы, то складываютъ руки

Digitized by Google

ладонь къ ладони, и пальцы къ пальцамъ плашмя, подносятъ ихъ въ такомъ положенія ко лбу; и кланяются рѣдко, произнося молитвы въ полголоса.

Не смотря на различіе вѣръ и сектъ, исповѣдуемыхъ въ Японіи, онѣ не причиняютъ ни правительству, ни въ обществѣ ни какого безпокойства; всякій гражданинъ имѣетъ право держаться той, которой угодно, и перемѣнять вѣру столько разъ, сколько хочетъ, а по убѣжденію ли совѣсти или ради какихъ либо выгодъ онъ принимаетъ другую вѣру, до того никому дѣла нѣтъ. Въ Японіи нерѣдко случается, что члены одного семейства принадлежатъ къ разнымъ сектамъ, и отъ этого несходства въ вѣрѣ, ссоръ никогда не бываетъ; лишь только запрещено уговаривать другихъ къ отреченію отъ ихъ вѣры.

Духовный императоръ, или Кинъ-Рей, есть глава древней Японской Вѣры; но и всѣ прочія секты имѣютъ къ нему почтеніе, смѣшанное съ обожаніемъ; въ своей же сектѣ онъ почитается божествомъ, и она ему покланяется. Онъ не только опредѣляетъ служителей храмовъ на всѣ высшія духовныя мѣста, но и знатнымъ государственнымъ чиновникамъ даетъ достоинство или родъ духовнаго титла, называемаго *Ками*, которое они весьма много уважаютъ, и первые вельможи государства за большую честь себѣ вмѣняютъ получить оное. О семъ достоинствѣ я упоминалъ уже въ первой части моей книги. Кинъ-Рей также имѣетъ право возводить умершихъ на степень безсмертныхъ духовъ, или святыхъ, и это не всегда бываетъ за благочестіе и богоугодное житіе, но чаще по пристрастію и просьбамъ богатыхъ родственниковъ усопшаго. Кинъ-Рей пребываетъ всегда невидимъ для всѣхъ классовъ гражданъ, кромѣ штата его двора и вельможъ, посылаемыхъ къ нему временно отъ свѣтскаго императора; но однажды въ году, въ особенный большой праздникъ, онъ прохаживается по галлереѣ, которая открыта только снизу, такъ, что всякій желающій можетъ приближиться и видѣть его ноги. Платье онъ носитъ всегда шелковое, въ составленіи коего, начиная съ самой выработки шелка, должны употреблены быть руки непорочныхъ только дѣвицъ. Ѣстъ

Digitized by Google

онъ всякій разъ на новой посудѣ, а всю ту, которую онъ однажды употребилъ, тотчасъ разбиваютъ. Причина сему, по словамъ Японцевъ, есть та, что никто недостоинъ послѣ его употреблять ту же посуду, а если кто дерзнулъ бы на ней ѣсть съ намѣреніемъ или по ошибкѣ, того тотчасъ постигла бы смерть.

Служители храмовъ въ Японіи раздѣляются на разныя степени; есть у нихъ и первосвященники. Одинъ таковой находился въ Матсмаѣ; домъ онъ имѣлъ огромный, съ большими службами и садомъ, окруженный землянымъ валомъ, такъ что зданіе имѣло видъ небольшаго замка. Это показывало, что санъ сей находится у нихъ въ большомъ уваженіи. Японцы сказывали намъ, что власть его надъ священнослужителями простирается только относительно къ церковнымъ дѣламъ; если же духовный впадетъ въ уголовное преступленіе или впутается въ гражданскія дѣла, то гражданскіе законы судятъ и наказываютъ его безъ всякаго сношенія съ духовнымъ правленіемъ. Въ нашу бытность въ Матсмаѣ губернаторъ велѣлъ посадить въ тюрьму и судить одного священника за воровство и побѣгъ; его осудили и казнили одною гражданскою властью. Когда я сказалъ Японцамъ, что у насъ не такъ поступаютъ съ особами священнаго званія, и что прежде надлежало бы духовенству снять съ него санъ, церковью на него наложенный, а потомъ уже предать его наказанію гражданскихъ законовъ, они, засмѣявшись, отвѣчали мнѣ, что онъ былъ бездѣльникъ, недостойный носить голову на плечахъ, въ чемъ изобличенъ судомъ и законами своего отечества, слѣдовательно санъ его сойдетъ съ него вмѣстѣ съ его головою, не смотря на то, хочетъ ли того духовное правленіе или нѣтъ. Матсмайскій первосвященникъ никогда не ѣзжалъ съ почтеніемъ къ губернатору, но обязанъ былъ одинъ разъ весною встрѣчать его на небольшомъ острову, гдѣ былъ сооруженъ храмъ въ честь семи *дѣвъ-угодницъ*, куда губернаторъ долженъ былъ ѣздить на поклоненіе однажды въ годъ. Островъ сей находится подлѣ самаго Матсмая.

Въ Японіи есть и монашеское состояніе для обоего пола, но на какомъ оссованіи учреждены ихъ монастыри.

Digitized by Google

и въ чемъ состоятъ правила ихъ, мы не могли узнать, а слышали только, что монашествующіе обязаны вести очень строгую жизнь, чего однако жъ они не исполняютъ.

5.

Государственное правленіе.

Въ Японіи два владѣтеля, которыхъ Европейцы именуютъ одного духовнымъ императоромъ, а другаго свѣтскимъ. Слѣдуя сему обыкновенію, и я ихъ такъ называю, хотя впрочемъ не могу согласиться, чтобъ названія сіи были приличны. Что касается до свѣтскаго императора, то его слѣдовало бы называть просто японскимъ императоромъ, ибо онъ есть самодержавный владѣтель государства, хотя не обширнаго, но чрезвычайно многолюднаго и составленнаго изъ многихъ владѣтельныхъ княжествъ, соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ; словомъ, онъ есть такой государь, которымъ въ Европѣ даютъ титулъ императора. Названія, соотвѣтствующаго японскому духовному императору, ни въ одномъ государствѣ нѣтъ; это достоинство есть единственное въ свѣтѣ, принадлежащее собственно Японіи; съ императорскимъ же званіемъ, по нашему о немъ понятію, оно ни мало несовмѣстно: во-первыхъ, въ обыкновенномъ теченіи и порядкѣ государственныхъ дѣлъ Кинъ-Рей, или такъ называемый духовный императоръ, не имѣетъ ни какого участія; онъ даже не знаетъ что дѣлается въ государствѣ, развѣ только стороною доходятъ до него слухи; лишь только въ самыхъ важныхъ случаяхъ свѣтскій императоръ обязанъ брать его совѣты; напримѣръ, въ случаѣ перемѣны и введенія вновь какого либо закона, при постановленіи сношеній съ чужестранными государствами, при начатіи съ кѣмъ либо войны и тому подобномъ; но и въ такихъ случаяхъ свѣтскій императоръ беретъ свои мѣры заблаговременно и прежде уже знаетъ, что Кинъ-Рей готовъ согласиться на предложеніе, которое онъ намѣревается ему сдѣлать; короче сказать, свѣтскіе императоры нынѣ въ Японіи поступаютъ съ духовными, такъ какъ прежде поступали съ папами, менѣе подверженные предразсудкамъ суевѣрія и сильнѣйшіе изъ ка-

Digitized by Google

толическихъ государей, кои, склонивъ прежде святаго отца подарками или угрозами на свою сторону, отправляли къ нему съ наружною покорностью и уничиженіемъ посольство, для испрашиванія его благословенія и буллы, которую и вмѣстѣ съ папою отъ чистаго сердца сами презирали, имѣя въ ней надобность только для ослѣпленія суевѣрнаго народа. Впрочемъ свѣтскіе императоры съ духовными обходятся со всѣми наружными знаками глубочайшаго почтенія. Личныя свиданія между ими бываютъ весьма рѣдко: свѣтскій императоръ ѣздитъ къ духовному въ нѣсколько лѣтъ однажды, но они часто отправляютъ другъ къ другу великолѣпныя посольства, при коихъ свѣтскій государь не упускаетъ посылать къ духовному богатые подарки, а онъ отдариваетъ его одними благословеніями, чему и быть должно, ибо свѣтскій императоръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи доходы цѣлаго государства, а духовный пользуется только доходами своего княжества, называемаго Кіото, коимъ онъ владѣетъ, какъ независимый князь, или данміо, какъ ихъ Японцы называютъ, наравнѣ съ другими князьями, съ тою только разностью, что всѣ князья содержатъ свои войска на свой счетъ, а Кинъ-Рей войскъ не имѣетъ, но нужная, для внутренняго спокойствія въ его княжествѣ, военная сила содержится на счетъ свѣтскаго императора, и отъ него зависитъ. Эта мѣра не мало способствуетъ сему послѣднему держать духовнаго императора въ своей зависимости, хотя наружно и кажется, что свѣтскій императоръ зависитъ отъ духовнаго. Этикетъ, между ими наблюдаемый со всякою точностью, много содѣйствуетъ къ такому ложному заключенію, напримѣръ: духовный императоръ всегда имѣетъ по нѣскольку особъ, имъ самимъ назначенныхъ, при дворѣ свѣтскаго, для наблюденія за его поведеніемъ и для напоминанія ему о его обязанностяхъ, въ случаѣ поступковъ, несовмѣстныхъ съ его званіемъ. Въ числѣ сихъ особъ бываетъ нѣсколько дамъ, которыя должны наблюдать за сожитіемъ монарха съ своею супругою и за ея поведеніемъ; но всѣ эти предосторожности ни мало не мѣшаютъ японскому владыкѣ имѣть по нѣскольку любовницъ

Digitized by Google

вдругъ, что известно всему государству, кромѣ дамъ-надзирательницъ. Что же касается до императрицы, то женскій присмотръ тамъ не слишкомъ нуженъ, гдѣ со стороны чистоты брачнаго ложа императоръ можетъ быть совершенно безопасенъ подъ присмотромъ особъ, опредѣляемыхъ имъ самимъ къ своей супругѣ. Въ числѣ знаковъ отличнаго почитанія, оказываемыхъ свѣтскими императорами духовнымъ, есть одинъ довольно странный: въ Новый Годъ свѣтскій императоръ обязанъ отправлять къ духовному посольство съ поздравленіемъ и съ подарками, между коими непремѣнно долженъ быть бѣлый журавль съ черною головою, пойманный на соколиной охотѣ самимъ императоромъ (*). Ни какія дѣла не могутъ освободить государя отъ сей обязанности; одна только болѣзнь можетъ его извинить; но въ такомъ случаѣ сынъ его, наслѣдникъ престола, обязанъ ѣхать на охоту и затравить журавля. Впрочемъ дѣло это не заключаетъ въ себѣ большой трудности, ибо по близости столичнаго города Эддо находится обширная долина, окруженная горами, и наполненная озерами и рѣками, въ которой никто кромѣ императора и его наслѣдника не смѣетъ убивать или ловить птицъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія; слѣдовательно покой ихъ въ этой долинѣ нарушается весьма рѣдко, а потому и нѣтъ труда наловить тамъ въ короткое время столько птицъ, сколько угодно.

По нѣкоторымъ отношеніямъ можно было бы сравнить японскаго духовнаго императора съ европейскими папами; но и это сравненіе во многомъ будетъ несправедливо, ибо папское достоинство избирательное, а домъ Кинъ-Реевъ наслѣдственный. На сей конецъ они имѣютъ по двѣнадцати женъ, чтобы ихъ колѣно никогда не прерывалось. Папы, въ своихъ владѣніяхъ, самодержавны и поступаютъ какъ независимые государи, а владѣніе Кинъ-Рея составляетъ

(*) Японцы большіе любители соколиной и ястребиной охоты, въ которой весьма искусны. Они разсказывали намъ чудеса о своихъ охотникахъ, до какой степени они умѣютъ пріучить сихъ хищныхъ птицъ къ травлѣ.

Digitized by Google

часть Японіи, и подчинено общимъ государственнымъ постановленіямъ наравнѣ съ другими княжествами, и наконецъ папа былъ главою господствующей вѣры или, лучше сказать, единственной, терпимой во всѣхъ католическихъ земляхъ, а Кинъ-Рей глава вѣры, исповѣдуемой только одною частію Японскаго Народа, хотя впрочемъ власть его простирается надъ жрецами всѣхъ сектъ въ Японіи. Что вліяніе духовнаго императора очень мало значитъ въ правленіи и въ политическихъ дѣлахъ, о томъ мы много наслышались въ бытность нашу въ плѣну. Часто случалось намъ, разговаривая съ Японцами, изъявлять негодованіе на медленность, съ какою шло наше дѣло; причемъ мы иногда говорили, что теперь разсматриваетъ его совѣтъ свѣтскаго императора, потомъ оно на разсмотрѣніе къ нему самому пойдетъ, и наконецъ, если онъ и согласится насъ освободить, то духовный императоръ, можетъ быть, рѣшенія его не утвердитъ, и такъ этому дѣлу конца никогда не будетъ. Въ такомъ случаѣ Японцы всегда намъ говаривали: не бойтесь Кинъ-Реева рѣшенія; лишь бы Кумбо-Сама (свѣтскій императоръ) согласился васъ освободить, а Кинъ-Рей-Сама не отвергнетъ уже его рѣшенія: онъ дѣлаетъ все то, что угодно императору свѣтскому. Тогда они обыкновенно разсказывали намъ, что нынѣ духовные императоры не то уже значатъ, что были встарину, и что власть ихъ существуетъ только по одной наружности.

Въ 1813 году Японцы сказывали намъ, что нынѣшній домъ духовныхъ императоровъ, или Кинъ-Реевъ, въ прямой линіи царствовалъ тогда 2413 лѣтъ, слѣдовательно начало царствованія его произошло за шесть вѣковъ до Рождества Христова. Японская Исторія сохранила имена и годы вступленія на престолъ всѣхъ государей, царствовавшихъ въ теченіе двадцати четырехъ вѣковъ; числомъ ихъ около ста тридцати. Въ продолженіе почти двадцати вѣковъ, Кинъ-Реи или, какъ Японцы ихъ иногда называютъ, Даири (или Дай-іосо) не раздѣляя власти своей ни съ кѣмъ, управляли государствомъ самовластно; какъ въ дѣлахъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, воля ихъ была для подданныхъ закономъ. Но за шесть столѣтій предъ симъ нѣкоторые воена-

Digitized by Google

чальники, пользуясь смятеніями въ государствѣ, начали нѣсколько ограничивать власть своихъ государей; въ чемъ они, дѣйствуя то тайно, то открытою силою, и успѣвали такъ, что за 230 лѣтъ предъ симъ одинъ военачальникъ, именемъ Кумбо, совершенно ограничилъ или, лучше сказать, уничтожилъ власть императора въ свѣтскихъ дѣлахъ, присвоивъ управленіе оными себѣ, и сдѣлалъ должность свою наслѣдственною въ своемъ домѣ, а императору предоставилъ одни духовныя дѣла и начальство надъ всѣми сектами въ государствѣ, также право давать свои совѣты и утвержденія въ дѣлахъ важныхъ и необыкновенныхъ. Отъ этого-то вождя произошли нынѣшніе свѣтскіе императоры, которыхъ Японцы называютъ Кумбо-Сама, то есть владѣтель или повелитель Кумбо. И такъ раздѣленіе власти въ Японіи между двумя императорами продолжается только съ небольшимъ двѣсти лѣтъ (*).

Достоинства обоихъ императоровъ наслѣдственныя для мужескаго пола, и переходятъ къ старшему сыну. Въ древнія времена въ домѣ духовныхъ императоровъ, за неимѣніемъ сыновей, вдовы ихъ и дочери вступали на престолъ, но нынѣ, если не будетъ у нихъ дѣтей мужескаго пола, то оба императора должны усыновлять дѣтей княжескихъ изъ ближнихъ своихъ родственниковъ.

Японское Государство состоитъ изъ многихъ княжествъ, которыми управляютъ владѣтельные князья, называемые даниіо, и областей, собственно принадлежащихъ императору, и состоящихъ подъ управленіемъ губернаторовъ. Владѣтельныхъ князей въ Японіи считается болѣе двухъ сотъ: большая часть изъ нихъ имѣетъ маловажныя владѣнія, но нѣкоторые напротивъ очень сильны, напримѣръ, Синдайскій даниіо, пріѣзжая въ столицу, всегда имѣетъ при

(*) Многіе изъ бывшихъ при насъ Японцевъ, обходившіеся съ нами откровеннѣе другихъ, отзывались не очень похвально о нынѣшнемъ образѣ ихъ правленія, главнымъ порокомъ коего они поставляли то, что императоръ мало занимается дѣлами, и ничего не хочетъ видѣть собственными своими глазами, а князья имѣютъ уже слишкомъ неограниченную власть надъ своими подданными.

Digitized by Google

себѣ придворный штатъ и тѣлохранителей шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Князья сіи управляютъ въ своихъ владѣніяхъ какъ самодержавные государи; они даже въ правѣ издавать новые законы, лишь бы только оные не могли имѣть вліянія на другія части имперіи, ибо въ такихъ случаяхъ, безъ утвержденія верховной власти, не можетъ быть приведено въ исполненіе ни одно узаконеніе. Каждый даиміо повиненъ содержать опредѣленное число войскъ, которыми располагаетъ свѣтскій императоръ.

Области, принадлежащія императору, управляются губернаторами, которыхъ Японцы называютъ обуніо, а для охраненія ихъ, назначаются войска изъ сосѣдственныхъ княжествъ, смѣняющіяся погодно; небольшое же число императорскихъ солдатъ находится въ нихъ безсмѣнно.

Верховный совѣтъ свѣтскаго императора состоитъ изъ пяти членовъ, которые должны быть непремѣнно владѣтельные князья. Совѣтъ сей судитъ и рѣшаетъ всѣ случаи, въ общемъ теченіи и въ обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ встрѣчающіеся, не относясь къ императору; но въ дѣлахъ необыкновенныхъ, хотя бы они и не заключали въ себѣ большой важности, безъ его воли совѣтъ ничего сдѣлать не въ правѣ; равнымъ образомъ и императоръ самъ собою, въ подобныхъ случаяхъ, ни на что не можетъ рѣшиться безъ согласія совѣта. Судя по такому постановленію, японское правительство можно было бы назвать ограниченною монархіею, если бъ императоръ не имѣлъ права смѣнять членовъ своего верховнаго совѣта безъ законной и достаточной причины; но такъ какъ онъ можетъ перемѣнять ихъ одною волею своею столь часто, сколько ему угодно, то правленія ихъ нельзя назвать ограниченнымъ; впрочемъ японскіе императоры, страшась неповиновенія князей и явнаго возмущенія, не смѣютъ употреблять во зло своей власти. До какой степени князья имъ страшны, показываетъ осторожность императоровъ, чтобъ жены и дѣти ихъ всегда жили въ столицѣ, а сами князья погодно: одинъ годъ въ своихъ владѣніяхъ, а другой въ столицѣ. Совѣтъ сей называется городжи; члены онаго занимаютъ

Digitized by Google

первое место въ японскомъ адресъ-календарѣ, который у нихъ издается ежегодно, и гдѣ помѣщаются почти всѣ гражданскіе чиновники.

Кромѣ сего, такъ сказать, верховнаго государственнаго совѣта, въ Японіи есть еще другой, который можно назвать сенатомъ, ибо въ немъ разсматриваютъ важныя уголовныя и тяжебныя дѣла, равнымъ образомъ и всѣ дѣла, заключающія въ себѣ особливую важность, должны прежде быть въ немъ разсмотрѣны и рѣшены, а потомъ уже вносятся на разсмотрѣніе верховнаго совѣта. Второй совѣтъ состоитъ изъ пятнадцати членовъ, которые могутъ быть князья и вельможи или бояре, называемые по-японски хадамадо (*).

Сіи два департамента правительства заключаютъ въ себѣ законную верховную власть, надъ которыми однако жъ, по словамъ Японцевъ, имѣетъ сильное вліяніе постороннимъ образомъ еще третье сословіе: придворные императора, называемые по-японски особа-касира. Въ числѣ ихъ есть всегда много его любимцевъ и довѣренныхъ особъ, съ которыми онъ тайно совѣтуется, прежде нежели дастъ свое мнѣніе на какое нибудь дѣло, поступившее къ нему отъ верховнаго совѣта.

Дѣла Японскаго Правительства раздѣляются на семь частей, или отдѣленій, изъ коихъ каждая ввѣрена двумъ или тремъ министрамъ, смотря по важности и обширности части. Японцы называютъ ихъ также о-буніо или буніо, какъ и губернаторовъ, придавая только къ сему имени названіе части, которою они управляютъ, напримѣръ: гогандзю-буніо, торговыхъ дѣлъ буніо; мадзино-буніо, буніо полиціи и прочее (**), а губернаторовъ они называютъ, прилагая къ слову буніо имя области, ими упра-

---

(*) Хадамадо, или бояре, составляютъ второй классъ подданныхъ въ Японіи послѣ владѣтельныхъ князей; они имѣютъ многія весьма важныя преимущества и права.

(**) Изъ этого видно, что достоинство или названіе буніо не принадлежитъ единственно тому званію, которое у насъ значитъ губернатора, но означаетъ правителя всякой важной государственной части или министра.

Digitized by Google

вляемой, какъ-то Нангасаки-буніо и проч. Въ помощь симъ министрамъ даются совѣтники, называемые гинміягу, и по нѣскольку другихъ чиновниковъ. Части правительства суть слѣдующія:

1.

Часть хозяйства и государственныхъ доходовъ.

Доходы въ Японіи большею частію взимаются сборомъ натурою десятой доли съ произведеній всякаго рода; по сей причинѣ земледѣліе, фабрики, заводы и прочія хозяйственныя заведенія вѣдаетъ то же начальство, которое управляетъ и доходами.

2.

Часть судоходства и торговли.

Здѣсь разумѣется домашняя торговля, ибо иностранная весьма малозначительна и вся производится на счетъ и въ пользу императора; домашняя же торговля въ Японіи очень обширна и большею частію отправляется моремъ, ибо Государство Японское расположено на островахъ: такое положеніе подаетъ удобные способы доставлять произведенія одной провинціи въ другую водою, а къ приморскимъ мѣстамъ изъ внутреннихъ областей и обратно по большей части товары доставляются рѣками и каналами; тамъ же, гдѣ горы препятствуютъ употреблять сіе средство, перевозятъ ихъ на вьючныхъ лошадяхъ и на быкахъ. Разнообразіе климатовъ въ японскихъ владѣніяхъ причиняетъ разность и въ произведеніяхъ областей сего чрезвычайно многолюднаго государства, отчего домашняя торговля его обширна и дѣятельна: для отправленія ея употребляется множество весьма большихъ судовъ и великое число матросовъ.

3.

Часть казенныхъ строеній.

Сей департаментъ завѣдываетъ всякаго рода обществен-

Digitized by Google

ными зданіями по всему государству, не исключая ни храмовъ, ни крѣпостей.

4.

Часть внутренняго спокойствія, тишины и благочинія въ народѣ, или, по нашему, часть полицейская.

Сіе отдѣленіе Японскаго Правительства весьма важно, ибо подозрительность императора и недовѣрчивость къ владѣтельнымъ князьямъ заставляютъ его имѣть надъ ними строгій надзоръ, какъ явнымъ образомъ, такъ и тайными средствами чрезъ шпіоновъ, а потому этою частію всегда управляютъ люди первѣйшіе въ государствѣ и такіе, къ которымъ, какъ самъ императоръ, такъ и народъ, имѣютъ болѣе довѣренности и уваженія.

5.

Судебная часть гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

Во всякомъ княжествѣ, какъ уголовныя дѣла, такъ и гражданскія, производятся по своимъ законамъ, если они не имѣютъ ни какого отношенія къ другимъ частямъ государства, и ни по какимъ другимъ причинамъ не связаны съ дѣлами общими всей имперіи; но въ противномъ случаѣ они должны быть разсмотрѣны и рѣшены симъ департаментомъ, куда поступаютъ также апелляціонныя просьбы и важныя уголовныя дѣла изъ императорскихъ областей, отъ судовъ гражданскихъ и уголовныхъ, буде они такого рода, что губернаторы не имѣютъ власти положить въ нихъ окончательнаго рѣшенія.

6.

Военная часть.

Сей департаментъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи всѣ государственные арсеналы, литейные заводы и оружейныя фабрики. Онъ также наблюдаетъ, чтобъ князья въ своихъ владѣніяхъ содержали въ надлежащей исправности опредѣленное число войскъ, отнюдь не болѣе и не менѣе, и чтобъ

Digitized by Google

опныя находились въ назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Попеченіе о содержаніи государства въ оборонительномъ состояніи также возложено законами на сію часть правительства.

7.

Духовная часть.

Что касается до духовныхъ дѣлъ, то я уже выше упоминалъ, что управленіе ими зависитъ отъ Кинь-Рея, или духовнаго императора, который имѣетъ въ нихъ неограниченную власть, какъ особа священная и божеству подобная, но это разумѣется только въ такихъ случаяхъ, когда распоряженія его дѣлами церкви не будутъ предосудительны видамъ свѣтскаго императора; иначе послѣдній, пользуясь всѣми средствами силы и способовъ, и не имѣя слишкомъ большаго уваженія къ святости мнимаго своего въ государственныхъ дѣлахъ сотрудника, скоро можетъ его ограничить.

Другія мои замѣчанія о государственномъ правленіи въ Японіи помѣщены въ разныхъ мѣстахъ первыхъ частей сей книги, и я не считаю нужнымъ повторять ихъ.

6.

Законы и обычаи.

Описывая мои приключенія въ плѣну у Японцевъ, я долженъ былъ часто говорить о ихъ законахъ и обычаяхъ. Замѣчанія мои касательно сихъ предметовъ конечно могли уже нѣсколько познакомить читателя съ Японцами; теперь, не повторяя прежде сказаннаго, я буду говорить только о томъ, о чемъ не имѣлъ случая сказать въ первыхъ частяхъ моей книги.

Жители Японіи раздѣляются на восемь классовъ или состояній: 1) даиміо, или владѣтельные князья, 2) хадамадо, или бояре, дворянство, 3) бонзы, или духовенство, 4) воинство, то есть солдаты, 5) купцы, 6) ремесленники, 7) земледѣльцы и работники, 8) рабы.

Digitized by Google

1. Не всѣ владѣтельные князья имѣютъ одинаковыя права и преимущества; нѣкоторые изъ нихъ пользуются большими привилегіями, а другіе меньшими, смотря по договорамъ и условіямъ, на которыхъ присоединились они къ сторонѣ свѣтскихъ императоровъ, когда послѣдніе возставали для уничтоженія власти духовныхъ государей. Различіе въ преимуществахъ не только заключаетъ въ себѣ важнѣйшіе предметы, но и простирается на самыя малости относительно церемоній и этикета, напримѣръ: нѣкоторые изъ князей имѣютъ право употреблять чапраки на верховыхъ лошадяхъ изъ кожъ морскихъ бобровъ, а другіе изъ барсовыхъ шкуръ и т. п. Но главнѣйшее право всѣхъ ихъ состоитъ въ томъ, что они княжествами своими владѣютъ и управляютъ самовластно, сколько совмѣстно то съ общими государственными постановленіями, и не вредитъ благу другихъ частей имперіи.

Достоинство всѣхъ владѣтельныхъ князей наслѣдственное и долженствовало бы переходить къ старшему сыну, если бъ благородное и полезное честолюбіе князей, имѣть достойныхъ наслѣдниковъ, не заставляло ихъ иногда нарушать сей порядокъ, ибо, въ случаѣ неспособности старшаго сына занять мѣсто родителя своего, они передаютъ право наслѣдства умнѣйшему изъ младшихъ, а нерѣдко случается, что князь, видя неспособность всѣхъ своихъ дѣтей, лишаетъ ихъ наслѣдства, усыновляетъ достойнѣйшаго изъ младшихъ сыновей какого нибудь другаго князя, своего родственника или и посторонняго, воспитываетъ его самъ, и передаетъ ему свое титло и владѣніе. Отъ сего обыкновенія происходитъ то, что владѣтельные князья въ Японіи почти всегда бываютъ люди умные и способные къ дѣламъ государственнымъ, и потому они такъ страшны императору, что всегда власть его могутъ держать въ предѣлахъ умѣренности.

2. Дворянство также пользуется въ Японіи весьма важными преимуществами: одни дворяне имѣютъ право быть членами втораго совѣта; также на всѣ важныя государственныя мѣста чиновники опредѣляются изъ одного дворянскаго сословія; равнымъ образомъ и губернаторами

Digitized by Google

императорскихъ областей могутъ быть лишь они одни. Въ случаѣ войны, когда составляются арміи, главнокомандующими генералами должны быть или владѣтельные князья, или изъ сословія хадамадо, то есть дворяне. Каждая дворянская фамилія имѣетъ особенные свои знаки отличія и право содержать пристойную почетную свиту, коими пользуется старшій членъ фамиліи. Достоинство дворянское также наслѣдственное и переходитъ къ старшему сыну или къ достойнѣйшему сего званія по выбору отца, который можетъ усыновить и посторонняго, въ случаѣ неспособности законныхъ дѣтей, отчего у нихъ и въ дворянскомъ сословіи рѣдко бываютъ дураки или мотовщики, ибо это можетъ случиться только отъ чрезмѣрной любви или пристрастія отца къ недостойному сыну.

3. Духовное сословіе, состоящее изъ жрецовъ и монаховъ, въ Японіи очень многочисленно, и раздѣляется на разныя степени, по которымъ и по различію сектъ, они имѣютъ особенныя свои преимущества, изъ коихъ однако жъ для нихъ самыя выгодныя тѣ, которыя хотя не означены закономъ, но, по обстоятельствамъ и по важности, сопряженной съ духовнымъ саномъ, всегда принадлежали и нынѣ принадлежатъ сему сословію у многихъ народовъ Земнаго Шара: я разумѣю праздность и удобство хорошо жить на счетъ другихъ.

4. Воинство или солдаты. Въ это состояніе подданныхъ не должно включать высшихъ воинскихъ чиновниковъ, ибо въ Японіи они назначаются изъ дворянъ или изъ другаго званія людей, имѣющихъ гражданскія должности въ государствѣ, потому что каждый, служащій императору или князьямъ, долженъ обучаться и военной наукѣ, дабы во время войны могъ служить противъ непріятеля; но какъ Японцы полагаютъ, что война есть дѣло временное и скоропреходящее, то они не хотятъ всю жизнь свою посвящать такому ремеслу, которое, судя по отдѣльному положенію ихъ государства и по миролюбивой политикѣ правительства, не доставитъ, можетъ быть, случая цѣлому поколѣнію, отъ прадѣда до правнука, быть полезнымъ и оказать услугу своему отечеству. И для того всякій знатный Японецъ

Digitized by Google

старается служить въ гражданской должности, а въ то же время учится и военному искусству, и когда представляется случай, то они начальствуютъ надъ солдатами въ крѣпостяхъ или въ другихъ мѣстахъ, для сохраненія тишины и спокойствія въ народѣ. Званіе нижнихъ военныхъ чиновъ и простыхъ воиновъ есть наслѣдственное, и потому они составляютъ особенный классъ народа; каждый воинъ, какъ бы онъ старъ и слабъ ни былъ, не прежде получаетъ отставку, какъ по представленіи вмѣсто себя сына, совсѣмъ обученнаго должности солдата. Дѣтей въ это званіе принимаютъ лѣтъ пятнадцати. Если солдатъ имѣетъ болѣе одного сына, то воленъ отдать всѣхъ ихъ въ службу, или только одного какого, а прочихъ опредѣлить въ другое званіе; кто не имѣетъ сыновей, тотъ можетъ усыновить пріемыша, воспитать и представить его вмѣсто себя. Законы дозволяютъ какъ солдатамъ, такъ и другихъ состояній подданнымъ брать трехъ пріемышей, но если они умрутъ, то четвертаго взять не позволяютъ, полагая, что это будетъ конечно противно волѣ боговъ, которые къ нему не благоволятъ и не хотятъ, чтобъ онъ имѣлъ дѣтей.

Въ Японіи солдаты пользуются большимъ уваженіемъ: простой народъ и даже купцы, разговаривая съ ними, придаютъ имъ титулъ сама или господинъ, и вообще оказываютъ всѣ знаки почтенія, а особенно солдатамъ войскъ самого императора, о преимуществѣ коихъ предъ княжескими говорено въ первой части. Немудрено было нѣкоторымъ европейцамъ, приходившимъ въ Японію, ошибкою принять за чиновныхъ особъ простыхъ солдатъ, которые обыкновенно, когда приходятъ къ нимъ европейскіе корабли, наряжаются въ богатое шелковое, шитое золотомъ и серебромъ платье, и встрѣчаютъ ихъ гордо. Европейцы, привыкшіе въ званіи солдата видѣть послѣдній классъ людей, который вытягивается и говоритъ почтительно со всѣмъ тѣмъ, что опрятно одѣто и прикрыто наружными знаками благородства, или такъ сказать съ господами, увидѣвъ предъ собою богато одѣтыхъ людей съ двумя саблями, которые гордо предъ ними сидѣли, курили трубки и говорили съ важностью, конечно не могли вообразить, чтобъ

Digitized by Google

то были простые солдаты, и должны были принять ихъ за людей чиновныхъ. Мы и сами въ первые дни нашего плѣна впали въ подобную ошибку, думая: видно Японцы насъ очень боятся или берегутъ, что опредѣляли къ намъ въ караулъ офицеровъ; но познакомившись съ ними покороче, мы узнали, кто таковы были эти офицеры: они были солдаты Князя Намбуоскаго. Всѣ воины, даже и рядовые, имѣютъ право носить саблю и кинжалъ наравнѣ съ первѣйшими людьми и всѣми чиновниками въ государствѣ. Почти въ каждомъ селеніи находится по два и болѣе солдатъ, наблюдающихъ за порядкомъ и исправностью полиціи. Лишить воина солдатскаго званія (*) есть большое для него наказаніе, и опредѣляется только за важныя преступленія. Старшій солдатъ, бывшій (сказать по нашему, вмѣсто унтеръ-офицера) при насъ на внутреннемъ караулѣ, въ ту ночь, когда мы ушли, былъ разжалованъ въ работники за его оплошность, но послѣ возвратили ему опять званіе доссина. Пока онъ былъ разжалованъ, то не брилъ ни волосъ на головѣ (**), ни бороды, не стригъ ногтей, и симъ, такъ сказать, трауромъ изъявлялъ глубокую свою печаль. Японскіе солдаты такъ честолюбивы, что нерѣдко за обиду выходятъ между собою на поединокъ.

5. Купечество въ Японіи очень многочисленно и богато, но не въ уваженіи. Купцы не имѣютъ права носить никакого оружія; однако жъ надобно замѣтить, что званіе ихъ лишено почтенія, а не богатство: послѣднее, какъ и у насъ, въ Европѣ, замѣняя всѣ таланты и достоинства, пользуется большими привилегіями, и снискиваетъ себѣ почести. Японцы сами сказывали намъ, что хотя ихъ вельможи и чиновные люди по наружности ведутъ себя гордо въ сношеніяхъ съ купечествомъ, и по-видимому не обращаютъ на людей сего состоянія ни малѣйшаго вниманія, но частнымъ образомъ имѣютъ съ богатыми купцами знакомство, обращаются съ ними дружески, и даже часто

(*) Простой солдатъ по-японски называется доссинъ.

(**) Японцы имѣютъ обыкновеніе брить головы, о чемъ будетъ упомянуто ниже.

Digitized by Google

бываетъ ими одолжаемы. При насъ находился нѣсколько времени чиновникъ, очень молодой человѣкъ, сынъ богатаго купца, который, по словамъ Японцевъ, получилъ офицерское достоинство не по заслугамъ, но по проискамъ отца своего, а отецъ сдѣлалъ это помощію денегъ. И такъ, хотя японскіе законы, въ семъ отношеніи, кажется, несправедливыми, и унижаютъ торговое сословіе, но богатство возвышаетъ оное; слѣдовательно, когда чудодѣйственная сила золота и въ Японіи уже, гдѣ законы наблюдаются строго и со всею возможною точностью, беретъ иногда верхъ надъ ними, то мудрено ли, что нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было сдѣлать въ Европѣ посредствомъ денегъ!

6. Ремесленники. Мало просвѣщенные Японцы, кажется, не знаютъ еще различія между состояніемъ ремесленника, и художника, или, если угодно, артиста, и потому у нихъ писатель картинъ съ красильщикомъ домовъ, архитекторъ съ строителемъ заборовъ, ваятель съ мѣдникомъ, и т. п. принадлежатъ къ одному и тому же состоянію гражданъ. Права и преимущества ихъ въ обществѣ почти тѣ же, коими пользуются купцы, еще съ тою разностью, которая происходитъ въ пользу послѣднихъ отъ ихъ богатства.

7. Земледѣльцы и работники составляютъ послѣдній классъ свободныхъ людей въ Японіи. Къ сему состоянію принадлежатъ всѣ тѣ, которые должны снискивать себѣ пропитаніе, нанимаясь въ работу къ другимъ, ибо въ Японіи такое многолюдство, что кто имѣетъ хотя клочекъ земли, тотъ уже самъ ея не обрабатываетъ, а нанимаетъ другихъ, вовсе ничего не имѣющихъ. Въ караулъ къ намъ хаживали солдаты, которые имѣли у себя огороды; они ихъ не обрабатывали, а нанимали для сего работниковъ; сами же, въ свободное отъ должности время, ходили на охоту и продавали свою добычу. Матросы принадлежатъ къ этому же классу людей, который Японцы называютъ фякшо-сшто: сшто значитъ люди, а фякшо, работающіе, т. е. рабочіе люди. Вообще же людей низшаго состоянія, какъ-то купцовъ, ремесленниковъ и проч., они называютъ мадагино-

Digitized by Google

сито. Если это выраженіе перевести литерально, то оно будетъ значить: уличный народъ, т. е. народъ, толпящійся на улицахъ.

8. Послѣдній классъ японскихъ подданныхъ составляютъ рабы, находящіеся въ собственности господъ. Это униженное состояніе людей происходитъ отъ плѣнниковъ, встарину взятыхъ въ Китаѣ, Кореѣ и проч. и отъ дѣтей, продаваемыхъ въ рабство своими родителями, къ чему понуждаетъ ихъ крайняя бѣдность, лишающая несчастныхъ всякаго средства вскормить ихъ. Такая продажа дѣтей и нынѣ употребительна; что же касается до плѣнниковъ, то законъ брать ихъ въ рабство отмѣненъ съ тѣхъ поръ, какъ Японцы истребили у себя Христіанскую Вѣру; теперь у нихъ постановлено держать плѣнниковъ въ вѣчномъ заключеніи, согласно съ самымъ древнимъ ихъ закономъ. Отъ этого они получаютъ ту пользу, что плѣнные, обращеніемъ съ жителями, не могутъ ввести въ народъ своей вѣры и чужихъ обычаевъ и нравовъ. Рабы находятся въ полной власти своихъ господъ.

Я не могъ добиться толку у знакомыхъ нашихъ Японцевъ, какой классъ составляютъ чиновники, которые не изъ дворянъ, т. е. медики, ученые и младшіе дѣти дворянскіе. Они намъ говорили, что это почтенные въ обществѣ люди, имѣютъ приличныя своимъ чинамъ названія, но особеннаго класса для нихъ нѣтъ. Мы знаемъ только, что ихъ ученые и лекаря носятъ по саблѣ и кинжалу, какъ и всѣ чиновники, и обращаются съ ними фамиліярно, а имѣютъ ли они какіе гражданскіе чины или сравнены съ ними, Японцы не могли намъ объяснить. Они сказывали намъ только, что первый медикъ изъ двухъ сотъ лекарей (*), при свѣтскомъ императорѣ находящихся, достоинствомъ чина равенъ матсмайскому губернатору.

(*) Такое непомѣрное множество лекарей покажется, можетъ быть, страннымъ; но надобно знать, что кромѣ обязанности лечить весь многочисленный императорскій придворный штатъ, они должны выбирать щипцами каждое зерно сарачинскаго пшена для пищи императору, а эта должность доставляетъ имъ всѣмъ не малое занятіе.

Digitized by Google

Японцы говорятъ, что ихъ законы подобны желѣзной пирамидѣ, которой ни климатъ, ни бури, ни время сокрушить, ни даже измѣнить не могутъ. Правительство ихъ видитъ многіе, весьма важные недостатки въ своемъ законодательствѣ, изъ коихъ главнѣйшій есть жестокость въ наказаніяхъ, но страшится перемѣнить оное вдругъ, а дѣлаетъ это постепенно и весьма медленно. Такая боязнь происходитъ отъ того, чтобъ не привести древнихъ государственныхъ постановленій въ презрѣніе у народа, и чрезъ то не пріучить его къ перемѣнамъ въ законахъ, дабы отъ сего не произошло въ немъ желанія оставить коренные свои нравы и обычаи, и принять другіе. Эта склонность въ народѣ, по мнѣнію Японскаго Правительства, можетъ быть весьма пагубна для государства, ибо въ состояніи произвести въ политическомъ устройствѣ имперіи переворотъ, могущій подать поводъ къ междоусобной войнѣ, а наконецъ и къ порабощенію всего государства какою нибудь чужою державою. Вотъ причина, заставляющая Японское Правительство держаться древнихъ своихъ законовъ, сколь впрочемъ они ни жестоки. Но чтобы народъ не страдалъ отъ ихъ излишней строгости, благоразумная политика правительства умѣетъ тонкимъ образомъ смягчать кары, не нарушая ни мало силы и святости закона, напримѣръ: въ японскомъ уголовномъ законоположеніи повелѣно, въ случаѣ запирательства обвиняемаго, употреблять пытки самыя ужасныя, какія только могла изобрѣсть злоба во времена варварскія (*); но судьи почти никогда не прибѣгаютъ къ сему безчеловѣчному средству: имъ предписано, хотя нѣсколько мѣсяцевъ протянуть дѣло, но только увѣщаніями заставить подсудимаго добровольно признаться въ преступленіи, или хитростью добраться до истины; если же ни то, ни другое не будетъ дѣйствительно, а престу-

(*) Одна изъ сихъ пытокъ дѣлается такимъ образомъ: ставятъ судимаго на весьма тупую саблю или на желѣзную полосу голыми колѣнами и навѣшиваютъ на него камни, одинъ послѣ другаго, такъ что по мѣрѣ прибавленія тяжести, боль увеличивается; и сію-то пытку Японцы почитаютъ еще легчайшею въ сравненіи съ другими.

Digitized by Google

иленіе подвержено сомнѣнію, то стараться сыскать причину къ оправданію судимаго; и потому Японцы тогда только употребляютъ пытку, когда злодѣй, бывъ явно въ своей винѣ уличенъ, запирается; въ такомъ случаѣ она служитъ ему вмѣсто наказанія. Съ такими же человѣколюбіемъ и кротостью поступаютъ въ случаяхъ, гдѣ за малое преступленіе опредѣлено большое наказаніе: тогда судьи стараются изыскать причины къ уменьшенію вины въ глазахъ законовъ, или не приводя на видъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, сдѣлать преступленіе маловажнымъ, или же и совсѣмъ оправить виноватаго, если вина очень мала. Примѣръ сему былъ въ дѣлѣ нашихъ караульныхъ и работниковъ, когда мы ушли; объ этомъ случаѣ упомянуто во второй части сей книги.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ японскіе законы позволяютъ обиженному самому управляться съ виноватыми, напримѣръ: мужъ, заставъ жену свою въ прелюбодѣяніи, можетъ тутъ же на мѣстѣ умертвить ее и прелюбодѣя; ему стоитъ только доказать, что дѣйствительно засталъ ихъ. То же можетъ сдѣлать и отецъ съ прелюбодѣемъ своей дочери, если она впадетъ въ подобное преступленіе, а въ жизни своихъ виновныхъ дѣтей отецъ имѣетъ совершенную власть.

Въ тяжебныхъ и спорныхъ дѣлахъ Японцы большею частію разбираются посредниками, самими ими выбранными; когда же посредники не въ состояніи ихъ помирить, тогда только прибѣгаютъ они къ суду.

По наслѣдству и раздѣлу имѣнія у нихъ едва ли могутъ быть какія либо тяжбы, ибо это зависитъ совершенно отъ воли отцевъ, которые, по большей части, заблаговременно дѣлаютъ имѣнію своему распоряженіе. Родители въ Японіи рѣдко дѣлятъ имѣніе дѣтямъ своимъ поровну, но обыкновенно даютъ самую большую часть старшему или достойнѣйшему изъ сыновей, а прочимъ только по малой частицѣ; дочерямъ же не даютъ вовсе ни какого приданаго, а напротивъ того, если дочь хороша собою, то женихъ еще за нее платитъ, и если онъ богатъ, то плата иногда простирается до весьма значительной суммы.

Японцы имѣютъ по одной, такъ сказать, законной или настоящей женѣ, которая въ высшемъ классѣ людей

Digitized by Google

должна быть одного состоянія съ мужемъ, и бываетъ съ нимъ вѣнчана въ храмѣ съ большою церемоніею; но кромѣ ея они могутъ имѣть сколько кому угодно наложницъ, которыхъ, нѣкоторымъ образомъ, также можно назвать женами, ибо содержаніе ихъ не почитается предосудительнымъ ни ихъ чести, ни чести любовниковъ: онѣ живутъ явно въ одномъ съ нимъ домѣ, и бываютъ всѣ вмѣстѣ. Мужъ имѣетъ право развестись съ своею женою по одной прихоти, не давая никому отчета въ семъ поступкѣ, и потому-то мужчина, считающійся непостояннымъ, долженъ дорого заплатить отцу, чтобъ онъ согласился отдать за него дочь свою.

Японки никогда почти не выходятъ замужъ моложе пятнадцати лѣтъ; но жаркій климатъ причиною, что онѣ созрѣваютъ для супружества гораздо ранѣе: ихъ ученые, при насъ бывшіе, сказывали намъ за достовѣрное, что въ одной изъ южныхъ провинцій Японіи дѣвочка осьми лѣтъ сдѣлалась матерью отъ двѣнадцатилѣтняго мальчика; впрочемъ въ истинѣ сего происшествія ручаться не могу. Сватовство, сговоръ и свадьба дѣлаются у Японцевъ со многими странными и смѣшными обрядами, а у богатыхъ съ великою пышностью, причемъ много пьютъ и веселятся; но чувствительность и нѣжность родителей не позволяютъ имъ иногда, при бракосочетаніи дочерей своихъ, наслаждаться полнымъ удовольствіемъ. Бывшій при насъ переводчикъ Кумаджеро, пришедъ къ намъ на другой день свадьбы дочери своей, сказалъ, что вчера онъ отдалъ дочь замужъ и много плакалъ. О чемъ же плакать? спросили мы его, въ такомъ случаѣ надобно было бы веселиться.—«Правда, отвѣчалъ онъ, должно было бы веселиться, если бъ я могъ быть увѣренъ, что мужъ будетъ любить дочь мою и сдѣлаетъ ее счастливою, но иногда бываетъ въ супружествѣ противное, а потому, въ невольномъ страхѣ будущаго несчастія, сердце отца, провожающаго дочь со двора, не можетъ быть покойно.» Онъ произнесъ это со слезами на глазахъ и такимъ голосомъ, что и мы были тронуты. Одинъ изъ старинныхъ свадебныхъ обрядовъ у Японцевъ есть тотъ, что при сговорѣ чернятъ невѣстѣ зубы крѣпкимъ составомъ, сдѣланнымъ изъ желѣзныхъ опилковъ и соку

Digitized by Google

какого-то растенія, такъ что послѣ на всю жизнь остается она съ черными зубами, которые служатъ вывѣскою замужней женщины или вдовы. Другое обыкновеніе ихъ состоитъ въ томъ, что при рожденіи каждаго младенца, они сажаютъ у себя въ саду или на дворѣ дерево, которое достигаетъ полнаго своего роста чрезъ столько лѣтъ, чрезъ сколько человѣкъ дѣлается способнымъ къ супружеству, и когда надлежитъ ему вступить въ бракъ, дерево срубаютъ и дѣлаютъ изъ него сундуки и ящики для поклажи платья и другихъ вещей, приготовляемыхъ для новобрачнаго. Японецъ можетъ столько разъ вступать въ бракъ, сколько ему угодно; на родныхъ сестрахъ законы не позволяютъ имъ жениться, но далѣе на всякой роднѣ можно.

Японцы вообще ревнивы, но этотъ порокъ болѣе существуетъ между знатными, нежели въ людяхъ средняго и нижняго состоянія. Только князья и бояра, да еще богачи, подражающіе вельможамъ, держатъ своихъ женъ почти всегда въ ихъ комнатахъ, куда никто изъ мужчинъ не можетъ имѣть доступа, кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ, да и то рѣдко; къ сему понуждаетъ ихъ сколько ревность, столько же и гордость, и можетъ быть послѣдняя еще болѣе. Что же касается до женъ другихъ состояній, то онѣ могутъ посѣщать своихъ родныхъ и пріятельницъ, и показываться на улицахъ и публичныхъ гульбищахъ съ открытымъ лицемъ; но обращаться или разговаривать съ мужчинами безъ своихъ мужей отнюдь не смѣютъ. Впрочемъ ревность Японцевъ никакъ не можетъ сравниться съ ревностью другихъ народовъ Азіи; я даже думаю, что ихъ и ревнивыми нельзя назвать, а только осторожными, или просто сказать, что они не ревнивѣе Европейцевъ.

Японцы умѣютъ хорошо воспитывать своихъ дѣтей. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ обучаютъ ихъ читать и писать, законамъ, отечественной исторіи и географіи своего государства, а на возрастѣ пріучаютъ къ военному ремеслу. Но важнѣе всего то, что они весьма искусно умѣютъ въ юности пріучать ихъ къ терпѣнію, скромности и учтивости; похваль-

4. *

Digitized by Google

нья: сіи качества Японцевъ мы имѣли случай испытать на самомъ дѣлѣ много разъ: въ повѣствованіи о моихъ приключеніяхъ въ плѣну я упоминалъ, съ какимъ терпѣніемъ, тихостью и ласками они съ нами поступали и выслушивали наши доводы, а часто упреки и даже самую брань, хотя, признаться должно, ихъ дѣло было справедливѣе нашего. Горячо спорить почитается у Японцевъ за великую неблагопристойность и грубость; мнѣнія свои они всегда предлагаютъ учтивымъ образомъ со многими извиненіями и съ знаками недовѣрчивости къ своимъ собственнымъ сужденіямъ, а возраженій никогда ни на что открыто не дѣлаютъ, но всегда обиняками и по большей части примѣрами и сравненіями, чему я приведу здѣсь нѣкоторые примѣры изъ нашихъ съ ними споровъ. Мы порицали ихъ политику убѣгать всякихъ сношеній съ другими народами и представляли имъ выгоды, происходящія для Европейцевъ отъ ихъ взаимныхъ между собою связей, какъ-то, что мы пользуемся открытіями и изобрѣтеніями, сдѣланными въ прочихъ государствахъ, а другіе нашими; свои произведенія доставляемъ къ чужимъ народамъ, а они къ намъ привозятъ свои, для насъ нужныя, отчего увеличиваются трудолюбіе и дѣятельность, и жители Европы наслаждаются многими удовольствіями и пріятностями, которыхъ они не могли бы имѣть, если бъ наши государи захотѣли, подражая японскому правленію, прервать всякое сообщеніе съ другими землями; словомъ, въ похвалу нашей системы, и въ порицаніе японской политики, мы приводили все то, что приходило намъ на умъ изъ читаннаго или слышаннаго нами о семъ предметѣ. Японцы слушали насъ со вниманіемъ, хвалили тонкій умъ и прозорливость европейскихъ правительствъ, и по-видимому убѣждаясь сильными нашими доводами, во всемъ съ нами соглашались. Наконецъ, перемѣняя постепенно разговоръ, склонили они его нечувствительно къ войнѣ, и спросили насъ: отчего случается, что въ Европѣ пяти лѣтъ не пройдетъ, чтобъ не было войны, а если двѣ націи поссорятся, то и многія другія вмѣшиваются въ ихъ ссору, и война дѣлается общею во всей Европѣ? Оттого, сказали мы, что сосѣдство и всегдаш-

Digitized by Google

нія связи подаютъ поводъ къ распрямъ, которыя не всегда можно рѣшить дружелюбно, а особливо, когда тутъ вмѣшиваются частныя выгоды или честолюбіе; когда одна нація возьметъ надъ другою въ войнѣ большое преимущество и станетъ усиливаться, то другія, чтобъ не допустить ее сдѣлаться опасною для нихъ самихъ, берутъ сторону слабой и ведутъ войну противъ сильнѣйшей, которая также съ своей стороны старается найти союзниковъ, а оттого война часто дѣлается почти всеобщею. Японцы, слушая насъ, хвалили мудрость европейскихъ государей, потомъ спросили: сколько въ Европѣ считается всѣхъ державъ? и когда мы имъ перечитали всѣ по именамъ, то они спросили насъ, что, если бъ Японія и Китай вошли въ сношенія и связи съ европейскими государствами и стали слѣдовать ихъ системѣ, то не чаще ли бы случалась война между людьми, и не болѣе ли бы полилось человѣческой крови?— Да, такъ, это могло бы быть, отвѣчали мы. А если такъ, продолжали они, то для уменьшенія народныхъ бѣдствій, не лучше ли, по нашему мнѣнію, оставаться Японіи на прежнемъ основаніи, нежели входить въ связи и сношенія съ Европою, въ пользѣ коихъ часа за два предъ симъ вы старались убѣдить насъ. — Признаться, я не зналъ что отвѣчать на такое нечаянное, издалека выведенное возраженіе, и принужденъ былъ сказать, что когда бы я могъ хорошо говорить по-японски, то конечно доказалъ бы имъ справедливость нашего мнѣнія; но про себя думалъ, что если бъ я былъ и ораторъ японскій, то трудненько было бы мнѣ опровергнуть сію истину. Въ другой разъ Японцы, слушая отъ насъ, какими преимуществами пользуются Европейцы противъ нихъ, и сколько есть у насъ удовольствій, въ Японіи неизвѣстныхъ, изъявили свое желаніе пожить нѣсколько лѣтъ въ Европѣ; потомъ, склонивъ разговоръ къ ихъ отечеству, сказали намъ, что въ Японіи есть по сосѣдству два города, одинъ большой, а другой маленькій, которые они назвали и по именамъ; въ большомъ жители богаты и имѣютъ во всемъ, какъ нужномъ, такъ и къ роскоши служащемъ, великое изобиліе; но, къ несчастію, почти всѣ они въ безпрестанной между собою ссорѣ, и

Digitized by Google

такъ много тамъ бездѣльниковъ, что ночью опасно ходить по улицамъ; но въ маломъ городѣ есть только самое нужное; затѣмъ жители живутъ между собою какъ братья, и ссоръ у нихъ не бываетъ. Услышавъ отъ насъ, что мы малому городу отдаемъ преимущество предъ большимъ, они тотчасъ уподобили ихъ Европѣ и Японіи, и кажется, не безъ разсудительной причины.

Въ обращеніи между собою Японцы отмѣнно учтивы, и какъ младшіе къ старшимъ, такъ и люди одного состоянія другъ къ другу почтительны. Кланяются они присѣдая; если кому хотятъ изъявить отличное почтеніе, то совсѣмъ становятся на колѣни и нагибаются до земли, но это дѣлаютъ только въ комнатахъ, а на улицахъ показываютъ лишь видъ, что хотятъ такъ поклониться, и при семъ случаѣ ничего не говорятъ; буде же кому высшему себя изъявляютъ обыкновенное почтеніе, то присѣдая нагибаются такъ, чтобъ пальцами коснуться земли, и называютъ именемъ того, кому кланяются, втягивая дыханіе въ себя, напримѣръ: *Ай! Сампе-сама,* т. е. А, господинъ Сампе. Если же отдаютъ почтеніе равному себѣ, то присѣдая кланяются, кладутъ руки ладонями на колѣни, и говорятъ: *ай! конижди,* это значитъ: а сегодня, и по свойству Японскаго Языка означаетъ привѣтствіе, или *ай! тенки іой, ай! тенки-вари,* т. е. а! хорошая погода, а а! худая погода, или *гогро-да-гузаръ;* это выраженіе литерально значитъ: сердце есть, а употребляется какъ у насъ: здравствуйте. При свиданіи, послѣ первой учтивости, Японцы распрашиваютъ нѣсколько минутъ одинъ другаго, съ большими комплиментами и поклонами, о здоровьѣ, о родныхъ и о прочемъ. Солдаты, содержавшіе при насъ караулъ, при смѣнѣ, никогда не приступали къ дѣлу, не скававъ прежде другъ другу множества привѣтствій и учтивостей, такъ что иногда проводили они минуты три и болѣе въ поклонахъ и взаимныхъ комплиментахъ, а потомъ начинали уже смѣняться. При разставаніи обыкновенное ихъ прощаніе состоитъ въ такихъ же поклонахъ, причемъ упоминаютъ о времени, когда надѣются опять увидѣться, напримѣръ: *ай, коконотцв,* а! девять часовъ,

Digitized by Google

или *ей! міонджи*, а! завтра, и проч. Это значитъ то же, что у насъ сказать: до свиданія.

Каменнаго строенія, кромѣ фундаментовъ, нѣтъ во всей Японіи: причиною тому сильныя землетрясенія. Деревянные домы по большей части въ одинъ арусъ, однако жъ бываютъ и двуэтажные, но всѣ вообще построены легко: теплый климатъ позволяетъ это. Внутреннія перегородки, раздѣляющія комнаты, всегда подвижныя, такъ что, выставивъ ихъ, можно сдѣлать изъ всего дома одну комнату. Печей и каминовъ у нихъ не бываетъ; климатъ дѣлаетъ ихъ ненужными, но огонь держатъ они въ небольшихъ, красиво сдѣланныхъ жаровняхъ, а въ домахъ простыхъ людей на очагахъ. Мебелей Японцы ни какихъ не имѣютъ; на полу у нихъ постланы весьма чистые, красивые маты, на которые для гостей настилаютъ иногда ковры или сукно. Украшеніемъ внутренности японскихъ домовъ служитъ разнаго рода оружіе, фарфоровая посуда и всякія рѣдкости, да еще стѣны обитыя золоченною или раскрашенною бумагою; у богатыхъ же людей онѣ бываютъ обложены разными рѣдкими деревьями, и отдѣланы съ большимъ искусствомъ рѣзною работою съ позолотой. Снаружи Японцы домовъ своихъ почти ничѣмъ не украшаютъ; разность между домами людей знатныхъ и простыхъ, кромѣ величины ихъ, состоитъ въ томъ еще, что первые стоятъ всегда среди обширнаго двора, окруженнаго высокою стѣною, или землянымъ валомъ, такъ, что съ улицы видна одна крышка дома. Сверхъ того всѣ люди знатные и богатые имѣютъ подлѣ своихъ домовъ пространные сады, до коихъ Японцы великіе охотники. Въ садоводствѣ они очень искусны; многіе изъ нихъ для садовъ ничего не жалѣютъ. Но самымъ лучшимъ и пристойнѣйшимъ украшеніемъ въ японскихъ домахъ можетъ почесться отмѣнная чистота и опрятность, какую наблюдаютъ въ нихъ люди всѣхъ состояній.

Кромѣ домовъ людей знатныхъ и богачей, всѣ прочіе въ японскихъ городахъ строятся вплоть одинъ подлѣ другаго, и улицы весьма узки; оттого пожары у нихъ бываютъ крайне опустошительны, не смотря на то, что очень

Digitized by Google

легко и удобно сломать японскій домъ, который весь состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ брусьевъ и тонкихъ досокъ.

Городская полиція въ Японіи очень строга, и весьма заботится о тишинѣ и спокойствіи жителей; кромѣ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ для соблюденія безопасности и благочинія въ городахъ, въ каждой улицѣ избираются изъ граждамъ старшина и помощники его, которые должны сохранять и отвѣтствовать за тишину и порядокъ въ своей улицѣ; на площадяхъ и перекресткахъ устроены будки, въ которыхъ находятся пожарные инструменты, и всегда бываетъ караулъ. По ночамъ часто ходятъ дозоры по всѣмъ улицамъ, и никто не смѣетъ ночью итти по улицѣ безъ фонаря. На случай же пожара содержатся у нихъ особливыя команды: въ Эддо, столичномъ городѣ свѣтскаго императора, 48 тысячъ человѣкъ составляютъ пожарную команду; она раздѣлена на 48 полковъ, изъ коихъ каждый называется одною буквою японскаго алфавита (*), которая нашита у нихъ и на платьѣ вмѣсто знака отличія.

Всѣ Японцы, кромѣ духовныхъ, носятъ платье одного покроя, также и голову убираютъ одинаковымъ образомъ всѣ состоянія безъ различія. Между знатными, чиновниками и простыми солдатами, разность только есть въ военной одеждѣ, да еще вельможи, имѣющіе право являться ко двору, въ Новый Годъ пріѣзжаютъ съ поздравленіемъ къ императору въ длинномъ китайскомъ нарядѣ, который только одинъ разъ въ году они и надѣваютъ, и кромѣ ихъ никто не имѣетъ права носить такого платья; обыкновенное же китайское платье употреблять Японцамъ не запрещено, только очень немногіе пользуются симъ позволеніемъ. Отецъ нашего переводчика Теске носилъ китайское платье, и бороды не брилъ; по сему случаю мы узнали, что въ Японіи всякъ можетъ одѣваться по-китайски, кромѣ чиновниковъ и людей служащихъ. Мужчины брѣютъ голову и бороду, оставляя только длинные во-

(*) Японская азбука имѣетъ, какъ выше упомянуто, 48 буквъ.

Digitized by Google

лосы вокругъ задней части головы, то есть на вискахъ и по всему затылку; эти остальные волосы сбираютъ они вмѣстѣ, и на самой маковкѣ, перевязавъ крѣпко тонкимъ бѣлымъ снуркомъ, вплоть къ самой головѣ, загибаютъ напередъ пучкомъ, длиною вершка въ полтора и опять перевязываютъ тѣмъ же снуркомъ, такъ, чтобъ пучекъ плотно лежалъ по черепу (*). Сколь ни проста эта прическа, но и въ ней Японцы имѣютъ свое щегольство, которое состоитъ въ хорошей помадѣ и въ томъ, чтобъ волосы лежали сколько возможно ровнѣе и правильнѣе одинъ къ другому, и казались не столько волосами, сколько твердымъ тѣломъ подъ лакомъ, а особливо пучекъ долженъ походить совершенно на четырегранный лакированный кусокъ дерева, имѣющій сверху и по обѣимъ сторонамъ выемки, наподобіе желобковъ. Японскіе волосочесы такъ искусны, что и дѣйствительно даютъ имъ это сходство; такая прическа требуетъ не мало времени. Женскій головной уборъ состоитъ въ большихъ тупеяхъ, очень похожихъ на наши старинныя дамскія прически, съ тою лишь разностью, что Японки не пудрятся, и въ множествѣ цвѣтовъ и лентъ, которые онѣ накалываютъ на волосы; сверхъ того часто втыкаютъ въ большіе свои тупеи по нѣскольку золотыхъ или серебряныхъ, довольно толстыхъ шпилекъ, похожихъ на ключи, которыми пѣвчіе пробуютъ тоны. Но всего смѣшнѣе убираютъ они головы дѣтямъ, не имѣющимъ еще пяти лѣтъ отъ роду: уборъ ихъ расположенъ по лѣтамъ, на каждомъ году особенный; нѣкоторымъ оставляютъ обручекъ волосъ кругомъ всей головы, а прочее брѣютъ; у другихъ только на тѣмени оставляютъ клочекъ волосъ, въ который ввязываютъ ленты; у иныхъ опять тѣмя выбрито, а волосы есть только на вискахъ или на затылкѣ, въ которые также вяжутъ ленты или искусственные цвѣты.

Мужское и женское платье въ Японіи шьется наподобіе нашихъ халатовъ безъ воротниковъ, но съ шалями; только что послѣднее гораздо длиннѣе, и притомъ у обо-

(*) Духовные же и лекаря высшихъ степеней брѣютъ начисто всю голову.

Digitized by Google

ихъ рукава простираются немного далѣе локтей, и такъ широки, какъ у священническихъ рясъ; нижняя часть рукава немного сшивается, отчего въ нихъ дѣлается родъ мѣшковъ, которые служатъ Японцамъ вмѣсто кармановъ. Ѳбыкновенное ихъ платье, называемое хирамоно, длиною до пятъ; кромѣ рукавовъ оно во всемъ похоже на наши халаты, только внизу немного поуже. Такихъ халатовъ, какъ для щегольства, такъ и отъ холода, они надѣваютъ иногда по пяти и по шести, опоясываясь сверху кушакомъ, раза два кругомъ пояса обвернутымъ, концами назадъ (*). Всѣ Японцы, имѣющіе хотя малое состояніе, носятъ шелковое платье, а особливо по праздникамъ; только богатые изъ лучшихъ матерій, а бѣдные похуже. Простой народъ обыкновенно ходитъ въ бумажномъ платьѣ, а самые бѣдные люди во время работы носятъ халаты изъ толстой холстины, похожей на парусину. Рубашки у Японцевъ не употребляются, а вмѣсто нихъ люди хорошаго состоянія носятъ обыкновеннаго ихъ покроя бѣлые халаты изъ самой тонкой бумажной матеріи, на которые надѣваютъ уже прочіе свои хирамоно, и все вмѣстѣ опоясываютъ. Если Японцу въ комнатѣ покажется тепло, то, не распоясываясь, онъ снимаетъ верхній халатъ, и оставляетъ его сзади на кушакѣ; если этого не довольно, то и другой также снимаетъ, наконецъ еще одинъ, и буде нужно, то останется и въ одномъ, а когда почувствуетъ холодъ, то прибавляетъ такимъ же образомъ одежду постепенно. Женщины для щегольства надѣваютъ еще болѣе халатовъ одинъ на другой. Японцы сказывали намъ, что щеголихи иногда носятъ ихъ по двадцати; надобно замѣтить однако жъ, что они дѣлаются изъ весьма тонкихъ матерій. Женщины точно такъ же одѣваются, какъ и мужчины, только кушаки ихъ гораздо шире и концы висятъ длиннѣе. Другой родъ японскаго платья называется хаури. Покрой его одинаковъ съ прежнимъ,

(*) Кто въ правѣ носить кинжалъ или кинжалъ съ саблею, тотъ затыкаетъ ихъ за кушакъ, оба вмѣстѣ на лѣвой сторонѣ. Солдаты носятъ и портупеи, но оружія не навѣшиваютъ на нихъ по нашему, а также затыкаютъ за кушакъ.

Digitized by Google

только въ длину немного ниже колѣна и гораздо шире, ибо носятъ оное сверхъ всего платья, и кушакомъ не опоясываютъ, а нараспашку. Это платье нѣкоторымъ образомъ нарядное. Въ хирамоно можно только запросто выйти на улицу или сдѣлать посѣщеніе короткому пріятелю; а тамъ, гдѣ требуется вѣжливость и этикетъ, непремѣнно нуженъ хаури, на которомъ, какъ на рукавахъ, на полахъ противъ груди, такъ и на спинѣ, неотмѣнно долженъ быть вышитъ гербъ фамиліи; въ другомъ же платьѣ можно обойтись и безъ герба. Третье платье называется капа. Эта верхняя одежда употребляется въ холодную погоду на улицѣ, а въ домѣ всегда снимается; покрой ея совершенно тотъ же, что и у хаури; только она немного длиннѣе и притомъ дѣлается изъ какой нибудь толстой матеріи. Исподнее платье Японцы носятъ только въ военной одеждѣ, въ дорогѣ и еще чиновники въ присутственныхъ мѣстахъ, въ праздники и когда представляются по какому либо дѣлу къ своимъ начальникамъ; но всѣ сіи три платья различнаго покроя. Воинское исподнее платье нѣсколько похоже на турецкое, только не такъ широко; шьютъ оное изъ плотной шелковой матеріи, а особливо чиновники щеголяютъ великолѣпіемъ воинской одежды. Дорожное исподнее платье дѣлается также изъ бумажной или шелковой матеріи; это наши широкіе штаны, только безъ пуговицъ; въ шлифахъ завязываются они тесемками; банта нѣтъ, а есть родъ двухъ ошкуровъ, пришитыхъ спереди и сзади; изъ нихъ одинъ заходитъ за другой и связываются они тесьмами кругомъ пояса. Что же касается до третьяго рода японскаго нижняго платья, или такъ сказать до парадняго, то это настоящая юпка, и Японцы надѣваютъ ее также сверху своихъ длинныхъ халатовъ, съ тою только отмѣною что юпка внизу поуже нашихъ женскихъ и посрединѣ, начиная отъ самаго подола до колѣнъ или нѣсколько выше, сшита такъ, что швовъ раздѣляетъ обѣ ноги. Симъ платьемъ Японцы очень щеголяютъ: когда насъ водили къ губернаторамъ, то какъ они сами, такъ и знатнѣйшіе чиновники почти всякій день имѣли перемѣнное исподнее платье: зеленое, голубое, лиловое или какого нибудь другаго цвѣта, сдѣланное изъ толстой по-

Digitized by Google

добной фродетуру шелковой матеріи; верхнее же платье всегда было черное. Чулки Японцы носять только въ дорогѣ, и называютъ ихъ кяфанъ: они бываютъ тканые изъ толстой бумаги, или шитые изъ бумажной матеріи. Носки дѣлаются такимъ образомъ, что большой палецъ на ногѣ отдѣленъ отъ прочихъ; это нужно по образу ихъ обуви, о чемъ будетъ сказано ниже. Въ дорогѣ носятъ они получулки; люди хорошаго состоянія изъ бѣлой бумажной матеріи; а прочіе изъ синей; простой же народъ по большой части ходитъ безъ чулокъ, а особливо въ теплую погоду. Обувь японская состоитъ въ соломянныхъ подошвахъ или въ деревянныхъ колодкахъ; обыкновенно онѣ носятъ, такъ называемыя на ихъ языкѣ, зори: это не что иное, какъ подошвы, сплетенныя плотно и чисто изъ соломы сарачинскаго пшена; съ одной стороны подошвы на другую проходитъ веревочка изъ такой же соломы, около пальца въ толщину, и такъ длинна, чтобъ нога около подъема могла пройти подъ нее, а отъ средины веревочки къ переднему концу подошвы идетъ другая такая же веревочка, которая входитъ между большимъ и вторымъ пальцами ноги; посредствомъ этихъ веревочекъ зори держатся на ногахъ. Японцы такъ привыкли къ сему роду обуви, что надѣваютъ зори съ такою же удобностью, какъ мы туфли, не дотрогиваясь руками, и ходятъ въ нихъ босыми ногами, не чувствуя ни какой боли; затѣмъ у нихъ, отъ употребленія зорей, между тѣми пальцами, гдѣ вкладывается веревочка, столько мѣста, что могли бы помѣститься еще два пальца. Во всей Японіи носятъ зори: мужчины, женщины и дѣти всякаго состоянія, съ тою лишь разницею, что люди имущіе покупаютъ лучшіе, чище и красивѣе сплетенныя и притомъ съ замшаными стельками, къ подошвамъ сверху пришитыми; у коихъ также веревочки обшиты замшею; простой же народъ носитъ простыя соломянныя. Дорожная обувь у Японцевъ называется варанси: это тоже зори, только что крѣпче и грубѣе сдѣланные, но также изъ соломы; вмѣсто веревочекъ, привязываются они къ ногамъ тонкими оборами, какъ лапти у нашихъ крестьянъ; эту обувь всегда носятъ съ чулками. Третій

родъ обуви употребляется въ праз: онъ состоитъ изъ тонкихъ колодокъ легкаго дерева, сдѣланныхъ наподобіе подошвы; снизу къ нимъ придѣлываются два брусочка, какъ шипы у подковъ, коими они стоятъ на землѣ, а сверху двѣ веревочки, какъ у зорей, посредствомъ коихъ носятъ ихъ на ногахъ; для людей съ состояніемъ такая обувь дѣлается щегольскимъ образомъ, подъ лакомъ съ позолотою или раскрашеная, а веревочка обшита кожею; для простаго же народа дѣлаютъ ихъ изъ обыкновеннаго дерева. Японцы ходятъ на нихъ съ великою удобностью и очень скоро; только когда бываетъ скользко, они берутъ въ помощь палку. Для Японцевъ весьма нужно имѣть такую обувь, которую они могли бы скоро снимать и надѣвать, ибо они всегда оставляютъ ее у дверей, и ни въ какой домъ иначе не входятъ, какъ въ однихъ чулкахъ или босые; даже въ мѣсто нашего заключенія первые по губернаторѣ чиновники никогда не приходили, не оставивъ у порога своихъ зорей, которыя въ такомъ случаѣ обыкновенно принимаетъ слуга, и по выходѣ опять подставляетъ.

На шеѣ Японцы никогда ничего не носятъ, и ходятъ просто съ обнаженною шеею и частью груди; когда же чувствуютъ большой холодъ, то согнувшись, закрываютъ все своими халатами. Также и перчатки у нихъ не въ употребленіи: если озябнутъ руки, они згибаютъ ихъ и прячутъ въ широкіе свои рукава. Шляпы носятъ только въ чрезвычайный жаръ или при дождѣ; круглыя ихъ тулейки такъ малы, что въ нихъ можетъ войти только пучекъ, а поля очень велики; они ихъ привязываютъ ленточками подъ бородою, иначе онѣ не могли бы держаться на головѣ. Простой народъ носитъ соломянныя шляпы, а люди хорошаго состоянія кожаныя или деревянныя, покрытыя весьма чистымъ лакомъ и разрисованныя, а иногда и подъ золотомъ. Но вообще Японцы любятъ ходить съ обнаженною головою, даже и въ ясные дни; если же солнце начинаетъ ихъ очень безпокоить, закрываютъ голову вѣеромъ, который лѣтомъ всегда съ собою носятъ, а иногда и по два: мѣсто вѣеровъ въ то время, когда они ихъ не употребляютъ, обыкновенно за кушакомъ;

Digitized by Google

тутъ же находится и чернилица съ футляромъ для кистей; кушакъ поддерживаетъ за пазухою и сумку съ бумагами, деньгами и лекарствами, которыя Японцы всегда при себѣ имѣютъ. Черный цвѣтъ у Японцевъ есть самый нарядный и почтенный; это же цвѣтъ праздничный; знатные люди носятъ верхнее платье по большей части чернаго цвѣта; бѣлаго же платья не бываетъ, ибо этотъ цвѣтъ означаетъ трауръ.

Японцы ѣдятъ очень мало въ сравненіи съ Европейцами. Каждый изъ насъ, будучи въ заключеніи безъ движенія, съѣдалъ одинъ противъ двоихъ Японцевъ, а когда мы шли въ дорогѣ, то вѣрно для троихъ изъ нихъ было бы довольно того, что могъ съѣсть каждый изъ нашихъ матросовъ одинъ. Главная ихъ пища: сарачинское пшено, рыба, зелень, коренья, плоды, грибы, всякаго рода раковины, горохъ и бобы. Мясо свиное, оленье, медвѣжье и заячье ѣдятъ только нѣкоторыя секты; птицъ также, притомъ онѣ очень дороги. О японскомъ столѣ я уже много говорилъ въ первыхъ частяхъ моей книги, а потому здѣсь только скажу о томъ, о чемъ тамъ не было случая упомянуть. Японцы сказывали намъ, что у нихъ какъ знатные, такъ и другихъ состояній люди мало издерживаютъ на столъ: въ этомъ они очень умѣренны; гостей приглашаютъ рѣдко, а большихъ столовъ у нихъ почти никогда не бываетъ. Главнѣйшая ихъ роскошь состоитъ во множествѣ служителей, ибо знатный человѣкъ долженъ имѣть, кромѣ большаго числа простыхъ слугъ, еще многолюдный, такъ сказать, придворный штатъ, какъ напримѣръ, секретарей, лекарей, пажей и проч., которымъ, какъ самимъ имъ, такъ и прислугѣ ихъ, обязанъ давать жалованье. Въ парадныхъ выѣздахъ онъ не можетъ показаться безъ большой свиты, приличной его званію.

Что принадлежитъ до простолюдиновъ въ Японіи, то я думаю, едва ли есть народъ въ свѣтѣ, который могъ бы питаться тѣмъ, чѣмъ они бываютъ сыты; развѣ только Китайцы могутъ съ ними сравниться въ умѣренности. Японцу на цѣлый день не болѣе нужно какъ горсть пшена, и такой кусокъ рыбы, какой въ одинъ разъ можно положить въ ротъ; къ тому онъ прибавитъ какой нибудь зелени

Digitized by Google

или кореньевъ, ибо у нихъ нѣтъ такого растенія, изъ котораго бы они не извлекали пользы; или наберетъ раковинъ и изъ внутренности ихъ составитъ себѣ вкусную и питательную пищу. Я это знаю опытомъ: Японцы, благодаря имъ, показали намъ на самомъ дѣлѣ, что человѣку надобно немного, чтобъ быть сыту; одно лишь изобиліе и прихоти дѣлаютъ людей обжорами.

Богатые Японцы щеголяютъ экипажами: князья и знатные господа имѣютъ кареты, сдѣланныя по образцу старинной европейской, которую доставили имъ Голландцы. Запряжены онѣ бываютъ иногда лошадьми, но болѣе быками; вельможи японскіе осторожны: боятся, чтобъ лошади ихъ не разбили. Чаще однако жъ они ѣздятъ въ носилкахъ, которыя сдѣланы наподобіе европейскихъ портшезовъ. Верховая ѣзда у нихъ также въ употребленіи, только самому править лошадью почитается низкимъ, а надобно, чтобъ ее вели. Мы видѣли однажды, какъ Матсмайскій Губернаторъ ѣздилъ верхомъ на молебствіе въ какой-то храмъ, куда онъ долженъ ѣздить весною каждый годъ. Первосвященникъ, духовные и чиновники, коимъ надлежало быть тамъ при немъ отправились туда прежде, а онъ ѣхалъ одинъ безъ церемоніи, съ небольшою лишь свитою; составлявшіе ее шли пѣшкомъ. Къ удиламъ лошади, вмѣсто поводовъ, привязаны были два голубые кушака, за которые, подъ самою мордою лошади, держали конюшіе, по одному на каждой сторонѣ, да за концы кушаковъ по одному же конюху поодаль отъ первыхъ такъ, что эти четыре человѣка занимали почти всю улицу (*). На хвостѣ у лошади былъ голубой же шелковый чахолъ. Губернаторъ, одѣтый въ обыкновенное свое платье, въ которомъ мы часто его видали, и безъ шляпы, сидѣлъ на богатомъ сѣдлѣ, положивъ ноги въ деревянныя, лакированныя подъ золотомъ стремена, сдѣланныя наподобіе ящичковъ (**). Конюха, державшіе

(*) Японцы сказывали, что иногда въ церемоніяльной ѣздѣ ихъ вельможей, держатъ за сіи кушаки по нѣскольку человѣкъ на каждой сторонѣ.

(**) Подобныя японскимъ стремена я видалъ въ Испаніи и

лошадь подъ удила, безпрестанно кричали на нее: *хай, хай*, что у нихъ значитъ: тише, тише, (*), а сами между тѣмъ, покалывая ее, заставляли прыгать и итти бодро, отчего губернаторъ согнулся и держался обѣими руками за сѣдло. Въ небольшомъ разстояніи впереди его шло рядомъ нѣсколько человѣкъ солдатъ съ двумя сержантами, которые, не смотря на то, что на дорогѣ никого не было, часто кричали, чтобъ посторонились; а за губернаторомъ слѣдовали оруженосцы, которые несли всѣ знаки его достоинства въ чахлахъ: это значило, что губернаторъ ѣхалъ, такъ сказать, инкогнито, безъ всякой церемоніи.

Японцы имѣютъ чрезвычайно веселый нравъ; знакомыхъ нашихъ я никогда не видалъ скучными; они любятъ забавные разговоры и часто шутятъ; рабочій народъ ничего не дѣлаетъ безъ пѣсень, и если работа такого рода, что можно дѣлать оную въ тактъ пѣснѣ, напримѣръ: гребя на лодкахъ, или при поднятіи тяжестей, то они поютъ всѣ. Они также великіе охотники до музыки и пляски; у нихъ есть инструментъ, похожій на гусли, родъ скрипки или гудка, флейточки разныхъ родовъ и барабанъ наподобіе фляги. Японцы разсказывали намъ о многихъ другихъ музыкальныхъ орудіяхъ, у нихъ употребляющихся, какихъ не было въ Матсмаѣ, но я не могъ понять, что они такое. Не смотря на веселый нравъ Японцевъ, пѣсни ихъ имѣютъ какой-то унылый и плачевный тонъ, а дѣйствія въ пляскѣ всегда соотвѣтствуютъ значенію словъ пѣсни, и потому плясуны ихъ кривляются разными смѣшными манерами; тѣлу своему даютъ они всякое странное положеніе, даже иногда и до неблагопристойности; лицемъ дѣлаютъ странныя гримасы, то вытаращатъ глаза, то подведутъ ихъ подъ лобъ, иногда примутъ веселый видъ, или такой, что одна сторона лица смѣется, а другая плачетъ. Во время содержанія нашего въ Хакодадѣ, при насъ былъ работникъ,

---

въ Португаліи, и нѣсколько разъ ѣзжалъ въ нихъ; онѣ некрасивы, но очень покойны и удобны, а особливо для дурныхъ ѣздоковъ.

(*) Понуждаютъ Японцы своихъ лошадей словомъ *ксы, ксы*, которое тоже у нихъ значитъ, что у насъ: *ну, ну*.

Digitized by Google

славившійся искусствомъ въ пляскѣ; онъ даже, сказывали намъ, плясывалъ на театрѣ, и заслужилъ похвалу публики. Сей виртуозъ въ своемъ родѣ любопытствовалъ знать русскую пляску; для этого нужно было ему показать и свою, что онъ дѣлалъ весьма охотно, а болѣе потому, что и караульнымъ нашимъ доставлялъ тѣмъ большое удовольствіе: двое или трое изъ нихъ, мальчики лѣтъ по шестнадцати, у него учились и подражали всѣмъ его кривляньямъ съ великимъ успѣхомъ. Мы, съ покойнымъ моимъ товарищемъ Г. Муромъ, глядя на нихъ, часто смѣялись, и говорили, что это еще единственный примѣръ въ свѣтѣ, чтобъ въ тюрьмѣ былъ танцовальный классъ.

Японцы любятъ театральныя представленія, и въ Матсмаѣ есть у нихъ театръ. Они нѣсколько разъ обѣщались показать намъ свои представленія, но не сдержали слова; надобно думать, что не было позволено изъ столицы, куда вѣроятно объ этомъ относились; впрочемъ, если бъ это зависѣло отъ произвола губернаторовъ, то они, бывъ такъ хорошо къ намъ расположены, конечно доставили бы намъ это удовольствіе, а особливо первый изъ нихъ, Аррао-Тадзимано-Ками, о великодушіи коего и благорасположеніи къ намъ я имѣлъ случай часто говорить въ повѣствованіи о моихъ приключеніяхъ. Но въ театръ они водили насъ днемъ, чтобъ показать зданіе и внутреннее его расположеніе. Это пространное и довольно высокое строеніе, въ коемъ задняя часть отдѣлена для сцены, имѣющей, какъ и у насъ, возвышенный полъ. Отъ сцены, по обѣимъ сторонамъ, до самой передней стѣны, въ которой находятся двери, сдѣланы въ два яруса мѣста для зрителей, а въ срединѣ, гдѣ у насъ партеръ, у нихъ пустое мѣсто, на которомъ даже и пола нѣтъ; но во время представленія подстилаютъ для зрителей соломянные маты, и такъ какъ мѣсто это гораздо ниже сцены, то передніе зрители не мѣшаютъ заднимъ видѣть что на ней происходитъ. Мѣста для музыкантовъ нѣтъ, вѣроятно потому, что у нихъ не въ обыкновеніи играть музыкѣ въ театрѣ, какъ у насъ, развѣ тогда только, когда музыканты сами должны быть въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Противъ театра, гдѣ у

Digitized by Google

насъ обыкновенно бываетъ императорская ложа и такъ называемый раекъ, у нихъ пустая стѣна и двери для входа. Внутри украшеній ни какихъ не было, даже стѣны не расписаны и не выкрашены, и кулисы на сценѣ не стояли. Когда нужно представлять, платье и декораціи приносятъ изъ особливаго дома. По разсказамъ знакомыхъ нашихъ Японцевъ, кажется, что предметомъ ихъ театральныхъ піесъ, по большей части, бываютъ какія нибудь важныя происшествія, описанныя въ ихъ исторіи, однако жъ есть у нихъ и другаго рода представленія: это шутовскія игрища, но и тѣ и другія служатъ къ одной лишь забавѣ народа. Японцы еще не достигли той высокой степени просвѣщенія, чтобъ сдѣлать позорища и увеселительныя игры училищемъ добродѣтели и нравственности, какъ мы называемъ наши театры. Мы однако жъ не смѣли увѣрять въ этомъ Японцевъ, опасаясь, чтобъ они не привели себѣ на память поступковъ правовѣрныхъ и добродѣтельныхъ Европейцевъ, какъ съ ними, такъ и въ Индіи между собою, и не сказали намъ: какъ не вѣрить вамъ, что вы учитесь добродѣтели въ театрахъ? чистота вашихъ нравовъ за то порукою!

Къ числу забавъ японскихъ можно прибавить увеселительныя суда, или яхты, которыя, сказываютъ, бываютъ убраны очень великолѣпно, и стоятъ дорого. Знатные ихъ господа любятъ кататься по водѣ, но только на рѣкахъ, каналахъ и между островами, а въ море не смѣютъ отъѣхать даже на малѣйшее разстояніе, опасаясь, чтобъ ихъ не унесло вѣтромъ, ибо съ купеческими судами это случается часто.

Японцы переимчивы и имѣютъ у себя не только чертежи, но и модели европейскихъ судовъ, однако жъ не хотятъ вводить въ употребленіе ничего чужаго: отъ этого лишаются они ежегодно множества судовъ и великаго числа матросовъ. При чрезвычайномъ многолюдствѣ сего государства такая потеря для правительства нечувствительна, почему оно, можетъ быть, и неслишкомъ печется о сохраненіи своихъ подданныхъ. Несовершенство судовъ не можетъ служить доказательствомъ сему небреженію,

Digitized by Google

ибо известно, что политика запрещает правительству улучшать способы мореплаванія, но есть и другія причины заключать, что оно не дорожитъ народомъ, напримѣръ: въ Японіи совсѣмъ нѣтъ больницъ, а всякъ лечится, гдѣ можетъ, и потому-то люди неимущіе умираютъ безъ всякаго призрѣнія. Впрочемъ нельзя и винить Японцевъ въ этомъ: для такого непомѣрнаго народонаселенія можно ли завести достаточное число больницъ? Возьмемъ въ примѣръ европейскія государства, въ которыхъ учреждены такія заведенія: много ли людей ими пользуются въ сравненіи съ тѣми, кои вылечиваются или умираютъ отъ болѣзней, не получивъ ни малѣйшаго пособія со стороны правительства?

7.

Естественныя произведенія, промышленость и торговля.

Хотя японскія владѣнія, по географической широтѣ, занимаютъ небольшое пространство въ сравненіи со многими другими государствами, но климатъ въ нихъ весьма разнообразенъ; причиною сему мѣстное положеніе государства, какъ то было сказано выше. Отъ различія климатовъ находится большая разность въ естественныхъ произведеніяхъ. Княжества Тцынгару, Намбу и островъ Матсмай, съ другими сѣверными владѣніями, гдѣ земля бываетъ около пяти мѣсяцевъ въ году покрыта снѣгомъ, производятъ многія растенія, свойственныя холоднымъ странамъ, а въ южныхъ областяхъ Японіи родятся плоды климатовъ тропическихъ.

Не имѣвъ случая быть на главныхъ островахъ, составляющихъ японскія владѣнія, я не могу говорить о ихъ произведеніяхъ какъ самовидецъ; опишу только то, что слышалъ отъ Японцевъ, и о чемъ могъ судить по содержанію и образу жизни ихъ, и по привозимымъ вещамъ, которыя удалось мнѣ видѣть на островѣ Матсмаѣ.

Я уже выше упоминалъ о причинахъ, по коимъ чита-

Digitized by Google

тель не имѣетъ права ожидать отъ меня подробнаго описанія Японскому Государству; того менѣе могу я удовлетворить любопытству натуралиста, который, можетъ быть, пожелаетъ, чтобъ я описалъ ему каждую, находимую въ Японіи раковину; кромѣ того, что не было намъ случая все тамъ видѣть, я не имѣлъ еще и нужныхъ свѣдѣній, чтобъ наблюдать природу глазами естествоиспытателя.

Читатель конечно не погнѣвается, если я не раздѣлю краткихъ моихъ замѣчаній о произведеніяхъ Японіи на классы или статьи, какимъ нибудь ученымъ порядкомъ, какъ-то по царствамъ природы, и проч., а буду говорить объ нихъ по мѣрѣ приносимой ими жителямъ пользы, начиная съ самыхъ необходимыхъ.

Первѣйшія и наиболѣе полезныя для народа произведенія въ Японіи суть: сарачинское пшено, рыба, рѣдька, соль, хлопчатая бумага, шелкъ, мѣдь, желѣзо, строевой лѣсъ, чай, табакъ, лошади и рогатый скотъ, пенька и дерево, называемое кадцы, золото и серебро, свинецъ, ртуть и сѣра.

Не знаю, есть ли книга, въ которой столь разнообразные предметы были бы помѣщены въ одну статью и такимъ порядкомъ; но это меня не остановитъ. Этотъ порядокъ мнѣ кажется основательнымъ, ибо сарачинское пшено есть главный и, по привычкѣ, необходимый хлѣбъ для Японцевъ; это то же, что у насъ рожь, и еще болѣе, потому что въ Россіи есть множество людей, которые не ѣдятъ ржанаго хлѣба, а въ Японіи всѣ питаются пшеномъ, отъ монарха до нищаго; сверхъ того, солома сарачинскаго пшена доставляетъ на всю Японію обувь, шляпы, маты для подстилки въ ихъ комнатахъ, рогожи для мѣшковъ и прикрытія товаровъ, нѣкоторый родъ писчей бумаги и множество другихъ малозначащихъ, но въ домашнемъ быту нужныхъ вещей, какъ-то: корзинки, вѣники и проч. Японцы изъ сарачинскаго пшена выгоняютъ еще родъ крѣпкой водки или вина, и дѣлаютъ слабый напитокъ, называемый саги.

Рыба въ Японіи то же, что въ Европѣ; мясо, или лучше сказать, гораздо болѣе въ употребленіи, ибо мы ѣдимъ

Digitized by Google

мясо разнаго рода, да и рыбу также; а изъ Японцевъ, напротивъ того, очень немногіе употребляютъ мясо; рыбу же, кромѣ духовныхъ, ѣдятъ почти всѣ. Притомъ рыба доставляетъ имъ и освѣщеніе въ домахъ, ибо свѣчи употребляютъ только люди, имѣющіе достатокъ, а всѣ прочіе жгутъ рыбій жиръ, въ великомъ количествѣ приготовляемый въ сѣверныхъ владѣніяхъ Японскаго Государства.

Рѣдька замѣняетъ у нихъ нашу капусту, и употребляется разными образами въ похлебкахъ; сверхъ того соленая рѣдька служитъ Японцамъ вмѣсто соли ко всѣмъ кушаньямъ. Какъ она въ семъ случаѣ употребляется, сказано въ первой части. Въ Японіи засѣяны рѣдькою цѣлыя поля. Японцы такъ привыкли къ рѣдечному супу, что недостатокъ онаго долженъ имъ быть крайне чувствителенъ.

Соль есть не только вещь нужная для ежедневнаго употребленія, но въ Японіи она еще необходима для соленія рыбы; ибо главные рыбные промыслы лежатъ около береговъ Курильскихъ Острововъ и на Сахалинѣ, откуда каждое лѣто многія сотни кораблей развозятъ рыбу по всѣмъ приморскимъ мѣстамъ Японскаго Государства, для сохраненія коей есть только два способа: соленіе и сушеніе, но большихъ родовъ рыбы нельзя такъ высушить, чтобы въ жаркомъ климатѣ она сохранилась.

Шелкъ и хлопчатая бумага въ Японіи, сверхъ обыкновеннаго ихъ употребленія, замѣняютъ нашу овечью шерсть, ленъ, пеньку, пухъ, перья и мѣха; ибо вся японская одежда и спальное платье дѣлаются изъ сихъ двухъ произведеній. Сверхъ того изъ бумажной же матеріи Японцы дѣлаютъ дорожные плащи, чехлы на оружіе и на другія вещи, и табачныя сумки, которыя лакируютъ такимъ образомъ, что онѣ совершенно походятъ на кожаныя.

Мѣдь и желѣзо суть предметы столь же необходимые въ Японіи, какъ и въ Европѣ, а сверхъ того же самаго употребленія, какое дѣлается симъ двумъ металламъ у насъ, Японцы обиваютъ мѣдью крышки зданій, которыя хотятъ особенно сохранить, также въ строеніи покрываютъ ею наружные пазы, чтобы дождевая вода въ нихъ не попадала; еще дѣлаютъ изъ мѣди курительныя трубки. Желѣза

Digitized by Google

весьма большое количество употребляется на гвозди, ибо японскіе домы снутри и снаружи состоятъ изъ досокъ, прибитыхъ желѣзными гвоздями къ столбамъ, поставленнымъ вертикально и связаннымъ перекосами; сверхъ того всякій бездѣльный ящичекъ сколачивается у нихъ гвоздями.

Объ лѣсѣ уже и говорить нечего: въ такомъ многолюдномъ государствѣ, какъ Японія, гдѣ частыя и сильныя землетрясенія не дозволяютъ употреблять въ строеніи ни камня, ни кирпича, строевой лѣсъ долженъ по необходимости стоять на счету первыхъ народныхъ потребностей.

Безъ чаю и табаку, хотя кажется и легко бы можно было обойтись, но привычка и обычай дѣйствуютъ иногда столь же сильно, какъ и природа: для Японца чай и табакъ, послѣ пищи, дороже всего на свѣтѣ: онъ вѣчно сидитъ съ трубкою, и запиваетъ чаемъ. Они не курятъ безпрестанно, но почти чрезъ каждыя пять минутъ накладываютъ маленькую свою трубку, и курнувъ раза три, отдыхаютъ. Японцы даже ночью часто встаютъ на нѣсколько минутъ, чтобъ покурить табаку и выпить чашку чаю, который притомъ имъ служитъ, вмѣсто нашего квасу, пива и воды, для утоленія жажды.

Рогатаго скота Японцы въ пищу не употребляютъ: они имѣютъ къ нему отвращеніе, но держатъ небольшое количество онаго, какъ и лошадей для перевоза тяжестей. На хорошихъ дорогахъ ѣздятъ они въ повозкахъ, а по гористымъ мѣстамъ вьючатъ какъ лошадей, такъ и быковъ.

Изъ пеньки дѣлаютъ они самую грубую матерію для рабочаго платья и для парусовъ на ихъ суда; но снасти и канаты вьютъ изъ коры дерева кадцы, не употребляя къ нихъ ни смолы, ни какого другаго смолистаго вещества, отчего веревки ихъ хотя не могутъ ни въ крѣпости, ни въ прочности сравняться съ пеньковыми, однако жъ довольно хороши для ихъ ограниченнаго и неподверженнаго большимъ бурямъ мореплаванія; притомъ дешевизна матеріала не представляетъ трудности къ частой перемѣнѣ оныхъ. Изъ этой же самой коры дѣлаютъ они иногда нитки, свѣтильни, родъ нѣкоторой дешевой матеріи, писчую бумагу

Digitized by Google

и еще бумагу, которую употребляютъ вмѣсто носовыхъ платковъ.

Золото и серебро, въ отношенiи къ тому, что эти металлы служатъ къ роскоши и блеску, конечно, не могутъ назваться потребностями жизни; но судя по удобности и способамъ, которые они доставляютъ въ видѣ денегъ, для получения нужныхъ вещей и для промѣна своихъ собственныхъ продуктовъ и издѣлiй, безъ сомнѣнiя могутъ назваться одною изъ главныхъ потребностей просвѣщеннаго народа, и въ семъ-то отношенiи я объ нихъ здѣсь упоминаю.

Свинецъ, олово и ртуть, какъ вещества, нужныя для вырабатыванiя золота и серебра, и употребляемыя въ составъ орудiй, необходимыхъ для каждаго народа, дорожащаго своею независимостью, также могутъ быть поставлены въ числѣ главныхъ потребностей. По той же причинѣ я помѣщаю въ ту же главу и сѣру.

Сарачинское пшено въ среднихъ областяхъ острова Нифона родится въ великомъ изобилiи, такъ что не смотря на чрезвычайное многолюдство сего государства, Японцы не имѣютъ нужды въ привозномъ, которое хотя они и получаютъ изъ Китая, но не по нуждѣ, а въ предосторожность, дабы въ случаѣ неурожая, Китайское Правительство не сдѣлало какого затрудненiя въ выпускѣ пшена, будe исключить оное изъ числа товаровъ, составляющихъ обыкновенную и постоянную торговлю между двумя государствами. Сѣверныя владѣнiя Японiи, какъ-то Княжества Намбуское и Тцынгарское, бѣдны сарачинскимъ пшеномъ, и большую часть своего пропитанiя должны получать изъ другихъ областей, а на Матсмаѣ, Сахалинѣ и Курильскихъ Островахъ вовсе его не сѣютъ, да и родиться оно тамъ не можетъ по причинѣ холода. Правда, что на Матсмаѣ, въ долинѣ подлѣ Хакодаде, мы видѣли небольшую полосу земли подъ сарачинскимъ пшеномъ, но оно было посѣяно болѣе для пробы, нежели для пользы, какъ то сказывали намъ наши караульные.

Изъ сарачинскаго пшена Японцы варятъ родъ крутой каши, и ѣдятъ оную со всякимъ кушаньемъ вмѣсто хлѣба, дѣлаютъ изъ него муку, изъ коей приготовляютъ сладкiе

Digitized by Google

пирожки, пышки и разныя закуски, похожія на наши конфекты. Сарачинское пшено не есть однако единственный хлѣбъ Японцевъ: они имѣютъ еще ячмень, которымъ кормятъ иногда лошадей и дѣлаютъ изъ него муку для пирожковъ и другихъ потребностей; турецкую пшеницу, или маисъ, которую также въ разныхъ видахъ употребляютъ въ пищу, а иногда просто цѣлый колосъ поджариваютъ и ѣдятъ зерна; разнаго рода бобы, до которыхъ Японцы большіе охотники: они ихъ ѣдятъ иногда вареные безъ всякой приправы, а иногда съ патокою или съ соею; мелкіе изъ нихъ часто варятся въ пшенѣ очень густо, и почитаются великимъ лакомствомъ. Соя японская дѣлается также изъ бобовъ; они квасятъ ее въ бочкахъ. Сказываютъ, что на приготовленіе лучшей сои потребно три года. Картофель сладкій и обыкновенный также родится въ Японіи, но недостатокъ земли не позволяетъ его сѣять. Въ Японіи сладкій картофель совсѣмъ особеннаго рода отъ того, который случалось мнѣ видѣть въ другихъ частяхъ свѣта, какъ-то въ Португаліи, на островѣ Мадерѣ, въ Бразиліи, и проч.; величиною онъ въ самый большой нашъ картофель, только нѣсколько продолговатъ; кожа на немъ темнокрасная; онъ бѣлъ, вкусомъ очень сладокъ и пріятенъ; запахъ же имѣетъ нѣсколько похожій на розовый. Есть у нихъ и горохъ, но какъ огородное растеніе, а не хлѣбъ. Въ семъ, такъ сказать, тѣсномъ и многолюдномъ государствѣ, какова Японія, и въ такомъ климатѣ, въ какомъ сіе государство находится, кромѣ сарачинскаго пшена ни какой другой хлѣбъ не можетъ быть во всеобщемъ употребленіи, ибо одно только это пшено можетъ родиться на маломъ пространствѣ въ такомъ изобиліи, чтобъ продовольствовать столь великое народонаселеніе.

Не знаю, какихъ родовъ рыба водится около южныхъ и среднихъ береговъ Японіи и въ рѣкахъ сего государства (*); но при берегахъ Матсмая, Кунашира, Итурупа и

(*) Всѣ бывшіе при насъ Японцы, въ томъ числѣ ученые, единогласно утверждали, что въ одной изъ рѣкъ ихъ государства водится двустихійное животное, имѣющее тѣло, рыбѣ

Digitized by Google

Сахалина, ловятся въ превеликомъ изобиліи почти всѣ тѣ же роды рыбъ, которые находятся и въ Камчаткѣ, и о коихъ я буду говорить при описаніи японскихъ владѣній на Курильскихъ Островахъ. Нѣтъ въ морѣ такого животнаго, ни рыбы, ни раковины, кромѣ ядовитыхъ, которыхъ бы Японцы не употребляли въ пищу: киты, морскіе львы, всѣхъ родовъ тюлени, морскія свиньи, коты и прочіе доставляютъ, по ихъ вкусу, пріятное кушанье. И потому, на всемъ пространствѣ японскихъ владѣній, нѣтъ берега, гдѣ бы не было рыбныхъ заведеній; при коихъ великое множество народа безпрестанно занимается промыслами. Рыбу они ловятъ при берегахъ большими неводами, а въ морѣ удами. Китовъ Японцы не отваживаются убивать на водѣ, какъ-то дѣлаютъ Европейцы, но ловятъ ихъ въ заводяхъ и при берегахъ чрезвычайно толстыми сѣтями; впрочемъ и мертвое морское животное, выкинутое волнами на берегъ, для нихъ неотвратительно; даже люди лучшаго состоянія почитаютъ такую мертвячину лакомымъ кускомъ.

Японская рѣдька и видомъ и вкусомъ очень отлична отъ нашей: она тонка и чрезвычайно длинна, даже до двухъ аршинъ; вкусомъ не очень горька, но сладковата или нѣсколько подходитъ къ рѣпѣ. Въ Японіи засѣяны ею цѣлыя поля. Большое количество сего растенія солятъ, а прочее зарываютъ на зиму въ землю, и варятъ изъ него супъ; даже рѣдечная трава у нихъ не пропадаетъ; изъ нее также варятъ они похлебку, или солятъ ее и ѣдятъ

подобное, длиною аршинъ двухъ, или нѣсколько и болѣе, и покрытое чешуею; голова же сего животнаго похожа на человѣчью и съ волосами. Чудовища сіи часто выходятъ на берегъ, и дерутся или играютъ между собою съ страшнымъ крикомъ. Если онѣ увидятъ человѣка на водѣ или на самомъ берегу, то нападаютъ на него и убиваютъ, но не ѣдятъ. По словамъ нѣкоторыхъ Японцевъ, животныя сіи имѣютъ странный способъ умерщвлять людей: онѣ вытаскиваютъ изъ человѣка всю внутренность. Разсказы эти конечно похожи на басню, но вѣроятно, что къ изобрѣтенію ея дѣйствительно подало поводъ какое нибудь необыкновенное животное, существующее не въ воображеніи, но на самомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

вмѣсто салату, и дѣлаютъ еще другое употребленіе: свѣжія ихъ листья, подогрѣвъ на огнѣ, чтобъ пошелъ паръ, кладутъ въ картузъ курительнаго табаку, и оставляютъ въ немъ; отъ сего, сказываютъ, табакъ не сохнетъ, и получаетъ пріятный запахъ и вкусъ; въ первомъ я увѣрился опытомъ; но послѣдняго не могъ замѣтить, можетъ быть потому, что я не слишкомъ большой охотникъ до табаку. Надобно упомянуть, что землю для рѣдьки они удобряютъ человѣчьимъ каломъ; мы это сами видѣли въ Матсмаѣ, а Японцы намъ сказывали, что и для пшена нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ такой же навозъ.

На соль долженъ быть превеликій расходъ въ Японіи; объ этомъ говорено было выше. Японцы намъ сказывали, что у нихъ есть соляныя озера и горная соль, только въ маломъ количествѣ; притомъ, будучи добываема внутри государства, не можетъ она съ удобностью быть развозима куда надобно, и потому употребляется немного; вообще же все государство довольствуется морскою солью, которую приготовлять много способствуетъ чрезвычайная соленость воды въ моряхъ, лежащихъ близъ тропиковъ, и жары, поднимающіе всю влагу парами. Японцы для сего по берегамъ имѣютъ большіе бассейны, куда во время прилива впускаютъ морскую воду, и оставляютъ парамъ подниматься изъ нея, пока не останется въ бассейнѣ густая осадка, которую переваривъ получаютъ соль.

По описанію Японцевъ, хлопчатая бумага должна быть у нихъ того же рода, какую я видѣлъ въ англійскихъ колоніяхъ Западной Индіи, то есть та, которая растетъ на небольшихъ деревцахъ въ ростъ человѣческій; впрочемъ есть у нихъ она и другихъ родовъ, изъясненія коихъ я порядочно понять не могъ. Это послѣднее растеніе должно родиться въ Японіи въ чрезвычайномъ количествѣ: почти всѣ жители ходятъ въ бумажномъ платьѣ. Дѣлаемая изъ нея вата служитъ Японцамъ вмѣсто мѣховъ; ватою же набиваютъ они свои тюфяки и халаты, служащіе имъ вмѣсто одѣялъ; изъ хлопчатой бумаги дѣлаютъ одинъ родъ писчей бумаги; она же употребляется и на свѣтильни, которымъ долженъ быть большой расходъ, ибо Японцы

Digitized by Google

любятъ держать огонь во всю ночь, и жгутъ рыбій жиръ, свѣчи же употребляютъ только люди достаточные. Въ присутствіи чужихъ судовъ въ ихъ гаваняхъ, или встрѣчая чиновныхъ своихъ особъ, Японцы цѣлый городъ обвѣшиваютъ бумажною матеріею; словомъ сказать, ни въ какой землѣ не дѣлается такого большаго употребленія изъ хлопчатой бумаги, какъ въ Японіи, а потому нигдѣ такъ и не стараются о разведеніи оной. Чтобъ дать понятіе о трудолюбіи и дѣятельности сего рѣдкаго народа, стоитъ только сказать, что они привозятъ съ Курильскихъ Острововъ внутрь Японіи гнилыхъ сельдей для удобренія земли подъ хлопчатую бумагу: сначала варятъ сельдей въ большихъ чугунныхъ котлахъ (*), потомъ кладутъ ихъ въ прессы и крѣпко жмутъ надъ тѣми же котлами, куда вытекаетъ вся жидкость, а послѣ того отдѣляютъ изъ нея жиръ для употребленія въ лампадахъ; остатки же рыбы кладутъ на рогожки и оставляютъ на солнцѣ, пока она не перегніетъ и не высохнетъ; отъ этого она обращается почти въ пыль и имѣетъ цвѣтъ золы; послѣ ссыпаютъ все это въ мѣшки, грузятъ на суда и отвозятъ куда должно. Землю около каждаго деревца хлопчатой бумаги удобряютъ симъ веществомъ, отъ котораго она даетъ чрезвычайный плодъ.

Японія чрезвычайно изобилуетъ и шелкомъ. Доказательства сему мы имѣли предъ глазами: Матсмай считается у нихъ въ числѣ самыхъ бѣдныхъ городовъ, но мы видѣли множество всякаго состоянія людей, и болѣе женщинъ въ шелковомъ платьѣ, а особливо по праздникамъ, когда даже и простые солдаты наряжались въ платье, сшитое изъ богатыхъ шелковыхъ матерій. Если взять въ разсужденіе многолюдство Японскаго Государства, то конечно должно быть у нихъ большое изобиліе въ шелкѣ, чтобъ доставить одежду даже и тогда, когда бъ одни только люди, имѣющіе хорошее состояніе, носили шелкъ. Впрочемъ Японцамъ и немудрено было размножить это произведеніе, для котораго нуженъ лишь удобный

(*) Препараты эти я видѣлъ на островѣ Кунаширѣ.

климатъ и большое трудолюбіе: первый имъ благопріятствуетъ, а второе имѣютъ они въ высочайшей степени.

Мѣди въ Японіи чрезвычайно много. Японцы обиваютъ ею кровли нѣкоторыхъ зданій, носовую часть своихъ судовъ, пазы или штыки; изъ мѣди дѣлается почти вся поваренная посуда, курительныя трубки и множество другихъ бездѣлицъ, какъ-то лопатки для очаговъ, и проч. Когда мы не были еще переведены въ домъ, и содержались въ одномъ мѣстѣ, похожемъ на тюрьму, то, разумѣется, что мебели наши соотвѣтствовали зданію; но очагъ былъ обитъ красною мѣдью, и лопатка была изъ того же металла: это показываетъ, что Японцы имъ дорожатъ не слишкомъ. Для однихъ чайниковъ въ такомъ многолюдствѣ долженъ быть чрезвычайный расходъ на мѣдь, ибо всѣ Японцы, какъ я и прежде говорилъ, для утоленія жажды, пьютъ что нибудь теплое: чай или воду, а потому во всякомъ домѣ у нихъ чайникъ безпрестанно стоитъ на огнѣ, отчего конечно должны они скоро портиться. Притомъ надлежитъ замѣтить, что японская мѣдная посуда выработана весьма искусно: мы часто дивились крѣпости чайниковъ, которые мы тамъ употребляли; по нѣскольку мѣсяцевъ они съ огня не сходили, и не прогорали. Извѣстно, что Голландцы въ вывозѣ японской мѣди находили главную свою выгоду въ торговлѣ съ симъ государствомъ, ибо въ ней всегда есть знатная часть золота, которую Японцы или не хотѣли или не умѣли отдѣлить; нынѣ же они не такъ уже поступаютъ, и отдаютъ Голландцамъ почти одну чистую мѣдь.

Что принадлежитъ до желѣза, то сего металла Японцы имѣютъ не весьма много въ сравненіи съ мѣдью, однако жъ совсѣмъ не такъ мало, чтобъ имъ былъ чувствителенъ недостатокъ онаго; ибо для своихъ нуждъ они довольно его вырабатываютъ; если же правительство и вымѣнивало желѣзо у Голландцевъ на мѣдь, платя равнымъ количествомъ или мѣняясь вѣсомъ на вѣсъ, то это было не по необходимости, а потому что желѣзо лучше можетъ замѣнить въ нѣкоторыхъ подѣлкахъ мѣдь; имѣя же избытокъ въ сей послѣдней, Японцы хотѣли услужить и себѣ, и

Голландцамъ. Они говорили намъ несколько разъ, что торговля голландская не приноситъ имъ никакой пользы; важнѣе всего въ ней то, что они получаютъ отъ Голландцевъ нѣкоторыя лекарства, да еще политическія новости изъ Европы, а прочее все вздоръ. Но если бъ Японцы не имѣли достаточнаго количества желѣза для нужныхъ имъ вещей, безъ которыхъ нельзя обойтись, то конечно не такъ бы думали о сей торговлѣ.

Лѣсъ. Самая большая часть японскихъ владѣній безлѣсна; чрезвычайное народонаселеніе сего государства требуетъ, чтобы почти вся земля въ немъ была обработана, и потому однѣ лишь неприступныя земледѣлію горы остались еще покрыты лѣсомъ. Княжество Намбу, лежащее въ сѣверовосточной части острова Нифона, имѣя гористое положеніе, богато строевымъ лѣсомъ, и снабжаетъ онымъ всю Японію, получая въ замѣнъ жизненныя потребности, въ коихъ имѣетъ нужду. По горамъ острововъ Матсмая, Кунашира, Итурупа и Сахалина растетъ множество строеваго лѣсу разныхъ родовъ, которымъ Японцы отчасти и пользуются: мы видали много большихъ прекрасныхъ брусьевъ, приготовленныхъ къ отправленію. Но при всемъ томъ Японцы очень мало берутъ лѣсу съ этихъ острововъ; причиною этому трудность, съ какою сопряжено доставленіе онаго къ морскому берегу, а они еще не чувствуютъ необходимости преодолѣвать ее; когда же это воспослѣдуетъ, то Японцы скоро откроютъ себѣ доступъ къ такимъ горамъ, которыя другимъ народамъ могли бы показаться совершенно неприступными: я не знаю, можетъ ли быть что либо невозможнымъ для трудолюбія, дѣятельности и терпѣнія сего народа.

Японцы, желая знать русскія наименованія деревьямъ, приносили къ намъ куски и вѣтви разнаго рода деревъ, и спрашивали, какъ они называются по-русски. Пользуясь симъ случаемъ, мы спрашивали у нихъ, гдѣ сіи деревья растутъ; такимъ образомъ узнали мы, что на ихъ островахъ растетъ разнаго рода дубъ, пальма, изъ которой Японцы дѣлають очень хорошіе гребни, бамбу, кипарисъ, кедръ,

Digitized by Google

сосна, ель и нѣсколько другихъ деревъ, коихъ названія намъ неизвѣстны.

Я уже выше сказалъ, что привычка сдѣлала чай необходимою жизненною потребностью для Японцевъ, и упоминалъ, въ какомъ онъ у нихъ употребленіи. Въ Японіи растетъ чай зеленый и черный. Первый почитается лучшимъ, каковъ онъ дѣйствительно и есть. Японцы предпочитаютъ его китайскому зеленому, хотя, по нашему вкусу, онъ не заслуживаетъ сего преимущества. Что же касается до чернаго, то онъ очень дуренъ, и Японцы пьютъ его запросто для утоленія жажды, а зеленымъ лакомятся и угощаютъ на щегольство. Японскіе чиновники и самъ губернаторъ нерѣдко присылали намъ въ гостинецъ зеленаго чаю; тогда обыкновенно переводчики и караульные наши съ великимъ аппетитомъ пособляли намъ опоражнивать чайникъ. Чай родится по всѣмъ южнымъ областямъ Японіи, но лучшій зеленый производитъ Княжество Кіото, въ которомъ находится городъ Кіо, столица духовнаго императора (*). Въ сей провинціи возращается чай съ великимъ раченіемъ, какъ для его двора, такъ и для двора свѣтскаго императора.

Табакъ сдѣлался также необходимымъ для Японцевъ. Впервые сіе растеніе къ нимъ ввели и научили употреблять католическіе миссіонеры. Отъ нихъ Японцы узнали его имя, и по сіе время называютъ оный табако или табаго. Удивительно, какъ употребленіе этого безполезнаго зелья могло въ столь короткое время распространиться по всему Земному Шару: вещь, которая не имѣетъ ни какого вкуса, ни пріятнаго запаха, не приноситъ ни какой пользы здоровью, а только занимаетъ людей праздныхъ, сдѣлалась всеобщею по всей Азіи, и въ бо́льшей части Европы! Переводчикъ нашъ Теске, который былъ умнѣе почти всѣхъ

(*) Нѣкоторые Европейцы резиденцію духовнаго императора называютъ Міако; но слово Міаго (а не Міако) значитъ столицу, и такое названіе этому городу даютъ Японцы по преимуществу; собственное же его имя есть Кіо, а провинція, въ коей онъ лежитъ, называется Кіото.

Digitized by Google

знакомыхъ намъ Японцевъ, самъ очень любилъ курить табакъ, но часто говаривалъ, что Кристосъ-Попъ (*) не столько сдѣлалъ вреда Японцамъ, посѣявъ своею вѣрою между ними внутреннія ссоры и войну, сколько введеніемъ табаку: ибо то было дѣло временное и теперь совсѣмъ кончилось, но табакъ и по сіе время, а вѣроятно и въ будущіе вѣки будетъ отнимать множество земли и рукъ отъ полезныхъ и необходимыхъ для человѣка произведеній, которыя теперь дороги, а тогда были бы дешевы. Притомъ люди рабочіе тогда не думали бы покинуть работу до конца оной, а теперь беспрестанно отдыхаютъ, чтобъ покурить табаку. Я не знаю, сколько родовъ сего растенія есть въ природѣ и сколько изъ нихъ имѣютъ Японцы; но видѣлъ у нихъ табакъ, въ разныхъ видахъ приготовляемый, отъ самаго пріятнѣйшаго и до самаго отвратительнаго. Всякій табакъ вообще, хорошій и дурной, они крошатъ очень мелко, какъ Китайцы; въ приготовленіи лучшаго сорта они мочатъ его напиткомъ ихъ сагою, о коемъ сказано было прежде, а приготовленный продаютъ въ бумажныхъ картузахъ, около нашего фунта вѣсомъ или немного болѣе. Лучшимъ считаютъ Японцы тотъ табакъ, который приготовляется въ провинціи Сазма, потомъ въ Нангасаки, въ Сендаѣ и проч., а самый худшій въ Тцынгарскомъ Княжествѣ: онъ крѣпокъ, цвѣта чернаго, имѣетъ вкусъ и запахъ отвратительный; табакъ же, приготовляемый въ Сазмѣ, хотя крѣпокъ, но пріятнаго вкуса и запаха, а цвѣтомъ свѣтло-желтый. Нангасакскій табакъ очень слабъ, вкусомъ и запахомъ лучше всѣхъ; цвѣтъ имѣетъ свѣтлокофейный. Сендайскій табакъ также очень хорошъ: это тотъ, который намъ давали курить. Японцы такъ хорошо умѣютъ приготовлять табакъ, что я, хотя никогда прежде не любилъ курить, даже и гаванскія сигарки курилъ очень рѣдко, будучи въ Ямайкѣ, но съ удовольствіемъ курилъ японскій табакъ и притомъ очень много. Нюхальнаго табаку Японцы не употребляютъ; но уже довольно о семъ

(*) Такъ Теске называлъ по-русски христіанскихъ священниковъ.

растенія! Впрочемъ, въ угожденіе господъ курильщиковъ, я могъ бы написать о табакѣ еще листа три, ибо во время нашего заключенія не было вещи, о которой бы мы имѣли случай такъ много говорить съ Японцами; ученые, при насъ бывшіе, переводчики и караульные, всѣ курили его и притомъ разный, по вкусу и состоянію каждаго; учтивость заставляла ихъ часто и насъ подчивать своимъ табакомъ, сказавъ, какой онъ, а отъ сего начинался обыкновенно разговоръ о табакѣ, который иногда продолжался часъ и болѣе; но чтобъ распрашивать о другихъ важнѣйшихъ вещахъ, нужно было сыскать случай, который не всегда представлялся, а притомъ о предметахъ, нѣсколько значительныхъ, хотѣлось говорить съ нами не всякому изъ Японцевъ.

Японскія лошади и малы и слабы; ростомъ онѣ не болѣе нашихъ крестьянскихъ, только гораздо тоньше и складнѣе, а притомъ и видомъ бодрѣе, ибо Японцы не холостятъ ихъ, а всегда ѣздятъ на жеребцахъ. Климатъ позволяетъ имъ держать лошадей, такъ какъ и рогатый скотъ, всегда на подножномъ кормѣ; только въ дорогѣ или послѣ трудной работы даютъ имъ немного ячменю, а въ Матсмаѣ и на Сахалинѣ, гдѣ выпадаетъ зимою много снѣгу, принуждены они бываютъ запасать для нихъ сѣно. Изъ множества японскихъ лошадей, которыхъ мы видѣли, не было ни одной сѣрой (бѣлой), а всѣ онѣ разныхъ темныхъ шерстей, болѣе же карія; мы спрашивали Японцевъ, есть ли на главномъ ихъ островѣ бѣлыя лошади, и получили въ отвѣтъ, что онѣ попадаются очень рѣдко. Впрочемъ водятся у нихъ и большаго роста лошади, только немного. Японцы лошадей своихъ никогда не куютъ, ибо имъ не бываетъ нужды ѣздить по льду, а мостовыхъ у нихъ нѣтъ. Если же ѣздятъ они по горамъ во время дождей, когда на спускахъ и подъемахъ бываетъ скользко, то дѣлаются у нихъ деревянныя низенькія колодки, величиною и фигурою подобныя лошадиному копыту, или воловьему, если для рогатаго скота; колодки сіи вкладываются въ весьма толстую кожу морскаго льва или другаго животнаго, и вбиваются въ нихъ сквозь кожу желѣзные гвозди съ большими островатыми шляпками, которые служатъ вмѣсто

подковы, когда кожу сію подвяжутъ подъ ногу лошади вплоть къ копыту.

Рогатый скотъ также очень мелокъ въ Японіи да и худъ, ибо Японцы, не употребляя ни мяса, ни молока, не стараются объ откармливаніи его.

Пенька родится въ сѣверныхъ областяхъ Японіи, и на Матсмаѣ мы видѣли коноплю. Я уже выше говорилъ, на что Японцы ее употребляютъ.

Дерево кадцы растетъ у нихъ въ большомъ изобиліи, и доставляетъ жителямъ большую пользу. Японцы изъясняли намъ, что такое это дерево, но невозможно было понять ихъ изъясненія такимъ образомъ, чтобъ сдѣлать ему достаточное описаніе.

Золота и серебра въ Японіи добывается много. У Японцевъ есть весьма богатые рудники въ разныхъ частяхъ государства; многіе изъ нихъ правительство не дозволяетъ разрабатывать, чтобы металлы сіи не упали въ своемъ достоинствѣ. Кромѣ денегъ, Японцы дѣлаютъ большое употребленіе, какъ изъ золота, такъ и изъ серебра: храмы японскіе украшены сими металлами; вельможи ихъ носятъ сабли съ золотыми или серебряными ефесами и въ такой же оправѣ; дѣлаются изъ нихъ курительныя трубки для богатыхъ людей; разныя лакированныя вещи, какъ-то: столовая посуда, ящички, сундуки, ширмы и проч., украшены бываютъ золотомъ и серебромъ; многія богатыя матеріи дѣлаются наподобіе золотой или серебряной парчи, а въ столицахъ, сказываютъ, есть много публичныхъ зданій съ позлащенными кровлями; въ домахъ же княжескихъ и людей знатныхъ находится множество украшеній изъ сихъ металловъ, да и женскій полъ, по большей части, украшается золотыми или серебряными вещами.

Олово, свинецъ, ртуть и сѣра также есть въ Японіи, и сказываютъ, въ довольномъ количествѣ для надобностей жителей. У нихъ не только пули, но и ядра пушечныя льются изъ свинца, потому, что войны двѣсти лѣтъ уже не было, а если бъ они пожили по-европейски, то скоро бросили бы эту роскошь. Что касается до сѣры, то у нихъ есть цѣлый покрытый ею островъ, надъ кото-

Digitized by Google

рымъ, отъ горячихъ ключей, безпрестанно стоитъ густой паръ. Островъ сей Японцы включаютъ въ число *семи чудесъ* ихъ государства, о коихъ они намъ сказывали (*).

Упомянувъ о произведеніяхъ Японіи, которыя составляютъ, такъ сказать, главнѣйшія потребности сего просвѣщеннаго народа, я теперь наименую тѣ, коихъ не нужда, но однѣ прихоти сдѣлали необходимыми, или которыя полезны только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ-то: драгоцѣнные камни и жемчугъ, мраморъ и другіе рѣдкіе камни, камфарное дерево, лаковое дерево, плодоносныя деревья, огородные овощи, разныя употребительныя дикія растенія, домашнія животныя и дикія животныя, полезныя для Японцевъ.

Японцы имѣютъ драгоцѣнные камни, произведенія собственной ихъ земли, но какіе именно, мы не могли узнать. Чиновники ихъ, видѣвшіе табакерку и другія дорогія вещи, пожалованныя блаженной памяти Императрицею Екатериною Второю Японцу Кодаю, который привезъ ихъ съ собою, сказывали, что и у нихъ есть такіе же камни, какими сіи вещи были украшены, только японскіе мастера не могутъ выдѣлывать ихъ такъ чисто.

Жемчугу у нихъ очень много, но крупнаго намъ не удалось видѣть.

Мрамору въ Японіи много разныхъ родовъ. Японцы показывали намъ нѣкоторыя вещицы, сдѣланныя изъ бѣ-

---

(*) Въ первыхъ частяхъ сей книги упомянулъ я, что опасаясь, дабы Японцы не отобрали отъ насъ нашихъ бумагъ, я писалъ свои замѣчанія на небольшихъ лоскуточкахъ и хранилъ ихъ въ самомъ скрытномъ мѣстѣ; къ несчастію, нѣсколько такихъ лоскуточковъ какъ-то потерялись, въ томъ числѣ и тотъ, на которомъ были записаны упоминаемыя здѣсь семь чудесъ. Я помню только три изъ нихъ: первое, этотъ островъ; второе, гдѣ-то у нихъ есть гора, на которой по ночамъ кажутся огни, хотя никто тамъ не бываетъ, да еще очень глубокій колодезь, сдѣланный натурою, въ которомъ отъ маленькаго камешка, въ него брошеннаго, подымается чрезвычайный шумъ.

Digitized by Google

лаго мрамора съ небольшими синими жилками и еще изъ другаго, похожаго на тотъ, изъ котораго построенъ въ Петербургѣ Исакіевскій Соборъ. Сверхъ того показывали они намъ печатки, сдѣланныя изъ сердолика, разнаго рода агата, яшмы и нѣкоторыхъ другихъ камней, которыхъ я назвать не умѣю. На берегахъ Княжества Намбу и Тцынгару, попадаются небольшіе камешки разныхъ цвѣтовъ въ обыкновенный орѣхъ величиною, которые отмѣнно хорошо выполированы волнами, и снаружи кажутся прозрачными, какъ кристалъ. Японцы дали намъ двѣнадцать такихъ камешковъ красныхъ и столько же бѣлыхъ вмѣсто шашекъ, но матросъ, которому я поручилъ взять ихъ съ собою, потерялъ ихъ.

Многіе изъ Японцевъ носятъ съ собою духи, въ составъ коихъ входитъ камфара, или и самую камфару безъ всякой примѣси. Они намъ сказывали, что въ южной части Японіи, дерево, производящее сіе вещество, находится въ изобиліи, такъ что за расходомъ для лекарствъ и другихъ надобностей по всему государству, немалое количество отпускаютъ Голландцамъ и въ Китай. Притомъ сказывали они намъ, что бываетъ у нихъ и поддѣланная камфара, которую не всякъ можетъ отличать отъ настоящей.

Японскій лакъ славится и въ Европѣ. Дерево, производящее сей сокъ, растетъ въ такомъ изобиліи, что Японцы лакируютъ имъ всю свою столовую посуду, разнаго рода сундуки, ящички, сѣдла, луки, стрѣлы, копья, чехлы на оружіе, патронташи, табачныя сумки, въ хорошихъ домахъ стѣны и ширмы, словомъ всякую безделицу, которой хотятъ придать красивый и блестящій видъ. Намъ удалось видѣть самую лучшую лакированную работу: это былъ судокъ или погребецъ губернаторскій, который онъ присылалъ къ намъ нарочно напоказъ; лоскъ на немъ наведенъ такъ чисто, что въ него можно смотрѣться, какъ въ зеркало. Натуральный цвѣтъ сего сока есть бѣлый, но перемѣшавъ его съ красками, могутъ ему дать цвѣтъ, какой угодно. Самая чистая и лучшая лаковая работа въ Японіи бываетъ чернаго и краснаго цвѣта; почти всѣ ихъ вещи лакируются сими цвѣтами; впрочемъ мы видѣли зеленыя,

желтыя, синія и другихъ цвѣтовъ вещицы; также и подъ цвѣтъ мрамора они умѣютъ поддѣлывать свой лакъ. Лаковый сокъ, будучи свѣжъ, имѣетъ ядовитое свойство, и вреденъ для тѣхъ, которые его собираютъ, почему и употребляются при сборѣ разныя предосторожности; но постоявъ нѣсколько времени на воздухѣ, теряетъ онъ ядовитую свою силу. Посуду, имъ лакированную, можно употреблять безъ всякаго вреда; притомъ Японцы такъ хорошо умѣютъ наводить лакъ, что наливъ кипятку въ сосудъ лучшей работы, можно пить оный, не чувствуя ни малѣйшаго запаха отъ краски; послѣдняго разбора работа не имѣетъ однако сего преимущества: въ такихъ сосудахъ и отъ теплой воды духъ краски бываетъ слышенъ.

Въ плодоносныхъ деревьяхъ Японцы не имѣютъ недостатка: у нихъ родятся апельсины, лимоны, персики, абрикосы, сливы, фиги, вишни, дули, груши, яблоки (*), и проч. Странно, что въ столь разнообразныхъ климатахъ, въ каковыхъ лежитъ Японія, нѣтъ полосъ, гдѣ бы созрѣвалъ виноградъ. Японцы имѣютъ только дикій мелкій виноградъ, который очень киселъ и употребляется ими соленый для салата; это можетъ быть отъ того, что онъ растетъ въ лѣсахъ подъ тѣнью деревъ, и Японцы не считаютъ за нужное или не могутъ удѣлить земли на обрабатываніе онаго.

Послѣ сарачинскаго пшена и рыбы, зелень составляетъ любимую пищу Японцевъ: у нихъ весьма много огородныхъ овощей, какъ-то: дыни, арбузы, тыквы, бадаржаны, травянки, огурцы, рѣпа, морковь, горчица и проч. Мы не могли узнать, есть ли у нихъ капуста, объясняли имъ нѣсколько разъ что это за растеніе и рисовали; но они всегда отзывались, что подобнаго не видали въ Японіи. Кромѣ дынь и арбузовъ, другихъ огородныхъ овощей Японцы не ѣдятъ сырыхъ, а всегда вареныя; они

(*) Въ одномъ европейскомъ сочиненіи о Японіи я читалъ, что тамъ нѣтъ яблонь; но мы сами ѣдали яблоки, привезенныя изъ Княжества Тцынгару; правда, что они были мелки и несликомъ вкусны, все однако жъ яблоки.

Digitized by Google

удивлялись, что мы ѣли сырые огурцы съ укусомъ и солью. Горчицу Японцы мѣшаютъ съ уксусомъ, и ѣдятъ съ рыбою, а болѣе съ сырымъ рыбьимъ хрящемъ. У нихъ весьма много также родится краснаго стручковаго перцу и маку; перецъ они ѣдятъ съ разными кушаньями сырой, а иногда варятъ его въ сахарѣ и употребляютъ вмѣсто конфектовъ: макъ мѣшаютъ съ сахаромъ или съ патокою и обливаютъ въ немъ тѣсто, сдѣланное изъ толченаго сарачинскаго пшена, бьютъ изъ него масло, въ которомъ жарятъ рыбу и приготовляютъ разныя другія кушанья.

Въ числѣ другихъ употребительныхъ растеній Японскаго Государства извѣстныя намъ: сахарный тростникъ, красная и черная смородина, черемуха, купырья, дягилья, грибы, морская капуста и ягоды дикой розы, или шиповника, котораго множество растетъ въ сѣверныхъ владѣніяхъ Японіи. Японцы употребляютъ сіи послѣднія вмѣсто лекарства для произведенія вѣтровъ; на сей конецъ они ѣдятъ ихъ сырыя.

Сахарнаго тростнику въ Японіи очень мало, и притомъ добываемый изъ него сахаръ цвѣтомъ черенъ и имѣетъ мало сладости; вѣроятно, что недостатокъ въ земляхъ, нужныхъ для полезныхъ произрастеній, не позволяетъ Японцамъ заняться обрабатываніемъ сего растенія служащаго къ одной лишь роскоши.

Смородину и черемуху Японцы солятъ и ѣдятъ вмѣсто салата; изъ купырьевъ и дягильевъ бѣдные люди варятъ похлебку, а также ѣдятъ ихъ квашеные и соленые. До грибовъ и достаточные люди охотники: ихъ употребляютъ въ похлебкѣ, а также солятъ или приготовляютъ въ уксусѣ.

Что же принадлежитъ до морской капусты, то это почти повсюду (*) безполезное растеніе доставляетъ въ Японіи

(*) Въ Ирландіи употребляютъ это растеніе для удобренія полей, и потому дорожатъ имъ. Въ бытность мою тамъ одинъ знакомый мнѣ помѣщикъ поссорился съ своимъ сосѣдомъ за то, что онъ при берегахъ его владѣнія ловилъ морскую капусту, и грозилъ, что если онъ впредь это будетъ дѣлать, то онъ застрѣлитъ его, какъ грабителя чужой собственности.

не только многимъ милліонамъ пропитаніе, но еще и товаръ для торговли. Японцы сушатъ это растеніе, и послѣ употребляютъ въ похлебкѣ или обвертываютъ въ оное рыбу, и сваривъ ѣдятъ вмѣстѣ, а иногда просто поджариваютъ на огнѣ, посыпавъ солью, и такъ ею лакомятся. Капуста эта болѣе служитъ въ пищу людямъ недостаточнымъ, однако жъ и богатые употребляютъ ее иногда; только для нихъ изготовляется она иначе, даже для самого императора запасаютъ немалое количество сего растенія.

Изъ домашнихъ четвероногихъ животныхъ, кромѣ лошадей и коровъ, о коихъ упомянуто было выше, Японцы держатъ свиней, собакъ и кошекъ; первыя служатъ въ пищу тѣмъ сектамъ, которымъ дозволяется ѣсть мясо; собакъ употребляютъ для охоты и для охраненія домовъ, а кошки исправляютъ ту же должность, что и въ Европѣ, хотя одинъ писатель о Японіи и говоритъ, будто японскія кошки не ловятъ мышей. Это несправедливо: если бъ это была правда, въ такомъ случаѣ природа въ Японіи отступила бы отъ своихъ законовъ; притомъ мы опытомъ знаемъ несправедливость сего заключенія: бывшій у насъ японскій котъ отправлялъ свое ремесло съ великимъ искусствомъ, и вѣроятно не уступалъ ни какой европейской кошкѣ; притомъ надобно замѣтить, что онъ, служа намъ иногда забавою въ нашемъ заключеніи, былъ фаворитомъ нашимъ, слѣдовательно не имѣлъ недостатка въ пищѣ, но ловилъ крысъ и мышей, слѣдуя побужденію инстинкта. И такъ, когда прежде сего европейскіе писатели хотѣли иногда даже и животныхъ японскихъ лишить тѣхъ наклонностей, которыя сама природа въ нихъ поселила, то мудрено ли, что самихъ Японцевъ они часто представляли не тѣмъ, что они въ самомъ дѣлѣ?

Куры и утки суть единственныя домашнія, въ пищу употребляемыя, птицы въ Японіи; но весьма рѣдкіе изъ Японцевъ ѣдятъ ихъ; хотя впрочемъ нѣкоторыя секты имѣютъ на то разрѣшеніе, но они не убиваютъ ихъ по привязанности, какую мы иногда имѣемъ къ комнатнымъ нашимъ животнымъ. Когда случалось, что кто нибудь изъ насъ былъ боленъ, и Японцы, слышавъ отъ насъ, что въ

Digitized by Google

Европѣ супъ съ курицею почитается лучшимъ кушаньемъ для больныхъ, хотѣли намъ услужить, то съ большимъ трудомъ могли сыскать, чтобъ кто нибудь продалъ курицу, не смотря на предлагаемую за нее дорогую плату.

Японцы охотники до яицъ, варятъ ихъ круто и лакомятся ими какъ плодами, иногда ѣдятъ ихъ вмѣстѣ съ апельсинами; для насъ они ихъ варили въ похлебкѣ съ зеленью. Для знатныхъ господъ держатъ куръ (*) въ комнатахъ, гдѣ онѣ и несутся, и кормятъ ихъ однимъ пшеномъ. Вельможи и чиновники не стали бы ѣсть яицъ отъ курицы, которая ходитъ по двору и клюетъ всякую нечистоту. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ держатъ лебедей, гусей и индѣйскихъ куръ, но только для красоты ихъ, какъ мы иногда держимъ павлиновъ, которые также есть и у нихъ.

Изъ дикихъ четвероногихъ животныхъ, Японцамъ полезны, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, кабаны, медвѣди, олени, дикія козы и зайцы, коихъ тѣ секты, которымъ позволено ѣсть мясо, употребляютъ въ пищу, а сверхъ того дѣлаютъ они еще другое употребленіе изъ медвѣдей и оленей: въ сѣверной части Японіи, гдѣ бываетъ зимою очень холодно, бѣдные люди употребляютъ медвѣжьи кожи вмѣсто одѣялъ, а богатые дѣлаютъ изъ нихъ дорожные чахлы на дорогія вещи, которыя хотятъ предохранить отъ ненастья, какъ-то: на сундуки съ платьемъ, на погребцы и проч.; желчь медвѣжью превращаютъ Японцы въ твердый составъ, и употребляютъ какъ крѣпительное лекарство отъ слабости желудка и другихъ болѣзней. Желчь сія въ большомъ уваженіи у Японцевъ, и весьма дорого покупается по причинѣ цѣлительной силы, ей приписываемой. Они увѣряютъ, что желчь медвѣдей, убиваемыхъ на самомъ островѣ Нифонѣ, гораздо дѣйствительнѣе получаемой изъ медвѣдей матсмайскихъ; почему сихъ послѣднихъ они не столько цѣнятъ. При продажѣ медвѣжьей желчи, охотники употребляютъ разныя хитрости и обманы: будучи на охотѣ, они обыкновенно убиваютъ всѣхъ звѣрей, какіе имъ

(*) Въ числѣ куръ находится малое число такихъ, которыя у насъ называется цесарскими.

Digitized by Google

попадутся, и вынимают изъ нихъ желчь, а когда удается имъ убить медвѣдя, тогда выходятъ съ нимъ на большую дорогу и несутъ его, какъ будто домой, никѣмъ изъ прохожихъ не занимаясь, и какъ Японцы не упускаютъ случая покупать сіе драгоцѣнное для нихъ лекарство, то встрѣчающіеся охотникамъ по дорогѣ люди спрашиваютъ, продана ли у нихъ желчь изъ убитаго медвѣдя. Тогда они показываютъ имъ желчь другаго звѣря, и если покупщикъ не знатокъ въ семъ товарѣ, то и бываетъ обманутъ; такимъ образомъ они могутъ изъ одного медвѣдя продать желчь многимъ. Впрочемъ многіе изъ Японцевъ умѣютъ различать по вкусу не только желчь другаго животнаго отъ медвѣжьей, но и желчь медвѣдей съ острова Нифона и матсмайскихъ: нашъ переводчикъ Кумаджеро былъ одинъ изъ такихъ знатоковъ. Употребленіе сего лекарства очень простое: они откусываютъ его по самому маленькому кусочку и глотаютъ. Изъ оленьихъ кожъ Японцы дѣлаютъ родъ толстой и тонкой замши.

Изъ полезныхъ насѣкомыхъ, кромѣ шелковыхъ червей, Японцы имѣютъ лѣсныхъ пчелъ. Получаемый отъ нихъ медъ они употребляютъ единственно въ лекарство; равнымъ образомъ и воскъ только покупаютъ лекаря для пластырей.

Въ третье и послѣднее отдѣленіе произведеній Японскаго Государства, помѣщу тѣ, которыя или не приносятъ жителямъ совсѣмъ ни какой пользы, или весьма малую. По царству ископаемыхъ къ сему классу можно причислить каменный уголь, который въ Японіи есть, но никуда не употребляется.

Изъ ягодъ малина, земляника и клубника, которыя у насъ въ Европѣ въ такомъ уваженіи, въ глазахъ Японцевъ не имѣютъ ни какой цѣны: ягоды сіи они почитаютъ весьма вредными для здоровья, и правду сказать, что имъ онѣ почти совсѣмъ не имѣютъ ни какой пріятности; запахъ отъ нихъ едва слышенъ, сладость въ нихъ весьма слаба, и притомъ онѣ очень водяны, но величиною будутъ не менѣе нашихъ, и цвѣтъ имѣютъ самый яркій красный. Японцы также не ѣдятъ ни какихъ ягодъ, которыя растутъ на травѣ.

Digitized by Google

Изъ хищныхъ четвероногихъ животныхъ, кромѣ медвѣдей, въ Японіи есть барсы; леопарды, волки, дикія собаки и лисицы. Симъ послѣднимъ многіе суевѣрные Японцы приписываютъ силу дьявола. Въ южныхъ и среднихъ областяхъ водятся обезьяны малаго рода, а на островѣ Матсмаѣ соболи, только шерстью красноватые, слѣдовательно не имѣющіе ни какой цѣны. Слоны, львы, тигры, верблюды, ослы, гончія, борзыя, лягавыя и множество другихъ родовъ собакъ, извѣстны Японцамъ только по рисункамъ.

Хищныхъ птицъ у нихъ много, какъ-то: орлы, соколы, ястребы, коршуны и проч.; изъ дикихъ птицъ они употребляютъ въ пищу гусей и утокъ (*) разныхъ родовъ; но лебеди и журавли считаются священными, и никто убивать ихъ не дерзнетъ. Изъ пѣвчихъ птицъ, свойственныхъ нашему климату, мы видѣли въ клѣткахъ (**) скворцовъ, снигирей и чижей; другихъ родовъ намъ видѣть не случалось.

Простыхъ птицъ, какъ-то кукушекъ, воронъ, галокъ, воробьевъ и проч., въ сѣверной Японіи и на Матсмаѣ такъ же много, какъ и у насъ. Попугаевъ и канареекъ во всей Японіи нѣтъ. Морскихъ птицъ при японскихъ берегахъ множество: онѣ суть: албатросы, разныхъ родовъ чайки, бакланы, морскіе попугаи, гренландскіе голуби, арры и проч.

Вотъ все, что я могъ сказать о произведеніяхъ Японіи.

Въ статьѣ о промышлености сего государства, первое мѣсто должны занять фабрики шелковыхъ матерій, стальныхъ, фарфоровыхъ и лакированныхъ всякаго рода вещей.

Шелковыя фабрики важны не только большимъ количествомъ матерій, на нихъ выдѣлываемыхъ, но и добротою ихъ. Японцы дѣлаютъ разнаго рода парчи и другія дорогія матеріи, которыя добротою ни мало не уступаютъ китайскимъ.

(*) Разумѣется, секты, коимъ мясо ѣсть дозволяется, но не всѣ Японцы.

(**) Японцы любятъ держать у себя пѣвчихъ птицъ, а потому у нихъ есть лавки, гдѣ торгуютъ ими.

Digitized by Google

Что принадлежитъ до стальныхъ вещей, то сабли и кинжалы японскіе едва ли не превосходятъ всѣ другія оружія сего рода въ цѣломъ свѣтѣ, кромѣ, можетъ быть, дамасскихъ. Они выдерживаютъ чрезвычайную пробу. Въ полировкѣ стали и всѣхъ другихъ металловъ Японцы отмѣнно искусны: они дѣлаютъ даже зеркала металлическія, которыя столько же хорошо отражаютъ предметы, какъ и стеклянныя. Мы видали часто японскіе столярные и плотничные инструменты, кои крѣпостью и чистотою отдѣлки, можетъ быть, не много уступятъ англійскимъ: пилы ихъ такъ хороши, что выпиливаютъ крѣпчайшее дерево въ самыя тоненькія дощечки.

Японскій фарфоръ далеко превосходитъ китайскій; только онъ очень дорогъ, и его дѣлаютъ такъ мало, что онъ не можетъ удовлетворить нуждамъ всего государства, а потому Японцы много получаютъ фарфоровой посуды изъ Китая. Впрочемъ есть у нихъ простой фарфоръ и фаянсъ; тотъ и другой въ работѣ весьма толстъ и тяжелъ; вообще вещи такого рода, кромѣ самыхъ лучшихъ фарфоровыхъ, у нихъ грубоваты.

Какія лакированныя вещи дѣлаются въ Японіи, такихъ нигдѣ сдѣлать не могутъ: это Европейцамъ уже извѣстно.

Фабрики бумажныя должны быть въ Японіи весьма многочисленны и велики, по причинѣ всеобщаго употребленія бумажной матеріи по всему государству; но кажется, Японцы не умѣютъ или не хотятъ дѣлать хорошихъ бумажныхъ матерій: намъ никогда не случалось видѣть ни одного куска порядочно сдѣланнаго. Увидѣвъ наши носовые платки работы Восточной Индіи и кисейныя косынки, они не вѣрили, чтобы они были сдѣланы изъ хлопчатой бумаги.

Металлическія работы въ Японіи также очень хороши, а особливо мѣдную посуду дѣлаютъ крѣпко и красиво.

Японцы умѣютъ отливать металлическія статуи, высѣкаютъ ихъ изъ камня, и вырѣзываютъ изъ дерева; но судя по ихъ идоламъ, которые мы видѣли въ матсмайскихъ храмахъ, сіи художества у нихъ въ большомъ еще несовершенствѣ; въ нихъ такъ какъ и въ живописи, въ гравировкѣ и въ книгопечатаніи, они далеко, слишкомъ далеко

Digitized by Google

отстали даже отъ тѣхъ европейскихъ народовъ, у коихъ сіи искусства еще, такъ сказать, въ младенчествѣ. Въ рѣзьбѣ же, кромѣ статуй, они довольно искусны; также и деньги ихъ, какъ золотыя, серебряныя, такъ и мѣдныя, выбиты изрядно. Кромѣ вышепомянутыхъ главныхъ или богатѣйшихъ издѣлій, Японцы упражняются съ успѣхомъ въ разныхъ другихъ, какъ-то: у нихъ есть обширные заводы для дистиллированія изъ сарачинскаго пшена водки, называемой сотчіо, и для дѣланія вина саги, изъ того же вещества; табачныя фабрики, заводы чугунной посуды и разныхъ другихъ произведеній не столь дорогихъ, но не менѣе для народа нужныхъ, напримѣръ: многія тысячи людей занимаются дѣланіемъ соломянной обуви, такихъ же шляпъ, матовъ и проч. Надобно замѣтить, что Японцы имѣютъ фабрики и заводы почти по всему государству, но богатѣйшіе изъ нихъ въ городахъ Кіо, Эддо и Осагѣ.

Сколько Японцы трудолюбивы въ рукодѣліяхъ, столько же неутомимы въ промыслахъ, а особливо искусны въ рыбной ловлѣ и занимаются ею съ великимъ прилежаніемъ. Звѣрей разнаго рода ловятъ они западнями, но болѣе стрѣляютъ, а собакъ употребляютъ только для отыскиванія; птицъ какъ стрѣляютъ, такъ и сѣтями ловятъ, а ловить маленькихъ птичекъ они имѣютъ особенный способъ: составляютъ изъ смолы или соку какого-то дерева родъ густаго и клейкаго вещества, которымъ намазавъ упадшія деревья, посыпаютъ оныя пшеномъ; пшено приманиваетъ птичекъ, сѣвъ на бревна, онѣ такъ крѣпко лапами приклеиваются въ этотъ составъ что не имѣютъ силы освободиться; такимъ образомъ цѣлыми стадами дѣлаются онѣ добычею охотника.

Упомянувъ о трудолюбіи Японцевъ, должно замѣтить, что между ими, такъ какъ и у другихъ народовъ, есть и праздные люди, которые, скитаясь по улицамъ, по непотребнымъ и питейнымъ домамъ, снискиваютъ себѣ пропитаніе разнаго рода фиглярствомъ, а иные живутъ мірскимъ подаяніемъ. Слѣдующій способъ, коимъ празднолюбцы въ Японіи, а наиболѣе женщины, получаютъ деньги, заслуживаетъ вниманія по своей странности: они ловятъ мно-

жество разной величины и цвѣта змѣй, изъ коихъ весьма искусно вынимаютъ жало, такъ, что змѣи никакъ не могутъ имъ вредить; потомъ, раздѣвшись донага, и оставляя только небольшую повязку по тѣмъ частямъ, которыя и самихъ дикихъ стыдъ заставляетъ скрывать, обвиваютъ змѣями руки, ноги и все тѣло; такимъ образомъ составляютъ себѣ изъ отверзтыхъ, шипящихъ змѣиныхъ головъ родъ одежды разныхъ цвѣтовъ, и въ такомъ ужасномъ и вмѣстѣ блестящемъ нарядѣ ходятъ по улицамъ, поютъ, пляшутъ и дѣлаютъ множество другихъ странныхъ дурачествъ для полученія платы, или, лучше сказать, подаянія отъ зрителей.

Японію, конечно, можно назвать торговымъ государствомъ, если только обширная внутренняя или домашняя торговля можетъ дать право на такое именованіе. Всѣ княжества и области сего многолюднаго государства имѣютъ между собою торговыя отношенія и связи. Необыкновенное различіе въ климатѣ по всему пространству, владѣніями японскими занимаемому, разнымъ частямъ доставляетъ и разныя произведенія, въ которыхъ всѣ имѣютъ общую надобность, а нужда, трудолюбіе и дѣятельность народа доставляютъ ему способы и умѣнье пользоваться дарами природы и искусства; отъ сего жители цѣлаго государства связаны взаимно торговлею, которая отправляется и водою, и сухимъ путемъ; но болѣе первымъ изъ сихъ средствъ. Прибрежныя въ Японіи моря и судоходныя рѣки покрыты многими тысячами судовъ, развозящихъ товары по всему государству. Хотя мореходство ихъ есть только прибрежное, и постройка судовъ крайне неудобна для дальняго плаванія, а особливо по большимъ морямъ, но суда ихъ довольно велики для ихъ рода плаванія: многія изъ нихъ имѣютъ болѣе ста футовъ длины и необыкновенную ширину. Большія японскія суда могутъ поднять грузу отъ шестнадцати до двадцати тысячъ пудъ. Для безопасности мореплаванія, Японцы имѣютъ разныя полезныя учрежденія, какъ-то: во всяномъ портѣ или пристани есть для ввода и вывода судовъ лоцманы, которые также по опытности своей, пользуясь признаками, должны

Digitized by Google

предсказывать погоду, и совѣтовать корабельщикамъ пускаться въ путь или дожидаться; на приличныхъ мѣстахъ опредѣлены люди для зажиганія маяковъ; на высотахъ, гдѣ нужно, поставлены разныя примѣты и проч. Для перевоза же товаровъ сухимъ путемъ, гдѣ нельзя того сдѣлать водою, устроены хорошія дороги и мосты. Матсмай есть колонія японская, но и тутъ, не смотря на чрезвычайныя горы и пропасти, не смотря на быстроту рѣкъ, и суровость климата, пути сообщенія находятся въ такомъ порядкѣ, что надобно имъ завидовать. Въ чистомъ полѣ, въ отдаленіи отъ городовъ, мы видѣли у нихъ такіе мосты (*), какіе въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ и въ провинціальныхъ городахъ я встрѣчалъ нечасто.

Склонность Японскаго Народа къ торговлѣ примѣтна во всѣхъ городахъ и селеніяхъ: почти во всякомъ домѣ есть лавка для товаровъ болѣе или менѣе важныхъ, и какъ въ Англіи, гдѣ часто мы видимъ подлѣ лавки ювелира, стоящей нѣсколько сотъ тысячъ, другую, въ коей продаются устрицы, такъ и въ Японіи купецъ, торгующій богатыми шелковыми матеріями, и продавецъ соломянной обуви живутъ и имѣютъ лавки свои рядомъ. Въ порядкѣ всякаго рода Японцы очень много походятъ на Англичанъ: такъ же какъ и Англичане, они любятъ чистоту и крайнюю точность; какъ у Англичанъ, на всякой продажной бездѣлицѣ бываетъ печатный билетецъ, означающій названіе, цѣну и употребленіе вещи, имя мастера или фабрики, а иногда и похвалу оной, такъ точно и Японцы почти всѣ товары продаютъ съ подобными печатными эпиграфами, даже табакъ, помада, зубные порошки и другія бездѣлушки обвертываютъ въ бумагу, на коей напечатаны извѣстія о достоинствѣ и добротѣ вещи. Также и порядокъ, наблюдаемый ими при укладкѣ товаровъ, не

(*) Японцы дѣлаютъ свои мосты красиво и прочно; одинъ лишь недостатокъ въ нихъ, что они безъ перилъ; вмѣсто перилъ кладутся высокіе брусья по обѣимъ сторонамъ; но за то ихъ мосты очень широки.

Digitized by Google

уступаетъ нашему европейскому. Для сарачинскаго пшена и всякаго рода хлѣбныхъ растеній, они употребляютъ соломянные мѣшки, а для жидкостей нѣтъ, у нихъ ни бочекъ, ни боченковъ, но всѣ онѣ, какъ-то: сотчіо, саги, сая и проч., наливаются въ кадки, вмѣщающія въ себѣ отъ трехъ до четырехъ ведеръ. Кадки эти, кромѣ деревянныхъ, не имѣютъ ни какихъ обручей, и въ верху шире, а на верхней доскѣ находится небольшое отверзтіе, по большой части четвероугольное; лучшій сортъ саги возятъ Японцы въ небольшихъ глиняныхъ кувшинахъ. Матерія же всякаго рода, чай, посуду и другія хорошія вещи, всегда укладываютъ въ ящики; что же принадлежитъ до богатыхъ шелковыхъ матерій, то каждый кусокъ кладется въ особенный ящикъ, сдѣланный изъ весьма тонкихъ досокъ, и на всякомъ ящикѣ есть надпись, означающая родъ товара, имя мастера, мѣру или количество и прочее.

Во всякой торговой гавани находится особенная контора, соотвѣтствующая нашей таможнѣ, которая надсматриваетъ надъ нагрузкою и выгрузкою товаровъ, наблюдаетъ, чтобъ тайнымъ образомъ ничего не было провезено, ни съ судовъ, ни на суда, взыскиваетъ пошлины, и имѣетъ разныя другія обязанности, къ торговлѣ относящіяся. Пошлины или подать почти со всѣхъ привозимыхъ товаровъ, купцы должны платить въ казну императора или княжескую, смотря по тому, въ чьихъ владѣніяхъ находится портъ. Для надзора надъ стоящими въ гавани судами, Японцы имѣютъ чиновника, коего должность во многомъ сходствуетъ съ должностью нашихъ гавенмейстеровъ, а сверхъ того онъ же бываетъ начальникъ и надъ лоцманами. Передъ отправленіемъ нашимъ въ Россію, будучи въ Хакодаде, мы жили въ одномъ домѣ съ гавенмейстеромъ, и видѣли, что всякое утро приходило къ нему множество корабельщиковъ и другаго званія людей, а посему имѣли случай узнать, что должность его немаловажная.

Для выгодъ торговыхъ людей и облегченія самой торговли, правительство издаетъ печатные листки или, такъ сказать, коммерческія газеты, содержащія въ себѣ извѣстія о цѣнахъ главныхъ товаровъ въ разныхъ частяхъ имперіи.

Digitized by Google

На таковой же конецъ публика извѣщается чрезъ подобные листки объ урожаѣ сарачинскаго пшена и другихъ земныхъ произведеній во всѣхъ областяхъ; начиная со времени всхода хлѣбныхъ растеній и до самаго дня жатвы, народъ время отъ времени извѣщается о состояніи, въ какомъ оныя находятся въ каждой провинціи. Такое попеченіе Японскаго Правительства о благѣ общемъ и о частныхъ пользахъ своего народа весьма похвально, и вѣроятно будетъ не послѣднею изъ причинъ, могущихъ увѣрить нашихъ европейскихъ пристрастныхъ, но впрочемъ строгихъ судей, что уже пора имъ исключить Японцевъ изъ числа варваровъ.

Чтобъ распространить торговлю по всему государству, и дать болѣе способовъ и удобства купечеству производить оную, Японцы ввели въ употребленіе вексели и обязательства, которыя у нихъ имѣютъ свою силу на основаніи и подъ защитою законовъ, какъ и въ европейскихъ государствахъ, а въ одномъ изъ полуденныхъ княжествъ Японіи ходятъ ассигнаціи въ равномъ достоинствѣ съ звонкою монетою. Деньги въ Японіи употребляются трехъ родовъ: золотыя, серебряныя и мѣдныя; послѣднія бываютъ круглыя съ дырами на срединѣ, сквозь которыя нанизываютъ ихъ на снурокъ, и такъ носятъ вмѣсто мѣшка или кошелька. Монеты сіи называются, по-японски, монъ. Японцы, увидѣвъ нашу копѣйку, сравнивали ее съ своими деньгами, и считали въ ней четыре своихъ мона. Золотыя и серебряныя монеты у нихъ бываютъ продолговатыя, четвероугольныя и въ толщину болѣе имперіала; на каждой изъ нихъ означены названіе и цѣна, годъ чекана и имя мастера; впрочемъ, не имѣвъ случая узнать ни пробы металла, ни вѣса оныхъ, я не могу сравнивать ихъ въ цѣнѣ съ нашими деньгами.

Самая обширная торговля сухимъ путемъ отправляется въ городѣ Кіо, столицѣ духовнаго императора: сей городъ не есть приморскій, а будучи весьма многолюденъ и богатъ всякаго рода фабриками, привлекаетъ купцовъ изъ всего государства, которые для привоза своихъ товаровъ и для отвоза ими тутъ покупаемыхъ, не имѣютъ способовъ воднаго сообщенія. Изъ приморскихъ мѣстъ

Digitized by Google

Эддо, столичный городъ свѣтскаго императора, отправляетъ самый важнѣйшій торгъ по всей имперіи, а послѣ его славнѣе всѣхъ городъ Осага, лежащій отъ Эддо къ югозападу въ разстояніи 120-ти японскихъ ри (*); впрочемъ почти во всякомъ княжествѣ, коего часть прилегаетъ къ морю, есть богатые торговые города.

Въ Европѣ уже извѣстно, что торговля Японцевъ съ иностранцами весьма ограничена; причиною такой ограниченности есть недовѣрчивость Японскаго Правительства къ Европейцамъ, и дурное его мнѣніе объ нихъ, къ чему подали поводъ сами же Европейцы своими поступками въ Японіи: впрочемъ, какъ бы то ни было, справедливо ли Японское Правительство въ своихъ правилахъ или нѣтъ, оставимъ на разсужденіе другимъ, а я скажу только, что Японскій Народъ вообще желаетъ имѣть торговлю съ иностранцами, а особливо съ Европейцами, но просвѣщенные Японцы судятъ о семъ предметѣ такимъ образомъ: «Народъ повсюду слѣпъ въ отношеніи къ государственному правленію, и знаетъ только ощупью то, что передъ нимъ находится, а на два шага впередъ уже ничего не видитъ; отъ этого можетъ легко свалиться въ пропасть, если не будутъ водить его люди зрячіе, и потому Японцы, не разсуждая о дурныхъ слѣдствіяхъ, могущихъ произойти для нихъ отъ тѣсныхъ сношеній съ иностранцами, видятъ лишь однѣ личныя выгоды, которыя въ состояніи доставить имъ торговля съ ними.» До покушенія Европейцевъ ввести въ Японію Христіанскую Вѣру, государство это производило обширный торгъ по всему Востоку: японскіе корабли не только плавали въ Китай и по разнымъ Индійскимъ Островамъ, но и въ самую Восточную Индію, которую Японцы называютъ Теньдзигу; но Христіанская Вѣра, или, лучше сказать, католическіе проповѣдники оной, такъ настращали сей народъ, что Правительство Японское, по истребленіи Христіанства за два вѣка предъ симъ, запретило подъ смертною казнію японскимъ подданнымъ ѣздить въ чужія земли, да и чужеземцевъ до-

(*) Около пяти сотъ верстъ.

Digitized by Google

пускать въ свое государство правиломъ поставило не иначе, какъ съ великою осторожностью и притомъ весьма въ маломъ числѣ. Нынѣ японскіе корабли могутъ торговать только въ Кореѣ и на Ликейскихъ Островахъ, и то потому, что обитатели сихъ странъ нѣкоторымъ образомъ находятся подъ властью Японцевъ, платя имъ дань, а къ себѣ они допускаютъ для торговъ суда вышепомянутыхъ двухъ народовъ и китайскія въ весьма маломъ числѣ. Изъ Европейцевъ же позволено торговать съ ними однимъ только Голландцамъ, да и то на весьма ограниченныхъ положеніяхъ и съ такими предосторожностями, что живущіе въ Японіи и приходящіе туда Голландцы болѣе походятъ на плѣнниковъ, нежели на свободныхъ людей, занимающихся торговлею въ дружескомъ государствѣ (*).

Китайцы привозятъ въ Японію сарачинское пшено, фарфоръ, слоновую кость въ дѣлѣ и простую, китайку, сахарный песокъ, корень джинъ-зень (**), лекарственныя растенія, квасцы, разныя бездѣлушки, какъ-то: вѣеры,

(*) Когда Португальцы, первые изъ Европейцевъ посѣтившіе Японію въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, открыли торговлю съ Японцами, имъ были даны чрезвычайныя преимущества: они имѣли право возить въ Японію всякіе товары, какіе хотѣли и въ такомъ количествѣ, въ какомъ угодно; могли продавать ихъ во всѣхъ частяхъ имперіи и по цѣнѣ, самими ими назначаемой; но гордость, сребролюбіе, а болѣе ложное усердіе къ вѣрѣ католическихъ священниковъ ожесточили Японское Правительство противъ европейскихъ народовъ, и положили основаніе нынѣшнему пренебреженію, какое Японцы къ нимъ имѣютъ, и недовѣрчивости, съ какою они обходятся даже съ такимъ народомъ, который называютъ своими друзьями, безъ сомнѣнія потому, что они считаютъ Голландцевъ немного только честнѣе другихъ Европейцевъ.

(**) Джинъ-зень (ginseng), или такъ называемый китайскій корень, въ великомъ уваженіи по всему Китаю и въ Японіи, гдѣ продается онъ чрезвычайно дорогою цѣной, по той причинѣ, что ему приписываютъ необыкновенную силу возстановлять и укрѣплять бодрость, которую преждевременно теряютъ сластолюбивые люди.

Digitized by Google

курительныя трубки и проч., а берутъ въ замѣнъ отъ Японцевъ красную мѣдь, лакъ, лаковыя вещи, соленую и сушеную рыбу, сушеныя раковины, морскую капусту и нѣкоторыя издѣлія японскихъ фабрикъ.

Отъ Голландцевъ же Японцы получаютъ сахаръ, пряные коренья, слоновую кость, желѣзо, лекарственныя растенія, селитру, квасцы, нѣкоторые сорты красокъ, сукно, стекло и множество другихъ европейскихъ издѣлій, какъ-то: часы, зеркала, математическіе инструменты и проч., а платятъ имъ красною мѣдью, лакомъ, пшеномъ и нѣкоторыми издѣліями своихъ фабрикъ, какъ-то: лаковыми вещами, фарфоромъ и проч. Я слышалъ, что Голландцы производятъ весьма выгодный торгъ японскою лаковою посудой по Малейскимъ или Молукскимъ Островамъ.

Какъ для Китайцевъ, такъ и для Голландцевъ открытъ одинъ портъ Нангасаки, лежащій въ южной сторонѣ Японіи; въ другія же гавани ходить имъ строго запрещено. Равнымъ образомъ и въ торговлѣ, или лучше сказать, въ мѣнѣ товаровъ какъ съ Китайцами, такъ и съ Голландцами, Японцы держатся одного порядка, а именно: корабли, по приходѣ въ Нангасакскую Гавань, и по окончаніи установленныхъ почестей, церемоній и допросовъ, должны выгрузить на берегъ всѣ свои товары. Тогда чиновники или, такъ сказать, повѣренные и браковщики со стороны японскаго императора, потому что вся иностранная торговля принадлежитъ ему исключительно, свидѣтельствуютъ ихъ качество, доброту и количество, потомъ держатъ между собою совѣтъ, и опредѣляютъ имъ цѣну товарами, которые хотятъ имѣть хозяева кораблей; послѣднимъ въ семъ случаѣ остаются два средства: или согласиться на предложеніе Японцевъ, или взять товары на корабли и везти назадъ, а торговаться невозможно, ибо Японцы ни какихъ другихъ условій слушать не станутъ. Такимъ образомъ императоръ, купивъ посредствомъ своихъ коммиссіонеровъ иностранные товары, продаетъ ихъ оптомъ своимъ купцамъ, которые уже имѣютъ право торговать ими въ розницу. Судя по чрезвычайной цѣнѣ, какою продаются въ Японіи разныя голландскія бездѣлушки, надобно думать,

Digitized by Google

что или Голландцы получають за нихъ чрезвычайную плату, или императоръ и купцы его накладываютъ непомѣрно большую цѣну, а вѣроятно тѣ и другіе пользуются равнымъ барышемъ.

8.

Народонаселеніе и военныя силы.

Японское Государство уже около двухъ вѣковъ не имѣло ни какой войны, ни внѣшней съ своими сосѣдями, ни междоусобной, кромѣ изрѣдка случавшихся маловажныхъ возмущеній. Къ сему еще должно присовокупить, что Японцы не знаютъ что такое моровая язва или чума, также нѣтъ у нихъ и другихъ пагубныхъ болѣзней, кромѣ оспы и болѣзни любострастной. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Японія не знаетъ тѣхъ золъ, которыя въ другихъ государствахъ препятствуютъ размноженію народа, и особенно счастлива тѣмъ, что главнѣйшее зло, истребляющее родъ человѣческій (война), Японцамъ неизвѣстно. Такое государство, пользующееся долговременнымъ миромъ и здоровымъ климатомъ, должно быть весьма многолюдно; такова и есть Японія. Но узнать настоящее число жителей, населяющихъ владѣнія японскія, мнѣ было невозможно, ибо окружавшіе насъ Японцы не могли намъ даже сказать, имѣетъ ли правительство ихъ достовѣрное свѣдѣніе о своемъ народонаселеніи, говоря, что такое исчисленіе сдѣлать весьма трудно, или и невозможно, потому что многіе милліоны бѣдныхъ людей не имѣютъ постояннаго мѣстопребыванія, или лучше сказать, ни какого пристанища, а живутъ на открытомъ воздухѣ, по улицамъ, въ поляхъ и въ лѣсахъ; но чтобъ дать намъ понятіе о многолюдствѣ своего отечества, бывшіе при насъ ученые и переводчикъ Теске показали карту всей Японіи, начертанную на весьма большомъ, продолговатомъ листѣ. На сей картѣ были означены не только всѣ города, но даже и селенія, которое стояли на ней, такъ часто что она казалась обрызганною чернилами. Они намъ указали одно мѣсто по дорогѣ, ведущей

отъ Мимая (*) къ Эддо, которое называется у нихъ степью, ибо сосѣдственная рѣка, разливаясь при большихъ дождяхъ, наводняетъ это мѣсто, и тѣмъ препятствуетъ на немъ селиться. Пространство сей японской степи таково, что носильщики портшезовъ, въ которыхъ ѣздятъ путешественники, вышедши поутру изъ селенія, стоящаго на краю сего пустыря, до самаго обѣда не встрѣтятъ ни какого уже селенія; отдохнувъ идутъ опять до захожденія солнца пустымъ мѣстомъ; то есть, судя по тому, какъ они носятъ портшезы, они должны пройти два пустыя мѣста, каждое верстъ по осьмнадцати, и это степи японскія! Еще показывали они намъ планъ столичнаго города Эддо, и толкуя пространство, имъ занимаемое, сказали, что человѣкъ не можетъ пройти его отъ конца до конца въ одинъ день. На вопросъ нашъ о числѣ жителей сего города, Японцы утверждали, что тамъ должно быть болѣе десяти милліоновъ, и когда мы изъявили сомнѣніе и даже прямо дали знать, что этому повѣрить нельзя, то они, показавъ видъ неудовольствія, принесли къ намъ на другой день записочку отъ одного изъ чиновниковъ, который прежде того долго служилъ въ Эддо по части полицейской. Въ запискѣ было показано, что городъ Эддо заключаетъ въ себѣ на главныхъ, большихъ улицахъ наружныхъ домовъ (**) 280 тысячъ, въ каждомъ изъ такихъ домовъ живутъ отъ 30 до 40 человѣкъ; но положивъ только по 30-ти, число живущихъ будетъ 8,400,000 человѣкъ, а если къ сему присовокупить обывателей мелкихъ домиковъ и хижинъ, живущихъ на открытомъ воздухѣ, гвардію императорскую со стражею князей, находящихся

(*) Мимай городъ при Тцынгарскомъ Проливѣ, отъ Эддо въ 200 японскихъ ри (слишкомъ 800 верстъ): ѣдущіе изъ Матсмая въ столицу пристаютъ въ гавань сего города.

(**) По-Японски *годо-гэ*, то есть такихъ домовъ, которые стоятъ одною стороною на самой улицѣ. Такъ они ихъ называютъ для отличія отъ тѣхъ домиковъ и хижинъ, кои разбросаны въ разныхъ закоулкахъ, въ буеракахъ и вездѣ, гдѣ нѣтъ настоящихъ улицъ.

Digitized by Google

въ столицѣ. ихъ свитою и проч., то число жителей должно быть болѣе десяти милліоновъ. Въ доказательство своего мнѣнія, Японцы наши еще приводили, что въ Эддо однихъ слѣпыхъ считается 36 тысячъ человѣкъ (*). Противъ всего этого намъ нечего было говорить; мы не могли ни согласиться съ ними, ни опровергать ихъ. Впрочемъ сего исчисленія нельзя почитать невѣроятнымъ, а и того менѣе невозможнымъ, ибо пространство города, какъ онъ расположенъ на видѣнномъ нами планѣ, принявъ въ разсужденіе узкія его улицы, дѣйствительно можетъ вмѣстить бо-

(*) Къ числу многихъ странныхъ учрежденій въ Японіи принадлежитъ классъ или, такъ сказать, *орденъ слѣпыхъ*, которые по всему государству, съ дозволенія правительства, соединены въ одно общество, имѣющее свои преимущества и постановленія и начальника, котораго они именуютъ княземъ; къ нему опредѣляются помощники, казначеи для храненія казны и проч., всѣ изъ слѣпыхъ. Они упражняются въ разныхъ работахъ по способностямъ каждаго, и представляютъ своему князю получаемую за труды плату, которая хранится въ общей ихъ казнѣ, и употребляется на основаніи правилъ, для сего общества установленныхъ. Многіе изъ сихъ слѣпыхъ отправляютъ лекарское ремесло, а особливо въ разныхъ родахъ болѣзней, отъ которыхъ Японцы лечатся въ баняхъ; также бываютъ изъ нихъ музыканты. Поводъ къ учрежденію общества слѣпыхъ подалъ одинъ храбрый японскій военачальникъ, который во время междоусобной войны, лишившись своего князя и благодѣтеля, умерщвленнаго рукою его соперника, былъ взятъ имъ въ плѣнъ. Побѣдитель не только простилъ полководца, но осыпалъ его разными милостями, и наконецъ спросилъ, желаетъ ли онъ ему служить, но полководецъ отвѣчалъ, что онъ чувствуетъ его милость и много ему благодаренъ, но за то, что онъ умертвилъ прежняго его государя и благодѣтеля, не только служить ему не хочетъ, но даже не можетъ смотрѣть на него, не почувствовавъ въ сердцѣ сильнаго желанія отмстить ему умертвивъ его самого, и потому, чтобъ этого не могло послѣдовать, онъ рѣшился лишить себя способовъ, когда либо привести мщеніе свое въ дѣйство, и съ сими словами вырвалъ у себя оба глаза, и бросилъ ихъ предъ побѣдителемъ. По смерти сего отважнаго воина, наслѣдники его установили общество слѣпыхъ, которое и по сіе время существуетъ.

Digitized by Google

двѣ десяти милліоновъ, потому что большой поперечникъ онаго имѣетъ длины слишкомъ восемь японскихъ ри, то есть отъ 32-хъ до 35-ти верстъ. Теске увѣрялъ насъ, что не смотря на такую чрезмѣрную величину города, онъ безпрестанно увеличивается, и въ доказательство сему приводилъ, что въ бытность его въ сей столицѣ, онъ имѣлъ квартиру въ домѣ купца, торгующаго дикимъ камнемъ для фундаментовъ, котораго онъ продавалъ большое количество съ немалою выгодою, но какъ пожары, часто случающіеся въ Эддо, не могутъ истреблять каменьевъ, то весь покупаемый камень употребляется подъ зданія вновь прибавляющіяся. Чрезмѣрное многолюдство Японскаго Государства часто заставляетъ бѣдныхъ людей умерщвлять дѣтей своихъ въ младенчествѣ, коль скоро они имѣютъ признаки слабаго сложенія или уродливости. Законы строго запрещаютъ такое убійство; но правительство, не имѣя большой нужды въ людяхъ, не слишкомъ ввязывается въ розыски, отчего младенцы умираютъ, можетъ быть, по причинамъ политическимъ, и такъ преступленія сего рода, всегда сходятъ съ рукъ родителямъ безъ дальнихъ хлопотъ. Впрочемъ, читатель, я думаю, извинитъ меня, что я не принимаю на себя хотя примѣрно опредѣлить число жителей Японіи. Это дѣло невозможное, не смотря на то, что нѣкоторые путешественники, судя по толпамъ народа, толкущагося въ улицахъ проѣзжаемыхъ ими городовъ, исчисляютъ и смѣло означаютъ точное народонаселеніе цѣлаго государства.

Мирное состояніе всякаго государства не благопріятствуетъ успѣхамъ военныхъ наукъ, а особливо въ Японіи, гдѣ законами запрещено вводить въ употребленіе чужія изобрѣтенія, а надлежитъ пользоваться только собственными своими выдумками, которыя, отъ недостатка опытовъ и упражненія въ дѣлахъ военныхъ, очень несовершенны, да и при всемъ томъ новое въ военную ихъ систему вводится вѣками; впрочемъ строгое наблюденіе стариннаго порядка и правилъ составляетъ постоянную ихъ тактику.

Я уже выше упомянулъ, что состояніе солдата въ Японіи есть наслѣдственное; всякій изъ нихъ, вступающій въ

Digitized by Google

службу, долженъ принесть въ вѣрности императору присягу, которую обязанъ подписать своею кровью, разрѣзавъ для того одинъ изъ пальцевъ правой руки. Послѣ сего уже, получая высшіе чины, онъ болѣе присяги не даетъ. Въ Японіи есть солдаты императорскіе и княжескіе; всякій князь обязанъ содержать опредѣленное число войскъ, и употреблять ихъ по повелѣнію императора. О числѣ войскъ мы не могли узнать, да признаться откровенно, въ насъ и не было большаго желанія слишкомъ далеко простирать свое любопытство о такихъ предметахъ, опасаясь, чтобы съ обширными нашими свѣдѣніями о Японіи, не просидѣть всю жизнь свою въ японской тюрьмѣ, ибо Японцы могли бы растолковать любопытство наше въ дурную сторону, и счесть, что мы собираемъ подобныя свѣдѣнія въ намѣреніи употребить оныя къ ихъ вреду; недовѣрчивость же Японскаго Правительства къ Европейцамъ болѣе простирается на Русскихъ, какъ на ближайшихъ ихъ сосѣдей.

Въ японскихъ войскахъ есть артиллеристы, пѣхота и конница; послѣдней мы не видали, а слышали, что въ наѣздники выбираются самые лучшіе люди. Они имѣютъ богатое платье и хорошихъ лошадей, вооружены саблями, копьями и пистолетами.

Артиллерія японская еще въ большомъ несовершенствѣ; она нынѣ, можетъ быть, находится, въ такомъ состояніи въ какомъ была наша европейская въ то время, когда едва только стали употреблять литыя пушки. Японскія орудія, собственнаго литья, мѣдныя; стѣны ихъ, въ сравненіи съ калибромъ, имѣютъ непомѣрную толщину. Казенная часть отвинчивается для заряда, и потому Японцы заряжаютъ пушки свои весьма медленно, да и зарядивъ палятъ не прежде, какъ всѣ артиллеристы уберутся на довольное разстояніе, а одинъ стрѣляетъ предлиннымъ пальникомъ, и такъ пальба ихъ можетъ устрашить своимъ звукомъ дикихъ, а не Европейцевъ. Японскихъ пушекъ большаго калибра не бываетъ, но есть у нихъ голландскія 18-ти и 24-хъ-фунтовыя; одну изъ такихъ мы сами видѣли на баттареѣ подлѣ Хакодаде. Японцы употребляютъ еще

Digitized by Google

маленькіе фалконеты, весьма тяжелые по причинѣ толстоты стѣнъ; лафеты ихъ, или станки сдѣланы очень дурно и такъ тяжело, что передвигать ихъ можно, но съ большимъ трудомъ. Японцы употребляютъ собственный свой порохъ, который составляютъ изъ тѣхъ же матеріяловъ, какъ и мы, но по какой пропорціи, мнѣ неизвѣстно. Надобно думать, что они кладутъ слишкомъ много угля, ибо дымъ отъ стрѣльбы ихъ бываетъ до крайности густъ и черенъ. Намъ не удалось видѣть японскихъ фейерверковъ; но если вѣрить ихъ словамъ, они должны быть весьма искусны въ составленіи потѣшныхъ огней: они намъ дѣлали описанія разнымъ своимъ фейерверкамъ.

Пѣхота японская вооружена ружьями, стрѣлами и копьями, но сабля и кинжалъ суть общее оружіе для каждаго воина. Ружья ихъ, также и пистолеты, имѣютъ мѣдные, весьма тяжелые стволы и небольшіе приклады, которыхъ они при пальбѣ въ плечо не упираютъ, но конецъ приклада держатъ у самой правой щеки; такимъ образомъ и мѣтятъ. Вмѣсто кремня, въ курокъ кладутъ фитиль, который, когда нужно дѣйствовать, зажигаютъ, а какъ при заряжаніи ружья нужно имѣть большую осторожность, чтобъ порохъ на полкѣ не загорѣлся отъ фитиля прежде времени, то пальба ихъ и не можетъ быть производима скоро.

Стрѣлами Японцы дѣйствуютъ искуснѣе нежели огнестрѣльнымъ оружіемъ, а копья ихъ насажены бываютъ на весьма длинныхъ шестахъ или ратовьяхъ, тяжелы и къ дѣйствію неудобны.

Всегдашній мундиръ японскаго солдата есть короткій халатъ, описанный выше сего подъ названіемъ *хаури;* они носятъ его сверхъ собственнаго своего платья нараспашку. Одни только императорскіе солдаты имѣютъ шелковые хаури чернаго цвѣта съ бѣлыми нашивками на полахъ и на спинѣ; каждый владѣтельный князь имѣетъ для своихъ войскъ особенный мундиръ изъ бумажной матеріи, но всѣ одного покроя; напримѣръ: солдаты Князя Намбускаго носятъ голубые хаури, съ бѣлымъ кругомъ на спинѣ; мундиръ солдатъ Князя Тцынгарскаго черный, съ бѣлымъ на спинѣ четыреугольникомъ и проч.

Digitized by Google

Парадное или праздничное солдатское платье очень богато: оно состоитъ въ шароварахъ и въ короткомъ платьѣ, похожемъ на длинную мантилью, которое дѣлается изъ какой нибудь дорогой шелковой матеріи и вышито золотомъ, серебромъ и шелками; платья сіи бываютъ разныхъ цвѣтовъ; они хранятся въ государскихъ магазинахъ и раздаются солдатамъ по надобности; въ бытность нашего корабля Діаны въ Хадокаде, всѣ бывшіе въ этомъ городѣ солдаты были одѣты такимъ образомъ.

Ратная одежда японскихъ воиновъ состоитъ въ короткомъ и широкомъ исподнемъ платьѣ и въ широкомъ колетѣ или фуфайкѣ, сверхъ коей накладываются латы, какъ на грудь, на спину, такъ и на руки; даже на ногахъ отъ поясницы до колѣнъ имѣютъ они латы, а сверхъ всего надѣваютъ вышепомянутые хаури, которыхъ въ сраженіи не носятъ. На головѣ имѣютъ большія лакированныя шляпы, сдѣланныя изъ металла, какъ и латы; сверхъ того Японцы еще употребляютъ наличники, или забрала, для предохраненія лица отъ непріятельскихъ ударовъ. Вообще японская военная одежда, тяжела и связываетъ солдата такъ, что онъ не можетъ дѣйствовать съ надлежащею осторожностью.

Солдаты получаютъ жалованье сарачинскимъ пшеномъ, кромѣ тѣхъ. которые находятся на островахъ Матсмаѣ, Кунаширѣ, Итурупѣ и Сахалинѣ; этимъ даютъ часть пшеномъ и часть деньгами; изъ пшена большую половину они продаютъ на другія свои надобности. Княжескіе солдаты получаютъ болѣе содержанія, нежели императорскіе. За то послѣдніе имѣютъ другія преимущества предъ первыми.

Я не знаю, всегда ли такъ бываетъ въ Японіи, но въ нашу бытность на островѣ Матсмаѣ, у нихъ весьма часто бывали ученья пушками и ружьями съ пальбою, и кто попадетъ въ цѣль два раза сряду, тому выдавали денежное награжденіе. Японцы увѣряли насъ, что это всегдашнее ихъ правило. Впрочемъ немудрено, что они тогда готовились къ войнѣ съ нами, ибо захвативъ насъ обманомъ, они должны были ожидать, что Россія пожелаетъ

Digitized by Google

объясниться съ ними по этому дѣлу тѣмъ или другимъ способомъ.

Въ Японіи нѣтъ непремѣнныхъ военныхъ начальниковъ; но во время войны, когда собираются войска, императоръ назначаетъ главныхъ предводителей; князья же опредѣляютъ всѣхъ другихъ начальниковъ. Этотъ обычай похожъ на существовавшій у насъ въ Россіи до введенія регулярныхъ войскъ. Японскіе военные начальники вообще называются *тайшо,* а къ сему названію, для означенія степени старшинства и власти, прибавляются другія именованія; главные предводители войскъ, почти всегда бываютъ изъ князей, а прочіе военачальники изъ дворянъ и изъ гражданскихъ чиновниковъ, а потому и нельзя сдѣлать сравненія военныхъ чиновъ съ гражданскими, какъ то въ обыкновеніи у насъ (*).

(*) И въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ нельзя сравнивать статскіе чины съ военными, напримѣръ, въ Англіи статсъ-секретари, первый членъ Адмиралтейства, государственный казначей и другіе могутъ не имѣть ни какихъ чиновъ. Въ Японіи, напротивъ, всѣ служащіе по гражданской части имѣютъ чины, которые они удерживаютъ, когда и отъ должности бываютъ уволены; но занимая мѣста въ войскахъ, получаютъ команду по назначенію императора или князей, не смотря на ихъ гражданскіе чины, изъ коихъ главные послѣ губернаторскаго достоинства, суть слѣдующіе:

1. *Гинміягу*, совѣтники: они имѣютъ начальство въ большихъ городахъ императорскихъ провинцій, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ живетъ буніо, или губернаторъ.

2. *Страбіягу*, помощники гинміягу; изъ нихъ назначаются судьи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и опредѣляются въ начальники вторыхъ городовъ и приморскихъ или пограничныхъ крѣпостей.

3. *Мотоцми*, казначей провинціи, имѣющій въ своемъ вѣдѣніи всѣ казенныя вещи.

4. *Стоягу*, начальствуютъ въ малыхъ городахъ, а въ большихъ бываютъ помощниками начальниковъ, и отправляютъ не самыя важныя, возлагаемыя на нихъ должности. Изъ сего званія чиновники опредѣляемы были для присмотра за нашимъ содержаніемъ, и когда насъ переводили изъ одного мѣста въ другое, они имѣли начальство надъ конвоемъ.

Digitized by Google

Въ инженерной наукѣ Японцы не болѣе разумѣютъ, какъ и въ другихъ частяхъ военнаго искусства. Крѣпости и баттареи ихъ, которыя намъ удалось видѣть, построены безъ всякихъ правилъ, и такъ смѣшно, что строители ихъ, кажется, и здраваго разсудка не держались, не только опытовъ или правилъ науки. Баттарею, назначенную защищать входъ въ Хакодадейскую Гавань, снабдили они пушками весьма малаго калибра, и поставили на превысокой горѣ, имѣющей саженъ полтораста перпендикулярной высоты, и притомъ довольно далеко отъ берега. Въ семъ случаѣ инженеры ихъ, кажется, не столько заботились о возбраненіи входа непріятельскимъ кораблямъ, сколько о томъ, чтобъ дѣйствующимъ на баттареѣ доставить способъ заблаговременно убраться въ безопасное мѣсто, когда бы непріятель рѣшился высадить на берегъ десантъ.

Прежде нежели Японское Правительство запретило своимъ подданнымъ плавать въ чужія земли (въ исходѣ VI вѣка), Японцы имѣли военный флотъ. Разумѣется, что онъ былъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ наши европейскіе флоты; корабли ихъ были велики, снабжены небольшимъ числомъ пушекъ, и могли вмѣстить много вооруженныхъ людей; но постройка ихъ не годилась для плаванія по отдаленнымъ морямъ, а оснастка была и того хуже; они имѣли, какъ-то и теперь у нихъ въ употребленіи на торговыхъ судахъ, по одной весьма большой мачтѣ и одинъ непомѣрной величины па-

---

5) *Зайдэкю*, секретарь или правитель письменныхъ дѣлъ.

6. *Зайдэкю-Тстомигада*, помощникъ секретаря или подсекретарь.

Первые пять классовъ имѣютъ право засѣдать въ совѣтѣ губернаторскомъ, когда разсуждаютъ о важныхъ дѣлахъ. Когда насъ призывали къ губернатору и расправшивали, они всегда тутъ присутствовали, занимая мѣста по старшинству. Кромѣ сихъ ранговъ, Японцы имѣютъ много другихъ; даже есть у нихъ гражданскіе чины, не только ниже, такъ сказать по нашему, сержанта (кумино-касшра), но ниже солдата (это званіе они именуютъ *доссинъ*,) какъ-то, *ямавари* (лѣсничій) *тагагада* (сокольничій), и другіе.

Digitized by Google

русъ. Но теперь въ Японіи нѣтъ военныхъ кораблей, кромѣ развѣ увеселительныхъ галеръ или яхтъ, которыя имѣютъ нѣкоторые владѣтельные князья; купеческія же суда не могутъ носить пушекъ: это право исключительно принадлежитъ торгующимъ отъ самого императора судамъ, которыя также одни только могутъ быть выкрашены красною краской. Впрочемъ, если бы Японское Правительство пожелало имѣть военный флотъ, то весьма нетрудно устроить оный на европейскій образецъ, и довести до возможнаго совершенства. Японцамъ только нужно пригласить къ себѣ двухъ или трехъ хорошихъ кораблестроителей и нѣсколько человѣкъ морскихъ офицеровъ: они имѣютъ, для основанія военныхъ портовъ, прекрасныя гавани, всѣ нужныя къ строенію и вооруженію кораблей матеріялы, множество искусныхъ плотниковъ и весьма проворныхъ, смѣлыхъ матросовъ; народъ же вообще до крайности понятливъ и переимчивъ. Японскіе мореходцы, поставленные на европейскую ногу, чрезъ короткое время могли бы сравнять свой флотъ съ лучшими въ Европѣ. Немалая отважность потребна для нихъ пускаться въ море при нынѣшнемъ состояніи ихъ судовъ: нынѣ коль скоро нечаянно возставшая буря удалитъ оныя отъ береговъ, то вѣрно волненіемъ отобьетъ руль и сломитъ мачту, и тогда судно должно оставить на произволъ волнамъ и вѣтрамъ, а господствующіе въ здѣшнихъ моряхъ дуютъ или съ японскихъ береговъ, или вдоль ихъ, почему остающимся на кораблѣ въ такомъ безпомощномъ состояніи остается только ждать, въ горести и отчаяніи, гибели своей въ морѣ, или кораблекрушенія на какомъ нибудь неизвѣстномъ имъ берегу; если же изъ нихъ кто и спасется, то какъ можетъ онъ надѣяться увидѣть еще свое отечество, съ которымъ почти никто изъ иностранцевъ не имѣетъ ни какихъ сношеній? Такимъ образомъ нерѣдко приносило и разбивало японскія суда въ нашихъ владѣніяхъ, какъ-то, на берегахъ камчатскихъ, и на Алеутскихъ и Курильскихъ Островахъ; но вѣроятно, что въ морѣ ихъ гибнетъ въ нѣсколько разъ болѣе. Мы часто были свидѣтелями проворства японскихъ матросовъ:

Digitized by Google

удивительно, съ какою расторопностью и искусствомъ управляются они съ большими своими лодками на сильныхъ прибережныхъ буранахъ и на самыхъ быстрыхъ теченіяхъ, при устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ море, гдѣ приливъ и отливъ дѣйствуютъ съ полною силою. Отъ такихъ матросовъ можно ожидать всего. За многотрудную и опасную свою службу, японскіе матросы получаютъ большую плату, но въ расточительности они совершенно похожи на англійскихъ: подобно симъ послѣднимъ, деньги, выработанныя въ теченіе многихъ мѣсяцевъ съ крайнею опасностью жизни, расточаютъ въ нѣсколько дней по питейнымъ домамъ и на женщинъ, торгующихъ прелестями.

9.

Народы, платящіе дань Японіи, и японскія колоніи.

За два столѣтія предъ симъ Корейцы (*) и жители Ликейскихъ Острововъ (**), бывъ побѣждены Японцами, признали себя зависимыми отъ сего народа и согласились платить ему дань, которую и по сіе время японскіе государи получаютъ исправно. Дань эта, по словамъ Японцевъ, составляетъ очень малозначащую сумму, и если японскіе императоры продолжаютъ взыскивать оную, то дѣлаютъ это не для выгодъ, а для утвержденія съ одной стороны владычества и власти, а съ другой покорности и зависимости. На сей конецъ и наслѣдникъ корейскаго владѣльца обязанъ всегда жить при японскомъ дворѣ въ залогъ вѣрности сего государя. Содержаніе Японцы даютъ ему очень хорошее, и оказываютъ почести, приличныя его званію. На берегу Кореи Японцы имѣютъ крѣпость съ многочисленнымъ гарнизономъ, для наблюденія за движе-

(*) Японцы Корею называютъ Кореа, а жителей оной Кореадзинъ.

(**) По-японски острова эти называются Джю-ю-кю; они лежатъ къ полудню отъ Японіи подъ двадцать шестымъ градусомъ сѣверной широты и въ долготѣ $128^1/_2{}^0$ отъ Гринича на востокъ.

Digitized by Google

віями и поступками сего народа, которому Японское Правительство тѣмъ болѣе недовѣряетъ, что Корейцы, находясь въ зависимости у Японцевъ, зависятъ въ то же время и отъ Китайскаго Императора, которому также платятъ дань; но, для большаго обезпеченія себя со стороны корейскихъ жителей, они содержатъ въ готовности довольное число войскъ на острову, лежащемъ между японскими владѣніями и Кореею, на которомъ, съ юго-западной стороны, есть очень большой и укрѣпленный городъ, лежащій при весьма хорошей гавани. На семъ островѣ начальствуетъ обуніо или губернаторъ, имѣющій рангъ равный съ губернаторомъ матсмайскимъ. Вышеупомянутая японская крѣпость, на берегу Кореи находящаяся, состоитъ подъ его же начальствомъ. Но если японскіе императоры не получаютъ большой пользы отъ дани, платимой Корейцами, то по крайней мѣрѣ торговля сей земли весьма выгодна для Японскаго Государства. Японцы получаютъ изъ Кореи многія лекарственныя растенія, сладкій картофель, корень джинъ-зень, слоновую кость и разныя произведенія Китайскаго Государства, а сами платятъ за сіи товары соленою и сушеною рыбою, раковинами, морскою капустою и разными издѣліями своихъ фабрикъ.

Что касается до жителей Острововъ Ликейскихъ, то ихъ приличнѣе называть подданными японскаго императора, нежели данниками, ибо хотя они имѣютъ своего владѣтеля, или государя, свою вѣру и независимаго главу церкви, и управляются своими законами, но все это въ обыкновенномъ только порядкѣ и теченіи дѣлъ; впрочемъ вводить вновь какія либо постановленія, или имѣть сношенія съ чужестранцами безъ воли Японскаго Правительства, они отнюдь не смѣютъ.

Японцы сказывали намъ, что Ликейскій Народъ очень многочисленъ, судя по пространству обитаемыхъ имъ острововъ; жители весьма добронравны, кротки и боязливы; они болѣе походятъ на Китайцевъ, нежели на Японцевъ, и языкъ ихъ имѣетъ сходство съ китайскимъ. Острова ихъ производятъ многія растенія, свойственныя Японіи и Китаю. Японцы торгуютъ съ ними металлическими вещами,

Digitized by Google

лаковою посудою, соленою и сушеною рыбою, морскою капустою и товарами, получаемыми изъ Европы отъ Голландцевъ и изъ Китая, а отъ нихъ берутъ чай, табакъ, шелкъ и хлопчатую бумагу съ небольшимъ количествомъ издѣлій собственныхъ ихъ фабрикъ.

Острова: Матсмай, Кунаширъ, Итурупъ и Сахалинъ, по справедливости можно назвать колоніями Японіи, но только къ чести Японцевъ надлежитъ замѣтить, что не духъ завоеванія и не алчность къ сокровищамъ побудили ихъ заселить земли, другимъ народамъ принадлежащія, а одна необходимость. Надобно знать, что за четыре вѣка предъ симъ, одинъ японскій князь купилъ часть югозападнаго берега Матсмая у природныхъ жителей сего острова, которая и по сіе время называется японскою землею, и на всемъ ея пространствѣ, между множествомъ японскихъ селеній, нѣтъ ни одной хижины, принадлежащей кому либо изъ природныхъ жителей. Остальную же часть острова Японцы именуютъ Айну-куни, то есть, земля Айновъ: такъ называютъ себя жители Матсмая (*). Множество разнаго рода рыбы, коею изобилуютъ воды, окружающія матсмайскіе берега, и которая столь необходима для пропитанія многолюднаго Японскаго Народа, заставило Японцевъ войти въ торги съ жителями Матсмая, а наконецъ вступить съ ними въ договоры и получить согласіе завести

(*) Когда Японцы поселились на Матсмаѣ, тогда природные жители сего острова называли его Эйнзо-ци; но Японцы занятой имъ части дали имя Матсумай отъ титла князя, купившаго оную, а Эйнзо-ци, или просто Эйнзо стали они называть сѣверную часть острова; напослѣдокъ имя Матсмай распространилось на весь островъ, а Эйнзо дало происхожденіе той извѣстной ученому свѣту землѣ, которую наши географы называютъ Эззо, и о которой они столько спорили и писали вздору, пока извѣстные мореплаватели Лаперузъ, Бротонъ и Крузенштернъ не поставили ея своими открытіями въ принадлежащее ей мѣсто. Всѣ же другіе Курильскіе Острова Японцы называютъ общимъ именемъ Той-сма, то есть, дальними островами, а для каждаго изъ нихъ удержали собственныя ихъ курильскія имена.

Digitized by Google

на ихъ берегахъ рыбные промыслы, платя имъ за оные извѣстное количество нужныхъ имъ товаровъ; такимъ образомъ мало по малу Японцы распространились почти по всѣмъ берегамъ острова. Большая прибыль, получаемая ими отъ сего откупа рыбныхъ промысловъ, ободрила Японцевъ болѣе, и заставила ихъ открыть торговлю съ жителями островов Кунашира, Итурупа, Урупа и другихъ южиыхъ Курильскихъ Острововъ, а также и съ жителями полуденной части острова Сахалина. Торговлю сію Японское Правительство отдавало на откупъ, не всю вмѣстѣ, но по частямъ разнымъ купцамъ; такимъ образомъ Японцы имѣли сношенія и торговыя связи съ помянутыми островами весьма долгое время, не помышляя ни мало о заселеніи ихъ, а и того менѣе о покореніи жителей своему скипетру. Напослѣдокъ, узнавъ случайно, что Русскіе покорили съ сѣвера, такъ называемые нами, Курильскіе Острова, и распространяютъ свои владѣнія далѣе къ югу, Японцы рѣшились тотчасъ занять полуденные острова сей гряды, чтобы не подать послѣ повода къ войнѣ, или не лишиться столь важныхъ для нихъ рыбныхъ промысловъ. Жители, не зная прямой причины такому поступку Японцевъ, хотѣли имъ противиться, но скоро были побѣждены и покорены власти японскаго императора. Съ того времени Японцы построили въ удобныхъ мѣстахъ помянутыхъ островов крѣпости, снабдили оныя гарнизонами, и управляютъ жителями, какъ подданными ихъ государя, оставляя имъ многія преимущества, о коихъ будетъ упомянуто ниже.

Нѣкоторые путешественники сомнѣваются, чтобъ жители Матсмая и другихъ Курильскихъ Острововъ нѣкогда составляли одинъ и тотъ же народъ, и утверждаютъ, что Айны и Курильцы не имѣютъ между собою никакого сходства; но я думаю, что жители всѣхъ Курильскихъ Острововъ (*) одинъ и тотъ же народъ, кромѣ нѣкоторыхъ поколѣній южной половины Матсмая, которыя отчасти

(*) Матсмай я включаю въ число Курильскихъ Острововъ: онъ есть 22-й и послѣдній островъ сей гряды, считая отъ Камчатки.

Digitized by Google

сдѣлались особеннымъ народомъ, и вотъ тому доказательства. Цѣпь, или гряду острововъ, лежащихъ между южнымъ мысомъ Камчатки и Японіею, Русскіе наименовали Курильскими Островами. Увидѣвъ съ камчатскаго берега дымящіяся на сихъ островахъ сопки, они называли ихъ *курилы,* отъ слова курящіяся, а оттого и самые острова получили свое названіе. Природные же ихъ жители на своемъ языкѣ не имѣютъ ни какого имени для называнія всей гряды вообще, но даютъ только собственныя имена каждому острову въ особенности. Это вѣроятно произошло отъ того, что сначала они не знали о существованіи другой земли, кромѣ островов, составляющихъ цѣпь эту, а Камчатку и Японію также считали небольшими островами (*). Самихъ же себя Курильцы всѣхъ сихъ островов, не исключая и Матсмая, называютъ Айну, что на ихъ языкѣ означаетъ человѣка, а для отличія жителей разныхъ островов, къ сему наименованію придаютъ названіе острова, напримѣръ: Кунашири-айну, Итурупъ-айну и проч., то есть кунаширскіе люди, итурупскіе, или Кунаширцы, Итурупцы, и пр. Но когда они въ первый разъ увидѣли чужеземцевъ, то, какъ кажется, усомнились, такіе ли они люди, какъ и Айну, ибо не называютъ ихъ симъ именемъ, а говорятъ: Русско, Русскіе и Нипонно, Японцы. Надобно сказать, что Курильцамъ извѣстны только эти два народа. Языкъ жителей всѣхъ Курильскихъ Островов, кромѣ нѣкоторыхъ поколѣній южной части Матсмая, сходенъ, выключая небольшое число собственныхъ именъ и наименованій тѣмъ вещамъ, которыя сѣверные Курильцы въ первый разъ получили отъ насъ, а южные отъ Японцевъ, ибо съ такими вещами вмѣстѣ приняли они и имена ихъ. Что же касается до жителей южной половины Мастмая, то хотя въ ихъ

(*) Жители островов Южнаго Океана имѣютъ для каждаго острова свое именованіе, но всей гряды или архипелага своего никакъ не называютъ, и это конечно происходитъ отъ той причины, что, не зная о существованіи какихъ нибудь другихъ земель, кромѣ ихъ островов, они не имѣютъ надобности отличать ихъ особеннымъ названіемъ.

Digitized by Google

языкъ вошло много чужихъ словъ, особливо японскихъ, но нельзя не замѣтить, чтобы ихъ прежній языкъ не былъ настоящій курильскій: бывшій съ нами въ плѣну Курилецъ Алексѣй часто съ ними разговаривалъ, и хотя по большой части съ трудомъ понималъ ихъ разговоръ, но когда встрѣчалось, что онъ не могъ чего либо разумѣть, то, по нѣкоторомъ изъясненіи, скоро узнавалъ ихъ мысли; словомъ, между языкомъ жителей Матсмая и другихъ Курильскихъ Острововъ гораздо болѣе сходства, нежели между Русскимъ и Польскимъ. Наружный видъ жителей Матсмая и всѣхъ другихъ Курильскихъ Острововъ ясно показываетъ, что они суть одинъ и тотъ же народъ: окладъ лица, чрезвычайно смуглый цвѣтъ тѣла, покрытаго множествомъ волосъ (*), самые черные лоснящіеся волосы и бороды, взглядъ, словомъ сказать все свидѣтельствуетъ о общемъ ихъ происхожденіи. Нынѣ разность состоитъ только въ томъ, что жители Матсмая или, такъ сказать, матсмайскіе Айну виднѣе, сильнѣе, крѣпче тѣлосложеніемъ и проворнѣе, нежели Курильцы, чему можетъ быть причиною дѣятельная ихъ жизнь и изобиліе въ здоровой пищѣ; ибо теперь четыре вѣка, какъ Японцы, торгуя съ ними, доставляютъ имъ не только сарачинское пшено, но и вещи, служащія къ роскоши, какъ-то: табакъ, сагу и проч. Напротивъ того, прочіе Курильцы, а особливо сѣверные, живутъ въ нищетѣ, питаются лѣсными кореньями, морскими животными и дикими птицами, которыя хотя водятся у нихъ и въ большомъ количествѣ, но лѣность мѣшаетъ имъ запасаться достаточно всѣмъ нужнымъ для ихъ пропитанія, а потому они нерѣдко проводятъ по нѣскольку дней безъ пищи, въ самой скучной праздности и во снѣ. Самые даже

(*) Жителей сѣверныхъ Курильскихъ Острововъ Русскіе называютъ Курильцами, а южныхъ Курильцевъ Мохнатыми, по множеству волосъ, коими покрыто ихъ тѣло; но сѣверные Курильцы въ этомъ не уступаютъ южнымъ. Мы уже слишкомъ много насмотрѣлись, что всѣ они равно мохнаты: нашъ Алексѣй, уроженецъ одного изъ сѣверныхъ Курильскихъ Острововъ, имѣлъ на тѣлѣ болѣе волосъ, нежели многіе изъ жителей матсмайскихъ.

Digitized by Google

обычаи подтверждають, что Айны и Курильцы одинъ и тотъ же народъ.

Курильцы, зависящіе отъ Россіи, хотя и крещены въ нашу Вѣру, но имѣютъ о ней только то понятіе, что въ присутствіи Русскихъ должно креститься и кланяться предъ образами, которые впрочемъ и вмѣстѣ съ крестами бросаютъ куда нибудь въ уголъ или даютъ дѣтямъ играть, пока не увидятъ, что къ нимъ ѣдутъ Русскіе. Тогда надѣваютъ на себя кресты, и образа ставятъ въ почетное мѣсто своихъ землянокъ; впрочемъ нельзя ни ожидать, даже требовать, чтобъ они были тверды въ чужой для нихъ Вѣрѣ, которой ихъ никто не учитъ. Священники посѣщаютъ ихъ однажды въ годъ, а иногда и того не бываетъ; притомъ болѣе всего изъ Русскихъ съ ними обращались промышленики тамошняго края, люди вообще пьяные и буйные, которые, конечно, своимъ поведеніемъ и жестокими противъ нихъ поступками, не могли подать симъ полудикимъ слишкомъ выгоднаго мнѣнія о своей религіи, и потому Курильцы хотя и притворяются предъ Русскими, что не знаютъ другой Вѣры, кромѣ Христіанской, но въ самомъ дѣлѣ держатся стариннаго своего богопоклоненія; даже находившійся съ нами въ плѣну Курилецъ Алексѣй не хотѣлъ намъ прямо признаться, что земляки его не слишкомъ уважаютъ нашу Вѣру. Мы только обинякамии стороною могли вывѣдать отъ него истину: въ такомъ случаѣ онъ обыкновенно говаривалъ, что старики у нихъ не любятъ нашей Вѣры, а держатся той, которую дѣды ихъ почитали за истинную, и признавался, что поклоненіе ихъ сходно съ тѣмъ, какое исповѣдуютъ жители Матсмая, о которомъ будетъ упомянуто ниже, а въ непросвѣщенномъ народѣ вѣрно не будутъ того почитать и молодые люди, чѣмъ гнушаются старцы. Но если Курильцамъ не нравится наша Вѣра, то въ другомъ они любятъ намъ подражать, а особливо въ вещахъ безполезныхъ, напримѣръ: всѣ они брѣются и носятъ длинныя косы; напротивъ того Айны (*)

(*) Симъ именемъ буду я называть всѣхъ жителей южныхъ Курильскихъ Острововъ, находящихся въ зависимости отъ Японскаго Государства, для отличія отъ нашихъ Курильцевъ.

Digitized by Google

совсѣмъ бородъ не брѣютъ, и волосы стригутъ какъ наши ямщики, только гораздо короче. Наши Курильцы носятъ всякаго покроя русское платье, какое только удастся имъ получить, а для Айновъ, Японцы дѣлаютъ платье особенное на японскій покрой, изъ пеньковой ткани, похожей на грубую нашу небѣленую парусину; для старшинъ же ихъ шьютъ бумажное и шелковое платье; но если кто изъ нихъ отличитъ себя какою либо заслугою, того Японское Правительство награждаетъ богатымъ платьемъ, вышитымъ золотомъ и серебромъ, или саблями въ серебряной оправѣ. Курильцы и Айны любятъ украшать себя разными бездѣлушками, которыя первые получаютъ отъ насъ, а послѣдніе отъ Японцевъ, но и по сіе время осталось у нихъ въ употребленіи общее имъ, такъ сказать, природное украшеніе: женщины для красы намазываютъ себѣ губы и брови синею краской. Сверхъ всего этого есть сходство между Курильцами и Айнами въ образѣ изъявлять учтивость, въ пѣсняхъ, въ пляскѣ и проч. Этого кажется довольно для доказательства, что Айны и Курильцы одинъ народъ.

Японцы, покоривъ Айновъ, оставили имъ важнѣйшія ихъ права: свободу покланяться богамъ ихъ предковъ, судиться въ дѣлахъ между собою по стариннымъ ихъ обычаямъ и собственными своими старшинами, въ одеждѣ и въ общежитіи слѣдовать своему собственному обыкновенію, и жить въ особенныхъ селеніяхъ, подъ управленіемъ самими ими выбранныхъ и японскими чиновниками утвержденныхъ начальниковъ.

Правительство постановило закономъ, чтобы Айны ничего для Японцевъ не дѣлали безъ платы; казна сама платитъ имъ за ихъ работу, и всякой работѣ цѣна опредѣлена; только они недовольны ею, и говорятъ, что цѣна ни мало не соотвѣтствуетъ ихъ трудамъ.

Айны живутъ зимою въ юртахъ, или землянкахъ, а лѣтомъ въ шалашахъ, въ которыхъ нѣтъ у нихъ ни лавокъ, ни скамеекъ, а садятся на полу, подстилая траву или японскія рогожи. Пища ихъ состоитъ въ сарачинскомъ пшенѣ, отъ Японцевъ получаемомъ, въ рыбѣ, морскихъ животныхъ, морской капустѣ, разной дикой зелени и ко-

Digitized by Google

ревьяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, слѣдуя Японцамъ, имѣютъ огороды, а многіе занимаются охотою: бьютъ стрѣлами и копьями медвѣдей, оленей и зайцевъ, а также ловятъ и птицъ; сверхъ того они ѣдятъ и собакъ. Вообще Айны живутъ весьма нечисто и неопрятны. Мы нѣсколько разъ видали съ отвращеніемъ, какъ они, вытаскивая изъ волосъ на головѣ гнусныя насѣкомыя, щелкали ихъ зубами, какъ орѣхи. Они умываютъ руки и лице, или моютъ тѣло только тогда, когда нужда заставитъ ихъ войти въ воду для работы; платья своего они также никогда не моютъ, и съ этой стороны они совершенно противоположны Японцамъ.

Платье они носятъ, какъ я выше сказалъ, получаемое отъ Японцевъ и сшитое на японскій покрой; но сверхъ того зимою употребляютъ теплую одежду, которую шьютъ изъ убиваемыхъ ими въ пищу звѣрей, а болѣе изъ медвѣжьихъ и собачьихъ кожъ, и носятъ ее шерстью вверхъ.

Многоженство имъ позволено: они имѣютъ по двѣ и по три жены, а старшины ихъ и болѣе. Если случится, что какой старшина управляетъ многими селеніями, то во всякомъ изъ нихъ имѣетъ жену, дабы на случай пріѣзда жена была готова вездѣ. Дѣтей своихъ они ничему не учатъ, кромѣ звѣриной и рыбной ловли, искусства стрѣлять изъ луковъ и нужной домашней работы. Грамоты, слѣдовательно и законовъ писанныхъ, у нихъ нѣтъ, а все передается изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Живутъ они между собою въ чрезвычайномъ согласіи, и вообще миролюбивы и очень добросердечны, къ иностранцамъ ласковы, услужливы, весьма учтивы и почтительны. Обыкновенное привѣтствіе ихъ состоитъ не въ поклонахъ, но они поднимаютъ обѣ руки съ распростертыми пальцами къ лицу, потомъ опускаютъ ихъ весьма тихо по бородѣ, какъ бы гладя ее, до самаго живота, и въ то же время немного наклоняютъ голову, смотря пристально въ глаза тому, кого привѣтствуютъ, и это къ почтенной особѣ повторяютъ два или три раза. Недостатокъ бранныхъ или ругательныхъ словъ на ихъ языкѣ, свидѣтельствуетъ о кротости ихъ нравовъ: наши Курильцы сказывали намъ,

Digitized by Google

что у нихъ обыкновенная брань, когда они на кого разсердятся, заключается въ словахъ: непроворный или неловкій; когда же кого хотятъ выбранить болѣе, то называютъ дуракомъ, а настоящему бездѣльнику даютъ имя собаки; когда же Курилецъ до того разгорячится, что выйдетъ изъ себя, тогда уже прибѣгаетъ къ Русскому Языку и бранитъ своего соперника русскими словами, которымъ научили ихъ промышленики.

Садятся они такимъ же образомъ, какъ и Японцы, поджавъ ноги, или сложа ихъ крестъ на крестъ, какъ наши портные. До табаку и до крѣпкихъ напитковъ они великіе охотники; перваго Японцы продаютъ имъ сколько угодно, но послѣднимъ положена мѣра, и никто не смѣетъ доставлять имъ болѣе опредѣленнаго количества, чтобы вредные напитки не произвели между ими болѣзней, и не подали повода къ ссорамъ и преступленіямъ.

Японское Правительство не позволяетъ Айнамъ держать порохъ и употреблять огнестрѣльное оружіе, а потому ихъ оружіе состоитъ въ сабляхъ, копьяхъ и стрѣлахъ; послѣднія иногда намазываютъ они ядовитымъ сокомъ извѣстнаго растенія, называемаго лютикомъ, дѣйствіе котораго по большей части бываетъ смертоносно.

Айны не имѣютъ слишкомъ веселой, живой наружности, но кажутся болѣе скучными и раболѣпными, однако жъ любятъ пѣсни и пляску: первыя очень непріятны для слуха, а пляска ихъ состоитъ въ одинхъ кривляньяхъ.

Солнце и луну признаютъ они божествами, но не имѣютъ ни какихъ обрядовъ поклоненія; у нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни священнослужителей, ниже какого духовнаго закона; они вѣрятъ двумъ духамъ, доброму и злому; присутствіе перваго призываютъ посредствомъ пучка стружекъ вмѣстѣ связанныхъ, который выставляютъ на своихъ жилищахъ. Они такъ мало заботятся о вѣрѣ и богопоклоненіи, что Японцы, познакомившись съ ними, долго не могли узнать, вѣруютъ ли они въ какое нибудь божество.

Главнѣйшая выгода, получаемая Японцами отъ заселенія южныхъ Курильскихъ Острововъ и Сахалина, происходитъ отъ рыбныхъ промысловъ. При здѣшнихъ берегахъ

Digitized by Google

ловятся въ великомъ изобиліи сельди, треска, макрель, кижучъ, нерка, горбуша, кунжа, гольцы, камбала и много разныхъ родовъ другой рыбы, коихъ названія неизвѣстны. Изъ морскихъ животныхъ водятся киты, косатки, морскія свинки, сивучи, морскіе коты, бобры и тюлени. Раковины и морская капуста, въ большомъ количествѣ сбираемая, также доставляютъ немалыя выгоды Японскому Народу, о чемъ выше было сказано. Изъ раковинъ одинъ родъ, который наши Курильцы называютъ байдарками (лодками) особенно уважается Японцами, Китайцами и Корейцами, по причинѣ цѣлительной силы, имъ приписываемой. Говорятъ, будто онѣ укрѣпляютъ тѣло любителей женскаго пола, а потому раковины эти покупаются весьма дорогою цѣною.

Лѣса матсмайскіе и другихъ, Японцамъ принадлежащихъ Курильскихъ Острововъ, теперь приносятъ имъ немалую пользу, а со временемъ еще будутъ приносить большую выгоду; деревья, здѣсь растущія: дубъ, ель, сосна, такъ называемое пахучее дерево (родъ кипариса), береза, липа, тополь разныхъ родовъ, кленъ, рябина, черемуха и нѣкоторыя другія.

Изъ четвероногихъ животныхъ на помянутыхъ островахъ, а особливо на Матсмаѣ, водятся въ большомъ числѣ медвѣди, волки, лисицы, зайцы, олени, дикія козы, соболи и полевыя мыши, а изъ птицъ лѣтомъ прилетаютъ гуси, утки и лебеди. Впрочемъ обыкновенныхъ простыхъ и морскихъ птицъ есть почти всѣ тѣ же роды, какіе водятся и въ Камчаткѣ.

Японцы намъ сказывали, что матсмайскія горы содержатъ въ себѣ золотую, серебряную и свинцовую руду; только правительство не считаетъ за нужное разрабатывать рудники первыхъ двухъ металловъ, а свинецъ начали Японцы доставать только еще въ одномъ мѣстѣ, находящемся въ западной сторонѣ отъ города Матсмая, въ разстояніи отъ него осьмнадцать японскихъ ри (около семидесяти пяти верстъ).

Островъ Сахалинъ Японцы называютъ Карафта, ибо такъ онъ именуется у жителей его, которые только

Digitized by Google

одну южную его оконечность называютъ Тчока, что, можетъ быть, подало причину нѣкоторымъ и весь островъ называть симъ именемъ. До прихода Лаперуза въ здѣшнія моря, Японцы не имѣли на Сахалинѣ ни какихъ укрѣпленій, а пріѣзжали только торговать съ жителями, но когда онъ появился съ двумя фрегатами, Японцы, подозрѣвая, не хотятъ ли Европейцы тутъ поселиться, заняли южную сторону Сахалина, и представили Китайскому Правительству объ опасности, которая угрожаетъ имъ, если Европейцы будутъ ихъ сосѣдями съ этой стороны; и такъ эти два народа согласились раздѣлить островъ пополамъ, чтобы не допустить Европейцевъ на немъ селиться, и теперь сѣверная половина принадлежитъ Китайцамъ, а южная Японцамъ.

О климатѣ, качествѣ земли и произведеніяхъ Сахалина можно сказать почти все то же, что я говорилъ и о Матсмаѣ; притомъ надобно знать, что на Сахалинѣ, по географическому его положенію, зима бываетъ холоднѣе, и лѣто хуже, нежели въ Матсмаѣ.

Японцы увѣряли насъ, что жители южной стороны Сахалина, которыхъ они называютъ Карафта-Айну, во многихъ отношеніяхъ сходствуютъ съ Курильцами, и это сходство, а особливо въ нѣкоторыхъ словахъ ихъ языковъ показываетъ, что тѣ и другіе нѣкогда составляли одинъ народъ. Сличая словарь Сахалинцевъ, собранный Лаперузомъ, съ моимъ, который я составилъ Курильскому Языку, я нашелъ, что они имѣютъ такое множество совершенно сходныхъ словъ, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ сего заключенія Японцевъ.

Не упоминаю о числѣ жителей Островов Курильскихъ и Сахалина, подвластныхъ японскому императору, ибо Японцы, съ коими мы обращались, или сами того не знали, или, можетъ быть, и знали, но намъ не хотѣли сказать, а опредѣлить наугадъ или по какимъ нибудь невѣрнымъ предложеніямъ число ихъ, было бы пустое дѣло; то же можно сказать и о доходахъ Японскаго Государства.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

46 О. Кокеронъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google